Кровь эльфов

Час Презрения

Анджей Сапковский

Кровь эльфов

Час Презрения

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Анджей Сапковский

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ANDRZEJ

SAPKOWSKI

Krew elfów

Czas pogardy

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ

УЛЬТРА-РОМАН

Кровь эльфов

Час Презрения

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 811.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44
С19

Серия основана в 1999 году

Andrzej Sapkowski

KREW ELFÓW
1994

CZAS POGARDY
1995

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Перевод с польского Е.П. Вайсброта

Художники А. Дубовик, Ю. Федичкин и М. Уэлан

Работа Майкла Уэлана используется с разрешения художника и его агента Александра Корженевского.

Публикуется с разрешения издательства Nowa Publishers и литературного агентства Александра Корженевского.

Подписано в печать 29.01.02. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 33,60. Тираж 3 000 экз. Заказ № 135.

Сапковский А.
С19 Кровь эльфов. Час Презрения: Романы / А. Сапковский; Пер. с пол. Е. Вайсброта. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 638, [2] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-000031-6

Анджей Сапковский — один из тех редких авторов, чьи произведения не просто обрели в нашей стране культовый статус, но стали частью РОССИЙСКОЙ фантастики. Более того, Сапковский — писатель, обладающий талантом творить АБСОЛЮТНО ОРИГИНАЛЬНЫЕ фэнтези, полностью свободные от влияния извне, однако связанные с классической мифологической традицией.

Книги Сапковского не просто блистательны по литературности формы и глубине содержания. Они являют собою картину мира — мира «меча и магии», мира искрометного юмора, не только захватывающего внимание читателя, но и трогающего его душу.

Читайте сагу о Цири и Геральте!

УДК 811.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

© Andrzej Sapkowski, 1994, 1995
© Перевод. Е.П. Вайсброт, 1996
© ООО «Издательство АСТ», 2002

КРОВЬ ЭЛЬФОВ

Elaine blath, Feainnewedd
Dearme aen a'caelme tedd
Eigean evelienn deireadh
Queh esse, va en esseath
Feainnewedd, elaine blath!

«Цветочек». Колыбельная песня
и популярная детская считалка эльфов

Истинно, истинно говорю вам, придет век Меча и Топора, век Волчьей Пурги. Придет Час Белого Хлада и Белого Света. Час Безумия и Час Презрения, Tedd Deireadh. Час Конца. Мир умрет, погруженный во мрак, и возродится вместе с новым солнцем. Воспрянет он из Старшей Крови, из Нен Ichaer, из зерна засеянного. Зерна, кое не прорастет, не проклюнется, но возгорится Пламенем.

Ess'tuath esse! Да будет так! Внимайте знамениям! А каковы будут оные, глаголю вам: вначале изойдет земля кровью Aen Seidhe. Кровью Эльфов...

Aen Ithlinnespeath,
пророчество Ithlinne Aegli aep Aevenien

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Город горел.

Забитые дымом узкие улочки, ведущие ко рву, к первой террасе, полыхали жаром, языки пламени пожирали притулившиеся друг к другу соломенные крыши домов, лизали стены замка. С запада, от портовых ворот, накатывался крик, звуки яростного боя, глухие, сотрясающие стены удары тарана.

Нападающие неожиданно окружили их, проломив баррикаду, которую защищали немногочисленные солдаты, горожане с алебардами и арбалетчики. Покрытые черными попонами кони призраками перелетали через заграждения, блестящие мечи разили отступающих защитников.

Цири почувствовала, как везущий ее на луке седла рыцарь резко осадил коня. Услышала его крик. «Держись, — кричал он. — Держись!»

Другие рыцари в цветах Цинтры опередили их, с ходу сцепились с нильфгаардцами. Цири видела это всего лишь одно мгновение, краешком глаза — бешеный водоворот сине-зеленых и черных плащей, лязг стали, удары клинков по щитам, ржание лошадей...

Крик. Нет, не крик — вой.

«Держись!»

Страх. Каждый рывок, каждый удар, каждый скачок коня до боли рвет стискивающие ремень руки. Ноги, сведенные болезненной судорогой, не находят опоры, глаза слезятся от

дыма. Обхватившая ее рука душит, давит, чуть ли не ломает ребра. Вокруг нарастает крик, какого она никогда раньше не слышала. Что надо сделать с человеком, чтобы он так кричал?

Страх. Сковывающий волю, парализующий, удушающий страх.

Опять лязг железа, храп коней. Дома вокруг пляшут, исходящие огнем окна неожиданно оказываются там, где только что была забитая грязью улочка, усеянная трупами, заваленная пожитками беглецов. Рыцарь у нее за спиной вдруг заходится странным, хриплым кашлем. На вцепившиеся в ремень руки хлещет кровь. Крик. Свист стрел.

Падение, болезненные удары о доспехи. Рядом бьют копыта, над головой проносится конское брюхо и разорванная сбруя, снова конское брюхо, развевающийся черный плащ, звуки ударов наподобие тех, что издает лесоруб, валящий дерево. Но это не дерево, это железо о железо. Крик, сдавленный и глухой, совсем рядом валится в грязь что-то черное и огромное, разбрызгивая кровь. Закованная в железо нога дергается, раздирает землю огромной шпорой.

Рывок. Какая-то сила подхватывает ее, затягивает на седло. «Держись!» Опять галоп. Руки и ноги отчаянно ищут опоры. Конь становится на дыбы. «Держись!» Нет опоры. Нет... Нет... Кровь. Конь падает. Нельзя отскочить, нельзя выбраться, вырваться из тисков покрытых кольчугой рук. Нельзя укрыться от крови, хлещущей на голову, на шею.

Рывок, чавканье грязи, резкий удар о землю, удивительно неподвижную после дикой скачки. Хрип и пронзительный визг коня, пытающегося поднять круп. Удары подков, мелькающие бабки и копыта. Черные плащи и попоны. Крик.

На улице огонь, ревущая красная стена огня. На ее фоне наездник, огромный, уходящий, кажется выше пылающих крыш. Покрытый черной попоной конь пляшет, мотает головой, ржет.

Наездник глядит на нее. Цири видит, как блестят его глаза в прорези огромного шлема, украшенного крыльями хищной птицы. Видит отблеск пожара на широком клинке меча, который тот держит в низко опущенной руке.

Наездник глядит. Цири не может пошевелиться. Ей мешают одеревеневшие руки убитого, охватывающие ее талию. Удерживает что-то тяжелое и мокрое от крови, что лежит у нее на бедре и притискивает к земле.

И еще ей не дает двигаться страх. Чудовищный, выворачивающий все внутри страх, из-за которого Цири уже не слышит стон раненого коня, рев пожара, крики убиваемых людей и грохот барабанов. Единственное, что существует, с чем приходится считаться, что имеет значение, это страх. Страх в обличье черного рыцаря с украшенным перьями шлемом, рыцаря, застывшего на фоне кроваво-красной стены бушующего пламени.

Наездник сдерживает коня, крылья хищной птицы на его шлеме расправляются, птица устремляется в полет. Кидается на беззащитную, парализованную страхом жертву. Птица — а может, рыцарь — кричит, вопит страшно, жутко, торжествующе. Черный конь, черные доспехи, черный развевающийся плащ, а за всем этим огонь, море огня.

Страх.

Птица верещит. Крылья трепещут, перья бьют по лицу. Страх!

«На помощь! Почему мне никто не помогает? Я одинокая, я маленькая, беззащитная, я не могу пошевелиться, даже звука не могу издать перехваченным судорогой горлом. Почему никто не приходит мне на помощь?

Я боюсь!»

Горящие в прорези огромного крылатого шлема глаза. Черный плащ заслоняет все вокруг...

— Цири!

Она просыпается вся в поту, застывшая, а ее собственный крик, крик, разбудивший ее, все еще дрожит, вибрирует где-то внутри, в груди, разрывает высохшее горло. Болят вцепившиеся в попону руки, болит спина...

— Цири, успокойся.

Кругом — ночь, темная и ветреная, монотонно и мелодично шумящая кронами сосен, поскрипывающая стволами. Уже нет ни пожара, ни крика, осталась только эта шумящая колыбельная. Рядом играет огнем и пышет теплом

костер бивака, пламя вспыхивает на пряжках упряжи, горит пурпуром на рукояти меча и оковке ножен, прислоненных к лежащему на земле седлу. Нет другого огня, другого железа. Касающаяся ее щеки рука пахнет кожей и пеплом. Не кровью.

— Геральт...

— Это был всего лишь сон. Скверный сон.

Цири дрожит, сжимает руки, подбирает ноги.

Сон. Всего лишь сон.

Костер уже успел пригаснуть, березовые чурки стали красными и прозрачными, потрескивают, то и дело стреляя голубоватым пламенем. Пламя освещает белые волосы и резкий профиль мужчины, который укутывает ее попоной и накрывает кожушком.

— Геральт, я...

— Я рядом. Спи, Цири. Тебе надо отдохнуть. Нас еще ждет долгая дорога.

«Я слышу музыку, — вдруг подумала она. — В этом шуме... таится музыка. Звуки лютни. И голоса. Княжна из Цинтры... Дитя Предназначения... Дитя Старшей Крови, крови эльфов. Геральт из Ривии, Белый Волк и его Предназначение. Нет, нет, это легенда. Вымысел поэта. Ее нет. Она мертва. Ее убили на улицах города, когда она убегала...»

«Держись... Держись...»

— Геральт?

— Что, Цири?

— Что он со мной сделал? Что тогда произошло? Что он... со мной сделал?

— Кто?

— Рыцарь... Черный рыцарь с перьями на шлеме... Ничего не помню. Он кричал... и смотрел на меня. Я не помню, что случилось. Помню только, что боялась. Ужасненько боялась...

Мужчина наклонился, пламя костра заплясало в его глазах. Странных глазах. Очень странных. Когда-то Цири боялась этих глаз, не любила в них глядеть. Но это было давно. Очень давно.

— Ничего не помню, — шепнула она, ища его руку, жесткую и шершавую, как необработанное дерево. — Черный рыцарь...

— Это был сон. Спи спокойно. Это больше не повторится.

Цири уже слышала подобные заверения. Давно. Ей множество раз повторяли их, множество, множество раз успокаивали, когда она просыпалась среди ночи от собственного крика. Но теперь было иначе. Теперь она верила. Ведь теперь это говорил Геральт из Ривии, Белый Волк. Ведьмак. Тот, который был ее Предназначением. Которому она была предназначена. Ведьмак Геральт, отыскавший ее в хаосе войны, смерти и отчаяния. Геральт, который взял ее с собой и обещал никогда не расставаться.

Она уснула, не отпуская его руки.

Бард кончил песнь. Слегка наклонил голову, проиграл на лютне основную мелодическую линию баллады, тонко, тихо, чуть-чуть громче, чем аккомпанирующий ему ученик.

Никто не проронил ни слова. Кроме затихающей музыки, был слышен только шум листвы и поскрипывание ветвей огромного дуба. А потом вдруг протяжно заблеяла коза, привязанная к стоящему у древнего дерева возу. Тогда, будто по сигналу, один из слушателей встал. Отбросил за спину темно-синий, изукрашенный золотом плащ, чопорно и изысканно поклонился.

— Благодарим тебя, маэстро Лютик, — проговорил он звонко, но негромко. — Да будет позволено мне, Радклиффу из Оксенфурта, магистру Магических Тайн, от всех здесь собравшихся выразить признание твоему возвышенному искусству и благодарность твоему таланту.

Чародей обвел взглядом более сотни собравшихся у основания дуба тесным полукругом, стоявших в стороне, сидевших на возах. Слушатели кивали головами, шептали. Некоторые начали хлопать, другие благодарили певца поднятием рук. Растроганные женщины шмыгали носами и вытирали глаза чем могли, в зависимости от профессии, общественного и имущественного положения: кметки — предплечьем или тыль-

ной стороной ладони, купеческие жены — льняными тряпочками, эльфки и дворянки — батистовыми платочками, а три дочери комеса Вилиберта, который ради выступления известного всем трубадура прервал со своей свитой соколиную охоту, громко и смачно сморкались в изящные шелковые шарфики цвета пожухшей зелени.

— Не будет преувеличением, — продолжал чародей, — сказать, что ты, маэстро Лютик, растрогал нас до глубины души, заставил задуматься и воспарить, тронув наши сердца. Да будет мне дозволено, повторяю, выразить тебе наше уважение.

Трубадур встал и поклонился, обметая колени пером цапли, приколотым к фантазийной шапочке. Ученик прервал игру, заулыбался и тоже поклонился, но маэстро Лютик грозно глянул на него и что-то буркнул вполголоса. Паренек опустил голову и снова принялся тихо бренчать на струнах лютни.

Собравшиеся оживились. Купцы из каравана, пошептавшись, выкатили к дубу солидный бочонок пива. Чародей Радклифф погрузился в тихую беседу с комесом Вилибертом. Дочери комеса перестали сморкаться и влюбленно таращились на Лютика. Бард не замечал их взглядов, поскольку полностью был поглощен тем, что раздаривал улыбки, подмигивал и демонстрировал блеск зубов гордо молчавшей группе странствующих эльфов, в особенности же одной из эльфок, темноволосой и глазастой красавице в маленьком горностаевом токе. Не обошлось и без конкурентов — обладательницу огромных глаз и прелестного тока заприметили и тоже ласкали взглядами его слушатели — рыцари, жаки и ваганты. Эльфка, явно польщенная вниманием, пощипывала кружевные манжетики блузки и трепетала ресницами, но эльфы из ее группы плотно окружали ее, не скрывая неприязни к потенциальным волокитам.

Поляна у дуба Блеобхериса, место частых встреч, вече, стоянок путешествующих и странствующих, славилась терпимостью и открытостью. Опекающие гигантское дерево друиды именовали поляну «Местом Дружбы» и охотно привечали здесь любого желающего. Но даже при таких ис-

ключительных событиях, как только что закончившееся выступление всесветно известного трубадура, путники держались обособленными группками. Эльфы кучковались с эльфами. Ремесленники-краснолюды тяготели к вооруженным до зубов побратимам, нанятым в качестве охраны купеческого каравана, и терпели рядом с собой разве что горняков-гномов да фермеров-низушков. Все нелюди вели себя сдержанно по отношению к людям. Люди платили нелюдям той же монетой, но и среди них тоже не заметно было особого единения. Знать с презрением поглядывала на купцов и лоточников, а солдаты и кнехты сторонились пастухов в духовитых кожухах. Немногочисленные чародеи и их ученики полностью обособлялись, всех вокруг справедливо считая грубиянами. Фон же образовывала плотная, темная, угрюмо молчавшая толпа кметов. Эти, лесом вздымающихся над головами граблей, вил и цепов напоминая армию, игнорировали все и вся.

Исключением, как обычно, были дети. Покончив с необходимостью соблюдать тишину во время выступления барда, ребятня с дикими визгами и криками помчалась в лес, чтобы там целиком отдаться играм, правила которых были совершенно непонятны тем, кто уже успел распрощаться с розовыми годами детства. Маленькие человечки, эльфики, краснолюдики, низушки, гномы, полуэльфы, четвертьэльфы и малышня загадочного происхождения не знали и не признавали ни расовых, ни социальных различий. Пока что.

— Действите́льно! — выкрикнул один из находящихся на поляне рыцарей, худой как жердь дылда в красно-черном суконном кафтане, украшенном тремя шагающими на задних лапах львами. — Господин чародей прекрасно сказал! Это были прелестные баллады, милсдарь Лютик, клянусь честью. Ежели когда-нибудь вам доведется побывать вблизи Лысорога, владений моего сеньора, загляните, не задумываясь ни на миг. Угостим по-княжески, да что там, прям-таки по-королевски, не хуже короля Визимира! Клянусь мечом, слыхивал я множество менестрелей, только куда им до вас, маэстро. Примите от нас,

высокородных и посвященных в рыцари, уважение и почтение вашему искусству!

Безошибочно учуяв соответствующий момент, трубадур подмигнул ученику, тот отложил лютню и поднял с земли шкатулочку, служившую для сбора более существенных выражений признательности. Поколебавшись, он повел глазами по толпе, потом отложил шкатулку и поднял стоявшее рядом средних размеров ведерко. Маэстро Лютик ласковой ухмылкой одобрил сообразительность паренька.

— Маэстро! — воскликнула дородная женщина, сидевшая на загруженном изделиями из ивовых прутьев возу с надписью «ВЭРА ЛЁВЕНХАУПТ И СЫНОВЬЯ». Впрочем, сыновей не было видно, похоже, они занимались тем, что активно транжирили нажитое мамашей состояние. — Маэстро Лютик, ну как же ж так? Вы оставляете нас в неведении! Ведь же ж не конец баллады? Пропойте-ка, что было дале-то?

— Песни и баллады, — поклонился артист, — никогда не оканчиваются, милсдарыня, ибо поэзия вечна и бессмертна, ей неведомы ни начала, ни концы...

— Но что было дале-то? — не сдавалась торговка, щедро и звонко сыпанув монеты в ведерко, подставленное учеником. — Скажите хотя б, ежели нет охоты петь. В ваших песнях вовсе не было имен, но мы же ж знаем, что воспеваемый вами ведьмак — не кто иной, как известный всем Геральт из Ривии, а чародейка, которая распалила в его грудях любовный, как вы поете, жар, это не менее известная Йеннифэр. Что же до Неожиданного Дитяти, обещанного и предназначенного ведьмаку, так это же ж Цирилла, несчастная княжна из разрушенной напастниками Цинтры. Разве ж нет?

Лютик гордо и таинственно улыбнулся.

— Я пою о проблемах универсальных, благородная благодетельница. Об эмоциях, кои могут быть уделом любого и каждого. Не о конкретных лицах.

— Как же! — крикнул кто-то из толпы. — Всем ведомо, что в песенках говорилось о ведьмаке Геральте!

— Да, да! — хором пискнули доченьки комеса Вилиберта, отжимая мокрые от слез шарфики. — Спойте еще, ма-

эстро Лютик! Как там было дальше? Встретились ли наконец ведьмак и чародейка Йеннифэр? И любили ли друг друга? А были ли счастливы? Мы желаем знать! Маэстро, ну маэстро же!

— Эй, вы там! — гортанно крикнул вожак группы краснолюдов, тряся могучей, до пояса, рыжей бородой. — Дерьмо это, все ваши княженки, чародейки, предназначения, любовь и прочие бабские бредни! Потому как все это, с вашего, господин поэт, позволения, враки, то бишь поэтский вымысел для того, чтобы посладней было слезу выжимать. А вот военные дела, навроде резни и грабежа в Цинтре аль битвы под Марнадалем и Содденом, энти вы нам знаменито пропели, Лютик! Да, не жаль серебришком тряхнуть за такую песню, сердце воина порадовавшую! И видать было, что не привираете ничуть, это говорю я, Шелдон Скаггс, а я лжу от правды отличить умею, потому как я под Содденом был и супротив напастников нильфгаардских стоял там с топором в руке...

— Я, Донимир из Тройи, — крикнул тощий рыцарь с тремя львами на кафтане, — был в обеих битвах за Содден, да что-то вас там не видел, господин краснолюд!

— Потому как не иначе обозы стерегли! — ответил Шелдон Скаггс. — А я стоял на первой линии, там, где горячше всего было!

— Думай, о чем говоришь, бородач! — пошел пурпурными пятнами Донимир из Тройи, подтягивая отягощенный мечом рыцарский пояс. — И с кем!

— Сам-то думай! — Краснолюд хватил рукой по заткнутому за пояс топору, повернулся к своим дружкам и ощерился. — Видали его? Рыцарь поиметый! А еще герб нацепил! Три льва на щите! Два пердят, а третий вонь пускает!

— Мир! Мир! — Седовласый друид в белом одеянии властным голосом упредил готовую было вспыхнуть ссору. — Не дело, милсдари. Не дело. Только не здесь, не под кроной Блеобхериса, дуба, пережившего все споры и свары этого мира! И не в присутствии поэта Лютика, баллады коего должны учить нас любви, а не пререканиям!

— Верно! — поддержал друида невысокий полный монах с блестевшим от пота лицом. — Смотрите, а глаза не видят, слушаете, а уши ваши глухи. Любови божеской нету в вас, ибо вы — аки бочки порожние...

— Коли уж о бочках речь, — запищал длинноносый гном с воза, украшенного надписью «СКОБЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ. ИЗГОТОВЛЕНИЕ И СБЫТ», — то выкатите еще одну, господа цеховые! У поэта Лютика, надо думать, в горле першит, да и нам супротив возбуждения не худо б!

— Воистину аки бочки порожние, говорю вам! — заглушил гнома монах, не давая сбить себя с панталыку и прервать проповедь. — Ничего-то вы из Лютиковых баллад не уразумели, ничему не научились. Не поняли, что баллады сии о судьбах человечьих вещали, о том, что мы всего лишь игрушки в руках богов, а края наши — поля игрищ богов. Баллады о Предназначении говорили, о предназначении всех нас, а легенда о ведьмаке Геральте и княжне Цирилле, хоть и нарисованная на фоне недавней войны, всего лишь метафора, творение вымысла поэтического, коий тому должон был служить, дабы мы...

— Болтаешь, святой муж! — крикнула с высоты своего воза Вэра Лёвенхаупт. — Какая такая легенда? Какое еще творение вымысла? Уж кто-кто, а я Геральта из Ривии знаю, видела что ни на есть своими собственными глазами в Вызиме, где он дочку короля Фольтеста расколдовал. А потом и еще встречала на Купецком Тракте, где он по просьбе Гильдии забил свирепого грифа, что на караваны нападал, и тем своим деянием многим жизнь охранил. Нет, не легенда это и не сказки. Правду, истинную правду пропел нам здесь маэстро Лютик.

— Подтверждаю, — проговорила стройная воительница с гладко зачесанными назад и заплетенными в толстую косу волосами. — Я, Райла из Лирии, также знаю Геральта Белого Волка, известного истребителя чудовищ. Видала я также не раз и не два чародейку Йеннифэр, бываючи в Аэдирне, в городе Венгерберге, где у нее жилье. Однако, что эти двое любят друг друга, не знала.

— Но это обязано быть правдой, — заметила вдруг мелодичным голосом прекрасная эльфка в горностаевом токе. — Столь прелестная баллада о любви не могла быть неправдой.

— Не могла! — поддержали эльфку дочери комеса Вилиберта и как по команде промокнули глаза шарфиками. — Ни в коем случае не могла!

— Милсдарь волшебник! — обратилась к Радклиффу Вэра Лёвенхаупт. — Любили они или нет? Вы-то уж наверняка знаете, как было в натуре у ведьмака с этой Йеннифэр. Приоткройте нам тайну!

— Если песнь утверждает, что любили, — улыбнулся чародей, — значит, так оно и было, и любовь эта проживет столетия. Такова сила поэзии.

— Говорят, — неожиданно вступил комес Вилиберт, — Йеннифэр из Венгерберга погибла на Содденском Холме. Там сложили головы несколько чародеек...

— Неправда ваша, — сказал Донимир из Тройи. — Нету на стеле ее имени. Это мои края, я не раз бывал на Холме и читал выбитые на памятнике имена. Три чародейки там погибли: Трисс Меригольд, Литта Нейд по прозвищу Коралл... Хм... Имя третьей запамятовал...

Рыцарь глянул на чародея Радклиффа, но тот только улыбнулся, не произнеся ни слова.

— Ведьмак, — неожиданно крикнул Шелдон Скаггс, — тот Геральт, Йеннифэров полюбовник, так уж он навроде бы в земле гниет. Слыхал я, прибили его гдей-то в Заречье. Убивал он чудовищ, убивал, да наконец нашла коса на камень. Так уж оно повелось, людишки, кто мечом воюет, от меча и гибнет. Кажному когда-нито да встретится кто получше, и — железяка в бок!

— Не верю. — Стройная воительница скривила бледные губы, зло сплюнула на землю, с хрустом скрестила на груди покрытые кольчужной сеткой руки. — Не верю, чтобы Геральт из Ривии мог встретить кого-то совершеннее себя. Мне довелось видеть, как ведьмак владеет мечом. Он прямо-таки нечеловечески быстр...

— Хорошо сказано, — заметил чародей Радклифф. — Нечеловечески. Ведьмаки — мутанты, поэтому скорость их реакций...

— Не понимаю, о чем вы, милсдарь магик. — Воительница еще презрительнее скривила рот. — Чересчур уж учены ваши слова. Я знаю одно: ни один фехтовальщик из тех, кто мне знаком, не сравнится с Геральтом из Ривии, Белым Волком. Поэтому и не верю, чтобы его победили в бою, как пытается нас убедить господин краснолюд.

— Фехтовальщик сразу срать, как врагов увидит рать, — громыхнул Шелдон Скаггс. — Так говорят эльфы.

— Эльфы, — холодно заметил высокий светловолосый представитель Старшего Народа, стоящий рядом с прелестным горностаевым током, — не привыкли так грубо выражаться.

— Нет, нет! — запищали из-за зеленых шарфиков дочки комеса Вилиберта. — Ведьмак Геральт не мог погибнуть! Ведьмак нашел предназначенную ему Цири, а потом чародейку Йеннифэр, и все трое жили долго и счастливо. Правда, маэстро Лютик?

— Так то ж баллада была, мазели, — зевнул жаждущий пива гном, изготовитель скобяных изделий. — Кто ж в балладе правды ищет? Правда — одно, а поэзия — другое. Возьмем хотя бы эту... как ее там, Цирю. Знаменитую Неожиданность. Ее-то господин поэт уж и вовсе из пальца высосал. Как же, бывал я в Цинтре не раз и знаю, что тамошний король и королева в бездетстве жили, ни дочки, ни сына у них не было...

— Ложь! — крикнул рыжий мужчина в курточке из тюленьей шкуры, лоб которого был перехвачен клетчатым платком. — У королевы Калантэ, Львицы из Цинтры, была дочь Паветта. Они с мужем сгинули во время морской бури, пучина морская их поглотила. Обоих.

— Ну вот, сами видите, что не вру! — призвали всех в свидетели скобяные изделия. — Паветтой, а не Цирей звали принцессу Цинтры-то.

— Цирилла, кою звали Цири, была как раз дочкой утонувшей Паветты, — пояснил рыжий. — Внучкой Калантэ. И не принцесса она была, а княжна Цинтры. Она-то и была предназначенным ведьмаку Ребенком-Неожиданностью, ее-то, еще до того, как она родилась, королева пообещала от-

дать ведьмаку, как пел маэстро Лютик. Но ведьмак не мог ее отыскать и забрать, вот тут уж господин поэт разминулся с истиной.

— Разминулся, а как же, — вклинился в разговор жилистый юноша, который, судя по одежде, мог быть подмастерьем, готовящимся к сдаче экзамена на мастера. — Ведьмак разминулся со своим Предназначением. Цирилла погибла при осаде Цинтры. Королева Калантэ сначала собственноручно убила княжну, чтобы та живой не досталась нильфгаардцам, а уж потом бросилась с башни.

— Не так все было, и вовсе не так, — запротестовал рыжий. — Княжну убили во время резни, когда она пыталась убежать из города.

— Так или иначе, — крикнули скобяные изделия, — ведьмак не нашел своей Цириллы! Поэт солгал!

— Но солгал красиво, — сказала эльфка в токе, ластясь к высокому эльфу.

— Дело не в поэзии, а в фактах! — воскликнул подмастерье. — Я говорю, что княжна погибла от руки своей бабки. Каждый, кто был в Цинтре, может это подтвердить!

— А я повторяю: ее убили на улицах, когда она бежала, — упорствовал рыжий. — Я знаю, хоть сам и не из Цинтры. Я был в дружине скеллигского ярла, который поддерживал Цинтру во время войны. Король Цинтры, Эйст Турсеах, родом, как известно, с островов Скеллиге, а ярлу доводился дядькой. А я в ярловой дружине дрался в Марнадале и в Цинтре, а потом, после поражения, под Содденом...

— Еще один ветеран, — буркнул Шелдон Скаггс собравшимся вокруг него краснолюдам. — Сплошь герои да воины. Эй, людишки! Средь вас есть хоть один, кто б не воевал в Марнадале или под Содденом?

— Напрасно ерничаешь, Скаггс, — осуждающе проговорил высокий эльф, обнимая красотку в токе так, что у других соискателей не оставалось никаких сомнений относительно дальнейшего развития событий. — Я, к примеру, тоже участвовал в той битве.

— Интересно знать, на чьей стороне, — довольно громко шепнул Вилиберт Радклиффу.

— Известно, — продолжал эльф, даже не взглянув на комеса и чародея, — больше ста тысяч бойцов стояло в поле во второй битве за Содден, из них не меньше тридцати тысяч полегли или были покалечены. Следует поблагодарить маэстро Лютика за то, что в одной из баллад он увековечил этот великий, но страшный бой. И в словах, и в мелодии его песни я слышал не похвальбу, но предупреждение. Повторяю, хвала и вечная слава вашему поэту за балладу. Она, быть может, позволит в будущем избежать повторения трагедии, которой была эта жестокая и ненужная война.

— Воистину, — сказал комес Вилиберт, с вызовом глядя на эльфа. — Любопытные штучки вы отыскали в балладе, любезнейший. Ненужная война, говорите? Хотели бы избежать трагедии в будущем? Следует понимать, что ежели бы нильфгаардцы ударили по нам заново, вы посоветовали бы капитулировать? Покорно принять нильфгаардский хомут на шею?

— Жизнь — бесценный дар, и ее надлежит хранить, — холодно сказал эльф. — Ничто не оправдывает резни и гекатомб, каковыми были обе битвы за Содден, и проигранная, и выигранная. Обе стоили вам, людям, тысяч жизней. Вы утратили свой гигантский потенциал...

— Эльфова болтовня, — взорвался Шелдон Скаггс. — Глупый треп. Эту цену надо было заплатить, чтобы другие могли жить достойно, в мире. И не позволили Нильфгаарду заковать себя в колодки, ослепить, загнать в северные рудники и соляные копи. Те, что полегли смертью героев и теперь благодаря Лютику будут вечно жить в нашей памяти, научили нас, как защищать собственный дом. Пой свои баллады, Лютик, пой их всем. Не впустую урок, а пойдет он нам на пользу, вот увидите! Потому как не сегодня-завтра нильфгаардцы ринутся на нас снова. Вот очухаются, зализжут раны, и мы снова увидим их черные плащи и перья на шлемах! Попомните мои слова!

— Чего они от нас хотят? — вздохнула Вэра Лёвенхаупт. — Что они на нас лезут? Почему не оставят нас в покое, не дадут жить и работать? Чего они хотят, эти нильфгаардцы?

— Нашей крови! — рявкнул комес Вилиберт.

— Нашей земли! — взвыл кто-то из толпы кметов.

— Наших баб! — подхватил Шелдон Скаггс, грозно вылупив глаза.

Некоторые из слушателей засмеялись, но тихо и украдкой. Потому что хоть и очень уж забавным было предположение, будто кто-нибудь еще, кроме краснолюдов, мог польститься на исключительно непривлекательных краснолюдок, тема была далеко не безопасной для ехидства и шуток, особенно в присутствии невысоких, кряжистых и бородатых типов, топоры и палаши которых отличались малоприятным свойством мгновенно выскакивать из-за поясов. А краснолюды по неведомым причинам свято верили в то, что весь мир только того и ждет, как бы прихватить их жен и дочерей, и в этом смысле были невероятно возбудимы и обидчивы.

— Когда-то это должно было случиться, — заговорил вдруг седой друид. — Произойти. Мы забыли, что не одни живем на свете, что мы — не пуп этого мира. Словно глупые, обожравшиеся, ленивые караси в затянутом тиной пруду, мы не верили в существование щук. Мы допустили, чтобы наш мир, как этот пруд, заилился, заболотился и провонял. Посмотрите вокруг — повсюду преступность и грех, алчность, погоня за прибылью, скандалы, несогласие, падение нравов, потеря уважения ко всем ценностям. Вместо того чтобы жить, как того требует Природа, мы принялись эту Природу уничтожать. И что имеем? Воздух заражен смрадом железоплавильных печей, курных изб, реки и ручьи отравлены отходами скотобоен и кожевенных мастерских, леса бездумно вырубаются... Даже на живой коре священного Блеобхериса, только взгляните, там, над головой поэта, вырезано бранное слово. Да еще и с ошибкой. Мало того что безобразничал вандал, так вдобавок и неуч, не умеющий писать. Чему же удивляться? Это не могло кончиться добром...

— Да, да! — подхватил толстый монах. — Опамятуйтесь, грешники, пока есть время, ибо гнев и кара божия висят над вами! Не забывайте ворожбы Итлины, ее пророческих слов о каре богов, коя падет на племя, отравленное пре-

ступлениями! Помните: «Придет Час Презрения, древо сбросит листву, почки завянут, сгниют плоды и прогоркнет зерно, а долины рек вместо воды покроются льдом! И грядет Белый Хлад, а за ним Белый Свет, и мир умрет в пурге». Так говорит вещая Итлина! И прежде чем сие случится, явятся знамения и падут несчастья, ибо знайте, Нильфгаард — это кара божия! Это бич, коим Бессмертные исхлещут вас, грешники, дабы...

— И-эх, заткнитесь, святейший! — рыкнул Шелдон Скаггс, топнув тяжеленным башмаком. — Тошнит от ваших забобонов и вздора! Кишки выворачивает...

— Осторожнее, Шелдон, — усмехнулся высокий эльф. — Не измывайтесь над чужой религией. Это и нехорошо, и неприлично, и... небезопасно.

— Ни над чем я не измываюсь, — возразил краснолюд. — Я не сомневаюсь в существовании божеств, но меня возмущает, когда кто-нибудь вмешивает их в земные дела и дурит всех предсказаниями какой-то эльфьей идиотки. Нильфгаардцы — орудия богов? Чушь собачья! Обратитесь, люди, памятью ко временам Дезмода, Радовида, Самбука, ко временам Абрада Старого Дуба! Вы их не помните, потому как живете кратенько, навроде майской однодневки, но я-то помню и скажу вам, как было здесь, на этих землях, сразу после того как вы вылезли из ваших лодок на пляжи в устье Яруги и в дельте Понтара. Из четырех причаливших кораблей получилось три королевства, а потом те, кто посильнее, заглотали слабых и таким путем росли, укрепляли свою власть. Подчиняли себе других, поглощали их, и королевства раздувались, становились все больше и сильнее. А теперь то же самое делает Нильфгаард, потому что это сильная и сплоченная, дисциплинированная и крепкая страна. И если вы не сплотитесь так же, то Нильфгаард заглотит вас, будто щука карася, как выразился вон тот мудрый друид!

— Пусть только попробуют! — Донимир из Тройи выпятил украшенную тремя львами грудь и скрипнул мечом в ножнах. — Мы выдали им на орехи под Содденом, можем повторить.

— Уж больно вы заносчивы! — буркнул Шелдон Скаггс. — Видать, забыли, уважаемый, что, прежде чем дело дошло до второй битвы под Содденом, Нильфгаард прошелся по вашим землям словно железный каток, а трупами таких, как вы, любителей похваляться устлал поля от Марнадаля до Заречья. И остановили нильфгаардцев вовсе не вам подобные крикливые бахвалы, а соединенные силы Темерии, Редании, Аэдирна и Каэдвена. Согласие и единение — вот что их остановило!

— Не только! — бросил звучно, но очень холодно Радклифф. — Не только это, господин Скаггс.

Краснолюд громко откашлялся, высморкался, шаркнул башмаками, затем слегка поклонился чародею.

— Никто не отымает заслуг у вашей братии. Позор тому, кто не признает геройства чародеев с Содденского Холма, потому как они здорово сопротивлялись, пролили за общее дело кровь, сыграли решающую роль в победе. Не забыл о них Лютик в своей балладе, и мы тоже не забудем. Но учтите, что те чародеи, которые объединились и плечом к плечу стояли на Холме, признали верховенство Вильгефорца из Роггевеена, как и мы, бойцы Четырех Королевств, признали командование Визимира Реданского. Жаль токмо, что лишь на время войны достало у нас согласия. Потому как ныне, в мире, снова мы разделились, Визимир с Фольтестом душат друг друга пошлинами и правом торга, Демавенд из Аэдирна грызется с Хенсельтом из-за Северной Мархии, а Лиге из Хенгфорса и Тиссенидам из Ковира все это, как говорится, до свечки. Да и меж чародеев, я слышал, нет давнего согласия. Нету меж вами сплоченности, нету дисциплинированности, нету единения. А у Нильфгаарда есть!

— Нильфгаардом правит император Эмгыр вар Эмрейс, тиран и самодержец, принуждающий к послушанию кнутом, шибеницей и топором! — загрохотал комес Вилиберт. — И что же вы нам предлагаете, господин краснолюд? Во что же это нам надобно объединиться? В такую же тиранию? И который же король, которое королевство должно бы, по вашему разумению, подчинить себе остальных? В чьей руке вам хотелось бы видеть скипетр и кнут?

— А мне-то что? — пожал плечами Скаггс. — Ваше, людское дело. Впрочем, краснолюда вы королем не изберете. Это уж точно.

— И ни эльфа, ни даже полуэльфа, — добавил высокий представитель Старшего Народа, продолжая обнимать красотку в токе. — Даже четвертьэльф идет у вас самым низшим сортом...

— Эва как вас заело, — рассмеялся Вилиберт. — В ту же дуду дуете, что и Нильфгаард, потому что Нильфгаард тоже кричит о равенстве, обещает вам возвращение к давним порядкам, как только нас подомнет под себя и с этих земель выкинет. Этакое единение, этакое равенство вам мнится, о таком вы болтаете, такое проповедуете? Потому как Нильфгаард вам за это золотом платит! И неудивительно, что вы так с ними лобызаетесь, ведь они же эльфья раса, эти ваши нильфгаардцы...

— Чепуха, — холодно сказал эльф. — Глупости, милсдарь рыцарь. Расизм вам явно глаза затуманил. Нильфгаардцы такие же люди, как и вы.

— Наглая ложь! Все знают: это потомки Черных Сеидхе! В их жилах течет эльфья кровь. Кровь эльфов.

— А в ваших жилах что течет? — насмешливо улыбнулся эльф. — Мы из поколения в поколение смешиваем нашу кровь, из столетия в столетие, мы и вы, и получается это прекрасно, не знаю только, к счастью или наоборот. Смешанные браки вы начали осуждать четверть века назад, кстати сказать, с жалкими результатами. Ну покажите-ка мне сейчас человека без примеси Seidhe Ichaer, крови Старшего Народа.

Вилиберт заметно покраснел. Покраснела также Вэра Лёвенхаупт. Наклонил голову и закашлялся чародей Радклифф. Что интересно, зарумянилась даже прекрасная эльфка в горностаевом токе.

— Все мы — дети Матери Земли, — раздался в тишине голос седовласого друида. — Дети Матери Природы. И хоть не чтим мы ее, хоть порой доставляем ей огорчения и боль, хоть разрываем ей сердце, она любит нас, любит нас всех. Не забывайте об этом вы, собравшиеся здесь, в Месте Друж-

бы. И к чему выяснять, кто из нас был здесь первым, ибо первым был выброшенный волной на берег Желудь, а из Желудя возрос Великий Блеобхерис, самый древний из дубов. Стоя под ветвями Блеобхериса, меж его извечных корней, не следует забывать о наших собственных, братских корнях, о земле, из коей корни эти вырастают. Будем помнить о словах песни поэта Лютика...

— Кстати! — крикнула Вэра Лёвенхаупт. — А где же он?

— Смылся, — констатировал Шелдон Скаггс, взирая на пустое место под дубом. — Заграбастал денежки и смылся, не попрощавшись. Воистину по-эльфьему!

— По-краснолюдски! — пропищали скобяные изделия.

— По-человечьи, — поправил высокий эльф, а красотка в токе прислонилась головкой к его плечу.

— Эй, музыкант, — бросила бордельмаман Лянтиери, без стука вступая в комнату и распространяя вокруг аромат гиацинта, запах пота, пива и копченой грудинки. — К тебе посетитель. А ну, кыш отсюда, благородные дамы.

Лютик поправил волосы, раскинулся в огромном резном кресле. Две сидевшие у него на коленях «благородные дамы» быстренько спрыгнули, прикрыли прелести, натянули просторные рубашки. «Девичья застенчивость», — подумал поэт, — вот шикарное название для баллады». Он встал, застегнул пояс и, увидев стоящего на пороге дворянина, надел суконную куртку, бросив при этом:

— Воистину, никуда от вас не денешься, всюду вы меня отыщете, хотя редко выбираете для этого подходящее время. На ваше счастье, я еще не решил, которую из двух красоток предпочту. А оставить себе обеих при твоих-то ценах, Лянтиери, не могу.

Маман Лянтиери с пониманием усмехнулась, хлопнула в ладоши. Обе девицы — белокожая, веснушчатая островитянка и темноволосая полуэльфка — спешно покинули комнату. Стоящий на пороге мужчина скинул плащ и вручил его маман вместе с небольшим, но пузатеньким мешочком.

— Простите, маэстро, — сказал он, подходя и присаживаясь к столу. — Знаю, что побеспокоил вас не вовремя. Но

вы так скоропалительно исчезли из-под дуба... Я не догнал вас на большаке, как думал, и не сразу напал на ваш след в городке. Поверьте, я не отниму у вас много времени...

— Все так говорят, а оборачивается иначе, — прервал бард. — Оставь нас одних, Лянтиери, да посмотри, чтоб нам не мешали. Слушаю вас, уважаемый.

Мужчина изучающе взглянул на Лютика. У него были темные, влажные, как бы слезящиеся глаза, острый нос и некрасивые тонкие губы.

— Без проволочек приступаю к делу, — бросил он, переждав, пока за хозяйкой борделя прикроется дверь. — Меня интересуют ваши баллады, маэстро. Точнее говоря, определенные личности, о которых вы поете. Меня занимают истинные судьбы героев ваших баллад. Ведь, если не ошибаюсь, именно истинные-то судьбы реальных героев подвигнули вас на создание прелестных произведений, которые мне довелось выслушать под дубом. Я говорю... о малютке Цирилле из Цинтры. Внучке королевы Калантэ.

Лютик глянул в потолок, забарабанил пальцами по столу.

— Милостивый государь, — сказал он сухо. — Странные, однако, у вас интересы. И вопросы тоже. Что-то мне сдается, вы не тот, за кого я вас принял.

— И за кого же вы меня приняли, можно узнать?

— Не знаю, можно ли. Все зависит от того, передадите ли вы мне приветы от наших общих знакомых. Следовало бы сделать это в самом начале, да вы, видно, позабыли.

— Отнюдь. — Мужчина сунул руку за полу бархатного кафтана цвета сепии, извлек второй мешочек, побольше того, который вручил бордельмаман, не менее пузатый и столь же призывно звякнувший при соприкосновении со столешницей. — Просто у нас нет общих знакомых, маэстро Лютик. Но неужто этот мешочек не в состоянии заполнить пробел?

— И что ж вы намерены купить за этакий тощенький кошелек? — надул губы трубадур. — Весь бордель маман Лянтиери и окружающую его территорию?

— Допустим, хотел бы материально поддержать искусство. И артиста. Для того чтобы поболтать с артистом об его творчестве.

— Вы так сильно почитаете искусство, друг мой? Горите таким желанием побеседовать с артистом, что пытаетесь всучить ему деньги, еще не успев представиться, нарушив тем самым элементарные нормы приличия? И вежливости?

— В начале разговора, — незнакомец слегка прищурился, — вам не мешало мое инкогнито.

— Теперь начало мешать.

— Я не стыжусь своего имени, — с едва заметной усмешкой на тонких губах проговорил мужчина. — Меня зовут Риенс. Вы меня не знаете, маэстро, и неудивительно. Вы слишком известны и знамениты, чтобы знать всех своих почитателей. А вот любому почитателю вашего таланта мнится, будто он знает вас так близко, что определенная доверительность как бы вполне допустима. Ко мне это относится в полной мере. Я понимаю, сколь ошибочно такое мнение, и прошу простить великодушно.

— Великодушно прощаю.

— Стало быть, можно надеяться услышать от вас ответы на два-три вопроса...

— Нет, не можно, — насупившись, прервал поэт. — Теперь уж извольте вы простить великодушно, но я не люблю обсуждать свои произведения, вдохновение, а также особ как фиктивных, так и иных. Ибо такие обсуждения лишают произведения их поэтического флера и ведут к тривиальности...

— Неужто?

— Определенно. Ну подумайте, что будет, если я, спев, к примеру, балладу о веселой мельничихе, сообщу, что вообще-то в песне говорится о Звирке, жене мельника Пескаря, и все это дополню указанием на то, что Звирку можно, простите, свободно трахать по четвергам, поскольку именно в эти дни мельник ездит на ярмарку. Но ведь тогда это будет уже никакая не поэзия, а типичное сводничество либо злостная клевета.

— Понимаю, понимаю, — быстро бросил Риенс. — Но мне кажется, пример неудачен. Меня ведь не интересуют чьи-то шалости или грешки. Вы никого не оклевещете, ответив на мои вопросы. Мне просто любопытно было бы узнать, что в действительности сталось с Цириллой, княж-

ной Цинтры. Некоторые утверждают, будто Цирилла погибла при захвате города нильфгаардцами и что даже есть очевидцы. Из вашей баллады, однако же, можно сделать вывод, что ребенок выжил. Меня искренне интересует, что это — ваше воображение или же реальный факт? Правда или ложь?

— Меня не менее интересует ваше любопытство, — широко улыбнулся Лютик. — Вы обсмеетесь, милсдарь, забыл ваше имечко, но именно это-то мне и было надо, когда я придумывал свою балладу. Я хотел взволновать слушателей и пробудить их любопытство.

— Правда или ложь? — холодно повторил Риенс.

— Раскрыв это, я свел бы на нет эффект своего труда. Прощайте, друг мой. Вы использовали все время, какое только я мог вам посвятить. А там две мои вдохновительницы томятся в неведении, гадая, которую из них я выберу.

Риенс долго молчал, вовсе не собираясь уходить. Глядел на поэта неприязненным влажным взглядом, а поэт ощущал вздымающееся беспокойство. Снизу, из общей залы борделя, доносился веселый гул, сквозь который время от времени пробивался высокий женский хохоток. Лютик отвернулся, как бы демонстрируя презрительное превосходство, в действительности же просто оценивал расстояние до угла комнаты и гобелена, изображающего нимфу, орошающую себе соски водой из кувшина.

— Лютик, — наконец проговорил Риенс, сунув руку в карман кафтана цвета сепии. — Ответь на мой вопрос, убедительно прошу. Мне необходимо знать ответ. Это невероятно важно для меня. И поверь, для тебя тоже, потому что если ответишь мне по-доброму, то...

— Что «то»?

На тонкие губы Риенса заползла паршивенькая ухмылочка.

— То мне не придется принуждать тебя говорить.

— Слушай, ты, шалопут... — Лютик встал и притворился, что злится. — Я не терплю грубости и насилия. Но сейчас я кликну маман Лянтиери, а уж она вызовет некоего Грузилу, который выполняет в этом заведении почетную и

ответственную функцию вышибалы. Это настоящий артист, мастер своего дела. Он даст тебе под зад, и ты тут же полетишь над крышами здешнего городишки, да так прытко и красиво, что немногочисленные в эту пору прохожие примут тебя за Пегаса.

Риенс сделал короткое движение, в его руке что-то сверкнуло.

— Ты уверен, что успеешь кликнуть? — спросил он.

Лютик не намеревался проверять, успеет ли. Ждать он тоже не собирался. Еще прежде чем изящный пружинный кинжал оказался в руке Риенса, он мгновенно прыгнул в угол комнаты, нырнул под гобелен с нимфой, пинком отворил потайную дверцу и стремительно ринулся вниз по винтовой лестнице, ловко скользя по отполированным поручням. Риенс кинулся следом, но поэт знал свое дело — он изучил потайной ход до мелочей, не раз пользовался им, сбегая от кредиторов, ревнивых мужей и быстрых на мордобой конкурентов, у которых, было дело, слямзивал рифмы и мелодии. Он знал, что на третьем повороте будет вращающаяся дверца, за ней лесенка, ведущая в подвал, и был убежден, что преследователь, как и многие до него, не успеет притормозить, промчится дальше, ступит на прикрытый качающейся крышкой провал и тут же свалится в хлев. И конечно, был уверен, что покрытый синяками, измазюканный навозом и побитый свиньями преследователь откажется от погони.

Лютик ошибался, как всегда, когда был в чем-либо уверен. У него за спиной что-то вдруг полыхнуло голубым, и поэт почувствовал, что конечности сводит судорога, они немеют и перестают сгибаться. Он не сумел притормозить перед вращающейся дверцей, ноги отказались слушаться. Он вскрикнул и покатился по ступеням, ударяясь о стены коридорчика. Крышка опустилась под ним с сухим скрипом, трубадур рухнул вниз, во тьму и смрад. Еще прежде чем ударился о твердый пол и потерял сознание, вспомнил, что маман Лянтиери упоминала о ремонте хлева.

Пришел он в себя от боли в связанных веревкой кистях рук и предплечьях, жестоко выкручиваемых в суставах. Хо-

тел крикнуть, но не мог, казалось, рот забит глиной. Он стоял на коленях на глиняном полу, а веревка со скрипом тянула его за руки вверх. Чтобы хоть немного облегчить боль, он попробовал подняться, но ноги тоже были связаны. Давясь и задыхаясь, он все же ухитрился привстать, в чем ему успешно помогла веревка, немилосердно тащившая кверху.

Перед ним стоял Риенс, злые влажные глаза блестели в свете фонаря, который держал чуть ли не двухсаженный небритый детина. Другой дылда, пожалуй, не менее высокий, стоял позади. Именно он-то, смердящий, тянул перекинутую через балку веревку, привязанную к запястьям поэта.

— Довольно, — сказал Риенс почти тут же, но Лютику показалось, будто миновали столетия. Он коснулся земли, но опуститься на колени, несмотря на неодолимое желание, не мог — натянутая веревка по-прежнему держала его напряженным, как струна.

Риенс приблизился. На его лице не было даже следов эмоций, выражение слезящихся глаз не изменилось. Да и голос, когда он заговорил, был спокоен, тих, даже немного как бы утомлен.

— Ты, паршивый рифмоплет. Ты, жалкий поскребыш. Ты, дерьмо поганое. Ты, зазнавшееся ничто. От меня собрался бежать? От меня еще никто не убегал. Мы не кончили беседы, ты, комедиант, баранья башка. Я спросил тебя кое о чем при вполне приемлемых условиях. Теперь ты ответишь на мои вопросы, но уже в условиях гораздо менее комфортных. Ведь верно, ответишь?

Лютик усердно закивал. Только теперь Риенс улыбнулся. И дал знак. Бард отчаянно взвизгнул, чувствуя, как натягивается веревка, а вывернутые за спину руки начинают хрустеть в суставах.

— Ах да, ты же не можешь говорить, — отметил Риенс, все еще паскудно усмехаясь. — А больно, верно? Понимаешь, пока что я подтягиваю тебя исключительно ради собственного удовольствия. Ужасно люблю смотреть, как кому-то делают больно. Ну еще малость выше.

Лютик чуть не захлебнулся визгом.

— Довольно, — скомандовал наконец Риенс, подошел к Лютику вплотную и схватил за жабо. — Послушай, петушок. Сейчас я сниму заклинание, чтобы ты смог заговорить. Но ежели попытаешься поднять свой голосок выше необходимого, пожалеешь.

Он сделал движение рукой, коснулся кольцом щеки поэта, и Лютик почувствовал, как нижняя челюсть, язык и нёбо начинают оживать.

— А теперь, — тихо продолжал Риенс, — я задам тебе несколько вопросов, а ты будешь на них отвечать. Связно, быстро и исчерпывающе. Но если хоть на мгновение замешься или начнешь заикаться, если подашь мне малейший повод усомниться в твоей искренности, то... Посмотри вниз.

Лютик послушался и с ужасом увидел, что к веревке на его щиколотках привязан короткий шнур, другим концом укрепленный на дужке набитого известью ведра.

— Если прикажу подтянуть тебя повыше, — свирепо усмехнулся Риенс, — а с тобой вместе и ведрышко, то вряд ли ты удержишь руки. К тому же сомневаюсь, что после такой процедуры ты сможешь тренькать на лютне. Искренне сомневаюсь. Поэтому, думаю, ты заговоришь. Я прав?

Лютик не подтвердил, потому что от страха не мог ни головой пошевелить, ни звука издать. По лицу Риенса было видно, что он и не ожидал подтверждения.

— Я, разумеется, — пояснил он, — тут же узнаю, говоришь ли ты правду, мгновенно разберусь в любом твоем фортеле, не дам обмануть себя поэтическими вывертами или невнятным бормотанием. Для меня это пустяк, так же как пустяком было парализовать тебя на лестнице. Ну, не будем напрасно терять времени, начнем. Как тебе известно, меня интересует героиня одной из твоих прелестных балладок, внучка королевы Калантэ из Цинтры. Княжна Цирилла, нежненько именуемая Цири. По сообщениям очевидцев, внучка эта погибла при завоевании города два года назад. Меж тем в балладе ты красочно и волнующе описываешь ее встречу с удивительным, чуть ли не легендарным типом...

э... ведьмаком Геральтом, или Геральдом. Отбросив поэтические бредни о Предназначениях и Предначертаниях судьбы, из баллады следует, что девчонка уцелела во время битвы за Цинтру. Это правда?

— Не знаю... — простонал Лютик. — Я всего лишь поэт! Кое-что слышал, остальное...

— Ну?

— Остальное придумал. Скомбинировал, скомпоновал, разукрасил! Я ничего не знаю! — завыл бард, видя, что Риенс дает знак вонючему дылде, и чувствуя, как сильнее натягивается веревка. — Не вру!

— Факт! — кивнул Риенс, — Не врешь напрямую, я бы почувствовал. Но крутишь, голубок. Ты не придумываешь баллады просто так, без повода, за здорово живешь. А ведьмака-то ты знаешь. Тебя частенько видывали в его обществе. Ну давай, Лютик, выкладывай, если тебе твои суставы дороги. Все, что знаешь.

— Цири, — выдохнул поэт, — была ведьмаку предназначена. Так называемая Дитя-Неожиданность... Вы, наверно, слышали, известная история. Родители поклялись отдать ее ведьмаку...

— Родители собирались отдать ребенка сумасшедшему мутанту? Платному убийце? Врешь, виршеплет! Такие байки можешь бабам петь.

— Так было, клянусь душой моей матери, — прошептал Лютик. — Я знаю из верного источника. Ведьмак...

— Давай о девчонке. Ведьмак меня пока что не интересует.

— О девчонке я знаю только, что ведьмак ехал за ней в Цинтру, когда началась война. Я его тогда встретил. От меня он услышал о резне, о смерти Калантэ... Выспрашивал о ребенке, о внучке королевы... Но ведь я знал, что в Цинтре погибли все, в последнем бастионе не осталось ни одной живой души...

— Говори. Поменьше метафор. Побольше фактов!

— Когда ведьмак узнал о падении Цинтры и о резне, он отказался от поездки туда. Мы вместе сбежали на Север. Я расстался с ним в Хенгфорсе и с тех пор больше не встре-

чал... А так как в дороге он немного говорил об этой... Цири, или как ее... и о Предназначении... то я взял и сочинил балладу. Больше ничего не знаю. Клянусь!

Риенс поглядел на него исподлобья.

— А сейчас где этот ведьмак? Наемный убийца чудовищ, романтический резник, обожающий рассуждать о Предназначении?

— Я же говорю, последний раз видел его...

— Знаю, что ты говорил, — прервал Риенс. — Я внимательно слушал тебя. А ты внимательно слушай меня. И точно отвечай на вопросы. А вопрос стоял так: если никто не видел ведьмака Геральта, или Геральда, больше года, то где он скрывается? Где скрывается обычно?

— Не знаю, где это место, — быстро ответил трубадур. — Не вру, действительно не знаю...

— Не торопись, Лютик, не торопись, — зло усмехнулся Риенс. — Не спеши. Ты хитер, но неосторожен. Так, говоришь, не знаешь, где это? Но бьюсь об заклад, знаешь, что это.

Лютик стиснул зубы. От злости и отчаяния.

— Ну! — Риенс подал знак вонючему. — Где скрывается твой ведьмак? Как называется это место?

Поэт молчал. Веревка напряглась, болезненно выкручивая руки, ноги оторвались от земли. Лютик взвыл, отрывисто и коротко, потому что волшебное кольцо Риенса тут же заставило его онеметь.

— Выше, выше! — Риенс уперся руками в бока. — Знаешь, Лютик, я мог бы с помощью магии прозондировать твой мозг, но это истощает. Кроме того, я люблю смотреть, как от боли глаза вылезают из орбит. Но ты и без того скажешь.

Лютик знал, что скажет. Шнур, привязанный к щиколоткам, натянулся, наполненное известью ведро со скрежетом передвинулось по глиняному полу.

— Господин, — вдруг сказал второй верзила, прикрыв фонарь попоной и выглянув сквозь щель в дверях свинарника. — Сюда кто-то идет. Какая-то девка, пожалуй.

— Знаете, что делать, — прошипел Риенс. — Погаси фонарь.

Вонючий отпустил веревку. Лютик бессильно повалился на землю, но упал так, что видел, как парень с фонарем встал у дверцы, а вонючий, выхватив длинный нож, притаился с другой стороны. Сквозь щели в досках просвечивали огоньки борделя, поэт слышал доносящиеся оттуда гул и пение.

Дверца скрипнула и раскрылась, там стояла невысокая фигура, обернутая плащом, в круглой, плотно прилегающей к голове шапочке. После недолгого колебания женщина переступила порог. Вонючий подскочил к ней, с размаху пырнул ножом. И тут же упал на колени, потому что нож, не встретив сопротивления, прошил горло фигуры словно клуб дыма. А фигура действительно была клубом дыма, который уже начал рассеиваться. Но прежде чем успел развеяться, в свинарник вступила другая фигура, нечеткая, темная и гибкая, как ласочка. Лютик увидел, как, кинув плащ в фонарщика, она перескочила через вонючего, увидел что-то блестящее у нее в руке, услышал, как вонючий заперхал и завизжал. Второй верзила выпутался из плаща, вскочил, замахнулся ножом. Из руки темной фигуры с шипением вырвалась огненная молния, с жутким хрустом разлилась, словно горящее масло, по лицу и груди верзилы. Парень дико заорал, свинарник заполнился отвратной вонью горящего мяса.

И тогда напал Риенс. Брошенное им заклинание осветило тьму голубым блеском, в котором Лютик увидел стройную женщину в мужской одежде, странно жестикулирующую обеими руками. Увидел лишь на секунду, потому что голубой свет резко оборвался в грохоте ослепительной вспышки, а Риенс, бешено взревев, отлетел назад, рухнул на деревянную перегородку, с треском разломав ее. Женщина в мужской одежде прыгнула следом, в ее руке мелькнул кинжал. Помещение снова заполнилось светом, на этот раз желтым, бьющим из горящего овала, неожиданно возникшего в воздухе. Лютик увидел, как Риенс вскочил с глинобитного пола и, прыгнув в овал, мгновенно исчез. Овал потускнел, но прежде чем погас совсем, женщина успела подбежать и крикнуть что-то непонятное, протянув руку.

Затрещало и загудело, угасающий овал на мгновение вскипел бурлящим огнем. Издалека до Лютика долетел нечеткий звук, очень напоминающий крик боли. Овал полностью погас, свинарник опять погрузился во тьму. Поэт почувствовал, что сила, зажимающая ему рот, исчезает.

— На помощь! — завыл он. — Спасите!

— Не трясись, Лютик, — сказала женщина, опускаясь рядом с ним на колени и разрезая путы пружинным кинжалом Риенса.

— Йеннифэр? Ты?

— Надеюсь, ты не станешь утверждать, будто забыл, как я выгляжу? Да и мой голос, я думаю, ты тоже не успел забыть. Встать можешь? Не поломали тебе костей?

Лютик с трудом поднялся, застонал, растер затекшие плечи.

— Что с ними? — указал он на лежащие на полу тела.

— Проверим. — Чародейка щелкнула кинжалом. — Один должен жить. У меня к нему есть несколько вопросов.

— Вон тот, — трубадур остановился около вонючего, — кажется, жив.

— Не думаю, — равнодушно заметила Йеннифэр. — Я перерезала ему дыхательное горло и сонную артерию. Может, в нем что-то еще и теплится, но это уже ненадолго.

Лютик вздрогнул.

— Ты перерезала ему горло?

— Если б по врожденной осторожности я не выслала впереди себя фантома, то здесь лежала бы я. Осмотрим второго... Надо же! Глянь, такая дылда, а не выдержал. Жаль, жаль...

— Тоже мертв?

— Не вынес шока. Хм... Немного пережарила... Смотри, даже зубы обуглились... Что с тобой, Лютик? Рвать будет?

— Будет, — невнятно ответил поэт, согнувшись и припав лбом к стене.

— Это все? — Волшебница отставила кубок, потянулась к вертеду с цыплятами. — Нисколько не приврал? Ничего не упустил?

— Ничего. Кроме благодарности. Благодарю тебя, Йеннифэр.

Она взглянула ему в глаза, чуть кивнула, ее черные блестящие локоны заволновались, водопадом сплыли с плеча. Она сдвинула зажаренного цыпленка на деревянное блюдо и принялась его ловко разделывать, пользуясь ножом и вилкой. Теперь он понял, где и когда Геральт этому научился. «Хм, — подумал он, — неудивительно, ведь он целый год жил в ее доме в Венгерберге и, прежде чем сбежал, научился множеству фокусов». Лютик стянул с вертела второго цыпленка, не раздумывая, оторвал окорочок и принялся обгрызать, демонстративно ухватив обеими руками.

— Как ты узнала? — спросил он. — Как тебе удалось вовремя прийти на помощь?

— Я была под Блеобхерисом, когда ты там давал концерт.

— Я не видел.

— Я не хотела, чтобы меня видели. Потом поехала за тобой в городок. Ждала здесь, на постоялом дворе, мне было не к лицу идти туда, куда отправился ты, в это пристанище сомнительных наслаждений и несомненного триппера. Однако в конце концов мне надоело. Я кружила по двору, и тут мне почудились голоса, долетающие из свинарника. Я обострила слух, и оказалось, что это вовсе не какой-то скотоложец, как я вначале подумала, а ты. Эй, хозяин! Еще вина, будь любезен!

— Сей минут, благородная госпожа. Уже лечу!

— Дай того же, что вначале, только, убедительно прошу, на этот раз без воды. Воду я люблю в бане, а не в вине.

— Лечу, лечу!

Йеннифэр отставила блюдо. На косточках, как заметил Лютик, еще оставалось мяса на обед корчмарю и его родне. Нож и вилка, несомненно, выглядели элегантно и модно, но малопроизводительно.

— Благодарю тебя, — повторил он, — за спасение. Этот треклятый Риенс не оставил бы меня в живых. Выжал бы из меня все и зарезал как барана.

— Согласна. — Она налила вина себе и ему, подняла кубок. — Так выпьем за твое спасенное здоровье, Лютик.

— За твое, Йеннифэр, — ответил он. — Здоровье, за которое отныне я буду молиться при всякой оказии. Я твой должник, прекрасная дама, расплачусь своими песнями, опровергну в них миф, будто волшебники нечувствительны к чужим страданиям, будто не спешат на помощь посторонним, незнакомым, бедным, несчастным смертным.

— Понимаешь, — улыбнулась она, слегка прищурив прелестные фиалковые глаза, — у мифа в общем-то есть основания, он возник не без причин. Но ты не незнакомый, Лютик. И не посторонний. Я ведь знаю тебя и люблю.

— Правда? — тоже улыбнулся поэт. — До сих пор ты удачно это скрывала. Мне даже доводилось слышать, якобы ты не терпишь меня, цитирую, «будто моровую язву». Конец цитаты.

— Было дело. — Чародейка вдруг посерьезнела. — Потом я изменила мнение. Потом была тебе благодарна.

— За что, позволь узнать?

— Давай не будем об этом, — сказала она, играя пустым кубком. — Вернемся к более серьезным вопросам. Тем, которые тебе задавали в свинарнике, выламывая при этом руки в суставах. А как было в действительности, Лютик? Ты и верно не видел Геральта после вашего бегства с Яруги? Действительно не знал, что после войны он вернулся на Юг? Был тяжело ранен, так тяжело, что разошлись даже слухи о его смерти? Ни о чем таком не знал?

— Не знал. Я много времени провел в Понт Ванисе, при дворе короля Эстерада Тиссена. А потом у Недамира в Хенгфорсе...

— Не знал... — Чародейка покачала головой, расстегнула кафтанчик. На шее на черной бархотке загорелась усеянная бриллиантами обсидиановая звезда. — Ты не знал о том, что, оправившись от ран, Геральт поехал в Заречье? И не догадываешься, кого он там искал?

— Догадываюсь. Но вот нашел ли, не знаю.

— Не знаешь, — повторила она. — Ты, который, как правило, знаешь обо всем и обо всем поешь. Даже о таких интимных материях, как чьи-то чувства. Под Блеобхерисом

я наслушалась твоих баллад, Лютик. Несколько вполне приличных строчек ты посвятил моей особе.

— У поэзии, — проворчал Лютик, рассматривая цыпленка, — свои законы. Никто не должен чувствовать себя обойденным и обиженным...

— «Волосы как вороново крыло, как ночная буря... — процитировала Йеннифэр с преувеличенной напыщенностью, — а в глазах затаились фиолетовые молнии...» Так и было?

— Такой я тебя запомнил, — чуть улыбнулся поэт. — Кто вздумает утверждать, что это не соответствует истине, пусть первым кинет в меня камень.

— Не знаю только, — сжала губы чародейка, — кто поручил тебе описывать мои внутренние органы. Как там было-то? «Сердце ее словно украшающий ее шею драгоценный камень, твердое как алмаз и как алмаз бесчувственное. Сердце — острее, чем обсидиан, режущее, калечущее...» Ты сам придумал? Или, может... — Ее губы дрогнули, скривились. — ...А может, наслушался чьих-то жалоб и исповедей?

— Хм... — Лютик кашлянул, уклоняясь от опасной темы. — Скажи мне, Йеннифэр, когда ты последний раз видела Геральта?

— Давно.

— После войны?

— После войны... — Голос Йеннифэр едва заметно изменился. — Нет, после войны я его не видела. Долгое время... вообще не видела никого. Ну, ближе к делу, поэт. Меня немного удивляет тот факт, что ты ничего не знаешь и ни о чем не слышал, и все-таки именно тебя подтягивают на балке, чтобы раздобыть информацию. Тебя это не обеспокоило?

— Обеспокоило.

— Послушай меня, — резко сказала она, ударив кубком по столу. — Послушай внимательно. Выброси эту балладу из репертуара. Не пой ее.

— Ты о...

— Ты прекрасно знаешь, о чем я. Пой о войне с Нильфгаардом. Пой о Геральте и обо мне, нам ты этим не навре-

дишь, но и не поможешь. Ничего не исправишь, ничего не ухудшишь. Но о Львенке из Цинтры не пой.

Она оглянулась, проверяя, не прислушивается ли кто из редких в этот час посетителей корчмы, подождала, пока убирающая со столов девка не ушла на кухню.

— Старайся избегать встреч один на один с людьми, которых не знаешь, — сказала она тихо. — С такими, которые для начала забывают передать тебе привет от общих знакомых. Усек?

Он удивленно поднял брови. Йеннифэр усмехнулась:

— Привет от Дийкстры, Лютик.

Теперь уже оглянулся бард. Испуганно. Его изумление было, вероятно, столь явным, а мина столь забавной, что чародейка позволила себе ехидно усмехнуться.

— Кстати, — шепнула она, перегнувшись через стол. — Дийкстра ждет доклада. Ты возвращаешься из Вердэна, и Дийкстра любопытствует, о чем болтают при дворе короля Эрвилла. Он просил передать, что на этот раз доклад должен быть деловым, детальным и ни в коем случае не рифмованным. Прозой, Лютик. Прозой.

Поэт, сглотнув, кивнул. Он молчал, раздумывая над вопросом. Но чародейка упредила его.

— Наступают трудные времена, — сказала она тихо. — Трудные и опасные. Грядет время перемен. Печально будет стареть, сознавая, что не сделал ничего такого, чтобы грядущие перемены были бы переменами к лучшему. Верно?

Он кивнул, откашлялся.

— Йеннифэр!

— Слушаю, поэт.

— А те, в свинарнике... Хотелось бы знать, кто они такие, чего хотели, кто их настрополил. Ты убила двоих, но в народе болтают, будто вы ухитрятесь вытянуть информацию даже из покойников.

— А о том, что некромантия запрещена эдиктом Каштула, в народе не болтают? Успокойся, Лютик. Бандиты наверняка мало чего знали. Тот, что сбежал... Хм... Вот с ним другое дело.

— Риенс. Он чародей, правда?

— Да. Но не очень умелый.

— Однако же сбежал. Я видел, каким макаром. Телепортировался, разве нет? Разве это ни о чем не говорит?

— Именно. Говорит. О том, что кто-то ему помог. У Риенса не было ни времени, ни сил, чтобы отворить висящий в воздухе овальный портал. Такой телепорт — не фунт изюму. Совершенно ясно, что его открыл кто-то другой. Кто-то несравненно более сильный. Поэтому я поостереглась за ним гнаться, не зная, где окажусь. Но послала ему вослед заряд достаточно высокой температуры. Ему потребуется масса заклинаний и эликсиров, эффективно залечивающих ожоги, но в любом случае он на некоторое время останется меченым.

— Может, тебе интересно будет узнать, что он нильфгаардец?

— Думаешь? — Йеннифэр выпрямилась, быстрым движением вынула из кармана пружинный нож, повертела в руке. — Нильфгаардские ножи теперь носят многие. Они удобны и сподручны, их можно спрятать даже за декольте...

— Не в ноже дело. Выспрашивая меня, он воспользовался словами «битва за Цинтру», «завоевание города» или как-то похоже. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из наших так называл эти события. Для нас это всегда была резня, не битва. Бойня. Резня в Цинтре. Никто не говорит иначе.

Чародейка подняла руку, внимательно присмотрелась к ногтям.

— Ловко, Лютик. У тебя чуткое ухо.

— Профессиональный перекос.

— Интересно, которую из двух профессий ты имеешь в виду? — кокетливо улыбнулась она. — Но за информацию благодарю. Ценная вещь.

— Пусть это будет мой вклад, — ответил он улыбкой, — мой вклад в перемены к лучшему. Скажи, Йеннифэр, чего ради Нильфгаард так интересуется Геральтом и девочкой из Цинтры?

— Не лезь не в свои дела, — неожиданно посерьезнела она. — Я же сказала, забудь, что когда-нибудь слышал о внучке Калантэ.

— Верно, сказала. Но сейчас я ищу не темы для баллады.

— Так чего же ты ищешь, черт побери? Шишек на свою голову?

— Допустим, — сказал он тихо, положив подбородок на сплетенные пальцы и посмотрев чародейке в глаза. — Допустим, Геральт действительно нашел и спас ребенка. Допустим, наконец уверовал в силу Предназначения и забрал найденного ребенка с собой. Куда? Риенс пытался вытянуть это из меня пытками. А ты знаешь, Йеннифэр? Знаешь, где залег ведьмак?

— Знаю.

— И знаешь, как туда добраться?

— И это знаю.

— Тебе не кажется, что его надо бы предостеречь? Предупредить, что его и девочку разыскивают какие-то люди типа Риенса? Я поехал бы, но я действительно не знаю, где это... То место, названия которого предпочитаю не произносить...

— Сделай выводы, Лютик.

— Если ты знаешь, где находится Геральт, то должна поехать и предостеречь его. Ты ему кое-чем обязана, Йеннифэр. Ведь что-то тебя с ним связывало.

— Верно, — холодно подтвердила она. — Кое-что меня с ним связывало. Поэтому я немного знаю его. Он не любит, чтобы ему навязывали помощь. А если и требует помощи, то ищет ее у людей, которым доверяет. С тех событий прошло больше года, а я... а у меня не было от него никаких известий. Что же касается долга, то я обязана ему ровно стольким, сколько и он мне. Ни больше ни меньше.

— Значит, поеду я. — Он поднял голову. — Скажи...

— Не скажу, — прервала она. — Ты погорел, Лютик. Тебя могут поймать снова. Чем меньше ты знаешь, тем лучше. Исчезни. Поезжай в Реданию, к Дийкстре и Филиппе Эйльхарт, примкни ко двору Визимира. И еще раз предупреждаю: забудь о Львенке из Цинтры. О Цири. Прикидывайся, будто никогда не слышал этого имени. Сделай так, как я прошу. Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь скверное. Я слишком тебя люблю, слишком многим тебе обязана...

— Ты второй раз говоришь это. Чем ты мне обязана, Йеннифэр?

Чародейка отвернулась, долго молчала, наконец сказала:

— Ты ездил с ним. Благодаря тебе он не был одинок. Ты был его другом. Ты был с ним.

Бард опустил глаза.

— Невелика же была ему с того польза. Немного он выиграл на такой дружбе. Из-за меня у него были одни лишь неприятности, постоянно приходилось вытаскивать меня из беды... Помогать мне.

Йеннифэр снова перегнулась через стол, положила ему руку на пальцы, сильно сжала, не проронив ни слова. В ее глазах была грусть.

— Поезжай в Реданию, — спустя некоторое время повторила она. — В Третогор. Там ты будешь под присмотром Дийкстры и Филиппы. Не пытайся изображать героя. Ты впутался в опасную аферу, Лютик.

— Я заметил. — Он поморщился, помассировал все еще болевшее предплечье. — Именно поэтому я считаю, что надо предупредить Геральта. Ты одна знаешь, где его искать. Знаешь дорогу. Догадываюсь, что ты там бывала... гостем.

Йеннифэр отвернулась. Лютик видел, как она сжала губы, как дрогнул мускул у нее на щеке.

— Правда, как-то случалось, — сказала она, и в ее голосе было что-то неуловимо странное. — Доводилось мне бывать там гостем. Но никогда — непрошеным.

Ветер яросто взвыл, закачал покрывающие руины метелки трав, зашумел в кустах боярышника и в высокой крапиве. Тучи пронеслись по диску луны, на минуту осветив замок, залив бледным, колеблющимся светом ров и остатки стены, вырвав холмики черепов, щерящих поломанные зубы, черными провалами глазниц глядящих в небытие. Цири тонко пискнула и спрятала голову под плащ ведьмака.

Подгоняемая пятками лошадь осторожно переступила кучу кирпичей, вошла под разрушенную арку. Подковы, ударяя по сломанным плитам, будили меж стен призрачное

эхо, которое тут же заглушал ветер. Цири дрожала, вцепившись руками в гриву коня.

— Я боюсь...

— Нечего бояться, — ответил ведьмак, положив ей руку на плечо. — На всем свете нет места безопаснее. Это Каэр Морхен. Пристанище ведьмаков. Когда-то здесь был прекрасный замок-крепость. Очень давно.

Она не ответила, только ниже опустила голову. Лошадь ведьмака по прозвищу Плотва тихо фыркнула, словно и она хотела успокоить девочку.

Они погрузились в темноту, в бесконечно длинный черный туннель меж колонн и арок. Плотва шла уверенно и охоче, не обращая внимания на непроницаемую тьму, весело позвякивая подковами по полу.

Перед ними в конце туннеля неожиданно загорелась красным вертикальная линия. Вырастая и расширяясь, она превратилась в двери, из-за которых вырывался свет, мерцающее пламя лучин, укрепленных в железных держателях на стенах. В дверях возникла черная, нечеткая в неверном свете фигура.

— Кто? — услышала Цири злой металлический голос, прозвучавший как лай. — Геральт?

— Да, Эскель. Я.

— Входи.

Ведьмак слез с лошади, снял Цири с седла, опустив на землю, сунул ей узелок, в который она тут же вцепилась обеими руками, жалея, что он слишком мал, чтобы спрятаться за ним.

— Подожди здесь, с Эскелем, — сказал Геральт. — Я отведу Плотву в конюшню.

— Пошли на свет, малыш, — проворчал мужчина, которого ведьмак назвал Эскелем. — Не стой во тьме.

Цири подняла глаза, взглянула на его лицо и с трудом сдержала крик ужаса. Это был не человек. «Ни у одного человека, — подумала она, — не может быть такого лица».

— Ну чего ты ждешь? — повторил Эскель.

Она не шевельнулась. Слышала, как в темноте удаляется стук копыт Плотвы. По ноге шмыгнуло что-то мягкое и пищащее. Она подпрыгнула.

— Не стой во мраке, малыш, крысы башмачки прогрызут.

Цири, прижимая узелок, быстро шагнула к свету. Крысы с писком прыснули из-под ног. Эскель наклонился, отобрал у нее узелок, снял шапочку.

— А, зараза! — буркнул он. — Девчонка. Этого только не хватало.

Цири испуганно глянула на него. Эскель улыбался. Она увидела, что это все-таки человек, что у него вполне нормальное человеческое лицо, только от уголка губ через всю щеку до самого уха его уродовал полукруглый длинный шрам.

— Ну коли уж ты тут, приветствую тебя в Каэр Морхене, — сказал он. — Как тебя кличут?

— Цири, — ответил за нее Геральт, беззвучно появляясь из мрака. Эскель обернулся. Резко, быстро, не произнеся ни слова. Ведьмаки обхватили друг друга, крепко, сильно сплелись руками. На мгновение, не больше.

— Жив, Волк.

— Жив.

— Ну славно. — Эскель вынул лучину из держателя. — Пошли. Я закрою внутренние ворота, тепло уходит.

Они пошли по коридору. Крысы были и тут, бегали вдоль стен, попискивали в темных провалах боковых проходов, прыскали из неверного круга света, отбрасываемого факелом-лучиной. Цири семенила, стараясь не отставать от мужчин.

— Кто зимует, Эскель? Кроме Весемира.

— Ламберт и Койон.

Они спустились по скользким крутым ступеням. Внизу был виден отсвет. Цири услышала голоса, почувствовала запах дыма.

Огромный холл освещало бушующее в гигантском камине пламя, с гулом рвущееся в пасть уходящей вверх трубы. В центре холла стоял большой тяжелый стол. За таким столом могло разместиться никак не меньше десяти человек. Но сидело только трое. Три человека. «Три ведьмака», — мысленно поправилась Цири. Она видела только их силуэты на фоне огня, полыхавшего в камине.

— Привет, Волк, мы ждали тебя.

— Привет, Весемир. Привет, парни. Приятно снова оказаться дома.

— Кого это ты привел?

Геральт минуту помолчал, потом положил руку на плечо Цири, легонько подтолкнул ее вперед. Она шла неловко, робко, спотыкаясь и сутулясь, наклонив голову. «Я боюсь, — подумала она. — Я ужасненько боюсь. Когда Геральт меня нашел и взял с собой, я думала, что страх уже не вернется, что уже все позади... И вот, вместо того чтобы быть дома, я оказалась в этом страшном, темном, разваливающемся замке, забитом крысами и полном кошмарными эхо... Я снова стою перед пурпурной стеной огня. Вижу грозные черные фигуры, вижу уставившиеся на меня злые, неестественно блестящие глаза...

— Кто этот ребенок, Волк? Кто эта девочка?

— Она мое... — Геральт осекся. Она почувствовала на плечах его сильные, твердые руки. И неожиданно страх исчез. Пропал без следа. Пурпурный, рвущийся вверх огонь излучал тепло. Только тепло. Черные силуэты были силуэтами друзей. Покровителей. Блестящие глаза выражали любопытство. Заботу. И беспокойство...

Руки Геральта стиснули ей плечи.

— Она — наше Предназначение.

Воистину, нет ничего более отвратного, нежели монстры оные, натуре противные, ведьмаками именуемые, ибо суть они плоды мерзопакостного волшебства и диавольства. Это есть мерзавцы без достоинства, совести и чести, истинные исчадия адовы, токмо к убиениям приспособленные. Нет таким, како оне, места меж людьми почтенными.

А их Каэр Морхен, где оные бесчестники гнездятся, где мерзкие свои дела обделывают, стерт должен быть с лона земли и след по нему солью и селитрой посыпан.

Аноним.
«Монструм, или Ведьмака описание»

Нетерпимость и зазнайство всегда были присущи глупцам и никогда, думается, до конца искоренены не будут, ибо они столь же вечны, сколь и сама глупость. Там, где ныне возвышаются горы, когда-нибудь разольются моря, там, где ныне пенятся волны морские, когда-нибудь раскинутся пустыни. А глупость останется глупостью.

Никодемус де Боот. «Рассуждения о жизни, счастье и благополучии»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Трисс Меригольд дохнула на озябшие руки, пошевелила пальцами и пробормотала магическую формулу. Ее конь, буланый мерин, тут же отреагировал на заклинание, фыркнул и повернул морду, косясь на чародейку слезящимися от холода и ветра глазами.

— У тебя два выхода, старик, — сказала Трисс, натягивая перчатки. — Либо ты приспособишься к магии, либо я продам тебя кметам под плуг.

Мерин застриг ушами, пустил струи пара из ноздрей и послушно двинулся вниз по лесистому склону. Чародейка наклонилась в седле, уворачиваясь от ударов заиндевелых веток.

Заклинание подействовало быстро, она перестала ощущать уколы озноба в локтях и на затылке, исчезло неприятное ощущение холода, заставлявшее сутулиться и втягивать голову в плечи. Волшебство, разогрев ее, приглушило и голод, вот уже несколько часов сосущий под ложечкой. Трисс повеселела, уселась поудобнее в седле и принялась внимательнее, чем раньше, рассматривать окрестности.

После того как она свернула с дороги, направление ей указывала белесо-серая стена гор. Покрытые снегом вершины поблескивали золотом в те редкие минуты, когда солнце пробивалось сквозь тучи: чаще всего утром и перед самым закатом. Сейчас, когда горная цепь была почти рядом, приходилось быть внимательнее. Окрестности Каэр Морхена славились

своей дикостью и недоступностью, а выщербину в гранитной стене, которой следовало руководствоваться, непривычный глаз мог обнаружить с большим трудом. Стоило свернуть в одно из многочисленных ущелий, чтобы потерять ее из виду. Даже она, зная дорогу и помня, где искать перевал, не могла позволить себе отвлечься.

Лес кончился. Перед чародейкой раскинулась широкая, усеянная галькой долина, упирающаяся в обрывистые склоны. По середине долины бежала Гвенллех, Река Белых Камней, бурля пеной меж камней и принесенных потоком стволов. Здесь, в верхнем течении, Гвенллех была всего лишь мелким, хоть и широким ручьем, и ее легко можно было пройти вброд. Ниже, в Каэдвене, в среднем течении, река образовывала непреодолимое препятствие — она с ревом мчалась в глубоких провалах.

Мерин, ступив в воду, ускорил шаг, явно стремясь поскорее добрести до противоположного берега. Трисс слегка придержала его — ручей был мелкий: едва доходил коню до бабок, но камни на дне были скользкие, а течение быстрое и бурунное. Вода бурлила и пенилась вокруг ног лошади.

Чародейка глянула на небо. Усиливающийся холод и ветер здесь, в горах, предвещали пургу, а перспектива провести очередную ночь в гроте либо в каменной расщелине не очень-то привлекала. Конечно, она могла бы, в случае крайней нужды, продолжать путь даже в пургу, могла распознавать дорогу телепатически, могла с помощью магии укрепить себя против холода. Могла, если б это было необходимо. Но такой необходимости она не видела.

К счастью, Каэр Морхен был уже близко. Трисс заставила мерина забраться на пологую осыпь — огромную каменную призму, омытую ледниками и потоками воды, — въехала в плоский проход меж скальными блоками. Стены ущелья вздымались отвесно, и казалось, встречались высоко наверху, разделенные лишь узким штришком неба. Стало теплее, потому что ветер, воющий над скалами, уже не доставал, не хлестал и не кусал ее.

Проход расширился, вывел в балку, а потом в долину, на огромную, округлую, покрытую лесом мульду, раскинув-

шуюся меж зубастых камней. Чародейка поехала не по пологим, легкодоступным склонам мульды, а поднялась прямо в дебри, в густую чащу. Сухие ветки захрустели под копытами. Мерин, вынужденный переступать через поваленные стволы, захрапел, заплясал, затопал. Трисс натянула поводья, дернула коня за косматое ухо и выругала, ехидно намекнув на его трусость. Конь, казалось, действительно смутился, пошел ровнее и бодрее, сам выбирая дорогу в чаще.

Вскоре они оказались на открытом пространстве, въехали в русло ручейка, едва сочившегося по дну балки. Чародейка внимательно осмотрелась и нашла то, что искала. Над балкой, опираясь на огромные камни, горизонтально лежал могучий ствол, темный, голый, позеленевший от мха. Трисс подъехала ближе, чтобы удостовериться, действительно ли это Путь, а не случайное дерево, поваленное вихрем. Обнаружила почти незаметную узкую тропинку, скрывавшуюся в лесу. Нет, она не ошиблась, это наверняка Путь — бегущая вокруг Каэр Морхена дорожка, забитая препятствиями, на которой ведьмаки совершенствовались в скорости бега и контроле дыхания. Дорожку именовали Путем, но Трисс знала, что юные ведьмаки называли ее иначе: Мучильня.

Прильнув к шее коня, она медленно проехала под стволом. И тут услышала звон камней и быстрые легкие шаги бегущего человека.

Она повернулась в седле, натянула поводья, ожидая, пока ведьмак взбежит на ствол.

Ведьмак взбежал на ствол, стрелой промчался по нему, не замедляя бега, даже не балансируя руками, легко, ловко, мягко, с невероятной грацией. Только мелькнул и тут же скрылся меж деревьев, не задев ни единой ветки. Трисс громко вздохнула, недоверчиво покачала головой. Потому что ведьмаку, судя по росту и фигуре, было около двенадцати лет.

Чародейка ударила буланого пятками, отпустила поводья и рысью направилась вверх по течению ручья. Она знала, что Путь пересекает балку снова в том месте, которое окрестили Горловиной. Ей хотелось еще раз глянуть на ма-

ленького ведьмака. Ведь она знала, что в Каэр Морхене детей не тренируют уже почти четверть века.

Особо она не спешила. Тропинка Мучильни извивалась и петляла по бору, на то, чтобы преодолеть ее, ведьмачонку понадобилось бы значительно больше времени, чем ей, едущей наперерез. Однако и медлить тоже не следовало. За Горловиной Путь сворачивал в лес, вел прямо к замку. Если не поймать паренька у пропасти, его можно вообще не увидеть. Трисс уже несколько раз бывала в Каэр Морхене и прекрасно понимала, что видела там только то, что ведьмаки хотели показать, а показать они хотели лишь самую малость из того, что в Каэр Морхене вообще можно было увидеть. Нет, наивной Трисс не была.

Проехав по каменистому руслу ручья, она увидела Горловину — уступ, образованный над яром двумя омшелыми скалами, заросшими искореженными карликовыми деревцами. Она отпустила поводья. Буланый фыркнул и наклонил голову к воде, струящейся меж голышей.

Долго ждать не пришлось. Фигурка ведьмака мелькнула на скале, мальчонка прыгнул, не сбавляя темпа. Чародейка услышала мягкий шлепок, а чуть позже грохот камней, глухой звук падения и тихий крик. Вернее, писк.

Трисс, не раздумывая, соскочила с седла, скинула меховую накидку и помчалась по склону, подтягиваясь за корни и ветви деревьев. Взлетела на скалу с разгона, но поскользнулась на игольнике и упала на колени рядом со скорчившимся на камнях телом. Увидев ее, подросток вскочил как подброшенный пружиной, молниеносно отступил и ловко схватился за меч, перекинутый за спину, но споткнулся и упал между можжевеловым кустом и сосенками. Чародейка не поднималась с колен, а смотрела на мальчика, раскрыв рот от изумления.

Потому что это был вовсе не мальчик.

Из-под пепельной, неровно и неаккуратно подстриженной челки на нее глядели огромные изумрудно-зеленые глаза, самое заметное пятно на маленьком личике с узким подбородком и вздернутым носиком. В глазах стоял испуг.

— Не бойся, — неуверенно сказала Трисс.

Девочка раскрыла глаза еще шире. Она почти не дышала и, похоже, вовсе не вспотела. Не иначе как бегала по Мучильне уже не один день.

— Как ты?

Вместо ответа девочка быстро встала, ойкнула от боли, перенесла вес тела на левую ногу, наклонилась, помассировала коленку. Одета она была во что-то вроде кожаного костюма, сшитого, вернее, сляпанного таким образом, что любой уважающий себя портной, увидев его, взвыл бы от отчаяния и ужаса. Единственным, что в экипировке казалось в меру новым и подогнанным, были высокие до колен сапожки, ремни и меч. Точнее, мечик.

— Не бойся, — повторила Трисс, все еще не поднимаясь с колен. — Я слышала, как ты упала, испугалась, потому так бежала...

— Я поскользнулась, — буркнула девочка.

— Ничего не повредила?

— Нет. А что?

Чародейка рассмеялась, попробовала встать, поморщилась от боли, отозвавшейся в щиколотке, чертыхнулась. Села, осторожно выпрямила ногу, выругалась снова.

— Иди сюда, малышка, помоги мне встать.

— Я не малышка.

— Допустим. В таком случае кто ты?

— Ведьмачка!

— Ха! Ну, так подойди, ведьмачка, и помоги мне встать.

Девочка не двинулась с места. Она переступила с ноги на ногу и рукой в шерстяной митенке перебирала ремень меча, подозрительно поглядывая на Трисс.

— Не бойся, — улыбнулась чародейка. — Я не разбойница и не чужак какой-нибудь. Меня зовут Трисс Меригольд, я еду в Каэр Морхен. Ведьмаки меня знают. Не таращись. Я одобряю твою бдительность, но будь рассудительной. Как думаешь, добралась бы я сюда, не зная дороги? Ты когда-нибудь встречала на Пути человеческое существо?

Девочка отбросила сомнения и подошла ближе, протянув руку. Трисс поднялась, почти не воспользовавшись

помощью. Не в помощи было дело. Ей хотелось рассмотреть девочку вблизи. И прикоснуться к ней.

В зеленых глазках маленькой ведьмачки не было и признаков мутации, прикосновение маленькой ручки тоже не вызывало легкой приятной щекотки, характерной для ведьмаков. Пепельноволосого ребенка, хоть он и бегал тропинкой Мучильни с мечом за спиной, не подвергали Испытанию Травами и Трансмутациями. В этом Трисс была уверена.

— Покажи коленку, малышка.

— Не малышка я!

— Прости, забыла. Но какое-то имя у тебя, надо думать, есть?

— Есть. Я... Цири.

— Очень приятно. Подойди-ка поближе, Цири.

— Со мной ничего не стало.

— Хочу взглянуть, как выглядит твое «ничего». Ну вот, так я и думала. «Ничего» поразительно напоминает разорванные штаны и содранную до живого мяса кожу. Стой спокойно и не бойся.

— Я и не боюсь... Аааа!

Чародейка захохотала и потерла о бедро зудевшую от заклинания руку. Девчушка наклонилась, осмотрела колено.

— О! — сказала она. — Уже не больно! И дырки нет... Это чары?

— Угадала.

— Так ты чаровница?

— Опять угадала. Хоть, признаться, предпочитаю чародейку, а не чаровницу. Чтоб не ошибаться, можешь называть меня по имени. Трисс. Попросту Трисс. Пошли, Цири. Внизу ждет мой конь, в Каэр Морхен поедем вместе.

— Мне надо бежать, — покрутила головой Цири. — Нельзя прерывать бег, а то в мышцах образуется молоко. Геральт говорит...

— Геральт в замке?

Цири надулась, стиснула губы, глянула на чародейку из-под пепельной челки. Трисс снова рассмеялась.

— Хорошо. Не буду выспрашивать. Секрет — это секрет, ты правильно делаешь, что не выбалтываешь его не-

знакомому человеку. Пошли. Посмотрим на месте, кто есть в замке, а кого нет. А о мышцах не беспокойся, я знаю, как управиться с молочной кислотой. О, вот и мой коняга. Я тебе помогу...

Она протянула руку, но Цири помощь не понадобилась. Она заскочила в седло ловко, легко, почти не отталкиваясь от земли. Мерин дернулся, удивленный, затоптался на месте, но девочка, быстро ухватив поводья, успокоила его.

— Вижу, с конями ты управляешься.

— Я со всем управляюсь.

— Подвинься ближе к луке. — Трисс сунула ноги в стремена, схватилась за гриву. — Дай мне немного места. И не выбей мне глаза своим мечом.

Она тронула мерина пяткой, и они двинулись шагом по руслу ручья, пересекли очередной яр и взобрались на округлый холм. Оттуда уже виднелись прилепившиеся к каменным обрывам руины Каэр Морхена — частично разрушенная трапеция защитного вала, остатки башни и ворот, бочкообразный столб донжона.

Мерин фыркнул и дернул головой, переходя ров по остаткам моста. Трисс натянула поводья. На нее самое не действовали покрывающие дно рва истлевшие черепа и кости. Ей уже доводилось их видеть.

— Не люблю этого, — вдруг проговорила девочка. — Так быть не должно. Умерших надо предавать земле. Под курганом. Ведь верно?

— Верно, — спокойно подтвердила чародейка. — Я тоже так считаю. Но ведьмаки рассматривают это кладбище как... напоминание.

— Напоминание о чем?

— На Каэр Морхен, — Трисс направила коня к растрескавшимся аркам, — напали. Здесь разразилась кровавая битва, в которой погибли почти все ведьмаки. Уцелели только те, которых в тот момент не было в замке.

— Кто напал? И почему?

— Не знаю, Цири, — солгала она. — Это было страшно давно. Спроси ведьмаков.

— Спрашивала, — проворчала девочка. — Они не хотят говорить.

«Я их понимаю, — подумала чародейка. — Ребенку, которого муштруют, чтобы он стал ведьмаком, к тому же девочке, не говорят о таких вещах. Такому ребенку не рассказывают о бойнях и резне. Не ожесточают перспективой того, что и он может когда-либо услышать о себе слова, которые выкрикивали тогда валившие на Каэр Морхен фанатики. Мутант! Чудовище! Монстр! Богами проклятое, природе противное существо! Нет, — подумала она, — я не удивляюсь тому, что ведьмаки не рассказали тебе об этом, малышка Цири. И я тоже не расскажу. У меня, малышка Цири, еще больше причин молчать. Ведь я чародейка, а анонимный пасквиль, широко разошедшийся в списках «Монструм», который взбудоражил фанатиков и подтолкнул их на преступление, тоже, кажется, был делом рук какого-то чародея. Но я, малышка Цири, не признаю коллективной ответственности, не чувствую потребности в покаянии по случаю события, имевшего место за полстолетия до моего рождения. А скелеты, которым суждено быть вечным напоминанием, в конце концов истлеют, обратятся во прах, который развеет ветер, неустанно овевающий склоны, и будут забыты...»

— Они не хотят так лежать, — неожиданно сказала Цири. — Не хотят быть символом, укором совести или предостережением. Они не хотят и того, чтобы их прах развеял ветер.

Трисс быстро подняла голову, услышав изменения в голосе девочки. Моментально уловила магическую ауру, пульсирование и шум крови в висках. Напряглась, но не отозвалась ни словом, боясь прервать и нарушить происходящее.

— Обычный курган. — Голос Цири становился все более неестественным, каким-то металлическим, холодным и злым. — Горстка земли, которая зарастет крапивой. У смерти голубые и холодные глаза, а высота обелиска не имеет значения, не имеют значения и надписи, выбитые на нем. Кто может знать об этом лучше тебя, Трисс Меригольд, четырнадцатая с Холма?

Чародейка обомлела. Она видела, как руки девочки стискивают гриву коня.

— Ты умерла на Холме, Трисс Меригольд, — снова проговорил злой, чужой голос. — Зачем ты сюда приехала? Возвращайся, возвращайся немедленно, а этого ребенка, Дитя Старшей Крови, забери с собой, чтобы отдать его тем, кому он принадлежит. Сделай так, Четырнадцатая. Ибо, не сделав этого, ты умрешь еще раз. Придет день, и Холм вспомнит о тебе. Вспомнят о тебе братская могила и обелиск, на котором выбито твое имя.

Мерин громко заржал, затряс головой. Цири вдруг дернулась, задрожала.

— Что случилось? — спросила Трисс, пытаясь совладать с голосом.

Цири откашлялась, двумя руками поправила волосы, потерла лицо.

— Нн... ничего... — неуверенно произнесла она. — Устала, поэтому... Поэтому уснула. Надо бежать...

Магическая аура развеялась. Трисс почувствовала, как накатила неожиданно волна холода. Попыталась убедить себя, что это эффект угасания защитного заклинания, хоть и знала, что все не так. Посмотрела вверх, на каменную громаду замка, таращившуюся на нее черными провалами развалившихся бойниц. По телу пробежала дрожь.

Конь зацокал копытами по плитам двора. Чародейка быстро соскочила с седла, подала руку Цири. Воспользовавшись соприкосновением ладоней, осторожно послала магический импульс. И поразилась. Потому что не почувствовала ничего. Никакой реакции, никакого ответа. И никакого сопротивления. В девочке, которая только что создала невероятно сильную ауру, не было даже намека на магию. Теперь это был обыкновенный, неряшливо подстриженный и скверно одетый ребенок.

Но минуту назад ребенок этот не был обыкновенным ребенком.

Трисс не успела обдумать странное явление. Она услышала скрежет окованных железом дверей, донесшийся из темного жерла коридора, зияющего за полуразрушенным

порталом. Сбросила накидку, сняла лисью шапочку, быстрым движением головы рассыпала волосы, свою гордость и распознавательный знак — длинные, горящие золотом, пушистые локоны цвета свежего каштана.

Цири изумленно вздохнула. Трисс улыбнулась, радуясь эффекту. Прекрасные длинные пушистые волосы были редкостью, признаком положения, статуса, знаком свободной женщины, самой себе хозяйки. Знаком женщины необычной, ибо обычные девушки носили косы, обычные замужние женщины покрывали волосы чепчиками либо платками. Дамы знатные, включая и королев, завивали и укладывали волосы. Воительницы стриглись коротко. Только друидки и чародейки, да еще распутницы похвалялись естественными гривами, чтобы подчеркнуть независимость и свободу.

Ведьмаки появились, как всегда, неожиданно, как всегда, беззвучно, как всегда, неведомо откуда. Остановились перед ней, высокие, стройные, со скрещенными на груди руками, сместив вес тела на левую ногу, в той позиции, из которой — она знала — можно атаковать мгновенно. Цири встала рядом с ними в такой же позе. В своей карикатурной одежонке она выглядела презабавно.

— Приветствуем тебя в Каэр Морхене, Трисс.

— Приветствую тебя, Геральт.

Он изменился. Казалось, постарел. Трисс знала, что биологически это невозможно. Да, ведьмаки стареют, но слишком медленно, чтобы простой смертный или такая молодая чародейка, как она, могли обнаружить перемены. Но достаточно было одного взгляда, чтобы понять: мутация способна задерживать процесс физического старения, но не психического. Иссеченное морщинами лицо Геральта было лучшим тому доказательством. Трисс с глубочайшей досадой оторвала взгляд от глаз ведьмака. Глаз, которые явно видели слишком многое. К тому же она не заметила в этих глазах того, на что рассчитывала.

— Приветствую, — повторил он. — Рады видеть тебя.

Рядом с Геральтом стоял Эскель, похожий на Волка, как брат-близнец, если не считать цвета волос и длинного шрама, уродующего щеку. И самый младший из ведьмаков

в Каэр Морхене — Ламберт, как всегда, с неприятной ухмылкой на лице. Весемира не было.

— Приветствуем и приглашаем войти, — сказал Эскель. — Холодно и дует так, словно где-то висельник завелся. А ты куда, Цири? Тебя приглашение не касается. Солнце пока высоко, хоть его и не видно. Еще можно тренироваться.

— Ай-яй, — тряхнула волосами чародейка. — Похоже, подешевела вежливость в Пристанище ведьмаков. Цири встретила меня первой, проводила в замок. Ей положено быть со мной...

— Она здесь обучается, Меригольд, — поморщился Ламберт, изобразив пародию на улыбку. Он всегда называл ее «Меригольд», без «госпожи», без имени. Трисс не любила этого. — Она ученица, — продолжал Ламберт, — а не мажордом. Встреча гостей, даже столь приятных, как ты, не входит в ее обязанности. Пошли, Цири.

Трисс слегка пожала плечами, прикидываясь, будто не замечает смущенных взглядов Геральта и Эскеля. Смолчала. Не хотела смущать их еще больше. А главное, не хотела, чтобы они поняли, как сильно ее интересует и завораживает эта девочка.

— Я отведу коня, — предложил Геральт, потянувшись к поводьям. Трисс украдкой подвинула руку, и их пальцы встретились. Взгляды тоже.

— Я пойду с тобой, — свободно сказала она. — Во вьюках кое-какие нужные мне мелочи.

— Ты доставила мне несколько неприятных минут, — буркнул он, как только они вошли в конюшню. — Я собственными глазами видел твое пышное надгробие. Обелиск, увековечивающий твою геройскую смерть в битве за Содден. Лишь недавно до меня дошли слухи, что это ошибка. Не понимаю, как тебя можно было с кем-то перепутать, Трисс.

— Долгая история, — ответила она. — При случае расскажу. А неприятные минуты — ну что ж, постарайся простить меня.

— Нечего тут прощать. Последнее время мне редко доводилось радоваться, а радость, которую я ощутил, узнав,

что ты жива, трудно сравнить с какой-либо иной. Разве только с той, какую я испытываю сейчас, глядя на тебя.

Трисс показалось, что в ней что-то разрывается. Страх перед встречей с беловолосым ведьмаком всю дорогу боролся в ней с надеждой на встречу. А потом — это измученное, истощенное лицо, эти всевидящие больные глаза, слова, холодные и взвешенные, неестественно спокойные, но насыщенные таким чувством...

Она бросилась ему на шею, сразу, не раздумывая. Схватила руку, резко завела себе за шею, под волосы. Мурашки побежали у нее по спине, пронзили таким блаженством, что она чуть было не закричала. Чтобы сдержать и приглушить крик, она нашла губами его губы. Прильнула к ним. Она дрожала, крепко прижимаясь к нему, возбуждая и усиливая в себе страсть, забываясь все больше.

Геральт не забылся.

— Трисс... Прошу тебя...

— Ох, Геральт... Я так...

— Трисс. — Он мягко отстранил ее. — Мы не одни... Сюда идут.

Она взглянула на дверной проем. Тени приближающихся ведьмаков она заметила не сразу, их шаги услышала еще позже. Ну что ж, ее слух, который в принципе она считала обостренным, с ведьмачьим соперничать не мог.

— Трисс, деточка!

— Весемир!

Да, Весемир был действительно стар. Кто знает, не старше ли, чем Каэр Морхен. Но он шел к ней быстрым, энергичным и пружинистым шагом, его рукопожатие было крепким, а руки сильными.

— Рада снова видеть тебя, дедушка.

— Поцелуй меня. Нет, не руку, маленькая чародейка. Руку будешь целовать, когда я окажусь на смертном одре. А это, похоже, вот-вот случится. Ох, Трисс, хорошо, что ты приехала... Кто меня вылечит, если не ты?

— Вылечить? Тебя? От чего? Разве что от мальчишеских штучек! Убери руку с моего зада, старец, не то подпалю твою седую бороду!

— Прости. Все время забываю, что ты выросла и я уже не могу сажать тебя на колени и похлопывать. Что же до моего здоровья... Ох, Трисс, старость не радость. Кости ломит так, что выть хочется. Поможешь старику, девочка?

— Помогу. — Чародейка высвободилась из медвежьих объятий и взглянула на сопровождавшего Весемира ведьмака. Он был молод, казался ровесником Ламберта. Носил короткую черную бороду, которая, однако, не скрывала сильных рябушек после оспы. Это было довольно необычно, потому что ведьмаки, как правило, обладали высоким иммунитетом против заразных болезней.

— Трисс Меригольд. Койон, — представил их Геральт. — Койон проводит с нами первую зиму. Он с Юга, из Повисса.

Молодой ведьмак поклонился. У него были необычно светлые, желто-зеленые радужки, а перерезанные красными ниточками хрусталики говорили о тяжелом, хлопотном протекании мутации глаз.

— Идем, деточка, — сказал Весемир, взяв ее за руку. — Конюшня — не место для встречи гостей. Но я не мог дождаться.

Во дворе, меж заслоняющих от ветра стен, Цири занималась под присмотром Ламберта. Ловко балансируя на подвешенной на цепях балке, она с мечом в руке нападала на кожаный мешок, перевязанный ремнями так, чтобы он изображал человеческое тело. Трисс задержалась.

— Плохо! — шипел Ламберт. — Слишком близко подходишь! И не руби вслепую. Я же сказал, самым концом меча по шейной артерии! Где у гуманоида шейная артерия? На макушке? Что с тобой творится? Сосредоточься, княжна!

«Ха! — подумала Трисс. — Стало быть, и впрямь не легенда. Это она. Я верно догадывалась».

Она решила пойти в атаку, не откладывая, не позволив ведьмаку выкрутиться.

— Знаменитое Дитя-Неожиданность? — указала она на Цири. — Похоже, вы всерьез взялись выполнять требования судьбы и Предназначения? Только вроде бы сказки у вас перепутались, ребята. В сказках, которые мне рассказывали, пастушечки и сиротки становились княжнами. А тут,

вижу, наоборот — княжну переделывают в ведьмачку. Вам не кажется, что это несколько рискованно?

Весемир взглянул на Геральта. Беловолосый ведьмак молчал, его лицо ничего не выражало, даже дрожанием век он не отреагировал на немую просьбу о поддержке.

— Все не так, как ты думаешь, — откашлялся старик. — Геральт привез ее сюда прошлой осенью. У нее нет никого, кроме... Послушай, Трисс, ну как тут не поверить в Предназначение, если...

— Что общего у Предназначения с размахиванием мечом?

— Мы учим ее пользоваться мечом, — тихо проговорил Геральт, повернувшись к чародейке и глядя ей прямо в глаза, — потому что ничему другому научить не можем. Не умеем ничего больше. Предназначение ли, нет ли, но Каэр Морхен теперь ее дом. Во всяком случае, на какое-то время. Тренировки и фехтование забавляют ее, помогают сохранить здоровье. Позволяют забыть о перенесенной трагедии. Теперь это ее дом, Трисс. Другого у нее нет.

— Множество цинтрийцев, — чародейка выдержала взгляд, — убежало после поражения в Вердэн, в Бругге, в Темерию, на Острова Скеллиге. Среди них есть вельможи, бароны, рыцари. Друзья, родственники... как и... подданные этой девчушки. Формально.

— Друзья и родственники после войны не стали ее искать. Не нашли.

— Потому что не им она была предназначена, — не очень искренне, но очень мило улыбнулась Трисс Геральту. Так мило, как только умела. Ей не хотелось, чтобы он говорил таким тоном.

Ведьмак пожал плечами. Трисс, которая немного знала его, сразу же сменила тактику, отказавшись от аргументации.

Снова взглянула на Цири. Девочка, ловко ступая по бревну, проделала быстрый поворот, рубанула легко, тут же отскочила. Манекен закачался на веревке.

— Ну наконец-то! — крикнул Ламберт. — Наконец-то поняла! Отступи и давай еще раз. Хочу удостовериться, что это не случайность!

— Меч, — обернулась Трисс к ведьмакам, — похоже, острый. Бревно, похоже, скользкое и неустойчивое. А учитель похож на идиота, сбивающего девочку с толку своим криком. Не боитесь? Или рассчитываете на то, что Предназначение оградит ребенка?

— Цири почти полгода тренировалась без меча, — сказал Койон. — Умеет двигаться. А мы внимательно следим, потому что...

— Потому что это ее дом, — докончил Геральт тихо, но жестко. Очень жестко. Тоном, пресекающим дискуссию.

— В том-то и дело, — глубоко вздохнул Весемир. — Ты устала, Трисс? Голодна?

— Не отрицаю, — вздохнула она, не пытаясь больше поймать взгляд Геральта. — Честно говоря, валюсь с ног. Последнюю ночь я провела в полуразрушенном пастушьем шалаше, зарывшись в солому и мешки. Уплотнила развалюху с помощью магии, если б не это, окочурилась бы, пожалуй. Мечтаю о чистой постели.

— Поужинаешь с нами. Сейчас. Потом как следует выспишься и отдохнешь. Мы приготовили тебе самую лучшую комнату, ту, что в башне. И поставили там самую лучшую кровать, какая только нашлась в Каэр Морхене.

— Благодарю, — кисло улыбнулась Трисс. «В башне, — подумала она. — Хорошо, Весемир. Сегодня можно и в башне, если тебе так уж важно соблюсти видимость приличия. Могу переночевать в башне. В лучшей кровати, какая только сыскалась в Каэр Морхене. Хоть и предпочитала бы в самой скверной, но с Геральтом».

— Пошли, Трисс.

— Пошли.

Ветер постукивал ставнями, шевелил прикрывающие окно остатки траченного молью гобелена. Трисс в абсолютной тьме лежала на лучшей в Каэр Морхене кровати. И не могла уснуть. И дело было вовсе не в том, что лучшая в Каэр Морхене кровать оказалась древней развалюхой. Нет. Трисс усиленно размышляла. И все отгоняющие сон мысли

крутились вокруг одного основного вопроса: почему и зачем ее вызвали в замок? С какой целью?

Болезнь Весемира — не более чем предлог. Весемир ведьмак. То, что при этом он еще и столетний дед, не мешает многим молодцам завидовать его здоровью. Если б оказалось, что старца, допустим, пырнул жалом мантихор или покусал вурдалак, тогда Трисс еще могла бы поверить, что ее вызвали именно к нему. Но «ломота в костях»? Смех, да и только. «Ломота в костях» — не шибко оригинальное недомогание в чертовски холодных стенах Каэр Морхена. Весемир вылечился бы ведьмачьим эликсиром или — еще проще — крепким ржаным самогоном внутрь и наружно в равных пропорциях. Ему не понадобилась бы чародейка с заклинаниями, фильтрами и амулетами.

Так кто же ее вызвал? Геральт?

Трисс ворочалась в постели, чувствуя волны накатывающего тепла. И возбуждения, усиленного злостью. Тихо выругалась, ударила кулаком по перине, перевернулась на бок. Древнее ложе заскрипело. «Я не владею собой, — подумала она. — Веду себя словно глупая девчонка. Или того хуже — как недоласканная старая дева. Не могу даже логично мыслить».

Она снова выругалась.

«Конечно же, не Геральт. Без эмоций, девица, без эмоций. Вспомни его мину там, в конюшне. Ты уже видывала такие мины, девочка, видела, не обманывай себя. Глупые, покаянные, растерянные мины мужчин, которые хотят забыть, которые сожалеют, которые не желают помнить случившегося, не хотят возвращаться к тому, что было. О боги, иначе не бывает. И ты это знаешь. Ведь у тебя солидный опыт, малышка».

Что касается эротической стороны жизни, то тут Трисс имела право считать себя типичной чародейкой. Началось все с кислого вкуса запретного плода, особо привлекательного из-за суровых правил академии и строжайших наказов преподавательницы, у которой она проходила практику. Потом наступила самостоятельность, свобода и неупорядоченные связи, закончившиеся, как обычно бывает, горечью,

разочарованием и воздержанием. Начался долгий период одиночества и, наконец, открытие, что для снятия стрессов и напряжений вовсе не так уж и необходим человек, желающий считать себя твоим господином сразу после того, как перевернется на спину и смахнет пот со лба. Что для успокоения нервов имеются менее хлопотные методы, которые, ко всему прочему, не пачкают полотенца кровью, не пускают под одеялом ветров и не требуют завтрака. Затем пришел краткий и забавный период удовлетворенности собственным полом, закончившийся выводом, что пачканье, ветры и обжорство свойственны отнюдь не только мужчинам. Наконец, как все без малого магички, Трисс перешла на приключения с другими чародеями, спорадические и нервирующие своим холодным, техничным и, как правило, ритуальным протеканием.

И тогда появился Геральт из Ривии. Ведущий беспокойную жизнь ведьмак, связанный странными, беспокойными и бурными отношениями с Йеннифэр, ее сердечной подружкой.

Трисс наблюдала за обоими и завидовала, хоть, казалось, завидовать-то было нечему. Связь явственно приносила несчастье обоим, ведя напрямую к истощению, была болезненной и... вопреки всякой логике продолжалась. Трисс этого не понимала. И ее это интриговало. Интриговало до такой степени, что...

Она соблазнила ведьмака, почти не пользуясь магией. Просто подоспело удачное время, момент, когда они с Йеннифэр в очередной раз осточертели друг другу и бурно расстались. Геральту требовалось тепло, и он хотел забыть обо всем.

Нет, Трисс не стремилась отнять его у Йеннифэр. По сути, подруга была ей нужнее, чем он. Но краткая связь с ведьмаком не разочаровала ее. Она нашла то, что искала, — чувство вины, страха и боли. Его боли. Трисс видела проявление этих эмоций, они ее будоражили, и она не смогла о них забыть, когда пришло время расстаться. А что такое своя боль, поняла недавно. В тот момент, когда неодолимо возжелала снова быть с ним. Ненадолго, на мгновение, но быть.

А теперь он так близко...

Трисс сжала пальцы в кулак и принялась колотить по подушке. «Нет, — подумала она, — не будь дурочкой, малышка. Не думай об этом. Думай о...»

О Цири? Неужели...

Да, вот истинная причина ее визита в Каэр Морхен. Пепельноволосая девочка, из которой в замке хотят сделать ведьмака. Настоящую ведьмачку. Мутантку. Машину для убийства, такую, как они сами.

«Это ясно, — подумала она вдруг, снова чувствуя возбуждение, но теперь, однако, совершенно иного рода. — Это ясно. Они собираются мутировать ребенка, подвергнуть его Испытанию Травами и Трансмутации, но не знают, с какого бока подступиться. Из стариков жив один Весемир, а Весемир всего лишь учитель фехтования. Скрытая в подземельях Каэр Морхена Лаборатория, покрытые пылью бутыли с легендарными эликсирами, печи, перегонные кубы и реторты... Никто не знает, как этим пользоваться. Потому что, совершенно ясно, мутагенные эликсиры разработал в незапамятные времена какой-то чародей-ренегат, а его наследники годами совершенствовали их, годами с помощью магии контролировали процесс трансмутации, которым подвергали детей. И однажды цепь прервалась. Не хватило магических знаний и способностей. У ведьмаков есть Травы, Лаборатория. Они знают рецептуру. Но у них нет чародея.

Как знать, — думала она, — может, и пытались? Давали детям декокты, приготовленные без участия магии?»

Она вздрогнула при мысли о том, что могло твориться с теми детьми.

«А теперь, — подумала она, — собираются мутировать девочку, но не знают как. А это может означать... Это может означать, что от меня ждут помощи. И я увижу то, чего не видел ни один ныне живущий чародей, познакомлюсь с тем, с чем ни один ныне живущий чародей не познакомился. Знаменитые травы, хранящиеся в величайшем секрете культуры вирусов, прославленные таинственные рецептуры...

И именно я поднесу пепельноволосому ребенку набор эликсиров, мне доведется наблюдать мутационные Изменения, собственными глазами видеть, как...

Как умирает пепельноволосое дитя.

О нет. — Трисс вздрогнула. — Никогда. Ни за что.

Впрочем, пожалуй, я раньше времени начинаю волноваться. Пожалуй, не в этом дело. За ужином мы беседовали, сплетничали о том о сем. Несколько раз я пыталась навести разговор на Дитя-Неожиданность. Впустую. Они тут же меняли тему.

Я наблюдала за ними. Весемир был сдержан и озабочен. Геральт неспокоен, Ламберт и Эскель неестественно веселы и болтливы, Койон естественен до неестественности. Искренна и открыта была только Цири, зарумянившаяся от мороза, растрепанная, счастливая и чертовски голодная. Они поедали похлебку с пряностями, густую от гренок и сыра, а Цири удивилась, что не подали грибков. Они пили сидр, но девочка получила воду, чем была явно удивлена и разочарована. «Где салат?» — взвизгнула она вдруг, а Ламберт резко и укоризненно глянул на нее и велел снять локти со стола.

Грибочки и салат. В декабре?

Ясно, — подумала Трисс. — Ее кормят легендарными пещерными грибками, неизвестной науке горной растительностью, поят знаменитыми напитками из таинственных трав. Девочка развивается быстро, набирается сатанинской, ведьмачьей кондиции. Естественным путем, без мутации, без риска, без гормональной революции. Но чародейке этого знать не положено. Для чародейки это секрет. Ничего они мне не скажут, ничего не покажут.

Я видела, как эта девчушка бегает. Видела, как она с мечом пляшет на бревне, ловкая и быстрая, полная прямотаки кошачьей грации, двигается словно акробатка. Я должна, — подумала она, — обязательно должна ее увидеть раздетой, посмотреть, как она развивается под влиянием того, чем ее здесь пичкают. А вдруг да удастся выкрасть и вывезти пробы грибочков и салата? Ну, ну...

А доверие? Чихала я на ваше доверие, ведьмаки. В мире процветают рак, черная оспа, столбняк и белокровие, есть

аллергия, есть синдром неожиданной смерти новорожденных. А вы укрываете от мира ваши грибочки, из которых, возможно, удалось бы дистиллировать спасающие жизнь лекарства. Держите в секрете даже от меня, перед которой похваляетесь дружбой, уважением и доверием. Даже я не могу увидеть не только Лабораторию, но и задрипанные грибки!

Зачем же вы меня сюда притащили? Меня, чародейку? Магия!»

Трисс захохотала.

«Ну, — подумала она, — вот я вас и поймала, ведьмаки! Цири нагнала на вас такого же страха, как и на меня. Погрузилась в сон наяву, начала вещать, прорицать, выдавать ауру, которую вы ощущаете почти так же хорошо, как и я. Безотчетно психокинетически схватила что-то или силой воли согнула оловянную ложку, уставившись на нее за обедом. Отвечала на вопросы, которые вы задавали мысленно, а может, и на те, что вы даже в мыслях боитесь себе задавать. И вас обуял страх. Вы сообразили, что ваша Неожиданность гораздо более неожиданна, чем вы могли подумать.

Вы сообразили, что приютили в Каэр Морхене Исток.

Что без чародейки вам не управиться.

А нет ни одной дружески к вам расположенной чародейки и ни одной, которой вы могли бы довериться. Кроме меня и...

И кроме Йеннифэр».

Ветер взвыл, захлопал ставнями, вздул гобелен. Трисс Меригольд перевернулась на спину, принялась задумчиво грызть ноготь большого пальца.

«Геральт не пригласил Йеннифэр. Пригласил меня. Так, может быть... Как знать. Возможно. Но если все так, как я думаю, то почему...

Почему?..»

— Почему ты не пришел сюда, ко мне? — тихо крикнула она в темень. Возбужденно и зло.

Ей ответил ветер, завывающий в руинах.

* * *

Утро было солнечное, но чертовски холодное. Трисс проснулась замерзшая, невыспавшаяся, но успокоенная и решившаяся.

В холл она спустилась последней. С удовлетворением встретила взгляды, награждавшие ее усилия, — дорожную одежду она сменила на простое, но эффектное платье, умело воспользовалась магическими ароматизаторами и немагической, но дьявольски дорогой косметикой. Трисс ела овсянку, перебрасываясь с ведьмаками малозначительными и банальными фразами.

— Опять вода? — вдруг заворчала Цири, заглянув в кубок. — У меня от воды зубы болят! Я хочу соку! Того, голубого!

— Не сутулься, — сказал Ламберт, краешком глаза глянув на Трисс. — И не утирайся рукавом! Кончай есть, пора на занятия. Дни все короче.

— Геральт. — Трисс покончила с овсянкой. — Вчера Цири упала на Пути. Ничего страшного, виной ее шутовская одежда. Все это подогнано отвратительно, вернее, не подогнано вовсе и мешает ей двигаться.

Весемир кашлянул, отвел глаза. «Так, — подумала чародейка, — значит, это твоя работа, Мастер меча. Факт, похоже, кафтанчик скроен мечом, а сшит наконечником стрелы».

— Дни, и верно, все короче, — начала она, не дождавшись комментариев. — Но сегодняшний мы сократим еще больше. Ты кончила, Цири? Пошли со мной. Сделаем необходимые поправки в твоем обмундировании.

— Она бегает в нем уже год, Меригольд, — зло бросил Ламберт. — И все было в порядке, пока...

— ...пока не явилась баба, которая не может видеть немодную и плохо сидящую одежду? Ты прав, Ламберт. Но баба явилась — и порядок рухнул, пришло время великих перемен. Идем, Цири.

Девочка замялась, взглянула на Геральта. Геральт кивнул, улыбнулся. Хорошо. Так, как умел улыбаться раньше, когда...

Трисс отвела глаза. Улыбка предназначалась не ей.

* * *

Комната Цири была точной копией жилищ ведьмаков. Как и у них, здесь не было практически ничего, кроме сколоченной из досок лежанки, табурета и сундучка. Стены и двери своих жилищ ведьмаки украшали шкурами забитых на охоте зверей — оленей, рысей, даже росомах. На дверях же комнатки Цири висела шкура гигантской крысы с отвратительным чешуйчатым хвостом. Трисс поборола в себе желание сорвать вонючую гадость и выкинуть в окно.

Девочка, стоя около лежанки, выжидающе смотрела на нее.

— Попытаемся, — сказала чародейка, — слегка подправить твой... балахон. Мне всегда удавались кройка и шитье, думаю, управлюсь и с этой козловой шкурой. А ты, ведьмачка, когда-нибудь держала в руке иглу? Тебя научили хоть чему-то сверх того, чтобы дырявить мечом мешки с сеном?

— Когда я была в Заречье, в Кагене, приходилось прясть, — неохотно буркнула Цири. — Шить мне не позволяли, потому что я только портила лен и напрасно тратила нитки. После меня все надо было распарывать. Ужасненько скучная эта штука — прядение, ой-ёй!

— Факт, — захохотала Трисс. — Скучнее не придумаешь. Я тоже не люблю прясть.

— А приходилось? Мне да, потому как... Но ты же чаров... Чародейка. Ты же можешь все выколдовать! А свое красивое платье... ты его... выколдовала?

— Нет, — улыбнулась Трисс. — Но и не сама сшила. Не настолько уж я способная.

— А как ты сделаешь мне одежду? Волшебством?

— Зачем? Достаточно магической иглы, которой мы с помощью заклинаний добавим немного прыти, а если понадобится...

Трисс медленно провела рукой по обведенной бахромой дырке на рукаве курточки, пробормотала заклинание, одновременно активируя амулет. От дырки не осталось и следа. Цири запищала от восторга:

— Это волшебство! Теперь у меня будет волшебная курточка! Хо!

— Пока не сошью нормальной, но приличной. Ну а теперь снимай все, девочка моя, переоденешься в другое. Надеюсь, это не единственная твоя одежда?

Цири покачала головой, приподняла крышку сундучка, показала вылинявшее просторное платьице, серо-голубой кафтанчик, льняную рубашку и шерстяную блузку, напоминающую хламиду.

— Это мое, — сказала она. — В этом я сюда приехала. Но теперь не ношу. Бабьи шмотки.

— Понятно, — насмешливо поморщилась Трисс. — Бабьи не бабьи, а пока придется надеть. Ну, живей раздевайся. Дай-ка я помогу... Е-мое! Это что такое?

Руки девочки были покрыты огромными, налитыми кровью синяками. Многие уже пожелтели, некоторые были совсем свежими.

— Это еще что, черт возьми? — зло повторила волшебница. — Кто тебя так отделал?

— Это? — Цири глянула на руки, словно была удивлена количеством синяков. — Ах, это... Ветряк. Очень медленно работала.

— Что за ветряк? Говори толком!

— Ну ветряк, — повторила Цири, поднимая на волшебницу свои огромные глаза. — Ну такой... Ну... Я на нем учусь вывертываться при нападении. У него такие лапы из палок, и он крутится и размахивает этими лапами. Надо очень быстро прыгать и уворачиваться. Надо вырабатывать... лефрекс. Ежели нет лефрекса, то ветряк хватает тебя палкой. Вначале этот ветряк ужасненько поколачивал. Ну а теперь-то...

— Снимай штанишки и рубаху. О боги! Дева! Как ты вообще можешь ходить? Бегать?

Оба бедра и ляжки были черно-синими от кровоподтеков и припухлостей. Цири вздрогнула и зашипела, пятясь от волшебницы. Трисс выругалась по-краснолюдски. Хуже некуда.

— Тоже ветряк? — спросила она, пытаясь сохранять спокойствие.

— Это? Нет. Вот это ветряк. — Цири равнодушно указала на роскошный синяк пониже левого колена. — А эти —

другие... Это маятник. На маятнике я отрабатываю шаги с мечом. Геральт говорит, что я уже в норме... На маятнике. Говорит, у меня есть это... ну... Чутье. Вот — чутье есть.

— А если не хватит чутья, — скрежетнула зубами Трисс, — тогда, полагаю, маятник тебя саданет?

— Обязательно, — поддакнула девочка, глядя на чародейку и явно насмехаясь над ее неведением. — Еще как саданет-то!

— А здесь? На боку? Это что было? Кузнечный молот?

Цири зашипела от боли и покраснела.

— С гребенки свалилась...

— ...и гребенка по тебе саданула, — докончила Трисс. Ей было все труднее сдерживаться.

— Ну как же гребенка может садануть, — фыркнула Цири, — если она вкопана в землю? Не может! Я просто упала. Училась делать пируэт в подскоке, и у меня не вышло. Вот и синяк. Потому что ударилась о столбик.

— И лежала два дня? И дышать было трудно? Болит?

— И вовсе нет. Койон размассировал меня и снова посадил на гребенку. Так надо, понимаешь? Иначе испугаешься навсегда.

— Что-что?

— Испугаешься навсегда, — гордо повторила Цири, отбрасывая со лба пепельную челку. — Не знаешь? Даже если с тобой что-то случится, надо все равно сразу же возвращаться на снаряд, иначе станешь трусить, а если будешь трусить, то фига с два у тебя получится. Нельзя отказываться от тренировки. Так сказал Геральт.

— Надо будет запомнить, — процедила волшебница. — Да и то, что автор — Геральт. Недурственный рецепт на жизнь, только я не уверена, годится ли он при любых обстоятельствах. Но его довольно легко реализовать за чужой счет. Итак, отказываться нельзя. Даже если тебя повалят на землю и примутся колотить как только могут, ты должна встать и продолжать тренировки. Иначе... фига с два?

— Конечно. Ведьмак не боится ничего.

— Серьезно? А ты, Цири? Тоже ничего не боишься. Отвечай честно.

Девочка отвернулась, закусила губу.

— Никому не скажешь?

— Не скажу.

— Больше всего я боюсь двух маятников. Двух сразу. И ветряка, но только когда его запускают с большой скоростью. И еще есть такая длинная жердь. На нее-то я все еще должна лазить с этим, как его, страхом... не, страховкой. Ламберт говорит, что я растяпа и недотепа, но это вовсе не так. Геральт мне сказал, что у меня немного в другом месте центр тяги... не, тяжести, потому что я девочка. Просто надо больше заниматься, разве что... Я хотела тебя о чем-то спросить. Можно?

— Можно.

— Если ты разбираешься в магии и заклинаниях... Если можешь волшебствовать... Ты можешь сделать так, чтобы я стала мальчишкой?

— Нет, — ответила Трисс ледяным голосом. — Не могу.

— Хм... — явно опечалилась юная ведьмачка. — А не можешь хотя бы...

— Хотя бы что?

— Ну не можешь ли ты сделать так, чтобы мне не приходилось... — Цири залилась румянцем. — Давай на ушко скажу.

— Говори, — наклонилась Трисс. — Слушаю.

Цири, покраснев еще сильнее, приблизила губы к каштановым волосам чародейки.

Трисс быстро выпрямилась, глаза у нее запылали.

— Сегодня? Сейчас?

— Угу.

— Затраханные мудаки! — рявкнула чародейка и пнула табурет так, что тот врезался в дверь, сбив с нее крысиную шкуру. — Зараза, мор, чума и проказа! Убью проклятых кретинов!!!

— Успокойся, Меригольд, — сказал Ламберт. — Волноваться вредно и, главное, нет причин.

— Не учи меня! И перестань называть «Меригольд»! А еще лучше, если вообще замолчишь. Я не с тобой говорю.

Весемир, Геральт, кто-нибудь из вас видел, как вы отделали ребенка? У нее на теле живого местечка нет!

— Дитя, — серьезно сказал Весемир. — Не позволяй эмоциям овладеть тобой. Ты была воспитана иначе, видела, как детей воспитывают по-другому. Родина Цири — Юг, там девочек и мальчиков воспитывают совершенно одинаково, никакой разницы, как у эльфов. На пони ее посадили, когда ей было пять лет от роду, а когда стукнуло восемь — она уже ездила на охоту. Ее учили пользоваться луком, копьем и мечом. Синяки для Цири — не новость...

— Не рассказывайте мне баек, — возмутилась Трисс. — Не прикидывайтесь идиотами. Здесь — не пони, не прогулки и не катание на санках. Здесь Каэр Морхен! На ваших ветряках и маятниках, на вашей Мучильне поломали кости и свернули шеи десятки мальчиков, закаленных и испытанных жизнью бродяг, подобных вам, которых вы собирали по большакам и вытаскивали из канав. Жилистых, битых жизнью сорванцов и гуляк. А какие шансы у Цири? Даже воспитанная на Юге, даже по-эльфьему, даже такой гром-бабой, как Львица Каланте, эта малышка по-прежнему была и остается княжной. Нежная кожа, изящное сложение, легкий костяк... Это девочка! Кого вы намерены из нее сотворить? Ведьмака?

— Эта девочка, — тихо и спокойно проговорил Геральт, — эта нежная маленькая княжна пережила бойню в Цинтре. Предоставленная самой себе, она пробралась сквозь когорты Нильфгаарда. Ухитрилась избежать рыскающих по селам мародеров, которые грабили и изничтожали все живое. Продержалась две недели в лесах Заречья, совершенно одна. Месяц бродила с кучкой беженцев, тяжко вкалывала наравне со всеми и наравне со всеми голодала. Почти полгода батрачила в деревне, когда ее приютила семья кметов. Поверь, Трисс, жизнь научила ее и закалила не хуже, чем подобных нам бродяг, собранных в Каэр Морхене с большаков и из канав. Цири не слабее подобных нам, нежеланных, незаконнорожденных, подкинутых ведьмакам в корчмах, словно котята в ивовых корзинках. А то, что она девочка... Какое это имеет значение?

— И ты еще спрашиваешь? Смеешь спрашивать? — крикнула чародейка. — Какое это имеет значение? А такое, что девочка, не будучи подобна вам, имеет свои собственные дни! И с большим трудом это переносит! А вы хотите, чтобы она выблевывала свои легкие на Мучильне и каких-то идиотских ветряках!

Хоть Трисс и была чертовски зла, но почувствовала огромное удовлетворение при виде поглупевших физиономий молодых ведьмаков и вдруг отвисшей челюсти Весемира.

— Вы даже не знали, — покачала она головой уже спокойно, но с мягким укором. — Тоже мне — опекуны! Девочка стесняется говорить об этом, потому что ее научили о таких неприятностях мужчинам не говорить. И стыдится слабости, боли, того, что она не такая ловкая, как обычно. Хоть кто-нибудь из вас подумал об этом? Заинтересовался? Попробовал догадаться, что ей мешает? А может, она впервые в жизни закровоточила у вас, здесь, в Каэр Морхене? И плакала по ночам, ни у кого не находя сочувствия, даже просто понимания? Хоть кто-нибудь из вас вообще об этом подумал?

— Прекрати, Трисс, — тихо охнул Геральт. — Достаточно. Ты добилась, чего хотела. А может, и больше, чем хотела.

— Пропади все пропадом, — выругался Койон. — Хороши ж мы были, ничего не скажешь. Эх, Весемир, но ты-то...

— Замолчи, — буркнул старый ведьмак. — Ничего не говори.

Совершенно неожиданно повел себя Эскель, который встал, подошел к чародейке, низко поклонился, взял ее руку и уважительно поцеловал. Она быстро отдернула руку. Не для того чтобы продемонстрировать злобу и раздражение, а чтобы прервать приятную, пронзившую ее вибрацию, вызванную прикосновением ведьмака. Эскель эманировал сильно. Сильнее, чем Геральт.

— Трисс, — сказал он, озабоченно потирая чудовищный шрам на щеке. — Помоги нам. Просим. Помоги нам, Трисс.

Чародейка глянула ему в глаза, сжала губы.

— В чем? В чем я должна помочь, Эскель?

Эскель снова потер шрам, взглянул на Геральта. Беловолосый ведьмак наклонил голову, прикрыл глаза рукой. Весемир громко откашлялся.

В этот момент скрипнула дверь и в холл вошла Цири. Кашель Весемира перешел во что-то вроде хриплого, громкого вздоха. Ламберт раскрыл рот. Трисс сдержала смех.

Цири, подстриженная и причесанная, шла к ним мелкими шажочками, осторожно придерживая темно-голубое платьице, подрезанное снизу и подогнанное по фигурке, но еще несущее на себе следы перевозки во вьюках. На шее девочки поблескивал второй презент от чародейки — черная змейка из лаковой кожи с рубиновым глазком и золотой застежкой.

Цири задержалась перед Весемиром. Не очень зная, что делать с руками, засунула большие пальцы за поясок.

— Я не могу сегодня тренироваться, — медленно и четко проговорила она в абсолютной тишине, — потому что я... я... — Она взглянула на чародейку. Трисс подмигнула ей, скорчив рожицу, как довольный озорством сорванец, пошевелила губами, подсказывая выученную причину. — Я... мне... нездоровится, — докончила Цири громко и гордо, задрав нос чуть не до бревенчатого потолка.

Весемир снова раскашлялся. Но Эскель, милый Эскель, не потерял головы и опять повел себя так, как и положено.

— Конечно, — сказал он, улыбнувшись. — Это понятно и очевидно. Мы отложим обучение до тех пор, пока ты... пока тебе не перестанет... нездоровиться. Теоретические занятия тоже сократим, а если ты почувствуешь себя плохо, то и вовсе отменим. Если тебе понадобятся медикаменты либо...

— Этим займусь я, — вмешалась Трисс, тоже улыбнувшись. Легко и свободно.

— Да... — Только теперь Цири слегка зарумянилась и взглянула на старого ведьмака. — Дядя Весемир, я попросила Трисс... То есть госпожу Меригольд, чтобы... Потому что... Ну чтобы она осталась с нами. Подольше. Долго. Но Трисс сказала, что ты должен дать на это согласие, или как-то так... Дядя Весемир! Согласись!

— Соглашаюсь... — прокашлялся Весемир. — Конечно, соглашаюсь!

— Мы ужасно рады. — Только теперь Геральт отнял руку ото лба. — Нам ужасно приятно, Трисс.

— Ужасненько, — пискнула Цири.

Чародейка слегка кивнула Цири и невинно взмахнула ресницами, накручивая на палец каштановый локон. У Геральта было каменное лицо.

— Ты очень правильно и тактично поступила, Цири, — сказал он, — предложив госпоже Меригольд подольше погостить в Каэр Морхене. Я горжусь тобой, Цири.

Цири покраснела, широко улыбнулась. Чародейка подала ей следующий условный знак.

— А теперь, господа, — сказала девочка, еще выше задирая нос, — оставляю вас одних, потому как вы наверняка желаете обсудить с Трисс различные важные проблемы. Госпожа Меригольд, дядя Весемир, милостивые государи... Я прощаюсь. Временно.

Она грациозно присела и вышла из холла, медленно и с достоинством ступая по лестнице.

— Дьявольщина, — прервал тишину Ламберт. — Подумать только, а я не верил, что она и вправду княжна.

— Поняли, обалдуи? — Весемир осмотрелся. — Если утром она натянет платьице... И чтобы мне никаких тренировок... Ясно?

Эскель и Койон окинули старика взглядами, лишенными даже признаков почтения. Ламберт открыто фыркнул. Геральт смотрел на чародейку. Она улыбалась.

— Условия? — явно обеспокоился Эскель. — Трисс, мы же поклялись, что облегчим Цири тренировки. Какие тебе еще нужны условия?

— Ну условия, пожалуй, не самое удачное слово. Назовем это советами. Я дам вам три совета, и вы будете им строго следовать. Если, конечно, вам важно, чтобы я осталась и помогла воспитывать малышку.

— Слушаем, — сказал Геральт. — Говори, Трисс.

— Прежде всего, — начала она, насмешливо улыбаясь, — необходимо разнообразить меню Цири. В особенности ограничить присутствие в нем секретных грибочков и таинственной зелени.

Геральт и Койон владели собой прекрасно. Ламберт и Эскель немного хуже. Весемир не владел вообще. «Ну что ж, — подумала Трисс, глядя на его смешно обеспокоенную мину, — в его времена мир был лучше. Лицемерие считалось пороком, которого надлежало стыдиться. Искренность не осуждалась».

— Меньше отваров из малоизвестных трав, — продолжала она, стараясь сдержать смех, — а больше молока. У вас есть козы. Доение никакое не искусство, увидишь, Ламберт, научишься мгновенно.

— Трисс, — начал Геральт, — послушай...

— Нет, ты послушай. Вы не подвергали Цири резкой мутации, не затрагивали гормонов, не пробовали эликсиры и Травы. И за это вам хвала. Это было разумно, по-человечески. Вы пока что не нанесли ей вреда ядами, тем более нельзя ее калечить теперь.

— О чем это ты?

— Грибочки, секреты которых вы так оберегаете, — пояснила она, — действительно сохраняют девочку в прекрасной форме и укрепляют мышцы. Травы гарантируют идеальный обмен веществ и ускоряют развитие. Однако все, вместе взятое, дополненное тренировками, приводит к определенным изменениям в строении тела. В жировой ткани. Цири — женщина. Если вы не калечили ее гормонально, то не калечьте физически. Когда-нибудь она может обидеться на вас за то, что вы так безжалостно лишили ее женских... атрибутов. Вы понимаете, о чем я?

— А как же, — буркнул Ламберт, бесстыже рассматривая бюст Трисс, натягивающий ткань платья. Эскель кашлянул и испепелил юного ведьмака взглядом.

— Пока что, — медленно проговорил Геральт, тоже стрельнув глазами, — ты, надеюсь, не обнаружила в ней ничего необратимого?

— Нет, — улыбнулась она. — К счастью, нет. Она развивается нормальной и здоровой, сложена как юная дриада, приятно смотреть. Но, пожалуйста, соблюдайте умеренность в использовании ускорителей.

— Будем соблюдать, — пообещал Весемир. — Благодарим за предупреждение, дитя. Что еще? Ты говорила о трех... советах.

— Именно. Вот второй: нельзя допустить, чтобы Цири здесь одичала. Ей необходим контакт с миром. С ровесниками. Она должна получить приличное образование и подготовиться к нормальной жизни. Пока пусть себе размахивает мечом. Без мутации ведьмачка из нее все равно не получится, но ведьмачья тренировка ей не повредит. Времена сейчас трудные и опасные, сумеет защититься, если понадобится. Как эльфка. Но вы не имеете права похоронить ее тут, в вашей глухомани. Она должна приобщиться к нормальной жизни.

— Ее нормальная жизнь сгорела вместе с Цинтрой, — проворчал Геральт. — Однако, Трисс, ты, как всегда, права. Мы уже думали об этом. Придет весна, отвезу ее в храмовую школу к Нэннеке, в Элландер.

— Очень удачная мысль и мудрое решение. Нэннеке — исключительная женщина, а храм богини Мелитэле — исключительное место. Безопасное, верное, гарантирующее необходимое девочке воспитание. Цири знает?

— Знает. Скандалила несколько дней, но в конце концов приняла к сведению. Сейчас даже с нетерпением ждет весны, ее подбадривает перспектива поездки в Темерию. Интересует окружающий мир.

— Как и меня в ее возрасте, — улыбнулась Трисс. — И это сравнение опасно приближает нас к третьему совету. Самому важному. И вы знаете какому. Не делайте глупых мин. Я — чародейка, забыли? Не знаю, сколько времени вам потребовалось на то, чтобы распознать магические способности Цири. Мне — не больше получаса, и я уже поняла, кого, вернее, что представляет собою девочка.

— И что же?

— Исток!

— Невероятно!

— Вероятно! Даже наверняка. Цири — Исток, у нее медиумические способности. Больше того, эти способности вызывают опасение. Только и исключительно поэтому вы притащили меня в Каэр Морхен, верно? Я права? Только и исключительно поэтому?

— Да, — после недолгого молчания подтвердил Весемир.

Трисс незаметно с облегчением вздохнула. Она опасалась, что подтвердит Геральт.

Назавтра выпал первый снег. Вначале слабый, он вскоре перешел в метель. Шел всю ночь, а наутро стены Каэр Морхена утонули в заносах. О том, чтобы бегать по Мучильне, нечего было и думать, тем более что Цири все еще чувствовала себя неважно. Трисс подозревала, что ведьмачьи ускорители могли быть причиной менструальных нарушений. Однако уверенности не было, об этих снадобьях она практически не знала ничего, а Цири, несомненно, была единственной девочкой на свете, которой таковые давали. Ведьмакам она о своих подозрениях не сказала. Не хотела огорчать и тревожить, предпочитала использовать собственные методы. Напоила Цири эликсирами, повязала ей на талии под платьицем шнурок активных яшм и запретила производить какие-либо усилия, в особенности же дико гоняться с мечом за крысами.

Цири скучала, сонно бродила по замку, наконец из-за отсутствия других развлечений присоединилась к Койону, занимавшемуся уборкой конюшни, чисткой и ремонтом упряжи.

Геральт, что вызвало бешенство чародейки, где-то пропадал и появился лишь под вечер, притащив подстреленную косулю. Трисс помогла ему разделать добычу. Хоть страшно брезговала запахом мяса и крови, но хотела быть рядом с ведьмаком. Рядом. Как можно ближе. В ней набирала силу холодная, ожесточенная решимость. Она не желала больше спать одна.

— Трисс! — неожиданно крикнула Цири, с топотом сбегая по лестнице. — Можно я сегодня лягу у тебя? Трисс, я тебя прошу, ну разреши! Прошу тебя, Трисс!

Снег падал и падал. Посветлело лишь, когда наступил Midinvaern — День Зимнего Солнцестояния. Мидинваэрн.

На третий день умерли все дети, кроме одного отрока годов едва десяти. Оный, мучимый бурным безумием, вдруг впал в глубокое беспамятство. Очи его стали аки стекло, он непрестанно хватал руками покрывало либо водил ими в воздухе, как бы желаючи ухватить перо пишущее. Дыхание стало громким и хриплым, пот хладный, липучий и смердящий выступил на коже. Тогда снова ввели ему эликсир в жилы, и приступ повторился. На сей раз начался из носа кровоток, а кашель перешел во рвоту, после коей отрок совсем светшал и обессилел.

Признаки таковые не мягчали два дни. Кожа отрока, прежде залитая потом, сухой стала и горячей, пульс утратил полноту и жесткость, был, однако же, довольно сильным, скорее медлительным, нежели быстрым. Ни единого разу отрок сей уж не приходил в себя и не кричал боле.

Наконец настал день седьмый. Отрок очнулся как бы ото сна и отверст очи, а очи его были како у змеи...

Карла Деметия Крест.
«Испытание Травами
и иные тайные ведьмаков практики,
собственными глазами наблюдавшиеся».
Манускрипт исключительно
для ознакомления
Капитула Чародеев

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Ваши опасения были необоснованными, совершенно беспочвенными, — поморщилась Трисс, опершись локтями о стол. — Миновали времена, когда волшебники охотились за Истоками и магически одаренными детьми, силой, а то и обманом вырывали их из рук родителей или опекунов. Вы что, серьезно считали, что мне захочется отнять у вас Цири?

Ламберт фыркнул и отвернулся. Эскель и Весемир глянули на Геральта, но тот молчал. Он смотрел в сторону, все время поигрывая своим серебряным медальоном ведьмака — головой волка, ощерившего клыки. Трисс знала, что медальон реагирует на магию. В такую ночь, как Мидинваэрн, когда воздух прямо-таки вибрирует от магии, медальоны ведьмаков должны дрожать не переставая, раздражать и беспокоить.

— Нет, детка, — наконец проговорил Весемир. — Знаем, ты бы этого не сделала. Но знаем и то, что ты обязана сообщить о ней Капитулу. Давным-давно известно, что это входит в обязанности каждого чародея и чародейки. Да, вы наблюдаете за такими детьми, чтобы потом в подходящий момент соблазнить их магией, склонить...

— Успокойтесь, — холодно прервала она. — Я не скажу о Цири никому. Капитулу тоже... Что вы так смотрите?

— Удивлены легкостью, с которой ты обещаешь хранить тайну, — спокойно сказал Эскель. — Прости, Трисс,

не хотелось бы тебя обижать, но куда подевалась ваша легендарная лояльность по отношению к Совету и Капитулу?

— Многое произошло. Война многое изменила. А битва за Содден и того больше. Не хочу утомлять вас политикой, но некоторые проблемы и вопросы, простите, вообще секретны, и я не имею права их раскрывать. Что же касается лояльности... Я лояльна. Но можете поверить, в этом деле я могу быть лояльной по отношению и к Капитулу, и к вам.

— Такая двойная лояльность, — впервые за вечер Геральт посмотрел ей в глаза, — чертовски трудная штука. Она редко кому удается, Трисс...

Чародейка взглянула на Цири. Девочка с Койоном сидели на медвежьей шкуре в дальнем углу холла и играли в ладушки. Игра была однообразной, оба были одинаково ловкими, ни один не мог прихлопнуть руку другого. Однако им это явно не мешало и не портило забавы.

— Геральт, — сказала Трисс. — Найдя Цири там, над Яругой, ты забрал ее с собой. Привез в Каэр Морхен, спрятал от мира, не хочешь, чтобы даже близкие ребенку люди знали, что она жива. Что-то мне неизвестное заставило тебя поверить в существование Предназначения, в то, что мы находимся в его власти и оно руководит нами во всех наших поступках. Я тоже так считаю, всегда так считала. Ежели Предназначение пожелает, чтобы Цири стала волшебницей, она ею станет. Ни Капитул, ни Совет не должны о ней знать, не должны за ней наблюдать либо уговаривать ее. Сохранив ваш секрет, я вовсе не предам Капитула. Но, как вы сами понимаете, есть тут одна загвоздка.

— Если б одна, — вздохнул Весемир. — Говори, дитя мое.

— У девочки магические способности, и ими нельзя пренебрегать. Это чревато...

— Чем?

— Неконтролируемые способности опасны. Для Истока и для окружения. Окружению Исток может угрожать по-всякому. Себе — только одним: болезнью мозга. Чаще всего — кататонией.

— Тысяча дьяволов! — после долгого молчания проговорил Ламберт. — Вот слушаю я вас и думаю: кто-то тут уже

явно тронулся умом, того и гляди, начнет угрожать окружающим. Предназначение, Истоки, чудеса, невидимки... Ты не перебарщиваешь, Меригольд? Она что, первый ребенок, которого приволокли в Замок? Никакого Предназначения Геральт не нашел, просто отыскал очередного осиротевшего и бездомного ребенка. Мы научим ее пользоваться мечом и выпустим в мир, как множество других. Согласен, никогда раньше нам не доводилось тренировать в Каэр Морхене девочек. Были у нас с Цири проблемы, мы совершали ошибки, и хорошо, что ты нам на них указала. Но не переусердствуй. Она не так уж неповторима, чтобы падать пред ней на колени и воздевать очи горе. Мало, что ли, кружит по миру баб-воительниц? Уверяю тебя, Меригольд, Цири выйдет отсюда ловкой и здоровой, сильной и способной управляться с житейскими невзгодами. И, ручаюсь, без всяких там кататоний и других падучих. Если, конечно, ты не внушишь ей чего-нибудь такого.

— Весемир, — Трисс повернулась в кресле, — вели ему замолкнуть, он мешает.

— Мудришь, — спокойно сказал Ламберт, — а ведь еще не обо всем знаешь. Гляди.

Он протянул руку к камину, странно сложив пальцы. В камине загудело и завыло, пламя вскипело, поленья раскалились, взорвались искрами. Геральт, Весемир и Эскель беспокойно посмотрели на Цири, но девочка не обратила внимания на эффектный фейерверк.

Трисс скрестила руки на груди, вызывающе глянула на Ламберта.

— Знак Аард? Хотел меня удивить? Таким же знаком, утроенным концентрацией, усилием воли и заклинанием, я могу мгновенно выкинуть поленья из камина, да так высоко, что тебе они покажутся звездами.

— Ты-то можешь, — согласился он. — А вот Цири — нет. Она не в состоянии сложить знак Аард. И вообще никакой знак сложить не в состоянии. Пробовала сотни раз, и... ничего. А ты прекрасно знаешь, что для наших Знаков требуется минимум способностей. Получается, что у Цири нет даже их. Она совершенно нормальный ребенок. У нее

нет и признака магических возможностей, она типичный антиталант. А ты нам плетешь сказки об Истоке, пытаешься напугать...

— Исток, — холодно объяснила Трисс, — не контролирует своих умений, они ей не подчиняются. Она — медиум, что-то вроде посредника. Бессознательно контактирует с энергией, бессознательно ее преобразует. А когда пытается взять под контроль, когда прикладывает усилия, как, например, при попытках сложить Знаки, у нее ничего не выходит. И не выйдет не только после сотни, но и после тысячи попыток. Это типично для Истока. Но вот наступает момент, когда Исток не прилагает усилий, не напрягается, сидит себе спокойненько, размышляет о манной кашке либо о колбасе с капустой, играет в кости, «любится» с кем-то в постели, ковыряет в носу... и вдруг что-то происходит. Например, пламя охватывает дом или вспыхивает полгорода.

— Преувеличиваешь, Меригольд.

— Ламберт, — Геральт отпустил медальон, положил руки на стол, — во-первых, не называй Трисс «Меригольд», она не раз просила тебя. Во-вторых, Трисс не преувеличивает. Я собственными глазами видел в деле Цирину мамочку, принцессу Паветту. Поверьте, было на что посмотреть. Не знаю, была ли она Истоком, но никто и не подозревал о ее способностях, пока она чуть было не развалила королевский замок в Цинтре.

— Выходит, надо согласиться, — сказал Эскель, зажигая свечи в очередном подсвечнике, — что у Цири это вполне может быть наследственным.

— Не только может быть, — сказал Весемир, — а определенно есть. С одной стороны, Ламберт прав. Цири не способна складывать Знаки. С другой... Все мы видели...

Он замолчал, глянул на Цири, которая радостным писком отмечала только что одержанную победу. Трисс видела улыбку на лице Койона и не сомневалась, что тот просто поддался.

— Именно, — насмешливо сказала она. — Видели. Что вы видели? При каких обстоятельствах? А вам не кажется, парни, что пришло время поговорить откровенно? Черт побери, повторяю, я сохраню тайну. Слово даю.

Ламберт взглянул на Геральта. Геральт утвердительно кивнул. Молодой ведьмак встал, снял с высокой полки большой квадратный хрустальный графин и небольшой флакончик. Перелил содержимое флакончика в графин, встряхнул, разлил прозрачную жидкость по стоящим на столе кубкам.

— Выпей с нами, Трисс.

— Неужто ваша тайна и впрямь настолько страшна, — съехидничала чародейка, — что на трезвую голову о ней говорить нельзя, обязательно надо сначала надраться?

— Не умничай. Глотни. Легче поймешь.

— А что это?

— «Белая Чайка».

— Что?

— Легкое снадобье, — улыбнулся Эскель, — для приятных сновидений.

— Черт возьми! Ведьмачий галлюциноген? Так вот почему у вас вечерами блестят глаза!

— «Белая Чайка» — мягкое средство. Галлюциногены содержит «Черная».

— Если в напитке есть магия, мне нельзя его брать в рот!

— Исключительно натуральные составляющие, — успокоил Геральт, но при этом мина у него была сконфуженная. Он явно опасался расспросов о составе эликсира. — К тому же разбавлены большим количеством воды. Мы б не стали предлагать что-то такое, что может навредить.

Игристая жидкость со странным вкусом обожгла холодом глотку, разлилась теплом по телу. Чародейка провела языком по деснам и нёбу. Но не смогла распознать ни одного составляющего элемента.

— Вы дали Цири выпить этой... «Чайки»? — догадалась она. — И тогда...

— Чистая случайность, — прервал ее Геральт. — В первый вечер, сразу по приезде... Она хотела пить. Бокал «Чайки» стоял на столе. Мы не успели оглянуться, как она выпила одним духом. И впала в транс.

— Набрались мы страха, — признался Весемир и вздохнул. — Ох, набрались, девочка. По горлышко.

— Она заговорила не своим голосом, — спокойно сказала Трисс, глядя ведьмакам в глаза, отражавшие огоньки свечей. — Начала говорить о том, чего знать не могла. Начала... пророчествовать. Верно? Что она говорила?

— Глупости, — сухо сказал Ламберт. — Бессмысленный бред.

— Не сомневаюсь, что вы тогда прекрасно поняли друг друга. Бред — твоя стихия, убеждаюсь всякий раз, стоит тебе раскрыть рот. Окажи любезность, не раскрывай его некоторое время. Лады?

— На этот раз, Трисс, — серьезно сказал Эскель, потирая шрам на щеке, — Ламберт прав. Глотнув «Чайки», Цири действительно заговорила так, что мы ничего не сумели понять. Тогда, в первый раз, это была полная белиберда. Только после...

Он осекся. Трисс догадливо покрутила головой.

— Только во второй раз она заговорила осмысленно. Стало быть, был и второй. Тоже после наркотика, который хлебнула по вашей неосмотрительности?

— Трисс, — поднял голову Геральт. — Сейчас не до шуток. Нас это не забавляет. Нас это тревожит и беспокоит. Да, был и второй раз. Цири довольно неудачно упала во время тренировки. Потеряла сознание. Когда пришла в себя, снова погрузилась в транс. И опять несла чепуху. И снова голос был не ее. И снова все было непонятно. Но я уже слышал подобные голоса, подобный характер речи. Так говорят несчастные, хворые, душевнобольные женщины, которых называют оракулами. Понимаешь, что я имею в виду?

— Полностью. Это во второй раз. Переходим к третьему.

Геральт вытер лоб, вдруг покрывшийся испариной.

— Цири часто просыпается среди ночи, — начал он. — С криком. Она многое пережила. Она не хочет об этом говорить, но, несомненно, видела в Цинтре и Ангрене такое, что ребенку видеть не положено. Я даже опасаюсь, что... кто-то ее... обидел. И это возвращается в снах. Обычно ее легко успокоить, она засыпает без труда... Но однажды, проснувшись, она снова впала в транс. Опять заговорила чужим, неприятным... злым голосом. Говорила

четко и осмысленно. Пророчествовала, прорицала. И напророчила нам...

— Что? Что, Геральт?

— Смерть, — мягко сказал Весемир. — Смерть, дитя мое.

Трисс взглянула на Цири, пискливо упрекавшую Койона в обмане. Койон обнял ее, рассмеялся. Чародейка вдруг поняла, что никогда, никогда раньше не слышала, чтобы ведьмаки смеялись.

— Кому? — быстро спросила она, глядя на Койона.

— Ему, — сказал Весемир.

— И мне, — добавил Геральт. И улыбнулся.

— А когда проснулась...

— Ничего не помнила. А мы не расспрашивали.

— И правильно сделали. Теперь о пророчестве. Оно было конкретным, детальным?

— Нет, — глянул ей прямо в глаза Геральт. — Путаным. Не спрашивай об этом, Трисс. Нас печалит не содержание ворожбы и бреда Цири, а лишь то, что с ней творится. Мы боимся не за себя, а за...

— Осторожнее, — бросил Весемир. — Не говори об этом при ней.

Койон подошел к столу, таща девочку на закорках.

— Пожелай всем спокойной ночи. Полночь близко. Вот-вот кончится Мидинваэрн. С завтрашнего утра весна ближе с каждым днем!

— Пить хочется. — Цири слезла с закорок, потянулась к кубку Эскеля. Ведьмак ловко отодвинул кубок, схватил кувшин с водой. Трисс быстро поднялась.

— Прошу, — подала она девочке свой наполовину полный кубок, одновременно многозначительно сжав руку Геральту и глядя в глаза Весемиру. — Пей.

— Трисс, — шепнул Эскель, видя, как Цири взахлеб пьет. — Что ты делаешь? Это же...

— Помолчи, пожалуйста.

Ждать почти не пришлось. Цири вдруг напряглась, тихо крикнула, улыбнулась широкой, счастливой улыбкой. Зажмурилась, раскинула руки. Засмеялась, закружилась, за-

танцевала на цыпочках. Ламберт молниеносно отбросил стоявший на дороге табурет, Койон встал между танцующей девочкой и огнем камина.

Трисс вскочила, вырвала из-за декольте амулет — оправленный в серебро сапфир на тонкой цепочке. Крепко зажала его в кулаке.

— Дитя, — простонал Весемир, — что ты делаешь?

— Я знаю, что делаю, — сказала она резко. — Девочка впала в транс, а я установлю с ней психический контакт. Войду в нее. Я вам говорила, что она представляет собою что-то вроде магического посредника, передатчика, я должна знать, что она передает, как и откуда черпает ауру, как ее преобразовывает. Сегодня Мидинваэрн, удачная ночь для такого мероприятия...

— Не нравится мне это, — нахмурился Геральт. — Совсем не нравится.

— Если у одной из нас случится эпилептический припадок, — отмахнулась от него чародейка, — знаете, как поступить. Прутик в зубы, поддержать, переждать. Головы выше, ребята. Мне доводилось делать такое не раз.

Цири перестала плясать, села на пол, вытянула руки, опустила голову на колени. Трисс прижала к виску уже теплый амулет, прошептала формулу заклинания. Закрыла глаза, сосредоточилась, выслала импульс.

Море зашумело, волны с грохотом ударили в скалистый берег, высокими гейзерами взвились меж камней. Она махнула крыльями, ловя соленый ветер. Невероятно счастливая, спикировала, догнала стаю подружек, задела коготками хребты волн, снова взмыла в небо, роняя капли, стала планировать, носимая вихрем, шумящим в маховых и правильных перьях. Сила внушения, подумала она трезво. Всего лишь сила внушения. Чайка!

Трииисс! Трииисс!

Цири! Где ты?

Трииисс!

Чайки умолкли. Правда, чародейка еще чувствовала на лице мокрые брызги белых грив, но под ней уже не было

моря. Вернее, было, но это было море трав, бескрайняя, уходящая за горизонт равнина. Трисс с ужасом поняла, что перед ней раскинулась степь, окружающая вершину Холма под Содденом. Но нет, это был не Холм. Это не мог быть Холм.

Небо вдруг потемнело, вокруг заклубились тени. Трисс видела длинную цепь размытых фигур, медленно спускающихся по склону. Слышала набегающие друг на друга шепотки, складывающиеся в непонятный, волнующий хор.

Цири стояла рядом, повернувшись спиной. Ветер развевал ее пепельные волосы.

Туманные, нечеткие фигуры шли и шли бесконечной, долгой чередой. Проходя мимо, они поворачивали головы. Трисс придушила крик, глядя на равнодушные, спокойные, бесстрастные лица, на невидящие, мертвые глаза. Большинство лиц она не знала, не узнавала. Но некоторые — да.

Коралл. Ваньелла. Йойоль, Рябой Алекс...

— Зачем ты меня сюда привела? — шепнула она. — Зачем?

Цири повернулась. Подняла руку, и чародейка увидела струйку крови, стекающую по линии жизни с ладони на сустав.

— Это роза, — спокойно сказала девочка. — Роза из Шаэрраведда. Я укололась. Ничего страшного. Всего лишь кровь. Кровь эльфов...

Небо потемнело еще больше, а спустя мгновение разгорелось резкими, слепящими стрелами молний. Все замерло в тишине и неподвижности. Трисс остановилась рядом с Цири и увидела, что они стоят на краю бездонной пропасти, в которой клубится красноватый, как бы подсвеченный дым. Вспышка очередной беззвучной молнии выхватила из тьмы ведущую в глубь пропасти длинную мраморную лестницу.

— Так надо, — дрожащим голосом произнесла Цири. — Другого пути нет. Только этот. По лестнице вниз. Так надо, потому что, потому что... Va'esse deireadh aep eigean...

— Говори, — шепнула волшебница. — Говори, дитя.

— Дитя Старшей Крови... Feainnewedd... Luned aep Hen Ichaer... Deithwen... Белое Пламя... Нет, нет... Нет!

— Цири!

— Черный рыцарь... с перьями на шлеме... Что он мне сделал? Что тогда случилось? Я боялась... Я все еще боюсь. Это не кончилось, это никогда не кончится. Львенок должен умереть... Этого требуют интересы... Нет... Нет...

— Цири!

— Нет! — Девочка напряглась, крепко зажмурилась. — Нет, нет, не хочу! Не прикасайся ко мне!

Выражение ее лица резко изменилось, оно застыло, голос стал металлическим, холодным и враждебным, в нем зазвучала злая, жестокая насмешка:

— Ты явилась даже сюда, Трисс Меригольд? Даже сюда? Ты зашла слишком далеко, Четырнадцатая. Я тебя предостерегал.

— Кто ты? — вздрогнула Трисс. Но голос не выдал ее волнения.

— Узнаешь в свое время.

— Я узнаю сейчас!

Чародейка подняла руки, резко раскинула их, вложив все свои силы в Волшебство опознания. Магическая завеса разорвалась, но за ней была вторая, третья... четвертая...

Трисс со стоном опустилась на колени. А реальность продолжала разрываться, раскрывались двери за дверями, длинный, бесконечный ряд дверей, ведущих в никуда. В пустоту.

— Ты ошиблась, Четырнадцатая, — проговорил насмешливый металлический голос. — Ты перепутала небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

— Не прикасайся... Не прикасайся к этому ребенку!

— Она не ребенок.

Губы Цири пощевелились, но Трисс видела, что глаза ее по-прежнему мертвые, стеклянные, отсутствующие.

— Она не ребенок, — повторил голос. — Она — Пламя, Белое Пламя, от которого займется и сгорит мир. Это Старшая Кровь, Hen Ichaer. Кровь эльфов. Зерно, которое не прорастет, не проклюнется, но Полыхнет Пламенем, Кровь, которая будет осквернена... Когда придет Tedd deireadh, Час Конца. Va'esse deireadh aep eigean!

— Ты предвещаешь смерть? — крикнула Трисс. — Только это ты и умеешь — предвещать смерть? Всем? Им, ей... Мне?

— Тебе? Ты уже мертва, Четырнадцатая. В тебе все уже умерло.

— Могуществом Высших Сфер, — простонала чародейка, собирая остатки сил и водя рукой в воздухе. — Водой, огнем, землей и воздухом заклинаю тебя. Заклинаю мыслью, сном и смертью, тем, что было, что есть и что будет! Заклинаю тебя. Кто ты? Говори!

Цири отвернулась. Ведущие в глубь пропасти ступени исчезли, растворились, на их месте возникло серое свинцовое море, пенящееся, вздыбленное ломкими хребтами волн. В тишину снова ворвался крик чаек.

— Лети, — проговорил голос устами девочки. — Пора. Возвращайся, откуда пришла, Четырнадцатая с Холма. Лети на крыльях чайки и слушай крики других чаек. Слушай внимательно!

— Заклинаю тебя...

— Ты не можешь. Лети, чайка!

И неожиданно вновь возник свистящий вихрь, влажный и соленый ветер, и был полет, полет без конца и начала. Дико кричали чайки. Кричали и повелевали.

Трисс?

Цири?

Забудь о нем! Не мучай его... Трисс!

Забудь!

Трисс! Трисс! Трисс!

Трисс!

Она открыла глаза, откинула голову на подушку, пошевелила онемевшими руками.

— Геральт?

— Я здесь, с тобой. Как ты себя чувствуешь?

Трисс осмотрелась. Она лежала на кровати в своей комнате. На лучшей кровати во всем Каэр Морхене.

— Что с Цири?

— Она спит.

— Как долго...

— Слишком долго, — прервал он, накрыл ее одеялом, обнял. Когда наклонялся, медальон с волчьей мордой замаячил у нее перед глазами. — Ты поступила не лучшим образом, Трисс.

— Все в порядке. — Она вздрогнула в его объятиях и тут же подумала: «Все вовсе не в порядке». Потом повернула голову так, чтобы медальон не прикасался к лицу. Теорий о свойствах ведьмачьих амулетов было множество, но ни одна не советовала чародейкам прикасаться к ним в дни и ночи Солнцестояний.

— Мы... Мы что-нибудь говорили в трансе?

— Ты — нет. Все время была без сознания. Цири... прежде чем проснуться... сказала: Va'esse deireadh aep eigean...

— Она знает Старшую Речь.

— Не настолько, чтобы построить полную фразу...

— ...означающую «Что-то кончается». — Чародейка провела по лицу рукой. — Геральт, все очень серьезно. Девочка — невероятно мощный медиум. Не знаю, с чем и с кем она контактирует, но думаю, для нее не существует пределов контакта. Что-то хочет овладеть ею. Что-то... что для меня чересчур могущественно. Я боюсь за нее. Очередной транс... может кончиться психическим срывом. Я не могу этого осилить, не умею овладеть, не смогу... В случае нужды я не смогла бы заблокировать, приглушить ее способности, не сумела бы постоянно их гасить, если б потребовалось. Ты должен воспользоваться помощью... другой чародейки. Более способной. Более опытной. Ты знаешь, о ком я.

— Знаю. — Он отвернулся, поджал губы.

— Не упрямься. Не сопротивляйся. Я догадываюсь, почему ты обратился не к ней, а ко мне. Перебори гордыню, перебори обиду и ожесточение. Это бессмысленно. Ты измучаешься. К тому же ты рискуешь здоровьем и жизнью Цири. То, что скорее всего произойдет с ней в очередном трансе, может оказаться хуже испытания Травами. Обратись за помощью к Йеннифэр, Геральт.

— А ты, Трисс?

— Что я? — Она с трудом сглотнула. — Я не в счет. Я подвела тебя. Подвела во всем. Я была... была твоей ошибкой. Ничем больше.

— Ошибки, — медленно проговорил он, — тоже зачисляются на мой счет. Я не вымарываю их из жизни и из памяти. И никогда не ищу виновных. Ты многое значила для меня и всегда будешь значить. Ты никогда не подводила меня, не разочаровывала. Никогда. Поверь.

Она долго молчала, наконец сказала, сдерживая дрожь в голосе:

— Я останусь до весны. Буду рядом с Цири... Буду присматривать за ней. Днем и ночью. Я буду с ней днем и ночью. А весной... Весной мы отвезем ее в Элландер в храм Мелитэле. Возможно, то, что хочет взять над нею власть, не сможет подступиться к ней в храме. И тогда ты обратишься за помощью к Йеннифэр.

— Хорошо, Трисс. Благодарю тебя.

— Геральт...

— Слушаю.

— Цири сказала что-то еще, верно? Что-то такое, что слышал только ты. Что?

— Нет, — возразил он, и голос у него дрогнул. — Нет, Трисс.

— Прошу тебя.

— Она обращалась не ко мне.

— Знаю. Ко мне. Скажи, прошу.

— Уже когда проснулась... Когда я ее поднял... Она прошептала: «Забудь о нем. Не мучай его».

— Не буду, — сказала Трисс тихо. — Но забыть не могу. Прости.

— Это я должен просить у тебя прощения. И не только у тебя.

— Ты так сильно любишь. — Она не спросила, сказала.

— Да, — вполголоса признался он после долгого молчания.

— Геральт...

— Слушаю, Трисс.

— Побудь эту ночь со мной.
— Трисс...
— Только побудь.
— Хорошо.

Вскоре после Мидинваэрна снег перестал. Ударили морозы.

Трисс не оставляла Цири одну ни днем, ни ночью. Все время была настороже.

Девочка почти каждую ночь просыпалась с криком. Бредила, плакала. Чародейка успокаивала ее заклинаниями и эликсирами, усыпляла, обнимая и покачивая на руках. А потом долго не могла уснуть сама, размышляя о сказанном Цири во сне и после пробуждения. И чувствовала всевозрастающий страх. Va'esse deireadh aep eigean. Что-то кончается...

Так продолжалось десять дней и ночей. И неожиданно прошло. Кончилось, исчезло бесследно. Цири успокоилась, спала спокойно, без сновидений, без бреда.

Но Трисс неустанно присматривала за ней. Не отходила от девочки ни на шаг. Все время была настороже.

— Быстрее, Цири! Шаг вперед, отскок! Полупируэт, удар, отскок! Удерживай равновесие левой рукой, иначе свалишься с гребня! И побьешь себе... женские атрибуты!
— Что?
— Ничего. Не устала? Если хочешь, передохнем.
— Нет, Ламберт! Могу еще. Я не такая слабая, не думай. Может, попробовать скакать через каждый второй столбик?
— И не мечтай! Упадешь, тогда Меригольд оторвет мне... э... голову!
— Не упаду!
— Я сказал, повторять не буду. Без фокусов! Больше показывать не стану! Тверже ноги! И дыхание, Цири, дыхание! Сопишь, словно подыхающий мамонт!
— Неправда!
— Не пищи! Работай! Нападение, отскок! Выпад! Полуповорот! Выпад! Полный оборот! Увереннее на столбиках,

черт побери! Не качайся! Шаг вперед, удар! Быстрее! Полуоборот! Прыгай и... коли! Вот так! Очень хорошо!

— Правда? Правда было хорошо, Ламберт?

— Кто это сказал?

— Ты! Только что.

— Оговорился. Выпад! Полуоборот! Отскок! И еще раз! Цири, а где защита? Сколько раз можно повторять? После отскока всегда должна быть защита, выброс клинка, прикрывающий голову и шею. Всегда!

— Даже если дерусь с одним противником?

— Никогда не знаешь, с кем дерешься! Никогда не знаешь, что позади, за тобой. Заслоняться надо всегда. Работай ногами и мечом. Необходимо выработать абсолютный рефлекс. Рефлекс, понимаешь? Об этом нельзя забывать. Забудешь в настоящем бою — и тебе крышка. Еще раз! Ну! Вот так! Видишь, как здорово получилось с таким выпадом? Таким фортелем ты можешь отразить любой удар и наносить сама. Можешь бить назад, если понадобится. Ну покажи пируэт и удар назад.

— Хха-а!

— Очень хорошо. Понимаешь, в чем вся штука? Дошло?

— Я не дурочка!

— Ты девочка! Все девочки... без понятия.

— Эх, Ламберт, если б тебя услышала Трисс!

— Если бы да кабы во рту выросли бобы, то был бы не рот, а целый огород. Ну достаточно.

— Я не устала.

— А я устал. Сказал, отдых. Слезай с гребня.

— Сальто?

— А ты как хотела бы? Как курица с насеста? Давай прыгай. Не бойся, я подстрахую.

— Хха-а!

— Ловко. Для девчонки очень даже хорошо. Можешь снять повязку с глаз.

— Трисс, может, на сегодня довольно? А? Давай возьмем санки и покатаемся с горки? Солнце светит, снег искрится, аж глазам больно! Прекрасная погода!

— Не высовывайся, вывалишься из окна.

— Пойдем за санками, Трисс! Ну Трисс!

— Скажи это Старшей Речью. Урок окончен. Отойди от окна, возвращайся к столу... Цири, сколько раз можно просить? Перестань размахивать мечом. Положи.

— Это мой новый меч! Настоящий, ведьмачий! Из стали, которая упала с неба! Правда-правда! Так сказал Геральт, а он никогда не лжет, ты же знаешь!

— О да. Знаю.

— Мне надо к этому мечу привыкнуть. Дядя Весемир подогнал его как раз к моему весу, росту и длине руки. Я должна приучить к нему кисть и запястье.

— Приучай себе на здоровье, только во дворе. Не здесь. Ну слушаю. Кажется, ты собиралась предложить мне покататься на санках. Старшей Речью. Ну предлагай.

— Хм... Как будет «санки»?

— Sledd — как предмет. Aesledde — как действие.

— Ага. Понятно. Va'en aesledde ell'ea?

— Так вопрос заканчивать нельзя. Это невежливая форма. Вопрос подчеркивают интонацией.

— Но дети с Островов...

— Ты изучаешь не скеллигский жаргон, а классическую Старшую Речь.

— А к чему она мне, эта Речь?

— К тому, чтобы ее знать. Полезно научиться тому, чего еще не знаешь. Кто не знает языков — тот калека.

— Все равно все разговаривают на всеобщем!

— Верно. Но некоторые — не только на нем. Уверяю тебя, Цири, лучше причислять себя к некоторым, чем ко всем. Ну слушаю. Итак, полная фраза: «Погода у нас сегодня прекрасная, поэтому пойдем кататься на санках».

— Elaine... Хм... Elaine tedd a'taeghane, a va'en aesledde.

— Прекрасно!

— Ха! Ну пошли кататься.

— Пошли. Но позволь мне докончить макияж.

— Для кого это ты так размалевываешься, а?

— Для себя. Женщина подчеркивает красоту ради улучшения самочувствия.

— Хм... Знаешь что? Я тоже скверно себя чувствую. Не смейся, Трисс!

— Иди сюда. Садись ко мне на колени. Отложи меч, я же просила! Спасибо. Теперь возьми вон ту большую кисточку, попудри лицо. Не так сильно, дева, не так сильно! Глянь в зеркало. Видишь, какая ты красивая?

— Не вижу никакой разницы. Я подкрашу себе глаза, хорошо? Почему ты смеешься? Ты же всегда красишь глаза. Я тоже хочу.

— Хорошо. Давай наложи вот эти тени на веки. Не зажмуривайся, ты же ничего не видишь, размазываешь по всей мордашке. Возьми немного и только чуточку махни по векам. Махни, говорю! Дай-ка я разотру. Закрой глаза. А теперь открой.

— О-о-о!

— Чувствуешь разницу? Чуточку теней не помешает даже таким красивым глазкам, как твои. Эльфки знали, что делали, когда придумывали тени для век.

— Эльфки?

— Ты не знала? Макияж — изобретение эльфок. Мы много полезного позаимствовали у Старшего Народа. Чертовски мало дав им взамен. Теперь возьми мелок, тоненько обведи верхнее веко, у самых ресниц. Цири, что ты делаешь?

— Не смейся. У меня же веко дрожит!

— Немножко раскрой рот, дрожать перестанет. Видишь? Готово.

— Ого!

— Ну теперь пойдем повергнем своей красотой наших ведьмаков в шок. Не знаю ничего более приятного. А потом возьмем санки и размажем весь макияж в глубоких сугробах.

— И раскрасимся снова!

— Нет. Велим Ламберту натопить баню и искупаемся.

— Опять? Ламберт говорит, что мы расходуем слишком много дров на наши купания.

— Lamberth caen me a'baeth aep arse.

— Что? Этого я не поняла...

— Со временем научишься идиомам. До весны еще успеешь много чего узнать. А теперь... Va'en aesledde, me elaine luned!

* * *

— Ну что на картинке... Да нет, черт возьми, не на той... На этой. Это, как ты уже знаешь, гуль. Послушаем, что тебе известно о гулях... Эй, дева, а ну-ка глянь на меня. Слушай, что там у тебя, ядрена вошь, на веках?

— Хорошее самочувствие.

— Чего-чего? Ну ладно. Слушаю.

— Хм... Гуль, дядя Весемир, это чудище, которое пожирает трупы. Встретить его можно на кладбищах, около курганов, всюду, где погребывают, не — погребают мертвецов. В не... некрополях. На местах схваток, на побоищах...

— Выходит, опасен он только для покойников, так, что ли?

— Не только. На живых гуль тоже нападает. Когда голоден или разъярен. Например, когда идет бой... Много погибших людей...

— Что с тобой, Цири?

— Ничего.

— Послушай. Забудь о прошлом. Оно уже не вернется.

— Я видела... В Соддене и Заречье... Целые поля... Они лежали там, их грызли волки и одичавшие собаки. Расклевывали птицы... Наверняка там были и гули...

— Потому ты сейчас и изучаешь гулей. Известное перестает быть кошмаром. То, с чем умеешь бороться, уже не так страшно. Как бороться с гулем, Цири?

— Серебряным мечом. На гуля действует серебро.

— Что еще?

— Яркий свет. И огонь.

— Значит, с ним можно бороться при помощи света и огня?

— Можно, но опасно. Ведьмак не должен пользоваться ни светом, ни огнем. Это мешает видеть. Яркий свет отбрасывает тени, а тени затрудняют о... риентацию. Драться всегда надо в темноте, при свете луны или звезд.

— Совершенно верно. Правильно запомнила, понятливая девочка. А теперь взгляни на эту гравюру.

— Уууу...

— Согласен. Эта сук... Это существо не из красивых. Это гравейр. Гравейр — разновидность гулей. Он очень похож на гуля, но гораздо крупнее. Отличают его также, как видишь, три костяных гребня на черепе. Остальное — как у любого трупоеда. Обрати внимание: когти короткие и тупые, пригодные для разгребания могил, для рытья земли. Мощные зубы, которыми он дробит кости, и длинный тонкий язык, чтобы вылизывать из них разложившийся мозг и жир. Как следует провонявшее сало для гравейра — деликатес... Что с тобой?

— Нничего...

— Ты совсем бледная. И зеленая. Очень мало ешь. Ты завтракала?

— Дааа... ела...

— О чем это я? Ага, чуть не забыл. Запомни, это важно. У гравейров, гулей и других чудовищ из этой группы нет собственной экологической ниши. Они — реликты периода Сопряжения Сфер. Убивая их, мы не нарушаем сложившихся в природе, в нашей теперешней сфере систем и связей. Эти чудовища чужды нашей теперешней сфере, им здесь нет места. Это ты понимаешь?

— Понимаю, дядя Весемир. Геральт мне объяснял. Все знаю. Экологическая ниша — это...

— Хорошо, хорошо. Я знаю, что это такое. Если Геральт объяснил, повторять не надо. Вернемся к гравейру. К счастью, гравейры встречаются довольно редко, потому что это крайне опасные сук... М-да. Малейшее повреждение при схватке с гравейром кончается заражением трупным ядом. Каким эликсиром вылечивается заражение трупным ядом? Ну?

— «Иволгой».

— Правильно. Но лучше избегать заражения. Поэтому, борясь с гравейром, нельзя приближаться к поганцу вплотную. Надо всегда держать дистанцию, а удар наносить с наскока.

— Хм... А в какое место лучше всего его трахнуть?

— Не трахнуть, а треснуть. Теперь перейдем именно к этому. Смотри...

* * *

— Еще раз, Цири. Проделаем это медленно, так, чтобы ты могла овладеть каждым движением. Смотри, нападаю на тебя с терции, с третьей позиции, наклоняюсь как для укола... Почему ты пятишься?

— Потому что знаю, это финт. Ты можешь пойти в широкий синистр, левый разворот или ударить батманом с верхней кварты, четвертой позиции. А я отступлю и отвечу контрвыпадом!

— Неужто? А если я сделаю так?

— И-и-и! Ты же хотел медленно! Что я сделала неверно? Скажи, Койон?

— Ничего. Просто я выше тебя и сильнее.

— Это нечестно!

— Нет такого понятия, как честный бой. В бою используют любое преимущество и любую возможность. Отступая, ты позволила мне вложить в удар большую силу. Вместо того чтобы пятиться, надо было применить полуповорот влево и попробовать достать меня снизу, квартой из декстера, под подбородок, в щеку либо в горло.

— Так ты и позволишь! Сделаешь обратный пируэт и рубанешь меня по левой стороне шеи прежде, чем я успею закрыться! Откуда мне знать, как ты поступишь?

— Должна знать. И знаешь.

— Как же!

— Цири, то, что мы делаем, — бой. Я твой противник. Хочу и должен тебя победить. Ведь речь идет о моей жизни. Я выше тебя и сильнее, поэтому буду использовать любой удобный случай для ударов, которыми собью тебя с ритма и сломаю твою защиту, как ты только что видела. Зачем мне пируэт? Я уже в синистре. Смотри. Нет ничего проще, как ударить из второй позиции под мышку, внутрь предплечья. Если я вспорю тебе вену, ты умрешь через несколько секунд. Защищайся!

— Ха-а-а!

— Очень хорошо. Прекрасная, мгновенная защита. Видишь, как пригодились упражнения с суставами. А теперь внимание, многие фехтовальщики совершают ошибку в ста-

тической обороне, на секунду замирают, и тогда их можно опередить, ударить — так!

— Ха-а-а!

— Прекрасно! Но отскакивай, тут же отскакивай — и в пируэт! У меня в левой руке может быть кинжал! Хорошо! Очень хорошо! А теперь, Цири? Как я поступлю теперь?

— Откуда я знаю?

— Наблюдай за моими ногами. Как у меня распределен вес тела? Что можно сделать из такой позиции?

— Все!

— Поэтому крутись, крутись, заставь меня развернуться! Защищайся! Хорошо! Не гляди на мой меч, мечом я могу тебя обмануть! Защищайся! Хорошо! И еще раз! Хорошо! И еще!

— Ау-у-у!

— Скверно.

— Фу... Что я сделала не так?

— Ничего. Просто я был быстрее. Сними щитки. Присядем на минутку. Передохнем. Ты устала, все утро бегала по Мучильне.

— Я не устала. Я есть хочу.

— Черт возьми, я тоже. А сегодня кухарит Ламберт, он не умеет готовить ничего, кроме клецек... Да если б их варил как следует...

— Койон?

— А?

— Я все еще не очень ловкая.

— Ты очень ловкая.

— Я буду когда-нибудь такой же ловкой, как ты?

— Сомневаюсь.

— Хм... Ну ладно. А ты... Кто самый лучший фехтовальщик на свете?

— Понятия не имею.

— Ты никогда не знал такого?

— Я знал многих, которые считали себя лучшими.

— Хо-хо! Кто они были? Как их звали? Что они умели?

— Потихоньку, потихоньку, девочка! У меня нет ответов на твои вопросы. А это так важно?

— Именно что важно! Хотелось бы знать... кто они — такие фехтовальщики. И где их найти.

— Где найти-то — я знаю.

— Ну и где же?

— На кладбищах.

— Внимательнее, Цири. Теперь подвесим третий маятник, с двумя ты уже управляешься. Шаги будешь делать, как и при двух, просто сделаешь одним вольтом больше. Готова?

— Да.

— Соберись. Расслабься. Вдох, выдох. Нападай!

— Ух! Ау-у-у... Черт!

— Не ругайся, пожалуйста. Здорово досталось?

— Нет. Просто задело... Я опять сделала что-то не так?

— Слишком строго выдерживала ритм и чересчур ускорила второй пируэт, а финт сделала шире, чем надо. В результате тебя занесло прямо под маятник.

— Ох, Геральт, там совсем нет места для вольта и разворота! Они слишком плотно висят!

— Там прорва места, уверяю тебя. Просто расстояния между маятниками задуманы так, чтобы создать неритмичное движение. Это бой, Цири, не балет. В бою нельзя двигаться ритмично. Ты должна движением сбивать противника, обманывать его, мешать ему. Ты готова?

— Готова. Раскачай эти чертовы тюки.

— Не ругайся. Расслабься. Нападай!

— Ха! Ха-а! Ну и как, а? Геральт? Меня вовсе не задело.

— И ты даже не скользнула мечом по второму мешку. Повторяю, это бой, а не балет, не акробатика... Что ты там бормочешь?

— Ничего.

— Расслабься. Поправь повязку на запястье. Не стискивай так рукоять меча, это отвлекает, мешает соблюдать равновесие. Дыши спокойно. Готова?

— Да.

— Начинай!

— У-у-ух! А, чтоб тебя... Геральт, у меня ничего не получится. Тут слишком мало места для финта и смены ноги. А когда я ударю с обеих ног, без финта...

— Видел я, что делается, когда ударяешь без финта. Больно?

— Не очень...

— Присядь. Передохни.

— Я не устала. Геральт, мне под третьим маятником не проскочить, хоть десять лет отдыхай. Быстрее я не могу.

— И не надо. Ты и без того достаточно быстра.

— Тогда скажи, как это сделать? Одновременно полуповорот, вольт и удар?

— Все очень просто. Ты была невнимательна. Я же сказал, нужно одним вольтом больше. Вольтом. Дополнительный пируэт не нужен. Он — лишний. Второй раз ты все делала хорошо и прошла все маятники.

— Но не ударила мешка, потому что... Геральт, без полуоборота я ударить не могу, теряю скорость, нету у меня этого, как его, ну как оно называется?

— Инерция. Это верно. Ты наберешь и инерцию, и энергию, но не за счет пируэта и смены ног. На это у тебя не хватит времени. Ударь маятник мечом.

— Маятник? Бить по мешкам?

— Это поединок, Цири. Мешки выявляют слабые места твоего противника, в которые ты должна попадать. Маятников, которые имитируют оружие противника, ты должна избегать, уклоняться от них. Если маятник тебя коснется, считай, что ты ранена. В настоящем бою ты уже могла бы не встать. Маятник не должен тебя коснуться. Но ты можешь его ударить... Ты что загрустила?

— Я... Я не смогу отразить удар маятника мечом. Я слишком слабая... И всегда буду слабой! Потому что я девочка!

— Иди сюда, девочка. Вытри нос. И послушай внимательно. Ни один богатырь в мире, ни один силач или здоровяк не сумеют парировать удара, который нанесет ослизг хвостом, гигаскорпион клещами или гриф когтями. А маятники изображают именно это оружие. Даже и не пытайся парировать их удары. Маятника ты не отбросишь, а вот сама отлетишь от него. К тебе перейдет его энергия, необходимая, чтобы ты смогла нанести удар. Достаточно легко, но очень быстро отбиться и тут же немедленно нанести такой

же быстрый удар с противоположного полуоборота. Оттолкнувшись, ты получишь инерцию. Ясно?

— Угу.

— Скорость, Цири, а не сила. Сила нужна дровосеку, который топором валит деревья в дебрях. Потому-то девочки редко бывают лесорубами. Поняла, в чем дело?

— Угу. Раскачивай маятники.

— Сначала передохни.

— Я не устала.

— Уже поняла как? Такие же шаги, финт...

— Знаю.

— Нападай!

— Ха-а! Ха! Ха-а-а-а!!! Вот и все! Достала я тебя, гриф! Геральт, ты видел?

— Не ори. Контролируй дыхание.

— Получилось! Честное слово, получилось! Геральт! Получилось! Похвали меня! Геральт!

— Браво, Цири! Браво, девочка.

В середине февраля теплый ветер, повеявший с юга, с перевала, слизал снег.

О том, что творится в мире, ведьмаки знать не желали.

Трисс последовательно и настойчиво направляла на политику вечерние беседы, которые они вели в темном холле, освещаемом вспышками огня в огромном камине. Реакции ведьмаков всегда были одинаковы: Геральт молчал, приложив руку ко лбу. Весемир кивал, время от времени вставляя замечания, из которых следовало только то, что «в его времена» все было лучше, логичнее, приличнее и здоровее. Эскель прикидывался внимательным слушателем, не скупился на улыбки и милые взгляды, иногда даже ему случалось заинтересоваться каким-нибудь маловажным вопросом. Койон откровенно зевал и глядел в потолок, а Ламберт не скрывал пренебрежения.

Они не желали знать ни о чем, им дела не было до дилемм, которые сгоняли сон с глаз королей, чародеев, владык и вождей, проблем, от которых дрожали и гудели сове-

ты, рады и думы. Для них не существовало ничего, что творилось за утопающими в снегах перевалами, за Гвенллехом, несущим свинцовым потоком ледяные глыбы. Для них существовал только Каэр Морхен, одинокий, затерянный в диких горах замок.

В тот вечер Трисс была раздражена и беспокойна — возможно, причиною был ветер, воющий в разрушенных стенах замка. В тот вечер все были странно возбуждены — ведьмаки, за исключением Геральта, стали непривычно разговорчивы. Разумеется, все разговоры крутились вокруг одного — весны да приближающегося в связи с этим выезда на большак. Конечно, говорили и о том, что принесет им большак, — о вампирах, выворотнях, леших, ликантропах и василисках.

Теперь уж зевать и глядеть в потолок пришла пора Трисс. На сей раз она молчала до тех пор, пока Эскель не задал вопроса, которого она так долго ждала.

— Слушай, как все в действительности обстоит на Юге, на Яруге? Стоит ли направляться туда? Не хотелось бы попасть в самую заварушку.

— Что ты называешь заварушкой?

— Ну... — запинаясь, пробормотал он, — понимаешь... Ты все время толкуешь нам о возможности новой войны... О непрекращающихся стычках на границах, о бунтах на занятых Нильфгаардом землях. Намекаешь на то, что ходят слухи о возможности новой переправы нильфгаардцев через Яругу...

— Пустое, — сказал Ламберт. — Дерутся, режут, рубятся без устали сотни лет. Не в новинку. Я уже решил: двину на дальний Юг, в Содден, Махакам и Ангрен. Известно, там, где прошли войска, особо плодятся страховиды. В таких местах всегда можно было неплохо заработать.

— Факт, — поддержал Койон. — Местность пустеет, по деревням одни бабы, управиться не могут. Кругом без крова и присмотра шастают ребята. Легкая добыча приманивает чудищ.

— А у господ баронов, — добавил Эскель, — комесов разных, войтов с солтысами головы заняты войной, им не до защиты подданных. Приходится нанимать нас. Все так.

Но из того, что нам тут поведала Трисс, следует, что конфликт с Нильфгаардом — дело серьезное. Никакая не междоусобица. Верно, Трисс?

— Даже если и так, — язвительно сказала чародейка, — вам-то это, думается, только на руку? Серьезная, кровопролитная война еще больше опустошит деревни, наплодит овдовевших баб, несметное множество осиротевших детей...

— Не понимаю сарказма. — Геральт отнял руку ото лба. — Действительно не понимаю, Трисс.

— Да и я тоже, дитя, — поднял голову Весемир. — О ком речь? О вдовах и детях? Ламберт и Койон занимаются трепотней, словно дети малые, но ведь не слова важны. Ведь они...

— ...они этих детей защищают, — гневно прервала Трисс. — Да. Знаю. Спасают от оборотней, которые за год убивают двух, ну трех детей, в то время как нильфгаардцы могут за один час вырезать и спалить целое поселение. Да, вы сирот защищаете. А я хочу, чтобы сирот было как можно меньше. Борюсь с причинами, а не с последствиями. Поэтому вхожу в Совет Фольтеста из Теремии, сижу там вместе с Феркартом и Кейрой Мец. Мы обсуждаем, как не допустить войны, а если она все же случится, как защищаться. Потому что война висит над нами, как стервятник, неустанно. Для вас она — приключение. Для меня — игра, ставка в которой — выживание. Я втянута в эту игру, поэтому мне больно и оскорбительно видеть ваше безразличие и беззаботность.

Геральт выпрямился, взглянул на нее.

— Мы — ведьмаки, Трисс. Разве ты не понимаешь?

— А что тут понимать? — тряхнула каштановой гривой чародейка. — Все ясно и понятно. У вас вполне определенное отношение к миру. То, что этот мир стоит на грани катастрофы, вас не колышет. Меня же — колышет. В этом наше различие.

— Думаю, не только в этом.

— Мир разваливается, — продолжала она. — На это можно смотреть сложа ручки, а можно этому противодействовать.

— Как? — криво усмехнулся Геральт. — Эмоциями?

Трисс отвернулась к пылающему в камине огню и ничего не ответила.

— Мир разваливается, — проговорил Койон, покачивая головой в притворной задумчивости. — Уж сколь раз я это слышал.

— Я тоже, — поморщился Ламберт. — И неудивительно, в последнее время это стало расхожей фразой. Так говорят короли, когда становится ясно, что для правления потребна хоть капелька ума. Так говорят купцы, когда алчность и дурость доводят их до банкротства. Так говорят чародеи, когда начинают терять влияние на политику либо источники дохода. А тем, кому адресованы их сетования, хотелось бы услышать хоть мало-мальски толковое предложение. Закругляйся, Трисс, и давай выкладывай свои прожекты.

— Меня никогда не забавляли словесные перепалки, — чародейка кинула на него холодный взгляд, — и красноречивые фразы, цель которых — посмеяться над собеседником. Это, понимаете ли, не для меня. Что я имею в виду, вы знаете прекрасно. Вам нравится прятать голову в песок? Ваше дело. Но ты, Геральт, меня удивляешь.

— Трисс, — беловолосый ведьмак снова взглянул ей в глаза, — чего ты от меня ждешь? Чтобы я активно участвовал в борьбе за сохранение разваливающегося мира? Записался в армию и сдерживал Нильфгаард? Встал, ежели начнется очередная битва за Содден, с тобою рядом на Холме, плечом к плечу и дрался за свободу?

— Я гордилась бы, — сказала она, опустив голову. — Я была бы горда и счастлива, если б могла драться рядом с тобой.

— Верю. Но я недостаточно благороден для этого. И недостаточно мужественен. Я не гожусь в солдаты и герои. Я мучительно боюсь погибнуть либо остаться калекой. Но это не единственная причина. Солдата нельзя заставить не бояться, но можно вооружить основанием, мотивацией, которая поможет ему перебороть страх. А у меня такой мотивации нет. И быть не может. Я — ведьмак. Искусственно созданный мутант. Я убиваю чудовищ. За деньги. Защищаю детей, если родители заплатят. Если мне заплатят нильфгаардские родители, я стану защищать нильфгаардских детей. И если даже весь мир превратится в развалины, во что я не

верю, я буду убивать чудовищ на развалинах до тех пор, пока какое-нибудь из них не прикончит меня. Вот моя судьба, моя мотивация, моя жизнь и мое отношение к миру. И выбирал не я. Это сделали за меня другие.

— Ты ожесточен, — заметила Трисс, нервно теребя прядку волос. — Либо прикидываешься таковым. Забываешь, что я тебя знаю, не разыгрывай передо мной бесчувственного, бессердечного, беспринципного и безвольного мутанта. А причину ожесточенности я угадываю и понимаю. Пророчество Цири, верно?

— Неверно, — холодно ответил он. — Похоже, однако, ты мало меня знаешь. Я боюсь смерти, как любой, но с мыслью о ней освоился давным-давно и так же давно избавился от радужных иллюзий. Но я вовсе не сетую на свою судьбу, Трисс, тут простой холодный расчет. Статистика. Еще ни один ведьмак не умер от старости, в постели, диктуя завещание. Ни один. Цири не застала меня врасплох и не напугала. Я знаю, что умру в какой-нибудь смердящей падалью яме, разорванный на куски грифом, ламией или мантихором. Но я не хочу умирать на войне, ибо это не моя война.

— Меня удивляют, — резко ответила Трисс, — удивляют твои слова, отсутствие мотивации, как ты по-ученому пожелал окрестить безразличие и равнодушие. Ты был на Соддене, в Ангрене и в Заречье. Ты знаешь, что сталось с Цинтрой, знаешь, что сталось с королевой Калантэ и несколькими тысячами тамошних людей. Знаешь, сквозь какой ад прошла Цири, знаешь, почему она кричит по ночам. Я тоже это знаю, потому что я там тоже была. Я тоже боюсь смерти и боли, сегодня боюсь еще больше, чем тогда. У меня есть на то причины. А что до мотиваций, то тогда мне казалось, что у меня их не больше, чем у тебя. Какое мне, чародейке, дело до судеб Соддена, Бругге, Цинтры или других королевств? До головной боли более или менее толковых властителей и владык? До интересов купцов и баронов? Я была чародейкой и тоже могла сказать: это, мол, не моя война, я, дескать, могу и на развалинах мира составлять эликсиры для нильфгаардцев. Вместо этого я встала на Холме

рядом с Вильгефорцем, рядом с Артаудом Террановой, рядом с Феркартом, рядом с Энид Финдабаир и Филиппой Эйльхарт, рядом с твоей Йеннифэр. Рядом с теми, кого уже нет, — Коралл, Йойолем, Ваньеллой... Был такой момент, когда я от страха забыла все заклинания, кроме одного, с помощью которого могла телепортироваться с того страшного места домой, в мою маленькую башенку в Мариборе. Была такая минута, когда меня начало рвать от ужаса, а Йеннифэр и Коралл поддерживали меня за шею и волосы...

— Прекрати. Прекрати, прошу тебя...

— Нет, Геральт, не прекращу. Ты же хочешь знать, что произошло там, на Холме. Так слушай — были гул и пламя, были огненные стрелы и разрывающиеся огненные шары, были рев и грохот, а я вдруг оказалась на земле, на какой-то куче тлеющего, дымящегося тряпья, и неожиданно поняла, что эта куча тряпья — Йойоль, а рядом то ужасное, то тело без рук и ног, которое так жутко кричит, — Коралл. И я думала, что кровь, в которой я валяюсь, это кровь Коралл. Но это была моя собственная кровь. И когда я увидела, что со мною сделали, я начала выть, выть, как побитый пес, как незаслуженно обиженный ребенок... Оставь меня! Не бойся, я не расплачусь. Я уже давно не девочка из башенки в Мариборе. Я, черт побери, Трисс Меригольд. Четырнадцатая Полегшая под Содденом. Под обелиском на Холме четырнадцать могил, но только тринадцать тел. Тебя удивляет, что такое могло случиться? Большинство трупов было невозможно распознать по их кускам, да никто и не разбирал. Живых тоже трудно было пересчитать. Из тех, кто меня хорошо знал, в живых осталась только Йеннифэр, а Йеннифэр ослепла. Другие знали меня мимолетно, обычно узнавали по прекрасным волосам. А их-то, черт побери, уже не было!

Геральт крепче обнял ее. Она уже не пыталась его оттолкнуть.

— Для нас, уцелевших, не пожалели самых действенных чар, — глухо продолжала она, — заклинаний, эликсиров, амулетов и артефактов. Не было ничего такого, чего бы не отдали для покалеченных героев с Холма, нас вылечили,

подлатали и вернули прежнюю внешность, волосы и зрение. Почти не видно... следов. Но я уже никогда не надену декольтированного платья, Геральт. Никогда.

Ведьмак молчал, молчала и Цири, которая беззвучно проскользнула в холл и задержалась на пороге, ссутулившись и скрестив руки на груди.

— Поэтому, — помолчав, сказала чародейка, — не говори мне о мотивации. Прежде чем мы встали на том Холме, Капитул просто сказал: «Так надо». Чья это была война? Что мы там защищали? Землю? Границы? Людей и их халупы? Интересы королей? Влияние и доходы чародеев? Порядок от Хаоса? Не знаю. Но защищали, ибо так было надо. И если понадобится, я встану на Холме снова. Потому что если я этого теперь не сделаю, значит, тогда все было впустую.

— Я встану рядом с тобой! — тоненько крикнула Цири. — Вот увидишь, встану! Нильфгаардцы заплатят мне за бабушку, за все... Я не забыла!

— Тихо, — проворчал Ламберт. — Не встревай в разговоры старших.

— Еще чего! — топнула ножкой девочка, и глаза у нее загорелись зеленым огнем. — Думаете, зачем я учусь драться мечом? Хочу убить его, того черного рыцаря, того, с крыльями на шлеме, за то, что он со мной сделал, за то, что я так боялась! И я его убью! Для этого и учусь!

— Значит, теперь учиться перестанешь, — сказал Геральт голосом, с холодностью которого могли бы поспорить стены Каэр Морхена. — Пока не поймешь, что такое меч и чему он должен служить в руке ведьмака, не возьмешь его в руки. Ты учишься не для того, чтобы убивать и быть убитой. Ты учишься убивать не из страха и ненависти, а для того, чтобы уметь спасать жизнь. Свою и чужую.

Девочка закусила губы, дрожа от возбуждения и злобы.

— Поняла?

Цири резко вскинула голову.

— Нет!

— Значит, не поймешь никогда. Выйди.

— Геральт, я...

— Выйди.

Цири развернулась на пятках, несколько секунд стояла в нерешительности, словно ожидая чего-то невозможного. Потом быстро побежала по лестнице. Было слышно, как хлопнула дверь.

— Слишком резко, Волк, — сказал Весемир. — Слишком уж резко. И не следовало этого делать в присутствии Трисс. Эмоциональные связи...

— Не говори мне об эмоциях! Я сыт по горло болтовней об эмоциях!

— Почему же? — насмешливо и холодно проговорила чародейка. — Почему, Геральт? Цири — нормальный ребенок. Она нормально все чувствует, воспринимает эмоции естественно, принимает их такими, каковы они в действительности. Ты, разумеется, этого не понимаешь и удивляешься. Тебя поражает и раздражает то, что кто-то может испытывать нормальную любовь, нормальную радость, нормальный страх, боль и обиду, нормальную ненависть и нормальную печаль. Что именно холодность, отстраненность и безразличие считает ненормальными. О да, Геральт, тебя это раздражает, раздражает до такой степени, что тебе в голову лезут мысли о подземельях Каэр Морхена, о Лаборатории, о покрытых пылью бутылях с мутагенными отравами...

— Трисс! — крикнул Весемир, глядя на побелевшее лицо Геральта.

Но чародейка не позволила себя прервать, она говорила все быстрее, все громче:

— Кого ты намерен обмануть, Геральт? Меня? Ее? А может, самого себя? Может, не хочешь подпустить к себе правду, правду, которая известна всем, кроме тебя? Может, не хочешь признать тот факт, что эликсиры и Травы не забили в тебе эмоции и человеческие чувства! Ты забил их в себе сам! Ты сам! Но не пытайся убивать их в этом ребенке!

— Молчи! — крикнул ведьмак, вскакивая со стула. — Молчи, Меригольд. — Он отвернулся, бессильно опустил руки, потом тихо сказал: — Извини, Трисс. Прости.

Он быстро направился к лестнице, но чародейка мгновенно вскочила, подбежала к нему, обняла.

— Ты уйдешь не один, — шепнула она. — Я не позволю тебе оставаться одному. Не сейчас.

Они с самого начала знали, куда она побежала. Вечером шел мелкий, мокрый снег. Он затянул подворье тонким, идеально белым покрывалом, на котором остались следы ног.

Цири стояла на самом верху разрушенной стены, неподвижная как статуя. Меч она держала так, что гарда оказалась на уровне глаз. Пальцы левой руки легко касались эфеса.

Увидев их, девочка прыгнула, закружилась в пируэте, мягко опустившись в такой же, но зеркальной позиции.

— Цири, — сказал ведьмак. — Пожалуйста, спустись.

Казалось, она не слышит. Не пошевелилась, даже не дрогнула. Однако Трисс видела, как свет луны, отброшенный клинком на ее лицо, сверкнул серебром на струйках слез.

— Никто у меня меча не отберет! — крикнула она. — Никто! Даже ты!

— Спустись, — повторил Геральт.

Она вызывающе тряхнула головой, а в следующий момент прыгнула снова. Плохо укрепленный кирпич с грохотом выскользнул у нее из-под ноги. Цири покачнулась, попыталась удержать равновесие. Не смогла.

Ведьмак прыгнул.

Трисс подняла руку, раскрыла рот, чтобы произнести формулу левитации. Но знала, что не успеет. Знала также, что Геральт тоже не успеет. Это было невозможно.

Геральт успел.

Его пригнуло к земле, бросило на колени и на бок. Он упал. Но Цири не выпустил.

Чародейка медленно подошла. Она слышала, как девочка что-то шепчет и хлюпает носом. Геральт тоже шептал. Слов Трисс не различала. Но понимала их значение.

Теплый ветер завыл в расщелинах стен. Ведьмак поднял голову.

— Весна, — сказал он тихо.

— Да, — подтвердила Трисс, сглотнув. — На перевалах еще лежит снег, но в долинах... В долинах уже весна. Выезжаем, Геральт? Ты, я и Цири?

— Да. Самое время.

В верховьях реки мы увидели их города, такие субтильные, словно сотканные из утреннего тумана, из которого они возникали. Казалось, они вот-вот растают, улетят с ветром, который покрывал рябью поверхность воды. Там были особнячки, белые, как цветы лилий. Были башенки, казалось, сплетенные из плюща, мостики, воздушные, как плакучие ивы. И было многое другое, чему мы не могли найти имени и названия. А ведь мы уже дали имена и названия всему, что в этом новом, возродившемся мире видели наши глаза. Неожиданно где-то в дальних уголках памяти всплывали названия драконов и грифов, сирен и нимф, сильфид и дриад. Белых единорогов, что в сумерки приходили к реке и склоняли к воде свои изящные головы. Всему мы как бы заново давали названия. И все становилось близким, знакомым, свойским.

Кроме них. Они, казалось, так похожие на нас, были чуждыми, настолько чуждыми, что мы долго не могли найти названия для этой чуждости.

Хен Гедымдейт. «Эльфы и люди»

Хороший эльф — мертвый эльф.

Маршал Милан Раупеннэк

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Несчастье пришло в строгом соответствии с извечной природой несчастий и стервятников — оно висело над ними какое-то время, но выжидало соответствующего момента. Того часа, когда они удалились от поселений, редко разбросанных вдоль Гвенллеха и Верхней Буины, миновали Каррайг и оказались на безлюдной, изрезанной оврагами полосе, предваряющей пущу. Несчастье безошибочно свалилось на жертву, а жертвой стала Трисс.

Вначале это выглядело малоприятно, но не очень опасно, походило на обычное расстройство желудка. Геральт и Цири тактично старались не обращать внимания на вынужденные стоянки, вызванные недомоганием чародейки. Трисс, бледная как смерть, потея и болезненно кривясь, держалась еще несколько часов, но ближе к полудню, просидев в придорожных зарослях ненормально долго, уже не в состоянии была сесть на коня. Цири хотела помочь ей, но это кончилось неудачей — чародейка не смогла удержаться за гриву, сползла по боку лошади и повалилась на землю.

Они подняли ее, уложили на плащ. Геральт молча развязал один из вьюков, отыскал шкатулку с магическими эликсирами, раскрыл и чертыхнулся: все флакончики выглядели одинаково, а таинственные знаки на печатях ни о чем не говорили.

— Который, Трисс?

— Ни один, — простонала она, обеими руками ухватившись за живот. — Я не могу... Мне нельзя это принимать.

— Что? Почему?

— У меня повышенная восприимчивость...

— У тебя, у чародейки?

— У меня аллергия! — Она расплакалась от бессильной злобы и отчаяния. — Так было всегда! Я не выношу эликсиров! Лечу ими других, себя же могу только амулетами!

— А где твой амулет?

— Не знаю, — скрипнула она зубами. — Вероятно, оставила в Каэр Морхене или потеряла...

— Дьявольщина! Как тебе помочь? Может, заклинанием?

— Я пыталась. Результаты ты видишь. Из-за судорог я не могу сконцентрироваться...

— Не плачь.

— Тебе легко говорить!

Ведьмак встал. Стащил свои вьюки со спины Плотвы и начал в них копаться. Трисс свернулась калачиком, приступ боли стянул у нее мышцы на лице, скривил рот.

— Цири?

— Что, Трисс?

— Как ты себя чувствуешь? Никаких... неожиданностей?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Может, у меня отравление? Что я ела? Но мы все ели одно и то же... Геральт! Мойте руки как следует. Присмотри, чтобы Цири мыла...

— Лежи спокойно. Выпей.

— Что это?

— Обычное успокоительное. Магии в нем кот наплакал. Повредить не должно. А спазмы ослабнут.

— Геральт, спазмы... пустяк. Вот если поднимется температура... Это может быть... дизентерия. Или паратиф.

— У тебя нет иммунитета?

Трисс не ответила, отвернулась, закусила губу, скрючилась еще больше. Ведьмак не настаивал на своем предложении.

Дав немного передохнуть, усадил чародейку в седло Плотвы. Сам сел у нее за спиной, поддерживая обеими руками, а Цири, двигаясь бок о бок, держала поводья, одновременно ведя мерина Трисс. Не проехали даже версты.

Чародейка вываливалась из рук, не держалась в седле. Вдруг начался озноб, поднялась температура. Несварение желудка усилилось. Геральту хотелось думать, что это результат аллергической реакции на остаточную магию в его ведьмачьем эликсире. Он хотел так думать, но, честно говоря, и сам не верил.

— Ох, господин, — вздохнул сотник. — Попали вы в недобрый час. Похоже, хужее попасть не могли.

Сотник был прав. Ни возражать, ни спорить было невозможно. Застава у моста, в которой обычно коротали время трое солдат, конюх, мытник и не больше десятка проезжих, теперь была полным-полна народу. Ведьмак насчитал свыше тридцати легковооруженных воинов в цветах Каэдвена и с полсотни щитоносцев, расположившихся лагерем вдоль низкого забора. Большинство собралось у костров, подтверждая старый солдатский принцип: спи, когда можно, вставай, когда будят. Через распахнутые настежь ворота было видно, что и во дворе тоже полно людей и лошадей. На площадке покривившейся сторожевой вышки несли вахту два солдата с готовыми к стрельбе арбалетами. На разъезженном копытами предмостье стояло шесть крестьянских телег и два купеческих фургона, а в загородке, тоскливо склонив головы к перемешанной с навозом грязи, маялось несколько распряженных волов.

— Было нападение. На заставу. Вчерась ночью, — упредил сотник вопрос Геральта. — Едва-едвашеньки подоспели, иначе б нашли тута одну землю спаленную.

— Кто напал? Разбойники? Мародеры?

Солдат покрутил головой, сплюнул, глянул на Цири и скорчившуюся в седле Трисс.

— Зайдите во двор. Чародейка ваша вот-вот свалится с седла. У нас уже есть несколько раненых, одной будет больше. Какая разница?

В открытой выгородке под навесом лежало несколько человек в окровавленных повязках. Немного дальше, между частоколом и деревянным колодцем с журавлем, Геральт заметил шесть неподвижных тел, накрытых мешковиной,

из-под которой выглядывали лишь ступни в грязных, стоптанных башмаках.

— Покладите чародейку тама, при раненых. — Солдат указал на выгородку. — Да, милсдарь ведьмак, и верно, неудача, что больна. Несколько наших отхватили во время боя, нам бы не помешала магическая подмога. У одного, как мы стрелу-то вытащили, в кишках наконечник засел. Помрет парень к утру, как пить дать помрет... А чародейка, что могла бы его спасти, сама трясется в горячке, от нас помощи ждет. В недобрый час, воистину, в недобрый час...

Он осекся, видя, что ведьмак не отрывает глаз от накрытых мешковиной тел.

— Двое из тутошней стражи, двое наших из сотни и двое... ихних, — сказал солдат, приподнимая край заскорузнувшей ткани. — Гляньте, коли охота.

— Отойди, Цири.

— Я тоже хочу! — высунулась у него из-за спины девочка, раскрыв рот глядевшая на трупы.

— Отойди, прошу тебя. Займись Трисс.

Цири фыркнула, но послушалась. Геральт подошел ближе.

— Эльфы? — сказал он, не скрывая удивления.

— Эльфы, — подтвердил солдат. — Скотоели.

— Кто-кто?

— Скотоели, — повторил солдат. — Лесные бандиты.

— Странное название. Если не ошибаюсь, это значит «белки». Скоя'таэли?

— Ну да, милсдарь, скотоели. Так они себя на эльфьем языке называют. Людишки говорят, мол, потому, что иногда носют беличьи хвосты на колпаках и шапках. Другие же — потому, дескать, что в бору обитают, орешками кормятся. С ними, что ни день, все больше мороки, право слово.

Геральт покачал головой. Солдат накрыл покойников мешковиной, отер руки о кафтан.

— Пошли. Неча тут стоять. Отведу вас к начальнику. А хворой займется наш десятник, ежели сможет, конечно. Воще-то он умеет прижигать и сшивать раны, вправлять кости, ну глядишь, и лекарства какие сумеет сме-

шать, кто его знает, головастый парень, горец. Пошли, милсдарь ведьмак.

В домишке мытаря, дымном и темном, в это время шла оживленная и весьма шумная перебранка. Коротко подстриженный рыцарь в кольчуге и желтой тунике наседал на двух купцов и эконома, на что совершенно равнодушно и угрюмо смотрел мытарь с перевязанной головой.

— А я сказал — нет! — Рыцарь треснул рукой по разваливающемуся столу и выпрямился, поправляя на груди пластинку с изображением святого. — Пока не вернутся разъезды, не пойдет никто! Нечего по дорогам болтаться.

— Мне через два дня надо в Даэвон попасть! — разорался эконом, подсовывая рыцарю под нос короткую, покрытую зарубками палку с выжженным знаком. — Если спознюсь, коморник мне башку свернет! Я буду жаловаться комесу!

— Жалуйся сколько влезет! — засмеялся рыцарь. — Только, советую, сначала набей себе портки соломой. У комеса нога тяжелая! А сейчас тут командую я, потому что комес далеко, а на твоего коморника мне... О, Унист! Кого это ты ведешь, сотник? Еще один купец?

— Нет, — засмеялся сотник. — Ведьмак. Геральт из Ривии зовется.

К удивлению Геральта, рыцарь широко улыбнулся, подошел и протянул руку.

— Геральт из Ривии, — повторил он, продолжая улыбаться. — Слышал о вас, к тому же от достойных людей. Что вас привело сюда?

Геральт объяснил, что именно. Рыцарь перестал улыбаться.

— Неудачно вы попали. В неудачное время. И в неудачное место. У нас тут война, господин ведьмак. По лесам валандается банда скоя'таэлей, не дальше как вчера мы схватились с ними. Вот дождусь подкрепления, и начнем облаву.

— С эльфами воюете?

— Не только. Да вы что, ведьмак, о белках не слышали?

— Не слышал.

— Где же вы гуляли последние два года? За морями? Потому как у нас тут, в Каэдвене, скоя'таэли позаботились, чтобы о них говорили. Да уж, позаботились, и недурственно. Первые банды появились, как только вспыхнула война с Нильфгаардом. Воспользовались, треклятые нелюди, нашими трудностями. Мы бились на Юге, а они начали на тылы наскакивать. Рассчитывали, что Нильфгаард нас разобьет. Ну и принялись вопить о конце человеческой власти, о возвращении давних порядков. «Людей — в море!» — вот их клич, под такой убивают, жгут и грабят.

— Это ваша вина и ваша ныне забота, — угрюмо заметил эконом, похлопывая по бедру заостренной палкой, знаком своих функций. — Ваша, вельможев и рыцарев. Вы нелюдей угнетали, жить им не давали, вот и получаете теперича. А мы завсегда тут грузы возили, и никто нас не задевал. Нам армия ни к чему.

— Что правда, то правда, — сказал один из купцов, молча сидевших на лавке, — белки не страшнее разбойников, что тут по дорогам шастали. А за кого эльфы сперва-то взялись? Именно за разбойников. Да.

— А какая разница, кто меня стрелой из кустов пырнет — разбойник или эльф? — сказал вдруг мытарь с перевязанной головой. — Крыша, которую мне посередь ночи над головой запалят, одинаково горит, ей без разницы, в чьей руке была головня. Говорите, господин купец, мол, скоя'таэли не хуже разбойников? Враки! Разбойникам нужна была добыча, эльфам — кровушка людская. Дукаты есть не у каждого, а кровь в жилах... Значит, говорите, пусть голова болит у знати? Это вранье еще поболе. А лесорубы, которых постреляли на вырубке, а винокуры, которых посекли на Буках, кметы из подожженных сел — их-то вина в чем перед нелюдями? Жили, трудились вместе по-соседски, и вдруг, на тебе, стрела в спину... А я? В жизни ни одного нелюдя не обидел, а гляньте, лоб поранен краснолюдским палашом. И если б не воины, на которых вы брешете, лежать бы мне сейчас под тремя вершками дерна...

— Именно. — Рыцарь в желтой тунике снова ударил по столу рукой. — Мы защищаем вашу паршивую шкуру, ми-

лостивый государь эконом, от тех, как вы изволили выразиться, угнетенных эльфов, которым, как вы утверждаете, мы не давали жить. А я вам другое скажу — слишком уж мы их распустили. Попустительствовали, смотрели на них как на людей, как на ровню, а теперь они наносят нам удар в спину. Нильфгаард им за это платит, голову дам на отсечение, а дикие эльфы с гор снабжают оружием. Но настоящая опора у них те, кто постоянно живет среди нас: эльфы, полуэльфы, краснолюды, гномы и низушки. Эти укрывают, кормят, поставляют добровольцев...

— Не все, — отозвался второй купец, худощавый, с благородными, совсем не купеческими чертами лица. — Большинство нелюдей порицают белок, благородный рыцарь, и не желают иметь с ними ничего общего. Большинство лояльны и порой платят за это непомерно высокую цену. Вспомните бургграфа из Бан Арда. Он был полуэльфом, а призывал к миру и сотрудничеству. Погиб от предательской стрелы.

— Которую, вероятно, выпустил сосед низушек либо краснолюд, а ведь небось тоже лояльным прикидывался, — насмешливо бросил рыцарь. — По мне, так нет среди них ни одного лояльного! Каждый... Эй! Это еще кто?

Геральт обернулся. У него за спиной стояла Цири, одаривая всех бирюзовым взглядом огромных глаз. В чем-чем, а в том, чтобы двигаться, не привлекая к себе ничьего внимания, — в этом она действительно преуспела.

— Она со мной, — объяснил Геральт.

— Хм... — Рыцарь смерил Цири взглядом, потом повернулся к купцу с благородным лицом, явно видя в нем наиболее серьезного оппонента. — Да, уважаемый, не говорите мне о лояльных нелюдях. Все они — наши враги, просто одни более, другие менее удачно прикидываются, будто все наоборот. Низушки, краснолюды и гномы жили меж нами в течение столетий, казалось бы, в относительном согласии. Но стоило эльфам поднять головы, как и они тоже схватились за оружие — и в леса. Говорю вам, напрасно мы попустительствовали свободным эльфам и дриадам. Не трогали их леса и горные анклавы. Им, видите ли, этого было

мало, теперь они вопят: «Это наш мир. Вон отсюда, приблуды!» О боги, мы им покажем, кто пойдет вон, а от кого тут мокрого места не останется! Потрепали мы шкуру нильфгаардцам, теперь примемся за бандитов!

— Нелегко напасть на эльфа в лесу, — бросил ведьмак. — Да и за краснолюдом или гномом я бы в горы не пошел. И крупные у них отряды?

— Не отряды — банды, — поправил рыцарь. — Банды, милсдарь ведьмак. До двадцати голов, порой больше. Они такую шайку называют «рабочая бригада». Этакое гномовское словосочетание. А в том, что напасть на них нелегко, вы правы, сразу видно — спец. Гоняться по лесам да камышам бессмысленно. Единственный способ — отрезать от тылов, изолировать, лишить пищи. Взять за глотку тех нелюдей, которые им помогают, что по городам живут, поселкам, деревушкам и фермам...

— Проблема в том, — сказал купец с благородными чертами лица, — что все еще неизвестно, кто из нелюдей помогает, а кто нет.

— Значит, хватать всех подряд!

— Так, — криво усмехнулся купец. — Где-то я уже это слышал. Всех за глотку — и в рудники, в огороженные лагеря со сторожевыми вышками, в каменоломни. Невинных тоже. Женщин, детей. Так?

Рыцарь вскинул голову, схватился за рукоять меча, бросил резко:

— Именно так и не иначе! Деточек пожалели, а сами будто только родились, уважаемый. Перемирие с Нильфгаардом — штука хрупкая, вроде яичной скорлупы, не сегодня-завтра война может вспыхнуть заново, а на войне всякое бывает. Если нас побьют, думаете, что станет? Я вам скажу — эльфовские «бригады» выйдут из лесов, причем во множестве, в силе, и ваши лояльные тут же к ним присоединятся. Все эти лояльные краснолюды, дружественные низушки — все они, думаете, станут болтать о мире, о дружбе? Нет, уважаемый. Они станут животы нам вспарывать, кишки выпускать, именно их-то руками Нильфгаард и расправится с нами. И утопят они нас в

море, как обещают. Нет, цацкаться с ними нельзя. Либо они, либо мы. Третьего не дано.

Дверь домика скрипнула, и появился солдат в окровавленном фартуке.

— Прощения просим, коли помешал, — кашлянул он. — Кто из вас, господа, привез хворую?

— Я, — сказал ведьмак. — А что?

— Извольте за мной.

Они вышли во двор.

— Скверно с нею, милсдарь, — сказал солдат, указывая на Трисс. — Я дал ей водки с перцем и селитрой. Не помогло. Не очень...

Геральт смолчал, да и что было говорить? Как раз в этот момент чародейка, скорчившись, являла миру доказательство того, что водку с перцем и селитрой ее желудок принять не в состоянии.

— Может, зараза какая-нито, — поморщился солдат, — либо эта, как ее, зинтерея. Ежели это по людям пойдет...

— Это чародейка, — возразил ведьмак. — Чародейки не болеют...

— Оно и видно, — цинично вставил рыцарь, вышедший следом за ними. — Из вашей-то, как погляжу, прямо-таки хлещет здоровье. Господин Геральт, послушайте меня. Женщине нужна помощь, а мы ее оказать не в силах. Не могу я, понимаете, допустить эпидемию в армии.

— Понимаю. Уеду немедленно. Выбора у меня нет, придется завернуть к Даэвону или Ард Каррайгу.

— Далеко не уйдете. Разъездам приказано задерживать всех. Кроме того, это небезопасно. Скоя'таэли ушли как раз в ту сторону.

— Как-нибудь управлюсь.

— После того что я о вас слышал, — скривил губы рыцарь, — не сомневаюсь, что справитесь. Но ведь вы не один. У вас на руках тяжелобольная женщина и та вон девочка...

Цири, пытавшаяся в этот момент очистить о переладину лестницы запачканный навозом ботинок, подняла голову. Рыцарь кашлянул и опустил глаза. Геральт улыбнулся. За последние два года Цири почти забыла о своем проис-

хождении и практически полностью избавилась от княжеских манер, но когда хотела, ее взгляд очень походил на взгляд бабушки. Так сильно походил, что королева Калантэ наверняка гордилась бы внучкой.

— Да, о чем это я... — осекся рыцарь, смущенно дергая пояс. — Господин Геральт, я знаю, что вам делать. Поезжайте за реку, на юг. Догоните обоз, который идет по большаку. Скоро ночь. Они наверняка встанут на ночевку. К утру догоните.

— Что за люди?

— Не знаю, — пожал плечами рыцарь. — Но не купцы и не обычный обоз. Слишком велик порядок, одинаковые фуры — крытые... Не иначе королевские сборщики. Я пропустил их через мост, они шли на юг, скорее всего к бродам на Ликсели.

— Хм... — задумался ведьмак, глядя на Трисс. — Это бы мне было с руки. Да найду ли я у них помощь?

— Может, да, — холодно сказал рыцарь, — может, нет. Только тут-то не найдете наверняка.

Занятые разговорами, они не услышали и не заметили, как он подъехал. Костер, вокруг которого они сидели, просвечивал мертвенно-желтым светом сквозь полотнища на уставленных в круг фурах. Геральт слегка дернул поводья и заставил лошадь громко заржать, чтобы предупредить расположившийся на отдых обоз, убрать неожиданность и избежать нервных движений. Он по опыту знал, что спусковые механизмы самострелов не любят нервных движений.

Отдыхающие вскочили, проделывая при этом, несмотря на предостережение, массу нервных движений. Большинство, это он увидел сразу, были краснолюдами. Это его немного успокоило — краснолюды, хоть и легковозбудимые, привыкли сначала спрашивать и лишь потом стрелять.

— Кто? — хрипло крикнул один из краснолюдов, быстрым, энергичным движением выхватывая топор, вбитый в лежащий около костра ствол. — Кто идет?

— Друг. — Ведьмак слез с коня.

— Интересно чей? — буркнул краснолюд. — Подойди. Держи руки так, чтобы мы видели.

Геральт приблизился, держа руки так, чтобы их мог видеть даже тот, кто страдает конъюнктивитом или куриной слепотой.

— Ближе.

Он подошел ближе. Краснолюд опустил топор, слегка наклонил голову.

— Или меня глаза обманывают, — сказал он, — или это ведьмак по имени Геральт из Ривии. Или же кто-то чертовски на Геральта похожий.

— Ярпен Зигрин? — удивился Геральт. — Не кто иной, как Ярпен Зигрин собственной бородатой персоной...

— Ха! — Краснолюд завертел топором так, словно это была ивовая ветка. Острие прошуршало в воздухе и с глухим стуком врезалось в ствол. — Тревога отменяется! Это и впрямь друг!

Все заметно успокоились. Геральту показалось, что он слышит глубокие вздохи облегчения. Краснолюд подошел, протянул руку. Его пятерня смело могла состязаться с железными клещами.

— Привет, злодюга! Ха-ха! — сказал он. — Откуда бы ни шел и куда бы ни направлялся, привет. Парни! Одни мы тут! Помнишь моих парней, ведьмак? Это Янник Брасс, это вот Ксавьер Моран, а этот — Паулье Дальберг и евонный брат Реган.

Геральт не мог вспомнить ни одного, впрочем, все они были на одно лицо — бородатые, кряжистые, почти квадратные в своих толстых, стеганых куртках.

— Шестеро вас было, — он по очереди пожал жесткие, сучковатые руки, — если не ошибаюсь.

— Хорошая память, — рассмеялся Ярпен Зигрин. — Шестерка нас была. Это точно. Но Люкас Корто оженился, осел в Махакаме и отпал от компании, пацан дурашливый. Как-то никто не попался на его место пока что. А жаль. Шестерка — число в сам раз, ни много ни мало. Толь теленка съесть, толь бочонок опорожнить, нету лучше, как вшестером...

— Похоже, — Геральт головой указал на остальных, нерешительно топтавшихся при фурах, — вас тут достаточно, чтобы управиться с тремя телятами, не говоря уж о птице. Что за братией командуешь, Ярпен?

— Не я тут в командирах. Позволь представить тебе. Простите, милсдарь Венцк, не сделал сразу, но я и мои парни знаем Геральта из Ривии не один день, есть у нас малость общих воспоминаний. Геральт, это господин комиссар Вильфрид Венцк, служит королю Хенсельту из Ард Каррайга, милостью богов царствующему в Каэдвене владыке.

Вильфрид Венцк был высокий, выше Геральта, а краснолюда вообще превышал двукратно. Одет он был в обычную простую одежду, какую носят сельские солтысы, коморники либо конные гонцы, но в его движениях чувствовалась резкость, жесткость и уверенность, которую ведьмак знал и умел распознать безошибочно даже ночью, даже при скупом свете костра. Так держат себя люди, привыкшие к латам и оружию, оттягивающему пояс. Геральт был готов побиться об заклад на любую сумму, что Венцк — профессиональный воин. Он пожал протянутую руку, слегка поклонился.

— Сядем. — Ярпен Зигрин указал на ствол, в котором по-прежнему крепко сидел его огромный топор. — Ну что поделываешь в сих краях, Геральт?

— Ищу помощи. Еду сам-третей с женщиной и подростком. Женщина больна. Серьезно. Догонял вас, чтобы просить помощи.

— Черт побери, лекаря-то у нас нету. — Краснолюд сплюнул на горящие чурки. — Где ты их оставил?

— Полперехода отсюда, на большаке.

— Покажешь дорогу. Эй, вы там! Трое на коней, седлать запасных! Геральт, твоя больная баба в седле удержится?

— Вряд ли. Потому и пришлось оставить.

— Возьмите бурку, полотнище и две жерди с фуры. Быстро!

Вильфрид Венцк, скрестив руки на груди, кашлянул.

— Мы на тракте, — резко сказал Ярпен Зигрин, не глядя на него. — На тракте в подмоге не отказывают.

* * *

— Холера. — Ярпен отнял руку ото лба Трисс. — Раскаленная что твоя печка. Не нравится мне это. А ежели тиф аль дизентерия?

— Это не может быть ни тиф, ни дизентерия, — убежденно солгал Геральт, накрывая больную попонами. — У чародеев иммунитет против таких болезней. Скорее всего пищевое отравление, ничего заразного.

— Хм... Ну ладно. Пойду пошурую в торбах. Было у меня когда-то доброе снадобье против поноса, может, еще немного осталось.

— Цири, — буркнул ведьмак, подавая девочке отвязанный от седла кожушок. — Иди спать, ты валишься с ног. Нет, не на воз. На воз положим Трисс. Ты ложись у костра.

— Нет, — тихо возразила Цири, глядя на удаляющегося краснолюда. — Я лягу рядом с ней. Когда они увидят, что ты меня от нее убираешь, они тебе не поверят. Подумают, что это заразительно, и выгонят нас, как те, с заставы.

— Заразно, — поправил ведьмак.

— Геральт, — вдруг прошептала чародейка, — где... мы?

— У друзей.

— Я здесь, — сказала Цири, гладя ее каштановые волосы. — Я с тобой. Не бойся. Чувствуешь, как тут тепло? Горит костер, а краснолюд сейчас принесет лекарство против... против желудка, то есть от...

— Геральт, — простонала Трисс, пытаясь выпростаться из-под покрывал. — Никаких... никаких магических эликсиров, запомни...

— Помню, помню. Лежи спокойно.

— Мне надо... Ох...

Ведьмак молча наклонился, поднял чародейку вместе с коконом покрывающих ее попон и отправился в лес, во тьму. Цири вздохнула и тут же повернулась, слыша тяжелые шаги. Из-за фуры вышел краснолюд, держа под мышкой большой сверток. Пламя костра играло на острие топора, засунутого за пояс, посверкивали пуговицы тяжелой куртки.

— Где больная? — буркнул он. — На помеле улетела?

Цири указала во мрак.

— Ясно, — кивнул Зигрин. — Я знаю эту боль и препаршивейшую слабость. Как был помоложе, жевал все, что удавалось отыскать или прибить, так что травился не раз. Кто она, чародейка ваша?

— Трисс Меригольд.

— Не знаю. Не слышал. Впрочем, я редко сталкиваюсь с Братством. Однако ж пора представиться. Меня зовут Ярпен Зигрин. А тебя, коза?

— Иначе, — буркнула Цири, сверкнув глазами.

— Так-так, — захохотал краснолюд. — Прощения просим. Не распознал во мраке-то. Так, стало быть, никакая не коза, а знатная девица. Низко кланяюсь. Ну и как же благородную девицу звать, ежели не секрет?

— Не секрет. Цири.

— Цири. Ага. И кто же ты такая, Цири?

— А вот это как раз и секрет. — Цири гордо задрала носик.

— Язычок у тебя, мазель, острый как осиное жало, — снова захохотал Ярпен. — Ну прости. Я принес снадобья и немного перекусить. Извольте принять. Или прогоните старого, неотесанного мужлана Ярпена Зигрина?

— Простите... — смутилась Цири, наклонила голову. — Трисс действительно необходима помощь, милсдарь... Зигрин. Она очень больна. Спасибо за лекарство.

— Пустое. — Краснолюд снова осклабился. — Пошли, Цири, поможешь нам. Снадобье-то еще приготовить надо. Накрутим пилюль по рецепту моей бабки. Супротив этих пилюль никакая засевшая в кишках зараза не устоит.

Он развернул сверток, вытащил что-то вроде куска торфа и небольшой глиняный горшочек. Цири заинтересовалась, подошла.

— Следует знать, милейшая Цири, — сказал Ярпен, — что моя бабка разбиралась в лечении как никто. Дока была. Увы, источником всех и всяческих хворей считала безделье, а безделье лучше всего вылечивать батогом. Ко мне и моим родственникам таковое лечение она в основном применяла в профилактических целях. Колошматила нас по любому

случаю и без оного тоже. Исключительная была яга. А однажды, когда ни с того ни с сего дала мне краюшку хлеба с салом и сахаром, то так меня этим удивила, что я от волнения упустил эту краюшку салом вниз. Ну а бабка отлупила меня, карга старая. А потом дала другую краюшку, правда, уже без сахара.

— Моя бабушка, — понимающе кивнула Цири, — тоже однажды меня высекла. Розгами.

— Розгами? — засмеялся краснолюд. — Моя как-то отдубасила меня черенком от кайла. Ну хватит приятных воспоминаний, давай-ка пилюли крутить. Бери рви это и скручивай в шарики.

— Что это? Липнет и мажется... Фу... А воняет... ужас какой-то!

— Это специальное тесто из дерти. Отличное лекарство. Мни шарики. Поменьше, поменьше. Для чародейки, чай, делаешь, не для коровы. А ну дай-ка одну. Нормально. Теперь обваляем шарики в снадобье.

— Фи...

— Завоняло? — Краснолюд сунул похожий на картофелину нос в горшочек. — Не может того быть. Растертый чеснок с горькой солью не должон так вонять, хочь сто лет простоит.

— Ну и отвратность! Трисс этого есть не станет!

— А мы сделаем, как моя бабка. Ты зажмешь ей нос, я стану запихивать пилюли.

— Ярпен, — прошипел Геральт, неожиданно появляясь из тьмы с чародейкой на руках. — Гляди, как бы я тебе чего-нибудь кой-куда не запихал.

— Это же лекарство, — обиделся краснолюд. — Помогает! Плесень, чеснок...

— Да, — слабо простонала Трисс из глубин своего кокона. — Верно, Геральт, это действительно должно помочь...

— Ну видишь? — Ярпен тыркнул Цири локтем, гордо задрав при этом бороду и показывая на Трисс, заглатывающую пилюлю с видом мученицы. — Мудрая волшебница. Знает что к чему.

— Что ты говоришь, Трисс? — наклонился ведьмак. — А, понимаю. Ярпен, может, у тебя есть лекарственный дягель? Или шафран?

— Поспрашиваю у своих. Я тут принес немного воды и ёдова...

— Спасибо. Но им прежде всего нужен отдых. Ложись, Цири.

— Я еще сделаю компресс для Трисс...

— Сам сделаю. Ярпен, надо бы поговорить.

— Пошли к костру. Откроем бочонок...

— Мне надо только с тобой. Большая компания мне ни к чему. Даже совсем наоборот.

— Ясно. Слушаю.

— Что это за обоз?

Краснолюд поднял на него свои маленькие проницательные глаза, потом медленно и отчетливо сказал:

— Королевская служба.

— Об этом-то я догадался. — Ведьмак выдержал взгляд. — Ярпен, я спрашиваю не из пустого любопытства.

— Знаю. И что тебе надо, тоже знаю. Но это транспорт... хм... особого назначения.

— И что же вы транспортируете?

— Рыбу. Соленую, — не задумываясь сказал Ярпен, после чего не сморгнув глазом продолжал врать: — Фураж, инструмент, упряжь, всякую мелочевку для армии. Венцк — квартирмейстер королевской армии.

— Он такой же квартирмейстер, как я друид, — усмехнулся Геральт. — Впрочем, дело ваше, я не привык совать носа в чужие секреты. Но ведь ты видел, в каком состоянии Трисс. Позволь нам присоединиться, Ярпен, и разреши положить ее на одну из телег. На несколько дней. Я не спрашиваю, куда вы направляетесь, этот тракт ведет прямо на юг, разветвляется только за Ликселью, а до Ликсели десять дней пути. За это время жар спадет, и Трисс сможет ехать верхом, а если даже и нет, то я остановлюсь в городе за рекой. Понимаешь, десять дней на повозке, как следует накрытая, теплая пища... Прошу тебя.

— Не я тут командую, а Венцк.

— Думаю, ты можешь повлиять на него, раз конвой состоит в основном из краснолюдов. Ясно же, что он вынужден считаться с тобой.

— Что тебе Трисс? Кто она тебе?

— А это важно? В нашей ситуации?

— В нашей — не важно. Я спрашиваю из пустого любопытства, чтобы потом пустить сплетню по кабакам. Но, честно сказать, тебя так и тянет к чародейкам.

Ведьмак грустно улыбнулся.

— А девочка? — Ярпен головой указал на Цири, которая никак не могла угнездиться под кожушком. — Твоя?

— Моя, — не раздумывая ответил Геральт. — Моя, Зигрин.

Рассвет был мутным, мокрым, пахнущим ночным дождем и утренним туманом. Цири казалось, что она проспала всего несколько минут и, едва она успела прислониться к наваленным на телегу мешкам, ее разбудили.

Геральт в это время укладывал рядом с нею Трисс, которую только что принес из очередной вынужденной вылазки в лес. Попоны, которыми была укутана чародейка, искрились росой. У Геральта синели круги под глазами. Цири знала, что он так и не вздремнул — Трисс лихорадило всю ночь. Она очень страдала.

— Я тебя разбудил? Прости. Спи. Еще рано.

— Что с Трисс? Как она себя чувствует?

— Лучше, — простонала чародейка. — Лучше, но... Геральт, послушай... я хотела тебе...

— Да?, — наклонился к ней ведьмак, но Трисс уже спала. Он выпрямился, потянулся.

— Геральт, — шепнула Цири, — нам позволят... ехать на телеге?

— Посмотрим. — Он закусил губу. — Пока можешь, спи. Отдыхай.

Он спрыгнул с воза. Цири слышала звуки, свидетельствующие о том, что бивак начали сворачивать, — топот коней, звон упряжи, скрип дышел, щелканье замков для пристяжных, разговоры и перебранку. А потом, совсем близ-

ко, хриплый голос Ярпена Зигрина, спокойный — высокого мужчины по имени Венцк и холодный — Геральта. Она приподнялась, осторожно выглянула из-за полотнища, прикрывающего фуру.

— В отношении этого я не получал прямых запретов, — сказал Венцк.

— Прекрасно, — повеселел краснолюд. — Стало быть, дело решено?

Комиссар поднял руку, показав, что еще не кончил. Некоторое время все молчали. Геральт и Ярпен терпеливо ждали.

— Тем не менее, — сказал наконец Венцк, — я отвечаю головой за то, чтобы обоз добрался до места назначения.

Он снова замолчал. Никто не перебивал. Было ясно, что тому, кто надумал разговаривать с комиссаром, следовало привыкать к долгим паузам между фразами.

— Чтобы добрался без происшествий, — докончил он спустя минуту. — И в назначенный срок. А забота о больной может нас задержать.

— Мы идем с опережением, — заверил его Ярпен, немного переждав. — Идем впереди времени, господин Венцк, срок выдержим. А что касается безопасности... Сдается мне, ведьмак нам не помеха. Дорога до самой Ликсели идет лесами, по обе стороны дикая пуща. А по пуще, говорят, болтаются всякие вредные существа.

— Действительно, — согласился комиссар. Глядя ведьмаку в глаза, он, казалось, взвешивает каждое слово. — Последнее время в каэдвенских лесах можно встретить самых разных вредных существ, подзуживаемых не менее вредными существами. Они могут угрожать нашей безопасности. Король Хенсельт, зная о том, дал мне право приглашать добровольцев в помощь вооруженному эскорту. Господин Геральт, я думаю, это решило бы нашу проблему.

Ведьмак молчал долго, дольше, чем заняла вся речь Венцка, густо пересыпанная паузами.

— Нет, — сказал он наконец, — нет, господин Венцк. Скажем ясно. Я готов отплатить за помощь, оказанную госпоже Меригольд, но не в такой форме. Могу присматривать за лошадьми, носить воду и дрова, даже кухарить. Но кнех-

том у короля не стану. Прошу на мой меч не рассчитывать. Я не намерен убивать этих, как вы соблаговолили выразиться, вредных существ по приказу других существ, которых отнюдь не считаю менее вредными.

Цири услышала, как Ярпен Зигрин громко засопел и кашлянул в кулак. Венцк спокойно смотрел на ведьмака.

— Понимаю, — бросил он сухо. — Люблю ясность. Хорошо. Господин Зигрин, прошу побеспокоиться, чтобы наше движение не замедлилось. Что же до вас, господин Геральт... Думаю, вы окажетесь полезным и нужным в том, в чем сочтете возможным. И вас, и меня оскорбило бы, если б вашу полезность я рассматривал как плату за помощь, оказанную страдающей женщине. Она сегодня чувствует себя лучше?

Ведьмак утвердительно наклонил голову, несколько ниже и любезнее, чем делал это обычно, как показалось Цири. Выражение лица Венцка не изменилось.

— Я рад, — сказал он после привычной уже паузы. — Взяв госпожу Меригольд на одну из фур, я принимаю на себя ответственность за ее здоровье, удобство и безопасность. Господин Зигрин, прикажите трогаться.

— Господин Венцк!

— Слушаю, господин Геральт.

— Благодарю вас.

Комиссар наклонил голову. Как показалось Цири, тоже несколько ниже и любезнее, нежели того требовали обычные, ни к чему не обязывающие приличия.

Ярпен Зигрин пробежал вдоль колонны, громко выкрикивая приказы и распоряжения. Затем взгромоздился на козлы, гикнул и стегнул лошадей. Фура дернулась и загромыхала по лесной дороге. Тряска разбудила Трисс, но Цири успокоила ее, сменила компресс на лбу. Качка действовала усыпляюще. Чародейка вскоре заснула. Цири тоже задремала, а когда проснулась, солнце уже стояло высоко. Она выглянула из-за бочек и тюков. Фура, на которой она ехала, возглавляла обоз. Следующей управлял краснолюд с повязанным вокруг шеи красным платком. Из разговоров, которые краснолюды вели между собой, Цири знала, что его

зовут Паулье Дальберг. Рядом с Паулье сидел его брат Реган. Видно было и Венцка, едущего верхом в сопровождении двух коморников.

Плотва, кобыла Геральта, привязанная к телеге, тихо заржала, приветствуя Цири. Каштанки и буланого мерина нигде не было видно. Вероятно, они шли позади вместе с запасными лошадьми обоза.

Геральт сидел на козлах рядом с Ярпеном. Они тихо беседовали, время от времени потягивая пиво из стоявшего между ними бочонка. Цири начала было прислушиваться, но вскоре это ей наскучило — разговор шел о политике, в основном о планах и намерениях короля Хенсельта и каких-то специальных службах и специальных задачах, сводящихся к тайной помощи оказавшемуся под угрозой войны соседу, королю Демавенду из Аэдирна. Ярпен, не обращая внимания на пробивающуюся в голосе ведьмака насмешку, объяснял, что некоторые виды рыб настолько ценны, что вполне хватает нескольких телег, чтобы покрыть годовое жалованье хоругви латников, а каждая новая хоругвь латников — это уже существенная помощь. Геральт с удивлением спросил, чего ради такой поклаже быть секретной, на что краснолюд ответствовал, что как раз в этом-то и состоит секрет.

Трисс дернулась во сне, сбросила компресс и что-то еле слышно пробормотала. Потребовала от какого-то Кевина, чтобы тот не давал воли рукам, и тут же отметила, что от Предназначения не уйдешь. Наконец, заявив, что все, ну абсолютно все вокруг являются в определенной степени мутантами, спокойно уснула.

Цири тоже почувствовала сонливость, но ее привел в себя громкий хохот Ярпена, который, как оказалось, напоминал Геральту о былых приключениях. Речь шла об охоте на золотого дракона, который, вместо того чтобы позволить себя прикончить, взял да пересчитал охотникам кости, а сапожника по имени Козоед попросту съел. Цири стала прислушиваться с большим интересом.

Геральт спросил о судьбах рубайл, но Ярпен ничего не знал о них. В свою очередь Ярпен поинтересовался женщи-

ной по имени Йеннифэр, а Геральт почему-то сделался удивительно немногословным. Краснолюд хлебнул пива и принялся сетовать на то, что упомянутая Йеннифэр все еще обижается на него, хоть с тех пор минул уже не один годок.

— Я столкнулся с ней на ярмарке в Горс Велене, — повествовал он. — Едва увидев меня, она фыркнула навроде кошки и самыми что ни на есть ужасными словами отозвалась о моей покойной матушке. Я удрал со всей доступной мне скоростью, а она крикнула вослед, что когда-нито еще достанет меня и уж тогда-то у меня из задницы трава вырастет.

Цири захихикала, представив себе Ярпена с травой, торчащей из штанов. Геральт буркнул что-то о женщинах и их неуравновешенных характерах, а краснолюд счел это чересчур мягким определением бабской зловредности, жестокости и мстительности.

Ведьмак темы не поддержал, и Цири опять задремала.

На этот раз ее разбудили возбужденные голоса. Точнее, слова Ярпена, который кричал:

— Именно так! И не иначе! Я так решил!

— Тише, — спокойно сказал ведьмак. — На телеге больная женщина. Пойми же, я не критикую ни твоих решений, ни постановлений...

— Еще бы, — язвительно прервал краснолюд. — Ты всего лишь многозначительно ухмыляешься.

— Ярпен, я тебя по-дружески предупреждаю. Тех, что сидят верхом на заборе, ненавидят обе стороны. В лучшем случае относятся к ним с недоверием.

— Я не сижу верхом. Я четко держусь одной стороны...

— Для этой стороны ты на веки вечные был и останешься краснолюдом. Чужаком. А для противоположной...

Он замолчал.

— Ну! — буркнул Ярпен, отворачиваясь. — Ну давай, чего ждешь? Скажи, что я предатель и пес на поводке у человеков, готовый за горсть серебра и миску отвратной жратвы броситься на побратимов, которые восстали против вас и бьются за свободу. Ну давай, давай, выблюй это из себя. Не терплю недомолвок.

— Нет, Ярпен, — тихо сказал Геральт. — Ничего я выблевывать не собираюсь.

— Ах, не собираешься. — Краснолюд хлестнул лошадей. — Тебе не хочется? Ты предпочитаешь глядеть и ухмыляться? Мне ты не скажешь ни слова, да? Но Венцку мог? «Прошу не рассчитывать на мой меч». Ах, как возвышенно, благородно, по-рыцарски! Иди ты к псу под хвост со своим благородством! И затраханной гордостью!

— Я просто-напросто хочу быть честным. Не хочу впутываться в этот конфликт. Хочу сохранить нейтралитет.

— Не выйдет! — рявкнул Ярпен. — Нейтралитет сохранить не удастся, понимаешь? Нет, ничего ты не понимаешь. Слушай, мотай с моей телеги и садись на коня. Прочь с глаз моих, зануда нейтральная. Ты действуешь мне на нервы.

Геральт отвернулся. Цири затаила дыхание. Но ведьмак не произнес ни слова. Просто спрыгнул с телеги, быстро, мягко, ловко. Ярпен переждал, пока тот отвяжет Плотву, и снова хлестнул лошадей, бормоча себе в бороду какие-то непонятные, но исключительно ярко звучащие слова.

Цири поднялась, чтобы тоже спрыгнуть и отыскать свою Каштанку. Краснолюд повернулся, окинул ее неприязненным взглядом.

— С тобой тоже одна мука, коза, — зло фыркнул он. — Больно нужны нам тут бабы и девчонки, черт побери, отлить с козел не могу, всякий раз приходится останавливать лошадей и лезть в кусты!

Цири уперлась кулачками в бока, тряхнула пепельной челкой и задрала нос.

— Да? — пустила она петуха. — Пива надо меньше пить, господин Зигрин, так реже хотеться будет.

— Тебе-то что до моего пива, сопливка!

— Не верещите! Трисе только что уснула!

— Моя телега! Буду верещать, ежели мне так желается!

— Бревно!

— Чего-чего? Ах ты, коза бесстыжая!

— Бревно! Бревно!!!

— Я те щас покажу бревно... О дьявол! Тпррр! Бревно!!!

Краснолюд сильно откинулся назад, натянул вожжи в последний момент, когда лошади уже собирались переступить через перекрывающий дорогу ствол сосны. Ярпен привстал на козлах, кроя по-человечьи и краснолюдски, свистя и рыча, остановил упряжку. Краснолюды и люди, соскочив с телег, подбежали, помогли отвести лошадей на свободную дорогу.

— Задремал, никак, Ярпен? — буркнул, подходя, Паулье Дальберг. — Черт, если б наехал, ось бы полетела, колеса к черту. Что ты, мать твою...

— Мотай отседова, Паулье! — рявкнул Ярпен Зигрин и зло хлестнул вожжами по конским крупам.

— Счастливец, — сладенько проговорила Цири, усаживаясь на козлы рядом с краснолюдом. — Сами видите, лучше держать на телеге ведьмачку, чем ехать одному. Вовремя я крикнула. А вот если б вы в это время... отливали с козел и наехали на бревно? Ну, ну. Страшно подумать, что с вами могло тогда случиться.

— Ты заткнешься?

— Уже молчу. Ни словечка.

Она выдержала не больше минуты:

— Господин Зигрин?

— Никакой я не господин. — Краснолюд тыркнул ее локтем. Ухмыльнулся. — Я Ярпен. Ясно? Давай поведем телегу вместе, э?

— Ясно. Можно подержать вожжи?

— Погодь, не так. Наложи на палец указательный, прижми большим, о, вот так. Левую так же. Не дергай, не натягивай слишком.

— Так хорошо?

— Хорошо.

— Ярпен?

— Ну?

— Что значит «сохранять нейтралитет»?

— Быть равнодушным, безразличным, — нехотя буркнул он. — Не давай вожжам провисать. Левую сильнее на себя!

— Как это «безразличным»? К чему безразличным?

Краснолюд сильно наклонился и сплюнул под телегу.

— Если скоя'таэли нападут на нас, твой Геральт намерен стоять и спокойно посматривать, как они будут перерезать нам глотки. Ты, вероятно, приткнешься рядышком, ведь это будет наглядный урок. Тема занятий: поведение ведьмака в конфликте разумных рас.

— Не понимаю.

— Этому-то я как раз нисколько не удивляюсь.

— Поэтому вы с ним ругались? Кто они, собственно, такие, эти скоя'таэли? Эти... белки?

— Цири. — Ярпен яростно растрепал бороду. — Это не для маленьких девчонок.

— Ну вот, теперь ты на меня злишься. Я вовсе не маленькая. Я слышала, как о белках говорили солдаты на заставе. Видела... двух убитых эльфов. А рыцарь говорил, что они... тоже убивают. И что среди скоя'таэлей не только эльфы. Краснолюды тоже есть.

— Знаю, — сухо сказал Ярпен.

— А ты ведь тоже краснолюд.

— Это уж точно.

— Почему же ты боишься белок? Они вроде бы дерутся только с людьми.

— Все не так просто, — задумался он. — К сожалению.

Цири долго молчала, покусывая нижнюю губу и морща носик. Потом сказала:

— Знаю. Белки борются за свободу. А ты хоть и краснолюд, но работаешь в специальной секретной службе короля Хенсельта и ходишь как пес на поводке у человеков.

Ярпен хмыкнул, утер нос рукавом и выглянул с козел, проверяя, не подъехал ли Венцк слишком близко. Но комиссар, занятый беседой с Геральтом, был далеко.

— Слух у тебя что надо, деваха, прям как у сурка, — широко ухмыльнулся он. — Да ты и попонятливее тех, кому на роду написано рожать детей, варить похлебки да прясть. Тебе кажется, будто ты знаешь все? Это потому, что ты еще ребенок. Не делай дурашливых рожиц, годков тебе это не прибавит, только становишься еще некрасивее, чем обычно. Удачно, признаю, ты поняла скоя'таэлей, понравилось

тебе это словцо. Знаешь, почему ты так хорошо их понимаешь? Потому что скоя'таэли тоже вроде детишек. Шпань, которая не понимает, что ее подзуживают, науськивают, что кто-то использует их ребячью дурость, подкармливая сказочками о свободе.

— Но ведь они действительно борются за свободу. — Цири подняла голову, взглянула на краснолюда широко раскрытыми зелеными глазами. — Как дриады в лесу Брокилон. Они убивают людей, потому что люди... некоторые люди творят им зло. Потому что когда-то это была ваша земля, краснолюдов и эльфов и этих, как их, низушков, гномов и других... А теперь тут поселились люди, вот эльфы и...

— Эльфы! — фыркнул Ярпен. — Уж если быть точным, как раз они-то тут такие не пришей кобыле хвост, как и вы, люди, хоть и прибыли на своих белых кораблях за добрых тысячу лет до вас. Теперь-то они наперебой лезут со своей дружбой, теперь-то мы братья, теперь-то лыбятся, болтают: «Мы сородичи, побратимы, Мы Старшие Народы». А раньше ети их... хм, хм... Раньше-то у нас мимо ушей свистели их стрелы, когда мы...

— Так первыми в мире были краснолюды?

— Если быть точными — гномы. В этой части света. Потому что мир невообразимо велик, Цири.

— Знаю. Я видела карту...

— Не могла ты видеть. Никто еще не нарисовал такой карты, и сомневаюсь, что это вскоре случится. Никто не знает, что лежит там, за Огненными горами и Великим морем. Даже эльфы, хотя и похваляются, мол, знают все. Ни хрена они не знают, поверь мне...

— Хм... А теперь... Ведь людей гораздо больше, чем... чем вас.

— Потому что плодитесь вы как кролики, — скрежетнул зубами краснолюд. — Ничего вам не надо, только бы трахаться вкруг, без разбора, с кем попало и где попало. А вашим бабам стоит сесть мужику на штаны, как живот вздувается... Ну, чего покраснела, ровно мак полевой? Хотела понять? Вот тебе голая правда и верная история мира, которым владеет тот, кто удачнее разделывает другим черепа

и быстрее накачивает своих баб. А с вами, людьми, трудно конкурировать как в смертоубийстве, так и в... траханье...

— Ярпен, — холодно сказал Геральт, подъехав на Плотве. — Сдержись немного, будь любезен, в выборе слов. А ты, Цири, перестань играть в возницу, загляни к Трисс, проверь, не проснулась ли и не надо ли ей чего.

— Давно уже проснулась, — проговорила слабым голосом чародейка из глубины фуры. — Но не хотела... прерывать очень, поверь, любопытную беседу. Не мешай, Геральт. Хотелось бы... побольше узнать о влиянии траханья на прогресс общества.

— Можно согреть немного воды? Трисс хочет умыться.

— Валяй, — разрешил Ярпен Зигрин. — Ксавьер, сыми вертел с огня, наш заяц готов. Давай котел, Цири. Ого! Полный до краев! Одна притащила от ручья такую тяжесть?

— Я сильная.

Старший из братьев Дальбергов прыснул.

— Не суди по внешности, Паулье, — серьезно сказал Ярпен, ловко разделывая обжаренного зайца на порции. — Не над чем смеяться. Она девица щупленькая, верно, но, вижу, крепенькая и выносливая. Она навроде кожаного ремня: тонкий, а руками не разорвешь. Да и повесишься — тоже выдержит.

Никто не засмеялся. Цири подошла к развалившимся вокруг костра краснолюдам. На этот раз Ярпен Зигрин и четверка его парней развели собственный костер, потому что зайцем, которого подстрелил Ксавьер Моран, делиться не собирались. Им самим едва хватало на один, ну два укуса.

— Подкинь-ка в огонь, — сказал Ярпен, облизывая пальцы. — Вода шибчей закипит.

— Вода — дурь, — заметил Реган Дальберг, выплюнув косточку. — Мытье хворой токмо навредить может. Да и здоровому тожить. Помните старого Шрадера? Жена ему однажды велела помыться, и вскорости после того помер Шрадер-то.

— Потому как бешеный пес покусал.

— А не мылся б, то и пес не покусал бы.

— Я тоже думаю, — заметила Цири, проверяя пальцем температуру воды в котле, — что ежедневно мыться — это уж слишком. Но Трисс просит, а однажды даже заплакала... Вот мы с Геральтом и...

— Знаем, — кивнул старший Дальберг. — Но то, что ведьмак... Никак надивиться не могу. Эй, Зигрин, ежели б у тебя была баба, ты бы мыл ее и чесал? Носил бы на руках в кусты, чтобы она...

— Заткнись, Паулье, — прервал Ярпен. — Ты про ведьмака не того... Это порядочный мужик.

— А я чего? Я ничего. Удивляюсь токмо...

— Трисс, — задиристо вставила Цири, — вовсе не его баба.

— Тем больше удивляюсь.

— Тем больший ты дуб, стало быть, — подвел итог Ярпен. — Цири, отлей малость воды на кипяток, запарим чародейке еще шафрана с маком. Сегодня ей вроде получшало? А?

— Пожалуй, — буркнул Янник Брасс. — Ради нее пришлось задерживать обоз всего шесть разов. Я, конечным делом, знаю, нельзя отказывать в помощи на тракте, дурак тот, кто мыслит иначе. А кто откажет, тот вовсе сверхдурак и подлый сукин сын. Но слишком уж долго мы в этих лесах топчемся, слишком долго, говорю вам. Искушаем судьбу, холера, слишком уж мы судьбу испытываем, парни. Тут опасно. Скоя'таэли...

— Сплюнь, Янник.

— Тьфу, тьфу. Ярпен, я драки не боюсь, и кровь лить не впервой, но... Ежели придет дело драться со своими... Мать их! Почему это нам выпало? Этот засратый груз должна сопровождать засратая сотняга конных, не мы. Чтоб черти побрали умников из Ард Каррайга, чтоб их...

— Заткнись, говорю. Давай лучше горшок с кашей. Зайчатинкой, мать его так, червячка заморили, теперь надо чего-нибудь съесть. Цири, поешь с нами?

— Конечно.

Долго было слышно лишь чавканье, чмоканье да стук сталкивающихся в горшке деревянных ложек.

— Зараза, — сказал Паулье Дальберг и протяжно рыгнул. — Я б еще чего съел.

— Я тоже, — поддержала Цири и тоже рыгнула, восхищенная простецкими манерами краснолюдов.

— Только не каши, — сказал Ксавьер Моран. — Уже в глотке стоит эта пшенка. Солонина тоже обрыдла.

— Ну так нажрись травы, ежели у тебя такой изячный скус.

— Иль березу ошкурь зубами. Бобры — вон те этак делают и живы.

— Бобра б я, пожалуй, съел.

— А я — рыбки, — размечтался Паулье, с хрустом разгрызая добытый из-за пазухи сухарь. — Хоцца мне рыбки, ей-бо.

— Так наловим рыбы.

— Где? — проворчат Янник Брасс. — В кустах?

— В ручье.

— Тоже мне ручей. На другой берег нассать можно. Какая там могет быть рыба?

— Есть там рыбы. — Цири облизнула ложку и сунула за голенище. — Я видела, когда ходила по воду. Но какие-то больные. У них сыпь. Черные и красные пятна...

— Форель! — рыкнул Паулье, брызгая крошками сухаря. — А ну, ребяты, к ручью! Реган! Скидывай портки! Сделаем сачок из твоих портков.

— Почему из моих?

— Стаскивай мигом, не то по шее получишь, молокосос! Тебе мать что сказала? Меня слушать!

— Поспешите, если хотите рыбачить, вот-вот стемнеет, — сказал Ярпен. — Цири, вода вскипела? Оставь, оставь, ошпаришься и вымажешься котлом-то. Знаю, что сильная, но уж позволь, я отнесу.

Геральт уже ожидал. Они издалека заметили его белые волосы между раздвинутыми полотнищами фуры. Краснолюд перелил воду в бадейку.

— Помощь нужна, ведьмак?

— Спасибо, Ярпен, Цири поможет.

Температура у Трисс уже спала, но слабость была прямо-таки чудовищной. Геральт и Цири уже наловчились ее

раздевать и мыть, научились притормаживать ее благородные, но пока непосильные порывы к самостоятельности. Дело шло на удивление справно — он держал чародейку в объятиях, Цири мыла и вытирала. Одно только Цири удивляло и раздражало — Трисс излишне уж крепко, по ее мнению, прижималась к Геральту. В этот раз даже пыталась его поцеловать.

Геральт движением головы указал на вьюки чародейки. Цири поняла сразу, потому что это тоже входило в ритуал: Трисс всегда требовала, чтобы ее причесывали. Девочка отыскала гребень, опустилась на колени. Трисс, наклонив к ней голову, обхватила ведьмака. По мнению Цири, слишком уж крепко.

— Ах, Геральт, — разрыдалась чародейка. — Как жаль... Какая жалость, что все, что было между нами...

— Трисс, прошу тебя...

— ...не случится теперь... Когда я выздоровею... Все было бы совсем иначе... Я могла бы... Я могла бы даже...

— Трисс!

— Я завидую Йеннифэр... Я ревную тебя к ней...

— Цири, уйди.

— Но...

— Прошу тебя...

Цири спрыгнула с телеги и налетела прямо на Ярпена, который ожидал, опершись о колесо и задумчиво покусывая длинную травинку. Краснолюд поймал ее. Ему не пришлось даже наклоняться, как Геральту. Он был вовсе не выше ее ростом.

— Никогда не совершай такой ошибки, маленькая ведьмачка, — буркнул он, косясь на телегу. — Если кто-нибудь проявит к тебе сочувствие, симпатию и преданность, если удивит благородством характера, цени это, но не перепутай с... чем-то другим...

— Подслушивать нехорошо.

— Знаю. И небезопасно. Я едва успел отскочить, когда ты выплеснула смывки из бадейки. Пошли глянем, сколько форелей попалось в Регановы портки.

— Ярпен?

— Хе?

— Я тебя люблю.

— Я тебя тоже, коза.

— Но ты краснолюд. А я нет.

— А какое это... Да. Скоя'таэли. Ты имеешь в виду белок, да? Это не дает тебе покоя, а?

Цири высвободилась из-под тяжелой руки.

— Тебе тоже не дает. И другим. Я же вижу.

Краснолюд молчал.

— Ярпен?

— Слушаю.

— Кто прав? Белки или вы? Геральт хочет быть... нейтральным. Ты служишь королю Хенсельту, хоть сам — краснолюд. А рыцарь на заставе кричал, что все — наши враги и что всех надо... Всех! Даже детей. Почему? Ярпен? Кто же прав?

— Не знаю, — с трудом проговорил краснолюд. — Я не набрался премудростей. Делаю так, как считаю нужным. Белки взялись за оружие, ушли в леса. Людей — в море, кричат, не зная даже, что это сомнительное требование им подбросили нильфгаардские лазутчики. Не понимая, что эти слова адресованы не им, а людям, что они должны пробудить людскую ненависть, а не боевой задор юных эльфов. Я это понял, поэтому то, что вытворяют скоя'таэли, считаю преступной глупостью. Что ж, через несколько лет меня за это, возможно, окрестят предателем и продажной тварью, а их станут именовать героями... Наша история, история нашего мира знает такие случаи.

Он замолчал, поскреб бороду. Цири тоже молчала.

— Элирена... — неожиданно буркнул он. — Ежели Элирена была героиней, ежели то, что она сделала, называется геройством, то ничего не попишешь, пусть меня обзывают предателем и трусом. Потому что я, Ярпен Зигрин, трус, предатель и ренегат, утверждаю, что мы не должны истреблять друг друга. Я утверждаю, что мы должны жить. Жить так, чтобы позже ни у кого не пришлось просить прощения. Героическая Элирена... Ей пришлось. Простите меня, умоляла она, простите. Сто дьяволов! Лучше сгинуть, чем

жить с сознанием, что ты сделал что-то такое, за что приходится просить прощения.

Он снова замолчал. Цири не задавала вопросов, так и просившихся на язык. Инстинктивно чувствовала, что этого делать не следует.

— Мы должны жить рядом, — продолжал Ярпен. — Мы и вы, люди. Другого выхода у нас нет. Двести лет мы об этом знаем и больше ста работаем на это. Ты хочешь знать, почему я поступил на службу к Хенсельту, почему принял такое решение? Я не могу допустить, чтобы то, над чем мы работаем, пошло коту под хвост. Сто лет с лишком мы пытались сжиться с людьми. Низушки, гномы, мы, даже эльфы. Я не говорю о русалках, нимфах и сильфидах, эти всегда были дикарками, даже когда о вас тут и слуху не было. Тысяча чертей, это тянулось сто лет, но нам как-никак удалось наладить совместную жизнь, бок о бок, вместе, нам удалось частично убедить людей, что мы очень мало отличаемся друг от друга.

— Мы вообще не отличаемся, Ярпен.

Краснолюд резко обернулся.

— Мы вообще не отличаемся, — повторила Цири. — Ведь ты мыслишь и чувствуешь так же, как Геральт. И как... как я. Мы едим одно и то же, из одного котла. Ты помогаешь Трисс, и я тоже. У тебя была бабушка, и у меня... Мою бабушку убили нильфгаардцы. В Цинтре.

— А мою — люди, — с трудом сказал Ярпен. — В Бругге. Во время погрома.

— Конные! — крикнул кто-то из людей Венцка, ехавший в головном дозоре. — Конные впереди!

Комиссар помчался к телеге Ярпена. Геральт приблизился с другой стороны.

— Назад, Цири! — резко бросил он. — Слезай с козел и назад. Будь при Трисс.

— Оттуда ничего не видно!

— Кончай базарить! — буркнул Ярпен. — А ну быстро назад! И дай мне чекан. Он под кожухом.

— Это? — Цири показала тяжелый, отвратно выглядевший предмет, напоминающий молот с острым, слегка искривленным крюком на стороне, противоположной бойку.

— Угу, — подтвердил краснолюд. Он засунул черенок чекана за голенище, а топор положил на колени. Венцк, внешне спокойный, смотрел на дорогу, приставив руку ко лбу.

— Легкая кавалерия из Бен Глеана, — сказал он через минуту. — Так называемая Медвежья Хоругвь, узнаю по плащам и бобровым шапкам. Сохраняйте спокойствие. Внимание тоже. Плащи и бобровые шапки довольно легко меняют хозяев.

Конники быстро приближались. Их было около десятка. Цири видела, как на своем возу Паулье Дальберг кладет на колени два натянутых самострела, а Реган накрывает их попоной. Она тихо вылезла из-под полотнища, спрятавшись, однако, за широкой спиной Ярпена. Трисс попробовала подняться, чертыхнулась и упала на подстилку.

— Стой! — крикнул первый из конных, несомненно, командир. — Кто такие? Откуда и куда?

— А кто спрашивает? — Венцк спокойно выпрямился в седле. — И по какому праву?

— Армия короля Хенсельта! А спрашивает десятник Зывик. И повторять он не привык! Отвечай немедля. Кто такие, а?

— Служба квартирмейстера королевской армии.

— Кажный может сказать! Не вижу никого в королевских цветах!

— Приблизься, десятник, и повнимательнее взгляни на мой перстень.

— Чего вы мне тута кольцами разблестелись? — выкрикнул десятник. — Что я, все кольца в мире знаю, аль как? Такой перстень может быть у кого хошь. Тоже мне, важный знак!

Ярпен Зигрин встал на козлах, поднял топор и резко подсунул его десятнику под нос.

— А такой знак тебе ведом? — буркнул он при этом. — Нюхни и запомни запах.

Десятник рванул поводья, развернул лошадь.

— Пугать меня надумал? — рявкнул он. — Меня? Я на королевской службе.

— И мы тоже, — тихо сказал Венцк. — И, думаю, подольше, чем ты. Не ерепенься, солдат, миром советую.

— Я здеся охрану несу! Откедова мне знать, кто вы такие?

— Ты перстень видел? — процедил комиссар. — И если знаков на камне не узнаешь, то меня начинает интересовать, ты-то кто таков? На флажке Медвежьей Хоругви выткан такой же знак. Должны знать.

Солдат явно опешил, на что, вероятно, одинаково повлияло и спокойствие Венцка, и угрюмые, решительные лица, выглядывающие из фургонов эскорта.

— Хм... — сказал он, сдвигая шапку к левому уху. — Ладно. Если вы и вправду те, за кого себя выдаете, не будете, думаю, супротив, ежели взгляну, что на возах.

— Будем, — насупился Венцк. — К тому же очень. Нет тебе никакого дела до нашего груза, десятник. Да и не понимаю, чего ты можешь в нем искать.

— Не понимаете, — покачал головой солдат, кладя руку на рукоять меча. — Так скажу. Торговля людьми запрещена, а хватает таких, кои продают невольников Нильфгаарду. Ежели людей в колодках на возах найду, не докажете мне, что королю служите. Хоть дюжину колечек выставьте.

— Хорошо, — сухо сказал Венцк. — Если о невольниках речь... Ищи. Разрешаю.

Солдат шагом подъехал к среднему фургону, наклонился в седле, приподнял полотно.

— Что в бочках?

— А что должно быть? Невольники? — съязвил Янник Брасс, рассевшись на козлах.

— Спрашиваю — что? Так отвечайте.

— Соленая рыба.

— А в тех вона ящиках? — Солдат подъехал к следующему возу, пнул по бортику.

— Подковы, — проворчал Паулье Дальберг. — А там, позади, буйволиные шкуры.

— Вижу, — махнул рукой десятник, чмокнул коню, поехал вперед, заглянул в фургон Ярпена.

— А чтой-то там за баба лежит?

Трисс Меригольд слабо улыбнулась, приподнялась на локте, сделав рукой короткий сложный жест.

— Кто? Я? — тихонько спросила она. — Ты же меня вообще не видишь.

Солдат нервно заморгал, вздрогнул.

— Соленые рыбы, — убежденно сказал он, опуская полотно. — Порядок. А этот ребенок?

— Сушеные грибы, — сказала Цири, нахально глядя на него. Солдат замолк, замер с открытым ртом.

— Ну да? — спросил он минуту погодя. — Чего?

— Закончил осмотр, вояка? — холодно поинтересовался Венцк, подъезжая с другой стороны фургона. Солдат с трудом оторвал взгляд от зеленых глаз Цири.

— Закончил. Ехайте, веди вас Бог. Но поглядывайте. Два дни тому скотоели под корень вырезали конный разъезд у Барсучьего Яра. Сильная, большая была ихая бригада. Конечным делом, Барсучий Яр отседова далече. Только эльф по лесу прет шибчее ветра. Нам велено облаву замкнуть, да разве эльфа схватишь? Все едино что ветер в решето ловить...

— Ну довольно, мы не любопытные, — нелюбезно прервал комиссар. — Время не ждет, у нас еще дальняя дорога.

— Ну бывайте. Эй, там, за мной!

— Слышал, Геральт? — проворчал Ярпен Зигрин, глядя вслед удаляющемуся разъезду. — Чертовы белки в округе. Как чуял. Все время мурашки по спине бегали, словно мне из лука прямо в крестец кто метил. Нет, мать их, нельзя ехать все время вслепую, как доселе, посвистывая, подремывая да сонно попердывая. Надо знать, что впереди. Послушай, есть мысль.

Цири резко дернула Каштанку, сразу сорвалась в галоп, низко наклонившись в седле. Геральт, занятый разговором с Венцком, выпрямился.

— Не дури! — крикнул он. — Без фокусов, девка! Хочешь шею сломать? И не отъезжай очень-то далеко...

Больше она не услышала ничего, слишком сильно вырвалась вперед. Сделала это нарочно, надоело выслуши-

вать ежедневные поучения. «Не так быстро, не так резко, Цири. Та-та-та! Не отдаляйся! Па-па-па! Будь осторожна! Па-па! Ну совсем так, будто я девчонка малая, — подумала она. — А мне уже почти тринадцать, у меня резвая Каштанка и острый меч за спиной. И ничего я не боюсь! И... весна кругом».

— Эй, смотри, задок сотрешь!

«Ярпен Зигрин. Еще один мудрила! Па-па!»

Дальше, дальше, галопом по выбоинам, через зеленые травы и кустики, через серебристые лужи, через золотой влажный песок, через перистые папоротники. Испуганная лань умчалась в лес, только сверкнула в прыжках черно-белым фонариком зада. С деревьев взлетают птицы — цветастые сойки и золотистые щурки, черные болтливые сороки со смешными хвостами. Из-под копыт взметается вода в лужах и выбоинах.

Дальше, дальше! Лошадь, которая слишком долго еле-еле шевелила ногами, плетясь за обозом, идет легко, мчится резво, быстро, ее радует скорость, играют мускулы, влажная грива хлещет Цири по лицу. Лошадь вытягивает шею. Цири отпускает поводья. Дальше, лошадка, не грызи удила и мундштук, дальше, в карьер, в карьер, быстрее, быстрее! Весна!

Она придержала Каштанку, оглянулась. Ну наконец-то одна. Наконец-то далеко. Уже никто не поругает, не станет увещевать, не обратит внимания, не будет грозиться, что покончит, мол, с такими поездочками. Наконец-то одна, свободна, вольна и независима.

Теперь помедленнее. Легкой рысью. Ведь это же прогулка не ради одного только удовольствия, у нее тоже есть определенные обязанности. Ведь сейчас она — конный разъезд, патруль, передовое охранение. «Ха, — думает Цири, осматриваясь, — безопасность всего обоза сейчас зависит от меня. Все с нетерпением ждут, когда я вернусь и доложу: дорога свободна, никого не видела, ни следов колес, ни копыт. Доложу, а тогда тощий господин Венцк с холодными голубыми глазами серьезно кивнет, Ярпен Зигрин оскалит желтые конские зубы, Паулье Дальберг кивнет: моло-

дец, малыш! А Геральт едва-едва улыбнется. Улыбнется, хотя последнее время он улыбается так редко».

Цири осматривается, все фиксирует в памяти. Две поваленные березки — не проблема. Куча веток — не страшно, телеги пройдут. Промытый дождем ровик — что за преграда, колеса первой фуры пробьют колею, остальные пройдут следом. Большая поляна — отличное место для привала...

Следы? Какие тут могут быть следы! Никого тут нет. Лес. Птицы верещат среди свежих, зеленых листиков. Коричнево-рыжая лиса не спеша перебежала дорогу... И все пахнет весной.

Дорога переламывается на половине холма, скрывается в песчанистом яре, уходит под кривые сосенки. Цири съезжает с дороги, взбирается по склону, чтобы сверху осмотреть район. И коснуться мокрых, пахучих листьев.

Соскакивает с седла, забрасывает вожжи на сук, медленно идет через покрывающий холм можжевельник. По другую сторону холма видна проплешина, зияющая в гуще леса, словно кто-то выгрыз часть деревьев: вероятно, след после пожара, который полыхал здесь давным-давно, потому что нигде не видно пепелища, всюду зелено от невысоких березок и елочек. Дорога, докуда хватает глаз, кажется свободной и проезжей.

И безопасной.

«Чего они боятся? — подумала Цири. — Скоя'таэлей? А чего их бояться? Я не боюсь эльфов. Я им ничего не сделала.

Эльфы. Белки. Скоя'таэли».

Прежде чем Геральт приказал ей отойти, Цири успела рассмотреть трупы на заставе. Особенно запомнился один — с лицом, закрытым слепившимися от коричневой крови волосами, с неестественно вывернутой и выгнутой шеей. Застывшая в жуткой гримасе верхняя губа приоткрывала зубы, очень белые и очень мелкие, нечеловеческие. Она запомнила обувь эльфа, потрепанную и истертую, длинную, до колен, внизу шнурованную, сверху защелкивающуюся на многочисленные кованые крючки.

Эльфы, которые убивают людей, сами гибнут в борьбе. Геральт говорит, что надо соблюдать нейтралитет... А Яр-

пен,— что надо поступать так, чтобы потом не приходилось просить прощения...

Она пнула кротовью горку, задумчиво поводила носком ботинка по песку.

Кто, у кого и за что должен просить прощения?

Белки убивают людей. А Нильфгаард им за это платит. Использует их. Подзуживает, науськивает. Нильфгаард.

Нет, Цири не забыла, хоть очень бы хотела забыть. О том, что случилось в Цинтре. О бродяжничестве, отчаянии, страхе, голоде и боли. О маразме и отупении, которые наступили позже, гораздо позже, когда ее нашли и приютили друиды из Заречья. Она помнила это как в тумане, а хотела перестать помнить вообще.

Но это возвращалось. Возвращалось в наваждениях и снах. Цинтра. Топот коней и дикие крики, трупы, пожар... И черный рыцарь в крылатом шлеме... А потом... Хаты в Заречье... Почерневшая труба на пепелище... Рядом, у нетронутого колодца, черный кот, зализывающий страшный ожог на боку. Колодец... Журавль... Ведро...

Ведро, полное крови.

Цири протерла лицо, глянула на ладонь. Ладонь была мокрая. Девочка хлюпнула носом, вытерла слезы рукавом.

«Нейтралитет? Равнодушие? — Ей хотелось кричать. — Ведьмак, равнодушно взирающий на бойню? Нет! Ведьмак должен защищать людей. От лешего, вампира, оборотня, и не только. Он обязан защищать от любого зла. А я в Заречье видела, что такое зло.

Ведьмак обязан защищать и спасать. Защищать мужчин, чтобы их не подвешивали, как мишени для стрел, за руки на деревьях и не насаживали на колья. Защищать светловолосых девушек, чтобы их не распинали между вбитыми в землю колышками. Защищать детей, чтобы их не резали и не бросали в колодцы. Защиты заслуживает даже кот, обгоревший в подожженном сарае. Поэтому я стану ведьмачкой, для того у меня и меч, чтобы защищать таких, как люди из Соддена и Заречья, потому что у них ведь нет мечей, они не знают выпадов, финтов, полуоборотов, вольтов и пируэтов, их никто не научил, как надо драться, они

бессильны и безоружны против оборотня и нильфгаардского мародера. Меня драться учат. Чтобы я могла защищать безоружных. Всегда. Я никогда не буду нейтральной. Никогда не буду безразличной.

Никогда!»

Она не знала, что ее подтолкнуло — то ли тишина, холодной тенью опустившаяся на лес, то ли движение, пойманное краешком глаза. Но она отреагировала мгновенно — рефлекс, приобретенный и выработанный в лесах Заречья, когда, убегая из Цинтры, она мчалась наперегонки со смертью. Она упала на землю, вползла под куст можжевельника и замерла. Только б не заржала лошадь. Только б не заржала!

На склоне противоположного холма что-то снова пошевелилось, она заметила мелькнувший силуэт, растворившийся в листве. Эльф осторожно выглянул из зарослей. Откинув с головы капюшон, несколько секунд осматривался, прислушивался, потом беззвучно и быстро пошел по склону. Вслед за ним выглянули из листвы еще двое. А потом двинулись остальные. Их было много. Они шли длинной цепью, гуськом, примерно половина была на конях. Эти ехали медленно, выпрямившись в седлах, напряженные, чуткие. Несколько секунд она видела всех четко и хорошо, когда в абсолютной тишине они передвигались на фоне неба, в светлом прорыве в стене деревьев, а потом скрылись, растворились в мерцающей тени чащи. Исчезли без шороха и шелеста, словно духи. Не топнула копытом, не заржала ни одна лошадь, не хрустнула ветка под ногой или подковой. Не звякнуло оружие, которым они были увешаны.

Эльфы скрылись, но Цири не шевелилась, продолжала лежать, прижавшись к земле под можжевеловым кустом, стараясь дышать как можно тише. Она знала, что ее может выдать испуганная птица или зверь, а птицу или зверя может напугать любой шорох и любое движение, даже самое незаметное, самое осторожное. Она поднялась лишь тогда, когда лес успокоился совсем, а среди деревьев, между которыми скрылись эльфы, застрекотали сороки.

Поднялась только для того, чтобы оказаться в крепких объятиях. Черная кожаная перчатка зажала ей рот, приглушила крик ужаса.

— Тихо!

— Геральт?

— Тихо, я говорю.

— Ты видел?

— Видел.

— Это они... — шепнула она. — Скоя'таэли, да?

— Да. А ну быстро на коней. Гляди под ноги.

Осторожно и тихо они спустились с холма, но не вернулись на тракт, а остались в чащобе. Геральт внимательно осматривался, не разрешал ей ехать, не отдавал поводья Каштанки, вел лошадь сам.

— Цири, — проговорил он вдруг. — Ни слова о том, что мы видели. Ни Ярпену, ни Венцку. Никому. Понимаешь?

— Нет, — буркнула она, опуская голову. — Не понимаю. Почему я должна молчать? Ведь их надо предупредить. За кого мы, Геральт? Против кого? Кто наш друг, кто враг?

— Завтра отделимся от обоза, — сказал он, помолчав. — Трисс уже почти здорова. Попрощаемся и поедем своим путем. У нас будут собственные проблемы, собственные тревоги и собственные трудности. Тогда, надеюсь, ты наконец поймешь, что не надо делить обитателей нашего мира на друзей и врагов.

— Мы должны быть... нейтральны? Безразличны, да? А если они нападут...

— Не нападут.

— А если...

— Послушай меня, — повернулся он к ней. — Как думаешь, почему такой важный транспорт, груз золота и серебра, тайную помощь короля Хенсельта Аэдирну, сопровождают краснолюды, а не люди? Я уже вчера видел эльфа, который наблюдал за нами с дерева. Я слышал, как они ночью прошли мимо обоза. Скоя'таэли не нападут на краснолюдов, Цири.

— Но они здесь, — проворчала она. — Здесь. Вертятся, окружают нас.

— Я знаю, почему они здесь. Покажу тебе.

Он резко развернул коня, кинул ей поводья. Она тронула Каштанку пятками, лошадь пошла быстрее, но он жес-

том приказал оставаться позади. Они пересекли тракт, снова въехали в чащу. Ведьмак вел, Цири ехала следом. Оба молчали. Долго.

— Взгляни. — Геральт осадил лошадь. — Взгляни, Цири.

— Что это?

— Шаэрраведд.

Перед ними, насколько позволяли видеть деревья, вздымались гладко отесанные гранитные и мраморные блоки с притупленными, скругленными ветром краями, покрытые промытыми дождями рисунками, растрескавшиеся от морозов, разорванные корнями деревьев. Меж деревьями проглядывали поломанные колонны, арки, остатки фризов, оплетенные плющом, окутанные плотным ковром зеленого мха.

— Это была... крепость?

— Дворец. Эльфы не строили крепостей. Слезь. Кони не пройдут по развалинам.

— Кто все уничтожил? Люди?

— Нет. Они сами. А потом ушли.

— Почему?

— Знали, что больше сюда не вернутся. Это случилось после второго столкновения между ними и людьми, больше двухсот лет назад. До того, уходя, они оставляли города нетронутыми. Люди строили свои дома на фундаментах эльфовых построек. Так возникли Новиград, Оксенфурт, Вызима, Третогор, Марибор, Цидарис. И Цинтра.

— Цинтра тоже?

Он утвердительно кивнул, не отрывая глаз от руин.

— Ушли, — шепнула Цири. — Но теперь возвращаются. Зачем?

— Чтобы взглянуть.

— На что?

Он молча положил ей руку на плечо, легонько подтолкнул. Она спрыгнула с мраморных ступеней, спустилась ниже, придерживаясь за пружинящие ветви кустов орешника, пробивающегося из каждой щели в омшелых, потрескавшихся плитах.

— Здесь был центр дворца. Его сердце. Фонтан.

— Здесь? — удивилась Цири, глядя на ольхи и белые стволы берез, столпившихся среди идеальных глыб и блоков. — Здесь? Но тут ничего нет.

— Идем.

Поток, питавший фонтан, видимо, часто менял русло, терпеливо и неустанно подмывал мраморные и алебастровые плиты, а те спускались, образуя запруды и снова направляя воды потока в новую сторону. В результате вся территория оказалась иссечена неглубокими промоинами стариц. Кое-где вода стекала каскадами по остаткам постройки, смывая с них листья, песок — в этих местах мрамор, терракота и мозаика все еще искрились свежими красками, словно лежали тут не два столетия, а три дня.

Геральт перепрыгнул через ручей и пошел туда, где еще сохранились остатки колоннады. Цири шла следом. Они соскочили с крошившихся ступеней, наклонив головы, вошли под нетронутый свод арки, наполовину ушедшей в земляной вал. Ведьмак остановился, указал рукой. Цири громко вздохнула.

На многоцветной от раздробленной терракоты насыпи рос большой розовый куст, усыпанный десятками прелестных бело-лиловых цветов. На лепестках поблескивали капельки росы, сверкающей словно серебро. Куст оплетал своими побегами большую плиту из белого камня. А с плиты на них глядело печальное красивое лицо, тонкие и благородные черты которого не смогли стереть и размыть ни ливни, ни снега. Лицо, которое не сумели исковеркать зубила варваров, вылущивающих из барельефа золото орнаментов, мозаику и драгоценные камни.

— Аэлирэнн, — сказал Геральт после долгого молчания.

— Какая красивая, — шепнула Цири, ухватив его за руку. Ведьмак словно и не заметил. Он смотрел на барельеф и был в этот момент далеко-далеко, в ином мире и времени.

— Аэлирэнн, — повторил он спустя минуту. — Которую краснолюды и люди называют Элиреной. Она вела эльфов в бой двести лет тому назад. Старейшины возражали. Они знали, что шансов победить у них нет. Понимали, что могут уже не воспрянуть после поражения. Они хотели спасти свой

народ, хотели выжить. И решили разрушить города, уйти в недоступные дикие горы... и ждать. Эльфы — долгожители, Цири. По нашим меркам почти бессмертны. Люди казались им чем-то таким, что минует, как засуха, как тяжкая зима, как налет саранчи, а потом снова пойдут дожди, наступит весна, проклюнется новый урожай. Они хотели переждать. Да, переждать. Решили уничтожить города и дворцы. В том числе и свою гордость — Шаэрраведд. Да, хотели переждать, но Элирена... Элирена подняла молодых. Они взялись за оружие и пошли за ней на последний отчаянный бой. И их истребили. Безжалостно истребили.

Цири молчала, не отрывая глаз от прекрасного мертвого лица.

— Они умирали с ее именем на устах, — тихо продолжал ведьмак. — Повторяя ее призыв, ее клич. Они погибали за Шаэрраведд. Потому что Шаэрраведд был символом. Они погибали в борьбе за камень и мрамор. И за Аэлирэнн. Как она и обещала, они умирали достойно, геройски, с честью. Они сберегли честь, но обрекли на гибель собственную расу. Собственный народ. Помнишь, что тебе сказал Ярпен? Кто владеет миром, а кто вымирает? Он объяснил это тебе грубо, но правильно. Эльфы долговечны, но плодовита только их молодежь, только молодые могут иметь потомство, а почти вся молодежь пошла тогда за Элиреной. За Аэлирэнн, за Белой Розой из Шаэрраведда. Мы стоим в руинах ее дворца, у фонтана, плеск которого она слушала вечерами. А это... это были ее цветы.

Цири молчала. Геральт привлек ее к себе, обнял.

— Теперь ты знаешь, почему скоя'таэли были здесь, понимаешь, на что они хотели взглянуть? Но понимаешь ли, что нельзя допустить, чтобы юные эльфы и краснолюды снова позволили себя уничтожать? Понимаешь ли, что ни я, ни ты не имеем права участвовать в этой бойне? Эти розы цветут весь год. Они должны были бы одичать, а они — видишь — прекраснее, чем в ухоженных садах. В Шаэрраведд постоянно приходят эльфы, Цири. Разные эльфы. И запальчивые, и глупые, для которых символом остается потрескав-

шийся камень. И разумные, для которых символ — бессмертные, вечно возрождающиеся цветы. Эльфы, которые понимают, что если вырвать этот куст и спалить землю, то розы Шаэрраведда уже не расцветут никогда. Это ты понимаешь?

Она кивнула.

— Понимаешь ли ты теперь, что такое нейтралитет, который так взволновал тебя? Быть нейтральным — не значит быть равнодушным и бесчувственным. Не надо убивать в себе чувства. Достаточно убить в себе ненависть. Ты поняла?

— Да, — шепнула она. — Теперь поняла. Геральт, я... я хотела бы взять одну... Одну из этих роз. На память. Можно?

— Возьми, — сказал он после недолгого колебания. — Возьми, чтобы помнить. Ну пошли. Возвращаемся к обозу.

Цири вколола розу под шнуровку курточки. Неожиданно тихо ойкнула, подняла руку. Струйка крови стекла у нее с пальца в ладошку.

— Укололась?

— Ярпен... — прошептала девочка, глядя на кровь, заполняющую линию жизни. — Венцк... Паулье...

— Что?

— Трисс! — пронзительно крикнула она, сильно вздрогнула, потерла лоб. — Быстрее, Геральт! Мы должны им... помочь! На коней, Геральт!

— Цири, что с тобой?

— Они умирают!

Она мчалась галопом, прижавшись ухом к шее лошади, подгоняя ее криком и ударами пяток. Песок лесной дороги взметнулся из-под копыт. Уже издалека она услышала крики, почувствовала дым.

Навстречу, перегораживая тракт, к ней мчалась пара лошадей, волокущих за собой сбрую, вожжи и сломанное дышло. Цири не стала сдерживать Каштанку, пронеслась мимо на полном скаку, хлопья пены лизнули ей лицо. Позади услышала ржание Плотвы и ругань Геральта, которому пришлось остановиться.

Она вылетела на поворот дороги, на большую поляну.

Обоз полыхал. Из зарослей огненными птицами неслись к телегам горящие стрелы, дырявя полотно, врезаясь в доски. Скоя'таэли, визжа и вопя, кинулись в атаку.

Цири, не обращая внимания на доносящиеся сзади крики Геральта, направила лошадь прямо к двум первым выдвинутым вперед фурам. Одна была перевернута на бок, рядом стоял Ярпен Зигрин с топором в одной руке и самострелом в другой. У его ног, неподвижная и бессильная, в голубом, задравшемся до середины бедер платье лежала...

— Трииисс! — Цири выпрямилась в седле, хватанула лошадь пятками. Скоя'таэли обернулись на ее крик, мимо головы девочки засвистели стрелы. Она закрутила головой, не замедляя галопа и слыша крик Геральта, приказывающего ей бежать в лес. Но она и не подумала. Наклонилась, помчалась прямо на целящихся в нее лучников. Неожиданно почувствовала запах белой розы, приколотой к курточке.

— Трииисс!

Эльфы отскочили от мчащейся лошади. Одного она легко задела стременем. Услышала резкий свист, лошадь дернулась, взвизгнула, метнулась вбок. Цири увидела стрелу, глубоко врезавшуюся пониже седла, у самого ее бедра. Она вырвала ноги из стремян, пригнулась к седлу, крепко оттолкнулась и прыгнула.

Мягко упала на перевернутый фургон, забалансировала руками, прыгнула опять, опустившись на подогнутые ноги около рычащего и размахивающего топором Ярпена. Рядом, на другом возу, дрался Паулье Дальберг, а Реган, откинувшись назад и упершись ногами в доски, с трудом сдерживал упряжку. Кони дико ржали, топали, рвали дышло в ужасе от пожирающего полотно огня.

Цири кинулась к Трисс, лежащей среди рассыпавшихся бочек и ящиков, схватила ее за платье и потащила к перевернутому возу. Чародейка стонала, держась за голову выше уха. Совсем рядом с Цири застучали копыта, захрапели кони — два эльфа, размахивая мечами, теснили к ней яростно защищавшегося Ярпена. Краснолюд крутился волчком, ловко отражая топором сыпавшиеся на него удары. Цири слышала проклятия, звон и стонущий звук металла.

От горящего обоза отделилась еще одна телега, она неслась в их сторону, волоча за собой дым и пламя, разбрасывая горящие тряпки. Возница бессильно свисал с козел, рядом стоял Янник Брасс, с трудом удерживая равновесие. Одной рукой он держал вожжи, другой отбивался от двух эльфов, галопирующих по обеим сторонам фуры. Третий скоя'таэль, поравнявшись с лошадьми, на бегу всаживал им в бока стрелу за стрелой.

— Прыгай! — рявкнул Ярпен, перекрывая гул. — Прыгай, Янник!

Цири увидела, как к мчащейся телеге галопом подлетает Геральт, как коротким, экономным ударом меча сметает с седла одного эльфа, а Венцк, подскочив с противоположной стороны, рубит второго, того, который стрелял в лошадей. Янник бросил вожжи и спрыгнул прямо под коня третьего скоя'таэля. Эльф поднялся на стременах и рубанул его мечом. Краснолюд упал. В тот же момент пылающий воз врезался между бьющимися противниками, разбросал их по сторонам. Цири в последний момент ухитрилась оттащить Трисс из-под копыт взбесившихся лошадей. С треском вырвалась вага, фургон подскочил, потерял колесо и перевернулся, раскидывая груз и тлеющие доски.

Цири подтащила чародейку к перевернутому возу Ярпена. Ей помог Паулье Дальберг, который вдруг оказался рядом, и обоих прикрыл Геральт, вогнав Плотву между ними и нападающими скоя'таэлями. Вокруг телеги закипел бой. Цири слышала удары клинков, крики, храп лошадей, стук копыт. Ярпен, Венцк и Геральт, окруженные эльфами со всех сторон, бились как ошалевшие черти.

Неожиданно дерущихся раскидала упряжка Регана, борющегося на козлах с толстым низушком в кафтане из рысьего меха. Низушек сидел на Регане и пытался заколоть его длинным ножом.

Ярпен ловко заскочил на телегу, схватил низушка за шею и пинком выкинул за обрешетку. Реган пронзительно взвизгнул, схватил вожжи, хлестнул коней. Упряжка рванулась, телега покатилась, мгновенно набирая скорость.

— Кругом, Реган! — закричал Ярпен. — Кругом! Вокруг!

Телега вывернулась и снова ринулась на эльфов, раскидывая их.

Один подскочил, схватил правую пристяжную за удила, но не сумел удержать, инерция кинула его под копыта и колеса. Цири услышала ужасающий крик.

Второй эльф, скакавший рядом, наотмашь рубанул мечом. Ярпен уклонился, оружие звякнуло по поддерживающему полотно фургона обручу, инерция занесла эльфа вперед. Краснолюд вдруг сгорбился, резко махнул рукой. Скоя'таэль взвизгнул, напружинился в седле и тут же рухнул на землю. Между лопатками у него засел чекан.

— Ну давайте, сукины дети!!! — рычал Ярпен, крутя топором мельницу. — Который еще? Гони в круг, Реган! В круг!

Реган, тряся окровавленным чубом, ссутулившись на козлах под свист стрел, выл как сумасшедший и безжалостно стегал лошадей. Упряжка мчалась по тесному кругу, создавая подвижную, пылающую огнем и полыхающую дымом преграду вокруг перевернутой фуры, под которую Цири затащила почти потерявшую сознание чародейку.

Неподалеку от них плясал конь Венцка, мышино-серый жеребец. Венцк горбился, Цири видела белые перья стрелы, торчащей у него в боку. Несмотря на рану, он ловко защищался от двух пеших эльфов, нападающих на него с обеих сторон. На глазах у Цири вторая стрела угодила ему в спину. Комиссар рухнул грудью на лошадь, но удержался в седле. Паулье Дальберг бросился ему на выручку.

Цири осталась одна.

Схватилась за меч. Клинок, который во время тренировок молниеносно выскакивал из-за спины, сейчас ни за что не хотел вылезать, сопротивлялся, увязал в ножнах, как в смоле. В кипящем водовороте тел, в мелькании оружия, которое прямо-таки расплывалось в глазах, ее меч выглядел неестественно и чуждо медлительным, казалось, пройдут столетия, прежде чем он выйдет из ножен полностью. Земля тряслась и гудела. Цири вдруг поняла, что дрожит не земля, а ее собственные колени.

Паулье Дальберг, угрожая топором наседающему на него эльфу, тащил по земле раненого Венцка. Рядом с возом про-

неслась Плотва, на эльфа налетел Геральт. Он где-то потерял повязку, белые волосы развевались, как на ветру. Лязгнули мечи.

Другой скоя'таэль, пеший, выскочил из-за воза. Паулье бросил Венцка, выпрямился, закрутил топором. И замер.

Перед ним стоял краснолюд в шапке, украшенной беличьим хвостом, с черной бородой, заплетенной в две косы. Паулье заколебался.

Но чернобородый не задумался ни на секунду. Ударил обеими руками. Острие топора свистнуло и врезалось Паулье в ключицу с отвратительным хрустом. Паулье упал, не произнеся ни звука, моментально. Все выглядело так, словно сила удара переломила под ним колени.

Цири заорала.

Ярпен Зигрин соскочил с воза. Чернобородый краснолюд закружился, ударил. Ярпен ушел от удра ловким полуоборотом, гакнул страшно, хватанул снизу, разрубая черную бороду, гортань, челюсть и лицо — до самого носа. Скоя'таэль выгнулся и рухнул навзничь, истекая кровью, колотя руками и раздирая каблуками землю.

— Геральт!!! — крикнула Цири, чувствуя за спиной движение. Чувствуя за спиной смерть.

Это была нечеткая, пойманная во вращении фигура. Фигура и блеск, но девочка отреагировала мгновенно, косым выпадом и финтом, которым научилась в Каэр Морхене. Парировала удар, но стояла слишком нетвердо, чересчур наклонившись набок, чтобы набрать инерции. Сила удара кинула ее на корпус воза. Меч выскользнул из руки.

Стоявшая перед ней красивая длинноногая эльфка в высоких сапогах жестоко скривилась, подняла меч, тряхнула волосами, рассыпавшимися из-под откинутого капюшона. Меч ослепительно сверкнул, загорелись браслеты на запястьях белки.

Цири не могла пошевелиться.

Но меч не упал, не ударил. Потому что эльфка смотрела не на нее, а на белую розу, приколотую к курточке.

— Аэлирэнн! — крикнула белка, громко, так, словно криком своим хотела перебороть колебания. Но не успела. Ге-

ральт, оттолкнув Цири, широко хлестнул эльфку мечом по груди. Кровь брызнула на лицо и одежду, красные пятна покрыли белые лепестки розы.

— Аэлирэнн... — душераздирающе крикнула эльфка, опускаясь на колени. Прежде чем упасть, она успела крикнуть еще раз. Громко, протяжно, отчаянно: — Шаэрравеедд!

Реальность возникла так же неожиданно, как и исчезла. Сквозь заполняющий уши монотонный глухой шум Цири стала различать голоса. Через мерцающий и мокрый занавес слез пробились контуры живых и убитых.

— Цири, — шепнул стоявший рядом на коленях Геральт. — Очнись.

— Бой... — простонала она, садясь. — Геральт, что...

— Все кончилось. Помогли солдаты из Бен Глеана.

— Ты не был... — шепнула она, закрывая глаза, — не был нейтральным...

— Не был. А ты жива и Трисс тоже.

— Что с ней?

— Ударилась головой, упав с телеги, которую Ярпен пытался сохранить. Но она уже в норме. Лечит раненых.

Цири осмотрелась. В дыму догорающих фур мелькали силуэты вооруженных людей. Кругом валялись ящики и бочки. Часть разбилась, и их содержимое рассыпалось. Обычные булыжники. Девочка изумленно взглянула на них.

— Помощь Демавенду из Аэдирна, — скрежетнул зубами стоявший рядом Ярпен Зигрин. — Секретная и невероятно важная помощь. Обоз спецназначения.

— Это была ловушка?

Краснолюд обернулся, взглянул на нее, на Геральта. Потом снова глянул на вывалившиеся из бочек камни, сплюнул.

— Ага. Ловушка.

— На белок?

— Нет.

Убитых сложили в рядок. Они лежали бок о бок — эльфы, люди и краснолюды. Был среди них и Янник Брасс. Была темноволосая эльфка в высоких сапогах. И красно-

Эмгыр с черной, блестевшей от запекшейся крови бородой, заплетенной в косички. А рядом с ними...

— Паулье! — рыдал Реган Дальберг, держа на коленях голову брата. — Паулье! Зачем?

Все молчали. Даже те, кто знал зачем. Реган повернул к ним искаженное болью, все в слезах лицо.

— Что я скажу матери? — простонал он. — Что я ей скажу?

Все молчали.

Неподалеку, окруженный солдатами в черно-золотых цветах Каэдвена, лежал Венцк. Он тяжело дышал, и при каждом выдохе на его губах вздувались кровавые пузыри. Рядом стояла на коленях Трисс, над ними — рыцарь в блестящих латах.

— Ну как? — спросил рыцарь. — Госпожа чародейка? Он выживет?

— Я сделала все, что могла. — Трисс встала, сжала губы. — Но...

— Что?

— Они пользовались вот этим. — Она показала стрелу со странным наконечником и ударила ею по стоящей бочке. Кончик стрелы разделился, расщепился на четыре шипастые крючковатые иглы. Рыцарь выругался.

— Фредэгард... — с трудом проговорил Венцк. — Послушай, Фредэгард...

— Тебе нельзя говорить, — резко сказала Трисс. — И шевелиться! Заклинание едва держит!

— Фредэгард, — повторил комиссар. Кровавый пузырь у него на губах лопнул, на его месте тут же образовался новый. — Мы ошибались... Все мы ошибались. Это не Ярпен... Мы несправедливо подозревали... Я ручаюсь за него. Ярпен не предал... Не пре...

— Молчи! — крикнул рыцарь. — Молчи, Вильфрид! Эй, быстро, давайте сюда носилки! Носилки!

— Уже не надо, — глухо проговорила чародейка, глядя на губы Венцка, на которых больше не вздувались пузыри. Цири отвернулась. Прижалась лицом к Геральту.

Фредэгард выпрямился. Ярпен Зигрин не смотрел на него. Он смотрел на убитых. На Регана Дальберга, по-прежнему стоявшего на коленях возле брата.

— Это было необходимо, господин Зигрин, — сказал рыцарь. — Война. Был приказ. Нам надо было убедиться...

Ярпен молчал.

— Простите, — шепнул рыцарь и опустил глаза.

Краснолюд медленно повернул голову, взглянул на него. На Геральта. На Цири. На всех. Людей.

— Что вы с нами сделали? — проговорил он с горечью в голосе. — Что вы сделали с нами? Что вы сделали... из нас?

Никто не ответил.

Глаза длинноногой эльфки были стеклянными и матовыми. На ее искривленных губах застыл крик.

Геральт обнял Цири. Медленно отколол от ее курточки белую, покрытую темными пятнышками крови розу, молча бросил цветок на тело белки.

— Прощай, — шепнула Цири. — Прощай, Роза из Шаэрраведда. Прощай и...

— Прости нас, — докончил Геральт.

Оне валандаются по стране, нахальные и наглые, сами себя зла истребителями, оборотней уничтожителями и упырей отравителями именующие, выманивают у легковерных плату, а приработав так, двигаются дале, дабы в ближайшем городе таковое жульничество вновь свершить. Легче всего проникают оне в хаты честного, простого и не отдающего себе в том отчета хозяина, коий все злоключения и злосчастия запросто приписывает чарам, противуестественным творениям и мерзопакостным чудовищам, действиям облачников, альбо злых духов. Заместо того чтобы богам молиться, в храм богатое подношение занести, простак сей грязному ведьмаку готов шелонг последний отдать, веря, что ведьмак, этот выродок безбожный, сумеет долю его улучшить и несчастья отвратить.

Аноним.
«Монструм, или Ведьмака описание»

Не имею ничего против ведьмаков. Пусть их охотятся на вампиров. Платили бы только подати.

Радовид III Смелый, король Редании

Жаждешь справедливости — найми ведьмака.

Граффити на стене Кафедры
Права Оксенфуртского университета

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Ты что-то сказал?

Мальчик шмыгнул носом и сдвинул со лба слишком большую для него бархатную шапочку с фазаньим пером, лихо свисающим сбоку.

— Ты рыцарь? — снова повторил он, глядя на Геральта голубыми как синька глазами.

— Нет, — ответил ведьмак, удивленный тем, что ему вообще хочется отвечать. — Не рыцарь.

— Но у тебя меч! Мой папка — рыцарь короля Фольтеста. У него тоже есть меч. Побольше твоего.

Геральт оперся локтями о релинг и сплюнул в воду, пенящуюся за кормой барки.

— Ты носишь на спине, — не отставал малец. Шапочка снова сползла ему на глаза.

— Что?

— Ну меч. На спине. Почему у тебя на спине меч?

— Потому что весло сперли.

Мальчишка раскрыл рот, дав возможность всем налюбоваться роскошными дырками на месте выпавших молочных зубов.

— Отойди от борта, — сказал ведьмак. — И закрой рот, не то муха влетит.

Мальчик раскрыл рот еще шире.

— Седой, а глупый, — буркнула мать мальчика, богато одетая матрона, оттаскивая малыша за бобровый ворот-

ник плаща. — Иди сюда, Эверетт! Сколько раз можно повторять — не якшайся с простолюдинами.

Геральт вздохнул, глядя, как из утреннего тумана выплывают очертания островов и кустарников. Барка, неуклюжая, как черепаха, тащилась в свойственном ей, то есть — черепашьем, темпе, продиктованном ленивым течением Дельты. Пассажиры, в основном купцы и кметы, дремали на своем багаже. Ведьмак снова развернул свиток и углубился в письмо Цири.

...я сплю в Большой зале, которая называется «спальня», а кровать у меня, понимаешь, ужасненько Большая. Я сплю со Средними Девочками, нас тут двенадцать, но я больше всего дружу с Эурнэйд, Катье и Йолей Второй. Сегодня, например, Ела Суп, а хуже всего, что иногда надо Поститься и вставать рано-рано, на самом раннем Рассвете. Раньше, чем в Каэр Морхене. Остальное напишу завтра, потому как сейчас у нас будут Моления. В Каэр Морхене никто никогда не молился, интересно, чего это тут надо? Наверно, потому что это Храм.

Геральт, мать Нэннеке прочитала и велела не писать Глупостей и чтобы еще и без ошибок. И чему учусь, и что чувствую себя хорошо, и что здорова. Геральт, я чувствую себя хорошо, и я здорова, только, понимаешь, Есть хочу, но скоро Обед. И еще мать Нэннеке велела написать, что Молитва еще никому не навредила, ни мне, ни тебе, это уж Точно.

Геральт, у меня снова есть свободное время, поэтому напишу, что учу. Читать и писать правильные Руны. Историю. Природу. Поэзию и Прозу. Правильно разговаривать на всеобщем Языке и на Старшей Речи. Я лучше всех по Старшей Речи, умею даже писать Старшие Руны. Я напишу тебе что-нибудь, сам увидишь. Elaine blath Feainnewedd, что значит «Прекрасный Цветочек, дитя Солнца». Теперь видишь, что умею. И еще...

Ну вот, теперь снова могу писать, потому что нашла новое перо, а то старое сломалось. Мать Нэннеке прочита-

ла и похвалила меня, что правильно. И велела написать, что я послушная, и чтобы ты не волновался. Не волнуйся, Геральт.

У меня снова есть время, так пишу, что случилось. Когда мы кормили индюшей, я и Иоля, и Катье, то Один Большой Индюш ка-а-ак нападет на нас, шея у него краснющая, и был он Ужасненько Страшный. Сначала напал на Иолю, а потом хотел напасть на меня, но я не испугалась, потому что он был все равно меньше и не такой быстрый, как Маятник. Я сделала финт и пируэт и хлестнула его два раза прутом, так что Он сбежал. Мать Нэннеке не позволяет мне тут носить Мой Меч, жаль, а то я бы тому Индюшу показала, чему научилась в Каэр Морхене. Я уже знаю, что правильно Старшими Рунами надо писать Caer a'Muirehen, что значит Крепость Старого Моря. Или Замок. Верно, потому там везде Ракушки и Улитки, а также Рыбы, оттиснутые на камнях. А «Цинтра» правильно пишется Xin'trea. А мое имя происходит от Zireael, потому что это значит «Ласточка», а это значит, что...

— Читаете?

— Читаю. — Он поднял голову. — А что? Случилось что-то? Кто-то что-то заметил?

— Да нет, ничего, — ответил шкипер, вытирая руки о кожаный кафтан. — На воде покой. Но ведь туман, мы уже близко от Журавлиной Кущи.

— Знаю. Шестой раз плыву туда, Гладыш, да пять раз — обратно. Успел познакомиться с трассой. Глаза открыты, не бойся.

Шкипер кивнул, отошел к носу, перешагивая через громоздящиеся всюду тюки и кули пассажиров. Сбившиеся в середине палубы лошади фыркали и били подковами о доски палубы. Барка, пропахивая носом поля кувшинок, шла по фарватеру в плотном тумане, разводя на стороны заросли. Геральт снова взялся за письмо.

...у меня эльфовское имя. Но я же не эльфка. Геральт, тут у нас тоже говорят о белках. Иногда даже солдаты приезжают и выпытывают и говорят, что раненых эльфов нельзя ле-

чить. Я ни словечка не пискнула о том, что было весной, не бойся. И о том, чтобы тренироваться, тоже Помню, не думай. Хожу в парк и тренируюсь, когда есть время. Но не всегда, потому что надо на кухне работать и в Саду, как всем девочкам. Да и учебы тоже Ужасненько много. Но это ничего, буду учиться. Ты ведь тоже учился в Храме, мне об этом сказала мать Нэннеке. И еще сказала, что Мечом размахивать может каждый Дурак. Для этого Ума не надо, а ведьмачка должна быть умной.

Геральт, ты обещал приехать. Приезжай.

Твоя Цири.

PS. Приезжай, приезжай же.

PS2. Мать Нэннеке велела написать тебе в конце.

Хвала Великой Мелитэле, да будет с тобой вечно ее благословение. И чтобы с тобой ничего не случилось.

Цири.

«Поехал бы я в Элландер, — подумал он, пряча письмо. — Но это опасно. Могу навести их на след... Да и с письмами тоже пора кончать. Нэннеке пользуется жреческой почтой. Однако... Нет, черт побери, слишком рискованно».

— Хм... Хм...

— Что там еще, Гладыш? Журавлиную Кущу уже прошли.

— И хвала богам, без приключениев, — вздохнул шкипер. — Да, милсдарь Геральт, снова, похоже, спокойный будет рейс. Туман вот-вот подымется, а как солнце выглянет, тут и страхам конец. Чудище при солнце не вынырнет.

— Буду только рад.

— Я думаю, — криво усмехнулся Гладыш. — Компания платит вам за рейс. Случись чего аль нет — мошна пополняется. Верно?

— Будто не знаешь? Неужто завидки берут? Мол, зарабатываю, опершись о борт и любуясь чайками? А тебе за что платят? За то же самое. За то, что валандаешься по палубе. Ежели все идет гладко, так тебе делать нечего, шмонаешься от носа до кормы, лыбишься пассажиркам или пробуешь расколоть купцов на стакашек. Меня тоже наня-

ли, чтобы был на палубе. На всякий случай. Безопасная переправа, потому что ведьмак в охране. Расходы на ведьмака включены в стоимость провоза, так?

— Оно, конечно, правда, — вздохнул шкипер. — Компания не внакладе. Я-то их хорошо знаю. Плаваю по Дельте пятый год, от Пены до Новиграда, от Новиграда до Пены. Ну, за дело, милсдарь ведьмак. Вы опирайтесь о борт, я пойду пройдусь до кормы.

Туман немного поредел. Геральт вынул из сумки второе письмо, которое недавно доставил странный посланец. Читал он это письмо уже раз тридцать. От письма шел аромат сирени и крыжовника.

Дорогой друг...

Ведьмак тихо выругался, глядя на четкие, ровные, угловатые, вычерченные энергичным движением пера руны, однозначно отражающие настроение автора. Геральту — уже в тридцать первый раз — непреодолимо захотелось укусить себя со злости в зад. Когда месяц назад он писал чародейке, то две ночи кряду размышлял, как начать письмо. Наконец остановился на «Дорогой подруге». И теперь получил свое.

Дорогой друг, меня чудовищно обрадовало твое нежданное письмо, полученное всего лишь через неполных три года после нашей последней встречи. Радость моя была тем безмернее, что на каждом углу трепачи гудели о твоей неожиданной и бравурной смерти. Ты правильно поступил, решив опровергнуть сплетни, хорошо также, что сделал это так скоро. Из твоего письма следует, что ты вел жизнь спокойную, размеренную, роскошно нудную и лишенную каких бы то ни было событий. В нынешние времена такая жизнь — недопустимый шик, дорогой друг, и я рада, что тебе это удалось.

Меня тронула твоя неожиданная забота о моем здоровье, которую ты, дорогой друг, соизволил проявить. Спешу известить, что я действительно чувствую себя уже хорошо, пери-

од недомогания позади, я разделалась с хлопотами, описанием которых не хочу тебя утруждать.

Меня сильно волнует и беспокоит, что подарок, нежданно-негаданно полученный от Судьбы, доставляет тебе столько хлопот. Ты абсолютно прав, предположив, что здесь необходима профессиональная помощь. Хотя описание трудностей, с которыми ты столкнулся, выглядит довольно загадочно, что вполне понятно, тем не менее я убеждена, что знаю источник проблемы. И согласна с тем, что совершенно необходимо вмешательство еще одной чародейки. Я горжусь тем, что оказалась именно второй из тех, к которым ты обращаешься. И чем же я заслужила столь высокое положение в списке?

Будь спокоен, дорогой друг, а если ты уже собрался обратиться за помощью к другим чародейкам, не делай этого, ибо нет нужды. Я отправлюсь незамедлительно, еду прямо к тому месту, которое ты указал несколько туманно, но для меня понятно. Естественно, я отправлюсь тайно и с соблюдением всех предосторожностей. На месте сориентируюсь в сути вопроса и сделаю все, что в моих силах, чтобы усмирить вышедший из берегов источник. Ты понимаешь, о чем я. При этом постараюсь оказаться не хуже иных дам, к которым ты уже обращался, обращаешься либо намерен был обратиться с «покорными просьбами». Как-никак я ведь твоя дорогая подруга. Мне слишком дорога твоя дорогая дружба, чтобы я решилась подвести тебя, дорогой друг. Ибо это может дорого обойтись всем нам.

Если в течение ближайших нескольких лет ты пожелаешь написать мне, не колеблись ни минуты. Письмам твоим я неизменно рада.

Твоя дорогая подруга Йеннифэр.

Письмо пахло сиренью и крыжовником.

Геральт чертыхнулся.

Из задумчивости его вырвало неожиданное движение на палубе и покачивание барки, говорящее о смене курса.

Часть пассажиров облепила правый борт. Шкипер Гладыш выкрикивал с носа команды, барка медленно и неохотно сходила с фарватера, уступая дорогу двум выплывающим из тумана судам. Ведьмак взглянул на них с интересом.

Первым шел большой, не меньше семидесяти сажен, трехмачтовый галеас, над которым развевался амарантовый флаг с серебряным орлом. За ним ритмично двигалась небольшая стройная сорокавесельная галера, украшенная красно-золотым шевроном на черном поле стяга.

— А ведь хороши, дьяволы? — сказал Гладыш, подходя к ведьмаку. — Реку пашут, аж волна кипит.

— Интересно, — буркнул Геральт. — Галеас идет под реданским флагом, а галера — из Аэдирна.

— Точно, из Аэдирна, — подтвердил шкипер. — И несет вымпелы наместника в Хагге. Но заметьте, оба судна килевые, почти две сажени погружения. Значит, плывут они не до самой Хагги, потому что через пороги и мели в верховьях реки им не пройти. Плывут в Пену или до Белого Моста. А гляньте-ка, на борту полно солдат. Это не купцы, это военные суда, милсдарь Геральт.

— На галеасе идет кто-то важный. Раскинули на палубе шатер.

— Ну да, ныне так вельможи путешествуют, — кивнул Гладыш, ковыряя в зубах щепочкой, оторванной от борта. — Рекой оно безопасней. По лесам бригады эльфов валандаются, никогда не знаешь, из-за какого дерева полетит стрела. А на воде не страшно. Эльф — что твой кот, воды не любит. Предпочитает в зарослях отсиживаться...

— Кто-то действительно важный. Шатер богатый.

— Запросто может быть. А вдруг да сам король Визимир осчастливил реку? Разный народ теперь путешествует... А коль уж мы об этом заговорили, вы просили в Пене, чтобы я понюхал, не любопытствует ли кто о вас, не расспрашивает ли. Так вот, вон того недотепу видите?

— Не тычь пальцем, Гладыш. Кто таков?

— Я знаю? Сами спросите, ведь к вам идет. Гляньте-ка, как раскачивается! А вода — само зеркало, зараза, чуть рябь пойдет, он точно на карачки встанет, растяпа.

Растяпой оказался невысокий худощавый мужчина неопределенного возраста в шерстяном просторном костюме и не очень чистом плаще, сколотом круглой латунной брошью. Шпильку броши, по-видимому потерянную, заменял кривой гвоздь с расклепанной шляпкой. Мужчина подошел, кашлянул, прищурил близорукие глаза.

— Хм... Имею ли я удовольствие лицезреть господина Геральта из Ривии, ведьмака?

— Да, глубокоуважаемый. Имеете.

— Разрешите представиться: Линус Питт, магистр бакалавр, преподаватель естественной истории в Оксенфуртской академии.

— Чрезвычайно приятно.

— Хм. Мне сказали, что вы, милсдарь, по заданию Компании Малатиуса и Грока охраняете перевозки. Якобы из-за опасности нападения какого-то монстра. Меня интересует, о каком именно монстре может идти речь?

— Меня и самого это интересует. — Ведьмак оперся о борт, глядя на маячащие в тумане темные очертания прибрежных заливных лугов на тимерской стороне. — И я прихожу к выводу, что наняли меня скорее на случай нападения бригады скоя'таэлей, которые вроде бы шатаются поблизости. Я, понимаете, плаваю между Пеной и Новиградом уже шестой раз, а жагница не появилась ни разу.

— Жагница? Какое-то местное название. Желательно пользоваться научной терминологией. Хм... Жагница... Нет, не знаю, какой именно вид, простите за случайный каламбур, вы имеете в виду...

— Я имею в виду шершавое чудище, длиной в две сажени, напоминающее обросший водорослями пень с десятью лапами и челюстями словно пилы.

— Описание оставляет желать лучшего с точки зрения научной точности. Может быть, какой-либо вид из семейства Hyphydridae?

— Не исключаю, — вздохнул Геральт. — Жагница, насколько мне известно, входит в исключительно паршивую семейку, причем ни одно название для этой семейки не может быть слишком обидным. Дело в том, уважаемый ба-

калавр, что, кажется, один из членов этого преотвратного семейства две недели назад напал на барку Компании. Здесь, в Дельте, неподалеку от места, в котором мы сейчас находимся.

— Кто так говорит, — скрипуче засмеялся Линус Питт, — тот лжец либо невежа. В смысле — невежда. Ничего подобного произойти не могло. Я прекрасно знаю фауну Дельты. Семейство Hyphydridae вообще здесь не наблюдалось. И ни одна другая, столь же опасная, хищная разновидность. Значительное осолонение и нетипичный химический состав воды, особенно во время прилива...

— Во время прилива, — прервал Геральт, — после того как вода пройдет через каналы Новиграда, в Дельте вообще не остается воды в научном смысле слова. А наблюдается некая субстанция, состоящая из отходов, обмылков, жира и дохлых крыс.

— Увы, увы, — погрустнел магистр бакалавр. — Деградация среды... Вы не поверите, но из почти двух тысяч видов рыб, которые обитали в этой реке еще пятьдесят лет назад, осталось не больше девятисот. Это неимоверно печально.

Оба оперлись о релинг и молча глядели на зеленую мутную тонь. Прилив уже начинался, и вода воняла все сильнее. Появились первые дохлые крысы.

— Полностью вымер белокаменник белоплавниковый, — прервал молчание Линус Питт. — Исчезли кефаль, змееглав, султанохвостка, полосатый вьюн, марена, пескарь длинногубый, зубатка королевская...

Саженях в десяти от борта вода забурлила. На мгновение появился более чем двадцатифунтовый экземпляр зубатки королевской, которая заглотала дохлую крысу и скрылась в глубине, изящно махнув хвостовыми плавниками.

— Что это было? — вздрогнул магистр.

— Не знаю. — Геральт глянул на небо. — Не пингвин ли?

Ученый покосился на него, стиснув зубы.

— Уж наверняка не ваша легендарная жагница! Мне говорили, якобы ведьмаки слывут серьезными знатоками некоторых редких видов. А вы мало того что повторяете сплет-

ни и сказки, так еще и пытаетесь вульгарно насмехаться надо мной... Вы вообще-то меня слушаете?

— Туман не поднимется, — тихо сказал Геральт.

— Э?

— Ветер слишком слаб. Когда мы войдем в рукава между островами, он еще больше послабеет. Мгла продержится до самого Новиграда.

— Я плыву не в Новиград, а в Оксенфурт, — сухо известил Питт. — А туман? Не настолько уж он плотен, чтобы прикрыть навигацию, как вы думаете?

Мальчонка в шапочке с пером пробежал мимо них, сильно высунулся, пытаясь прутиком подцепить бьющуюся о борт крысу. Геральт подошел, вырвал у него прутик.

— Пшел отсюда! Не подходи к борту!

— Ма-а-а-а-а!

— Эверетт! Сейчас же ко мне!

Магистр бакалавр выпрямился, проницательно глянул на ведьмака.

— Вы, похоже, действительно верите, что нам что-то угрожает?

— Господин Питт, — сказал Геральт как можно спокойнее. — Две недели назад что-то стащило двух человек с палубы одной из барок Компании. В тумане. Не знаю, что это было. Может, как раз ваша гифидра или как ее там. Может, пескарь длинноусый. Но я думаю, жагница.

Ученый надулся.

— Предположения, — менторским тоном заметил он, — должны зиждиться на солидном научном фундаменте, а не на болтовне и сплетнях. Я же говорю, гифидра, которую вы упорно именуете жагницей, в водах Дельты не наблюдается. Она была уничтожена добрых полвека назад, в частности, благодаря деятельности вам подобных персон, готовых незамедлительно убивать все, что уродливо выглядит, не размышляя, без исследований, без наблюдений, не думая об экологической нише.

Геральту вдруг захотелось честно ответить, что он думает о жагнице и ее экологической нише, но он раздумал, а вместо этого спокойно сказал:

— Господин бакалавр. Одной из тех, кого утащили с палубы, была молодая беременная женщина. Она хотела охладить в воде опухшие ноги. Теоретически рассуждая, ее ребенок когда-нибудь мог бы стать ректором вашего многоуважаемого учебного заведения. Что вы скажете о таком подходе к экологии?

— Антинаучный, эмоциональный и субъективный подход. Природа руководствуется собственными законами, и хоть законы сии жестоки и бескомпромиссны, исправлять их не следует. Это борьба за существование! — Магистр перегнулся через релинг и сплюнул в воду. — А уничтожение видов, даже хищных, оправдать нельзя ничем. Что скажете?

— Скажу, что высовываться опасно. Неподалеку может оказаться жагница. Хотите на собственном опыте проверить, каким образом жагница борется за существование?

Линус Питт отпустил релинг и быстро отскочил. Слегка побледнел, но самообладание тут же вернулось к нему. Он снова надул губы.

— Надо думать, вы много знаете об этих фантастических жагницах, милсдарь ведьмак?

— Несомненно меньше, чем вы. А не воспользоваться ли нам оказией? Просветите меня малость, господин бакалавр, сообщите немного сведений о водных хищниках. Охотно послушаю, не так будет тянуться путешествие.

— Смеетесь?

— Ни в коем разе. Я действительно хотел бы заполнить пробелы в образовании.

— Хм... Если действительно... Почему бы и нет. Тогда послушайте. Семейство Hyphydridae, входящее в отряд Amphipoda, или Обоеногих, охватывает четыре известных науке вида. Два из них живут исключительно в тропических водах. В нашей климатической зоне встречается, в настоящее время довольно редко, лишь небольшая Hyphydra longicauda, а также достигающая несколько больших размеров Hyphydra marginata. Обителью обоих видов являются стоячие либо медленнотекущие воды. Это действительно хищные виды, использующие в качестве пищи теплокровных существ... Хотите что-либо добавить?

— Пока нет. Слушаю затаив дыхание.

— М-да... В книгах можно найти упоминание о подвиде Pseudo-hyphydra, живущем в болотистых водах Ангрена. Однако в последнее время ученый Бумблер из Альдесберга доказал, что это совершенно самостоятельный вид из семейства Mordidae, иначе Загрызцев. Представители этого вида питаются исключительно рыбами и малыми земноводными. Их назвали Ichtyovorax bumbleri.

— Повезло же чуду, — усмехнулся ведьмак. — Уже в третий раз назвали.

— То есть?

— Существо, о котором вы говорите, это жряк, на Старшей Речи носящий название cinerea. И если ученый Бумблер утверждает, будто жряк питается исключительно рыбами, то отсюда я могу сделать вывод, что этот ученый муж никогда не купался в озерке, в котором обитает жряк. Но в одном Бумблер прав: с жагницей у жряка столько же общего, сколько у меня с лисой. Оба любим курочек и уточек.

— Какая cinerea?! — воскликнул бакалавр. — Cinerea.— мифическое существо! Нет, меня искренне разочаровывает ваше неведение. Воистину, я поражен...

— Знаю, — прервал Геральт. — Я многое теряю при ближайшем знакомстве. Тем не менее позволю себе сделать несколько замечаний к вашим теориям, глубокоуважаемый господин Питт. Так вот, жагницы всегда жили в Дельте и продолжают тут жить. Правда, было время, когда казалось, что они вымерли. Потому что они питались маленькими тюленями...

— Карликовыми морскими свиньями, обитающими в реках, — поправил магистр. — Не будьте невеждой. Не путайте тюленей с...

— ...питались морскими свиньями, а морских свиней истребили, так как они походили на тюленей, и поставляли тюлений мех и жир. Позже в верховьях реки прорыли каналы, понастроили дамб и плотин. Течение ослабло, Дельта заилилась и заросла. А жагница мутировала. Приспособилась.

— Не понял?

— Люди восстановили ее пищевую цепочку. Дали ей других теплокровных существ вместо морских свиней. По Дельте стали возить овец, крупный рогатый скот, свиней. Жагницы мгновенно сообразили, что любая плывущая по Дельте барка, баржа, плот или коменга — это одно огромное блюдо со жратвой.

— А мутация? Вы говорили о мутации?

— Это вот, выражаясь по-научному, жидкое дерьмо, — Геральт указал на зеленую воду, — кажется, жагнице по вкусу. Стимулирует рост. Эта стерва, похоже, может достигать таких размеров, что запросто стаскивает с плота корову. А уж стянуть с палубы человека — для нее пустяк. Особенно с палуб тех барок, которые Компания использует для перевозки пассажиров. Сами видите, как глубоко она сидит в воде.

Магистр бакалавр быстренько, насколько возможно и как того позволяли телеги и багаж, попятился от борта.

— Я слышал всплеск, — шепнул он, всматриваясь в туман между группами растительности. — Милсдарь ведьмак! Я слышал...

— Спокойнее. Кроме плеска, слышен еще и скрип весел в уключинах. Это таможенники с реданского берега. Увидите, сейчас они тут появятся и устроят такую бучу, какую не сумели бы сотворить три, а то и четыре жагницы.

Мимо пробежал Гладыш. Громко выругался, пытаясь не придавить мальчонку в шапочке с пером, который путался у него под ногами. Пассажиры и купцы, страшно взволнованные, шебуршили свое имущество и пытались спрятать контрабанду.

Немного погодя о борт стукнулась большая лодка, и на палубу барки прыгнули четверо юрких, злых и очень шумливых мужчин. Они сразу же взяли шкипера в кольцо и принялись грозно кричать, пытаясь придать своим персонам и функциям видимость значительности, а затем активно накинулись на багаж и имущество пассажиров.

— Досматривают еще до того, как мы причалили! — посетовал Гладыш, подходя к ведьмаку и магистру. — Противозаконно, разве нет? Ведь мы еще не на реданской земле. Редания на правом берегу в полуверсте отсюда!

— Нет, — возразил бакалавр. — Граница между Реданией и Темерией проходит по фарватеру Понтара.

— А как тут, мать его, этот фарватер найти? Это Дельта! Островки, заливные луга постоянно меняют положение, фарватер, что ни день, другой. Кара господня! Эй! Сукин кот, поставь на место багор, не то я тебе задницу надеру! Благородная госпожа! Глядите за ребенком! Кара господня!

— Эверетт! Брось, испачкаешься!

— Что в сундуке? — верещали таможенники. — Эй, развязывай тюк. Это чья телега? Валюта есть? Есть, говорю, валюта? Темерские или нильфгаардские деньги?

— Вот так выглядит таможенная война, — прокомментировал кутерьму Линус Питт, делая умную мину. — Визимир заставил Новиград ввести у себя право склада. Фольтест из Темерии ответил реторсионным, то есть абсолютным, правом склада в Вызиме и Горс Велене и тем самым здорово подсек реданских купцов. Тогда Визимир поднял пошлины на темерские изделия. Защищает, видите ли, реданское хозяйство. Темерию заполняют дешевые товары из нильфгаардских мануфактур, а ремесленникам конкуренции не выдержать.

— Короче говоря, — усмехнулся Геральт, — Нильфгаард товаром и золотом помаленьку подбирает под себя то, чего не смог взять оружием. Темерия не защищается? Фольтест не вводит блокады южных границ?

— А как? Товар идет через Махакам, через Бругге, через Вердэн, через порты Цидариса. Купцов интересует исключительно прибыль, а не политика. Если король Фольтест закроет границу, купеческие гильдии поднимут дикий крик...

— Валюта есть? — буркнул, подходя, заросший щетиной таможенник с кроваво-красными глазами. — Что-нибудь для досмотра?

— Я ученый!

— Да хоть князь! Спрашиваю: что ввозите?

— Оставь их, Боратек, — сказал начальник группы, высокий и плечистый таможенник с длинными усами. — Ведьмака не признал? Привет, Геральт. Это твой знакомый ученый? В Оксенфурт, стало быть? И без багажа?

— Верно. В Оксенфурт. И без багажа.

Таможенник вытащил из рукава огромный платок, протер лоб, усы и шею.

— Ну и как нынче, Геральт? Чудовище объявлялось?

— Нет. А ты, Ольсен, может, что видел?

— Мне глазеть недосуг. Я работаю.

— Мой папка, — встрял бесшумно подкравшийся Эверетт, — рыцарь короля Фольтеста! У него усы еще длиннее! Во какие!

— Топай отсюда, молокосос, — шуганул его Ольсен и тяжко вздохнул. — Может, есть малость водки, Геральт?

— Нет.

— У меня есть, — удивил всех ученый муж из академии, вытаскивая из саквояжика плоский бурдючок.

— А у меня закусь, — похвалился Гладыш, появляясь как из-под земли. — Копченые налимы!

— А у моего папки...

— Брысь отседова, малек!

Уселись на бухтах канатов в тени одного из стоящих посередине палубы возов, поочередно прикладываясь к бурдючку и закусывая налимом. Ольсену пришлось их ненадолго покинуть, потому что разразился скандал. Купец-краснолюд из Махакама требовал сбавить пошлину, пытаясь убедить таможенников, что ввозимые им меха — это шкурки не чернобурых лисиц, а кошек. Исключительно крупных. Мать же юркого и прилипчивого Эверетта вообще не желала подвергаться досмотру, плаксиво ссылаясь на ранг мужа и привилегии, которые дает знатное происхождение.

Барка медленно двигалась по широкой протоке меж покрытых кустарником островов, волоча за собой по бортам косы кувшинок, водяных лилий и гореца. В камышах грозно гудели слепни и посвистывали морские черепахи. Цапли, стоя на одной ноге, со стоическим спокойствием глядели в воду, зная, что горячиться вовсе ни к чему — рано или поздно рыба подплывет сама.

— Итак, милсдарь Геральт, — бросил Гладыш, вылизывая налимью кожицу. — Еще один спокойный рейс? Знаете, что я вам скажу? Это чудище — не дурак. Оно знает, что

вы на него затаились. У нас в селе была, понимаешь, речка, выдра в ней проживала. На дворы прокрадывалась, курей душила. А такая была хитрющая, что никогда не залазила, ежели в дому был отец либо я с братьями. Только тогда появлялась, когда оставался дедок. Один-одинешенек. А дедуля наш, понимаешь, был маленько того, умишком слабоват, да и ноги у него паралич хлопнул. Выдра, песья мать, словно знала. Ну и однажды отец...

— Десять процентов ad valorem! — раскричался с середины палубы краснолюдский купец, размахивая лисьей шкуркой. — Сколько положено и сверх того ни медяка не заплачу!

— Так конфискую все! — зло рявкнул Ольсен. — И новиградской страже сообщу, а уж тогда в кутузку пойдешь вместе с этим своим Адвалором! Боратек, забирай все до гроша! Эй, мне-то хоть оставили?

— Садись, Ольсен. — Геральт освободил место на канатах. — Нервная у тебя, погляжу, работенка.

— У меня она уже в печенках сидит. — Таможенник вздохнул, отхлебнул из бурдючка, вытер усы. — Брошу к чертовой матери, вернусь в Аэдирн. Я, потомственный венгербержец, потащился за сестрой и шурином в Реданию, а теперь возвращаюсь. Знаешь, Геральт, думаю записаться в армию. Король Демавенд вроде бы объявил набор в специальные войска. Полгода учебы в лагере, а уж потом пойдет деньга в три раза больше, чем я тут получаю, даже вместе со взятками. Пересолен твой налим.

— Слышал я о том специальном войске, — подтвердил Гладыш. — Это супротив белок задумано, потому как со скотоельскими бригадами легулярное войско не управляется. Охотнее всего туда принимают, я слышал, полуэльфов. Но тот лагерь, где их воевать учат, это навроде, понимаешь, истинного пекла. Оттедова половина на половину выходят, одни на жалованье, другие на жальник. Ногами вперед.

— Так надо, — сказал таможенник. — Специальные войска, шкипер, это тебе не хухры-мухры! Это не засратые щитоносцы, которым важно только знать, каким концом пика колет. Специальное войско должно уметь биться!

— Такой уж ты суровый вояка, Ольсен? А белок не боишься? Что тебе задницу стрелами утыкают?

— И-эх! Я небось тоже знаю, как тетиву натягивать. Уж воевал с Нильфгаардом, так что мне эльфы? Тьфу!

— Говорят, — вздрогнул Гладыш, — ежели кто живьем в руки попадет энтим скотоелям... Так лучше б ему не родиться. Замучают вусмерть.

— А, заткнись, шкипер. Плетешь, как баба какая, невесть чего. Война есть война. То ты врагу, то он тебе пинка под зад даст. Наши пойманных эльфов тоже не шибко жалуют.

— Тактика террора. — Линус Питт выкинул за борт голову и хребет налима. — Насилие порождает насилие. Ненависть поселилась в сердцах... и отравила кровь побратима...

— Чего-чего? — скривился Ольсен. — Балакайте полюдски...

— Тяжкие времена настали.

— Это уж точно, — подтвердил Гладыш. — Не иначе, понимаешь, большая война будет. Вороны кажный день густо по небу летают, похоже, падаль им уже видится. А прорицательница Итлина конец света предрекла. Белый, говорит, Свет придет, а за ним, понимаешь, Белый Хлад. Либо наоборот, забыл, как там было. А людишки треплются, мол, были уже знаки на небе...

— Ты лучше на фарватер гляди, шкипер, чем на небо-то зыриться, а то, глядь, на мели заползет твой корабль, не приведи Господи. Ну вот и Оксенфурт. Гляньте-ка, уже Бочку видно!

Туман явно поредел, так что стали видны на правом берегу поля и участок акведука.

— Это, милостивые государи, экспериментальная установка для очистки стоков, — похвалился магистр бакалавр, отказавшись от очередного глотка водки. — Великий прогресс науки, огромное достижение академии. Мы отремонтировали бывший эльфов акведук, каналы и отстойник, уже очищаем стоки со всего университета, городка, ближних сел и ферм. То, что вы называете Бочкой, и есть отстойник. Огромный успех науки...

— Головы ниже, головы... — бросил Ольсен, прячась за фальшбортом. — В прошлом годе, когда эта штуковина взорвалась, так говно занесло аж до Журавлиной Кущи.

Барка вошла в протоку между островами, приземистая башня и акведук скрылись в тумане. Все облегченно вздохнули.

— Ты плывешь по Оксенфуртскому рукаву, Гладыш? — спросил Ольсен.

— Сначала заверну в Грабовую Бухту. За рыботорговцами и купцами с темерской стороны.

— Хм, — почесал шею таможенник. — В бухту... Слушай-ка, Геральт, у тебя, случайно, нет ли каких конфликтов с темерцами?

— А что? Кто-то обо мне выспрашивал?

— В том-то и дело. Я, понимаешь, не забыл твоей просьбы вылавливать таких, что тобой любопытствуют. Так вот, выпытывала о тебе темерская стража. Мне о том донесли темерские таможенники, у меня с ними дружба. Чем-то тут, Геральт, попахивает.

— От воды? — забеспокоился Линус Питт, оглянувшись на акведук и «колоссальный успех науки».

— От того говнюка? — ткнул Гладыш пальцем в Эверетта, постоянно вертевшегося поблизости.

— Я не о том, — поморщился таможенник. — Послушай, Геральт, темерские таможники говорили, что стражники задавали странные вопросы. Они знают, что ты плаваешь на барках Малатиуса и Грока. Пытали, в одиночку ли. Не возишь ли с собой... А, черт, только не смейся! Их интересовала какая-то несовершеннолетняя девчонка, которую якобы видывали в твоем обществе.

Гладыш захохотал. Линус Питт глянул на ведьмака полным неприязни взглядом, каким и полагается смотреть на седовласых мужчин, заинтересовавших закон склонностью к несовершеннолетним девочкам.

— Поэтому, — откашлялся Ольсен, — таможники посчитали, что скорее всего это частные сыщики. Личные счеты, в которые кто-то впутывает стражу. Вроде бы... Ну, семья девчонки или жених. Ну, таможники попробовали

выяснить, кто за этим стоит. И выяснили... Какой-то дворянин вроде бы, языкастый, не бедный и не скупой, велящий именовать себя... Риенсом... или вроде того. На левой щеке у него красное пятно вроде ожога. Знаешь такого?

Геральт встал.

— Гладыш, я сойду в Грабовой Бухте.

— Чего это? А как же чудище?

— Это ваши заботы.

— Кстати о заботах, — прервал Ольсен, — глянь-ка на правый борт. Легки на помине.

Из-за острова, из быстро поднимающегося тумана возник баркас, на мачте которого лениво трепыхался черный флаг, украшенный серебряными лилиями. Экипаж судна состоял из нескольких человек в островерхих шапках темерских стражников.

Геральт быстро схватился за сумку, вытащил оба письма — от Цири и от Йеннифэр. Скоренько порвал их на мелкие кусочки и выкинул в реку. Таможенник молча наблюдал за ним.

— Что ты творишь, позволь узнать?

— Не позволю. Гладыш, присмотри за моей лошадью.

— Ты хочешь... — поморщился Ольсен. — Ты намерен...

— Мое дело, что я намерен... Не вмешивайся, не то случится пограничный инцидент. Они плывут под темерским флагом.

— Трахал я их флаг. — Таможенник передвинул корд поудобнее, протер рукавом эмалированную пластинку на груди с изображением орла на красном поле. — Если я на палубе и занят досмотром, значит, здесь Редания. Я не позволю...

— Ольсен, — схватил его за рукав ведьмак, — не вмешивайся, прошу тебя. Того, обожженного, на баркасе нет. А мне необходимо знать, кто он таков и чего хочет. Мне необходимо с ним встретиться.

— Хочешь, чтоб в колодки заковали? Не дури! Если это личные счеты, месть по частному поручению, то сразу же за островом, на Глубине, полетишь за борт с якорем на шее. Встретишься с раками на дне!

— Это темерская стража, не бандиты!

— Да? Ты только глянь на их морды! Впрочем, я мигом узнаю, кто они такие в натуре. Увидишь.

Баркас быстро подошел и пристал к борту барки. Один из стражников бросил канат, другой зацепил релинг багром.

— Я шкипер! — Гладыш загородил дорогу трем запрыгнувшим на палубу людям. — Это судно Компании Малатиуса и Грока! В чем дело...

Один из людей, коренастый и лысый, бесцеремонно оттолкнул его рукой, толстой, как ветвь дуба.

— Некий Геральт, именуемый Геральтом из Ривии, — загремел он, измеряя шкипера взглядом. — Есть таковой на борту?

— Нету.

— Это я. — Ведьмак переступил через сумки и тюки, подошел. — Это я Геральт, именуемый Геральтом. В чем дело?

— Именем закона вы арестованы. — Лысый окинул взглядом толпу пассажиров. — Где девчонка?

— Я один.

— Брешешь!

— Минутку, минутку. — Из-за спины ведьмака вышел Ольсен, положил руку ему на плечо. — Спокойнее, без крика. Опоздали, темерцы. Он уже арестован, и тоже именем закона. Я схватил. За контрабанду. В соответствии с приказом забираю его в кордегардию в Оксенфурте.

— Вон как? — поморщился лысый. — А девчонка?

— Здесь нет и не было никакой девчонки.

Стражники растерянно переглянулись. Ольсен широко улыбнулся, подкрутил черные усы, фыркнул.

— Знаете, что мы сделаем? Плывите с нами до Оксенфурта. Мы с вами — люди простые, где уж нам разбираться в законах? А комендант оксенфуртской кордегардии — человек неглупый и бывалый, он нас рассудит. Ведь вы знаете нашего коменданта, а? Он, к примеру, вашего, из Бухты, прекрасно знает. Выложите ему ваше дело... Покажете приказ и печати... У вас же, как положено, есть приказ с печатями?

Лысый молчал, угрюмо глядя на таможенника. Наконец бросил:

— Нет у меня ни времени, ни желания плыть в Оксенфурт! Забираю пташку на наш берег, и вся недолга! Стран, Витек! А ну осмотрите барку! Отыщите девку, мигом!

— Тихо. Помаленьку. — Ольсен, не обращая внимания на крик, цедил слова медленно и четко. — Вы на реданской стороне Дельты, темерцы. Нет ли у вас чего для досмотра? Иль какой контрабанды? Сейчас проверим. Поищем. А чего найдем, так придется вам потопать в Оксенфурт. А мы, ежели хотим, завсегда чего-нито найдем. Парни! Ко мне!

— Мой папка, — неожиданно пропищал Эверетт, неведомо когда появившийся рядом с лысым, — рыцарь! У него нож еще побольше!

Лысый мгновенно хватил паренька за бобровый воротник, поднял над палубой, сорвал шапчонку с перышком. Перехватил его в поясе рукой, приставил мальчонке к горлу охотничий нож.

— Назад! — рявкнул он. — Назад! Перережу глотку сопляку!!!

— Эвере-е-етт! — взвыла матрона.

— Любопытные методы, — медленно проговорил ведьмак, — применяет темерская стража. Воистину, настолько любопытные, что прямо-таки верить не хочется, что это действительно пограничная стража.

— Заткнись! — взвился лысый, тряся визжащего как поросенок Эверетта. — Стран, Витек, хватайте его! В путы и на баркас. А вы — назад! Где девчонка, спрашиваю? Давай ее сюда, а то прирежу говнюка!

— Давай режь, — процедил Ольсен, вытаскивая корд и подавая знак своим таможенникам. — Мой он, что ли? А когда уж прирежешь, поболтаем.

— Не лезь! — Геральт кинул меч на палубу, жестом удержал таможенников и матросов Гладыша. — Я твой, господин лжестражник. Отпусти ребенка.

— На баркас! — Лысый, не отпуская Эверетта, попятился к борту, ухватился за канат. — Витек, вяжи его! А вы все — назад! Если кто пошевелится, щенок сдохнет!

— Ты спятил, Геральт? — буркнул Ольсен.

— Не вмешивайся!

— Эвере-е-етт!

Темерский баркас вдруг покачнулся, отскочил от барки. Вода взбурлила, и из нее с громким плеском выскочили две длинные зеленые шершавые лапы, усеянные шипами, словно конечности богомола. Лапы схватили стражника с гарпуном и мгновенно утащили под воду. Лысый дико завыл, отпустил Эверетта и вцепился в канаты, свисающие с борта баркаса. Эверетт свалился в воду, которая уже успела покраснеть. Все — и на барке, и на баркасе — принялись кричать как сумасшедшие.

Геральт вырвался из рук пытавшихся связать его стражников. Одного ударил кулаком в подбородок и выкинул за борт. Второй замахнулся на него железным крюком, но обмяк в объятиях Ольсена. Под ребра ему по рукоять был важен корд.

Ведьмак перемахнул через низкий релинг. Не успела еще густая от водорослей вода сомкнуться у него над головой, как он услышал крик Линуса Питта, преподавателя естественной истории в Оксенфуртской академии, магистра бакалавра:

— Что это? Что за вид? Таких животных нет и быть не может!!!

Геральт нырнул у самого борта темерского баркаса, чудом избежав удара острогой, которой его пытался ткнуть один из людей лысого. Стражник собрался было ударить снова, но свалился в воду со стрелой в горле. Геральт схватил упущенную острогу, оттолкнулся ногами от борта, кинулся в клубящуюся круговерть, с размаха ткнул во что-то, надеясь, что это не Эверетт.

— Невероятно! — слышал он крик бакалавра. — Такое животное существовать не может! Во всяком случае, не должно!

«Полностью согласен с последним утверждением», — подумал ведьмак, тыча острогой в твердый, усеянный шипами панцирь жагницы. Труп темерского стражника бессильно подергивался в серповидных челюстях чудовища.

Жагница резко взмахнула плоским хвостом, нырнула на дно, вздымая тучи ила.

Геральт услышал тонкий крик: Эверетт, колотя по воде руками, словно щенок лапами, ухватился за ноги лысого, пытающегося взобраться на баркас по свисающим с борта канатам. Канаты оборвались, стражник и мальчик, пуская пузыри, скрылись под водой. Геральт кинулся в их сторону, нырнул. То, что он почти тут же наткнулся пальцами на бобровый воротник мальчонки, было полнейшей случайностью. Ведьмак вырвал Эверетта из опутывающих его водорослей, вынырнул спиной вниз и, молотя ногами, подплыл к барке.

— Здесь, Геральт! Здесь! — слышал он перебивающие друг друга крики и рев. — Давай его! Канат! Хватай канат! Зара-а-аза! Канат! Геральт, острогой! Мое ди-и-итя!!!

Кто-то вырвал мальчика у него из рук, поволок наверх. В тот же момент кто-то другой ухватил его сзади, саданул по затылку, накрыл собой и толкнул под воду. Геральт упустил острогу, развернулся, вцепился нападающему в пояс. Второй рукой хотел ухватить за волосы, но из этого ничего не получилось. Человек был тот самый — лысый.

Оба вынырнули. Только на мгновение. Темерский баркас уже немного отошел от барки. Сцепившиеся в схватке Геральт и лысый оказались посредине. Лысый схватил ведьмака за горло, тот сунул ему большой палец в глаз. Стражник завыл, отпустил его, отплыл. Геральт не мог отплыть, что-то держало его за ногу и тянуло вниз. Рядом пробкой выскочила в воздух половина тела. Он уже знал, что его держит, разъяснения Линуса Питта, орущего с борта барки, ему были ни к чему.

— Это членистоногое! Отряд Amphipoda! Класс крупножвальчатые!

Геральт яростно заколотил руками по воде, пытаясь вырвать ногу из клещей жагницы, тащивших его к мерно щелкающим жвалам. Магистр бакалавр снова оказался прав. Жвалы были немалые.

— Хватай канат! — кричал Ольсен. — Канат хватай!

Над ухом ведьмака просвистела острога, с треском врезалась в вынырнувший, обросший водорослями и ракушка-

ми панцирь чудовища. Геральт ухватился за древко, надавил, сильно оттолкнулся, поджал свободную ногу и с размаху ударил по жагнице. Вырвался из ее шипастых лап, оставив в них башмак, большую часть брюк и немало кожи. В воздухе, в основном мимо цели, засвистели новые остроги и гарпуны. Жагница убрала лапы, махнула хвостом, грациозно нырнула в зеленую глубь.

Геральт ухватился за канат, который свалился ему прямо на лицо. Багор, болезненно поранив бок, подцепил его за пояс. Он почувствовал рывок, поехал вверх, подхваченный множеством рук, перевалился через релинг и рухнул на доски палубы, истекая водой, илом и кровью. Рядом толпились пассажиры, экипаж барки и таможенники. Краснолюд, везший меха «особо крупных чернобурых кошек», и Ольсен стреляли из луков, перегнувшись через фальшборт. Эверетт, мокрый и зеленый от водорослей, стучал зубами в объятиях матери, ревел и объяснял всем, что он не хотел.

— Милсдарь Геральт! — кричал у него над ухом Гладыш. — Вы живы?

— Черт побери... — Ведьмак выплюнул водоросли. — Стар я уже для этого... Слишком стар...

Рядом краснолюд спустил тетиву, и Ольсен радостно заорал:

— Прямо в брюхо! О-хо-хо! Прекрасный выстрел, господин арбалетчик! Эй, Боратек, верни ему деньги! Своим выстрелом он заработал таможную скидку!

— Постойте... — прохрипел ведьмак, тщетно пытаясь встать. — Не поубивайте всех, черт побери! Мне нужен хоть один живой!

— Одного-то мы оставили, — заверил таможенник. — Того, лысого, что со мной препирался. Остальных перестреляли. А плешивый — вон он, там плывет. Щас выловим. Давайте гарпун!

— Открытие! Великое открытие! — кричал Линус Питт, прыгая у борта. — Совсем новый, неведомый науке вид! Совершеннейший уникум! Ах, как я вам благодарен, милсдарь ведьмак! Отныне этот вид будет фигурировать в книгах как... как Geraltia maxiliosa pitti!

— Уважаемый бакалавр, — щелкнул зубами Геральт. — Если вы взаправду хотите меня отблагодарить... то пусть эта холера называется Everetia.

— Тоже красиво, — согласился ученый. — Ах, какое открытие! Какой уникальный, изумительный образец! Наверняка единственный живущий в Дельте!

— Нет, — неожиданно угрюмо сказал Гладыш. — Не единственный! Гляньте!

Прилегающий к недалекому островку ковер желтых кувшинок дрогнул, резко заколыхался. Они увидели волну, а потом — огромное, продолговатое, напоминающее гнилой ствол тело, быстро перебирающее многочисленными конечностями и щелкающее челюстями. Лысый оглянулся, дико взвыл и поплыл, колошматя по воде руками и ногами.

— Какой экземпляр, какой экземпляр! — быстро записывал возбужденный до предела Питт. — Головные хватательные конечности, четыре пары челюстеножек... Сильный хвостовой веер... Острые клещи...

Лысый снова оглянулся и завыл еще пронзительнее. А Everetia maxiliosa pitti вытянула хватательные головные конечности и сильнее взмахнула хвостовым веером. Лысый поднял фонтаны брызг в отчаянной и безнадежной попытке спастись.

— Да будет вода ему водкой, — сказал Ольсен. Но шапки не снял.

— М-мой пап-пка, — защелкал зубами Эверетт, — умеет плавать быстрее, ч-чем тот дядя!

— Уберите ребенка, — буркнул ведьмак.

Чудовище разъявило клещи, щелкнуло челюстями. Линус Питт побледнел и отвернулся.

Лысый коротко вскрикнул, захлебнулся и скрылся под водой. Вода запульсировала темным кармином.

— Зараза. — Геральт тяжело опустился на палубу. Сел. — Слишком уж я стар для этого... Чересчур стар...

Что уж тут говорить — Лютик был прямо-таки влюблен в городок Оксенфурт.

Территорию университета окружали стены, а вокруг стен раскинулось второе кольцо — большое, шумное, пыхтящее,

бурлящее и галдящее кольцо городка. Деревянного, пестроцветного городка Оксенфурт с узкими улочками и островерхими крышами, городка Оксенфурт, который жил Академией, жаками, преподавателями, учеными, исследователями и их гостями, жил наукой и за счет науки и знаний, жил тем, что обычно сопутствует процессу познания, ибо из отходов и осколков теории в городке Оксенфурт рождались практика, сделки и доходы.

Поэт медленно ехал по грязной, забитой народом улочке, минуя мастерские, лавки, магазины и магазинчики, в которых благодаря Академии изготовляли и продавали десятки тысяч изделий и прелестей, недоступных в других уголках мира, изготовление которых в других уголках мира считалось невозможным либо нерентабельным. Он миновал трактиры, кабаки, лотки, будки, ларьки, стойки и переносные прилавки, источавшие захватывающие дух ароматы экзотических, неведомых в других уголках мира блюд, приготовленных неведомыми в других уголках мира способами, с добавками и приправами, которых в других уголках мира и не знали, и не использовали. Это был Оксенфурт, пестрый, веселый, шумный и ароматный городок чудес, в которые ловкие и инициативные люди ухитрялись превратить сухую и бесполезную, казалось бы, теорию, понемногу просачивающуюся сквозь университетские стены. Был это также и городок увеселений, вечерних гуляний, постоянного праздника и непрекращающегося кутежа. Улочки днем и ночью гремели музыкой, пением, звоном бокалов и стуком кружек, ибо известно — ничто так не усиливает жажды, как процесс усвоения знаний. Несмотря на то что распоряжением ректора студентам и бакалаврам запрещалось пить и гулять до наступления темноты, в Оксенфурте пили и гуляли круглые сутки, поскольку известно, что если что-то и может усилить жажду еще больше, нежели процесс усвоения знаний, так это именно полный либо частичный запрет употреблять горячительное.

Лютик подбодрил своего темно-гнедого мерина и поехал дальше, пробиваясь сквозь заполняющие улочки толпы. Перекупщики, лоточники и бродячие мошенники шумно

рекламировали свои товары и услуги, еще больше усиливая и без того царящий вокруг беспредельный хаос.

— Кальмары! А вот кому жареные кальмары?!

— Мазь от коросты! Только у меня! Надежная, изумительная мазь!

— Коты ловчие, коты чародейские! Только послушайте, добрые люди, как они мяучат!

— Амулеты! Эликсиры! Любовные фильтры! Приворотные средства! Любистоки и афродизийки с гарантией! От одной щепотки даже покойник воспрянет! Кому, кому?!

— Зубы рву почти безболезненно! Дешево! Дешево!

— Что значит «дешево»? — заинтересовался Лютик, грызя надетого на прутик жесткого как подошва кальмара.

— Два геллера в час!

Поэт вздрогнул, пнул мерина ногой, украдкой оглянулся. Два типа, следовавшие за ним от самой ратуши, остановились около цирюльни, прикидываясь, будто их заинтересовали цены цирюльничьих услуг, выписанные мелом на доске. Лютик не дал себя обмануть: знал, что их действительно интересует.

Он проехал мимо огромного здания борделя «Под Розовым Бутоном», где, как было известно всем, предлагались изысканные, неведомые либо непопулярные в других уголках мира услады. Искушение заглянуть на часок вызвало кратковременную, но интенсивную борьбу холодного Лютикового рассудка с его же поэтическим характером. Победил рассудок. Лютик вздохнул и двинулся к Академии, стараясь не замечать кабаков, из которых вырывались веселые и призывные звуки.

Нет, что ни говори, а трубадур любил городок Оксенфурт.

Он снова оглянулся. Два соглядатая так и не воспользовались услугами цирюльника, хотя вроде бы намеревались. Теперь они стояли у магазинчика с музыкальными инструментами, делая вид, будто заинтересовались глиняными окаринами. Продавец из кожи вон лез, расхваливая товар в надежде заработать. Лютик знал, что пыжился он напрасно.

Он направил коня к главным воротам Академии — Воротам Философов. Быстро разделался с формальностями,

сводившимися к тому, чтобы расписаться в гостевой книге и отвести мерина в конюшню.

За Воротами Философов его встретил иной мир. Территория учебного заведения ничем не походила на кварталы обычной городской застройки, в противоположность городку она не была полем упорных боев за каждую пядь пространства. Здесь все было почти так, как оставили эльфы. Широкие, посыпанные мелким цветным гравием аллеи между изящными, радующими глаз особняками, ажурные ограды, заборчики, живые изгороди, каналы, мостики, клумбы и зеленые скверики только в немногих местах были придавлены каким-нибудь огромным угрюмым домищем, построенным в более поздние, постэльфьи времена. Везде было чисто, спокойно и благородно — здесь запрещались любые формы торговли и платных услуг, не говоря уж об увеселениях духа или плотских утехах.

По аллеям парка прогуливались жаки, уставившиеся в книги, свитки и пергаменты. Другие, устроившись на скамеечках, газонах и клумбах, излагали друг другу задания, дискутировали, а то и незаметно играли в «чет-нечет», «козла», «пьяницу» либо другие, требующие наличия столь же высокого интеллекта игры. Здесь же вальяжно и с достоинством совершали променад профессора, погруженные в глубокомысленные беседы либо научные споры. Крутились юные бакалавры, вперив взоры в соблазнительные попочки студенток. Лютик с удовольствием отметил, что с его времен в Академии ничего не изменилось.

С Дельты повеял ветер, принеся сладкий аромат моря и несколько более сильный дух сероводорода со стороны величественного здания Кафедры Алхимии, возвышающегося над каналом. В кустах прилегающего к студенческим общежитиям парка посвистывали серо-желтые зеленушки, а на тополе сидел орангутан, сбежавший, вероятно, из зверинца при Кафедре Естественной Истории.

Не теряя времени, поэт быстренько углубился в лабиринт аллеек и живых изгородей. Территорию он знал как свои пять пальцев, и неудивительно — учился здесь четыре года, а потом целый год преподавал на Кафедре Труверства

и Поэзии. Должность преподавателя ему предложили, когда он, блестяще сдав последний экзамен, заставил профессоров онеметь, поскольку за время занятий снискал репутацию лентяя, гуляки и идиота. Позже, когда после нескольких лет скитаний по стране с лютней его слава менестреля разошлась далеко и широко, Академия принялась усиленно добиваться его визита и гостевых лекций. Лютик изредка позволял себя упросить, поскольку любовь к бродяжничеству в нем непрестанно боролась с влечением к удобству, роскоши и постоянному доходу. Ну и, конечно, с симпатией к Оксенфурту.

Он оглянулся. Два типа, которые так и не приобрели ни окарин, ни свирелей, ни гуслей, следовали за ним на некотором отдалении, внимательно рассматривая верхушки деревьев и фасады домов.

Беззаботно посвистывая, поэт свернул с центральной аллеи и направился к особняку, в котором размещалась Кафедра Медицины и Траволечения. Аллейка, ведущая к Кафедре, была полна студенток в характерных светло-зеленых одеждах. Лютик внимательно осматривался в поисках знакомых лиц.

— Шани!

Молоденькая медичка с темно-рыжими подстриженными чуть ниже ушей волосами оторвалась от анатомического атласа, встала со скамейки.

— Лютик! — улыбнулась она, щуря веселые карие глаза. — Сто лет тебя не видела! Иди, представлю тебя подругам. Они влюблены в твои стихи.

— Потом, — шепнул бард. — Взгляни незаметно, Шани. Видишь тех двоих?

— Шпики. — Медичка сморщила курносый носик, фыркнула, не впервой изумляя Лютика тем, как легко жаки распознают разведчиков, шпионов и осведомителей. Антипатия, испытываемая студенческой братией к секретным службам, была притчей во языцех, хоть и не вполне поддавалась рациональному объяснению. Университет пользовался экстерриториальностью, а студенты и преподаватели — неприкосновенностью. Службы, кото-

рые занимались выкорчевыванием любой и всяческой крамолы, не осмеливались докучать «академикам».

— Идут за мной от самого рынка, — сказал Лютик, делая вид, будто заигрывает с медичкой. — Можешь что-нибудь для меня сделать?

— Смотря что. — Девушка покрутила шейкой, как испуганная серна. — Если ты снова влип в какую-то дурную историю...

— Нет, нет, — быстро успокоил он. — Я только хочу передать сообщение, а сам не могу из-за того дерьма, что прилипло к моим каблукам...

— Крикнуть ребят? Одно слово — и шпиков как ветром сдует.

— Утихомирься. Хочешь, чтобы начались беспорядки? Едва-едва кончились скандалы из-за торговых мест для нелюдей, а тебе уже новых захотелось? К тому же я не люблю насилия. Со шпиками я управлюсь, а вот ты, если можешь...

Он приблизил губы к волосам девушки, некоторое время что-то шептал. Глаза Шани расширились.

— Ведьмак? Настоящий ведьмак?

— Тише ты. Сделаешь?

— Конечно. — Медичка с готовностью улыбнулась. — Хотя бы просто из любопытства. Увидеть вблизи известного...

— Я же просил — тише. Только помни — никому ни словечка.

— Врачебная тайна. — Шани улыбнулась еще милее, а Лютику опять захотелось в конце концов сложить балладу о таких вот девочках — не очень ладных, но прекрасных, таких, которые снятся по ночам, в то время как классически красивые девы забываются через пять минут.

— Спасибо, Шани.

— Пустяки, Лютик. До скорого. Привет.

Обцеловав, как положено, друг другу щеки, поэт и медичка резво направились в противоположные стороны: она — к Кафедре, он — к Парку Мыслителей.

Пройдя мимо современного угрюмого здания Кафедры Техники, носящего у жаков название «Deus ex machina», он свернул к Мосту Гильденштерна. Далеко уйти не удалось.

За поворотом аллейки, у клумбы с бронзовым бюстом Никодемуса де Боота, первого ректора Академии, его поджидали оба шпика. По обычаю всех шпиков мира они старались не глядеть собеседнику в глаза, и, как у всех шпиков мира, у них были самые обыкновенные, ничего не говорящие физиономии, которым они усиленно пытались придать умное выражение, благодаря чему здорово напоминали душевнобольных.

— Привет от Дийкстры, — бросил один из шпиков. — Идемте.

— Взаимно, — нахально ответил бард. — Идите.

Шпионы переглянулись, затем, не двинувшись с места, уставились на нецензурное слово, которое кто-то накорябал углем на цоколе ректорского бюста. Лютик вздохнул.

— Так я и думал, — сказал он, поправляя лютню. — Стало быть, мне непременно придется куда-то идти с уважаемыми господами? Что делать? Пошли. Вы — впереди, я — сзади. В данном конкретном случае возраст должен уступить красоте почетное место в строю.

Дийкстра, шеф секретных служб короля Визимира Реданского, на шпиона не походил. Особенно далеко он отступал от стереотипа, в соответствии с которым шпион непременно должен быть невысоким, тощим, с крысоподобной мордочкой и маленькими проницательными глазками, зыркающими из-под черного капюшона. Дийкстра, как было известно Лютику, капюшонов никогда не носил и отдавал предпочтение одежде светлых тонов. В нем было почти семь футов росту, а весил он, вероятно, ненамного меньше тринадцати пудов. Когда он скрещивал руки на груди — а скрещивать их он любил, — это выглядело так, словно два кашалота пристроились на ките. Что касается черт лица, прически и цвета волос, то он походил на свежеотмытого борова. Лютик знал очень немногих людей, внешность которых была бы столь обманчива, как у Дийкстры. Потому что этот боровоподобный гигант, казавшийся вечно сонным, разбухшим кретином, обладал необычайно живым умом. И немалым авторитетом. Популярная при дворе короля Визи-

мира поговорка гласила, что если Дийкстра утверждает, что на улице полдень, хотя там стоит непроглядная темень, значит, следует обеспокоиться судьбами солнца.

Однако сейчас Лютика волновало — и не без оснований — другое.

— Лютик, — сонно проговорил Дийкстра, скрещивая кашалотов на ките. — Ты дурья башка. Ты законченный идиот. Неужто тебе обязательно надо испоганить все, за что бы ты ни взялся? Хоть один-единственный раз в жизни ты можешь сделать что-нибудь нормально? Мне известно, что тебе около сорока, выглядишь ты на тридцать, думаешь, будто тебе немногим больше двадцати, а поступаешь так, якобы тебе всего лишь десять. Я это понимаю, поэтому-то, как правило, даю тебе точнейшие указания. Я говорю тебе, когда, как и что ты должен сделать. И у меня постоянно такое ощущение, словно я говорю в пустоту.

— А у меня, — ответил поэт, набравшись наглости, — постоянно такое ощущение, будто ты раскрываешь рот исключительно ради тренировки губ и языка. Давай переходи к конкретным вопросам, исключай из речи риторические построения и никчемное красноречие. В чем дело на сей раз?

Они сидели за большим дубовым столом, меж заставленных книгами и заваленных рулонами пергамента шкафов, на самом верхнем этаже ректората, в арендуемых помещениях, которые Дийкстра игриво именовал Кафедрой Новейшей Истории, а Лютик — Кафедрой Практического Шпионажа и Прикладной Диверсии. Было их, включая поэта, четверо: кроме Дийкстры, в беседе участвовали еще две персоны. Одной из этих персон был, как обычно, Ори Ройвен, седой и вечно простуженный секретарь шефа реданских шпионов. Вторая была персоной не вполне обычной.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я, — холодно сказал Дийкстра. — Однако, поскольку тебе доставляет удовольствие прикидываться идиотом, я не стану портить тебе настроения и разъясню понятными словами. А может, пожелаешь воспользоваться такой возможностью ты, Филиппа?

Лютик кинул взгляд на молчавшую до того четвертую, не вполне обычную, персону. Филиппа Эйльхарт, видимо, при-

была в Оксенфурт недавно либо собиралась вскоре уехать, потому что была не в платье, не в привычном ярком макияже и без любимой бижутерии из черных агатов. На ней была короткая мужская курточка, брюки в обтяжку и высокие сапоги - одежда, которую поэт именовал «полевой». Темные волосы чародейки, обычно распущенные и пребывающие в художественном беспорядке, сейчас были зачесаны назад и перевязаны на затылке тесемкой.

— Жаль терять время, — сказала она, поднимая красивые брови. — Лютик прав. Пора отказаться от ложного красноречия и эффектной, но пустой болтовни. Стоящая перед нами проблема проста и банальна.

— О да, — усмехнулся Дийкстра. — Банальна. Опасный нильфгаардский агент, который уже мог бы банально сидеть в моей наилучшей третогорской тюрьме, банально сбежал, банально предупрежденный и спугнутый банальной дурью господ Лютика и Геральта. Мне доводилось видеть людей, отправляющихся на эшафот за значительно меньшие банальности. Почему ты не уведомил о подготовленной вами засаде, Лютик? Разве я не приказал информировать меня о всех намерениях ведьмака?

— Я ничего не знал о планах Геральта, — убежденно солгал Лютик. — Я же тебе говорил, что он отправился в Темерию и Содден на поиски Риенса. Я также сообщил тебе, когда он вернулся. Я был уверен, что он смирился с проигрышем. Риенс буквально растворился в воздухе, ведьмак не нашел ни малейших его следов, об этом, если помнишь, я тебе тоже говорил...

— Врал, — холодно сказал шпион. — Ведьмак нашел следы Риенса. В виде трупов. И тогда решил изменить тактику. Вместо того чтобы гоняться за Риенсом — подождать, пока тот найдет его сам. Нанялся на барки Компании Малатиуса и Грока в качестве сопровождающего. Сделал так, зная, что Компания широко объявит об этом, Риенс узнает и что-нибудь предпримет. И господин Риенс предпринял. Странный, неуловимый господин Риенс. Наглый, самоуверенный господин Риенс, которому не хочется даже пользоваться фальшивыми именами или переиначивать свое. Гос-

подин Риенс, от которого за версту несет дымом из нильфгаардского камина и смердит чародеем-ренегатом. Правда, Филиппа?

Чародейка не сказала ни «да», ни «нет». Она молчала, изучающе и проницательно глядя на Лютика. Поэт опустил глаза, неуверенно кашлянул. Он не любил таких взглядов.

Привлекательных женщин, в том числе и чародеек, Лютик делил на чрезвычайно приятных, просто приятных, неприятных и очень неприятных. Чрезвычайно приятные на предложение отправиться в постель отвечали радостным согласием, просто приятные — веселым смехом. Реакцию неприятных предсказать было затруднительно. К очень неприятным трубадур относил тех, в отношении которых уже одна мысль о соответствующем предложении вызывала дрожь и слабость в коленках.

Филиппа Эйльхарт, хоть и весьма привлекательная, была очень неприятной.

Кроме того, Филиппа Эйльхарт была важной персоной в Совете Чародеев и пользовалась полным доверием в качестве придворной магички короля Визимира. Магичкой она была очень способной. Молва гласила, что она была одной из немногих, владеющих искусством полиморфизма. Выглядела она лет на тридцать. В действительности же ей было никак не меньше трехсот.

Дийкстра, сплетя пальцы пухлых рук на животе, крутил мельницу большими пальцами. Филиппа по-прежнему молчала. Ори Ройвен кашлял, хлюпал носом, беспрерывно поправлял просторную тогу. Тога походила на профессорскую покроем, но выглядела так, словно Ори получил ее не от Сената, а откопал на свалке.

— Однако твой ведьмак, — вдруг буркнул супершпион, — недооценил господина Риенса. Засаду-то он устроил, но при этом показал полнейшее отсутствие ума, предположив, будто Риенс заявится к нему лично. Риенс, как полагал ведьмак, должен был чувствовать себя в безопасности. Не мог унюхать подвоха, обнаружить подкарауливающих его людей господина Дийкстры. Потому что, видите ли, маэстро Лютик по приказу ведьмака не пикнул господину Дийкстре о

расставленной ловушке. А ведь, выполняя распоряжение, маэстро Лютик обязан был это сделать. Маэстро Лютик имел на сей счет вполне четкие и однозначные приказы, которые он, понимаете ли, почел за благо пропустить мимо ушей.

— Я не твой подчиненный, — надулся поэт. — И не обязан выполнять твои распоряжения и приказы. Время от времени я помогаю тебе, но делаю это по собственной воле, из патриотических побуждений, чтобы не бездействовать, видя приближающиеся изменения...

— Ты шпионишь на всех, кто тебе платит, — холодно прервал Дийкстра. — Доносишь всем, у кого ты на крючке. А у меня на тебя несколько недурных крючочков, Лютик. Так что не дерзи.

— Я шантажа не боюсь!

— А может, поспорим?

— Господа. — Филиппа Эйльхарт подняла руку. — Будьте серьезнее, прошу вас. Не отклоняйтесь от темы.

— Верно. — Шпион раскинулся в кресле. — Послушай, поэт. Что с возу упало, то пропало. Риенса предупредили, и второй раз он будет осторожнее. Но я не могу допустить, чтобы подобное повторилось. Поэтому хочу встретиться с ведьмаком. Приведи его ко мне. Перестань блуждать по городу и не пытайся обмануть моих агентов. Иди прямо к Геральту и приведи его сюда, на Кафедру. Мне необходимо с ним поговорить. Лично и без свидетелей. Без шума и огласки, которые, несомненно, возникнут, если я захочу ведьмака арестовать. Приведи его ко мне, Лютик. Это все, что от тебя сейчас требуется.

— Геральт выехал, — спокойно соврал бард.

Дийкстра взглянул на чародейку. Лютик напрягся в ожидании зондирующего импульса, но ничего не почувствовал. Филиппа смотрела на него, прищурив глаза, однако не похоже было, чтобы она пыталась чарами проверить его искренность.

— Дождусь его возвращения, — вздохнул Дийкстра, прикинувшись, будто верит. — У меня к нему серьезное дело, придется кое-что изменить в моих планах и подождать. Как

только ведьмак вернется, приведи. Чем скорее, тем лучше. Лучше для многих.

— Возможны осложнения, — поморщился Лютик. — Трудно будет убедить Геральта прийти сюда. Он, понимаешь ли, испытывает необъяснимую антипатию к шпионам. Хотя, кажется, понимает, что ваша работа не хуже других, и все-таки брезгует теми, кто ею занимается. Патриотические побуждения, говорит он, штука хорошая, но в шпионы обычно идут конченые подлецы и последние...

— Хватит, хватит. — Дийкстра небрежно махнул рукой. — Попрошу без словесных красот. Надоело. Они, понимаешь ли, довольно грубоваты.

— Я тоже так считаю, — фыркнул трубадур. — Но ведьмак — простодушный и прямолинейный в суждениях добряк. Куда ему до нас, светских львов. Он просто терпеть не может шпионов и, я знаю, не захочет с тобой разговаривать, а уж о том, чтобы помогать секретным службам, и речи быть не может. Да и крючочка на него у тебя нет.

— Ошибаешься, — сказал шпион. — Есть. И не один. Для начала вполне достаточно заварушки на барке под Грабовой Бухтой. Знаешь, кто поднялся на борт? Вовсе не люди Риенса.

— Тоже мне, удивил, — спокойно сказал поэт. — Уверен, это были несколько бездельников, каких полно в темерской страже. Риенс выспрашивал о ведьмаке, за сведения о нем, кажется, обещал кругленькую сумму. Любому понятно, что ведьмак ему очень даже нужен. Вот несколько пройдох и попытались сцапать Геральта, запереть, а потом продать Риенсу, диктуя свои условия и выторговав сколько удастся. Потому что за голую информацию о нем они получили бы мало, а то и вовсе ничего.

— Хвалю за сообразительность. Ясное дело, ведьмака, не тебя. Ты бы не додумался. Но все гораздо сложнее, чем кажется. Дело в том, что моих коллег, людей из секретной службы короля Фольтеста, тоже, оказывается, интересует господин Риенс. Они разгадали план пройдох, как ты их назвал. Это они вошли на барку, они намеревались сцапать ведьмака. Возможно, в качестве приманки для Риенса, а

может, с другой целью. Ведьмак под Грабовой Бухтой уделал темерских агентов, Лютик. Их шеф очень, очень зол. Так, говоришь, Геральт выехал? Надеюсь, не в Темерию? Оттуда он может не вернуться.

— Это и есть твой крючочек?

— А как же! Именно. Я могу замять дело с темерцами. Но не даром. Куда выехал Геральт, Лютик?

— В Новиград. — Глазом не сморгнув солгал трубадур. — Риенса искать.

— Ошибка, ошибка, — усмехнулся шпион, делая вид, будто не заметил лжи. — Понимаешь, жаль все-таки, что он не поборол неприязни к шпионам и не связался со мной. Я бы ему помог сэкономить время и силы. В Новиграде Риенса нет. Зато темерских агентов там пруд пруди. Вероятнее всего, ожидают ведьмака. Они уже уразумели то, о чем я знаю давно. А именно, что если ведьмака Геральта из Ривии спросить определенным образом, он ответит на множество вопросов. Вопросов, которые начинают задавать себе секретные службы всех Четырех Королевств. Уговор прост: ведьмак приходит сюда, на Кафедру, и отвечает на эти вопросы мне. Вот и все. Я угомоню темерцев и обеспечу Геральту безопасность.

— Что за вопросы? Может, я смогу на них ответить?

— Не смеши, Лютик.

— И все же, — вдруг проговорила Филиппа Эйльхарт, — возможно, мог бы. Может, он помог бы нам сэкономить время? Не забывай, Дийкстра, наш поэт увяз в этой афере по уши, и он здесь, у нас, а ведьмака-то еще нет. Где ребенок, с которым Геральта видели в Каэдвене? Девочка с серыми волосами и зелеными глазами? Та, о которой Риенс выпытывал тебя тогда, в Темерии, когда прихватил в борделе? А, Лютик? Что тебе известно о девочке? Где ведьмак ее спрятал? Куда поехала Йеннифэр, получив письмо Геральта? Где скрывается Трисс Меригольд и какие у нее причины скрываться?

Дийкстра не пошевелился, но по тому, как он взглянул на чародейку, Лютик понял, что шпион удивлен. Вопросы были заданы явно преждевременно. И не тому, кому следо-

вало. Это казалось опрометчивым и неосторожным, однако Филиппу Эйльхарт можно было заподозрить в чем угодно, только не в опрометчивости и неосторожности.

— Сожалею, — ответил Лютик, — но ни на один из твоих вопросов у меня ответов нет. Я помог бы, если б сумел. Но не сумею.

— Лютик, — процедила Филиппа, глядя ему в глаза, — если ты знаешь, где находится девочка, скажи. Ручаюсь, мы с Дийкстрой заботимся исключительно о ее безопасности. О безопасности, которой... угрожает... опасность.

— Не сомневаюсь, — солгал поэт, — что именно это вас волнует. Но я действительно не знаю, в чем дело. В жизни не видел ребенка, который вас так интересует. А Геральт...

— Геральт, — прервал Дийкстра, — не подпустил тебя к тайне, не пикнул ни словечка, хоть, не сомневаюсь, ты закидал его вопросами. Интересно почему, как ты думаешь, Лютик? Неужто твой простодушный и брезгающий шпионами добряк почуял, что ты есть такое в действительности? Оставь его в покое, Филиппа, не трать даром времени. Он ничего не знает, не дай обмануть себя его умничаньем и многозначительными ухмылками. Он может нам помочь исключительно в одном — когда ведьмак вынырнет из укрытия, он свяжется с ним, больше ни с кем. Представь себе, Геральт считает его другом.

— Именно, — медленно поднял голову Лютик. — Он считает меня другом. И представь себе, Дийкстра, не без оснований. Прими наконец это к сведению и сделай выводы. Сделал? Ну вот. Теперь можешь начинать шантажировать.

— Ну, ну, — усмехнулся шпион. — Да у тебя прямо-таки аллергия на дела. Не обижайся, поэт. Я шутил. Шантаж? Между нами, друзьями? И речи быть не может. А твоему ведьмаку, поверь, я зла не желаю и мешать не думаю. Кто знает, может, даже договорюсь с ним к общей выгоде. Но чтобы такое случилось, мне надо с ним встретиться. Когда он появится, приведи его ко мне. Крепко тебя прошу, Лютик. Очень. Ты понял, насколько крепко?

— Понял, как крепко, — фыркнул трубадур.

— Хотелось бы верить, что это правда. Ну а теперь иди. Ори, проводи трубадура к выходу.

— Бывай. — Лютик встал. — Желаю успеха в труде и личной жизни. Мое почтение, Филиппа. Ах да, Дийкстра! Агенты, которые за мной ползают. Отзови их, пожалуйста.

— Само собой, — солгал шпион. — Отзову. Неужели ты мне не веришь?

— Верю, — солгал поэт. — Я тебе верю.

Лютик задержался на территории Академии до вечера. Все время внимательно осматривался, но шпиков не заметил. И именно это беспокоило его особенно.

На Кафедре Труверства он прослушал лекцию о классической поэзии. Затем сладко выспался на семинаре по поэзии современной. Разбудил его знакомый бакалавр, и они отправились на Кафедру Философии, чтобы принять участие в затянувшемся, но бурном диспуте на тему «Сущность и происхождение жизни». Еще не успело стемнеть, как половина дискутантов была пьяна в стельку, а остальные рвались в рукопашную, пытаясь перекричать друг друга и создавая невообразимый шум и гам. Все это было поэту на руку.

Он незаметно выбрался на чердак, вылез через чердачное оконце, спустился по водосточной трубе на крышу библиотеки, перескочил, чуть не сломав ног, на крышу прозекторской. Оттуда добрался до забора, прилегающего к стене сада. За густыми зарослями крыжовника отыскал дыру, которую расширил сам, будучи студентом. Дальше раскинулся городок Оксенфурт.

Лютик смешался с толпой, потом быстро прошмыгнул боковыми переулками, петляя, словно преследуемый гончими заяц. Добравшись до каретного сарая, укрылся в тени. Переждав добрых полчаса и не заметив ничего подозрительного, забрался по лестнице на чердак, перескочил на крышу дома знакомого пивовара, Вольфганга Амадея Козлобородика. Цепляясь за обросшие мхом черепицы, добрался до окна нужной мансарды. В комнатке за окном горела масляная лампа. Нетвердо стоя на водосточном желобе,

Лютик постучал в свинцовый переплет. Окно не было закрыто и поддалось при легком нажиме.

— Геральт! Эй, Геральт!

— Лютик? Погоди... Пожалуйста, не входи...

— Что значит — не входи? Как так — не входи? — Поэт толкнул окно. — Ты не один, что ли? Может, аккурат трахаешь кого?

Не дождавшись ответа, да и не ожидая его, он перебрался на подоконник, свалив лежащие там яблоки и луковицы.

— Геральт... — засопел он и тут же умолк. А потом чертыхнулся вполголоса, глядя на светло-зеленую одежду медички, валяющуюся на полу. Раскрыл от удивления рот и чертыхнулся снова. Всего он мог ожидать. Только не этого. — Шани, — покрутил он головой. — А, чтоб меня...

— Попрошу без комментариев.

Ведьмак сел на кровати, а Шани подтянула простыню под самый нос.

— Ну входи уж. — Геральт потянулся за брюками. — Коли влез через окно, значит, дело серьезное. Потому как если не серьезное, я немедля выкину тебя через то же окно.

Лютик слез с подоконника, сбросив оставшиеся луковицы. Сел, придвинув ногой табурет. Ведьмак поднял с пола одежду свою и Шани. Мина у него была сконфуженная. Одевался он молча. Медичка, прячась у него за спиной, возилась с рубашкой. Поэт нахально рассматривал ее, мысленно подыскивая сравнения и рифмы к форме маленьких грудок и золотистому при свете масляной лампы цвету ее кожи.

— Ну в чем дело, Лютик. — Ведьмак щелкнул застежками высоких ботинок. — Выкладывай.

— Собирайся, — сухо ответил поэт. — Надо срочно выехать.

— Сколь срочно?

— Невероятно срочно.

— Шани... — кашлянул Геральт, — Шани сказала мне о шпиках, которые за тобой следили. Надо понимать, ты не потерял их?

— Ничего ты не понимаешь.

— Риенс?

— Хуже.

— В таком случае действительно не понимаю... Минутку. Реданцы? Третогор? Дийкстра?

— Угадал.

— Это еще не повод...

— Это уже повод, — прервал Лютик. — Их интересует не Риенс, Геральт. Их интересует девочка и Йеннифэр. Дийкстра желает знать, где они. Он заставит тебя выдать ему это. Теперь понимаешь?

— Теперь да. Смываемся вместе. Через окно?

— Обязательно. Шани? Справишься?

— Не первое окно в моей жизни. — Медичка одернула на себе одежду.

— Не сомневаюсь, — внимательно глянул на нее поэт, рассчитывая на то, что обнаружит достойный рифм и метафор румянец, но просчитался. Веселье в глазах и наглая ухмылка — вот и все, что он увидел.

На подоконник беззвучно опустилась большая серая сова. Шани тихо вскрикнула. Геральт потянулся за мечом.

— Не дури, Филиппа, — сказал Лютик.

Сова исчезла, а на ее месте возникла неловко присевшая Филиппа Эйльхарт. Чародейка тут же спрыгнула в комнату, разглаживая волосы и одежду.

— Добрый вечер, — сказала она холодно. — Представь меня, Лютик.

— Геральт из Ривии, Шани с медицинского. А сова, которая так ловко летела следом за мной, вовсе и не сова, а Филиппа Эйльхарт из Совета Чародеев, в настоящее время — на службе у короля Визимира, украшение третогорского двора. Жаль, у нас только один стул.

— Вполне достаточно. — Чародейка уселась на освобожденный трубадуром табурет, окинула присутствующих томным взглядом, немного подольше остановившись на Шани. Медичка, к удивлению Лютика, вдруг зарделась.

— В принципе то, с чем я прибыла, касается исключительно Геральта из Ривии, — начала Филиппа после недолгого молчания. — Однако я сознаю, что удалять отсюда кого-либо было бы бестактно, а посему...

— Я могу выйти, — неуверенно сказала Шани.

— Не можешь, — проворчал Геральт. — Никто не может, пока ситуация не прояснится. Я прав, милсдарыня Эйльхарт?

— Для тебя — просто Филиппа, — улыбнулась чародейка. — Сейчас не до правил хорошего тона. И никому не надо выходить, никто мне не мешает. В крайнем случае — удивляет. Ну что ж, жизнь — непрерывная цепь неожиданностей... как говаривала одна моя знакомая... Наша общая знакомая, Геральт. Изучаешь медицину, Шани? Который курс?

— Третий, — пробормотала девушка.

— Ах. — Филиппа Эйльхарт смотрела не на нее, а на ведьмака. — Семнадцать годков — какой прекрасный возраст! Йеннифэр многое бы дала за то, чтобы ей снова было столько же. Как думаешь, Геральт? Впрочем, при случае я сама ее спрошу.

Ведьмак очень неприятно улыбнулся.

— Спросишь. Не сомневаюсь. Не сомневаюсь и в том, что сопроводишь свой вопрос комментариями. Не сомневаюсь также, что это тебя здорово развеселит. А теперь перейдем к делу. Прошу.

— И верно, — кивнула чародейка. — Самое время. А времени у тебя совсем немного. Лютик, вероятно, уже успел передать, что Дийкстра вдруг воспылал желанием встретиться с тобой и побеседовать относительно местопребывания некоей девицы. Дийкстра получил соответствующие распоряжения от короля Визимира, поэтому, я думаю, он станет настойчиво просить тебя указать ему это место.

— Ясно. Благодарю за предостережение. Одно только немного удивляет. Ты говоришь, Дийкстра получил приказы от короля. А ты не получила никаких? Как ни говори, а в Совете Визимира ты тоже занимаешь не последнее место.

— Верно. — Чародейка не обратила внимания на прозвучавшую в голосе Геральта издевку. — Занимаю. И серьезно отношусь к своим обязанностям, состоящим в том, чтобы предупреждать возможные ошибки короля. Порой, как в данном конкретном случае, я не могу напрямую ска-

зать королю, что он ошибается, и отговорить его от поспешных действий. Я просто должна помешать ему совершить ошибку. Ты меня понимаешь?

Ведьмак утвердительно кивнул. Лютик усомнился, действительно ли Геральт понимает. Он-то знал, что Филиппа лгала как по нотам.

— Итак, я вижу, — медленно сказал Геральт, доказывая, что прекрасно все понял, — Совет Чародеев тоже интересуется моей подопечной. Чародеи желают знать, где моя подопечная пребывает. И хотят добраться до нее прежде, чем это сделает Визимир либо кто-нибудь другой. Почему, Филиппа? Что такое есть в моей подопечной? Чем она вызвала такой интерес?

Глаза чародейки сузились.

— Ты не знаешь? — прошипела она. — Ты так мало знаешь о своей подопечной? Не хотелось бы делать опрометчивых выводов, но подобное неведение, похоже, указывает на то, что как опекун ты гроша ломаного не стоишь. Воистину меня удивляет, как, будучи настолько незнающим и плохо информированным, ты решился на опеку. Мало того, решился лишить права на опеку других, тех, у кого имеется и соответствующая квалификация, и право. И при этом ты еще спрашиваешь — почему. Гляди, Геральт, как бы невежество тебя не погубило. Берегись. И береги этого ребенка, черт побери! Береги девочку как зеницу ока. А если сам не в силах, попроси других!

Какое-то время Лютик думал, что ведьмак напомнит о роли, которую взяла на себя Йеннифэр. Он ничем не рисковал, зато выбил бы из рук Филиппы аргументы. Но Геральт молчал. Поэт догадался о причинах. Филиппа знала обо всем. Филиппа предупредила. И ведьмак понял предупреждение.

Лютик сосредоточился на наблюдении за глазами и лицами, раздумывая, не связывало ли их что-либо в прошлом. Лютик знал, что подобные, доказывающие взаимное влечение словесные поединки, которые вел порою ведьмак с чародейками, очень часто оканчивались в постели. Но наблюдение, как обычно, ничего не дало. Для того чтобы узнать,

связывает ли ведьмака с кем-либо что-либо, существовал только один-единственный способ: в соответствующий момент влезть в соответствующее окно.

— Опекать, — помолчав, проговорила чародейка, — значит принять на себя ответственность за безопасность существа, не способного самостоятельно обеспечить свою безопасность. Если ты поставишь под угрозу свою подопечную... Если с ней приключится несчастье, ответственность падет на тебя, Геральт. Только на тебя.

— Знаю.

— Боюсь, ты все еще мало знаешь.

— Ну так просвети меня. Чего ради столько персон вдруг вознамерились снять с меня груз ответственности, пожелали принять на себя мои обязанности и взять под покровительство мою воспитанницу? Чего хочет от Цири Совет Чародеев? Чего хочет от нее некий Риенс, который в Соддене и Темерии уже прикончил троих, два года назад контактировавших со мной и с девочкой? Который чуть было не убил Лютика, пытаясь добыть от него сведения о ней? Кто он — этот Риенс, Филиппа?

— Не знаю, — сказала чародейка. — Не знаю, кто такой Риенс. Но, как и ты, очень хотела бы узнать.

— А у этого Риенса, — неожиданно проговорила Шани, — нет ли, случайно, на лице шрама после ожога третьей степени? Если да, то я знаю, кто он. И знаю, где он.

В наступившей тишине стало слышно, как за окном по водосточному желобу застучали первые капли дождя.

Убийство — всегда убийство, независимо от мотивов и обстоятельств. Посему те, кто убивает либо подготавливает убийство, суть преступники и разбойники, невзирая на то, кто они: короли, князья, маршалы или судьи. Никто из задумавших и совершивших насилие не может считаться лучше обыкновенного преступника. Ибо любое насилие по природе своей неизбежно ведет к преступлению.

Никодемус де Боот.
«Размышления о жизни,
счастье и благополучии»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Не надо совершать ошибки, — сказал король Редании Визимир, запуская унизанные перстнями пальцы в волосы на виске. — Мы не имеем права на просчет или ошибку.

Собравшиеся молчали. Демавенд, повелитель Аэдирна, сидел, развалившись в кресле и вперившись в кубок с пивом, стоящий у него на животе. Фольтест, король Темерии, Понтара, Махакама и Соддена, а с недавних пор и сеньор-протектор Бругге, демонстрировал всем свой благородный профиль, отвернувшись к окну. На противоположной стороне стола сидел Хенсельт, король Каэдвена, и водил по участникам совещания маленькими проницательными глазками, горевшими на бородатой, типично разбойничьей физиономии. Мэва, королева Лирии, задумчиво перебирала огромные рубины ожерелья, время от времени многозначительно кривя красивые полные губы.

— Не надо совершать ошибки, — повторил Визимир. — Ибо ошибка может обойтись нам слишком дорого. Воспользуемся чужим опытом. Когда пятьсот лет назад наши предки высадились на пляжах, эльфы тоже прятали головы в песок. Мы выдирали у них страну по клочкам, а они отступали, все время считая, что вот она, последняя граница, и дальше мы не пойдем. Будем умнее! Ибо теперь пришел наш черед. Теперь мы — эльфы. Нильфгаард стоит на Яруге, а я здесь слышу: «Ну и пусть стоит». Слышу: «Дальше они не пойдут». Но они пойдут. Повторяю, не надо повторять ошибку, которую совершили эльфы!

По оконным стеклам снова задробили капли дождя. Завыл ветер. Королева Мэва подняла голову. Ей показалось, что она слышит карканье воронья. Но это был всего лишь ветер. Ветер и дождь.

— Не сравнивай нас с эльфами, — сказал Хенсельт из Каэдвена. — Таким сравнением ты унижаешь нас. Эльфы не умели воевать, отступали перед нашими предками, прятались в горах и лесах. Эльфы отдали нашим предкам Содден. А мы показали нильфгаардцам, что значит драться с нами. Не пугай нас Нильфгаардом, Визимир, не занимайся пустой пропагандой. Говоришь, Нильфгаард стоит на Яруге? А я говорю, нильфгаардцы сидят за рекой и нос боятся высунуть! Ибо под Содденом мы перебили им хребет! Сломили их в военном, но главное — в моральном отношении. Не знаю, правда ли, что Эмгыр вар Эмрейс возражал тогда против агрессии такого масштаба и нападение на Цинтру было делом рук какой-то враждебной ему партии. Ручаюсь, если б тогда ему удалось нас победить, он кричал бы «браво!», раздавал бы привилегии и поместья. Но после Соддена вдруг оказалось, что он был против и всему виной своеволие его маршалов. И полетели головы. Эшафоты залила кровь. Это точные сведения, никакие не слухи. Восемь показательных казней, гораздо больше — более скромных. Несколько на первый взгляд естественных, но тем не менее загадочных смертей, масса неожиданных отставок. Говорю вам: Эмгыр взбесился и практически уничтожил собственные командирские кадры. Кто ж теперь поведет его армии? Сотники?

— Нет, не сотники, — холодно сказал Демавенд Аэдирнский. — А молодые и способные командиры, которые долго ждали такого случая и которых Эмгыр загодя обучал. Те, кого престарелые маршалы не подпускали к командованию, не давали расти. Молодые, способные командиры, о которых уже говорят. Те, что задушили восстания в Метинне и Назаире и за короткое время разбили мятежников в Эббинге. Командиры, которые понимают роль неожиданных глубоких маневров, кавалерийских рейдов, молниеносных бросков пехоты, десантов с моря. Применяющие разгромные удары на узких направлениях, использующие при осаде кре-

постей современную технику вместо сомнительной магии. Их недооценивать нельзя. Они рвутся форсировать Яругу и доказать, что кое-чему научились на ошибках престарелых маршалов.

— Ежели чему-то научились, — пожал плечами Хенсельт, — то Яругу не перейдут. Устье реки на границе Цинтры и Вердэна по-прежнему контролирует Эрвилл и три его крепости: Настрог, Розрог и Бодрог. Эти крепости невозможно захватить с марша, тут никакая современная техника не поможет. Наш фланг защищает также флот Этайна из Цидариса, поэтому, а также благодаря пиратам из Скеллиге мы господствуем над побережьем. Ярл Крах ан Крайт, как помните, не подписал с нильфгаардцами перемирия, регулярно их покусывает, нападает на них и сжигает приморские поселения и форты в провинциях. Нильфгаардцы прозвали его Тырт ыс Муиром, Морским Вепрем. Им пугают детей.

— Робость нильфгаардских детей, — криво усмехнулся Визимир, — не обеспечит нам безопасности.

— Конечно, — согласился Хенсельт. — Ее обеспечит нечто иное. Не владея устьем реки и берегом, при открытом фланге Эмгыр вар Эмрейс не сможет снабжать оружием и провиантом отряды, которые переправились бы на правый берег Яруги. Какие еще молниеносные переброски, какие кавалерийские рейды? Смешно! Через три дня после форсирования реки их армии остановятся. Половина осадит крепости, остальные расползутся, чтобы грабить, искать фураж и провизию. А когда их блистательная кавалерия сожрет большую часть собственных лошадей, мы устроим им второй Содден. Черт побери, хотелось бы, чтобы они форсировали реку! Но — увы и ах! — не форсируют.

— Допустим, — вдруг сказала Мэва из Лирии, — Яругу они не форсируют. Допустим, Нильфгаард просто будет выжидать. Однако подумаем, кому это на руку — нам или им? Кто может себе позволить выжидать в бездействии, а кто нет?

— Именно! — подхватил Визимир. — Мэва, как всегда, говорит мало, но бьет в яблочко. У Эмгыра есть время, бра-

тья... короли, прости, Мэва. А у нас его нет. Разве вы не видите, что творится? Три года назад Нильфгаард сдвинул камушек на склоне горы и теперь спокойно ждет лавины. Попросту ждет, а с кручи скатываются все новые и новые камушки. Потому что тот, первый, оказался тем камнем, трогать который было нельзя. А когда выяснилось, что достаточно его тронуть, чтобы он покатился, так тут же нашлись другие, которым лавина по душе. От Синих Гор до Бремервоосда по лесам шастают эльфьи рабочие бригады, это уже не маленькая партизанская, а самая настоящая большая война. Не успеем мы охнуть, как в бой кинутся свободные эльфы из Доль Блатанны. В Махакаме уже бунтуют краснолюды, брокилонские дриады все больше наглеют. Это война, война крупномасштабная. Война внутренняя. Гражданская. Наша. А Нильфгаард ждет... На кого работает время, как думаете? В бригадах скоя'таэлей дерутся тридцати—сорокалетние эльфы. Но они живут по триста лет! У них время есть. У нас его нет!

— Скоя'таэли, — согласился Хенсельт, — стали истинным тернием в заднице. Парализуют мне торговлю и транспорт, терроризируют фермеров. С этим надо кончать!

— Если нелюди хотят войны, они ее получат, — вставил Фольтест из Темерии. — Я всегда был сторонником дружбы и мирного сосуществования, но если они предпочитают пробу сил, посмотрим, кто сильнее. Я готов. В Темерии и Соддене берусь уничтожить белок за шесть месяцев. Однажды эти земли наши предки уже залили кровью эльфов. Я считаю это трагедией, но выхода не вижу, трагедия повторится. Эльфов необходимо... пацифицировать.

— Твои войска двинутся на эльфов, если ты отдашь им приказ, — кивнул Демавенд. — Но пойдут ли они на людей? На кметов, из которых ты набираешь пехоту? На цеховиков? На свободные города? Визимир, говоря о скоя'таэлях, назвал только один камушек из лавины. Да, да, господа, не таращите на меня глаза! По деревням и городкам уже начинают болтать, что на захваченных Нильфгаардом землях кметам, фермерам и ремесленникам живется легче, свободнее и богаче, что купеческие гильдии

получили больше привилегий... Нильфгаардские мануфактуры заваливают нас товарами. В Бругге и Вердэне их деньги вытесняют местную валюту. Если мы будем сидеть сложа руки, то погибнем, переругавшись и запутавшись в конфликтах, увязнув в усмирении восстаний и бунтов, постепенно попадая в зависимость от экономической мощи Нильфгаарда. Мы погибнем, задохнувшись в собственном затхлом закутке, потому что, поймите, Нильфгаард перекрывает нам дорогу на Юг, а нам необходимо развиваться. К тому же экспансивно, в противном случае нашим внукам не будет здесь места!

Собравшиеся молчали. Визимир Реданский глубоко вздохнул, схватил один из стоявших на столе кубков, пил долго. Молчание затягивалось, дождь стучал в окна, ветер выл и хлопал ставнями.

— Всеми сложностями, о которых мы говорим, — сказал наконец Хенсельт, — мы обязаны Нильфгаарду. Эмиссары Эмгыра подзуживают нелюдей и призывают к беспорядкам. Это они разбрасываются золотом и сулят баронам и дюкам высокие должности в провинциях, которые создадут на месте наших королевств. Не знаю, как у вас, а в Каэдвене ни с того ни с сего расплодилось множество монахов, ворожеек и им подобных паршивых мистиков, возвещающих конец света...

— У меня то же самое, — подтвердил Фольтест. — Черт побери, сколько лет был покой! С тех пор как мой дед указал монахам их место, их ряды здорово поредели, а оставшиеся служители божьи взялись за полезные дела. Изучали книги, заботились об убогих, хворых и бездомных, обучали детишек. В политику не вмешивались. А теперь вдруг очнулись и в храмах выкрикивают бредни внимающему их сброду, а сброд слушает и наконец-то понимает, почему ему так скверно живется. Я терплю, я не такой порывистый, как мой дед, и почти не чувствителен ко всему, что подрывает мой королевский авторитет и достоинство. В конце концов, что это за достоинство и авторитет, если их может подорвать визг какого-то спятившего фанатика. Но и моему терпению приходит конец. Последнее время главной темой

проповедей стал Спаситель, коий грядет с Юга. С Юга, понимаете? Из-за Яруги!

— Белое Пламя, — буркнул Демавенд. — И приидет Белый Хлад, а за ним Белый Свет. А потом мир возродится с помощью Белого Пламени и Белой Королевы... Тоже слышал. Это изложение пророчеств Ithlinne аер Aevenien, эльфовой предсказательницы. Я велел поймать одного монаха, который кричал об этом на рынке в Венгерберге, и палач долго и упорно выпытывал у него, сколько золота пророк получил от Эмгыра... Но прорицатель только плел байки о Белом Пламени и Белой Королеве... До самого своего конца.

— Осторожнее, Демавенд, — поморщился Визимир. — Не плоди мучеников, ведь именно это-то Эмгыру и нужно. Лови нильфгаардских агентов, но священнослужителей не трогай, последствия могут быть непредсказуемы. Они по-прежнему пользуются в народе влиянием и уважением. Нам достаточно головной боли с белками. Не хватает еще волнений в городах или крестьянских войн.

— К черту! — фыркнул Фольтест. — Этого не делай, этим не рискуй, того нельзя... Разве мы собрались, чтобы перечислять, чего делать не можем? Или ты, Демавенд, притащил нас в Хаггу, чтобы мы лили слезы и стенали над собственной слабостью и немощью? Начнем наконец действовать! Надо что-то делать! Надо прервать то, что творится!

— Я с самого начала именно это и предлагаю. — Визимир выпрямился. — Именно действовать.

— Как?

— Что мы можем сделать?

Снова наступило молчание. Ветер шумел, ставни хлопали по стене замка.

— Почему, — вдруг проговорила Мэва, — все вы смотрите на меня?

— Восхищаемся твоей красотой, — пробурчал Хенсельт из глубин кубка.

— И этим тоже, — поддакнул Визимир. — Мэва, все мы знаем, что ты исхитряешься отыскать выход из любого положения. У тебя женская интуиция, ты мудрая женщина...

— Перестань кадить. — Королева Лирии сплела руки на подоле, загляделась на потемневшие гобелены с охотничьими сценами. Гончие, вытянувшись в прыжках, задирали морды к бокам убегающего белого единорога. «Никогда не видела живого единорога, — подумала Мэва. — Никогда. И, пожалуй, уже никогда не увижу».

— Наше положение, — заговорила она после долгого молчания, оторвав взгляд от гобелена, — напоминает мне долгие зимние вечера в ривском замке. Тогда что-то висело в воздухе. Мой муж раздумывал, как бы ему завалить очередную фрейлину. Маршал комбинировал, как бы поскорее начать войну, чтобы побыстрее прославиться. Чародей воображал, будто он-то и есть владыка. Лакеям не хотелось услуживать, шут ходил грустный, угрюмый и до ужаса нудный, собаки выли в меланхолии, а коты спали, начихав на мышей, разгуливавших по столу в поисках чего бы поесть. Все чего-то ждали. Все украдкой поглядывали на меня. А я... Я им тогда показала. Показала всем, на что способна, так что аж стены тряслись, а окрестные медведи просыпались в берлогах. И глупые мысли мигом вылетели из голов. Неожиданно все поняли, кто тут командует.

Мужчины не произнесли ни слова. Ветер взвыл сильнее. Лениво перекликались стражники на стенах. Удары капель о стекла в свинцовых рамках перешли в сумасшедшее стаккато.

— Нильфгаард смотрит и ждет, — медленно тянула Мэва, поигрывая ожерельем. — Нильфгаард наблюдает. Что-то висит в воздухе, а во многих головах рождаются глупые мысли. Так давайте покажем всем, на что мы способны. Покажем, кто здесь настоящий король. Тряхнем стенами погруженного в зимний маразм замка!

— Уничтожить белок, — быстро сказал Хенсельт. — Начать крупную совместную военную операцию. Устроить нелюдям кровавую баню. Пусть Понтар, Гвенллех и Буина зайдутся кровью от истоков до устьев!

— Прижать карательной экспедицией свободных эльфов в их Доль Блатанне, — добавил, собрав лоб в складки, Демавенд. — Ввести экспедиционный корпус в Махакам.

Позволить наконец Эрвиллу из Вердэна взяться за дриад в Брокилоне! Да, кровавая баня! А тех, кто выживет, — в резервации!

— Науськать Крах ан Крайта на нильфгаардское побережье, — подхватил Визимир. — Поддержать его флотом Этайна из Цидариса, пусть поднимет пожар от Яруги до Эббинга! Демонстрация силы...

— Мало, — покрутил головой Фольтест. — Всего этого слишком мало. Надо... Знаю, что надо.

— Так говори же!

— Цинтра.

— Что?

— Отобрать у нильфгаардцев Цинтру. Форсируем Ярругу, ударим первыми. Сейчас, когда они не ожидают. Выкинем их снова за Марнадаль.

— Как? Мы только что говорили, что Яруга для войск непреодолима...

— Для нильфгаардских. Но мы реку контролируем. У нас в руках устье, пути снабжения, наш фланг — под защитой Скеллиге, Цидариса и крепости в Вердэне. Для Нильфгаарда переброска через реку сорока—пятидесяти тысяч человек — серьезное усилие. Мы можем переправить на левый берег Яруги значительно больше. Не разевай рот, Визимир. Ты хотел сделать нечто такое, что прервет выжидание? Что-нибудь эффектное, такое, что снова сделает нас настоящими королями? Этим «чем-нибудь» станет Цинтра. Цинтра объединит нас, ибо Цинтра — это символ. Вспомните Содден! Если б не резня в городе и не мученическая смерть Калантэ, не было бы тогда такой победы. Силы были равны, никто не рассчитывал на то, что мы разобьем их наголову. Но наши войска бросились им на горло, как волки, как бешеные псы, чтобы отомстить за Львицу из Цинтры. А есть среди нас и такие, ярости которых не утолила кровь, пролитая на содденском поле. Вспомните Крах ан Крайта, Морского Вепря.

— Это верно, — кивнул Демавенд. — Крах поклялся отомстить Нильфгаарду кровью. За Эйста Турсеаха, убитого у Марнадаля. И за Калантэ. Если мы атакуем левый берег,

Крах поддержит нас силами Скеллиге. Да, тут есть шансы на удачу! Я поддерживаю Фольтеста! Нечего ждать, ударим первыми, вызволим Цинтру, выгоним сукиных сынов за перевал Амелл.

— Спокойнее, — буркнул Хенсельт. — Не спешите дергать льва за усы, он еще не сдох. Это во-первых. Во-вторых, если мы ударим первыми, то окажемся агрессорами. Нарушим перемирие, которое сами же скрепили печатями. Нас не поддержит Недамир с его Лигой, не поддержит Эстерад Тиссен. Не знаю, как поведет себя Этайн из Цидариса. Против агрессивной войны выскажутся наши цехи, купечество, знать... А прежде всего чародеи. Не забывайте о чародеях!

— Чародеи не поддержат нападения на левый берег, — подтвердил Визимир. — Перемирие было делом рук Вильгефорца из Роггевеена. Известно, что по его идее перемирие должно было постепенно перерасти в постоянный и устойчивый мир. Нет, Вильгефорц не поддержит войну. А Капитул, можете мне верить, сделает то, что захочет Вильгефорц. После боев за Содден он — первый в Капитуле. Что бы ни говорили другие маги, первую скрипку там играет Вильгефорц.

— Вильгефорц, Вильгефорц! — воскликнул Фольтест. — Уж очень он у нас возвысился, этот магик. Меня начинает раздражать, что мы вынуждены считаться с планами Вильгефорца и Капитула, планами, которых, кстати, я толком не знаю и не понимаю. Но есть, господа короли, средство и против этого. А ежели нападение совершит Нильфгаард? Например, в Доль Ангре? На Аэдирн и Лирию? Это можно бы организовать... Инсценировать. Этакая небольшая провокация... Пограничный инцидент, вызванный ими? Допустим, нападение на пограничный форт? Естественно, мы будем готовы, отреагируем мгновенно и решительно, при полной поддержке всех, даже Вильгефорца и их Чародейского Капитула. И тогда Эмгыр вар Эмрейс оторвет взор от Соддена и Заречья, о своей стране напомнят цинтрийцы. Эмигранты и беженцы встанут в Бругге под знамена Виссегерда. У них почти восемь тысяч вооруженных людей. Разве можно найти лучшее острие меча? Они живут надеждой

обрести страну, из которой им пришлось бежать. Рвутся в бой. Готовы ударить по левому берегу. Ждут только клича.

— Клича, — подтвердила Мэва, — и обещания, что их поддержат. Потому что с восемью-то тысячами Эмгыр управится силами пограничных гарнизонов, ему даже перебрасывать подкреплений не придется. Виссегерд прекрасно об этом знает и не тронется с места, пока не будет уверен, что следом высадятся твои, Фольтест, войска, поддержанные реданскими корпусами. Но прежде всего Виссегерду нужен Львенок из Цинтры. Кажется, внучка королевы уцелела во время бойни. Говорят, кто-то видел ее среди беглецов, но потом ребенок таинственным образом исчез. Эмигранты ее активно разыскивают... Потому что на восстановленный престол Цинтры им нужен человек королевских кровей. Из рода Калантэ.

— Чушь, — холодно сказал Фольтест. — Прошло больше двух лет. Если ребенок не нашелся до сих пор, значит, он мертв. Об этой легенде можно забыть. Нет уже Калантэ, нет никакого Львенка, нет королевской крови, которой принадлежит трон. Цинтра... никогда уже не будет тем, чем была при жизни Львицы. Конечно, эмигрантам Виссегерда этого знать не положено.

— Стало быть, пошлешь цинтрийских партизан на смерть? — прищурилась Мэва. — На передовую линию? Не сказав, что Цинтра может возродиться только как вассальная страна под твоим сеньоратом? Ты предлагаешь нам напасть на Цинтру... ради тебя? Ты подчинил себе Содден и Бругге, теперь вострищь зубы на Вердэн... И тебе видится Цинтра, да?

— Согласись, Фольтест, — буркнул Хенсельт, — ведь Мэва права? Именно поэтому ты подбиваешь нас на авантюру?

— Успокойтесь. — Король Темерии сморщил благородную физиономию, гневно крякнул. — Не превращайте меня в завоевателя, которому привиделась империя. В чем дело? Содден и Бругге? Эккехард из Соддена был двоюродным братом моей матери. Вас удивляет, что после его смерти Свободные Земли поднесли корону мне, его родственнику? Кровь — не водица! А Вензлав из Бругге принес мне вас-

сальную присягу, но без принуждения! Он поступил так, чтобы спасти страну! Потому что при ясной погоде он видит, как поблескивают нильфгаардские копья на левом берегу Яруги!

— Мы как раз и говорим о левом береге, — процедила королева Лирии. — О береге, по которому намерены ударить. А левый берег — это Цинтра. Разрушенная, сожженная, лежащая в руинах, оккупированная, обезлюдевшая, но по-прежнему остающаяся Цинтрой. Цинтрийцы не поднесут тебе короны, Фольтест, и не присягнут на верность, как вассалы. Цинтра не согласится быть вассальным государством. Кровь — не водица!

— Цинтра, если ее... Когда мы ее освободим, должна стать нашим совместным протекторатом, — сказал Демавенд из Аэдирна. — Цинтра — это устье Яруги, слишком важный стратегический пункт, чтобы потерять контроль над ним.

— Это должна быть свободная страна, — возразил Визимир. — Свободная, независимая и сильная. Страна, которая будет железными воротами, подместьем Севера, а не полосой выжженной земли, на которой будет брать разгон нильфгаардская конница!

— Удастся ли восстановить такую Цинтру? Без Калантэ?

— Не горячись, Фольтест, — надула губки Мэва. — Я тебе уже сказала, цинтрийцы никогда не признают ни протектората, ни чужой крови на троне. Если ты попытаешься навязать им себя в качестве сеньора, то положение изменится. Висегерд снова начнет собирать отряды для борьбы, на этот раз, однако, под крылом Эмгыра. И в один прекрасный день его отряды кинутся на нас, как штурмовой авангард нильфгаардцев, острие пики, как ты недавно красочно выразился.

— Фольтест об этом знает, — фыркнул Визимир. — Поэтому так усиленно разыскивает Львенка, внучку Калантэ. Не понимаете? Кровь — не водица. Корона через замужество. Достаточно найти девочку и заставить ее выйти за него замуж.

— Ты спятил? — чуть не подавился слюной король Темерии. — Львенок мертв! Я вовсе не ищу девочку, но если

даже... У меня и в мыслях не было принуждать ее к чему-нибудь...

— А тебе и не пришлось бы ее принуждать, — прервала Мэва, мило улыбнувшись. — Ты все еще вполне недурен, родственничек. А в Львенке течет кровь Калантэ. Очень горячая кровь. Я знала Калю, когда еще была молодой. Ей достаточно было увидеть парня, как она тут же начинала сучить ножками, да так, что если б хвороста куда надо подкинуть, он в тот же миг занялся бы живым огнем! Ее дочка, Паветта, мать Львенка, была один к одному такая же. Скорее всего и Львенок недалеко ушел от маменьки. Чуточку усилий, Фольтест, и девушка долго не выстоит. На это ты и рассчитываешь, верно?

— Именно на это он и рассчитывает, — загрохотал Демавенд. — Ну и хитрый планчик нарисовал наш королек! Мы ударим по левому берегу и еще не успеем обернуться, как Фольтест отыщет Львенка и завоюет девичье сердце, у него будет молодая женушка, которую он возведет на престол Цинтры, а тамошний люд примется слезы лить от радости и писаться в штаны от счастья. Ведь у них будет своя королева, кровь от крови и плоть от плоти Калантэ. Будет у них королева... только в том-то и дело, что вместе с королем. Королем Фольтестом.

— Ну и чепуху же вы несете! — воскликнул Фольтест, то краснея, то бледнея. — Что вам в голову ударило? Во всем этом нет ни на грош смысла!

— В этом уйма смысла, — сухо сказал Визимир. — Мне известно, что ребенка кто-то усиленно разыскивает. Кто, Фольтест?

— Ясно же! Виссегерд и цинтрийцы!

— Нет, не они. Во всяком случае, не только... Кто-то еще. Кто-то, чья дорога помечена трупами. Кто-то, кто не отступает перед шантажом, подкупами и пытками... Коли уж мы заговорили об этом, то хотелось бы знать, не состоит ли при ком-нибудь из вас тип по имени Риенс. Так, по минам вижу, что либо не состоит, либо вы не признаетесь. А это одно на одно выходит. Повторяю: внучку Калантэ ищут, ищут такими методами, которые заставляют задуматься. Кто ее ищет, спрашиваю?

— К черту! — Фольтест треснул кулаком по столу. — Не я! Мне и в голову не приходило жениться на каком-то там ребенке ради какого-то там трона! Ведь я...

— Ведь ты вот уже четыре года тайно сожительствуешь с баронессой Ла Валеттой, — снова усмехнулась Мэва. — Лобызаетесь будто голубочки, только того и ждете, чтобы старый барон наконец копыта откинул. Что так смотришь? Все мы об этом знаем. За что, думаешь, шпикам платим? Но ради трона Цинтры, дорогуша, не один король рад бы пожертвовать личным счастьем...

— Минутку. — Хенсельт с хрустом поскреб бороду. — Говорите, не один король? Тогда на минутку оставьте Фольтеста в покое. Есть и другие. Верно, в свое время Калантэ собиралась выдать внучку за сына Эрвилла из Вердэна. Эрвиллу тоже может показаться Цинтра. И не только ему...

— Хм, — буркнул Визимир. — Оно, конечно, так. У Эрвилла трое сыновей. А как относительно тех из нас, кого боги не обделили потомками мужеского пола? А, Мэва? Ты, случаем, не пускаешь нам пыль в глаза?

— Меня можете исключить. — Королева Лирии улыбнулась еще очаровательнее. — Правда, по миру валандаются два моих отпрыска... Плоды канувшего в небытие прекрасного прошлого... Если только их до сих пор не повесили. Вряд ли кому из них вдруг приспичит царствовать. У них не было к тому ни предрасположения, ни влечения. Оба были глупее даже собственного папеньки, да будет земля ему пухом. Кто знал покойного, тот понимает, о чем я...

— Факт, — подтвердил король Реданни. — Я его знал. Неужто сыновья еще глупее? Холера, я думал, глупее не бывает... Прости, Мэва...

— Пустое, Визимир.

— Кто еще богат сыновьями?

— Ты, Хенсельт.

— Мой женат!

— А на что яд? Кто-то из нас справедливо заметил, мол, ради трона Цинтры нашлись бы охотники пожертвовать собственным счастьем. Был бы смысл!

— Категорически отвергаю подобные инсинуации! И прекратите! У других тоже есть сыновья!

— У Недамира из Хенгфорса — двое. Да и сам он вдовец. Не забывайте об Эстераде Тиссене из Ковира.

— Я бы их исключил, — покрутил головой Визимир. — Хенгфорская Лига и Ковир планируют династический союз. Цинтра и Юг их не интересуют... Хм. Но вот Эрвилл из Вердэна... Это, пожалуй, реально.

— Есть некто не менее... реальный, — вдруг заметил Демавенд.

— Кто?

— Эмгыр вар Эмрейс. Он не женат. И помоложе тебя, Фольтест.

— Черт побери, — наморщил лоб король Редании. — Если это правда... Эмгыр поимел бы нас без мыла! Ясно: народ и дворяне Цинтры всегда пойдут за кровью Калантэ. Представляете себе, что будет, если Эмгыр поймает Львенка?! Этого нам только не хватало! Королева Цинтры и императрица Нильфгаарда! Да уж!

— Императрица! — фыркнул Хенсельт. — Ну тут-то ты явно перебрал. На кой черт Эмгыру девчонка, зачем ему жениться? Ради трона Цинтры? Цинтра уже и так под Эмгыром! Он захапал страну и сделал из нее нильфгаардскую провинцию! Сидит на троне всей своей Эмгыровой задницей и там еще хватит места, чтобы повертеться!

— Во-первых, — заметил Фольтест, — Эмгыр владеет Цинтрой по праву, точнее, по бесправию агрессора. А поймай он девчонку и женись на ней, его царствование стало бы легальным. Понимаешь? Нильфгаард, связанный супружеством с королевской кровью Калантэ, — это уже не Нильфгаард-завоеватель, на которого скалит зубы весь Север. Это уже Нильфгаард-сосед, с которым надлежит считаться. Как ты вытуришь такой Нильфгаард за Марнадаль, за перевалы Амелл? Напав на королевство, на троне которого легально сидит Львенок, внучка Львицы из Цинтры? Дьявольщина! Не знаю, кто ищет ребенка. Я не искал. Но заявляю, что теперь начну. Я по-прежнему считаю, что девочка мертва, но рисковать нам нельзя.

Выходит, она слишком важная персона. Если она выжила, мы должны ее отыскать!

— И сразу же решить, за кого выдадим, когда отыщем? — поморщился Хенсельт. — Такие решения не следует доверять случаю. Конечно, мы могли бы вручить ее бравым партизанам Виссегерда в качестве боевого штандарта, привязанного к длинному древку, пусть несут перед строем, атакуя противоположный берег. Но если мы хотим, чтобы вновь обретенная Цинтра послужила нам всем... Надеюсь, вы понимаете, о чем я? Если мы нападем на Нильфгаард и отобьем Цинтру, тогда можно будет посадить Львенка на трон. Но у Львенка может быть только один муж, который сумеет обеспечить наши интересы в устье Яруги. Кто из присутствующих согласится на это?

— Я — нет, — съехидничала Мэва. — Отказываюсь от такой возможности.

— А я не исключал бы и отсутствующих, — серьезно проговорил Демавенд. — Ни Эрвилла, ни Недамира, ни Тиссенидов. А этакий Виссегерд, подумайте сами, может нас удивить и получить неожиданную пользу от штандарта, привязанного к длинному древку. Вам доводилось слышать о морганатических браках? Виссегерд стар и дурен, как коровья лепешка, но если Львенка напоить отварами из полыни и тернеры, она может нежданно-негаданно в него влюбиться! А для короля Виссегерда в наших планах тоже найдется местечко?

— Нет, — буркнул Фольтест. — В моих — не найдется.

— Хм... — замялся Визимир. — В моих, пожалуй, тоже нет. Виссегерд — орудие, а не партнер, и именно такую, а никак не иную роль должен сыграть в наших планах нападения на Нильфгаард. Кроме того, если именно Эмгыр вар Эмрейс так активно разыскивает Львенка, то рисковать мы не можем.

— Никак не можем, — поддакнул Фольтест. — Львенок не должен попасть в руки Эмгыра. И вообще — в чьи-либо... неподходящие руки... Живой.

— Детоубийство? — поморщилась Мэва. — Скверное решение, милостивые государи короли. Недостойное. И, по-

жалуй, неоправданно жестокое. Вначале необходимо девочку найти, ведь пока еще ее у нас нет. А когда найдем, отдайте ее мне. Я подержу ее годика два в каком-нибудь замке в горах, выдам за одного из моих рыцарей, и когда вы ее снова увидите, у нее уже будут двое детей и во-от такой живот.

— То есть, если я верно понял, как минимум, трое будущих претендентов и самозванцев? — кивнул Визимир. — Нет, Мэва. Конечно, ничего приятного в этом нет, но Львенок, если она выжила, теперь должна умереть. Высшие государственные интересы... Как вы на это, короли?

Дождь колотил в окна. Между башнями замка Хагги выл ветер.

Короли молчали.

— Визимир, Фольтест, Демавенд, Хенсельт и Мэва, — проговорил маршал, — встретились на секретном совещании в Хагге над Понтаром. Совещались втайне.

— Какая символика, — сказал, не оборачиваясь, щуплый черноволосый мужчина в лосевом кафтане со следами от оружия и пятнами ржавчины. — Ведь именно под Хаггой неполных сорок лет назад Вирфурил разбил армию Меделла, закрепив свою власть в долине Понтара и установив теперешние границы между Аэдирном и Темерией. А сегодня, извольте, Демавенд, сын Вирфурила, приглашает в Хаггу Фольтеста, сына Меделла, притянув туда же для комплекта Визимира из Третогора, Хенсельта из Ард Каррайга и веселую вдовушку Мэву из Лирии. Сидят и тайно совещаются. Догадываешься, о чем, Коегоорн?

— Догадываюсь, — кратко ответил маршал. Он знал, что стоявший к нему спиной мужчина не терпит, чтобы в его присутствии похвалялись красноречием и комментировали очевидные истины.

— Этайна из Цидариса не пригласили. — Мужчина в лосевом кафтане повернулся, заложил руки за спину, медленно прошелся от окна к столу и обратно. — Эрвилла из Вердэна тоже. Не пригласили ни Эстерада Тиссена, ни Недамира. Значит, либо они слишком самоуверенны, либо слишком неуверенны. Не пригласили никого из Чародей-

ского Капитула. Это интересно. И знаменательно. Коегоори, постарайся, чтобы чародеям стало известно о совещании. Пусть знают, что монархи не считают их равными себе. Сдается мне, чародеи из Капитула все еще сомневаются в этом. Развей их сомнения.

— Слушаюсь.

— Есть что-нибудь новое от Риенса?

— Ничего.

Мужчина остановился у окна и долго стоял, глядя на мокнущие под дождем холмы. Коегоорн ждал, нервно сжимая и разжимая руку, лежавшую на оголовье меча: опасался, что его ждет долгий монолог. Маршал знал, что стоящий у окна мужчина почитает такие монологи беседой, а беседу рассматривает как честь и доказательство доверия. Он знал об этом, но монологи выслушивать не любил.

— Как ты находишь эту страну, наместник? Удалось полюбить свою новую провинцию?

Маршал вздрогнул, застигнутый врасплох. Такого вопроса он не ожидал. Но долго над ответом не задумывался. Неискренность и нерешительность могли обойтись слишком дорого.

— Нет, ваше величество. Не полюбил. Страна какая-то... угрюмая.

— Некогда она была другой. Увидишь. Еще будет прекрасная, радостная Цинтра, Коегоорн. Обещаю. Но не грусти, я тебя здесь долго не продержу. Другой займет кресло наместника провинции. Ты нужен мне в Доль Ангре. Немедленно отправишься, чтобы подавить смуту. Мне в Доль Ангре нужен ответственный человек, который не даст себя спровоцировать. Приструнишь молодых офицеров. Остудишь горячие головы. Позволишь себя спровоцировать, только когда я прикажу. Не раньше.

— Слушаюсь!

Из передней долетел звон оружия, звяканье шпор и возбужденные голоса. В дверь постучали. Мужчина в лосевом кафтане отвернулся от окна, кивнул. Маршал слегка поклонился и вышел.

Мужчина вернулся к столу, сел, склонился над картами. Долго глядел на них, наконец оперся лбом на сплетенные пальцы. Огромный бриллиант в перстне заискрился, отражая тысячами блесток огоньки свечей.

— Ваше высочество, позвольте, — вернулся маршал.

Мужчина не изменил позы. Но маршал заметил, что руки у него дрогнули. Угадал по искоркам бриллианта. Осторожно и тихо прикрыл за собой дверь.

— Вести, Коегоорн? От Риенса?

— Нет, ваше величество. Но вести добрые. Восстание в провинции подавлено. Мы разбили бунтовщиков. Очень немногим удалось сбежать в Вердэн. Мы поймали вожака, дюка Виндхальма из Аттре.

— Хорошо, — помолчав, сказал мужчина, по-прежнему не поднимая головы. — Виндхальм из Аттре... Прикажи обезглавить. Нет. Не обезглавить. Казнить по-другому. Эффектно, долго и жестоко. И, разумеется, публично. Необходим пример. Что-нибудь такое, что испугает других. Только, пожалуйста, Коегоорн, избавь меня от подробностей. Никаких красочных описаний в рапортах. Не нахожу в этом ничего приятного.

Маршал, кивнув, сглотнул. Он тоже не находил в этом ничего приятного. Ну совершенно ничего. Поэтому решил поручить исполнение казни специалистам. Он не собирался расспрашивать специалистов о деталях. И уж тем более присутствовать при экзекуции.

— Будешь присутствовать при казни. — Мужчина поднял голову, взял со стола письмо, сломал печать. — Официально. Как мой наместник в провинции Цинтра. Заменишь меня. Я не желаю смотреть. Это приказ, Коегоорн.

— Слушаюсь! — Маршал даже не пытался скрыть смущение и недовольство. Перед мужчиной, который отдал приказ, нельзя было ничего скрывать. Да и редко кому это удавалось.

Мужчина взглянул на письмо и почти тут же кинул его в огонь камина.

— Коегоорн!

— Слушаю, ваше величество!

— Я не стану ждать рапорта Риенса. Подними на ноги магиков, пусть подготовят устный приказ, который незамедлительно должен быть передан Риенсу: перестать цацкаться с ведьмаком. Это может скверно кончиться. С ведьмаком играть нельзя. Я его знаю, Коегоорн. Он слишком хитер, чтобы навести Риенса на след. Повторяю, Риенс должен немедленно организовать покушение, незамедлительно вывести ведьмака из игры. Убить. А потом исчезнуть, затаиться и ждать распоряжений. А если он раньше нападет на след чародейки, пусть оставит ее в покое. У Йеннифэр волос не должен с головы упасть. Запомнил, Коегоорн?

— Так точно.

— Телепатосвязь должна быть зашифрована и жестко застрахована от возможности магического прочтения. Предупреди чародеев. Ежели они дело испоганят, если те, кому не положено, узнают о содержании распоряжения, я всю ответственность возложу на них.

— Так точно. — Маршал кашлянул.

— Что еще, Коегоорн?

— Граф... уже здесь, ваше величество. Прибыл в соответствии с приказом.

— Так быстро? — усмехнулся мужчина. — Поразительная поспешность. Надеюсь, он не загнал того вороного, из-за которого ему все так завидовали. Пусть войдет.

— Мне присутствовать, ваше величество?

— Разумеется, наместник Цинтры.

Вызванный из передней рыцарь вошел в комнату энергичным, уверенным, четким шагом, скрипя черными латами. Остановился, гордо выпрямился, отбросил с плеча за спину мокрый, покрытый грязью черный плащ, положил руку на рукоять огромного меча. Прижал к бедру черный шлем, украшенный крыльями хищной птицы. Коегоорн взглянул рыцарю в лицо. Увидел жесткую воинственную гордость и дерзость. Но не обнаружил ничего такого, что следовало бы увидеть на лице человека, который последние два года провел в башне, откуда, как все о том говорили, выйти мог только на эшафот. Маршал усмехнулся в усы. Он знал, что презрение к смерти и бесшабашная храбрость

юности проистекали исключительно из отсутствия воображения. Прекрасно знал. Сам когда-то был таким.

Сидевший за столом мужчина положил подбородок на сплетенные пальцы и внимательно взглянул на рыцаря. Рыцарь напрягся как струна.

— Чтобы все было ясно, — обратился к нему мужчина из-за стола. — Знай, оплошность, которую ты допустил в этом городе два года назад, тебе не прощена. Я предоставлю тебе еще один шанс. Ты получишь еще один приказ. От того, как ты его исполнишь, будет зависеть мое решение касательно твоей дальнейшей судьбы.

Лицо молодого рыцаря даже не дрогнуло, ни одно перышко не шелохнулось на крыльях, украшающих прижатый к бедру шлем.

— Я никогда никого не обманываю, не сулю несбыточных надежд, — продолжал мужчина. — Поэтому знай, в какой-то степени надеяться ты можешь только на то, что твоей шеи не коснется топор палача, да и то лишь в том случае, если на этот раз ты снова не совершишь ошибки. На полное помилование шансов у тебя мало. На то, что я забуду и прощу — никаких.

Юный рыцарь в черных латах и на этот раз не дрогнул, но Коегоорн заметил, как сверкнули его глаза. «Не верит, — подумал он. — Не верит и заблуждается. Совершает огромную ошибку».

— Приказываю быть максимально внимательным, — продолжал мужчина. — Тебе тоже, Коегоорн. Приказы будут касаться и тебя. Те, что я сейчас отдам. Через минуту. Мне надо немного подумать над их содержанием и формой.

Маршал Мэнно Коегоорн, наместник провинции Цинтра и будущий главнокомандующий армией Доль Ангра, поднял голову, выпрямился, положил руку на головку меча. Точно такую же позу принял рыцарь в черных доспехах и шлеме с крыльями хищной птицы. Оба ждали. В тишине. Терпеливо. Как и надлежало ждать приказов, над содержанием и формой которых задумался император Нильфгаарда, Emhyr var Emreis, Deithwen Addan yn Carn aep Morvudd,

Эмгыр вар Эмрейс, Белое Пламя, пляшущее на Курганах Врагов.

Цири проснулась.

Она лежала, вернее, полусидела, положив голову на несколько хорошо взбитых подушек. Компрессы на лбу были уже теплыми и лишь чуточку влажными. Она сбросила их, не в состоянии переносить неприятной тяжести и жжения. Дышала она с трудом. Горло пересохло, нос почти полностью забила запекшаяся кровь. Но эликсиры и заклинания подействовали — боль, которая несколько часов туманила взгляд и, казалось, разрывала череп, исчезла, отступила, осталась лишь тупая пульсация и давление в висках.

Цири осторожно потрогала нос.

«Ну и странный же был сон, — подумала она. — Первый сон за столько дней. Первый, в котором я не чувствовала страха. Первый, который касался не меня. Я была... наблюдателем. Видела все как бы с горы, с вышины... Так, словно была птицей... Ночной птицей...

Сон, в котором я видела Геральта.

В этом сне была ночь. И дождь, который покрывал рябью воду канала, шумел в гонтах крыш, стропилах сараев, блестел на досках помостов и мостиков, на палубах лодок и барж... И там был Геральт. Не один. С ним был мужчина в смешной шапочке с пером, обвисшим от влаги. И худощавая девушка в зеленом плаще с капюшоном... Все трое медленно и осторожно шли по мокрому помосту... А я видела их сверху. Так, словно была птицей. Ночной птицей...

Геральт остановился. Спросил: далеко еще? Нет, сказала худощавая девушка, стряхивая воду с зеленого плаща. Мы уже почти пришли... А где, черт побери, Филиппа? Ведь я только что ее видел, она летела вдоль канала... Ну и отвратная погодка... Пошли. Веди, Шани. А, кстати, откуда ты знаешь этого знахаря?

Я иногда продаю ему лекарства, которые умыкаю из лаборатории. Что так смотришь? Отчим с трудом наскребает на мое учение... Бывает, деньги нужны... А знахарь, полу-

чив настоящие лекарства, лечит людей... Или хотя бы не травит их... Ну пошли же.

Странный сон, — подумала Цири. — Жаль, проснулась. Хотелось бы увидеть, что дальше... Узнать, что они там делают. Куда идут...»

Из соседней комнаты донеслись голоса, которые ее разбудили. Мать Нэннеке говорила быстро, она была явно возбуждена, зла и взбудоражена.

— Ты обманула мое доверие, — говорила она. — Не следовало этого позволять. Можно было догадаться, что твоя антипатия к ней приведет к несчастью. Я не должна была разрешать тебе. Ведь я тебя знаю. Ты бездушна, ты жестока, а ко всему прочему еще оказалась безответственной и неосторожной. Ты безжалостно терзаешь ребенка, принуждаешь к усилиям, которые она не в состоянии совершить. Ты бессердечна.

У тебя действительно нет сердца, Йеннифэр.

Цири прислушалась, чтобы уловить ответ чародейки, ее холодный, жесткий и звучный голос. Хотела услышать, как она отреагирует, как посмеется над жрицей, как высмеет ее чрезмерную заботливость. Как скажет то, что говорит обычно, — быть чародейкой не шуточки, занятие не для кисейных барышень, сделанных из фарфора или праздничных яичек, выдутых из тонкого стекла. Но Йеннифэр ответила тихо. Так тихо, что девочка не только не поняла, но даже не расслышала слов.

«Усну, — подумала она, осторожно и нежно ощупывая нос, все еще болезненно чуткий, забитый засохшей кровью. — Вернусь в свой сон. Посмотрю, что делает Геральт там, в ночи, под дождем, у канала...»

Йеннифэр держала ее за руку. Они шли по длинному коридору, между каменными колоннами, а может, статуями, Цири не могла разглядеть. Мешал плотный мрак. Но в темноте кто-то был, кто-то скрывался там и наблюдал за ними. Она слышала шепотки, тихие, как дуновение ветерка.

Йеннифэр держала ее за руку, а она шла быстро и уверенно, полная решимости, так что Цири едва поспевала за

ней. Бесконечное множество дверей раскрывалось перед ними. Одна за другой. Одна за другой. Бесконечное множество дверей с гигантскими, тяжелыми створками бесшумно раскрывалось перед ними.

Мрак густел. Впереди Цири снова увидела двери. Йеннифэр не замедлила шага, но Цири вдруг поняла, что эти двери перед ними сами не раскроются. И тут же обрела поразительную уверенность, что отворять их нельзя. Что нельзя в них пройти. Что за этими дверями что-то ее ждет...

Она остановилась, попыталась вырваться, но рука Йеннифэр не поддавалась, а сильно и неумолимо тащила ее вперед. И Цири наконец поняла, что ее предали, обманули, продали. Что все время с первой встречи, с самого начала, с первого дня она была лишь марионеткой, куклой на ниточках. Она дернулась сильнее, вырвалась из рук Йеннифэр. Мрак заколебался словно дым, шепотки в темноте неожиданно оборвались. Чародейка сделала шаг вперед, остановилась, повернулась, взглянула на нее.

Если боишься, вернись.

Эти двери открывать нельзя. Ты об этом знаешь.

Знаю.

И все-таки ведешь меня туда.

Если боишься — вернись. Есть еще время вернуться. Еще не поздно.

А ты?

Мне уже поздно.

Цири осмотрелась. Сквозь всеобъемлющий мрак она видела двери, и те, которые они только что миновали, и те, что уже остались далеко позади. И оттуда, издалека, из тьмы, услышала...

Цокот подков. Скрежет черных доспехов. И шум крыльев хищной птицы. И голос. Тихий, пронизывающий мозг голос...

Ты ошиблась. Ты перепутала небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

Она проснулась. Резко подняла голову, сбросила примочку, свежую — примочка была мокрой и холодной. Ее заливал пот, в висках опять звенела и билась тупая боль.

Йеннифэр сидела рядом на кровати, отвернувшись так, что Цири не видела ее лица. Видела только бурю черных волос.

— Я видела сон... — шепнула Цири. — В этом сне...

— Знаю, — сказала чародейка странным, не своим голосом. — Поэтому я здесь. Рядом с тобой.

За окном, во тьме, дождь шумел в листве деревьев.

— А, черт, — проворчал Лютик, отряхивая воду с намокших под дождем полей шляпы. — Не дом — крепость. Чего этот знахарь боится, раз так огородился?

Лодки и баржи, пришвартованные к набережной, лениво покачивались на морщинистой от дождя воде, сталкивались с тихим стуком, скрипели, позвякивая цепями.

— Портовый район, — пояснила Шани. — Тут полно бандюг и подонков — и местных и пришлых. К Мырману ходит множество людей, приносят деньги... Все об этом знают. Как и о том, что живет он один. Вот он и бережется. Удивляетесь?

— Ничуть. — Геральт взглянул на постройки, возведенные на вбитых в дно канала сваях саженях в пяти от набережной. — Думаю, как попасть на этот остров. В его надводную хатку. Вероятно, придется втихую позаимствовать одну из лодок...

— Нет нужды, — сказала медичка. — Там подъемный мостик.

— А как ты уговоришь знахаря опустить его? К тому же там еще и двери, а тарана мы не прихватили...

— Предоставьте это мне.

Большая серая сова беззвучно опустилась на перила помоста, тряхнула крыльями, встопорщилась и обратилась в Филиппу Эйльхарт, столь же встопорщенную и мокрую.

— Я-то что тут делаю? — раздраженно пробормотала чародейка. — Я-то что тут с вами делаю, черт меня побери? Балансирую на мокрой палке. И на грани государственной измены. Если Дийкстра узнает, что я вам помогаю... Вдобавок ко всему еще и моросит! Не люблю летать в дождь. Это здесь? Это, что ли, дом Мырмана?

— Да, — подтвердил Геральт. — Послушай, Шани. Давай попробуем...

Они сбились в плотную кучку и начали шептаться, невидимые во тьме под камышовым навесом. Из таверны на противоположной стороне канала упала на воду полоса света. Послышалось пение, смех и крики. На набережную вывалились трое плотогонов. Двое ругались, дергая и толкая друг друга, без устали повторяя одни и те же проклятия. Третий, опершись о столб, отливал в канал, фальшиво насвистывая.

Донг! — металлически звякнула железная тарелка, подвешенная к столбику на помосте. *Донг!*

Знахарь Мырман отворил оконце и выглянул. Фонарь в руке только слепил его, он его отставил.

— Кой черт там звонит ночью? — рявкнул он. — Стукни себя по пустому лбу, засранец, бандюга, ежели тебе приспичило стучать! Вон, пошли прочь, пьянь сволочная! А ну быстро! Тут у меня самострел натянут! Кому там не терпится получить шесть вершков стрелы в задницу?

— Господин Мырман! Это я, Шани!

— Что? — Знахарь высунулся сильнее. — Мазель Шани? Сейчас? Ночью? С чего бы это?

— Опустите мостик, господин Мырман! Я принесла, что вы просили!

— Именно теперь, в темень? Не могли днем, мазель?

— Днем слишком много глаз. — Худощавая фигурка в зеленом плаще замаячила на помосте. — Если увидят, что я вам ношу, меня выкинут из Академии. Опустите мостик, я не хочу стоять под дождем, у меня туфельки промокли.

— Вы не одна, мазель? — подозрительно бросил знахарь. — Обычно приходите одна. Кто там с вами еще?

— Друг. Как и я — жак. Одной, что ли, мне тащиться ночью в ваш заразный район? Мне что, невинность не дорога, или как? Пустите меня наконец, черт побери!

Бормоча себе под нос, Мырман освободил собачку воротка, мостик, со скрипом опустившись, стукнул о доски помоста. Знахарь прошел к двери, отодвинул засов. Не убирая заряженного арбалета, осторожно выглянул.

Он не заметил метящего в висок кулака в черной, утыканной серебряными набивками перчатке. Зато, хоть ночь и была темной, безлунной, а небо — затянуто тучами, вдруг увидел десятки тысяч ослепительно ярких звезд.

Тубланк Мишеле еще раз провел бруском по острию меча. Видно было, что это действие поглощает его без остатка.

— Итак, мы должны для вас убить человека. — Он отложил брусок, протер рукоять кусочком намазанной жиром кроличьей шкурки и критически осмотрел лезвие. — Обычного человека, который шлендается в одиночку по улицам Оксенфурта, без гвардии, без эскорта, без телохранителей. Даже без слуг. И чтобы его прикончить, нам не надо будет ни в храмы врываться, ни в ратуши, замки или гарнизонную крепость... Так, милсдарь Риенс? Я верно вас понял?

Мужчина с лицом, изуродованным рубцом, оставшимся после ожога, утвердительно кивнул, слегка прищурив темные влажные глаза с неприятным выражением.

— Кроме того, — продолжал Тубланк, — когда мы убьем этого типа, нам не будет нужды прятаться где-нибудь ближайшие полгода, потому что никто не станет за нами гоняться или нас разыскивать? Никто не напустит на нас выпивох или любителей заработать наградные? Мы не станем объектами родовой вражды либо кровной мести? Иначе говоря, милсдарь Риенс, нам предстоит замочить для вас обыкновеннейшего, ничем не примечательного, не имеющего никакого веса фраера?

Мужчина со шрамом не ответил. Тубланк глянул на неподвижно сидевших на скамейке братьев. Рицци, Флавиус и Лодовико, как всегда, молчали. В этой троице на их долю приходилась работа, а разговоры разговаривать было делом Тубланка. Потому что только Тубланк посещал в свое время храмовую школу. Убивал он ничуть не хуже братьев, но сверх того еще умел читать и писать. Ну и молоть языком.

— И вот, чтобы убить такую серь, милсдарь Риенс, вы нанимаете не первого попавшегося портового пьянчужку, а нас, братьев Мишеле? За сто новиградских крон?

— Ваша обычная ставка, — процедил мужчина с рубцом. — Верно?

— Неверно, — холодно возразил Тубланк. — Мы промышляем не тем, что замачиваем обычных фраеров. А коли уж беремся... Милсдарь Риенс, гусь, которого вам желательно видеть трупом, обойдется вам в двести. Двести честных, блестящих крон с вычеканенной меткой новиградского монетного двора. Знаете почему? Потому что в этом дельце имеется запашок, милостивый государь. Не говорите мне, какой именно, обойдемся. Но за него надо заплатить. Двести, я сказал. Ну по рукам, и можете считать, что ваш... дружок испекся. Не хотите — ищите кого другого.

В воняющем гнилью и прокисшим вином подвале повисла тишина. По глиняному полу, быстро перебирая лапками, бежал таракан. Флавиус Мишеле с треском растоптал его молниеносным движением ноги, почти не изменив позы и совершенно не изменив выражения лица.

— Согласен, — сказал Риенс. — Получите двести. Пошли.

Тубланк Мишеле, с пятнадцати лет промышляющий убийствами, ничем не выдал удивления. Он не надеялся выторговать больше ста двадцати, ну ста пятидесяти. И тут сообразил, что низковато оценил сочившийся от этого дельца «запашок».

Знахарь Мырман очнулся на полу собственного дома. Он лежал на спине, спеленутый, как баран. Сильно болел затылок. Он помнил, что, падая, ударился головой о дверной косяк. Болел висок, по которому его стукнули. Пошевелиться он не мог, потому что на грудь тяжело и безжалостно давил высокий, застегнутый на крючки ботинок. Знахарь, щурясь, глянул вверх. Ботинок принадлежал высокому мужчине с белыми, как молоко, волосами. Лица Мырман не видел, оно скрывалось во мраке, которого не пробивал стоявший на столе фонарь.

— Не отнимайте жизнь... — простонал Мырман. — Пощадите ради богов... Деньги отдам... Все отдам... Покажу, где спрятаны...

— Где Риенс, Мырман?

При звуке этого голоса знахарь затрясся. Он был не из пугливых, и его мало чем можно было пронять, но в голосе беловолосого было все то немногое, что пронять могло. И нечто большее.

Нечеловеческим усилием воли знахарь переборол страх, ползающий по внутренностям отвратным слизняком.

— А? — Он прикинулся изумленным. — Что? Кто? Как вы сказали?

Мужчина наклонился, и теперь Мырман увидел его лицо. Увидел глаза. И желудок ушел у него аж до прямой кишки.

— Не крути, Мырман, не верти хвостом, — послышался из тени знакомый голос Шани, медички из Академий. — Когда я была у тебя три дня назад, то здесь, на этом вот табурете, за этим самым столом сидел субъект в плаще, подбитом ондатрой. Он пил вино, а ведь ты никогда никого не угощаешь, только самых близких друзей. Он подъезжал ко мне, нагло уговаривал пойти потанцевать в «Три Звоночка». И даже задумал было лапаться. Пришлось дать по рукам. А ты сказал: «Оставь ее, милсдарь Риенс, не пугай. Мне с академичками надо жить в мире и крутить интересы». И вы оба хохотали, ты и твой милсдарь Риенс с ошпаренной мордой. Так что не разыгрывай идиота, потому что эти люди не глупее тебя. Давай выкладывай, пока вежливо просят.

«Ах ты, шклярка заумная, — подумал знахарь. — Ах ты, гадина предательская, ты, харя рыжая, уж я тебя найду, уж я тебе отплачу... Только бы выбраться из этой истории...»

— Какой Риенс? — заныл он, извиваясь и тщетно пытаясь высвободиться из-под давящего на грудину башмака. — И откуда мне знать, кто он и где он? Мало ли кто сюда приходит, всякие разные, так что же я...

Беловолосый наклонился еще больше, медленно вытащил кинжал из-за голенища второго ботинка, а первым сильнее нажал на грудь знахаря.

— Мырман, — сказал он тихо. — Хочешь, верь, хочешь, не верь. Но если ты сейчас же не скажешь, где находится Риенс... Если немедленно не раскроешь, как связываешься

с ним... то я тебя по кусочкам скормлю угрям в канале. Начну с ушей.

В голосе беловолосого было нечто такое, что заставило знахаря тут же поверить каждому его слову. Он глядел на клинок и знал, что он острее тех ножей, которыми сам вскрывал язвы и чирьи. Его так затрясло, что упирающийся в грудь ботинок стал нервно подпрыгивать. Но он молчал. Вынужден был молчать. Пока что. Потому что если Риенс вернется и спросит, почему он его выдал, Мырману придется показать почему. «Одно ухо, — подумал он, — одно ухо я должен выдержать. Потом скажу...»

— Зачем терять время и пачкаться кровью? — неожиданно послышался из мрака мягкий женский альт. — Зачем рисковать? Ведь он начнет крутить и врать. Позвольте мне применить свои методы. Заговорит так быстро, что искусает себе язык. Придержите-ка его.

Знахарь взвыл и дернулся в путах, но белоголовый прижал его коленом к полу, схватил за волосы и вывернул голову. Рядом кто-то опустился на колени. Мырман почувствовал запах духов и мокрых птичьих перьев, ощутил прикосновение пальцев к виску. Хотел крикнуть, но горло ему перехватил ужас, и он сумел только пискнуть.

— Ты уже намерен кричать? — по-кошачьему замурлыкал мягкий альт у самого его уха. — Рановато, Мырман, рановато. Я еще не начинала. Но сейчас начну. Если эволюция создала в твоем мозгу какие-нибудь извилины, то я их сейчас тебе немного углублю. Вот тогда ты узнаешь, как можно кричать.

— Итак, — сказал Вильгефорц, выслушав донесение, — наши короли начали думать самостоятельно. Самостоятельно планировать, поразительно быстро эволюционируя от мышления тактического к стратегическому. Любопытно. Еще недавно, под Содденом, единственное, что они умели, так это, размахивая мечом, галопировать с диким гиканьем во главе отряда, даже не интересуясь, не остался ли этот отряд позади, а может, вообще скачет совсем в другую сторону. А сегодня, извольте, в Хаггенском замке они решают судьбы

мира. Любопытно. Очень любопытно. Но, если быть откровенным, я этого ожидал.

— Знаем, — согласился Артауд Терранова. — И помним: ты предостерегал. Поэтому тебе и сообщаем.

— Благодарю за память, — усмехнулся чародей, а Тиссая де Врие тут же поняла, что о сообщенных фактах он знал давно. Но смолчала. Выпрямившись в кресле, она подровняла кружевные манжеты, поскольку левый лежал несколько иначе, чем правый. Почувствовала на себе неприязненный взгляд Терранова и веселый — Вильгефорца. Она знала, что всех или нервирует, или забавляет ее ставший притчей во языцех педантизм. Но это ее совершенно не волновало. — Что скажет на это Капитул?

— Для начала, — ответил Терранова, — мы хотели бы услышать твое мнение, Вильгефорц.

— Для начала, — улыбнулся чародей, — надо немного выпить и перекусить. Времени у нас достаточно, позвольте мне быть добрым хозяином. Вижу, вы озябли и утомлены. Сколько пересадок в телепортах, можно узнать?

— Три, — пожала плечами Тиссая де Врие.

— Я был ближе, — потянулся Артауд. — Мне хватило двух. Но сложных, признаюсь.

— Везде такая паскудная погода?

— Везде.

— Ну так давайте подкрепимся едой и старым красным вином из Цидариса. Лидия, можно тебя попросить?

Лидия ван Бредевоорт, ассистентка и личный секретарь Вильгефорца, возникла из-за портьеры словно легкое привидение, глазами улыбнулась Тиссае де Врие. Тиссая, хорошо владея лицом, ответила милой улыбкой и наклоном головы. Артауд Терранова встал, почтительно поклонился. Он тоже прекрасно владел лицом. Лидию он знал.

Две служанки, спеша и шелестя юбками, быстро накрыли на стол. Лидия ван Бредевоорт зажгла свечи в подсвечниках, тонко выколдовав изящный огонек между большим и указательным пальцами. Тиссая заметила у нее на руке пятнышко масляной краски. Зафиксировала это в памяти, что-

бы после ужина попросить молодую чародейку показать новое произведение. Лидия была способной художницей.

Вечеряли в молчании. Артауд Терранова, не стесняясь, лез в тарелки и, пожалуй, чересчур часто и без приглашения со стороны хозяина позвякивал серебряной крышечкой графина с красным вином. Тиссая де Врие ела не спеша, больше внимания уделяя не пище, а тому, чтобы создавать правильные композиции из тарелочек, столовых приборов и салфеток, которые, по ее мнению, все время лежали неровно и травмировали ее приверженность к порядку и чувство эстетики. Пила она сдержанно. Вильгефорц ел и пил еще сдержаннее. Лидия, естественно, не пила и не ела вообще.

Пламечко свечей колебалось длинными желто-красными язычками. По оконным витражам звенели капли дождя.

— Ну, Вильгефорц, — наконец проговорил Терранова, ковыряя вилкой в блюде в поисках достаточно жирного куска свинины. — Что думаешь относительно начинаний наших монархов? Хен Гедымгейт и Франческа прислали нас, ибо желают знать твое мнение. Меня и Тиссаю это тоже интересует. Капитул хочет в этом вопросе занять соответствующую позицию. А если дело дойдет до действий, то действовать мы также хотели бы согласно. Итак, что ты посоветуешь?

— Весьма польщен, — Вильгефорц жестом поблагодарил Лидию, которая хотела добавить ему на тарелку порцию брокколи, — тем, что мое мнение может быть решающим для Капитула.

— Этого никто не сказал. — Артауд снова подлил себе вина. — Решение мы в любом случае примем коллегиально, когда Капитул соберется. Но хотелось бы, чтобы каждый мог предварительно высказаться, дабы мы сориентировались. Итак — слушаем.

Если с ужином покончено, то, может быть, перейдем в лабораторию, — телепатически предложила Лидия, улыбаясь глазами. Терранова взглянул на ее улыбку и быстро допил то, что оставалось в кубке. До дна.

— Прекрасная мысль. — Вильгефорц вытер пальцы салфеткой. — Будет удобнее, к тому же там надежнее защита

от магического подслушивания. Пошли. Можешь прихватить графин, Артауд.

— Не премину. Это мой любимый год.

Перешли в лабораторию. Тиссая не могла удержаться, чтобы не кинуть взгляд на стол, уставленный ретортами, тиглями, пробирками, кварцевыми сосудами и неисчислимой магической утварью. Все было защищено камуфлирующим заклятием, но Тиссая де Врие была Архимагистром, не существовало заслона, сквозь который она не могла бы пробиться. А ее немного интересовало, чем занимается маг последнее время. Она мгновенно сориентировалась в конфигурации недавно применявшейся аппаратуры, которую обычно использовали, когда надо было обнаружить место пребывания исчезнувших людей и для психовидения методом «хрусталь-металл-камень». Чародей или кого-то разыскивал, или разрешал теоретическую логистическую проблему. Вильгефорц из Роггевеена слыл крупным любителем подобных проблем.

Расселись по резным карлам красного дерева. Лидия взглянула на Вильгефорца, поймала данный взглядом знак и тут же вышла. Тиссая незаметно вздохнула.

Все знали, что Лидия ван Бредевоорт любит Вильгефорца из Роггевеена, и любит давно, тихой, упорной, неотступной любовью. Чародей, конечно, тоже об этом знал, но делал вид, будто не знает. Лидия облегчала ему задачу, ни разу не выдав своих чувств — никогда не сделав ни малейшего шага или жеста, не подав знака мыслью, а если б даже могла говорить, не сказала бы ни слова. Она была слишком горда для этого. Вильгефорц тоже ничего не предпринимал, потому что Лидию не любил. Он мог, разумеется, запросто сделать ее своею любовницей и тем самым еще сильнее привязать к себе, а как знать, может, и осчастливить. Находились такие, кто это ему советовал. Но Вильгефорц к подобным советам не прислушивался. Он был слишком горд и чересчур принципиален. Так что положение оставалось безнадежным, но стабильным, и это в равной степени устраивало обоих.

— Итак, — прервал тишину молодой чародей. — Капитул не знает, что предпринять в отношении инициатив и планов наших государей? И совершенно напрасно мучается. Эти планы следует просто проигнорировать.

— Как-как? — Артауд Терранова замер с кубком в левой и графином в правой руке. — Уж не ослышался ли я? Бездействовать? Позволить...

— Мы и без того уже позволили, — прервал Вильгефорц. — Ведь никто у нас разрешения не просил. И не попросит. Повторяю: следует делать вид, будто мы ни о чем не догадываемся. Это единственно разумное поведение.

— То, что они надумали, грозит войной, к тому же крупномасштабной.

— То, что они надумали, стало нам известно благодаря секретной и неполной информации, исходящей из секретного, весьма сомнительного источника. Сомнительного до такой степени, что упорно напрашивается слово «дезинформация». А если даже это и правда, то их замыслы пока еще пребывают в фазе планирования и долго в этой стадии останутся. А когда выйдут за пределы... Ну что ж, тогда мы... подстроимся к ситуации.

— Ты хотел сказать, — поморщился Терранова, — что запляшем так, как они нам заиграют?

— Да, Артауд. — Вильгефорц взглянул на него, и глаза у него блеснули. — Ты запляшешь так, как они тебе заиграют. Либо покинешь танцевальный зал. Потому что подиум для оркестра слишком высок, чтобы ты мог на него забраться и велеть музыкантам играть другую музыку. Пойми же наконец. Если ты считаешь, что существует другое решение, то ошибаешься. Путаешь небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

«Капитул сделает то, что он прикажет, скрывая приказ под видимостью совета, — подумала Тиссая де Врие. — Все мы пешки на его шахматной доске. Он пошел в гору, вырос, затмил нас своим блеском, подчинил себе. Мы — пешки в его игре. В игре, правил которой не знаем».

Левый манжет опять лег иначе, чем правый. Чародейка тщательно расправила его.

— Планы королей уже находятся на стадии реализации, — проговорила она медленно. — В Каэдвене и Аэдирне начаты операции против скоя'таэлей. Льется кровь эльфской молодежи. Дело доходит до погромов и преследования нелюдей. Говорят о нападении на свободных эльфов в Доль Блатанне и Синих Горах. Это массовое убийство. Так нам что, передать Гедымгейту и Энид Финдабаир, что ты рекомендуешь сидеть сложа ручки? Прикидываться, будто мы ничего не видим?

Вильгефорц повернулся к ней. «Сейчас ты сменишь тактику, — подумала Тиссая. — Ты — игрок, на слух уловил, какие кости катятся по столу. Сменишь тактику. Ударишь в другую сторону».

Вильгефорц не спускал с нее глаз.

— Ты права, — коротко сказал он. — Ты права, Тиссая. Война с Нильфгаардом — одно, но за истреблением нелюдей нельзя наблюдать в бездействии. Предлагаю Большой Сбор, всеобщий Сбор всех, до мэтров третьей степени, а также и тех, кто после Соддена заседает в королевских Советах. На Большом Сборе обратимся к их рассудку и распорядимся унять монархов.

— Такой проект я одобряю, — сказал Терранова. — На Большом Сборе напомним королям, по отношению к кому в первую очередь они обязаны быть лояльными. Учтите, что у королей сейчас в советниках даже некоторые члены нашего Капитула. Королям служат Кардуин, Филиппа Эйльхарт, Феркарт, Радклифф, Йеннифэр...

Услышав последнее имя, Вильгефорц вздрогнул. Внутренне, разумеется. Но Тиссая де Врие была Архимагистром. Тиссая уловила мысль, импульс, перепрыгнувший с магической аппаратуры к двум лежащим на столе книгам. Обе книги были невидимы, укрыты магией. Чародейка сконцентрировалась и пробила заслон.

«Aen Ithlinne speath», пророчество Ithlinne Aegli aep Aevenien, эльфской прорицательницы. Предсказание конца цивилизации, пророчество гибели и возвращения варварства, коим предстоит прийти одновременно с массами льда, двигающимися с границ вечной мерзлоты. А

другая книга... Очень старая... Потрепанная... «Aen Hen Ichaer»... «Старшая Кровь»... Кровь Эльфов?

— Твое мнение, Тисса?

— Поддерживаю. — Чародейка поправила перстень, который повернулся на пальце не в ту сторону. — Поддерживаю предложение Вильгефорца. Нужен Большой Сбор, и как можно скорее.

«Металл-камень-хрусталь, — подумала она. — Ищешь Йеннифэр? Зачем? И что общего у Йеннифэр с пророчеством Итлины? И со Старшей Кровью Эльфов? Что ты задумал, Вильгефорц?»

Простите, — телепатически сказала Лидия ван Бредевоорт, беззвучно входя.

— Простите, — встал чародей, — но это срочно. Я со вчерашнего дня ждал письма. Это отнимет не больше минуты.

Артауд зевнул, сдержал ветры, потянулся к графину. Тиссая взглянула на Лидию. Лидия улыбнулась. Глазами. Иначе она не могла.

Нижняя половина лица Лидии ван Бредевоорт была фантомом.

Четыре года назад по распоряжению Вильгефорца, ее мэтра, Лидия приняла участие в исследовании свойств артефакта, найденного при раскопках древнего некрополя. Артефакт оказался защищенным мощным заклинанием. Активизировался всего один раз. Из пяти участников эксперимента трое чародеев погибли на месте. Четвертый потерял глаза, обе руки и сошел с ума. Лидия отделалась ожогами, искалеченной челюстью и мутацией гортани и горла, до сих пор эффективно сопротивляющейся попыткам регенерации. Поэтому пришлось применить сильнейший фантом, чтобы люди не падали в обморок при виде ее лица. Это был очень сильный, мастерски наложенный фантом, который с трудом пробивали даже избранные.

— Хм... — Вильгефорц отложил письмо. — Благодарю, Лидия.

Посланец ждет ответа, — улыбнулась Лидия.

— Ответа не будет.

Понимаю. Я распорядилась подготовить комнаты для гостей.

— Благодарю. Тиссая, Артауд, простите за несколько минут задержки. Продолжим. На чем мы остановились?

«Ни на чем, — подумала Тиссая де Врие. — Но я тебя внимательно слушаю. Когда-нибудь ты все же дойдешь до вопросов, которые тебя действительно интересуют».

— Ах да, — медленно начал Вильгефорц. — Вспомнил. Речь идет о самых молодых по стажу членах Совета. О Феркарте и Йеннифэр. Насколько мне известно, Феркарт связан с Фольтестом из Темерии и входит в королевский Совет вместе с Трисс Меригольд. А с кем связана Йеннифэр? Ты говорил, Артауд, что она из тех, кто служит королям.

— Артауд преувеличил, — спокойно сказала Тиссая. — Йеннифэр живет в Венгерберге, поэтому Демавенд порой обращается к ней за помощью, но постоянно они не сотрудничают. И уж наверняка нельзя утверждать, будто она выслуживается перед Демавендом.

— Что у нее со зрением? Надеюсь, все в порядке?

— Да.

— Это хорошо. Это очень хорошо. Я беспокоился... Знаете, я хотел с ней связаться, но оказалось, что она выехала. Никто не знает куда.

«Камень-металл-хрусталь, — подумала Тиссая де Врие. — Все, что носит Йеннифэр, активно и не обнаруживается психовидением. Так ты ее не отыщешь, дорогой. Если Йеннифэр не желает, чтобы видели, где она находится, никто и не увидит».

— Напиши ей, — сказала она спокойно, подравнивая манжеты. — И перешли письмо обычным способом. Дойдет обязательно. А Йеннифэр, где бы она ни была, ответит. Она отвечает всегда.

— Йеннифэр, — бросил Артауд, — частенько исчезает. Порой на целые месяцы. Причины бывают скорее всего тривиальные...

Тиссая взглянула на него, поджав губы. Чародей замолчал. Вильгефорц слегка улыбнулся.

— Именно, — сказал он. — Именно об этом я и подумал. В свое время она была крепко связана с... неким ведь-

маком. Геральтом, если не ошибаюсь. Похоже, это не была обычная, мимолетная интрижка. Кажется, Йеннифэр довольно сильно увлеклась.

Тиссая де Врие выпрямилась, сжала пальцы на поручнях карла.

— Зачем ты спрашиваешь? Это их личное дело. Что нам до него.

— Конечно. — Вильгефорц взглянул на письмо, брошенное на пюпитр. — Ничего. Но мною руководит не болезненное любопытство, а забота об эмоциональном состоянии члена Совета. Меня удивляет реакция Йеннифэр на сообщение о смерти этого... Геральта. Мне казалось, она могла бы успокоиться, примириться, не впадать в депрессию или излишний траур.

— Несомненно, могла бы, — холодно сказала Тиссая. — Тем более что такие вести доходили до нее не раз. И неизменно оказывались слухами.

— Верно, — подтвердил Терранова. — Геральт, или как его там, умеет справляться с трудностями. И что тут странного? Это мутант, машина для убийств, сконструированная так, чтобы убивать и не дать убить себя. А что до Йеннифэр, не надо преувеличивать значения ее так называемых эмоций. Мы ее знаем. Она эмоциям не поддается. Играла ведьмаком, вот и все. Ее увлекала смерть, с которой этот типус постоянно заигрывает. А когда наконец доиграется, проблемы исчезнут.

— Пока что, — сухо сказала Тиссая де Врие, — ведьмак жив.

Вильгефорц усмехнулся, снова кинул взгляд на лежащее перед ним письмо.

— Неужто? — сказал он. — Не думаю.

Геральт вздрогнул, сглотнул. Уже миновало первое потрясение после выпитого эликсира, начиналась активная фаза, отмеченная легким, но неприятным головокружением, сопровождающим адаптацию зрения к темноте.

Адаптация протекала быстро. Ночной мрак редел, все вокруг становилось серым, туманные и неясные вначале кон-

туры постепенно делались контрастнее, четче и резче. В выходящей на набережную улочке, только что темной, как внутренность бочки из-под смолы, Геральт уже различал крыс, шествующих по сточной канаве, обнюхивающих лужи и щели в стенах.

Слух тоже обострился под действием ведьмачьего декокта. Путаница вымерших переулков, в которой еще минуту назад было слышно только, как шумит дождь в водостоках, оживала, наполнялась звуками. Теперь он слышал ор дерущихся котов, лай собак за каналом, смех и крики, доносящиеся из кабаков и трактиров Оксенфурта, ругань и пение в корчме плотогонов, далекую трель флейты, наигрывающей синкопированную мелодийку. Ожили темные, казалось, уснувшие дома — Геральт начал различать храп спящих людей, тяжелые шаги волов в загородях, фырканье лошадей в конюшнях. Из одного дома в глубине улочки доносились приглушенные, лихорадочные стоны занимающейся любовью женщины.

Звуки нарастали, набирали силу. Он уже улавливал непристойные слова песенок кутил, узнал имя партнера стонущей женщины, различил прерывистое, нечленораздельное бормотание знахаря, доводимого «ласками» Филиппы Эйльхарт до состояния полного и скорее всего перманентного идиотизма.

Близился рассвет. Дождь наконец перестал, сорвался ветер, разгонявший тучи. Небо на востоке явно светлело.

Крысы в переулке заволновались, прыснули в разные стороны, спрятались меж ящиков и мусора.

Ведьмак услышал шаги: четверо или пятеро. Точнее он пока определить не мог. Поднял голову, но Филиппы не заметил.

Он мгновенно изменил тактику. Если среди приближающихся находился Риенс, у него было мало шансов его схватить. Сначала пришлось бы драться с эскортом, а этого он не хотел. Во-первых, потому, что находился под действием эликсира, а значит, этим людям суждено было умереть. Во-вторых, потому, что у Риенса появилось бы время сбежать.

Шаги приближались. Геральт вышел из тени.

Из переулка появился Риенс. Ведьмак мгновенно узнал волшебника, хоть никогда раньше не видел. Шрам на щеке, подарок Йеннифэр, прикрывала тень от капюшона.

Риенс был один. Эскорт скрывался в улочке. Почему — Геральт понял сразу же. Риенс знал, кто ждет его у дома знахаря. Он ожидал засады и все же пришел. Ведьмак понял почему. К тому же еще прежде, чем услышал тихий скрип мечей, извлекаемых из ножен. «Добро, — подумал он. — Если вы того хотите, добро».

— Приятно на тебя охотиться, — тихо проговорил Риенс. — Не надо искать. Сам являешься туда, где хотят тебя видеть.

— То же можно сказать и о тебе, — спокойно ответил ведьмак. — Ты явился сюда. Я хотел тебя здесь встретить, и ты пришел.

— Похоже, ты здорово прижал Мырмана, коли он рассказал об амулете и показал, где он спрятан. И как его активировать, чтобы он выслал сигнал. А вот того, что амулет одновременно и уведомляет и предостерегает, Мырман не знал и сказать не мог, даже если б ты стал его поджаривать на раскаленных угольях. Я раздал множество таких амулетов. Знал, что рано или поздно ты наткнешься на один из них.

Из-за угла вышли четверо. Они двигались медленно и бесшумно. При этом все время оставались в тени, а обнаженные мечи держали так, чтобы их не выдал блеск клинков. Ведьмак, разумеется, прекрасно все видел. Но никак не отреагировал. «Хорошо, убийцы, — подумал он. — Раз вы этого хотите, получите».

— Я ждал, — продолжал Риенс, не двигаясь с места, — и дождался. Я намерен наконец очистить от тебя землю, паскудный выродок.

— Ах, намерен? Ты переоценил себя. Ты всего лишь орудие. Убийца, нанятый другими любителями мокрых дел. Кто тебя нанял, лакей?

— Слишком много хочешь знать, мутант. Я — лакей? А знаешь, кто ты? Куча дерьма на дороге, которую надо поскорее убрать, потому что люди не желают пачкать о тебя

башмаки. Нет, я не скажу, кто именно, хотя и мог бы. Зато скажу кое-что другое, чтобы тебе было над чем подумать по дороге в ад. Я уже знаю, где находится ублюдок, которого ты так стережешь. И знаю, где затаилась ведьма Йеннифэр. Моих патронов она не интересует, но я испытываю к этой девке особое отвращение. Вот покончу с тобой и возьмусь за нее. Она еще пожалеет о своих фокусах с огнем. О да, пожалеет. И очень даже.

— А вот этого говорить не следовало, — гаденько усмехнулся ведьмак, чувствуя эйфорию драки, вызванную эликсиром, реагирующим с адреналином. — Пока ты этого не сказал, у тебя еще были шансы выжить. Теперь их нет.

Сильное дрожание амулета предупредило его о внезапном нападении. Он отпрянул, молниеносно выхватив меч, покрытым рунами клинком отбил и свел на нет выпущенную в него резкую, парализующую волну магической энергии. Риенс попятился, поднял руку, но в последний момент струсил. Не пытаясь повторить заклинания, быстро ретировался в глубину переулка. Ведьмак не мог за ним бежать — на него кинулись те четверо, которые думали, будто их скрывает тень. Сверкнули мечи.

Это были профессионалы. Все четверо. Опытные, ловкие, сработавшиеся профессионалы. Они напали на него парами, двое — слева, двое — справа. При этом один всегда скрывался за спиной другого. Ведьмак выбрал тех, что слева. На вызванную эликсиром эйфорию наложилась ярость.

Первый убийца напал финтом с декстера и тут же отскочил, чтобы дать возможность второму, тому, что стоял у него за спиной, нанести предательский удар. Геральт закружился в пируэте, обошел их и рубанул второго сзади самым концом меча через затылок, шею и спину. Он был зол и ударил крепко. Кровь фонтаном брызнула на стену.

Первый молниеносно отступил, дав место следующей паре. Эти разделились, тыча мечами с двух сторон, так, чтобы только один удар можно было парировать — второй должен был попасть в цель. Геральт не парировал, а, кружась в пируэте, вошел между ними. Чтобы не столкнуться, им пришлось сбить сыгранный темп, отшлифованные шаги. Один

успел вывернуться в мягком кошачьем финте, ловко отскочил. Второй не успел, потерял равновесие, повернулся спиной. Ведьмак, развернувшись обратным пируэтом, с размаху рубанул его по крестцу. Он был зол. Чувствовал, как острый ведьмачий клинок перерубает позвоночник врага. Дикий вой прокатился по улочкам. Два оставшихся бандита напали на него тут же, засыпали ударами, парировать которые ему удавалось с величайшим трудом. Он вошел в разворот, вырвался из-под мелькающих орудий убийства. Но вместо того чтобы опереться спиной о стену и защищаться, напал.

Этого они не ожидали, не успели отскочить и разделиться. Один ответил, но ведьмак ушел от контрудара, закружился, ударил за спину, вслепую, ориентируясь по движению воздуха. И попал. Услышал сдавленный крик, но оглядываться было некогда. Последний из убийц был уже рядом, уже бил быстрым синистром, квартой. Геральт парировал в последний момент, статически, без оборота, квартой из декстера. Убийца, воспользовавшись инерцией парирования, отскочил как пружина и ударил с полуоборота, широко и мощно. Слишком мощно. Геральт уже кружился. Клинок убийцы, значительно более тяжелый, чем клинок ведьмака, прорезал воздух, убийце пришлось последовать за мечом. Инерция развернула его. Геральт вывернулся из полупируэта совсем рядом с ним, очень близко. Увидел его искаженное лицо, изумленные глаза. Он был зол. Ударил. Коротко, но сильно. И не промахнулся. Прямо в глаза.

Он слышал дикий крик Шани, вырывающейся из рук Лютика на мостике, ведущем в домик знахаря.

Риенс, скинув плащ, пятился в глубь улочки, вытянув вперед руки, из которых уже начинал струиться магический свет. Геральт обеими руками стиснул меч и не раздумывая бросился в его сторону. У чародея не выдержали нервы. Не докончив заклинания, он кинулся бежать, крича что-то непонятное. Но Геральт понимал. Он видел, что Риенс вызывает помощь, умоляет спасти его.

И спасение пришло. Улочка разгорелась ярким светом, на облупленной, покрытой подтеками стене дома разгорелся ог-

ненный овал телепортала. Риенс прыгнул туда. Геральт — следом. Он был чертовски зол.

Тубланк Мишеле застонал, скрючился, сжимая обеими руками распоротый живот. Он чувствовал, как кровь покидает его, быстро стекая между пальцами. Рядом лежал Флавиус. Еще секунду назад он дрожал. Теперь застыл. Тубланк зажмурился, потом открыл глаза. Сова, сидевшая рядом с Флавиусом, явно не была галлюцинацией, потому что не исчезла. Он опять застонал и отвернулся.

Какая-то девка, судя по голосу, очень молодая, дико кричала:

— Отпусти меня! Там раненые! Я должна... Я медичка, Лютик! Пусти меня, слышишь!

— Ты им не поможешь, — глухо ответил тот, кого назвали Лютиком. — После удара ведьмачьим мечом... Даже и не подходи. Не гляди. Прошу тебя, Шани, не гляди.

Тубланк почувствовал, что кто-то опускается рядом. Уловил аромат духов и запах мокрых перьев. Мешал нервирующий плач и крик молодой девки. Той... медички. Но если кричала медичка, то кто же стоял рядом с ним? Тубланк застонал.

— ...будет хорошо. Все будет хорошо.

— Кур... вин... сын... — простонал он. — Риенс... Сказал нам... Обычный фраер... А... это... был ведьмак... За... пашок... Спаси... те... Мои... кишки...

— Тихо, тихо, сынок. Успокойся. Уже хорошо. Уже не болит. Ведь правда, уже не болит? Скажи, кто вас сюда притащил? Кто связал с Риенсом? Кто его порекомендовал? Кто вас в это впутал? Скажи мне, сынок, прошу тебя. И тогда все будет хорошо. Вот увидишь, будет хорошо. Ну скажи, прошу тебя.

Тубланк почувствовал на губах кровь. Но не в силах был сплюнуть. Прижавшись щекой к влажной земле, раскрыл рот. Кровь текла сама.

Он уже не чувствовал ничего.

— Скажи мне, — повторял мягкий голос. — Скажи, сыночек.

Тубланк Мишеле, профессиональный убийца с четырнадцатилетнего возраста, закрыл глаза, улыбнулся кровавой улыбкой. И прошептал все, что знал.

А когда раскрыл глаза, увидел кинжал с узеньким лезвием и маленькой золотой ручкой.

— Не бойся, — произнес мягкий голос, и острие кинжала коснулось его виска. — Больно не будет.

Действительно, больно не было.

Он нагнал волшебника в последний момент, перед самым телепорталом. Меч он отбросил еще раньше, руки были свободны, вытянутые в прыжке пальцы вцепились в край плаща беглеца. Риенс потерял равновесие, рынок вытянул его, принудил попятиться. Он дернулся. От резкого движения плащ разорвался от застежки до застежки, сполз с плеча. Поздно. Слишком поздно.

Геральт развернул его ударом кулака в плечо и тут же ударил левым в шею, под ухом. Риенс покачнулся, но не упал. Ведьмак подлетел к нему мягким прыжком и с силой всадил кулак под ребра. Волшебник охнул и повис на кулаке. Геральт схватил его за полу куртки, завертел и повалил на землю. Прижатый коленом Риенс вытянул руку, раскрыл рот, чтобы выкрикнуть заклинание. Геральт сжал пальцы в кулак и хватил его сверху. Прямо в губы. Губы лопнули, как спелая смородина.

— Презент от Йеннифэр у тебя уже есть, — прохрипел он. — Теперь получай от меня.

Он ударил еще раз. Голова волшебника дернулась, на лоб и щеки брызнула кровь. Геральт немного удивился — он не почувствовал боли, но, несомненно, тоже получил свое во время стычки. Это была его кровь. Он не обратил на это внимания, к тому же искать рану и заниматься ею было некогда. Он размахнулся снова и ударил Риенса еще раз. Он был зол.

— Кто тебя прислал? Кто тебя нанял?

Риенс плюнул в него кровью. Ведьмак саданул его опять.

— Кто?

Огненный овал телепортала засиял сильнее, пышущий из него свет залил переулок. Ведьмак почувствовал бью-

щую из овала Силу, почувствовал еще прежде, чем его медальон начал резко, предостерегающе дергаться.

Риенс тоже ощутил истекающую из телепортала энергию, предваряющую близкую помощь. Он крикнул, дернулся, как гигантская рыба. Геральт уперся ему коленями в грудь, поднял голову, сложил пальцы в Знак Аард, нацелился в горящий портал. Это была его ошибка.

Из портала не вышел никто. Из него только вырвалась Сила, и Силу поглотил Риенс.

Выпрямленные пальцы волшебника удлинились, превратившись в стальные шипы. Они со скрипом врезались в грудь и плечи Геральта. Из шипов вырвалась энергия. Ведьмака отбросило назад. Потрясение было таким, что он явно почувствовал, как хрустят и ломаются стиснутые до боли зубы.

Риенс попытался вскочить, но тут же снова рухнул на колени, и так, на коленях, пополз к телепорталу. Геральт, с трудом хватая воздух, вытащил из-за голенища кинжал. Волшебник обернулся, рывком вскочил. Ведьмак тоже вскочил, но быстрее. Риенс снова оглянулся, взвизгнул. Геральт сжал стилет в руке. Он был зол. Очень зол.

Что-то ухватило его сзади, лишило сил, сковало. Медальон на шее резко задергался, боль в раненом плече лихорадочно запульсировала.

В каких-нибудь десяти шагах от него стояла Филиппа Эйльхарт. Из ее поднятой руки струился матовый свет — две полосы, два луча. Оба касались его спины, стискивали плечи светящимися путами. Он рвался, но впустую. Не мог двинуться с места. Мог только смотреть, как Риенс неуверенными шагами добирается до телепортала, мигающего молочным полусветом.

Риенс медленно, не спеша вступил в свет телепортала, погрузился в него, как ныряльщик, растворился, исчез. Спустя секунду овал погас, на мгновение накрывая улочку непроницаемой, плотной, бархатной тьмой.

Где-то в закоулках орали дерущиеся коты. Геральт глянул на клинок меча, который поднял, направляясь к чародейке.

— Зачем, Филиппа? Зачем ты это сделала?

Чародейка отступила на шаг. Кинжал, который только что торчал в голове Тубланка Мищеле, теперь был у нее в руке.

— Зачем ты спрашиваешь? Ведь знаешь же.

— Да, — подтвердил он. — Теперь знаю.

— Ты ранен, Геральт. Боли не чувствуешь только потому, что одурманен эликсиром, но смотри, как идет кровь. Ты уже успокоился? Могу я не опасаться подойти и заняться тобой? К дьяволу, не смотри так! И не приближайся ко мне. Еще шаг, и придется... Не приближайся! Прошу! Я не желаю тебе зла, но если ты приблизишься...

— Филиппа! — крикнул Лютик, все еще удерживая рыдающую Шани. — Ты спятила?

— Нет, — с трудом проговорил ведьмак. — Она в своем уме. И прекрасно знает, что делает. Она все время знала, что делает. Использовала нас. Предала. Обманула...

— Успокойся! — повторила Филиппа Эйльхарт. — Тебе этого не понять, да и понимать ни к чему. Я должна была так поступить. И не называй меня предательницей, потому что я поступила так ради дела гораздо более важного, чем ты можешь себе представить. Дела настолько важного, что, оказавшись перед необходимостью выбора, ради него приходится жертвовать делишками мелкими и менее значительными. Послушай, черт возьми, мы тут болтаем, а ты стоишь в луже крови. Успокойся и позволь мне и Шани заняться тобой.

— Она права! — крикнул Лютик. — Ты же ранен, черт побери! Тебя надо перевязать и сматываться отсюда! Лаяться будете потом!

— Ты и твое значительное дело... — Ведьмак, не обращая внимания на трубадура, неловко сделал шаг вперед. — Твое значительное дело, Филиппа, и твой выбор — это раненый, которого ты хладнокровно пырнула кинжалом, когда он уже сказал тебе все, что ты хотела знать, то, чего мне узнать было нельзя. Твое значительное дело — это Риенс, которому ты позволила сбежать, чтобы он случайно не назвал имени своего работодателя. Чтобы мог убивать. Твое

значительное дело — это трупы, которых не должно было быть. Прости, я неверно выразился. Не трупы, незначительные делишки! Мелкие!

— Я знала, что ты не поймешь.

— Не пойму, верно. Никогда. Но в чем дело — знаю. Ваши значительные, ваши великие дела, ваши войны, ваша борьба за спасение мира... Ваша цель, которая оправдывает средства... Прислушайся, Филиппа. Слышишь голоса, крики? Это коты дерутся за свои великие дела. За абсолютную власть над кучей отбросов. Это не шутки, там льется кровь и летят клочья шерсти. Там идет война. Но мне в высшей степени наплевать на все эти войны, кошачьи и твои.

— Тебе только так кажется, — прошипела чародейка. — Все это коснется и тебя, к тому же гораздо раньше, чем ты предполагаешь. Перед тобой необходимость и выбор. Ты впутался в Предназначение, дорогой мой, больше, чем полагал. Ты думал, будто взял под крыло ребенка, маленькую девочку. Ошибаешься. Ты приютил Пламя, от которого в любой момент может вспыхнуть мир. Наш мир. Твой, мой... И тебе придется выбирать. Как и мне. Как Трисс Меригольд. Как пришлось выбирать Йеннифэр. Ибо Йеннифэр уже выбрала. Твое Предназначение в ее руках, ведьмак. Ты сам отдал его в ее руки.

Ведьмак покачнулся. Шани крикнула, вырвалась из рук Лютика. Геральт жестом остановил ее, выпрямился, взглянул прямо в темные глаза Филиппы Эйльхарт.

— Мое Предназначение, — с трудом проговорил он. — Мой выбор. Я скажу тебе, Филиппа, что я выбрал. Я не позволю, чтобы вы впутали в свои грязные махинации Цири. Предупреждаю. Тот, кто посмеет нанести вред Цири, кончит так же, как эти четверо. Я не стану присягать или клясться. Мне не на чем присягать и нечем клясться. Я просто предупреждаю. Ты обвинила меня в том, что я скверный опекун, что не смогу защитить этого ребенка. Я буду защищать. Как умею. Буду убивать. Буду безжалостно убивать...

— Верю, — усмехнулась чародейка. — Верю — будешь. Но не сегодня, Геральт. Не сейчас. Потому что через минуту ты потеряешь сознание от потери крови. Шани, ты готова?

Никто не рождается чародеем. Мы по-прежнему слишком мало знаем о генетике и механизмах наследственности. Явно недостаточно времени и средств мы отдаем исследованиям. К сожалению, опыты по наследственной передаче магических способностей мы постоянно осуществляем методом, я бы так сказала, естественным. Последствия этих псевдоэкспериментов мы чересчур часто обнаруживаем в городских канавах и у стен храмов. Неоправданно много встречается пускающих слюни дебилок и кататоничек, делающих под себя пророков, вещуний, деревенских прорицательниц и чудотворцев, кретинов с мозгами, искалеченными унаследованной, необузданной Силой.

Эти дебилы и кретинки тоже могут давать потомство, передавать свои способности и продолжать вырождаться. Кто-нибудь в состоянии предвидеть, определить, как будет выглядеть последнее звено этой цепи?

Большинство из нас, чародеев, теряет способность к продолжению рода вследствие соматических изменений и функциональных нарушений гипофиза. Некоторым удается стать магиками, сохранив производительность гонад. Они могут зачинать и рожать и имеют наглость почитать это счастьем и благословением. А я повторяю: никто не рождается чародеем. И никто не должен им рождаться! Я осознаю значение своих слов, отвечаю на вопрос, поставленный на Большом Сборе в Цидарисе. Отвечаю со всей определенностью: каждая из нас должна решить, кем хочет быть — чародейкой или матерью.

Я требую стерилизовать всех адепток. Без исключения.

Тиссая де Врие. «Отравленный источник»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Что я вам скажу, — неожиданно проговорила Иоля Вторая, поставив корзинку с зерном на бедро. — Будет война. Так сказал княжеский эконом, когда приезжал за сырами.

— Война? — Цири откинула волосы со лба. — С кем? С Нильфгаардом?

— Я не расслышала, — призналась послушница. — Но эконом говорил, что наш князь получил приказ от самого короля Фольтеста, который рассылает грамоты, а на дорогах черным-черно от войска. Ой-ёй! Что будет?

— Если война, — сказала Эурнэйд, — то наверняка с Нильфгаардом. С кем же еще-то? Опять! О боги, это ужасно!

— А ты не перебрала с этой войной, Иоля? — Цири сыпанула зерна курам и цесаркам, толкущимся вокруг них непоседливой, говорливой кучкой. — Может, просто снова облава на скоя'таэлей?

— Мать Нэннеке о том же спросила эконома, — сообщила Иоля Вторая. — А эконом ответил, что нет, что на этот раз речь идет не о белках. Замки и крепости получили, кажется, приказы накапливать запасы продовольствия на случай осады. А ведь эльфы нападают в лесах, а не осаждают замки! Эконом спрашивал, может ли храм дать побольше сыров и других продуктов для ихних запасов. И еще требовал гусиных перьев. Им нужно много гусиных перьев, сказал. Для стрел. Чтобы стрелять из луков, понимаете! О

боги! У нас будет полно работы! Вот увидите! Работы будет по горлышко!

— Не у всех, — съязвила Эурнэйд. — Некоторые не замарают ручек. Некоторые в работе только два дня на неделе. Им, видите ли, некогда работать: они, понимаете ли, учатся чернокнижеским фокусам. А взаправду-то, наверно, бьют баклуши да бегают по парку и сшибают палкой траву. Ты знаешь, о ком я, Цири, верно?

— Цири, конечно, отправится на войну, — захохотала Иоля Вторая. — Она же вроде бы рыцарская дочка! Великая воительница со страшным мечом! Наконец-то сможет рубить головы вместо крапивы!

— Нет! Она могущественная чародейка! — сморщила носик Эурнэйд. — Она превратит всех врагов в полевых мышек. Цири! Покажи нам какое-нибудь страшное волшебство. Стань невидимой или сделай так, чтобы морковь выросла раньше срока. Или чтобы куры кормились сами. Ну не заставляй себя упрашивать! Крикни заклинание!

— Магия существует не для того, чтобы ее демонстрировать, — зло сказала Цири. — Магия — не ярмарочные фокусы.

— Конечно, конечно, — рассмеялись послушницы. — Не для этого. А, Иоля? Ну точно говорит не Цири, а эта баба-яга, Йеннифэр!

— Цири все больше начинает походить на нее, — бросила Иоля, презрительно потянув носом. — Даже пахнет так же. Ха, уж точно магические благовония, сделанные из поскрипа или амбры. Ты пользуешься магическими благовониями, Цири?

— Нет! Мылом! Тем, чем вы пользуетесь слишком редко!

— Ого! — поморщилась Эурнэйд. — Какая колючая, какая злая! А как надувается!

— Раньше она такой не была, — насупилась Иоля Вторая. — Стала такой, как только подружилась с той ведьмой. Спит вместе с ней, ест вместе с ней, ни шага от своей Йеннифэрихи не отступает. В храм на занятия почти совсем перестала ходить, а для нас у нее вообще уже ни минутки свободной нет!

— А нам приходится за нее всю работу выполнять! И на кухне, и в огороде! Глянь-ка, Иоля, какие у нее ручки. Прям как у принцессы!

— Так уж жизнь устроена, — пропела Цири. — У кого есть немного ума — тому книги. А у кого сумбур в голове — тому метла!

— А ты на метле только летаешь, да? Чародейка фигова!

— Глупая!

— Сама ты глупая!

— А вот и нет!

— А вот и да! Пошли, Иоля, не обращай на нее внимания. Чародейки — компания не для нас.

— Конечно! — крикнула Цири и бросила на землю корзинку с зерном. — Куры — вот ваша компания!

Послушницы, задрав носы, отошли, окруженные шумливой ватагой птиц.

Цири громко чертыхнулась, повторив любимое выражение Весемира, значение которого было ей не вполне ясно. Потом добавила еще несколько слов, услышанных от Ярпена Зигрина, значение которых было для нее вообще полнейшей загадкой. Пинком разогнала клунь, рванувшихся было к рассыпавшемуся зерну. Подняла корзинку, повертела в руках, а потом закружилась в ведьмачьем пируэте и кинула ее словно диск через камышовые крыши курятников. Развернулась на пятках и припустила через храмовый парк.

Бежала она легко, умело управляя дыханием. У каждого второго дерева проделывала ловкий полуоборот с прыжком, изображая удар мечом и сразу после этого выполняя выученный вольт и финт. Ловко перепрыгнула заборчик, уверенно и мягко опустилась на подогнутые ноги.

— Ярре! — Она задрала голову к оконцу, зияющему в каменной стене башни. — Ярре, ты там? Это я!

— Цири? — высунулся мальчик. — Ты что тут делаешь?

— К тебе можно?

— Сейчас? Хм... Ну пожалуйста. Прошу.

Она вихрем взмыла по лестнице, застав молодого послушника в тот момент, когда он, отвернувшись, поспешно

поправлял одежду и прикрывал одними пергаментами другие, лежащие на столе. Ярре пятерней прошелся по волосам, закашлялся и неловко поклонился. Цири засунула большие пальцы за поясок, тряхнула пепельной головкой.

— Что это за война такая, о которой все болтают? — выпалила она. — Хочу знать!

— Пожалуйста, присядь.

Она осмотрелась. В комнате стояло четыре больших стола, заваленных книгами и свитками. Стул был всего один. И тоже заваленный.

— Война? — буркнул Ярре. — Да, идут такие разговоры...Тебя это интересует? Тебя, дев... Не садись на стол, прошу, я только-только привел в порядок материалы... Сядь на стул. Сейчас, погоди, книги сниму... А госпожа Йеннифэр знает, что ты здесь?

— Нет.

— Хм... А мать Нэннеке?

Цири поморщилась. Она понимала, о чем речь. Шестнадцатилетний Ярре был воспитанником первосвященницы, которого она готовила в жрецы и хроникеры. Он жил в Элландере, где работал писарем в городском суде, но в храме Мелитэле бывал чаще, чем в городке, целыми днями, а порой и ночами изучая, переписывая и снабжая виньетками книги из храмовой библиотеки. Цири никогда не слышала этого от Нэннеке, но было известно, что первосвященница категорически не желала, чтобы Ярре крутился вокруг юных послушниц. И наоборот. Послушницы, однако же, то и дело поглядывали на паренька и шушукались, обсуждая предполагаемые возможности, которые предоставляло им частое присутствие на территории храма существа, носящего брюки. Цири страшно удивлялась, ибо, по ее мнению, Ярре являл собою полнейшее отрицание всего того, что, как ей казалось, могло считаться признаками интересного мужчины. В Цинтре, как она помнила, интересным считался мужчина, если доставал головой до бревенчатого потолка, рычал, как буйвол, и от него за тридцать шагов несло лошадью, потом и пивом независимо от времени суток. Мужчин, которые не соответствовали приве-

денному описанию, придворные дамы королевы Калантэ считали не заслуживающими вздохов и сплетен. Цири достаточно насмотрелась и на мужчин иного толка — умных и мягких друидов из Ангрена, степенных и хмурых поселенцев из Соддена, ведьмаков из Каэр Морхена. Ярре тоже был иным. Он был худ как палка, неуклюж, носил слишком просторную, заляпанную чернилами, пыльную одежду, у него были вечно жирные волосы, а на подбородке вместо щетины росло семь или восемь длинных волосков, половина которых торчала из большой бородавки. Цири действительно не понимала, что ее так влечет в башню Ярре. Она любила с ним беседовать, мальчик знал немало, от него можно было многому научиться. Но в последнее время, когда он смотрел на нее, его глаза становились какими-то рассеянными и маслянистыми.

— Ну, — нетерпеливо бросила она. — Скажешь наконец или нет?

— О чем говорить-то? Не будет никакой войны. Все это слухи.

— Ага! — фыркнула она. — Значит, князь рассылает гонцов исключительно ради забавы. Войска разгуливают по дорогам от скуки? Не крути, Ярре! Ты бываешь в городке и в замке, наверняка что-то знаешь!

— Почему ты не спросишь госпожу Йеннифэр?

— У госпожи Йеннифэр в голове дела посерьезнее, — фыркнула Цири, но тут же спохватилась, мило улыбнулась и затрепыхала ресницами. — Ох, Ярре, ну пожалуйста, скажи! Ты такой умный! Ты умеешь говорить так красиво и по-ученому, я могла бы слушать часами! Ну пожалуйста, Ярре!

Юноша покраснел, а глаза у него посмурнели еще больше. Цири украдкой вздохнула.

— Хм. — Ярре потоптался на месте, неуверенно пошевелил руками, явно не зная, что с ними делать. — Что я могу сказать? Верно, люди в городе болтают, их волнует то, что творится в Доль Ангре... Но войны не будет. Наверняка. Можешь мне поверить.

— Конечно, могу! — вздохнула она. — Но хотелось бы знать, откуда такая уверенность? В Совете князя, насколь-

ко мне известно, ты не заседаешь. А если вчера тебя назначили комесом, похвались. Я поздравлю.

— Я изучал исторические трактаты, — покраснел Ярре, — из них можно узнать больше, чем сидя в Совете. Я читал «Историю войн», написанную маркизом Пеллиграмом, «Стратегию» дюка де Руйтера, «Преимущества легкой реданской кавалерии» Бронибора... А в нынешней политической ситуации разбираюсь достаточно, чтобы сделать выводы по аналогии. Ты знаешь, что такое аналогия?

— Конечно, — солгала Цири, вытаскивая стебель травы из застежки ботинка.

— Если историю прежних войн, — мальчик уставился в потолок, — наложить на теперешнюю политическую географию, то легко понять, что мелкие пограничные инциденты, из тех, например, что были в Доль Ангре, случайны и не играют роли. Ты, изучая магию, знаешь, надеюсь, политическую географию?

Цири не ответила, задумчиво перебирая лежащие на столе пергаменты. Перевернула несколько страниц большой, оправленной в кожу книги.

— Оставь, не трогай, — заволновался Ярре. — Это ужасно ценное, уникальное произведение.

— Я не съем.

— У тебя грязные руки.

— Не грязнее твоих-то. Слушай, у тебя тут есть какие-нибудь карты?

— Есть, но они в сундуке, — быстро ответил юноша, однако, увидев гримасу Цири, вздохнул, сбросил с сундука свитки пергамента, поднял крышку, опустился на колени и начал копаться в содержимом. Цири, крутясь на стуле и размахивая ногами, продолжала листать книгу.

Между страниц вдруг выскользнул листок с картинкой, на которой была изображена женщина с завитыми в спиральные локоны волосами, совершенно нагая, страстно обнимающаяся с абсолютно голым бородатым мужчиной. Высунув язык, девочка долго крутила гравюру, не в состоянии сообразить, где верх, где низ. Наконец обнаружила самую существенную деталь картинки и расхохоталась. Ярре, по-

дойдя с огромным рулоном под мышкой, сильно покраснел, молча взял у нее гравюру и спрятал под покрывающие стол материалы.

— Страшно ценное и уникальное произведение, — съехидничала Цири. — Так вот какие аналогии ты изучаешь! И много там подобных картинок? Интересно, книга называется «Лечение и оздоровление». Хотела бы я знать, какие же болезни лечат таким способом?

— Ты умеешь читать Старшие Руны? — удивился мальчик, озабоченно покашливая. — Не знал.

— Ты еще много чего не знаешь, — задрала она нос. — Ты что думаешь? Я тебе не какая-то послушница, которая только и умеет, что кур щупать... Я — чародейка. Ну показывай свою карту!

Они опустились на колени, руками и ногами придерживая на полу непослушный лист, упорно стремящийся снова свернуться в рулон. Наконец Цири придавила один из углов ножкой стула, а Ярре прижал другой тяжелой книгой, носящей название «Жизнь и деяния великого короля Радовида».

— Хм... Какая-то нечеткая твоя карта! Никак не могу в ней разобраться... Где мы? Где Элландер?

— Здесь, — указал он пальцем. — Тут Темерия. Здесь Вызима, столица нашего короля Фольтеста. Здесь, в долине Понтара, лежит княжество Элландер. А тут... Да, вот тут наш храм.

— А это что за озеро? У нас нет тут никаких озер.

— Это не озеро. Это клякса от чернил.

— Ага... А здесь? Здесь Цинтра, да?

— Да. К югу от Заречья и Соддена. Вот здесь протекает река Яруга, впадающая в море как раз в Цинтре. Эта страна, не знаю, известно ли тебе, сейчас захвачена нильфгаардцами...

— Знаю, — обрезала она, сжимая кулаки. — Очень даже хорошо знаю. А где сам Нильфгаард? Не вижу я тут такой страны. Не уместилась на карте, что ли? Дай другую, побольше!

— Хм. — Ярре почесал бородавку на подбородке. — Таких карт у меня нет... Но я знаю, что Нильфгаард где-

то дальше, в южном направлении... Примерно вот там... Я думаю...

— Так далеко? — удивилась Цири, рассматривая то место на полу, на которое он указал. — Вон даже откуда заявились? А по пути завоевали другие страны?

— Да, верно. Завоевали Метинну, Мехт, Назаир, Эббинг, все королевства к югу от гор Амелл. Королевства эти, как и Цинтра и Верхний Содден, нильфгаардцы теперь называют провинциями. Но Нижний Содден, Вердэн и Бругге им захватить не удалось. Здесь, у Яруги, войска Четырех Королевств задержали их, победив в бою...

— Знаю, я учила историю. — Цири хлопнула по карте раскрытой ладонью. — Ну, Ярре, говори о войне. Мы ползаем по политической географии. Давай вытягивай выводы из аналогий и из чего только хочешь. Я слушаю.

Мальчик фыркнул, покраснел и принялся толковать, указывая на соответствующие районы концом гусиного пера.

— Сейчас границу между нами и захваченным Нильфгаардом Югом образует, как видишь, река Яруга. Это практически непреодолимая преграда. Она почти никогда не замерзает, а в дождливые поры несет столько воды, что разливается почти на целую версту вширь. На длинном участке, вот тут, она течет между обрывистыми, недоступными берегами, среди скал Махакама...

— Страны краснолюдов и гномов?

— Да. Поэтому форсировать Яругу можно вот здесь, в нижнем течении, в Соддене, и здесь, в среднем, в Доль Ангре...

— И как раз в Доль Ангре был тот ици... Ициндент?

— Инцидент. Не торопись. Я тебе как раз объясняю, что реку Яругу ни одна армия сейчас форсировать не в состоянии. Обе доступные долины, по которым извечно двигались армии, сильно укреплены и защищены как нами, так и Нильфгаардом. Взгляни на карту. Смотри, сколько тут крепостей. Заметь: вот Вердэн, вот Острова Скеллиге...

— А это что такое? Большое белое пятно?

Ярре пододвинулся ближе, она почувствовала тепло его коленки.

— Лес Брокилон. Это запретный район. Королевство лесных дриад. Брокилон тоже защищает наш фланг. Дриады не пропустят здесь никого, нильфгаардцев тоже.

— Хм... — Цири наклонилась над картой. — Это Аэдирн... И город Венгерберг... Ярре! Немедленно прекрати!

Мальчик быстро отдернул руку от ее волос и покраснел как пион.

— Я не желаю, чтобы ты так со мной...

— Цири, я...

— Я пришла к тебе по серьезному делу, как чародейка к ученому, — сказала она с прохладцей и достоинством, точно подражая тону Йеннифэр. — Так веди себя как следует!

Ученый смутился еще больше, а мина у него была такая глупая, что чародейка с трудом сдержала смех, снова склонившись к карте.

— Из всей твоей географии, — проговорила она, — ничего пока не ясно. Ты рассказываешь о реке Яруге, а ведь нильфгаардцы уже однажды переходили на другой берег. Что им помешает теперь?

— Тогда, — откашлялся Ярре, смахивая со лба обильный пот, — против них выступили только Бругге, Содден и Темерия. Сейчас мы объединились в союз. Как в битве под Содденом. Четыре Королевства. Темерия, Редания, Аэдирн и Каэдвен...

— Каэдвен... — важно сказала Цири. — Да, знаю, в чем этот союз состоит. Король Хенсельт из Каэдвена оказывает секретную специальную помощь королю Демавенду из Аэдирна. Эту помощь он возит в бочках. А когда король Демавенд подозревает, что кто-то оказывается предателем, он загружает в бочки камни. Устраивает ловушки...

Тут она осеклась, вспомнив, что Геральт запретил ей рассказывать о событиях в Каэдвене. Ярре подозрительно взглянул на нее.

— Правда? А откуда ты все это знаешь?

— Читала в книге маршала Пэликана, — фыркнула она, — и в других... аналогиях. Рассказывай, что случилось в Доль Ангре, или как там она называется. А сначала покажи, где это.

— Здесь. Доль Ангра — это широкая долина, дорога, ведущая с Юга к королевствам Лирии и Ривии, в Аэдирн, а дальше — в Доль Блатанна и Каэдвен... А через Долину Понтара — к нам, в Темерию.

— И что там случилось?

— Начались бои. Кажется. Я мало об этом знаю. Но так говорили в замке.

— Если начались бои, — нахмурилась Цири, — значит, идет война! Так что ты мне тут плетешь?

— Не впервой дело доходит до стычек, — пояснил Ярре, но девочка видела, что уверенность его понемногу идет на убыль. — На границе очень часто случаются инциденты. Но они не имеют значения.

— Это почему же?

— Равновесие сил. Ни мы, ни нильфгаардцы ничего не можем сделать. Ни одна сторона не может дать противнику повод к войне. Понимаешь? Поэтому вооруженные инциденты в Доль Ангре — наверняка случайные события, скорее всего разбойничьи нападения или столкновения с контрабандистами... Это ни в коем случае не могут быть действия регулярных войск, ни наших, ни нильфгаардских... Потому что это-то как раз и был бы такой повод.

— Ага. Слушай, Ярре, а скажи-ка мне... — Она осеклась. Подняла голову, быстро тронула пальцами висок, поморщилась. — Мне надо идти. Госпожа Йеннифэр вызывает.

— Ты можешь ее слышать? — заинтересовался мальчик. — На расстоянии? Каким образом...

— Мне надо идти, — повторила она, вставая и отряхивая с коленей пыль. — Послушай, Ярре. Мы с госпожой Йеннифэр выезжаем по очень важным делам. Не знаю, когда вернемся. Предупреждаю, речь идет о секретах, касающихся исключительно чародеек, поэтому не задавай вопросов.

Ярре тоже встал. Поправил одежду, но, как и раньше, не знал, куда девать руки. Глаза у него стали безобразно маслеными.

— Цири...

— Что?

— Я... я...

— Не знаю, о чем ты, — нетерпеливо сказала она, таращa на него свои огромные изумрудные глаза. — Ты тоже явно не знаешь. Я пошла. Бывай, Ярре.

— До свидания, Цири. Счастливого пути. Я буду... Я буду о тебе думать...

Цири вздохнула.

— Я здесь, госпожа Йеннифэр.

Цири влетела в комнату словно снаряд, пущенный из катапульты. Дверь, отворившаяся от удара, стукнулась о стену. О стоявший на пути табурет вполне можно было поломать ноги, но девочка ловко перепрыгнула через него, завертелась в грациозном пируэте и, рубанув воздух несуществующим мечом, радостно рассмеялась удачному выпаду.

Несмотря на то что бежала она очень быстро, дыхание было в полной норме.

— Я здесь!

— Наконец-то! Раздевайся — и в бадью! Живо!

Чародейка не оглянулась, не отрываясь от стола, следя за отражением девочки в зеркале. Медленными движениями она расчесывала свои влажные черные локоны, распрямляющиеся под нажимом гребня, но тут же снова свертывающиеся в блестящие кольца.

Девочка мгновенно расстегнула застежки ботинок, скинула обувь, сбросила одежду и с плеском прыгнула в бадью. Схватив мыло, принялась энергично намыливать предплечья.

Йеннифэр сидела неподвижно, глядя в окно и поигрывая гребнем. Цири фыркала, отдувалась, булькала и плевалась всякий раз, когда мыльная пена попадала ей в рот. Тряхнула головой, размышляя, существует ли такое заклинание, которое позволяло бы мыться, не используя воды, мыла и не теряя напрасно времени.

Чародейка отложила гребень, но по-прежнему задумчиво глядела в окно на тучи ворон, с непрекращающимся карканьем летевших на восток. На столе рядом с зеркалом и солидной батареей флаконов с притираниями и косметикой лежало несколько писем. Цири знала, что Йеннифэр

ожидала их давно и от них зависелю, когда они покинут храм. Вопреки тому, что девочка сказала Ярре, она понятия не имела, куда и зачем они едут. А в этих письмах...

Для отвода глаз шлепая по воде левой рукой, она сложила пальцы правой в Знак, сконцентрировалась на формуле, уставилась на письма и выслала импульс.

— И не думай, не мечтай, — сказала Йеннифэр, не поворачиваясь.

— Я думала... — кашлянула девочка. — Я думала, одно из них от Геральта...

— Было б от Геральта, дала бы почитать. — Чародейка развернулась на стуле к ней лицом. — Долго ты еще намерена мылиться?

— Уже кончила.

— Пожалуйста, встань.

Цири встала. Йеннифэр слабо улыбнулась.

— Да. Детство кончилось. Ты округлилась где следует. Опусти руки. Твои локти меня не интересуют. Ну, ну, без фокусов, без ложного стыда. Это твое тело, самая естественная вещь под солнцем. То, что ты созреваешь, тоже вполне естественно. Если б твоя судьба сложилась иначе... Если б не война, ты уже давно была бы женой какого-нибудь князя или принца. Ты это понимаешь, верно? О проблемах, касающихся пола, мы беседовали достаточно часто и довольно подробно, чтоб ты поняла, что ты уже женщина. Физиологически, разумеется. Надеюсь, ты не забыла, о чем мы беседовали?

— Нет. Не забыла.

— Надеюсь также, что при посещениях Ярре тебя память тоже не подводит?

Цири опустила глаза, но только на мгновение. Йеннифэр не улыбалась.

— Оботрись и иди сюда, ко мне, — сказала она холодно. — Пожалуйста, не хлюпай.

Обернувшись полотенцем, Цири присела на табурет у коленей чародейки. Йеннифэр расчесывала ей волосы, время от времени срезая ножницами какую-нибудь непослушную прядку.

— Ты на меня сердишься? — неуверенно спросила девочка. — За то, что... я была в башне?

— Нет. Но Нэннеке этого не любит. Ты же знаешь.

— Но ведь я ничего... Этот Ярре меня вообще не интересует. — Цири слегка зарумянилась. — Я только...

— Именно, — проворчала чародейка. — Ты только. Не строй из себя дитятко, ты уже не ребенок, напоминаю. Мальчик, видя тебя, распускает слюни и начинает заикаться. Разве не видишь?

— Я не виновата. Что же мне делать?

Йеннифэр перестала ее расчесывать, взглянула на девочку глубоким фиалковым взглядом.

— Не играй им. Это нехорошо.

— Я вовсе и не играю! Просто разговариваю!

— Хотелось бы верить, — чародейка щелкнула ножничками, подрезая очередную прядку, которая никак не желала лечь как надо, — что во время ваших бесед ты помнишь о моей просьбе!

— Помню, помню!

— Ярре — умный и толковый паренек. Одно-два неосторожных слова могут навести его на верный путь, на проблемы, о которых ему знать не положено. О которых вообще никто знать не должен. Никто, абсолютно никто не должен догадаться, кто ты.

— Я помню, — повторила Цири. — Никому ни словечка не сказала, успокойся. Скажи, поэтому мы так спешим уехать? Ты боишься, что кто-то мог узнать, что я здесь? Поэтому?

— Нет. По другим причинам.

— Потому... что может быть война? Все говорят о новой войне! Все об этом говорят, госпожа Йеннифэр.

— Верно, — холодно подтвердила чародейка, щелкая ножницами над ухом Цири. — Это тема из числа так называемых вечных. О войнах говорили, говорят и будут говорить. И не без причин — войны были и будут. Наклони голову.

— Ярре сказал, что войны с Нильфгаардом не будет. Рассказывал о каких-то аналогиях... Показывал карту. Я уже

и сама не знаю, что об этом думать. Не знаю, что такое эти аналогии, наверно, что-то ужасненько мудреное... Ярре читает разные ученые книги и умничает, но я думаю...

— Интересно было бы узнать, что ты думаешь.

— В Цинтре... Тогда... Госпожа Йеннифэр, моя бабушка была гораздо умнее Ярре. Король Эйст тоже был умный, плавал по морям, видел все, даже нарвала и морского змея, поспорю, что и аналогию видел не раз. Ну и что? Неожиданно пришли они, нильфгаардцы...

Цири подняла голову, голос у нее сорвался. Йеннифэр обняла ее, крепко прижала к себе.

— Увы, — сказала она. — Увы, ты права, утенок. Если б умение пользоваться опытом и делать выводы помогало, все давно бы забыли, что такое война. Но тех, кто жаждет войны, никогда не сдерживали и не сдержат ни опыт, ни аналогии.

— Значит, все-таки... Значит, правда. Война будет. Поэтому нам надо уезжать?

— Не будем об этом. Не нервничай раньше времени.

Цири потянула носом.

— Я уже видела войну, — шепнула она. — И не хочу ее больше видеть. Никогда. Не хочу опять оставаться одна. Не хочу бояться. Не хочу снова потерять все, как тогда. Не хочу потерять Геральта... и тебя, госпожа Йеннифэр. Не хочу тебя потерять. Хочу быть с тобой. И с ним. Всегда.

— Будешь. — Голос чародейки слегка дрогнул. — И я буду с тобой, Цири. Всегда. Обещаю.

Цири снова засопела. Йеннифэр тихо кашлянула, отложила ножницы и гребень, встала, подошла к окну. Воронье продолжало каркать, направляясь к горам.

— Когда я сюда приехала, — заговорила вдруг чародейка своим обычным звучным, слегка насмешливым голосом, — когда мы встретились впервые... ты не любила меня.

Цири молчала.

«Наша первая встреча, — подумала она. — Помню. Я была с другими девочками в Гроте. Зарычка показывала нам растения и травы. Тут вошла Иоля Первая, что-то шепнула Зарычке на ухо. Монахиня поморщилась. А Иоля Первая

подошла ко мне со странным выражением на лице. Собирайся, Цири, сказала, иди быстро в трапезную. Мать Нэннеке вызывает. Кто-то приехал.

Странные, многозначительные взгляды, волнение в глазах. И шепот. Йеннифэр. Чародейка Йеннифэр. Скорее, Цири, поторопись. Мать Нэннеке ждет. И она ждет тоже, чародейка.

Я тогда с первого мгновения знала, — подумала Цири, — что это она. Потому что я видела ее. Видела предыдущей ночью. В моем сне.

Она.

Тогда я не знала, как ее зовут. В моем сне она молчала. Только глядела на меня, а за ней во тьме я видела закрытые двери...»

Цири вздохнула. Йеннифэр повернулась, обсидиановая звезда на ее шее заискрилась тысячами бликов.

— Ты права, — серьезно согласилась девочка, глядя прямо в фиалковые глаза чародейки. — Я тебя не любила.

— Цири, — сказала Нэннеке, — подойди к нам. Это госпожа Йеннифэр из Венгерберга, магистр магии. Не бойся. Госпожа Йеннифэр знает, кто ты. Ей можно доверять.

Девочка поклонилась, сложив руки полным уважения жестом. Чародейка, шурша черным платьем, подошла, взяла ее за подбородок, достаточно бесцеремонно подняла голову, повернула влево, вправо. Цири почувствовала злость и нарастающий бунт — она не привыкла, чтобы с ней так обращались. И в то же время ощутила укол обжигающей зависти. Йеннифэр была очень красива. По сравнению с нежной, бледной и вообще-то распространенной внешностью монахинь и послушниц, которых Цири видела ежедневно, чародейка блистала светской, прямо-таки вызывающей красотой, подчеркнутой каждой деталью. Ее локоны цвета воронова крыла, каскадом ниспадающие на плечи, блестели, отражая свет, почти как павлиньи перья, извивались и волновались при каждом движении. Цири вдруг устыдилась своих исцарапанных локтей, шершавых рук, поломанных ногтей, волос, сбившихся в серые сосульки.

Неожиданно ей невероятно захотелось, чтобы у нее было все то, что было у Йеннифэр, — прекрасная длинная шея, а на ней прелестная черная бархотка и изумительно искрящаяся звезда. Ровные, подчеркнутые угольком брови и длинные ресницы. Гордые губы. И две округлости под черной тканью и белыми кружевами, вздымающиеся при каждом вздохе.

— Так вот она, знаменитая Неожиданность. — Чародейка слегка скривила губы. — Посмотри-ка мне в глаза, девочка.

Цири вздрогнула и втянула голову в плечи. Нет, в одном она не завидовала Йеннифэр, одного предпочитала бы не иметь и даже не видеть. Этих глаз, фиолетовых, глубоких как бездонные озера, странно блестящих, бесстрастных и злых. Страшных.

Чародейка повернулась к первосвященнице. Звезда на ее шее загорелась отражениями солнца, проникающего в окна трапезной.

— Да, Нэннеке, — сказала она. — Несомненно. Достаточно взглянуть в эти зеленые глаза, чтобы понять, что в ней что-то есть. Высокий лоб, правильные дуги бровей, красиво расставленные глаза. Тонкие крылья носа. Длинные пальцы. Редкий цвет волос. Определенно кровь эльфов, хотя этой крови в ней немного. Прадед или прабабка — эльфы. Я угадала?

— Я не знаю ее родословной, — спокойно ответила первосвященница. — Меня это не интересовало.

— Высокая для своих лет, — продолжала чародейка, по-прежнему оценивая Цири взглядом. Девочка закипала от злости и возбуждения, боролась с непреодолимым желанием вызывающе крикнуть, взорваться сколько есть силы в легких, затопать ногами и убежать в парк, свалив по дороге вазу со стола и хлопнув дверью так, чтобы известка посыпалась с потолка.

— Неплохо развита. — Йеннифэр не спускала с нее глаз. — Она перенесла в детстве какие-нибудь заразные болезни? Вероятно, ты ее об этом тоже не спрашивала. У тебя — не болела?

— Нет.

— Мигрени? Обмороки? Склонность к простуде? Менструальные боли?

— Нет. Только сны.

— Знаю. — Йеннифэр откинула волосы со щеки. — Он писал. Из его письма следует, что в Каэр Морхене с ней не проводили никаких... экспериментов. Хотелось бы верить, что это так.

— Это правда. Ей давали только натуральные стимуляторы.

— Стимуляторы никогда не бывают натуральными! — повысила голос чародейка. — Никогда! Именно стимуляторы и могли усилить у нее проявления... Холера, не думала, что он мог быть настолько безответственным!

— Успокойся. — Нэннеке взглянула на Йеннифэр холодно и как-то на удивление неуважительно. — Я сказала, это были натуральные, совершенно безвредные снадобья. Прости, дорогая, но в этом я разбираюсь лучше тебя. Конечно, для тебя существует только один-единственный авторитет — ты сама, но в данном случае я вынуждена тебя разочаровать. И давай больше к этому не возвращаться.

— Как хочешь. — Йеннифэр поджала губы. — Ну пошли, девочка. Времени у нас немного, грешно растрачивать его впустую.

Цири с трудом сдержала дрожь в руках, сглотнула, вопросительно взглянула на Нэннеке. У первосвященницы было серьезное и вроде бы опечаленное лицо, а улыбка, которой она ответила на немой вопрос, была очень искусственной.

— Сейчас ты пойдешь с госпожой Йеннифэр, — сказала она. — Некоторое время госпожа Йеннифэр будет тобой руководить.

Цири, стиснув зубы, опустила голову.

— Ты наверняка удивлена, — продолжала Нэннеке, — что тебя вдруг берет под свою опеку магистр магии. Но ты умная девочка, Цири. Догадываешься, в чем причина. Ты унаследовала от предков некоторые... свойства. Знаешь, о чем я. Ты приходила ко мне после тех снов, после ночных тревог в опочивальне. Я не могла тебе помочь. Но госпожа Йеннифэр...

— Госпожа Йеннифэр, — прервала чародейка, — сделает все, что надо. Пошли, девочка.

— Иди! — кивнула Нэннеке, тщетно пытаясь придать улыбке хотя бы видимость натуральности. — Иди, дитя мое. Помни, такой опекун, как госпожа Йеннифэр, — огромная честь. Не опозорь храм и нас, твоих учителей. И будь послушна.

«Сбегу сегодня же ночью, — решила Цири. — Обратно, в Каэр Морхен. Уведу коня из конюшни, и только меня и видели. Сбегу!»

— Размечталась, — вполголоса сказала чародейка.

— Что? — подняла голову жрица. — Что ты сказала?

— Ничего, ничего, — улыбнулась Йеннифэр. — Тебе показалось. А может, показалось мне? Глянь-ка на свою подопечную, Нэннеке. Злая как кошка. Искры из глаз, того и гляди зашипит, а если б умела, наверняка и уши прижала. Ведьмачка! Придется как следует взять ее за шиворот, подпилить коготки!

— Будь снисходительной. — Черты лица первосвященницы ожесточились. — Пожалуйста, прояви к ней снисходительность и сердечность. Она действительно вовсе не та, за кого ты ее принимаешь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она тебе не соперница, Йеннифэр.

Несколько секунд они мерили друг друга взглядами, чародейка и жрица, а Цири почувствовала, как дрожит воздух и какая-то удивительная, страшная Сила застывает между ними. Так продолжалось долю секунды, потом Сила исчезла, а Йеннифэр рассмеялась, свободно и звонко.

— Я забыла, — сказала она, — ты всегда принимаешь его сторону, а, Нэннеке? Всегда полна забот о нем. Как мать, которой у него никогда не было.

— А ты всегда против него, — зло усмехнулась жрица. — Как всегда, одаряешь его сильным чувством. И изо всех сил стараешься не наживать этих чувств. Не называть их настоящим именем.

Цири снова почувствовала нарастающую где-то внизу живота ярость, пульсирующее в висках упрямство и бунт.

Вспомнила, сколько раз и при каких обстоятельствах она слышала это имя — Йеннифэр. Имя, которое пробуждало беспокойство, имя, которое было символом какой-то грозной тайны. Она догадывалась, что это за тайна.

«Разговаривают при мне открыто, не смущаясь, — подумала она, чувствуя, как руки снова начинают дрожать от злости. — Совершенно со мной не считаются. Вообще не обращают на меня внимания. Словно я ребенок. Разговаривают о Геральте при мне, в моем присутствии, а ведь этого делать нельзя, потому что я... Я...

Кто я?»

— А ты, Нэннеке, — возразила чародейка, — как всегда, любишь анализировать чужие чувства и, словно этого мало, еще и интерпретировать по собственному усмотрению!

— И сую нос в чужие дела?

— Я не хотела этого сказать. — Йеннифэр тряхнула черными локонами, а локоны сверкнули и свернулись змеями. — Благодарю, что ты сделала это за меня. А теперь давай сменим тему. Потому что глупее этой не сыскать. Даже стыдно перед нашей юной послушницей. Что же касается снисходительности, о которой ты меня просишь... Я буду снисходительной. Вот с сердечностью могут возникнуть сложности, ведь все полагают, что у меня такого органа нет. Ну да ладно, как-нибудь управимся. Верно, Неожиданность?

Она улыбнулась Цири, а Цири, наперекор себе, наперекор злости и раздражению, вынуждена была ответить улыбкой. Потому что улыбка чародейки оказалась неожиданно милой, доброжелательной и... сердечной. И очень красивой.

Цири выслушала речь Йеннифэр, демонстративно отвернувшись спиной и прикидываясь, будто все ее внимание поглощает шмель, гудящий в цветке одной из растущих у стены храма мальв.

— Никто меня об этом не спрашивал, — буркнула она.

— О чем не спрашивал?

Цири развернулась в полупируэте, зло ударила кулаком по мальве. Шмель улетел с раздраженным гудением.

— Никто меня не спрашивал, хочу ли я, чтобы ты меня учила!

Йеннифэр подбоченилась, сверкнула глазами и прошипела:

— Какое совпадение. Представь себе, меня тоже никто не спрашивал, хочу ли я тебя учить. Впрочем, желание тут ни при чем. Я не беру в ученики кого попало, а ты, вопреки всему, еще можешь оказаться именно «кем попало». Меня попросили проверить, что ты такое. Посмотреть, что в тебе сидит и как с тобой обстоят дела. А я, хоть и без особого желания, согласилась.

— Но я-то еще не согласилась!

Чародейка подняла руку, шевельнула пальцами. Цири почувствовала, как заколотилось в висках, а в ушах зашумело, как бывает, когда заглатываешь слюну, но гораздо сильнее. Почувствовала сонливость и обессиливающую слабость, утомление, из-за которого немеет шея, становятся ватными ноги.

Йеннифэр опустила руку, и все эти странности мгновенно прекратились.

— Послушай меня внимательно, Неожиданность, — сказала она. — Я запросто могу тебя заворожить, загипнотизировать или погрузить в транс. Могу парализовать, силой напоить эликсиром, раздеть донага, положить на стол и изучать несколько часов, с перерывами на обед, а ты будешь лежать и пялиться в потолок, не в состоянии пошевелить даже глазными яблоками. Я поступила бы так с любой соплячкой. С тобой не хочу, так как за версту видно, что ты девочка разумная и гордая, с характером. Я не хочу ни тебя, ни себя ставить в неловкое положение перед Геральтом. Потому что это он просил меня изучить твои способности. Помочь разобраться в них.

— Он просил тебя? Зачем? Он мне не говорил! Даже и не спрашивал...

— Ты упрямо твердишь одно по одному, — прервала чародейка. — Никто у тебя твоего мнения не спрашивал, никто не потрудился узнать, чего ты хочешь, чего не хочешь. Неужели тебе надо, чтобы тебя считали строптивой,

упрямой малявкой, которой не стоит задавать таких вопросов? Но я все же рискну, задам вопрос, которого никто не задавал. Ты согласна на испытания?

— А что это будет? Что за испытания? И зачем...

— Я тебе уже объясняла. Если ты не поняла... Я не намерена отшлифовывать твои способности к восприятию или работать над повышением интеллекта. Мне одинаково легко испытывать и умную, и глупую.

— Я не глупая! Я все поняла!

— Тем лучше.

— Но я не гожусь в волшебницы! У меня нет никаких способностей. Я никогда не стану и не хочу быть чародейкой! Я предназначена Ге... Я предназначена быть ведьмачкой! Я приехала сюда ненадолго. Скоро вернусь в Каэр Морхен...

— Ты упорно таращишься на мое декольте, — холодно сказала Йеннифэр, щуря фиалковые глаза. — Видишь там что-то необычное, особенное, или в тебе говорит простая зависть?

— Звезда... — буркнула Цири. — Из чего она? Эти камушки шевелятся и так странно светятся...

— Пульсируют, — усмехнулась чародейка. — Это активные бриллианты, вплавленные в обсидиан. Хочешь взглянуть поближе? Прикоснуться?

— Да... Нет! — Цири попятилась, зло тряхнула головой, стараясь отогнать легкий аромат сирени и крыжовника, идущий от Йеннифэр. — Не хочу! Зачем мне? Это меня не интересует! Ни чуточки! Я — ведьмачка! У меня нет никаких способностей к магии! Я не гожусь в чародейки, это, кажется, ясно, потому что я... А вообще...

Чародейка присела на стоявшую у стены каменную скамейку и принялась сосредоточенно обстригать ногти.

— ... а вообще, — докончила Цири, — мне надо подумать.

— Иди сюда. Сядь.

— Мне нужно время, чтобы подумать, — неуверенно повторила Цири, присаживаясь рядом.

— Правильно. — Йеннифэр кивнула, продолжая заниматься ногтями. — Дело серьезное. Требует раздумий.

Некоторое время обе молчали. Прогуливающиеся по парку послушницы с любопытством посматривали на них, перешептывались, хихикали.

— Ну?

— Что... ну?

— Надумала?

Цири вскочила, фыркнула, топнула ножкой.

— Я... я... — засопела она, не в состоянии дыхнуть от ярости. — Насмехаешься? Мне нужно время! Я должна подумать! Дольше! Весь день... И ночь!

Йеннифэр посмотрела ей в глаза, и Цири скуксилась под ее взглядом.

— Мудрость гласит, — медленно проговорила чародейка, — что утро вечера мудренее. Но в твоем случае, Неожиданность, ночь может принести лишь очередной кошмар. Ты снова проснешься от крика и боли, вся в поту, снова будешь бояться, бояться того, что видела, бояться того, чего не сумеешь припомнить. И в эту ночь сон уже не вернется. Будет ужас. До самого рассвета. До утра.

Девочка задрожала, опустила голову.

— Поверь мне, Неожиданность. — Голос Йеннифэр чуточку изменился.

Рука чародейки была теплой. Черный бархат так и манил прикоснуться к нему. Аромат сирени и крыжовника приятно щекотал ноздри. Объятие успокаивало и заставляло расслабиться, смягчало возбуждение, приглушало злобу и бунт.

— Ты поддашься испытаниям, Неожиданность.

— Поддамся, — ответила Цири, понимая, что отвечать не было нужды. Потому что это вовсе не было вопросом.

— Я уже ничегошеньки не понимаю, — сказала Цири. — То ты говоришь, что у меня есть способности, потому что я вижу эти сны. То собираешься устраивать опыты и проверки... Так как же? Есть у меня способности или нет?

— На этот вопрос ответят испытания.

— Испытания, испытания, — скривилась Цири. — Нет у меня никаких способностей, говорю тебе. Если б были, я,

надо думать, знала бы? Разве не так? Но... А если, ну совсем случайно, такие способности есть, то что?

— Существует две возможности, — равнодушно проговорила чародейка, раскрывая окно. — Их потребуется либо погасить, либо научить тебя управлять ими. Если ты обладаешь способностями и захочешь научиться, я попробую дать тебе немного элементарных знаний о магии.

— Что значит «элементарных»?

— Основных.

Они были одни в большой, расположенной рядом с библиотекой комнате, которую Нэннеке выделила чародейке в боковом нежилом крыле здания. Цири знала, что эту комнату обычно занимают гости. Знала, что Геральт, навещая храм, всякий раз жил именно здесь.

— Ты захочешь меня учить? — Цири присела на кровати, провела рукой по бархатному покрывалу. — Забрать отсюда, да? Никуда я с тобой не поеду!

— Значит, уеду одна, — холодно сказала Йеннифэр, развязывая ремни вьюков. — И ручаюсь, скучать не буду. Я ведь говорила, учить тебя стану только в том случае, если ты сама того захочешь. И могу делать это здесь, на месте.

— И долго ты собираешься меня... учить?

— Покуда будешь хотеть. — Чародейка наклонилась, раскрыла шкафчик, вытащила оттуда старую кожаную сумку, ремень, два отороченных мехом ботинка и глиняную, в ивовой оплетке, бутыль. Цири услышала, как она чертыхается под нос, одновременно усмехаясь, увидела, как снова убирает находки в шкафчик, и догадалась, кому они принадлежали. Кто их там оставил.

— Что значит — покуда буду хотеть? — спросила Цири. — Если мне наскучит или не понравится твоя наука...

— Тогда покончим с учебой. Достаточно, чтобы ты сказала. Или показала.

— Показала? Как?

— Если мы решимся на обучение, я потребую от тебя абсолютного послушания. Повторяю: абсолютного. Поэтому, если тебе учеба опостылеет, достаточно будет проявить непослушание. Тогда обучение незамедлительно прекратится. Ясно?

Цири кивнула, глянула на чародейку зеленым глазом.

— Во-вторых, — продолжала Йеннифэр, распаковывая баулы, — я потребую абсолютной искренности. Ты не должна от меня ничего скрывать. Ничего. Если же почувствуешь, что с тебя довольно, достаточно солгать, притвориться или замкнуться в себе. Если я о чем-то спрошу, а ты не ответишь искренне, это также будет означать немедленное окончание учебы. Ты меня поняла?

— Да, — проворчала Цири. — Но эта... искренность... Она... обязательна для обеих? Я смогу... задавать вопросы тебе?

Йеннифэр глянула на нее, и ее губы сложились в странную гримасу.

— Конечно, — немного помолчав, ответила она. — Само собой разумеется. На этом будет основываться учеба и опека. Искренность обязательна для обеих. Можешь спрашивать в любой момент. Я отвечу. Честно.

— На любой вопрос?

— На любой.

— С этой минуты?

— С этой минуты.

— Что... между тобой и Геральтом, госпожа Йеннифэр?

Цири чуть не потеряла сознание от собственной наглости, похолодела от тишины, наступившей после ее вопроса.

— Грусть, — ответила чародейка серьезно. — Тоска. Обида. Сожаление. Надежда. И страх. Да, похоже, я ничего не упустила. Ну теперь уж можно приступать к испытаниям, маленькая зеленоглазая змейка. Проверим, годишься ли ты. Хотя после твоего вопроса я очень бы удивилась, если б оказалось, что нет. Пошли, утенок.

— Почему ты меня так называешь? — нахохлилась Цири.

Йеннифэр усмехнулась уголками губ.

— Есть такая сказочка. О гадком утенке. Я обещала тебе быть откровенной.

Цири выпрямилась, возбужденная, нетерпеливо завертелась на стуле, жестком и натирающем попку после многих часов сидения.

— Ничего из этого не получится! — проворчала она, вытирая о стол испачканные угольком пальцы. — Ну ничего же... ничего у меня не выходит! Не гожусь я в волшебницы! Я знала с самого начала, но ты не хотела меня слушать. Вообще не обращала внимания!

Йеннифэр подняла брови.

— Не хотела слушать, говоришь? Интересно. Обычно я обращаю внимание на каждое произнесенное в моем присутствии слово и запоминаю его. Условие одно — в этом слове должна быть хоть крупица смысла.

— Все ехидничаешь. — Цири скрипнула зубами. — А я просто хотела сказать... Ну, об этих способностях. Понимаешь, там, в Каэр Морхене, в горах... Я не умела делать ни одного ведьмачьего Знака. Ни единого!

— Знаю.

— Знаешь?

— Знаю. Но это ни о чем не говорит.

— То есть? Но... Но это еще не все!

— Ну, ну...

— Я не гожусь. Ты что, не понимаешь? Я... слишком молодая.

— Я была моложе, когда начинала.

— Но, наверно, не была...

— О чем это ты, девочка? Перестань заикаться! Хотя бы одну полную фразу сказать можешь? Прошу тебя. Очень.

— Потому что... — Цири опустила голову, покраснела. — Потому что Иоля, Мирра, Эурнэйд и Катье, когда мы обедали, смеялись надо мной и сказали, что чары ко мне не пристают и я не научусь никакой магии, потому что... потому что... я девица, то есть... это значит...

— Представь себе, я знаю, что это значит... — прервала ее чародейка. — Возможно, ты снова подумаешь, что я, как ты выразилась, ехидничаю, но я с сожалением отмечаю: ты плетешь чепуху. Продолжим испытания.

— Я — девица! — задиристо повторила Цири. — Зачем мне твои испытания? Девицы не могут... ну... волшебничать... волшебствовать...

— Да! Положение безвыходное. — Йеннифэр откинулась на спинку стула. — Иди и потеряй девичество, если оно тебе так мешает. Я подожду. Но поспеши, если можешь.

— Смеешься?

— Ты заметила? — Чародейка сладко улыбнулась. — Поздравляю. Предварительное испытание на сообразительность ты выдержала. А теперь — испытание настоящее. Сосредоточься. Взгляни: на этой картинке нарисованы четыре сосенки с разным количеством веток. Нарисуй пятую, такую, которая соответствует этим четырем и стоит на этом пустом месте.

— Сосенки глупые, — вынесла свой приговор Цири, высовывая язык и рисуя угольком довольно худосочное деревце. — И скучные! Не понимаю, что общего у сосенок с магией? А? Госпожа Йеннифэр? Ты обещала отвечать на мои вопросы.

— Увы, — вздохнула чародейка, поднимая листок и критически рассматривая рисунок. — Похоже, придется пожалеть о своем обещании. Что общего у сосенок с магией? Ничего. Но нарисовала ты правильно и в срок. Нет, серьезно, для девицы очень даже хорошо.

— Опять смеешься?

— Нет. Я редко смеюсь. Нужен по-настоящему существенный повод, чтобы заставить меня смеяться. Сосредоточься на новом листке, Неожиданность. На нем нарисованы ряды из звездочек, колечек, крестиков и треугольников, в каждом ряду другое количество каждого из элементов. Подумай и ответь: сколько звездочек должно быть в последнем ряду?

— Звездочки глупые!

— Девочка! Сколько?

— Три!

Йеннифэр долго молчала, уставившись в только ей известную деталь на резных дверцах шкафчика. Зловредная ухмылочка начала понемногу сползать с губ Цири и наконец исчезла совершенно. Без следа.

— Тебя, наверно, интересовало, — очень медленно проговорила чародейка, не переставая любоваться шкафом, —

что произойдет, если ты дашь бессмысленный и глупый ответ. Вероятно, решила, что я этого не замечу, так как твои ответы, дескать, меня вовсе и не интересуют? Напрасно! Или ты думала, что я молча соглашусь с тем, что ты неумная? Тоже напрасно! А может, тебе надоели испытания и ты для интереса решила испытать меня... Считаешь, удалось? Как бы там ни было, это испытание окончено. Отдай листок.

— Прости, госпожа Йеннифэр. — Девочка опустила голову. — Там, конечно, должна быть... одна звездочка. Прости, пожалуйста. Пожалуйста, не злись.

— Посмотри на меня, Цири.

Цири удивленно подняла глаза. Чародейка впервые назвала ее по имени.

— Цири, — сказала Йеннифэр. — Запомни, я, вопреки всему, злюсь так же редко, как и смеюсь. Ты меня не разозлила. Но, извинившись, доказала, что я в тебе не ошиблась. А теперь возьми следующий листок. Видишь, на нем пять домиков? Нарисуй шестой...

— Опять? Но я действительно не понимаю, зачем...

— ...шестой домик. — Голос чародейки опасно изменился, а глаза полыхнули фиолетовым огнем. — Здесь, на пустом месте. Не заставляй меня повторять, прошу тебя.

После яблочек, сосенок, звездочек, рыбок и домиков пришла очередь лабиринтов, из которых следовало как можно скорее выбраться, волнообразных линий, клякс, напоминающих раздавленных тараканов, других странных изображений и мозаик, от которых глаза начинали косить, а голова кружиться. Потом был блестящий шарик на шнурке, в который надлежало долго всматриваться. Всматриваться было нудно до тошноты, при этом Цири постоянно засыпала. Йеннифэр, на удивление, это вовсе не расстраивало, хоть несколькими днями раньше она громко накричала на девочку за попытку подремать над одной из тараканових клякс.

От сидения над тестами у Цири разболелись шея и спина, и болели они с каждым днем все сильнее. Она затосковала по движению и свежему воздуху и, выполняя «договор

об обязательной искренности», сразу же сказала об этом Йеннифэр. Чародейка восприняла ее слова так, словно давно их ожидала.

Два следующих дня они бегали по парку, перепрыгивали через канавы и заборы, сопровождаемые веселыми либо сочувственными взглядами жриц, монахинь и послушниц. Занимались гимнастикой, учились сохранять равновесие, шагая по заборчику, огораживающему сад и хозяйственные постройки. В отличие от тренировок в Каэр Морхене занятия с Йеннифэр всегда сопровождались теорией. Чародейка учила Цири правильному дыханию, управляя движениями груди и диафрагмы сильными нажатиями руки. Объясняла принципы движения, действия мускулов и костей, показывала, как отдыхать, расслабляться и разряжать психическое напряжение.

Во время одной из таких разрядок, растянувшись на траве и уставившись в небо, Цири задала давно занимавший ее вопрос:

— Госпожа Йеннифэр? Когда мы наконец покончим с испытаниями?

— Они тебе так надоели?

— Нет... Но хотелось бы уже знать, гожусь ли я в чародейки.

— Годишься.

— Ты уже знаешь?

— Я знала это с первой минуты. Мало кто может заметить активность моей звезды. Очень мало кто. Ты заметила сразу.

— А испытания?

— Окончены. Я знаю о тебе все, что хотела.

— Но некоторые задания... Не очень получались. Ты сама говорила, что... Ты действительно уверена? Не ошибаешься? Уверена, что у меня есть способности?

— Убеждена.

— Но...

— Цири. — Чародейка, казалось, развеселилась и в то же время как бы обеспокоилась. — С того момента, как мы разлеглись на лужайке, я разговаривала с тобой, не исполь-

зуя голоса. Это называется телепатия, запомни. И ты, думаю, заметила, что это не мешало нам общаться.

— Магия, — Йеннифэр, глядя в небо над холмами, оперлась руками о луку седла, — по мнению некоторых, представляет собою овеществление Хаоса. Она — ключ, способный отворять запертые двери. Двери, за которыми таятся кошмар, опасность и невообразимый ужас, враждебные, деструктивные силы, силы чистого Зла, которые в состоянии уничтожить весь мир, а не только того, кто двери раскроет. А поскольку любителей манипулировать этими дверями хватает, постольку кто-нибудь когда-нибудь да совершит ошибку, и тогда гибель мира будет предрешена и неизбежна. Следовательно, магия — это месть и оружие Хаоса. То, что после Сопряжения Сфер люди научились пользоваться магией, стало проклятием и погибелью мира. Гибелью человечества. Так оно и есть, Цири. Те, кто считает магию Хаосом, не ошибаются.

Вороной жеребец чародейки, почувствовав удар пятками, протяжно заржал и медленно двинулся через вересковые заросли. Цири подогнала лошадь, поравнялась с чародейкой. Вереск доходил до стремян.

— Магия, — немного погодя снова заговорила Йеннифэр, — по мнению некоторых, есть Искусство. Искусство могущественное, элитарное, способное творить произведения прекрасные и необычные. Магия — это дар, данный немногим избранным. Те, кто лишен дара, могут лишь с изумлением и завистью взирать на результаты работы творцов, восхищаться созданными произведениями, одновременно чувствуя, что без этих произведений и этого таланта мир был бы беднее. То, что после Сопряжения Сфер некоторые избранные открыли в себе дар и магию, обнаружили в себе Искусство, есть благословение красоты. Так оно и есть. Те, кто считает магию Искусством, тоже правы.

На куполообразном лысом холме, выглядывающем из вереска будто спина притаившегося хищника, лежал огромный валун, покоящийся на нескольких камнях размером

поменьше. Чародейка направила коня к нему, не прерывая лекции.

— Есть также такие, по мнению которых магия — Наука. Чтобы овладеть ею, мало одного дара и врожденных способностей. Необходимы годы упорных занятий и напряженного труда, необходима выдержка и самодисциплина. Так обретенная магия — это знание, это познание, границы которого постоянно расширяют светлые и живые умы путем опыта, эксперимента, практики. Так обретенная магия — это прогресс. Это плуг, ткацкий станок, водяная мельница, железоплавильный горн, рычаг и многошкивный блок. Это прогресс, развитие, это — изменение. Это — постоянное движение. Наверх. К лучшему. К звездам. То, что после Сопряжения Сфер мы открыли магию, когда-нибудь позволит нам достичь звезд. Слезь с лошади, Цири.

Йеннифэр подошла к монолиту, положила ладонь на шершавую поверхность камня, осторожно смахнула с него пыль и засохшие листья.

— Те, кто считает магию Наукой, — проговорила она, — тоже правы. Запомни это, Цири. А теперь подойди ко мне.

Девочка сглотнула, подошла. Чародейка обняла ее.

— Запомни, — повторила она. — Магия — это Хаос, Искусство и Наука. Она — проклятие, благословение и прогресс. Все зависит от того, кто, как и с какой целью пользуется магией. А магия — всюду. Всюду вокруг нас. Легкодоступная. Достаточно протянуть руку. Взгляни. Я протягиваю руку.

Кромлех ощутимо задрожал. Цири услышала глухой, далекий, идущий из-под земли гул. Вереск заволновался, полег от вихря, неожиданно обрушившегося на холм. Небо резко потемнело, затянулось тучами, мчащимися с невероятной скоростью. Девочка почувствовала на лице капли дождя. Прищурила глаза, спасаясь от блеска молний, которыми вдруг заполыхал горизонт. Инстинктивно прижалась к чародейке, к ее пахнущим сиренью и крыжовником волосам.

— Земля, по которой мы ступаем; огонь, который не угасает в ее недрах; вода, из которой вышла жизнь и без

которой она была бы невозможна; воздух, которым мы дышим, — достаточно протянуть руку, чтобы овладеть ими, заставить подчиниться себе. Магия всюду. Она в воздухе, в воде, в земле, в огне. И она за дверьми, которое заперло от нас Сопряжение Сфер. Оттуда, из-за запертых дверей, магия порой протягивает руку к нам. Ты об этом знаешь, правда? Ты уже почувствовала прикосновение магии, прикосновение руки из-за закрытых дверей. Это прикосновение наполняет тебя страхом. Такое прикосновение переполняет страхом любого. Ибо в каждом из нас есть Хаос и Порядок, Добро и Зло. Но всем этим можно овладеть. Надо только научиться. И ты научишься, Цири. Для того я и привела тебя сюда, к камню, с незапамятных времен стоящему на перекрестье пульсирующих Силою жил. Коснись его.

Валун дрожал, а вместе с ним дрожал и вибрировал весь холм.

— Магия протягивает к тебе руки, Цири. К тебе, странная девочка, Ребенок-Неожиданность, Дитя Старшей Крови, Крови Эльфов. Странная девочка, вплетенная в Движение и Перемену, в Гибель и Возрождение. Предназначенная и являющаяся Предназначением. Магия протягивает к тебе руки из-за запертых дверей, к тебе, маленькая песчинка в колесах Механизма Судьбы. Протягивает к тебе свои когти Хаос, который все еще не уверен, станешь ли ты его орудием или же помехой в его планах. То, что Хаос является тебе в снах, и есть проявление его неуверенности. Хаос боится тебя, Дитя Предназначения. А хочет сделать так, чтобы страх чувствовала ты.

Сверкнула молния, протяжно громыхнул гром. Цири дрожала от холода и изумления.

— Хаос не может показать тебе, что он такое в действительности. Поэтому показывает будущее, показывает то, что случится. Он хочет сделать так, чтобы ты боялась приближающихся дней, чтобы страх перед тем, что ждет тебя и твоих близких, начал управлять тобою, овладел тобою полностью. Поэтому Хаос насылает сны. Сейчас ты покажешь мне, что видишь в снах. И страх овладеет тобой. А потом ты

забудешь и возьмешь верх над страхом. Взгляни на мою звезду, Цири. Не отрывай от нее глаз.

Что-то блеснуло. Загрохотало.

Кровь. Губы Йеннифэр, размозженные и разбитые, шевелятся беззвучно, кровоточат. Белые скалы мелькают в скачке. Ржет конь. Прыжок. Пропасть, бездна. Крик. Полет, бесконечный полет. Бездна...

В глубине бездны дым. Ступени, ведущие вниз.

Va'esse deireadh aep eigean. Что-то кончается. Что?

Elaine blath, Feainnewedd, Дитя Старшей Крови? Голос Йеннифэр долетает как будто издалека, глухо, он пробуждает эхо среди истекающих водой каменных стен...

— Говори!

Фиалковые глаза блестят, горят на исхудавшем, стянутом спазмой, почерневшем от мук лице, закрытом вихрем взлохмаченных, грязных черных волос. Темнота. Влага. Страх. Ужасающий холод каменных стен. Холод металла на запястьях рук, на щиколотках ног...

Бездна. Дым. Ступени, ведущие вниз... Ступени, по которым надо спуститься. Необходимо, ибо... ибо что-то кончается. Ибо наступает Tedd Deireadh, Час Конца, Час Волчьей Пурги, Час Белого Хлада и Белого Света...

Львенок должен умереть! Высшие государственные интересы!

Идем, говорит Геральт. По ступеням вниз. Так надо. Мы должны. Другого пути нет. Только ступени. Вниз!

Его губы не шевелятся. Они синие. Кровь, всюду кровь... Все ступени в крови... Только б не поскользнуться... Ведьмак спотыкается только один раз... Блеск клинка. Крик. Смерть. Вниз. По ступеням вниз.

Дым. Огонь. Ужасающая скачка, цокот копыт. Вокруг — пожар. Держись, Львенок из Цинтры!

Черный конь ржет. Встает на дыбы. Держись!

Черный конь пляшет. В прорези шлема, украшенного крыльями хищной птицы, блестят и горят безжалостные глаза.

Широкий меч, отражая блеск пожара, падает со свистом. Вольт, Цири! Финт! Пируэт, выпад! Вольт! Вольт! Слишком медленно! Медленнооо!

Удар вспышкой ослепляет глаза, сотрясает все тело, боль на мгновение парализует, отупляет, лишает чувствительности, потом вдруг вспыхивает с новой ужасающей силой, впивается в щеку чудовищными острыми клыками, рвет, пронизывает насквозь, отдается в шее, в затылке, в груди, в легких...

Цири!

Она чувствовала спиной и затылком шероховатый, неприятно неподвижный холод камня. Она не помнила, когда села. Йеннифэр на коленях стояла рядом. Нежно, но решительно распрямляла ей пальцы, оторвала руку от щеки. Щека пульсировала, пульсировала болью.

— Мама... — простонала Цири. — Мама... Как больно... Мамочка...

Чародейка коснулась ее лица. Рука была холодной как лед. Боль мгновенно прекратилась.

— Я видела... — шепнула девочка, прикрывая глаза. — То, что во сне... Черного рыцаря... Геральта... И еще... Тебя. Я видела тебя, госпожа Йеннифэр.

— Знаю.

— Я видела тебя... Видела, как...

— Никогда больше. Никогда больше ты этого не увидишь. Это тебе никогда больше не приснится. Я дам тебе Силу, которая отгонит от тебя эти кошмары. Для того я тебя сюда привела, Цири, чтобы эту Силу показать. Завтра я начну тебе ее давать.

Наступили тяжелые, заполненные трудами дни, дни напряженной учебы, изматывающей работы. Йеннифэр была решительной, требовательной, зачастую суровой, порой властно грозной. Но нудной — никогда. Если раньше Цири еле сдерживалась, чтобы не заснуть в храмовой школе, а случалось это иногда и во время урока под убаюкивающе монотонный голос Нэннеке, Иоли Первой, Зарычки или

других учительниц-жриц, то с Йеннифэр это было невозможно. И не только из-за тембра голоса чародейки и не потому, что говорила она краткими, резко подчеркнутыми фразами. Гораздо важнее было содержание занятий. Учения о магии. Учения увлекающего, возбуждающего, поглощающего целиком.

Большую часть дня Цири проводила с Йеннифэр. В спальню возвращалась поздней ночью, колодой валилась на постель, засыпала мгновенно. Послушницы жаловались, что она страшно храпит, пытались ее будить. Впустую.

Цири спала крепко.

Без сновидений.

— О боги, — беспомощно вздохнула Йеннифэр, обеими руками растрепала черные локоны, опустила голову. — Это же так просто! Если ты не сумеешь овладеть этим движением, что же тогда делать с более сложными?

Цири отвернулась, проворчала что-то, фыркнула, растерла занемевшую руку. Чародейка снова вздохнула.

— Ну взгляни еще раз на гравюру, заметь, как должны быть расставлены пальцы. Обрати внимание на поясняющие стрелки и положение рук, определяющих жест, который следует выполнить.

— Я пялилась на нее уже тысячу раз! Руны я понимаю. Vort, caelme. Ys, veloë. От себя, медленно. Вниз быстро. Руку... О, так!

— А мизинец?

— Его невозможно так держать, если одновременно не согнуть безымянный палец.

— Дай сюда руку.

— О-о-ой!

— Тише. Нэннеке снова примчится, подумает, что я с тебя живьем кожу сдираю или варю в масле. Не меняй положения пальцев. А теперь сделай жест. Оборот, оборот запястьем. Хорошо. Теперь тряхни ладонью, расслабь пальцы. И повтори. Ну нет! Знаешь, что ты сделала? Если б таким макаром бросила настоящее заклинание, то не мень-

ше месяца нянчила бы руку в лубках! У тебя что, руки деревянные?

— Мои руки привыкли к мечу! В этом все дело!

— Глупости. Геральт всю жизнь размахивает мечом, а пальцы у него ловкие и... хм... очень нежные. Дальше, утенок, попытайся еще раз. Ну, видишь? Стоило захотеть. Постарайся. Еще раз. Хорошо. Тряхни кистью. И еще раз. Хорошо. Устала?

— Немножко...

— Дай-ка помассирую тебе руку и предплечье. Почему ты не пользуешься моей мазью? Лапки у тебя шершавые, как у баклана... А это что такое? След от колечка, да? Мне кажется, или я действительно запретила тебе носить украшения?

— Но я его выиграла у Мирры в волчок! И носила всего-то полдня...

— Ровно полдня лишних! Не носи больше, прошу.

— Не понимаю, почему мне нельзя...

— И не надо понимать, — отрезала чародейка, но в ее голосе не было зла. — Прошу, не носи никаких украшений такого типа. Хочешь, воткни цветок в волосы. Сплети венок. Но никакого металла, никаких кристаллов, никаких камушков. Это важно, Цири! В свое время я объясню почему. Пока поверь на слово и выполни мою просьбу.

— Ты носишь звезду, серьги и перстни! А мне нельзя? Потому что я... девица?

— Утенок, — Йеннифэр улыбнулась, погладила ее по голове. — У тебя бзик на этом? Я тебе уже объясняла: не имеет никакого значения, девица ты или нет. Никакого. Завтра вымой волосы, пора, я вижу.

— Госпожа Йеннифэр?

— Слушаю.

— А можно... Мы ведь договорились об откровенности. Ты обещала... Можно тебя кое о чем спросить?

— Можно, только ради богов не о девственности.

Цири закусила губу и долго молчала.

— М-да... — вздохнула Йеннифэр. — Что делать. Спрашивай.

— Понимаешь... — Цири зарделась, облизнула губы. — Девочки в спальне постоянно сплетничают и рассказывают разные истории... О празднике Беллетэйн и тому подобное... А меня называют соплячкой, дитятком, потому что, мол, уже пора бы... Госпожа Йеннифэр, как же взаправду-то? Как узнать, что пришло время...

— Пойти с мужчиной в постель?

Цири стала пунцовой. Долго молчала, потом подняла глаза и кивнула.

— Очень просто, — легко сказала Йеннифэр. — Раз ты начала об этом думать, значит, время уже пришло.

— Но я вовсе не хочу!

— А совсем и не обязательно. Не хочешь — не идешь.

— Ага. — Цири снова прикусила губу. — А этот... Ну... Мужчина... Как узнать, что он и есть тот самый, с которым...

— ...можно пойти в постель?

— Угу.

— Если в принципе имеется выбор, — чародейка криво усмехнулась, — а опыта особого нет, то в первую очередь следует оценить не мужчину, а постель.

Изумрудные глаза Цири и формой, и размером превратились в плошки.

— То есть как... постель?

— А вот так. Тех, у которых постели вообще нет, следует исключить с ходу. Из оставшихся отбрасываешь владельцев грязных и неряшливых постелей. А когда останутся только те, у которых постели чистые и опрятные, выбираешь того, который тебе приглянулся больше других. К сожалению, способ этот не гарантирует стопроцентной уверенности. Можно чертовски ошибиться.

— Шутишь?

— Нет, не шучу. Цири, со следующей ночи будешь спать здесь, со мной. Перенесешь ко мне свои вещи. В опочивальне послушниц, похоже, на болтовню уходит слишком много времени, которое должно быть отдано отдыху и сну.

Освоив основные позиции рук, движения и жесты, Цири начала изучать заклинания и формулы. Формулы были лег-

че. Записанные Старшей Речью, которой девочка пользовалась свободно, они легко запоминались. Применять иногда при их произношении достаточно сложную интонацию не составляло большого труда. Йеннифэр была явно довольна, со дня на день становилась все милее и симпатичнее. Все чаще делая перерывы в учебе, они болтали бог знает о чем, шутили, даже стали находить удовольствие в тонком подтрунивании над Нэннеке, которая частенько «забегала» на лекции и тренировки, колкая и распушившаяся как квочка, готовая в любой момент взять Цири под покровительственное крыло, защитить и спасти от ею же самою придуманной суровости чародейки и «нечеловеческих пыток» обучения.

Выполняя указания Йеннифэр, Цири перебралась в ее комнату. Теперь они были рядом не только днем, но и ночью. Иногда учеба проходила и по ночам: некоторые жесты, формулы и заклинания нельзя было применять при дневном свете.

Довольная успехами девочки, чародейка сбавила темпы обучения. У них появилось больше свободного времени. Вечера они проводили за чтением книг. Цири продралась сквозь «Диалоги о природе магии» Стаммельфорда, «Державы стихий» Джамбаттисты, «Естественную магию» Рихтера и Монка. Посмотрела — прочесть полностью она была не в состоянии! — такие произведения, как «Невидимый мир» Йана Беккера или «Тайна тайн» Агнес из Гланвилля. Заглядывала в древнейший пожелтевший «Codex Mirthe» и в «Ard Aercane» и даже в знаменитую, страшную «Dhu Dwimmermorc», полную наводящих ужас гравюр.

Бралась и за другие, не относящиеся к магии труды. Почитывала «Историю мира» и «Трактат о жизни». Не упустила и более легких книжек из храмовой библиотеки. С румянцем на щеках проглотила «Забавы» маркиза Ла Креахма и «Королевские дамы» Анны Тиллер. Читала «Невзгоды любви» и «Час Луны» — сборники поэтических произведений известного трубадура Лютика. Пустила слезу над нежными, с поволокой тайны балладами Эсси Давен, собранными в небольшой, изящно переплетенный томик, носящий название «Голубая жемчужина».

Частенько пользовалась предоставленным ей правом и задавала вопросы. И получала ответы. Однако все чаще ей доводилось отвечать на вопросы самой. Вначале Йеннифэр, казалось, вообще не интересовала ее судьба: ни детство в Цинтре, ни события более поздних, военных лет. Но потом вопросы становились все конкретнее. Цири вынуждена была отвечать — делала она это с большой неохотой, потому что каждый вопрос чародейки приоткрывал в ее памяти дверцы, которые она обещала себе никогда не отворять, хотела бы оставить запертыми раз и навсегда. После встречи с Геральтом в Соддене она считала, что начала «новую жизнь» и все, что было в Цинтре, перечеркнуто окончательно и бесповоротно.

Ведьмаки в Каэр Морхене никогда ни о чем не спрашивали, а перед приездом в храм Геральт даже потребовал, чтобы она ни словечком не обмолвилась, кем была. Нэннеке, которая, конечно же, все знала, постаралась, чтобы для других жриц и послушниц Цири была самой обыкновенной внебрачной дочерью рыцаря и кметки, ребенком, которому не нашлось места ни в замке отца, ни в халупе матери. Половина послушниц в храме Мелитэле были именно такими детьми.

Йеннифэр тоже знала тайну. Она была из числа тех, кому можно доверять. Йеннифэр спрашивала. О том. О Цинтре.

— Как ты выбралась из города, Цири? Каким образом тебе удалось скрыться от нильфгаардцев?

Этого Цири не помнила. Все обрывалось, терялось во мраке и дыме. Она помнила осаду, прощание с королевой Калантэ, бабкой, помнила баронов и рыцарей, силой отрывающих ее от ложа, на котором лежала раненая, умирающая Львица из Цинтры. Помнила головокружительную скачку по пылающим улочкам, кровавый бой и падение с коня. Помнила черного наездника в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

И ничего больше.

— Не помню. Я действительно не помню, госпожа Йеннифэр.

Йеннифэр не настаивала. Задавала другие вопросы. Делала это деликатно и тактично, а Цири становилась все раскованнее. Наконец начала говорить сама. Не ожидая вопросов, рассказывала о своих детских годах в Цинтре и на Островах Скеллиге. О том, как узнала о Праве Неожиданности и о том, что приговор судьбы предназначил ее Геральту из Ривии, ведьмаку с белыми волосами. Рассказывала о войне. О бродяжничестве по лесам Заречья, о пребывании в деревне. О том, как Геральт нашел ее там и забрал в Каэр Морхен, в Пристанище ведьмаков, открыв тем самым новую главу в ее короткой жизни.

Однажды вечером она по собственному почину, без всяких вопросов, свободно, весело и здорово приукрашивая, рассказала чародейке о своей первой встрече с ведьмаком в лесу Брокилон, среди дриад, которые похитили ее и хотели силой задержать, переделать в одну из своих.

— Да! — сказала Йеннифэр, выслушав рассказ. — Много бы дала, чтобы видеть это. Я говорю о Геральте. Пытаюсь представить себе его мину, тогда, в Брокилоне, когда он увидел, какую Неожиданность подсунуло ему Предназначение! Думаю, у него было чудненькое выражение лица, когда он узнал, кто ты такая!

Цири расхохоталась, в ее изумрудных глазах заплясали дьявольские огоньки.

— Уж да! — прыснула она. — Мина была та еще! Еще какая! Хочешь взглянуть? Я тебе покажу. Глянь на меня.

Йеннифэр расхохоталась.

«Этот смех, — подумала Цири, глядя на летящие на восток тучи черных птиц, — этот смех по-настоящему сблизил нас. Ее и меня. Мы поняли, и она, и я, что можем вместе смеяться, говорить о нем, о Геральте. Мы вдруг стали близки друг другу, хотя я прекрасно знаю, что Геральт одновременно связывает нас и разделяет. И что так будет всегда.

Нас связал этот общий смех.

И то, что случилось двумя днями позже. В лесу, на холме. Тогда она показала мне, как отыскивать...»

* * *

— Не понимаю, зачем мне искать эти... Опять забыла, как они называются...

— Интерсекции, — подсказала Йеннифэр, выбирая репьи, вцепившиеся в рукав, пока они продирались сквозь заросли. — Я тебе покажу, как их обнаруживать. Это места, из которых можно черпать Силу.

— Но я уже умею черпать Силу. А ты сама учила меня, что Сила — везде. Так зачем же мы лазаем по кустам? Ведь в храме полно энергии!

— Верно, ее там немало. Именно поэтому храм и построили в том, а не в каком-то другом месте. И потому же на территории храма тебе кажется, будто черпать энергию так легко.

— У меня уже ноги болят! Присядем на минутку, ладно?

— Ладно, утенок.

— Госпожа Йеннифэр?

— Да?

— Почему мы всегда черпаем Силу из водных жил? Ведь магическая энергия — везде. Есть в земле, правда? В воздухе, в огне?

— Правда.

— А земля... О, здесь вокруг полно земли. Под ногами. И всюду есть воздух! А если нам захочется огня, то ведь достаточно разжечь костер и...

— Ты еще слишком слаба, чтобы вытягивать энергию из земли. Еще слишком мало знаешь, чтобы тебе удалось добыть что-либо из воздуха. А играть с огнем я тебе категорически запрещаю! Я уже говорила: ни в коем случае нельзя касаться энергии огня!

— Не кричи. Я помню.

Они молча сидели на поваленном сухом стволе, слушая ветер, шумящий в кронах деревьев, и дятла, заядло долбившего где-то неподалеку. Цири хотелось есть, и слюна густела у нее от голода, но она знала, что жалобы ничего не дадут. Раньше, месяц назад, Йеннифэр реагировала на такое нытье сухой проповедью об искусстве обуздывать примитивные инстинкты, а позже просто отделывалась пре-

небрежительным молчанием. Протестовать было так же бессмысленно, как и обижаться на прозвище «утенок». Результаты были одинаковыми. Никакими.

Чародейка выдернула из рукава последний репей.

«Сейчас она о чем-то спросит, — подумала Цири. — Я слышу, как она думает. Снова спросит о чем-то, чего я не помню. Либо помнить не хочу. И напрасно спросит! Я ей не отвечу. Все это — в прошлом, а в прошлое нет возврата. Она сама когда-то так сказала...»

— Расскажи о своих родителях, Цири.

— Я их не помню, госпожа Йеннифэр.

— Так вспомни, пожалуйста.

— Папы я действительно не помню, — сказала Цири тихо, подчиняясь приказу. — Ну... Почти совсем... Маму... Маму — да. У нее были длинные волосы, вот такие... И она всегда была грустной... Я помню... Нет, ничего не помню...

— Пожалуйста, припомни.

— Не помню!

— Посмотри на мою звезду.

...Кричали чайки, пикирующие в пробелы между рыбачьими лодками, где они хватали отходы и выбрасываемую из ящиков рыбью мелочь. Слабо полоскались на ветру паруса драккаров, над пристанью стелился пригнетаемый туманом дым. В порт входили триремы из Цинтры, блестели желтые львы на голубых стягах. Дядя Крах, который стоял рядом и держал на ее плече огромную, как у медведя, лапу, вдруг опустился на одно колено. Выстроившиеся в ряд воины принялись ритмично бить мечами по щитам.

По помосту шла королева Калантэ. Ее бабушка. Та, которую на Островах Скеллиге официально именовали Ard Rhena, Верховная Королева. Но дядя Крах ан Крайт, ярл Скеллиге, продолжая стоять на одном колене и опустив голову, приветствовал Львицу из Цинтры титулом менее официальным, однако считавшимся у островитян более почтительным:

— Будь здорова, Модрон.

— Княжна, — сказала Калантэ холодно и властно, вообще не глядя на ярла. — Иди сюда. Иди ко мне, Цири.

Рука бабушки была сильная и твердая, как рука мужчины, перстни на ней ледяные.

— Где Эйст?

— Король... — не сразу ответил Крах, — в море, Модрон. Ищет обломки... И тела. Со вчерашнего дня.

— Как ты позволил? — крикнула королева. — Как мог допустить? Как ты мог это допустить, Крах? Ты, ярл Скеллиге! Ни один драккар не имеет права выйти в море без твоего разрешения! Почему ты позволил, Крах?!

Дядя еще ниже опустил рыжую голову.

— Коней! — бросила Калантэ. — Мы едем в форт. А завтра на рассвете я отплываю. Забираю княжну в Цинтру. Никогда не разрешу ей сюда вернуться. А ты... У тебя передо мной крупный долг, Крах. Когда-нибудь я пожелаю, чтобы ты его вернул.

— Знаю, Модрон.

— Если я не сумею тебе напомнить, это сделает она. — Калантэ взглянула на Цири. — Ей вернешь свой долг, ярл. Ты знаешь как.

Крах ан Крайт встал, выпрямился, черты его загорелого лица ожесточились. Быстрым движением он выхватил из ничем не украшенных ножен прямой стальной меч, обнажил левое предплечье, покрытое толстыми белесыми шрамами.

— Только без театральных жестов, — фыркнула королева. — Экономь кровь. Я сказала: когда-нибудь! Помни!

— Aen me Glaeddyv, zvaere a'Bloedgeas, Ard Rhena, Lions aep Xin'trea! — Крах ан Крайт, ярл Островов Скеллиге, поднял руку, потряс мечом. Воины рявкнули, колотя оружием по щитам.

— Клятву приняла. Проводи до форта, ярл.

Цири помнила возвращение короля Эйста, его окаменевшее, бледное лицо и молчание королевы. Помнила мрачный, страшный пир, на котором дикие бородатые морские волки из Скеллиге медленно упивались в мучительной тишине. Помнила шепоты. Geas Muire... Geas Muire!

Она помнила реки темного пива, выливаемые на пол, рога, растрескиваемые о каменные стены залы под взрывы отчаянного, бессильного, бессмысленного гнева. Geas Muire! Паветта!

Паветта, принцесса Цинтры, и ее муж, князь Дани. Родители Цири. Они пропали. Погибли. Их убило Geas Muire... Проклятие Моря. Их поглотил шторм, которого никто не предвидел. Шторм, которого не должно было быть...

Цири отвернулась, чтобы Йеннифэр не увидела слез, заполняющих ее глаза. «Зачем все это, — подумала она. — Зачем эти вопросы, эти воспоминания? В прошлое возврата нет. У меня уже не осталось никого. Ни папы, ни мамы, ни бабушки, той, которая была Ard Rhena, Львицей из Цинтры. Дядя Крах ан Крайт, вероятно, тоже погиб. У меня уже нет никого, и сама я — тоже другая. Возврата нет!..»

Чародейка молчала, задумавшись.

— Именно тогда начались твои сны? — неожиданно спросила она.

— Нет, — задумалась Цири. — Нет, не тогда. Позже.

— Когда?

Девочка поморщилась.

— Летом... За год до войны...

— Так. Значит, сны начались после встречи с Геральтом в Брокилоне?

Цири кивнула. «На следующие вопросы не отвечу», — решила она.

Но Йеннифэр больше вопросов не задавала. Быстро встала, глянула на солнце.

— Ну что ж. Хватит рассиживаться, утенок. Время уходит. Будем продолжать поиски. Руку свободно вперед, не напрягай пальцев. Вперед.

— Куда идти?

— Безразлично.

— Жилы есть всюду?

— Почти. Ты научишься их обнаруживать, находить на местности, распознавать такие точки. Их помечают высох-

шие деревья, карликовые растения, эти места обходят стороной все животные. Кроме кошек.

— Кошек?

— Кошки любят спать и отдыхать на интерсекциях. Ходит масса рассказов о магических зверушках, но по правде-то кошка, если не считать дракона, единственное существо, умеющее поглощать Силу. Никто не знает, зачем кошке Сила и как она ею пользуется... Что с тобой?

— О-о-о! Там, в той стороне! Там, кажется, что-то есть! За тем вон деревом!

— Не фантазируй, Цири. Интерсекции можно почувствовать, стоя над ними... Хм... Интересно. Я бы сказала — невероятно. Ты действительно чувствуешь, как тянет?

— Да!

— Значит, пошли. Интересно, интересно... Ну уточняй. Покажи где.

— Здесь! В этом месте!

— Браво! Изумительно. Ты чувствуешь, как сводит безымянный палец? Видишь, как он изгибается вниз? Запомни, это сигнал.

— Можно зачерпнуть?

— Погоди, я проверю.

— Госпожа Йеннифэр! Как оно получается, ну с этим черпанием? Если я наберу в себя Силу, то ведь ее может недостать там, внизу. Разве так можно? Мать Нэннеке учила нас, что ничего нельзя брать просто так, ради каприза. Даже вишни следует оставлять на деревьях для птиц, и пусть ягоды сами упадут, если придет время.

Йеннифэр обняла ее, нежно поцеловала в волосы на виске.

— Хотелось бы, — промурлыкала она, — чтобы твои слова услышали другие. Вильгефорц, Франческа, Терранова... Те, кто считает, что обладает исключительными правами на Силу и может пользоваться ею без ограничений. Хотелось бы, чтобы они послушали маленького утенка из храма Мелитэле. Не бойся, Цири. Хорошо, что ты об этом думаешь, но поверь мне, Силы в природе предостаточно. Ты ей урона не

нанесешь. Это все равно как сорвать в саду одну-единственную вишенку.

— Уже можно черпать?

— Погоди. Ого, это чертовски сильное гнездо. Мощная пульсация! Осторожнее, утенок, очень осторожно, очень медленно.

— Я не боюсь! Па-па! Я ведьмачка! Ха! Я чувствую ее! Чувствую! О-о-о!!! Госпожа Йеннифэр... Йен... ни... фэ-е-е-ер...

— А, дьявольщина! Я же предупреждала! Голову выше! Выше, говорю! На, приложи к носу, иначе захлебнешься кровью! Спокойнее, спокойнее, малышка, только не теряй сознания. Я рядом. Я рядом... Дочурка. Держи платочек. Сейчас я начарую льда...

Из-за такой малой крови был колоссальный скандал. Йеннифэр и Нэннеке не разговаривали целую неделю.

Целую неделю Цири бездельничала, читала книги и скучала, потому что чародейка объявила перерыв в учебе. Девочка не видела ее круглыми днями — на рассвете Йеннифэр куда-то исчезала, возвращалась под вечер, глядела на нее странно и была странно неразговорчива.

Через неделю Цири не выдержала. Вечером, когда чародейка вернулась, она молча подошла к ней, крепко прижалась.

Йеннифэр молчала. Очень долго. Ей не надо было говорить. Ее пальцы, сжатые на плечах девочки, говорили за нее.

А еще через день после долгого многочасового разговора первосвященница и чародейка помирились.

И тогда, к огромной радости Цири, все вернулось на свои места.

— Гляди мне в глаза, Цири. Маленький огонек. Формула!

— Aine verseos!

— Хорошо. Смотри на мою руку. Такой же жест и распыли огонек в воздухе.

— Aine aen aepye!

— Прекрасно. А теперь какой жест? Да, именно такой. Очень хорошо. Усиль жест и зачерпни. Больше, больше, не прерывай!

— О-о-о-х...

— Спину прямо! Руки вдоль тела! Кисти расслабь, никаких ненужных движений пальцами, любое движение может во много раз усилить эффект, ты хочешь, чтобы здесь разгорелся пожар? Усиливай, чего ты ждешь?

— О-о-о-х, не могу... не могу...

— Расслабься и перестань трястись! Черпай! Что ты делаешь? Ну теперь лучше... Не ослабляй воли! Слишком быстро. Слишком резко прерываешь... И излишне разогреваешься! Медленнее, утенок, спокойнее. Я знаю, это неприятно. Привыкнешь.

— Больно... В животе... Вот тут...

— Ты женщина, это типичная реакция. Со временем закалишься. Но чтобы иммунизироваться, тебе надо будет тренироваться без противоболевой блокады. Это совершенно необходимо. Ничего не бойся, я слежу, экранирую тебя. Ничего с тобой случиться не может. Но боль ты должна перетерпеть. Дыши спокойнее. Соберись. Жест! Прекрасно. И бери Силу, черпай, втягивай... Хорошо, хорошо. Еще немного...

— О... о-о-ох!

— Ну видишь? Можешь, если захочешь. Теперь смотри на мою руку. Внимательно. Сделай точно такой же жест. Пальцы! Пальцы, Цири! Гляди на мою руку, а не на потолок. Теперь хорошо, да, очень хорошо. Связывай! А теперь разверни, обрати жест и выдай Силу в виде яркого света.

— И-и-и! И-и-и...

— Перестань выть! Возьми себя в руки! Это спазм! Сейчас пройдет. Пальцы шире, пригаси, выдай это из себя! Медленнее, черт побери, не то лопнут кровеносные сосуды!

— И-и-и-к!

— Слишком бурно, утенок, все еще слишком бурно. Знаю, Сила вырывается наружу, но ты должна научиться ею управлять. Нельзя допускать таких взрывов, как только что. Если б я тебя не экранировала, ты натворила бы тут

черт знает что... Ну еще разок. С самого начала. Жест и формула!

— Нет! Хватит! Я больше не могу!

— Дыши медленнее, перестань дрожать, сконцентрируйся и начинай.

— Нет, ну пожалуйста, госпожа Йеннифэр... Мне больно... Мне нехорошо...

— Только без слез, Цири. Нет ничего отвратительнее, чем ревущая чародейка. Ничто не вызывает большей жалости. Запомни! Никогда об этом не забывай. Еще раз, сначала. Заклинание и жест. Нет, нет, теперь без подсказки. Сделай сама. Ну напряги память!

— Aine verseos.. Aine aen aepye... O-o-o-x!

— Скверно! Слишком быстро.

Магия, словно железный дротик с крюком, засела в ней. Ранила глубоко. Болела. И причиняла боль. Ту странную боль, которая удивительным образом сочетается с блаженством.

Для разрядки они снова бегали по парку. Йеннифэр убедила Нэннеке выдать из хранилища меч Цири, разрешила девочке тренироваться в выпадах, вольтах и финтах. Разумеется, так, чтобы другие жрицы и послушницы этого не видели. Но магия присутствовала во всем и всегда. Цири училась простыми заклинаниями и концентрацией воли расслаблять мускулы, снимать спазмы, контролировать адреналин, управлять лабиринтом внутреннего уха и блуждающим нервом, ускорять либо замедлять пульс, недолго обходиться без кислорода.

Чародейка удивительно много знала о мече и ведьмачьем «танце». Знала массу всякой всячины о секретах Каэр Морхена. Она, несомненно, бывала в Замке. Знала Весемира и Эскеля. Ламберта и Койона не знала.

Йеннифэр бывала в Каэр Морхене, Цири догадывалась о причинах того, почему во время бесед о Замке глаза чародейки становились теплее, утрачивали злой блеск и холодную, равнодушную, мудрую глубину. Если б эти слова го-

дились для Йеннифэр, Цири назвала бы ее в такие минуты размечтавшейся, вслушивающейся в воспоминания.

О причинах Цири догадывалась. Да.

Была тема, затрагивать которую девочка интуитивно и старательно избегала. Но однажды разогналась и разболталась. О Трисс Меригольд. Йеннифэр как бы неохотно, как бы равнодушно, как бы банальными, тщательно дозируемыми вопросами вытянула из Цири все до конца. Глаза у нее при этом были жесткие и непроницаемые.

О причинах Цири догадывалась. Но, о диво, уже не чувствовала раздражения. Магия успокаивала.

— Так называемый Знак Аард, Цири, это очень простое заклинание из разряда психокинетических чар, основывающееся на направлении энергии в требуемую сторону. Мощность броска зависит от концентрации воли излучающего и выданной им Силы. Она может быть значительной. Ведьмаки освоили это заклинание, воспользовавшись тем, что оно не требует знания магической формулы — достаточно концентрации и жеста. Поэтому они назвали его Знаком. Откуда они взяли название, не знаю, возможно, из Старшей Речи. Слово «ard» означает, как известно, «верх», «верхний», «высочайший». Если так, то название это очень обманчиво, потому что трудно найти более легкое психокинетическое заклинание. Мы, разумеется, не станем терять времени и энергии на такой примитив, как ведьмачий Знак. Мы будем изучать истинный психокинез. Ну-ка потренируемся. На той вон корзинке, что лежит под яблоней. Сконцентрируйся.

— Готово.

— Слишком быстро. Напоминаю: контролируй истечение Силы. Выдать ты можешь лишь столько, сколько взяла. Если выдашь хотя бы на малую толику больше, то это пойдет за счет твоего собственного организма. Такое усилие может лишить тебя сознания и даже убить. Если же ты выдашь все, что взяла, то потеряешь возможность повторить, придется черпать еще раз, а ты уже знаешь, как это трудно и небезболезненно.

— О, знаю!

— Нельзя ослаблять концентрацию и позволять энергии вырываться из тебя самой. Моя учительница любила говорить, что выдавать Силу следует так, как будто ты — прости! — пукаешь в бальном зале: нежно, экономно и под контролем. И так, чтобы посторонние не догадались, что это твоя работа. Понимаешь?

— Понимаю!

— Выпрямись и перестань хихикать. Напоминаю: заклинание — дело серьезное. Его бросают в грациозной, но и гордой в то же время позе. Жесты проделывают плавно, сдержанно. С достоинством. Не строят глупых мин, не морщатся, не высовывают языка. Ты оперируешь силами природы, так прояви к природе уважение.

— Хорошо, госпожа Йеннифэр.

— Будь внимательнее, на этот раз я тебя не экранирую. Ты самостоятельная чародейка. Это твой дебют, утенок. Видела бутыль с вином на шкафчике? Если дебют пройдет хорошо, твоя учительница выпьет сегодня вечером.

— Одна?

— Ученикам пить вино разрешают только после сдачи экзаменов на подмастерье. Придется подождать. Ты понятливая, так что осталось всего годков десять, не больше. Ну, начинаем. Сложи пальцы. А левая рука? Ишь, размахалась! Опусти свободно или упрись в бок. Пальцы! Хорошо. Ну, выдавай!

— А-а-а-х!

— Я не просила издавать звуки! Выдай энергию. Молча.

— Ха-а-а! Ха! Подскочила! Корзинка подскочила! Ты видела?

— Едва-едва дрогнула. Цири, экономно не значит слабо. Психокинез используют с определенной целью. Ведьмаки применяют Знак Аард, чтобы сбить противника с ног. Энергия, которую ты выдала, не собьет у противника даже шапки! Еще раз! Немного сильнее. Смелее!

— Ха! Поплыла! Теперь было хорошо? Правда? Госпожа Йеннифэр?

— Хм... Потом сбегаешь на кухню, стащишь немного сыра к нашему вину... Было почти хорошо. Почти. Еще сильнее, утенок, не бойся. Подними корзинку с земли и как следует ударь ею о стену вон того сарайчика, так, чтобы перья полетели. Не сутулься. Голову выше! Грациозно, но гордо! Смелее, смелее! О черт!

— Ой-ёй! Прости, госпожа Йеннифэр... Кажется... я выдала чуточку многовато...

— Совсем капельку. Не нервничай. Иди сюда. Ну маленькая...

— А сарайчик?

— Это случается. Не переживай. Дебют в принципе следует оценить положительно. А сарайчик? Это был не такой уж красивый сарайчик. Так, сараюшка какая-то. Не думаю, чтобы кому-то его очень уж недоставало в ландшафте. Но-но, милые дамы! Спокойно, спокойно, к чему такой шум и гам, ничего же не случилось! Без нервов, Нэннеке! Ничего не случилось, повторяю. Просто надо собрать доски. Пригодятся для печки.

В теплые безветренные вечера воздух густел от аромата цветов и трав, дышал покоем и тишиной, прерываемой бренчанием пчел и жужжанием больших жуков. В такие часы Йеннифэр выносила в сад ивовое кресло Нэннеке, усаживалась, вытянув ноги далеко вперед. Она часами изучала книги, часами читала письма, которые получала через странных посланцев, в основном — птиц. Иногда просто сидела, уставившись вдаль. Одной рукой задумчиво теребила свои черные блестящие локоны, другой гладила по голове Цири, которая сидела на траве, пристроившись к теплому упругому бедру чародейки.

— Госпожа Йеннифэр?

— Я здесь, утенок.

— Скажи, с помощью магии можно сделать все-все?

— Нет.

— Но многое, верно?

— Верно. — Чародейка на минуту прикрыла глаза, коснулась пальцами век. — Очень многое.

— Что-нибудь действительно огромное... Что-то страшное! Очень страшное?

— Порой значительно более страшное, чем хотелось бы.

— Хм... А я... Когда-нибудь я сумею сделать что-нибудь такое?

— Не знаю. Может быть, никогда. Лучше б никогда.

Тишина. Молчание. Жара. Аромат цветов и трав.

— Госпожа Йеннифэр?

— Что еще, утенок?

— Сколько тебе было лет, когда ты стала чародейкой?

— Хм... Когда сдала вступительные экзамены? Тринадцать.

— О! Как и мне! А сколько... сколько тебе было лет, когда... Ну об этом не спрошу...

— Шестнадцать.

— Ага... — Цири слегка покраснела, изобразила неожиданный интерес к облаку удивительной формы, висящему высоко над храмовыми башнями. — А сколько тебе было лет... когда ты познакомилась с Геральтом?

— Больше, утенок, намного больше.

— Ты все время называешь меня утенком! Ведь знаешь же, как я этого не люблю. Почему ты так делаешь?

— Потому что я ехидная. Чародейки всегда бывают ехидными.

— Но я не хочу быть утенком... гадким, как в той сказке. Хочу стать красивой. По-настоящему красивой, как ты, госпожа Йеннифэр. Благодаря магии я когда-нибудь смогу быть такой же красивой?

— Ты... К счастью, тебе этого делать не надо... Тебе для этого магия не нужна. Ты сама не знаешь, какое это счастье.

— Но я хочу быть действительно красивой!

— Ты действительно красива. Ты действительно красивый... утенок. Мой красивый утенок. Мой прекрасный лебеденок... Лебеденок...

— О, госпожа Йеннифэр!

— Цири, ты наделаешь мне синяков.

— Госпожа Йеннифэр?

— Слушаю.

— На что ты так смотришь?

— На то вон дерево. Это липа.

— А что в ней такого интересного?

— Ничего. Просто мне приятно ее видеть. Меня радует, что я... я могу ее видеть.

— Не понимаю.

— Это хорошо.

Тишина. Молчание. Душно.

— Госпожа Йеннифэр?

— Что еще?

— К твоей ноге ползет паук. Смотри, какой противный.

— Паук как паук.

— Убей его!

— Мне не хочется наклоняться.

— Тогда убей заклинанием!

— На территории храма Мелитэле? Чтобы Нэннеке вытурила нас в шею? Нет уж, благодарю. А теперь сиди смирно. Мне надо подумать.

— А над чем ты так раздумываешь? Ну, ну, все. Молчу.

— Не нахожу слов от радости. А я уже начала было опасаться, что ты задашь один из своих несравненных вопросов.

— Почему бы и нет? Я люблю твои несравненные ответы!

— Наглеешь, утенок.

— Я — чародейка. А чародейки ехидны и наглы.

Молчание. В воздухе неподвижность. Душно, как перед грозой. И тишина. На этот раз прерываемая только далеким карканьем воронья.

— Их все больше, — задрала Цири голову. — Летят и летят... Как осенью. Отвратные птицы... Жрицы говорят, что это плохой знак... Знамя... Нет. Знамение или как-то так. Что такое знамение, госпожа Йеннифэр?

— Прочитай в Dhu Dwimme morc. Там целая глава посвящена этому.

Молчание.

— Госпожа Йеннифэр?

— А, черт! Ну что там еще?

— Почему Геральт так долго... Почему он не приезжает?

— Наверно, забыл о тебе, утенок. Нашел себе девочку покрасивее.

— Ох, нет! Знаю, что не забыл! Не мог! Знаю, знаю наверняка, госпожа Йеннифэр!

— Прекрасно, что знаешь. Счастливый ты... утенок.

— Я тебя не любила, — повторила Цири.

Йеннифэр не взглянула на нее, по-прежнему стояла, отвернувшись, у окна и глядела в сторону темнеющих на востоке холмов. Над холмами небо было черным от воронья.

«Сейчас спросит, — подумала Цири, — почему я ее не любила. Нет, она слишком умна для таких вопросов. Сухо обратит внимание на грамматическую форму и спросит, с каких пор я начала употреблять прошедшее время. И я скажу. Я буду такая же сухая, как она, повторю ее тон, пусть знает, что я тоже умею притворяться холодной, бесчувственной и равнодушной, стыдящейся чувств и эмоций. Я ей все скажу. Хочу, должна все сказать. Хочу, чтобы она обо всем знала, прежде чем мы покинем храм Мелитэле. Прежде чем выедем, чтобы наконец встретиться с тем, по которому я тоскую. С тем, по которому тоскует она. С тем, кто наверняка тоскует по нам обеим. Хочу сказать ей, что...

Я скажу ей это. Только бы она спросила».

Чародейка отвернулась от окна, улыбнулась. И не спросила ни о чем.

Они выехали на следующее утро на заре. В мужских дорожных одеждах, в плащах, шапочках и капюшонах, прикрывающих волосы. Обе вооруженные.

Провожала их только Нэннеке. Они с Йеннифэр долго и тихо разговаривали, потом обе, чародейка и первосвященница, крепко, по-мужски пожали друг другу руки. Цири, держа поводья своей серой в яблоках лошади, хотела попрощаться так же, но Нэннеке не позволила. Обняла ее, прижала, поцеловала. В глазах у нее стояли слезы. У Цири тоже.

— Ну, — наконец сказала первосвященница, вытирая глаза рукавом. — Отправляйтесь. Пусть Великая Мелитэле

хранит вас в пути, дорогие мои. Но у богини и без вас множество дел, так что сами тоже не плошайте. Смотри за ней, Йеннифэр. Береги ее как зеницу ока.

— Надеюсь, — едва заметно усмехнулась чародейка, — что смогу уберечь гораздо лучше.

По небу в сторону Долины Понтара летели стаи ворон, громко каркая. Нэннеке не смотрела на них.

— Берегите себя, — повторила она. — Грядут тяжелые времена. Может оказаться, что Ithlinne aep Aevenien знала, что предрекает. Грядет Час Меча и Топора. Час Презрения и Волчьей Пурги. Береги ее, Йеннифэр. Не позволяй никому обижать ее.

— Я вернусь сюда, матушка, — сказала Цири, запрыгивая в седло. — Обязательно вернусь! Скоро!

Ей было невдомек, как сильно она ошибалась.

ЧАС ПРЕЗРЕНИЯ

Ты в крови. Лицо и руки.
Вся в крови твоя одежда.
Так гори, прими же муки,
Фалька, изверг. Брось надежду.

Детская песенка,
исполняемая во время аутодафе
куклы Фальки в сочевник Саовины

ВЕДЬМАНЫ, т.е. ведьмаки нордлингов (см.) — таинственная элитная каста жрецов-воинов, вероятно, один из друидских кланов (см.). Обладая, как считается в народе, магической силой и сверхчеловеческими способностями, В. боролись против чудовищ, злых духов и всяческих темных сил. В действительности же мастерски владевшие оружием В. использовались владыками Севера в межплеменных разборках. Во время боя В., впадая в транс, вызываемый, как полагают, самогипнозом либо одурманивающими декоктами, слепо бились, будучи совершенно невосприимчивыми к боли и даже серьезным телесным повреждениям, что укрепляло веру в их сверхъестественные способности. Теория, гласящая, что В. представляют собой продукт мутации либо генной инженерии, подтверждения не получила. В. — герои многочисленных сказаний нордлингов (ср. Ф. Деланной. «Мифы и легенды народов Севера»).

Эффенберг и Тальбот.
Encyclopaedia Maxima Mundi; т. XV

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Чтобы зарабатывать на жизнь в качестве настоящего гонца, — любил говаривать Аплегатт поступающим на службу юнцам, — требуются, во-первых, золотая голова и, во-вторых, железная задница. Золотая голова, — поучал Аплегатт молодых гонцов, — необходима, поскольку под одеждой, в привязанной к голой груди плоской кожаной суме гонец возит только малозначительные сообщения, которые, не опасаясь, можно доверить ненадежной бумаге либо пергаменту. По-настоящему же важные, секретные известия, от которых многое зависит, гонец должен запомнить и повторить кому следует. Слово в слово. А это порой бывают непростые слова. Их и выговорить-то трудно, не то что запомнить. А чтобы запомнить и, повторяя, не ошибиться, надобна воистину золотая голова.

Что же касается железной задницы, так это любой гонец очень даже скоро почувствует сам, стоит ему провести в седле три дня и три ночи, протрястись сто, а то и двести верст по большакам, а ежели понадобится, то и по бездорожью. Ну, само собой, сидишь в седле не беспрерывно, иногда слезаешь, чтобы передохнуть. Потому как человек может выдержать многое, а лошадь — нет. Но когда после передышки снова заберешься в седло, то кажется, что зад в голос вопит: «Спасите, убивают!»

— А кому в наше время нужны конные гонцы, господин Аплегатт? — иногда удивлялись молодые люди. — К приме-

ру, из Венгерберга до Вызимы никому не доскакать быстрее, чем в четыре-пять дней, даже на самом что ни на есть резвом скакуне. А сколько времени понадобится чародею, чтобы из того же Венгерберга переслать магическое сообщение в Вызиму? Полчаса, а то и меньше. У гонца конь может сбить ногу. Его могут прикончить разбойники или белки, разорвать волки или грифы. Был гонец, и нет гонца. А чародейское сообщение завсегда дойдет, дороги не попутает, не запоздает и не затеряется. К чему гонцы, коли при каждом королевском дворе есть чародеи? Нет, господин Аплегатт, теперь гонцы уже не нужны.

Какое-то время Аплегатт тоже думал, что больше он не пригодится. Ему было тридцать шесть. Ростом, правда, он не выдался, но был силен и жилист, работы не чурался, и голова была у него, разумеется, золотая. Мог он найти другую работу, чтобы прокормить себя и жену, отложить немного деньжат на приданое двум незамужним пока дочерям, мог по-прежнему помогать замужней, мужу которой, безнадежному недотепе, постоянно не везло в делах. Но Аплегатт не хотел и не представлял себе другой работы. Он был королевским конным гонцом.

И вдруг, после долгого мучительного бездействия и никомуненужности, Аплегатт снова потребовался. По большакам и лесным просекам застучали конские копыта. Гонцы, как в добрые старые времена, опять принялись бороздить краину, разнося известия от города к городу.

Аплегатт знал, в чем тут дело. Он видел много, а слышал и того больше. От него требовалось незамедлительно стереть из памяти содержание переданного сообщения, забыть о нем так, чтобы не вспомнить даже под пытками. Но Аплегатт помнил. Помнил и знал, почему короли вдруг перестали обращаться к магии и магикам. Сообщения, которые перевозили гонцы, должны были оставаться тайной для чародеев. Короли вдруг не стали доверять магикам, перестали поверять им свои секреты.

Почему так неожиданно охладела дружба королей и чародеев, Аплегатт не знал, да и не очень-то хотел знать. И короли, и магики, по его мнению, были существами непо-

нятными, непредсказуемыми — особенно когда наступали трудные времена. А того, что наступили трудные времена, не заметить было невозможно, разъезжая от города к городу, от замка к замку, от королевства к королевству.

Дороги были забиты военными. По большакам пылили колонны пехотинцев и конников, а каждый встречный начальник был возбужден, взволнован, обидчив и так важен, будто судьбы мира зависели от него одного. Города и замки тоже были полны вооруженного люда, день и ночь там кипела лихорадочная суета. Обычно незаметные бургграфы и кастеляны теперь без устали метались по дворам и стенам замков, злые, словно осы перед бурей, орали, сквернословили, отдавали приказы (забывая проверить их исполнение), раздавали пинки и зуботычины. К крепостям и гарнизонам днем и ночью тянулись колонны тяжело груженных телег, навстречу им быстро и легко шли уже пустые обозы. На дорогах вздымали облака пыли перегоняемые прямо с пастбищ горячие трехлетки. Не привыкшие к удилам и вооруженному седоку лошади пользовались последними днями свободы, создавая погонщикам массу дополнительных хлопот, а другим пользователям дорог — немало забот.

Одним словом, в жарком неподвижном воздухе висела война.

Аплегатт приподнялся на стременах, осмотрелся. Внизу, у подножия взгорья, поблескивала река, круто извиваясь меж луговин и куп деревьев. За рекой, на юге, раскинулись леса. Гонец прижал пятками лошадь.

Время торопило.

Он был в пути уже два дня. Королевский приказ и почта застали его в Хагге, где он отдыхал после возвращения из Третогора. Из крепости выехал ночью, рысью прошел по большаку вдоль левого берега Понтара, перед рассветом пересек границу с Темерией, а теперь, в полдень второго дня, уже был на берегу Исмены. Если б король Фольтест оказался в Вызиме, Аплегатт вручил бы ему послание еще минувшей ночью. К сожалению, короля не было в столице, он пребывал на юге страны, в Мариборе, почти в двух сотнях верст от Вызимы. Аплегатт знал об этом, потому в районе

Белого Моста оставил ведущий на запад большак и поехал лесами в сторону Элландера. Он немного рисковал. В здешних лесах разбойничали белки — эльфьи бригады, скоя'таэли, и горе тому, кто попадал им в руки либо нарывался на стрелу. Но королевский гонец вынужден рисковать. Служба такая.

Аплегатт легко преодолел реку — с июня не было дождей, и вода в Исмене заметно спала. Придерживаясь опушки леса, добрался до дороги, ведущей из Вызимы на юго-восток, в сторону краснолюдских медеплавилен, кузниц и поселков в массиве Махакам. По дороге тащились телеги, их то и дело опережали конные разъезды. Аплегатт облегченно вздохнул. Где людно — нет скоя'таэлей. Кампания против восставших эльфов тянулась в Темерии уже год, преследуемые по лесам беличьи бригады разбились на мелкие группы, а мелкие группы держались вдали от шумных дорог, и засад на них не устраивали.

К вечеру он уже был на западной границе княжества Элландер, у развилки вблизи деревушки Завада, оттуда прямая и безопасная дорога вела на Марибор — сорок две версты мощеным людным трактом. На развилке пристроилась корчма. Он решил передохнуть и дать отдых лошади. Знал, что если выехать на заре, то, даже не особенно утомляя кобылку, можно будет еще до захода солнца увидеть серебряно-черные флаги на красных крышах башен мариборского замка.

Он расседлал кобылу и, отпустив слугу, сам протер ее. Аплегатт был королевским гонцом, а королевские гонцы никому не позволяют прикасаться к своим лошадям. Съел внушительную порцию яичницы с колбасой и четвертушку пеклеванного хлеба, запил квартой пива. Послушал сплетни. Самые разные. В корчме останавливались путешественники со всех сторон света.

В Доль Ангре снова заварушка, снова отряд лирийской кавалерии столкнулся на границе с нильфгаардским разъездом. Мэва, королева Лирии, опять на весь мир обвинила Нильфгаард в провокациях и попросила помощи у короля Демавенда из Аэдирна. В Гретогоре свершилась публичная

экзекуция реданского барона, который тайно сносился с эмиссарами нильфгаардского императора Эмгыра. В Каэдвене объединившиеся в большую группу подразделения скоя'таэлей учинили резню в форте Лейда. В ответ население Ард Каррайга устроило погром, истребив почти четыре сотни живших в столице нелюдей.

В Темерии, рассказали едущие с юга купцы, среди цинтрийских эмигрантов, собранных под штандарты маршала Виссегерда, царит печаль и траур, ибо подтвердилось страшное сообщение о смерти Львенка, княжны Цириллы, последней из рода королевы Калантэ, Львицы из Цинтры.

Было поведано еще несколько страшных и зловещих историй. Например, что в некоторых местностях коровы вдруг стали давать кровь, а не молоко, а на рассвете люди видели в тумане Деву Мора, предвестницу жуткой гибели. В Бругге, в районах леса Брокилон, заповедного королевства лесных дриад, объявился Дикий Гон, галопирующее по небесам скопище ведьм, а Дикий Гон, каждому ведомо, всегда предвещает войну. С полуострова Бремервоорд заметили призрачный корабль, а на его борту — привидение, черного рыцаря в шлеме с крыльями хищной птицы...

Дальше гонец прислушиваться не стал, он был сильно утомлен. Отправился в общую ночлежную комнату, колодой повалился на подстилку и уснул.

Поднялся на заре. Выйдя во двор, немного удивился — оказалось, что он не первым собрался в путь, а такое случалось не часто. У колодца стоял оседланный гнедой жеребец, рядом в корыте мыла руки женщина в мужской одежде. Услышав шаги Аплегатта, она обернулась, мокрыми руками собрала и отбросила на спину буйные черные волосы. Гонец поклонился. Женщина слегка кивнула.

Входя в конюшню, он чуть не столкнулся со второй ранней пташкой — молоденькой девушкой в бархатном берете, выводившей в этот момент серую в яблоках кобылу. Девушка потирала лицо и зевала, прижавшись к боку лошади.

— Ой-ёй, — буркнула она, проходя мимо гонца. — Точно, усну в седле... Усну... Аауаа...

— Холод разбудит, когда кобылку разгонишь, — вежливо сказал Аплегатт, стаскивая с балки седло. — Счастливого пути, мазелька...

Девушка повернулась и глянула на него так, словно только сейчас увидела. Глаза у нее были огромные и зелёные, как изумруды. Аплегатт накинул на лошадь чепрак.

— Счастливого пути, говорю. — Обычно он не был словоохотлив или разговорчив, но сейчас чувствовал потребность поболтать с ближним, даже если этим ближним была самая что ни на есть обычная заспанная девчонка. Может, виной тому — долгие дни одиночества на дороге, а может, то, что девчонка немного походила на его среднюю дочку.

— Храни вас боги, — добавил он, — от несчастий и дурных приключений. Вы же вдвоем, да к тому же женщины... А времена теперь недобрые. Кругом опасности поджидают на большаках...

— Опасности... — вдруг проговорила девочка странным, измененным голосом. — Опасность — тихая. Не услышишь, как налетит на серых перьях. Я видела сон. Песок... Песок был горячий от солнца...

— Что? — замер Аплегатт, прижимая к животу седло. — О чем ты, мазелька? Какой песок?

Девочка сильно вздрогнула, протерла лицо. Серая в яблоках кобыла тряхнула головой.

— Цири! — крикнула черноволосая женщина со двора, поправляя подпругу и вьюки. — Поспеши!

Девочка зевнула, глянула на Аплегатта, буркнула что-то невнятное. Казалось, она удивлена его присутствием в конюшне. Гонец молчал.

— Цири, — повторила женщина. — Заснула?

— Иду, иду, госпожа Йеннифэр!

Когда Аплегатт оседлал коня и вывел во двор, женщины и девочки там уже не было. Протяжно и хрипло пропел петух, разлаялась собака, в деревьях откликнулась кукушка. Гонец вскочил в седло. Неожиданно вспомнил зеленые глаза заспанной девочки, ее странные слова. Тихая опасность? Серые перья? Горячий песок? Не иначе как не в своем уме девка, подумал он. Множество таких сейчас встречается —

спятивших девчонок, обиженных в военные дни мародерами или другими бродягами. Да, не иначе тронутая. А может, просто как следует не проснувшаяся, еще толком не пришедшая в себя? Диву даешься, какие бредни порой люди плетут на рассвете, между сном и явью...

Он снова вздрогнул, а между лопатками почувствовал боль. Помассировал плечи пятерней.

Оказавшись на мариборском тракте, он всадил коню пятки в бока и послал в галоп.

Время торопило.

В Мариборе гонец отдыхал недолго — не кончился день, а ветер уже снова свистел у него в ушах. Новый конь, чубарый жеребец из мариборских конюшен, шел ходко, вытягивая шею и метя хвостом. Мелькали придорожные вербы. Грудь Аплегатта прикрывала сума с дипломатической почтой. Зад вопиял.

— Хоть бы ты себе шею свернул, летун проклятый! — рявкнул ему вслед возница, натягивая вожжи пары, напуганной промчавшимся чубарым. — Ишь прет, будто ему смерть пятки лижет! Ну-ну, при, дурень, все едино — от костлявой не сбежишь!

Аплегатт протер слезящиеся от ветра глаза.

Вчера он передал королю Фольтесту письмо, а потом проговорил тайное послание короля Демавенда:

Демавенд — Фольтесту. В Доль Ангре все готово. Ряженые ждут приказа. Намечен срок: вторая июльская ночь после новолуния. Люди должны высадиться на том берегу спустя два дня.

Над большаком, громко каркая, летели вороны. Они летели на восток, в сторону Махакама и Доль Ангра, в сторону Венгерберга. Гонец мысленно повторил слова секретного послания, которое через него король Темерии слал королю Аэдирна:

Фольтест — Демавенду. Первое: акцию задержать. Мудрилы собрались на острове Танедд, хотят встретиться и что-

то обсудить. Их Сбор может многое изменить. Второе: поиски Львенка можно прекратить. Подтвердилось: Львенок мертв.

Аплегатт ткнул чубарого пятками.

Время торопило.

Узкая лесная дорога была забита телегами. Аплегатт придержал коня, спокойно потрусил к последнему в длинной веренице возу. Сразу же сообразил, что через затор не пробиться. О том, чтобы повернуть назад, не было и речи: слишком большая потеря времени. Лезть в болотистую чащобу, чтобы обойти затор, тоже не очень улыбалось, тем более что дело шло к ночи.

— Что случилось? — спросил он возниц с последней телеги обоза, двух старичков, из которых один, похоже, дремал, а второй — был мертв. — Белки напали? Отвечайте! Я спешу!

Не успел старикан ответить, как со стороны невидимой в лесу головы колонны послышались крики. Возницы спешно запрыгивали на телеги, хлестали лошадей и волов, сопровождая удары малоизысканными проклятиями. Колонна тяжело стронулась с места. Дремавший старичок очнулся, тряхнул бородой, чмокнул мулам и хлестнул их вожжами по крупам. Старик, казавшийся мертвым, воскрес, сдвинул на затылок соломенную шляпу и глянул на Аплегатта.

— Гляньте-ка. Он спешит. Эй, сынок, те посчастливилося. В сам час прискакал.

— И то верно, — пошевелил бородой второй старик и подстегнул мулов. — В сам час. Ежели б в полудень заехал, стоял бы с нами, ждал вольного проезду. Все мы спешим, а торчать пришлося. А как проедешь, коли тракт запёрт?

— Тракт был закрыт? Это почему же?

— Свирепый людоедец объявился, сынок. На лыцаря напал, что сам-друг со слугой ехал. Лыцарю-то вроде как чуд энтот башку вместях со шлемом оторвал, коняке кишки выпустил. Слуга успел драпануть, кричал, мол, ужасть тама одна, мол, тракт аж красным стал от кровишши.

— Что за чудовище-то? — спросил Аплегатт, сдерживая коня, чтобы продолжить разговор с возницами едва волочившейся телеги. — Дракон?

— Неа, не дракон, — встрял второй старичок, тот, что в соломенной шляпе. — Говорят, мандыгор аль как-то этак. Слуга болтал, мол, летучий стервь, страсть какой жуткий. А уж ярый — мочи нету! Слуга думал, сожрет лыцаря и улетит, ан где тама! Уселси на дороге, курвишше, и сидит, шипит, зубишшами клацает. Ну вот и закупорил дорогу, навроде как пробка флягу, потому как ежели кто подъезжал и чуду энту видел, тут же воз бросал и деру. Возов понабралося с полверсты, а кругом, сам видишь, болоты, сынок, пушша и трясина, ни объехать, ни завернуть. Вот и стоим, стало быть.

— Столько народу, — фыркнул гонец, — а стояли как столбы какие! Надо было топоры хватать да колья и согнать зверюгу с дороги, а то и прибить.

— Оно, конешным делом, пробовали. Некоторые, — сказал державший вожжи старичок, подгоняя мулов, потому что колонна двинулась быстрее. — Трое краснолюдинов из купецкой стражи, а с ими четверо новобранцев, что в Каррерас в крепость шли, в войско. Краснолюдов бестия покалечила, а новобранцы...

— Сбегли, — докончил второй старичок, после чего сочно и далеко сплюнул, попав точно между крупами мулов. — Сбегли, едва энту мандыгорину узрели. Один вроде бы в штаны наклал. О, глянь, глянь, сынок, это он! Вона там!

— Еще чего, — занервничал Аплегатт, — засранца мне собрались показывать? Не интересуюсь...

— Да нет! Чудишше! Убитое чудишше. Солдаты на фуру кладут. Видишь?

Аплегатт приподнялся на стременах. Несмотря на опускающиеся сумерки, через головы любопытных увидел, как солдаты поднимают огромную бледно-желтую тушу. Крылья летучей мыши и скорпионий хвост чудовища бессильно волочились по земле. Гакнув, солдаты подняли тушу повыше и свалили на воз. Запряженные в воз лошади, взволнованные запахом крови и падали, заржали, дернули дышло.

— Не стоять! — рявкнул на старичков командовавший солдатами десятник. — Дальше! Не загораживать проезд!

Дедок подогнал мулов, воз подскочил на выбоинах. Аплегатт ткнул коня пяткой, поравнялся с ними.

— Похоже, солдаты бестию прикончили?

— Куды там, — возразил старичок. — Солдаты, как пришли, только на людей орали да ругались. То — стой, то — оттяни назад, то то, то другое. К чуду-то не больно спешили. Послали за ведьмаком.

— Ведьмаком?

— Ну да, — подтвердил второй старичок. — Которому-то из них припомнилося, будто он в деревне ведьмака видел, вот и послали за им. Опосля он проезжал мимо нас. Волос белый, морда отвратная и крепкий меч за спиной. И часу не прошло, как спереду кто-то крикнул, мол, щас можно будет ехать, потому как ведьмак бестию укотрупил. Тута наконец тронулися мы, и аккурат, сынок, ты заявился!

— Хм, — задумчиво проговорил Аплегатт. — Сколько лет по дорогам гоняю, а ведьмака еще не встречал. Кто-нибудь видел, как он то чудовище уделывал?

— Я видел! — крикнул паренек с расчехранной шевелюрой, подъезжая с другой стороны телеги. Ехал он без седла, управлял худой клячей с помощью уздечки. — Все видел! Потому как рядом с солдатами был, в самом переду!

— Гляньте-ка на него, — фыркнул старик с вожжами. — Молоко на губах не обсохло, а умничает — страх! А хлыста не хочешь?

— Оставьте его, отец, — бросил Аплегатт. — Скоро развилок, оттуда я на Каррерас пойду, а сначала хотелось бы знать, как оно было с тем ведьмаком. Давай выкладывай, малый.

— А было оно так, — быстро начал парень, двигаясь шагом вровень с телегой, — что прибыл тот ведьмак к войсковому командиру. Сказал, что звать его Герант. Командир ему на то: мол, как звать, так и звать, лучше пусть за дело берется. И показал, где чудовище сидит. Ведьмак подошел ближе, поглядел малость. До чудовища было шагов сто, может, меньше, но он только сдаля глянул и сразу го-

ворит, мол, это исключительно агромадный мантихор и что он его прибьет, ежели ему двести крон заплатят.

— Двести крон? — зашелся второй старичок. — Он што, сдурел?

— То же ему и командир сказал, только малость погрубше. А ведьмак на то: мол, столько это стоит и что ему-де все едино, пусть чудовище сидит на дороге хоть до Судного дня. Командир в ответ, что столько не заплатит, лучше погодит, пока чудо само улетит. Ведьмак ему: мол, не улетит, потому как оно голодное и злое. А ежели улетит, то тут же обратно возвернется, потому как это его охотничья тера... терера... тория.

— А ты, сопляк, не балаболь! — разозлился старичок, без видимого результата пытаясь высморкаться в пальцы, в которых одновременно держал вожжи. — Говори, как оно было...

— А я чего? Ведьмак говорит: не улетит чудовище, а будет всю ночь убитого лыцаря глодать помаленьку, потому как лыцарь в железе, трудно его выковыривать изнутря-то. Тут подошли купцы и ну ведьмака уламывать: и так, и этак, мол, скинутся и сто крон ему дадут. А ведьмак в ответ, что бестия-де зовется мантихор и сильно опасна, а свои сто крон купцы могут запихать себе в задницу, он шею подставлять задарма не намерен. Ну тут командир рассерчал и говорит: мол, такова, значит, собачья и ведьмачья доля — шею подставлять, а задница не для крон сделана, а к сранью приспособлена. А купцы, видать, боялися, что ведьмак тоже разозлится и уйдет, потому как согласились на сто пятьдесят. Ну ведьмак меч достал и отправился по тракту к тому месту, где чуда сидела. А командир, видать, со зла, шагнул след за ним, на землю сплюнул и говорит, что таких выродков адовых незнамо почему земля носит. Один купец ему на то, что коли б войско заместо того, чтоб по лесам за эльфами гоняться, страховидлов с дорог выгоняло, то и ведьмаки не нужны были бы, и что...

— Заткнись, — прервал старичок, — и давай выкладывай, что видал.

— Я, — похвалился парень, — ведьмакову кобылу стерег, каштанку со стрелкой белой.

— Хрен с ней, с кобылой! А как ведьмак чудишше забивал, видел?

— Эээ, — затянул парень. — Не видел... Меня назад прогнали. Все в голос орали и коней пугали, тогда...

— Я сказал, — презрительно сплюнул дедок, — ни фига ты не видел, сопляк.

— Ведьмака видел, когда он вернулся, — захороҳорился паренек. — А командир, который на все смотрел, сбледнул с лица и тихо проговорил солдатам, что энто не иначе как чары магические либо эльфьи фокусы и что обнаковенный человек так быстро мечом махать не сумеет... А ведьмак взял у купцов деньги, уселся на кобылу и уехал.

— М-да, — протянул Аплегатт. — Куда поехал? По тракту к Каррерасу? Если да, то, может, догоню. Хоть гляну на него...

— Неа, — сказал паренек. — Он с развилка в сторону Дорьяна двинул. Спешил сильно.

Ведьмаку редко что-нибудь снилось, да и те редкие сны он, проснувшись, не помнил. Даже кошмары — а обычно это кошмары и были.

На сей раз тоже был кошмар, но на сей раз ведьмак запомнил по крайней мере фрагмент. Из клубка каких-то неясных, но беспокоящих фигур, странных, зловещих сцен и непонятных, но навевающих ужас слов и звуков неожиданно вылущился четкий и чистый образ Цири. Не такой, какой он помнил по Каэр Морхену. Ее пепельные, развевающиеся в галопе волосы были длиннее — такие, как тогда, при первой встрече в Брокилоне. Когда она — во сне — проносилась мимо, он хотел крикнуть, но не мог издать ни звука. Хотел броситься за ней, но ему чудилось, будто он по пояс увяз в густеющей смоле. А Цири, казалось, не видит его, уносится дальше, в ночь, скрывается между покореженными ольхами и вербами, а деревья словно живые размахивают ветвями. И тут он увидел, что ее преследуют, что вслед за нею мчится вороной конь, а на нем — всадник в черных доспехах и шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

Геральт не мог ни пошевелиться, ни крикнуть. Мог только смотреть, как крылатый рыцарь догоняет Цири, хватает за волосы, стаскивает с седла и мчится дальше, волоча ее за собой. Он мог только смотреть, как лицо Цири синеет от боли, а изо рта ее вырывается беззвучный крик. Проснуться! — приказал он себе, не в силах выносить кошмар. Проснуться! Проснуться немедленно!

Он проснулся.

Долго лежал неподвижно, заново переживая сон. Вытянул из-под подушки мешочек, быстро пересчитал десятикроновки. Сто пятьдесят за вчерашнего мантихора. Пятьдесят за мгляка, которого убил по просьбе войта из деревушки под Каррерасом. И пятьдесят за оборотня, которого ему указали поселенцы из Бурдорфа.

Пятьдесят за оборотня — работа была легкой. Оборотень не защищался. Загнанный в пещеру, из которой не было выхода, он упал на колени и молча ожидал удара мечом. Ведьмаку было его жаль.

Но ему нужны были деньги.

Не прошло и часа, как он уже ехал по улицам города Дорьяна в поисках знакомого переулка и знакомой вывески.

Вывеска гласила: «Кодрингер и Фэнн. Консультации и юридические услуги». Однако Геральт прекрасно знал, что занятия Кодрингера и Фэнна имели в принципе очень мало общего с законом, у самих же партнеров была масса причин избегать любого контакта как с законом, так и с его представителями. Не менее серьезно ведьмак сомневался и в том, что кто-либо из клиентов, посещавших контору, вообще знал, что означает слово «консультации».

На нижний этаж с улицы входа не было — были только солидно запертые ворота, вероятно, ведущие в сарай с телегами или в конюшню. Чтобы добраться до дверей, требовалось обойти дом сзади, войти на грязный, полный кур и уток двор, оттуда подняться по лесенке, а затем пройти по узкой галерейке к темному коридору. Только тогда посетитель оказывался перед крепкими, окованными железом две-

рями красного дерева, украшенными большой латунной колотушкой в форме львиной головы.

Геральт постучал и сразу же отступил. Он знал, что вмонтированный в двери механизм может выстрелить через скрытые в оковке отверстия двадцатидюймовыми железными стрелами. Теоретически стрелы вылетали из дверей только в том случае, когда кто-либо пытался алхимичить с замком или же когда Кодрингер либо Фэнн нажимали на спусковое устройство, но Геральт уже не раз убеждался, что безотказных механизмов не существует и порой они действуют даже тогда, когда действовать, казалось бы, не должны. И наоборот.

Видимо, в дверях было какое-то — скорее всего чародейское — приспособление, опознающее гостей. После того как посетитель ударял колотушкой, никто изнутри никогда ни о чем не спрашивал и не требовал, чтобы ему отвечали. Двери отворялись, и в них появлялся Кодрингер, и никогда — Фэнн.

— Привет, — сказал Кодрингер. — Входи. Незачем так прижиматься к стенке: я размонтировал защиту. Несколько дней назад с ней что-то приключилось, она ни с того ни с сего заработала и продырявила старьевщика. Входи смело. У тебя дело ко мне?

— Нет. — Ведьмак вошел в просторные мрачные сени, в которых, как всегда, слегка отдавало кошкой. — Не к тебе. К Фэнну.

Кодрингер расхохотался, утверждая ведьмака в подозрении, что Фэнн — фигура стопроцентно мифическая, служившая лишь тому, чтобы вводить в заблуждение судебных приставов, прево, сборщиков налогов и прочих ненавистных Кодрингеру личностей.

Они вошли в контору, в которой было посветлее: комната располагалась на втором этаже, и в солидно зарешеченные окна большую часть дня светило солнце. Геральт занял стул, предназначенный для клиентов. Напротив за дубовым столом раскинулся в мягком кресле Кодрингер, велевший именовать себя «юристом», человек, для которого не существовало ничего невозможного. Если у кого-то

возникали затруднения, заботы, проблемы — он шел к Кодрингеру. И тут же получал на руки доказательства непорядочности и злоупотреблений компаньонов или банковский кредит без обеспечения и гарантий. Единственный в длинном списке кредиторов взыскивал наличность с фирмы, объявившей себя банкротом. Получал наследство, несмотря на то, что богатый дядюшка грозился не оставить ему ни медяка. Выигрывал процесс о наследстве, потому что даже самые близкие родственники неожиданно снимали претензии. Сын клиента выходил из тюрьмы либо освобожденный от обвинений на основании неопровержимых доказательств, либо ввиду отсутствия таковых, ибо, если даже доказательства в свое время и существовали, они таинственным образом исчезали, а свидетели наперебой отказывались от прежних показаний. Охотник за приданым, пытающийся заарканить дочку, неожиданно обращал свои интересы на другую. Любовник жены или соблазнитель дочери в результате несчастного случая получал переломы трех конечностей, в том числе по меньшей мере одной верхней. Заклятый враг или иной столь же неудобный тип переставал вредить — как правило, он пропадал без следа. Да, если у кого-то были проблемы, он ехал в Дорьян, быстренько бежал в фирму «Кодрингер и Фэнн» и стучался в двери красного дерева. В дверях возникал «юрист» Кодрингер, невысокий, щуплый, седовласый, с нездоровой кожей, какая бывает у человека, редко выходящего на свежий воздух. Кодрингер приглашал в контору, усаживался в кресло, брал на колени большущего черно-белого кота и поглаживал его. Оба — Кодрингер и котяра — осматривали клиента неприятным, вызывающим беспокойство взглядом желто-зеленых глаз.

— Я получил твое письмо. — Кодрингер и кот бросили на ведьмака желто-зеленые взгляды. — Посетил меня также и Лютик. Он проезжал через Дорьян несколько недель назад. Рассказал кое-что о твоих заботах и горестях. Но очень мало. Слишком мало.

— Правда? Ты меня удивляешь. Это первый известный мне случай, когда Лютик не сказал слишком много.

— Лютик, — Кодрингер не улыбнулся, — мало сказал, потому что и знал мало. А сказал меньше, чем знал, потому что попросту кое о чем ты ему говорить запретил. Откуда такое недоверие? Причем к коллеге?

Геральт едва заметно вздохнул. Кодрингер собирался сделать вид, будто не заметил, но не смог, потому что заметил кот. Широко раскрыв глаза, кот обнажил белые клыки и почти беззвучно зашипел.

— Не раздражай кота, — сказал «юрист», успокаивая животное. — Тебе не понравилось слово «коллега»? Но это же правда. Я тоже своего рода ведьмак. Я тоже освобождаю людей от чудовищ и чудовищных забот. И тоже делаю это за деньги.

— Есть некоторая разница, — проворчал Геральт под все еще недружелюбным взглядом кота.

— Есть, — согласился Кодрингер. — Ты — ведьмак анахроничный, а я ведьмак — современный, идущий в ногу со временем. Поэтому вскоре ты останешься без работы, а я буду процветать. Выворотней, стрыг, эндриаг и вурдалаков в мире не останется. А сукины дети будут всегда.

— Но ты-то в основном избавляешь от хлопот именно сукиных детей, Кодрингер. Запутавшиеся в несчастьях бедняки не в состоянии оплатить твои услуги.

— Твои — тоже. Бедняки никогда ничего оплатить не в состоянии. Это им не по силам. Потому они и остаются бедняками.

— Удивительная логика! А уж новая — дух захватывает.

— Таково свойство истины — захватывать дух. А истина-то именно в том, что базу и опору нашей с тобой профессии составляют сукины дети. С той только разницей, что твои уже почти реликт, а мои — реальны и набирают силу.

— Хорошо, хорошо. Давай ближе к делу.

— Давно пора, — кивнул Кодрингер, поглаживая кота, который напрягся и громко замурлыкал, впиваясь когтями ему в колено. — И покончим с делами в порядке их значимости. Первое: мой гонорар, коллега ведьмак, составляет двести пятьдесят новиградских крон. Ты располагаешь та-

кой суммой? Или тоже относишься к запутавшимся в забо тах и хлопотах беднякам?

— Сначала проверим, заработал ли ты столько.

— Проверку, — холодно сказал «юрист», — ограничь исключительно собственной персоной и поспеши. А ко да уже проверишь, выкладывай деньги на стол. Вот тогда и перейдем к следующим, менее важным вопросам.

Геральт отвязал от пояса мешочек и со звоном бросил на стол. Кот мгновенно спрыгнул с колен хозяина и сбежал. «Юрист» спрятал мешочек в ящик стола, не проверя содержимого.

— Ты спугнул кота, — сказал он с явным укором.

— Прости. Думал, звон монет — последнее, что может его спугнуть. Говори, что удалось узнать.

— Риенс, — начал Кодрингер, — который тебя так интересует, фигура довольно таинственная. Мне удалось уста новить лишь, что два года он провел в школе чародеев в Бан Арде. Его вытурили оттуда, прихватив на мелких кра жах. У школы, как обычно, ожидали вербовщики из каэдвенской разведки. Риенс дал себя завербовать. Что он делал для разведки Каэдвена, мне установить не удалось. Но выкидышей из школы чародеев обычно натаскивают на убийц Сходится?

— Тютелька в тютельку. Продолжай.

— Следующая информация из Цинтры. Господин Риенс сидел там в кутузке. Во времена правления коронеы Калантэ.

— За что?

— Представь себе, за долги. Сидел недолго, кто-то его выкупил, выплатив долги вместе с процентами. Операция была осуществлена через банк анонимным доброхотом. Я пытался проследить, от кого шли деньги, но после четырех банков сдался. Риенса выкупил профессионал. И ему очень важна была анонимность.

Кодрингер замолчал, тяжело раскашлялся, приложив платочек ко рту.

— И вдруг сразу по окончании войны господин Риенс появился в Солдене, в Ангрене и в Бругге, — продолжил он

после недолгой паузы, вытерев губы и взглянув на платочек. — Изменившийся до неузнаваемости, во всяком случае, в смысле поведения и количества наличных, которыми сорил налево и направо. Потому что ежели говорить об имени, то наглец не перетрудился — продолжал пользоваться именем «Риенс». И как Риенс предпринял интенсивные поиски некоей особы, вернее, особки. Навестил друидов из ангренского Круга, тех, что приютили сирот войны. Тело одного друида через некоторое время нашли в ближайшем лесу, изуродованное, со следами пыток. Потом Риенс появился в Заречье...

— Знаю, — прервал Геральт. — Знаю, что он сделал с семьей кметов из Заречья. За двести пятьдесят крон я рассчитывал на большее. Пока что новостью для меня была лишь информация о школе чародеев и каэдвенской разведке. Остальное знаю. Знаю, что Риенс — беспощадный убийца. Знаю, что он наглый прохвост и мерзавец, не пытающийся даже брать себе фальшивые имена. Знаю, что работает по чьему-то поручению. По чьему, Кодрингер?

— По поручению какого-то чародея. Этот чародей выкупил его из каталажки. Ты сам сказал, а Лютик подтвердил, что Риенс пользуется магией. Настоящей магией — не фокусами, которые мог бы знать как бывший школяр. Стало быть, кто-то его поддерживает, снабжает амулетами, скорее всего обучает втайне. Некоторые из официально практикующих магиков имеют таких секретных учеников и фактотумов для вершения нелегальных либо грязных делишек. На их жаргоне нечто подобное называется «ходить на поводке».

— Ходя на чародейском поводке, Риенс воспользовался бы камуфлирующей магией. А он не меняет ни имени, ни внешности. Не стал даже осветлять кожу после ожога, которым его наградила Йеннифэр.

— Это-то и подтверждает, что он ходит на поводке! — Кодрингер закашлялся, отер губы платочком. — Потому что чародейский камуфляж — никакой не камуфляж, только дилетанты применяют нечто подобное. Если бы Риенс скрывался под магическим покровом либо иллюзорной маской,

об этом просигналил бы всякий магический аларм, а такие алармы сейчас имеются практически во всех городских воротах. А чародеи улавливают иллюзорные маски безошибочно. В любом скоплении народа, в самой большой толчее Риенс обратил бы на себя внимание каждого чародея так, словно из ушей у него пышет огонь, а из задницы прут клубы дыма. Повторяю: Риенс действует по распоряжению чародея и действует так, чтобы не привлекать к себе внимания других чародеев.

— Некоторые считают его нильфгаардским шпионом.

— Знаю. Например, Дийкстра, шеф реданской разведки. Дийкстра ошибается редко, поэтому можно принять, что и на этот раз он прав. Но одно не исключает другого. Фактотум чародея может одновременно быть и нильфгаардским шпионом.

— А это значит, что какой-то официально практикующий чародей шпионит в пользу Нильфгаарда с помощью тайного фактотума.

— Глупости. — Кодрингер закашлялся, внимательно осмотрел платок. — Чародей шпионит в пользу Нильфгаарда? Чего ради? Из-за денег? Смешно. Рассчитывая на большую власть под правлением победоносного императора Эмгыра? Еще смешнее. Не секрет, что Эмгыр вар Эмрейс держит своих чародеев в черном теле. Чародеи в Нильфгаарде играют исключительно служебную роль, как, скажем, конюхи. И власти у них не больше, чем у тех же конюхов. Кто-нибудь из наших разнузданных магиков решился бы на борьбу в пользу императора, у которого стал бы конюхом? Филиппа Эйльхарт, которая диктует Визимиру Реданскому королевские указы и эдикты? Сабрина Глевиссиг, перебивающая речи Хенсельта Каэдвенского ударом кулака по столу и приказывающая королю заткнуться и слушать? Или, может, Вильгефорц из Роггевеена, недавно ответивший Демавенду Аэдирнскому, что ему сейчас не до короля?

— Короче, Кодрингер. Так что там с Риенсом?

— Ничего особенного. Нильфгаардская разведка пробует добраться до чародея, привлекая к сотрудничеству его фактотума. Из того, что мне известно, Риенс не побрезго-

вал бы нильфгаардскими флоренами и не задумываясь предал бы своего мэтра.

— Теперь-то уж ты несешь чепуху. Даже наши разнузданные, как ты их назвал, магики сообразили бы, что их предали, а раскрытый Риенс повис бы на шибенице. Если б повезло.

— Ну и ребенок же ты, Геральт. Раскрытых шпионов не вешают, а используют. Фаршируют дезинформацией, пытаются переделать в двойных агентов...

— Не заставляй ребенка скучать, Кодрингер. Меня не интересуют ни закулисные делишки разведок, ни политика. Риенс наступает мне на пятки, я хочу знать, почему и по чьей указке. Получается, что по указке какого-то чародея. Кто этот чародей?

— Еще не знаю. Но вскоре буду знать.

— Вскоре, — процедил ведьмак, — для меня слишком поздно.

— Не исключаю, — серьезно проговорил Кодрингер, — что ты влип в паскудную историю, Геральт. Хорошо, что обратился ко мне, я умею вытаскивать из историй. В принципе тебя уже вытащил.

— Серьезно?

— Серьезно. — «Юрист» приложил платок к губам и закашлялся. — Видишь ли, коллега, кроме чародея, а возможно, и Нильфгаарда, в игре участвует и третья партия. Представь себе, меня посетили агенты тайных служб короля Фольтеста. У них возникли затруднения. Король приказал искать некую потерявшуюся княжну. Когда оказалось, что все не так просто, агенты решили обратиться к специалисту по непростым делам. Излагая проблему, они намекнули специалисту, что о разыскиваемой княжне может многое знать некий ведьмак. Больше того, он даже может знать, где она находится.

— И что на это специалист?

— Для начала выразил недоумение. Его, понимаешь ли, удивило, что упомянутого ведьмака до сих пор не упекли в темницу, чтобы там традиционными способами вытянуть все, что он знает, и немало того, чего не знает, но придума-

ет, дабы удовлетворить любопытство вопрошающих. Агенты ответили, что шеф запретил. У ведьмаков, пояснили агенты, ужасно хилая нервная система, и под пытками они тут же умирают, поскольку, как образно они выразились, у ведьмаков жилка в мозгу лопается. Поэтому-то им было поручено за ведьмаком только следить, но и эта задача оказалась им не по плечу. Специалист похвалил агентов за рассудительность и велел забежать через две недельки.

— И забежали?

— А как же. И тогда специалист, который уже считал тебя клиентом, представил агентам неопровержимые доказательства того, что ведьмак Геральт не имел, не имеет и не может иметь ничего общего с разыскиваемой княжной. Ибо специалист отыскал очевидцев кончины княжны Цириллы, внучки королевы Калантэ, дочери принцессы Паветты. Цирилла умерла три года назад в лагере для беженцев в Ангрене. Дифтерит. Перед смертью девочка страшно страдала. Не поверишь, у темерских агентов слезы в глазах стояли, когда они слушали моих очевидцев.

— У меня тоже стоят. Насколько я понимаю, темерски агенты не могли или не хотели предложить тебе больше двухсот пятидесяти крон?

— Твой сарказм разрывает мне сердце, ведьмак. Я вытащил тебя из паскудной истории, а ты вместо благодарности заставляешь меня страдать.

— Благодарю и прошу прощения. Зачем король Фольтест велел агентам искать Цири, Кодрингер? Что им было велено сделать, когда найдут?

— Ну и недогадлив же ты. Конечно, прикончить. Ее считают претенденткой на трон Цинтры, а относительно этого трона существуют и другие планы.

— Тут что-то не клеится, Кодрингер. Трон Цинтры сгорел вместе с королевским дворцом, городом и всей страной. Сейчас там правит Нильфгаард. Фольтест это прекрасно знает, другие короли тоже. Как Цири может претендовать на трон, которого уже нет?

— Пошли. — Кодрингер встал. — Попытаемся вместе найти ответ на твой вопрос. Попутно докажу, что доверяю

тебе... Что тебя так заинтересовало в этом портрете, позволь узнать?

— То, что он продырявлен так, словно дятел долбил его несколько сезонов подряд, — сказал Геральт, глядя на картину в золоченой раме, висящую на стене напротив стола «юриста». — И то, что на нем изображен исключительный идиот.

— Мой покойный родитель. — Кодрингер слегка поморщился. — Редкостный кретин. Я повесил портрет здесь, чтобы он всегда был у меня перед глазами. В качестве предостережения. Пошли, ведьмак.

Они вышли в сени. Котяра, лежавший посредине ковра и страстно вылизывавший вытянутую под странным углом заднюю лапу, при виде ведьмака незамедлительно сбежал в темень коридора.

— Почему коты так тебя не любят, Геральт? Тут есть что-то общее с...

— Да, — отрезал Геральт. — Есть...

Панель красного дерева беззвучно раздвинулась, явив потайной ход. Кодрингер прошел первым. Панель, несомненно, приводимая в движение магически, закрылась за ними, но они не погрузились в темноту. Из глубин коридора струился свет.

В помещении в конце коридора было прохладно и сухо, в воздухе стоял тяжкий, удушливый запах пыли и свечей.

— Познакомишься с моим компаньоном, Геральт.

— С Фэнном? — усмехнулся ведьмак. — Быть не может.

— Может. Признайся, ты подозревал, что никакого Фэнна не существует?

— Ну что ты...

Между подпирающими низкий потолок шкафами и книжными стеллажами послышался скрип, а спустя минуту оттуда выехал странный экипаж. Это было высокое кресло на колесах. В кресле сидел карлик с огромной головой, покоящейся — если не считать шеи — на непропорционально узких плечах. У карлика не было обеих ног.

— Познакомьтесь, — сказал Кодрингер. — Иаков Фэнн, ученый-правовед, мой компаньон и неоценимый сотрудник. А это наш гость и клиент...

— ...ведьмак Геральт из Ривии, — с улыбкой договорил калека. — Нетрудно догадаться. Работаю над проблемой несколько месяцев. Извольте за мной, милсдари.

Они двинулись вслед за поскрипывающим креслом по лабиринту между стеллажами, прогибающимися под тяжестью фолиантов, которых не постыдилась бы университетская библиотека Оксенфурта. Инкунабулы, по оценке Геральта, накапливало несколько поколений Кодрингеров и Фэннов. Ему было приятно оказанное доверие, радовало, что наконец-то можно познакомиться с Фэнном. Однако он не сомневался, что персона ученого правоведа, хоть и абсолютно реальная, частично была и мифической. Мифического Фэнна, неразлучное alter ego Кодрингера, частенько видывали в городке, а прикованный к креслу ученый правовед, вероятнее всего, никогда помещения не покидал.

Середина комнаты была освещена особенно хорошо, здесь стоял невысокий, доступный для кресла на колесах пюпитр, на котором громоздились книги, свитки пергамента и веленевой бумаги, отдельные листы, какие-то документы, бутыли чернил и туши, пучки перьев и многочисленные загадочные принадлежности. Впрочем, не все были загадочными. Геральт узнал формы для подделки печатей и алмазную терку для ликвидации записей на официальных документах. На середине пюпитра лежал небольшой пулевой арбалет-репетир, а рядом из-под бархатной ткани выглядывали огромные увеличительные стекла, изготовленные из шлифованного горного хрусталя. Такие стекла были редкостью и стоили целое состояние.

— Нашел что-нибудь новое, Фэнн?

— Немного. — Калека улыбнулся. Улыбка была милой и располагающей. — Укоротил перечень потенциальных работодателей Риенса до двадцати восьми чародеев...

— С этим пока погодим, — быстро прервал Кодрингер. — Сейчас нас интересует другое. Изложи Геральту причины, по которым исчезнувшей княжной Цинтры так активно заинтересовались агенты Четырех Королевств.

— В жилах девочки течет кровь королевы Калантэ, — проговорил Фэнн, как бы удивленный необходимостью

объяснять очевидное. — Она — последняя из королевского рода. У Цинтры серьезное стратегическое и политическое значение. Затерявшаяся, оказавшаяся вне пределов досягаемости претендентка на трон неудобна и даже опасна, если она попадет под нежелательное влияние. Например, влияние Нильфгаарда.

— Насколько я помню, — сказал Геральт, — в Цинтре закон лишил женщин права наследовать трон.

— Верно, — подтвердил Фэнн и снова улыбнулся. — Но ведь женщина может стать чьей-то женой и матерью ребенка мужеского пола. Разведслужбы Четырех Королевств узнали о предпринимаемых Риенсом лихорадочных поисках княжны и убеждены, что именно об этом речь. Поэтому решили не дать княжне возможности стать женой и матерью. Простым, но эффективным способом.

— Но княжна мертва, — быстро бросил Кодрингер, наблюдая за изменениями, которые на лице Геральта вызвали слова улыбающегося карлика. — Агенты узнали об этом и прекратили поиски.

— Временно прекратили. — Ведьмак с великим трудом сохранял спокойствие и холодный тон. — Ложь тем отличается от истины, что непременно становится явью. Кроме того, королевские агенты — только одна из партий, участвующих в игре. Агенты, вы сами это сказали, преследовали Цири, чтобы спутать планы другим, тем, кто ее ищет. А другие могут оказаться не столь податливыми на дезинформацию. Я нанял вас, чтобы вы нашли способ обеспечить ребенку безопасность. Ваши предложения?

— Есть у нас некая концепция. — Фэнн глянул на компаньона, но не увидел на его лице приказа молчать. — Мы хотим тонко, но широко распустить слухи, что не только княжна Цири, но даже ее возможные мужские потомки не имеют никаких прав на трон Цинтры.

— В Цинтре кудель не наследует, — пояснил Кодрингер, борясь с очередным приступом кашля. — Наследует исключительно меч*.

* В средние века существовал закон «кудели и меча» — о наследовании трона по женской (кудель) и мужской (меч) линии. — *Примеч. пер.*

— Совершенно верно, — подтвердил ученый правовед. — Геральт только что сказал сам. Это древний закон, даже дьяволице Калантэ не удалось его отменить, а ведь как старалась.

— Она пыталась свалить закон интригой, — убежденно сказал Кодрингер. — Поясни, Фэнн.

— Калантэ была единственной дочерью короля Дагорада и королевы Адалии. После смерти родителей она выступила против аристократии, видевшей в ней не более чем жену будущего короля. А она хотела править самолично и лишь для проформы и ради поддержания династии соглашалась на институт принца-консорта, сидящего рядом, но значащего не больше, чем расфранченная кукла. Древние роды воспротивились. Калантэ могла выбрать одно из трех: гражданскую войну, отречение в пользу другой линии либо брак с Рёгнером, князем Эббинга. Она выбрала третье. Управляла страной, но... при Рёгнере. Естественно, не позволила себя укротить или отправить в бабий притвор. Она была Львицей из Цинтры. Но на троне сидел Рёгнер, хоть никто и не титуловал его Львом.

— А Калантэ, — добавил Кодрингер, — до зарезу надо было забеременеть и родить сына. Однако ничего не получилось. Она родила дочь, Паветту, потом было два выкидыша, и стало ясно, что больше детей у нее не будет. Все планы рухнули. Вот она, бабья доля. Разрушенная матка перехеривает непомерные амбиции.

Геральт поморщился:

— Ты тривиален до безобразия, Кодрингер.

— Знаю. Правда тоже была тривиальной. Потому что Рёгнер начал втихаря приискивать себе юную принцессу с соответственно широкими бедрами, желательно из семей с проверенной плодовитостью до прабабок включительно. А у Калантэ зашаталась почва под ногами. Любой обед, любой кубок вина могли быть последними, каждая охота могла завершиться несчастным случаем. Многое говорит за то, что именно тогда Львица из Цинтры взяла инициативу в свои руки. Рёгнер отошел в мир иной. В стране свирепствовала оспа, и смерть короля никого не удивила.

— Начинаю понимать, — проговорил ведьмак внешне равнодушно, — каковы будут слухи, которые вы намерены тонко, но широко распустить. Цири — по вашей версии — окажется внучкой отравительницы и мужеубийцы?

— Не забегай вперед, Геральт. Продолжай, Фэнн.

— Калантэ, — улыбнулся карлик, — сохранила себе жизнь, но корона была от нее все дальше. Когда после смерти Рёгнера Львица возжаждала абсолютной власти, аристократия вновь категорически воспротивилась нарушению законов и традиций. На троне Цинтры должен сидеть король, а не королева. Вопрос поставили ребром: как только маленькая Паветта начнет хоть немного смахивать на женщину, ее надлежит выдать за того, кто станет новым королем. Возможность повторного брака бесплодной королевы даже не рассматривалась. Львица из Цинтры поняла, что может рассчитывать самое большее на роль королевы-матери. Кроме того, мужем Паветты мог вообще стать человек, который полностью отстранил бы тещу от правления.

— Я снова буду тривиальным, — предупредил Кодрингер. — Калантэ всячески оттягивала момент замужества Паветты. Отвергла первый проект марьяжа, когда девочке было десять лет, и второй, когда той исполнилось тринадцать. Аристократы разгадали планы и потребовали, чтобы пятнадцатый день рождения Паветты стал ее последним днем в девичестве. Калантэ пришлось согласиться. Но уже раньше она добилась того, на что втайне рассчитывала. Паветта слишком долго ходила в девицах. У нее кое-где начало чесаться так, что она связалась с первым попавшимся бродягой, к тому же заколдованным и превращенным в чудовище. Были там какие-то сверхъестественные обстоятельства, какие-то предсказания, чары, обещания. Какое-то Право Неожиданности. Так, Геральт? Что случилось дальше, ты, вероятно, помнишь. Калантэ притащила в Цинтру ведьмака, а ведьмак наделал там шороху. Не зная, что им манипулируют, снял заклятие с чудовищного Йожа, позволив тому жениться на Паветте. Тем самым ведьмак обеспечил Калантэ сохранение трона. Связь Паветты с расколдованным чудовищем оказалась для вельмож таким шоком, что они

без слов одобрили неожиданный брак Львицы с Эйстом Турсеахом. Ярл с Островов Скеллиге показался им лучше, нежели бродяга Йож. Таким образом, Калантэ продолжала править страной. Эйст, как все островитяне, относился к Калантэ со слишком большим пиететом, чтобы в чем-либо ей противоречить, а исполнение королевских обязанностей попросту утомляло его. Он полностью отдал бразды правления в ее руки. А Калантэ, пичкая себя медикаментами и эликсирами, таскала супруга в постель днем и ночью. Хотела править до последнего своего часа. А уж если и быть королевой-матерью, то матерью собственного сына. Однако, как я уже сказал, амбиции-то непомерные...

— Не повторяйся.

— На принцессе же Паветте, жене странного Йожа, уже во время свадебной церемонии было подозрительно свободное платье. Отчаявшаяся Калантэ изменила планы. Если не мой сын, подумала она, так пусть будет сын Паветты. Но Паветта родила дочь. Проклятие или как? Однако принцесса еще могла рожать. То есть могла бы. Потому что произошел загадочный несчастный случай. Она и этот странный Йож погибли при невыясненных обстоятельствах в кораблекрушении.

— Не слишком ли много ты пытаешься мне навязать, Кодрингер?

— Я пытаюсь прояснить ситуацию, ничего больше. После смерти Паветты Калантэ скисла, но ненадолго. Ее последней надеждой была внучка. Дочь Паветты, Цирилла. Цири, неистовствующее при королевском дворе воплощение дьяволенка. Для некоторых — любимица, особенно для людей в годах, потому что она напоминала им Калантэ, когда та была ребенком. Для других — ублюдок, дочь чудовищного Йожа, на которую, кроме того, предъявлял права некий ведьмак. И теперь мы подходим к сути проблемы: любимицу Калантэ, настойчиво подготавливаемую на роль наследницы престола, воспринимаемую некоторыми даже как второе воплощение королевы, Львенка, в котором кипела кровь Львицы, уже тогда некоторые считали не имеющей прав на трон. Цирилла была зачата порочно. Паветта совершила ме-

зальянс, смешала королевскую кровь с кровью приблуды неведомого происхождения.

— Хитро, Кодрингер. Только в действительности все не так. Отец Цири вовсе не был последним приблудой. Он был принцем.

— Да что ты говоришь? Не знал. Из какого же королевства?

— Из какого-то на юге... Из Мехта... Да, именно из Мехта.

— Любопытно, — буркнул Кодрингер. — Мехт давно уже под Нильфгаардом. Входит в состав провинции Метинна.

— Но остается королевством, — вставил Фэнн. — Там на троне сидит король.

— Но командует Эмгыр вар Эмрейс, — обрезал Кодрингер. — Кто бы ни сидел там на троне, он сидит по милости и воле Эмгыра. Но коли уж мы заговорили об этом, проверь, кого Эмгыр сделал королем. Я не помню.

— Уже ищу. — Калека толкнул колеса кресла, со скрипом отъехал к стеллажам, стянул с них толстый рулон и принялся просматривать листы, отбрасывая просмотренные на пол. — Хммм... Ага, вот. Королевство Мехт. В гербе попеременно серебряные рыбы и короны на красно-голубом четырехдольном поле...

— Плюнь на геральдику, Фэнн. Кто там король?

— Ойот по прозвищу Справедливый. Избран путем голосования...

— ...Эмгыром из Нильфгаарда, — холодно докончил Кодрингер.

— ...Девять лет назад.

— Не тот, — быстро прибросил «юрист». — Этот нас не интересует. Кто был до него?

— Минутку. Вот. Акерспаарк. Умер...

— Умер от острого воспаления легких, пробитых кинжалом убийц, подосланных Эмгыром или шибко справедливым Ойотом. — Кодрингер снова проявил догадливость. — Геральт, упомянутый Акерспаарк вызывает у тебя какие-нибудь ассоциации? Не мог ли это быть папуля Йожа?

— Да, — подтвердил ведьмак после недолгого раздумья. — Акерспаарк. Помню. Так Дани называл своего отца.

— Дани?

— Это его имя. Он был сыном Акерспаарка, принцем...

— Нет, — прервал Фэнн, рассматривая свитки. — Здесь перечислены все: законнорожденные сыновья — Орм, Горм, Хорм и Гонзалес; законнорожденные дочери — Аля, Валя, Нина, Полина, Мальвина и Аргентина...

— Снимаю обвинения в адрес Нильфгаарда и Справедливого Ойота, — серьезно заявил Кодрингер. — Акерспаарка не убили. Он нормально затрахался вусмерть. Потому что наверняка были у него и незаконнорожденные детишки, а, Фэнн?

— Были. И немало. Но никого по имени Дани я что-то не вижу.

— Ясное дело — не видишь. Твой Йож, Геральт, никакой не принц. Даже если его и вправду породил где-то на отшибе этот профессиональный трахтмахер Акерспаарк, от права на титул принца его отделяла чертовски длинная череда законнорожденных Ормов, Гормов и прочих Гонзалесов с их собственным, наверняка многочисленным же потомством. С формальной точки зрения брак Паветты — типичный мезальянс.

— А Цири — дитя мезальянса, не имеет права на трон?

— Браво!

Фэнн проскрипел к пюпитру, вертя колеса кресла.

— Это аргумент, — сказал он, поднимая огромную голову. — Всего лишь аргумент. Не забывай, Геральт, мы боремся не за корону для княжны Цириллы и не за лишение ее оной. Из распространяемых слухов должно следовать, что девочка не годится на то, чтобы с ее помощью наложить лапу на Цинтру. И если кто-то такую попытку предпримет, ее легко можно будет поставить под сомнение. В политической борьбе девочка перестанет быть фигурой, станет малозначительной пешкой.

— И ее оставят в живых, — бесстрастно докончил Кодрингер.

— С формальной точки зрения, — спросил Геральт, — сколь весом этот ваш аргумент?

Фэнн взглянул на Кодрингера, потом на ведьмака.

— Не очень. Цирилла — все же кровь Калантэ, хоть и немного разжиженная. В нормальных условиях ее, возможно, и отстранили бы от трона, но условия сейчас ненормальные. Кровь Львицы имеет политическое значение...

— Кровь... — Геральт потер лоб. — Что значит «Дитя Старшей Крови», Кодрингер?

— Не понимаю. А что, кто-то, говоря о Цирилле, употребил такую формулировку?

— Да.

— Кто?

— Не важно кто. Что это значит?

— Luned aep Hen Ichaer, — неожиданно сказал Фэнн, отъезжая от пюпитра. — Дословно это не «Дитя», а «Дочь Старшей Крови». Хммм... Старшая Кровь... Встречалось мне такое определение... не помню точно... Кажется, речь идет о каком-то эльфьем предсказании. В некоторых версиях текста пророчества Итлины, тех, что постарше, есть, кажется, упоминание о Старшей Крови Эльфов, или Aen Hen Ichaer. Но у нас нет полного текста пророчества. Надо бы обратиться к эльфам...

— Оставим это, — холодно прервал Кодрингер. — Не надо излишка проблем, Фэнн, излишек предсказаний и тайн вреден. Благодарю тебя. Ну бывай, плодотворной тебе работы. Геральт, позволь. Вернемся в контору.

— Маловат, верно? — удостоверился ведьмак, как только они вернулись и уселись в кресла: «юрист» за стол, он — напротив. — Маловат гонорар, верно?

Кодрингер поднял со стола металлический предмет в форме звезды и повертел его в пальцах.

— Маловат, Геральт. Копаться в эльфьих предсказаниях — для меня дикая нагрузка, потеря времени и средств. Необходимо найти подходы к эльфам, потому что никто, кроме них, ничего в их записях понять не в состоянии. Эльфские манускрипты — в большинстве случаев дико закрученная символика, акростихи, а то и просто шифровки. Старшая Речь всегда двузначна. По меньшей мере. А в письменном виде может иметь и десяток значений. Эльфы никогда не стремились помогать тем, кто хотел разобраться в их про-

рочествах. А в теперешние времена, когда по лесам идет кровавая война с белками, когда дело доходит до погромов, опасно к ним даже приближаться. Вдвойне опасно. Эльфы могут принять нас за провокаторов, люди — обвинить в предательстве...

— Сколько, Кодрингер?

«Юрист» минуту помолчал, не переставая играть металлической звездой. Наконец сказал:

— Десять процентов.

— Десять процентов от чего?

— Не издевайся, ведьмак. Дело принимает серьезный оборот. Становится все менее ясно, в чем тут дело, а когда не ясно, в чем дело, значит, дело наверняка в деньгах. Тогда мне милее проценты, нежели обычный гонорар. Дашь десять процентов от того, что сам с этого поимеешь. Конечно, с зачетом уже выплаченной суммы. Составим договор?

— Нет. Не хочу ввергать тебя в расходы. Десять процентов от нуля дает нуль, Кодрингер. Я, дорогой коллега, не поимею с этого ничего.

— Повторяю: не издевайся надо мной. Не верю, что ты действуешь без выгоды. Не верю, что за этим не скрывается...

— Меня не интересует, во что ты веришь. Не будет никакого договора. И никаких процентов. Назначь размер гонорара за сбор информации.

— Любого другого, — закашлялся Кодрингер, — я выкинул бы вон, будучи уверен, что он пытается меня провести. Но тебе, анахроничный ведьмак, как-то удивительно к лицу благородное и наивное бескорыстие. Это чисто в твоем стиле, прекрасно и патетически старомодно... позволить себя убить задаром...

— Не будем терять времени. Сколько, Кодрингер?

— Еще столько же. Всего — пятьсот.

— Сожалею, — покачал головой Геральт, — но меня не станет на такую сумму. Во всяком случае, сейчас.

— Повторяю предложение, которое я тебе уже сделал в самом начале нашего знакомства, — медленно проговорил «юрист», продолжая играть звездой. — Возьми у меня работу, и тебя станет. И на информацию, и на другие прелести.

— Нет.

— Почему?

— Тебе не понять.

— Теперь ты ранишь уже не сердце, а гордость профессионала. Ибо я льщу себя надеждой, что в принципе понимаю все. В основе наших профессий лежит сволочизм окружающих, однако ты упорно предпочитаешь анахроничное современному.

— Браво, — усмехнулся ведьмак.

Кодрингер снова зашелся кашлем, вытер губы, посмотрел на платок, потом поднял желто-зеленые глаза.

— Ты глянул в список магичек и магиков, который лежал на пюпитре? В список потенциальных работодателей Риенса?

— Глянул.

— Ты не получишь его до тех пор, пока я не установлю точно — кто. Не обольщайся тем, что подглядел. Лютик сказал мне, что Филиппа Эйльхарт, вероятнее всего, знает, кто стоит за Риенсом, но тебе эти сведения дать не пожелала. Филиппа не стала бы прикрывать какую-нибудь шушеру. Значит, за этим поганцем стоит важная фигура.

Ведьмак молчал.

— Берегись, Геральт! Ты в серьезной опасности. Кто-то ведет с тобой игру. Кто-то точно предвидит твои действия, кто-то ими управляет. Не позволь невежеству и зазнайству взять над собой верх. С тобою играют не упыриха, не оборотень и не братья Мишеле. Это даже не Риенс. Дитя Старшей Крови, черт побери! Как будто мало было трона Цинтры, чародеев, королей и Нильфгаарда, так еще вдобавок эльфы. Прерви игру, ведьмак, выходи из нее. Спутай им планы. Сделай то, чего никто не ожидает. Разорви эту сумасшедшую связь, не допусти, чтобы тебя ассоциировали с Цириллой. Оставь ее Йеннифэр, а сам возвращайся в Каэр Морхен и не высовывай оттуда носа. Затаись в горах, а я покопаюсь в эльфьих манускриптах, спокойно, без спешки, детально. А после того как узнаю имя занимающегося этим чародея, ты успеешь собрать деньги, и мы произведем обмен.

— Я не могу ждать. Девочка в опасности.

— Верно. Но мне известно, что́ считают помехой на пути к ней. Помехой, которую надлежит любым путем убрать. Именно поэтому ты — в опасности. За девочку примутся только после того, как прикончат тебя.

— Либо когда я прерву игру, отойду в сторонку и затаюсь в Каэр Морхене. Я слишком много тебе заплатил, Кодрингер, чтобы ты давал мне такие советы.

«Юрист» покрутил в пальцах стальную звезду.

— За сумму, которую ты мне вручил, я активно действую уже некоторое время, ведьмак, — сказал он, сдерживая кашель. — Совет, который я тебе даю, продуман. Затаись в Каэр Морхене, исчезни. И тогда те, кто ищет Цириллу, возьмут ее.

Геральт сощурился и усмехнулся. Кодрингер не побледнел.

— Я знаю, что говорю, — продолжал он, выдержав взгляд и ухмылку. — Преследователи твоей Цири найдут ее и сделают с ней, что захотят. А тем временем и она и ты будете в безопасности.

— Объяснись, прошу. По возможности быстрее.

— Я нашел одну девочку. Дворянку из Цинтры, военную сироту. Она побывала в лагерях для беженцев, сейчас измеряет аршином и кроит ткани, приютил ее суконник из Бругге. Она не отличается ничем особенным, кроме одного: здорово напоминает портрет на некоей миниатюре, изображающей Львенка из Цинтры... Хочешь взглянуть?

— Нет, Кодрингер. Не хочу. И не согласен с таким решением.

— Геральт, — прикрыл глаза «юрист», — что тобою движет? Если ты хочешь уберечь свою Цири... Сдается мне, ты сейчас не можешь себе позволить роскошь презрения. Пренебрежения. Нет, я неверно выразился. Ты не можешь позволить себе роскошь пренебрегать пренебрежением. Презирать презрение. Грядет время небрежения, коллега ведьмак, Час Презрения. Колоссального. Безграничного. Ты должен приспособиться. То, что я тебе предлагаю, — прямая альтернатива. Некто должен умереть, чтобы мог жить другой.

Тот, кого ты любишь, уцелеет. Умрет другая девочка, которую ты не знаешь, которой никогда не видел.

— Которой могу пренебречь? — прервал ведьмак. — За то, что я люблю, я должен заплатить пренебрежением к самому себе? Презрением? Нет, Кодрингер. Оставь ребенка в покое, пусть продолжает измерять сукно аршином. Ее портретик уничтожь. Сожги. А за мои двести пятьдесят тяжко заработанных крон, которые ты кинул в ящик, дай мне нечто другое. Информацию. Йеннифэр и Цири покинули Элландер. Я уверен, ты об этом знаешь. Уверен, знаешь, куда они направляются. Уверен, знаешь, следует ли кто-то за ними.

Кодрингер побарабанил пальцами по столу, закашлялся.

— Волк, забыв о предупреждении, хочет продолжить охоту, — отметил он. — Не видит, что охотятся на него, что он прет прямо на флажки, развешанные настоящим охотником.

— Не будь банальным. Будь конкретным.

— Ну как хочешь. Нетрудно догадаться, что Йеннифэр едет на Большой Сбор чародеев, назначенный на начало июля в Гарштанге на острове Танедд. Стремительно бежит и не пользуется магией, так что ее трудно засечь. Еще вчера она была в Элландере. Я высчитал, что через три-четыре дня доберется до города Горс Велен, от которого до Танедда один шаг. Направляясь в Горс Велен, она должна проехать через поселок Анхор. Отправившись немедленно, ты еще сможешь перехватить тех, кто едет за ней следом. А они едут.

— Надеюсь, — Геральт неприятно ухмыльнулся, — это не королевские агенты?

— Нет, — сказал «юрист», поигрывая металлической звездой. — Это не агенты. Но и не Риенс, который умнее тебя, потому что после драки с Мишеле затаился в какой-то дыре и не высовывает оттуда носа. Следом за Йеннифэр едут трое наемных убийц.

— Догадываюсь, ты их знаешь.

— Я всех знаю. И поэтому хочу предложить: оставь их в покое. Не езди в Анхор. А я воспользуюсь имеющимися знакомствами и связями, напущу их на Риенса. Если удастся...

Он резко оборвал, сильно замахнулся. Металлическая звезда взвыла в воздухе и со звоном врезалась в лоб Кодрингера-сеньора, продырявив полотно и воткнувшись в стену почти до половины.

— Хорошо, а? — широко улыбнулся «юрист». — Эта штука называется «орион». Заморское изобретение. Тренируюсь уже с месяц, попадаю без промаха. Может пригодиться. С тридцати шагов такая звездочка безотказна и смертоносна, а спрятать ее можно в перчатке либо за ленточкой шляпы. Уже год, как орионы поступили на вооружение нильфгаардских спецслужб. Ха-ха, если Риенс шпионит в пользу Нильфгаарда, то забавно будет, коли его найдут с орионом в виске! Что скажешь?

— Ничего. Это твои проблемы. Двести пятьдесят крон лежат у тебя в ящике.

— Ясно, — кивнул Кодрингер. — Твои слова означают, что мне предоставлена свобода действий. Помолчим минутку, Геральт. Почтим скорую кончину господина Риенса минутой молчания. Почему ты кривишься, черт побери? Не уважаешь величия смерти?

— Уважаю, и слишком сильно, чтобы спокойно выслушивать насмехающихся над ней идиотов. Ты когда-нибудь думал о собственной смерти?

«Юрист» тяжело раскашлялся, долго рассматривая платок, которым прикрывал рот. Потом поднял глаза.

— Конечно, — сказал он тихо. — Думал. И довольно интенсивно. Но тебе нет никакого дела до моих мыслей, ведьмак. Едешь в Анхор?

— Еду.

— Ральф Блюнден по прозвищу Профессор, Хеймо Кантор, Коротышка Йакса. Тебе о чем-нибудь говорят эти имена?

— Нет.

— Все трое прекрасно владеют мечом. Лучше Мишеле. Так что я посоветовал бы более верное. Дальнобойное оружие. Например, нильфгаардские звездочки. Хочешь, продам несколько штук? У меня их много.

— Не куплю. Непрактично. Шумят в полете.

— Свист воздействует на психику. Парализует жертву страхом.

— Возможно. Но может и предостеречь. Я успел бы уклониться.

— Если бы видел, что в тебя кидают, конечно. Знаю, ты можешь уклониться от стрелы, пущенной из лука и даже из арбалета... Но сзади...

— Сзади тоже.

— Брехня.

— Поспорим, — холодно сказал Геральт. — Я повернусь лицом к портрету твоего папы-идиота, а ты брось в меня своим орионом. Попадешь — выиграл. Не попадешь — проиграл. Проиграешь — расшифруешь эльфьи манускрипты. Меня интересует Дитя Старшей Крови. Добудешь информацию. В кредит.

— А если выиграю?

— Добудешь ту же информацию и покажешь Йеннифэр. Она заплатит. Ты внакладе не останешься.

Кодрингер открыл ящик и вынул второй орион.

— Рассчитываешь на то, что я не приму заклада, — отметил, а не спросил он.

— Нет, — усмехнулся ведьмак. — Уверен, что примешь.

— Рисковый ты парень. Забыл? Я не страдаю угрызениями совести.

— Не забыл. Ведь грядет Час Презрения, а ты идешь в ногу с прогрессом и духом времени. Я же принял близко к сердцу упреки относительно анахроничной наивности и на этот раз рискну не без надежды выиграть. Ну так как? Уговорились?

— Уговорились. — Кодрингер взял металлическую звезду за один из лучей и встал. — Любопытство всегда брало во мне верх над рассудком, не говоря уж о беспричинном милосердии. Отвернись.

Ведьмак отвернулся. Глянул на густо издырявленную физиономию на портрете и торчащий в ней орион. Потом прикрыл глаза.

Звезда взвыла и ударила в стену в четырех вершках от рамки.

— Черт побери! — вздохнул Кодрингер. — Даже не дрогнул. Ну и сукин сын!

— А чего ради было вздрагивать? Я слышал, что ты бросаешь так, чтобы промазать.

На постоялом дворе было пусто. В углу на лавке сидела молодая женщина с синяками вокруг глаз. Стыдливо отвернувшись, она грудью кормила ребенка. Широкоплечий парень, возможно, муж, дремал рядом, опершись спиной о стену. В тени за печью сидел еще кто-то, кого Аплегатт не мог различить в полумраке комнаты.

Хозяин поднял голову, увидел Аплегатта, заметил его одежду и бляху с гербом Аэдирна на груди и моментально погрустнел. Аплегатт привык к таким встречам. Он был королевским гонцом, а королевские декреты говорили ясно — гонец имеет право в каждом городе, в каждом селе, на каждом постоялом дворе и гостинице потребовать свежего коня, и беда тому, кто откажет. Ясное дело, гонец своего коня оставлял, а нового брал, оставив расписку — владелец мог обратиться к солтысу и получить компенсацию. Но с этим бывало разное. Поэтому на гонца всегда смотрели с неприязнью и опаской — потребует или не потребует? Заберет на погибель нашего Злотка? Нашу с рождения выкормленную Краську? Нашего вынянченного Воронка? Аплегатту уже доводилось видеть ревущих детишек, вцепившихся в оседланного, выводимого из конюшни любимца и друга, не раз смотрел он в лица взрослых, побледневшие от несправедливости и чувства собственного бессилия.

— Свежего коня не надо, — сказал он быстро. Ему показалось, что хозяин облегченно вздохнул. — Я только перекушу, проголодался в дороге. Есть что в горшке?

— Малость похлебки осталось, сейчас подам, садитесь. Заночуете? Уже смеркается.

Аплегатт задумался. Два дня назад он повстречался с Гансомом, знакомым гонцом, и, выполняя приказ, они обменялись посланиями. Гансом взял письма и послание к королю Демавенду и отправился через Темерию и Махакам в Венгерберг. Аплегатт же, взяв почту для кородя Визимира

Реданского, поехал в сторону Оксенфурта и Третогора. Впереди было около трехсот верст.

— Поем и поеду, — решил он. — Полнолуние, а дорога ровная.

— Воля ваша.

Суп был жидковат и безвкусен, но гонец не придавал значения подобным пустякам. Смаковал он дома, женину кухню, а в пути ел, что на зуб попадало. Сейчас он медленно хлебал, неловко держа ложку огрубевшими от поводьев пальцами.

Дремавший на лежанке кот неожиданно поднял голову, зашипел.

— Королевский гонец?

Аплегатт вздрогнул. Вопрос задал человек, сидевший в тени. Теперь он вышел, подошел к гонцу. У него были белые как молоко волосы, стянутые на лбу кожаной повязкой. Черная куртка покрыта серебряными кнопками, высокие сапоги. Над правым плечом поблескивала сферическая головка перекинутого за спину меча.

— Куда путь держишь?

— Куда королевская воля пошлет, — холодно ответил Аплегатт. На подобные вопросы он никогда не отвечал иначе.

Беловолосый какое-то время молчал, внимательно глядя на гонца. У него было неестественно бледное лицо и странные темные глаза.

— Королевская воля, — сказал он наконец неприятным, слегка хрипловатым голосом, — вероятно, велит тебе поспешить? Надо думать, тебе срочно в дорогу?

— А вам что до того? Кто вы такой, чтобы меня подгонять?

— Я — никто. — Белоголовый неприятно усмехнулся. — И не подгоняю тебя. Но на твоем месте я бы уехал поскорее. Не хочу, чтобы с тобой приключилось что-нибудь скверное.

На такие замечания Аплегатт тоже имел отработанный ответ. Короткий и четкий. Незадиристый и спокойный — но однозначно напоминающий, кому служит королевский гонец и что грозит тому, кто отважится тронуть гонца. Однако в голосе беловолосого было что-то такое, что удержало Аплегатта от привычного ответа.

— Надо дать лошади передохнуть, господин. Час, может, два.

— Понимаю, — кивнул белоголовый и поднял голову, как бы прислушиваясь к доходящим снаружи голосам. Аплегатт тоже прислушался, но услышал только сверчка.

— Ну что ж, отдыхай. — Белоголовый поправил ремень, наискось пересекающий грудь. — Только во двор не выходи. Что бы ни случилось, не выходи.

Аплегатт воздержался от вопросов. Он инстинктивно почувствовал, что так будет лучше. Наклонился к тарелке и возобновил поиски немногочисленных плавающих в супе шкварок. Когда поднял голову, белоголового в комнате уже не было.

Спустя две минуты заржала лошадь, стукнули копыта.

В комнату вошли трое мужчин. Увидев их, корчмарь принялся быстрее протирать кубки. Женщина с младенцем пододвинулась ближе к дремлющему мужу, разбудила его тычком локтя. Аплегатт подтянул к себе табурет, на котором лежали его пояс и корд.

Мужчины подошли к стойке, быстрыми оценивающими взглядами окинули гостей. Шли они медленно, позвякивая шпорами и оружием.

— Приветствую, милостивые государи, — откашлялся корчмарь. — Чего желаете?

— Водки, — сказал один, высокий и кряжистый, с длинными, как у обезьяны, руками, вооруженный двумя зерриканскими саблями, ремни которых крест-накрест пересекали грудь. — Хлебнешь, Профессор?

— Вполне позитивно, — согласился второй, поправляя сидящие на крючковатом носу очки из шлифованного голубоватого горного хрусталя в золотой оправе. — Если отравка не подпорчена какими-нито инградиенциями.

Корчмарь налил. Аплегатт заметил, что руки у него слегка дрожат. Мужчины прислонились спинами к стойке и не спеша потягивали из глиняных чарок.

— Великомилостивый сударь хозяин, — вдруг проговорил очкастый. — Полагаю не без резону, здесь недавно тому

проезжали две дамы, интенсивно следующие в направлении Горс Велена.

— Тут много кто проезжает, — проворчал хозяин.

— Инкриминированных дам, — медленно продолжил очкастый, — ты не мог бы не квалифицировать. Одна из них черноволоса и сверхординарно красива. Ехала на вороном жеребце. Вторая, помоложе, светловолосая и зеленоглазая, вояжирует на серой в яблоках кобыле. Были здесь таковые вышепоименованные?

— Нет, — опередил корчмаря Аплегатт, неожиданно почувствовавший холод спиной. — Не были.

Опасность с серыми перьями. Горячий песок...

— Гонец?

Аплегатт кивнул.

— Откуда и куда?

— Откуда и куда королевская воля пошлет.

— Дам, которыми я интересовался, акцидентально не было ль?

— Нет.

— Что-то больно прытко ты отрицаешь, — буркнул третий, высокий и худой как жердь. Волосы у него были черные и блестящие, словно намазаны жиром. — А мне не показалось, чтобы ты очень-то уж напрягал память.

— Перестань, Хеймо, — махнул рукой очкарик. — Это гонец. Не причиняй служивому сложностей. Как поименовывается сей пункт, хозяин?

— Анхор.

— До Горс Велена велика ли дистанция?

— Чего?

— Верст, говорю, сколько?

— Я верст не мерял. Но дня три езды будет...

— Верхом?

— На телеге.

— Эй! — вдруг вполголоса проговорил кряжистый, выпрямляясь и выглядывая во двор сквозь настежь распахнутые двери. — Глянь-ка, Профессор. Это кто такой? Уж не...

Очкарик тоже глянул во двор, и лицо у него неожиданно сморщилось.

— Да, — прошипел он. — Позитивно он. Однако посчастливилось нам.

— Погодим, пока войдет.

— Он не войдет. Он видел наших лошадей.

— Знает, кто мы...

— Заткнись, Йакса. Он что-то говорит.

— Предлагаю на выбор, — донесся со двора хрипловатый, но громкий голос, который Аплегатт узнал сразу же. — Один из вас выйдет и скажет мне, кто вас нанял. Тогда уедете отсюда без помех. Либо выйдете все трое. Я жду.

— Сукин сын, — буркнул черноволосый. — Знает. Что делать будем?

Очкарик медленно отставил чарку.

— То, за что нам заплатили.

Он поплевал на ладонь, пошевелил пальцами и вытащил меч. Увидев это, двое других тоже обнажили клинки. Хозяин раскрыл рот, чтобы крикнуть, но тут же захлопнул его под холодным взглядом из-под голубых очков.

— Всем сидеть, — прошипел очкарик. — И ни звука. Хеймо, как только он начнет, постарайся зайти ему сзади. Ну, парни, с Богом. Выходим.

Началось сразу же, как только они вышли. Удары, топот, звон оружия. Потом крик, от которого волосы встают дыбом.

Хозяин побледнел, женщина с синими обводами вокруг глаз глухо крикнула, обеими руками прижала младенца к груди. Кот на лежанке вскочил, выгнул спину, встопорщил щеткой хвост. Аплегатт быстро втиснулся со стулом в угол. Корд он держал на коленях, но из ножен не вынимал.

Со двора снова донесся топот ног, свист и звон клинков.

— Ах ты... — дико крикнул кто-то, и в этом крике, хоть и закончившемся грубым ругательством, было больше отчаяния, чем ярости. — Ты...

Свист клинка. И тут же высокий, пронзительный визг, который, казалось, разрывает воздух на клочки. Грохот, словно на доски рухнул тяжелый мешок с зерном. Со стороны коновязи стук копыт, ржание напуганных лошадей.

На досках снова удары, тяжелые, быстрые шаги бегущего человека. Женщина с ребенком прижалась к мужу, хозяин уперся спиной в стену. Аплегатт достал корд, все еще пряча оружие под столешницей. Бегущий человек направлялся прямо в комнату. Но прежде чем он оказался в дверях, просвистел клинок.

Человек вскрикнул и тут же ввалился в комнату. Казалось, он упадет на пороге, но нет, не упал. Медленно сделал несколько неуверенных шагов и только потом тяжело рухнул на середину комнаты, подняв пыль, накопившуюся в щелях пола. Обмякнув, он повалился лицом вниз, прижал руки и согнул ноги в коленях. Хрустальные очки со звоном упали на доски, превратившись в голубую кашу. Под неподвижным телом начала растекаться темная, поблескивающая лужа.

Никто не шелохнулся. Не издал ни звука.

В комнату вошел белоголовый.

Меч, который он до того держал в руке, он ловко сунул в ножны за спиной. Подошел к стойке, даже взглядом не удостоив лежащий на полу труп. Хозяин съежился.

— Паршивые люди... — хрипло сказал белоголовый. — Паршивые люди умерли. Когда придет судебный пристав, может оказаться, что за их головы назначена награда. Пусть поступит с ней, как сочтет нужным.

Хозяин усердно закивал.

— Может также случиться, — минуту спустя продолжил белоголовый, — что о судьбе этих паршивцев тебя станут расспрашивать их дружки либо товарищи. Этим скажешь, что их покусал Волк. И добавь, чтобы почаще оглядывались. Однажды, оглянувшись, они увидят Волка.

Когда три дня спустя Аплегатт добрался до ворот Третогора, было уже далеко за полночь. Он обозлился, потому что проторчал перед рвом и надорвал себе горло — стражники спали мертвецким сном и долго не открывали ворот. Чтобы полегчало, он принялся проклинать их аж до третьего колена. Потом с удовольствием слушал, как разбуженный начальник вахты пополняет его упреки новыми кра-

сочными деталями и пожеланиями в адрес кнехтовых матерей, бабок и прабабок. Разумеется, о том, чтобы ночью попасть к королю Визимиру, нечего было и мечтать. Впрочем, это оказалось Аплегатту только на руку — он рассчитывал проспать до зари, до утреннего колокола, но ошибся. Вместо того чтобы указать гонцу место для отдыха, его без проволочек проводили в кордегардию. В комнате ожидал не ипат, а другой человек, толстый и заносчивый — Дийкстра, доверенное лицо короля Редании. Дийкстра — гонец знал об этом — был уполномочен выслушивать сведения, предназначенные исключительно королю. Аплегатт вручил ему письма.

— Устное послание есть?

— Есть, милостивый государь.

— Выкладывай.

— «Демавенд — Визимиру, — выложил Аплегатт, прищуриваясь. — Первое: ряженые будут готовы во вторую ночь после июльского новолуния. Присмотри, чтобы Фольтест не подвел. Второе: Сбор Мудрил на Танедде я личным присутствием не почту и тебе не советую. Третье: Львенок мертв».

Дийкстра слегка поморщился, побарабанил пальцами по стеклу.

— Вот письма королю Демавенду. А устное послание... Слушай хорошо, запомни точно. Передашь своему королю слово в слово. Только ему. Никому больше. Никому, понял?

— Понял, милостивый государь.

— Сообщение такое: «Визимир — Демавенду. Ряженых остановить обязательно. Кто-то предал. Пламя собрал армию в Доль Ангре и ждет предлога». Повтори.

Аплегатт повторил.

— Хорошо, — кивнул Дийкстра. — Отправишься, как только взойдет солнце.

— Я пять дней в седле, милостивый государь. — Гонец потер ягодицы. — Поспать хотя бы до полудня... Позволите?

— А твой король Демавенд сейчас спит по ночам? А я сплю? За один только этот вопрос, парень, тебе следовало бы дать по морде. Перекусишь, потом немного передохнешь

на сене. А на заре отправишься. Я велел дать тебе породистого жеребца, увидишь, скачет как вихрь. И не криви рожу. Возьми еще мешочек с экстрапремией, чтобы не болтал, мол, Визимир скупердяй.

— Премного благодарен.

— В лесах под Понтаром будь внимателен. Там видели белок. Да и обычных разбойников в тех краях хватает.

— Ну это-то я знаю, милостивый государь. Знаете, что я видел три дня тому...

— И что ж ты видел?

Аплегатт быстро пересказал события в Анхоре. Дийкстра слушал, скрестив на груди огромные ручищи.

— Профессор... — задумчиво сказал он. — Хеймо Кантор и Коротышка Йакса. Убиты ведьмаком. В Анхоре, на тракте, ведущем в Горс Велен, то есть в Танедд, к Гарштангу... А Львенок мертв?

— Что вы сказали, господин?

— Ничего. — Дийкстра поднял голову. — Во всяком случае, не тебе. Отдыхай. А на заре — в путь.

Аплегатт съел, что подали, полежал немного, от усталости даже не смежив глаз, и перед рассветом уже был за воротами. Жеребчик действительно оказался хорош, но норовист. Аплегатт не любил таких коней.

Спина между левой лопаткой и позвоночником дико чесалась, не иначе блоха укусила, пока дремал в конюшне. А почесать не было никакой возможности.

Жеребчик заплясал, заржал. Гонец дал ему шпорой и послал в галоп.

Время торопило.

— Gar'ean, — прошипел Каирбр, выглядывая из ветвей дерева, с которого наблюдал за большаком. — En Dh'oine evall a straede!

Торувьель поднялась с земли, схватила пояс с мечом, препоясалась и носком ботинка ткнула в бедро Яевинна, который дремал рядом, в яме из-под вывороченного дерева. Эльф вскочил, зашипел, обжегшись о горячий песок, на который оперся рукой.

— Que suecc's.

— Конник на дороге.

— Один? — Яевинн поднял лук и колчан. — Эй, Каирбр, всего один?

— Один. Подъезжает.

— Прикончим. Одним Dh'oine меньше.

— Успокойся, — схватила его за рукав Торувьель. — Зачем? Наше дело разведать — и к бригаде. Зачем убивать штатских на дорогах? Разве так борются за свободу?

— Именно так. Отодвинься.

— Если на дороге останется труп, первый же патруль поднимет шум. Армия начнет охоту. Прикроют броды, нам будет сложнее перейти на другой берег!

— Здесь мало кто ездит. Пока труп обнаружат, мы будем далеко.

— Верховой тоже уже далеко, — бросил с дерева Каирбр. — Надо было не трепаться, а стрелять. Теперь не достанешь. Тут добрых двести шагов.

— Из моей-то шестидесятифунтовки? — Яевинн погладил лук. — Тридцатидюймовой флейтой? К тому же тут не двести шагов. Самое большее — сто пятьдесят. Mire, que spar aen'kee.

— Перестань, Яевинн...

— Thaess aep, Toruviel.

Эльф повернул шапку так, чтобы ему не мешал прикрепленный к ней беличий хвост, быстро и сильно, до уха, натянул тетиву, прицелился и выстрелил.

Аплегатт ничего не услышал. Это была стрела с желобком вдоль стержня для увеличения жесткости и уменьшения веса, специально снабженная длинными узкими серыми перьями. Тройной, острый как бритва наконечник врезался гонцу в спину между лопаткой и позвоночником. Острия были расположены под углом — вонзаясь в тело, наконечник повернулся словно винт, рассекая мышцы, разрывая кровеносные сосуды, круша кости. Аплегатт повалился грудью на шею коня и сполз на землю, словно мешок шерсти.

Песок на дороге был горяч, раскален солнцем так, что от него шел пар. Но гонец этого уже не почувствовал. Он умер мгновенно.

«Сказать, что я ее знал, было бы преувеличением. Думаю, кроме ведьмака и чародейки, никто ее не знал по-настоящему. Когда я увидел ее впервые, она не произвела на меня особого впечатления, даже несмотря на довольно необычные сопутствующие обстоятельства. Я знавал людей, утверждавших, будто сразу, с первой же встречи они ощущали дыхание смерти, исходящее от этой девочки. Мне она показалась совершенно обыкновенной, хотя я и знал, что обыкновенной-то она как раз и не была — поэтому я настойчиво пытался усмотреть, обнаружить, почувствовать в ней необычность. Но ничего не заметил и ничего не почувствовал. Ничего, что могло стать сигналом, предчувствием либо предвестником позднейших трагических событий. Причиной которых была она. И тех, которые вызвала сама».

Лютик. Полвека поэзии

ГЛАВА ВТОРАЯ

У самого развилка, там, где кончался лес, были вкопаны в землю девять столбов. К вершине каждого прибито колесо от телеги. Над колесами кружило воронье, раскле-вывая и терзая трупы, привязанные к обручам и спицам. Столбы были слишком высокими, да и птицы все время заслоняли разлагающиеся на колесах останки, так что догадаться, кем были казненные, Йеннифэр и Цири не могли.

Ветер принес тошнотворный запах тления. Цири отвернулась и с отвращением поморщилась.

— Изумительная декорация. — Йеннифэр наклонилась в седле и сплюнула, забыв, что совсем недавно отругала Цири за подобный плевок. — Живописная и ароматная. Но почему здесь, на опушке леса? Обычно такие штуки устанавливают сразу за городскими стенами. Верно, добрые люди?

— Это белки, благороднейшая госпожа, — поспешил пояснить, сдерживая запряженную в двуколку пегую лошаденку, один из бродячих торговцев, которых они догнали на развилке. — Эльфы на столбах-то. Потому и столбы в лесу стоят. Другим белкам на упреждение.

— Выходит, — взглянула на него чародейка, — взятых живьем скоя'таэлей привозят сюда...

— Эльфа, милсдарыня, — прервал торговец, — редко удается взять живьем. А ежели даже кого воины схватят, то в город везут, где оседлые нелюди обретаются. Когда они

казнь на рынке, посмотрят, у них сразу отпадает охота с белками якшаться. А когда в бою таких эльфов убивают, то трупы свозят на развилки и вешают на столбах. Порой издалека возят, совсем уж померших...

— Подумать только, — буркнула Йеннифэр, — а нам запрещают заниматься некромантией из уважения к величию смерти и бренности останков, коим полагаются покой, почести и церемониальные погребения...

— Что вы сказали, госпожа?

— Ничего. Поехали побыстрее, Цири, как можно дальше от этого места. Тьфу, у меня такое ощущение, будто я вся пропиталась вонью.

— Я тоже, ой-ей-ей, — сказала Цири, рысью объезжая двуколку торговца. — Поедем галопом, хорошо?

— Хорошо... Но не сумасшедшим же!

Вскоре показался город, огромный, окруженный стенами, утыканный башнями с островерхими блестящими крышами. А за городом в лучах утреннего солнца искрилось море, сине-зеленое, усеянное белыми пятнышками парусов. Цири осадила коня на краю песчаного обрыва, приподнялась в стременах, жадно втянула носом ароматный морской воздух.

— Горс Велен, — сказала Йеннифэр, подъезжая и останавливаясь рядом. — Вот и добрались. Возвращаемся на большак.

На большаке снова пошли легким галопом, оставив позади несколько воловьих упряжек и пешеходов, нагруженных вязанками хвороста и дров. Когда опередили всех и остались одни, чародейка остановилась и жестом сдержала Цири.

— Подъезжай поближе, — сказала она. — Еще ближе. Возьми поводья и веди моего коня. Мне нужны обе руки.

— Зачем?

— Возьми поводья.

Йеннифэр вынула из вьюка серебряное зеркальце, протерла, тихо проговорила заклинание. Зеркальце выскользнуло у нее из руки, поднялось и повисло над конской шеей,

точно напротив лица чародейки. Цири удивленно вздохнула, облизнула губы.

Чародейка извлекла из вьюка гребень, сняла берет и несколько минут энергично расчесывала волосы. Цири молчала. Она знала, что во время этой процедуры Йенн фэр нельзя мешать или расспрашивать. Живописный и на первый взгляд неряшливый беспорядок ее крутых б йных локонов возникал в результате долгих стараний и немалых усилий.

Чародейка снова полезла во вьюк. Вдела в уши бриллиантовые серьги, а на запястьях защелкнула браслеты. Сняла шаль, расстегнула блузку, обнажая шею. Стала видна черная бархотка, украшенная обсидиановой звездой.

— Да! — не выдержала наконец Цири. — Я знаю, зачем ты это делаешь! Хочешь хорошо выглядеть, потому что едем в город! Угадала?

— Угадала.

— А я?

— Что — ты?

— Тоже хочу хорошо выглядеть! Я причешусь...

— Надень берет, — резко бросила Йеннифэр по-прежнему вглядываясь в висящее над ушами лошади зеркальце. — На то самое место, где он был. И убери под него волосы.

Цири недовольно фыркнула, но послушалась тотчас. Она уже давно научилась различать оттенки голоса чародейки. Знала, когда можно поспорить, а когда нет.

Йеннифэр, уложив наконец локоны на лбу, достала из вьюка маленькую баночку зеленого стекла.

— Цири, — сказала она уже мягче. — Мы путешествуем тайно. А поездка еще не кончилась. Поэтому ты должна прятать волосы под беретом. Во всех городских воротах есть люди, которым платят за точные и незаметные наблюдения за путешествующими. Понимаешь?

— Нет, — нахально ответила Цири, натягивая поводья вороного жеребца чародейки. — Ты стала такой красивой, что у всех, кто выглянет из ворот, глаза на лоб повылазят! Тоже мне — скрытность!

— Город, к воротам которого мы направляемся, — усмехнулась Йеннифэр, — называется Горс Велен. Мне в Горс Велене таиться не надо, совсем, я бы сказала, наоборот. С тобой дело другое. Тебя никто не должен запомнить.

— Кто будет глядеть на тебя, запомнит и меня!

Чародейка раскрыла баночку, из которой повеяло сиренью и крыжовником. Взяв на указательный палец немного содержимого, втерла себе под глаза чуточку мази, потом сказала, все еще загадочно улыбаясь:

— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь вообще обратил на тебя внимание.

Перед подъемным мостом стояла длинная колонна наездников и телег, у ворот толпились пешие, ожидающие своей очереди на досмотр. Цири ахнула, раздраженная перспективой долгого ожидания. Однако Йеннифэр выпрямилась в седле и направилась рысью, глядя поверх голов страждущих, а те быстро расступились, давая ей место и почтительно кланяясь. Стражники в длинных кольчугах сразу же заметили чародейку и освободили ей проход, не жалея древков копий, которыми подгоняли упрямых или слишком медлительных.

— Сюда, сюда, милостивая государыня! — крикнул один из стражников, таращась на Йеннифэр и бледнея. — Въезжайте здесь, прошу вас! А ну расступись! Расступись, хамы!

Спешно вызванный начальник вахты выглянул из кордегардии, хмурый и злой, но, увидев Йеннифэр, покраснел, широко раскрыл глаза и рот и согнулся в низком поклоне.

— Покорно приветствую в Горс Велене, милостивая государыня, — пробормотал он, выпрямляясь и еще больше выпучивая глаза. — Я в твоем распоряжении... Могу ли чем-то услужить? Эскорт? Провожатый? Может, вызвать кого?

— Не требуется. — Йеннифэр выпрямилась в седле, глянула на него сверху. — Я пробуду в городе недолго. Еду на Танедд.

— Конечно, конечно... — Вояка переступил с ноги на ногу, не отрывая глаз от лица чародейки. Остальные стражники следовали примеру начальника. Цири гордо задрала

голову, но тут же увидела, что на нее вообще никто не смотрит. Так, словно ее и вовсе не существует.

— Конечно, — повторил командир стражи. — На Танедд, да... На Сбор, конечно. А как же. В таком случае желаю...

— Благодарю. — Чародейка тронула коня, определенно не интересуясь, чего хотел пожелать ей командир. Цири потрусила следом. Стражники кланялись проезжающей Йеннифэр, не удостаивая девочку хотя бы взглядом.

— Даже имени твоего не спросили, — буркнула она, догоняя Йеннифэр и ловко объезжая пробитые в грязи колеи. — И куда едем — тоже! Ты их заколдовала?

— Не их. Себя. — Чародейка повернулась, и Цири громко ахнула. Глаза Йеннифэр горели фиолетовым огнем, а лицо пылало красотой. Слепящей. Вызывающей. Грозной. И неестественной.

— Зеленая баночка! — сразу догадалась Цири. — Что там было?

— Гламария. Эликсир, точнее, мазь для особых случаев. Послушай, тебе обязательно надо лезть в каждую лужу на дороге?

— Хочу ополоснуть лошади бабки!

— Дождя не было целый месяц. Это не вода, а помои и конская моча.

— А-а... Скажи, зачем тебе понадобился эликсир? Так уж важно было...

— Это Горс Велен, — прервала Йеннифэр. — Город, который своим благополучием в значительной степени обязан чародеям. Ты сама видела, как тут относятся к чародейкам. А мне не хотелось ни представляться, ни доказывать, кто я такая. Предпочитаю, чтобы это было ясно с первого взгляда. Вон за тем красным домом свернем влево. Шагом, Цири, сдерживай лошадь, еще собьешь какого-нибудь ребенка.

— А зачем мы сюда приехали?

— Я тебе уже говорила.

Цири фыркнула, поджала губы, сильно ткнула лошадь пяткой. Кобыла заплясала, чуть не наскочив на проезжаю-

щую мимо телегу. Возница привстал на козлах и собирался покрыть ее цветистой фурманской вязью, но, увидев Йеннифэр, быстро сел и принялся внимательно изучать состояние собственных башмаков.

— Еще один такой фортель, — процедила Йеннифэр, — и мы повздорим. Ты ведешь себя, как юная коза. Мне стыдно за тебя.

— Ты намерена отдать меня в какую-то школу, да? Я не хочу!

— Тише. Люди смотрят.

— На тебя смотрят, не на меня! Не хочу я ни в какую школу! Ты обещала, что всегда будешь со мной, а теперь собираешься бросить! Одну. Я не хочу быть одна!

— И не будешь. В школе много девочек твоего возраста. Заведешь подружек.

— Не нужны мне подружки. Я хочу быть с тобой и с... Я думала, что...

Йеннифэр быстро обернулась.

— Что ты думала?

— Что мы едем к Геральту, — вызывающе подняла голову Цири. — Я прекрасно знаю, о чем ты думала всю дорогу. И почему вздыхала ночью.

— Довольно, — прошипела чародейка, а блеск ее горящих глаз заставил Цири вжаться лицом в гриву лошади. — Слишком уж ты разговорилась. Напоминаю: время, когда ты могла возражать, ушло. И случилось это по твоей собственной воле. Теперь ты должна слушаться. И делать то, что я прикажу. Поняла?

Цири кивнула.

— Да, что прикажу. И это будет для тебя лучше всего. Всегда. Поэтому ты будешь слушаться меня и выполнять все мои распоряжения, ясно? Останови лошадь. Мы на месте.

— Это школа? — буркнула Цири, окидывая взглядом внушительный фасад дома. — Это уже...

— Ни слова больше. Слезай. И веди себя как положено. Это не школа, школа находится в Аретузе, а не в Горс Велене. Это банк.

— Зачем нам банк?

— Подумай. Слезай, я сказала. Да не в лужу! Оставь лошадь, для этого есть слуги, сними перчатки. В банк в перчатках для езды не входят. Взгляни на меня. Поправь берет. Выровняй воротничок. Выпрямись. Не знаешь, что делать с руками? Так не делай ничего!

Цири вздохнула.

Высыпавшие из здания служащие были краснолюдами. Цири внимательно приглядывалась к ним. Такие же невысокие и бородатые крепыши, они тем не менее ничем не походили на ее друга Ярпена Зигрина и его ребят. Служащие были какие-то безликие, одинаково одетые, никакие. И раболепные, чего об Ярпене и его ребятах сказать было никак нельзя.

Йеннифэр и Цири вошли. Магический эликсир чародейки продолжал действовать, поэтому появление Йеннифэр тут же вызвало великое возбуждение, беготню, поклоны, дальнейшие раболепные и покорные пожелания и заверения в готовности услужить, конец чему положило лишь появление невероятно толстого, богато одетого белобородого краснолюда.

— Уважаемая Йеннифэр! — загудел краснолюд, позвякивая золотой цепью, свисавшей с могучей шеи значительно ниже белой бороды. — Какая неожиданность! И какая честь! Прошу, прошу в контору! А вы там, не стоять, не глазеть! За работу! К счетам! Абакам! Вильфли, немедленно в контору бутылку Кастель де Нефа, года... Ну сам знаешь какого. Живо, одна нога тут, другая там! Изволь, изволь. Йеннифэр, истинное удовольствие видеть тебя. Ты смотришься... Ах, черт возьми, аж дух захватывает!

— Ты тоже, — улыбнулась чародейка, — недурственно держишься, Джианкарди.

— Надеюсь. Прошу, прошу ко мне в контору. Ах, нет, нет, как можно, вы первыми. Ты же знаешь дорогу, Йеннифэр.

В конторе было темновато и приятно прохладно, в воздухе стоял аромат, который Цири помнила по башне писаря Ярре, — запах чернил, пергамента и пыли, покрывавшей дубовую мебель, гобелены и старые книги.

— Прошу вас, присаживайтесь. — Банкир отодвинул от стола тяжелое кресло для Йеннифэр, окинул Цири внимательным взглядом. — Хмм...

— Дай ей какую-нибудь книгу, Мольнар, — небрежно бросила чародейка, заметив его взгляд. — Она обожает книги. Сядет в конце стола и не будет нам мешать. Верно, Цири?

Цири не сочла нужным подтверждать.

— Книгу, хм, — обеспокоился краснолюд, подходя к шкафу. — Что у нас тут есть? Вот книга прихода и расхода... Нет, не то. Пошлины и торговые оплаты... Тоже нет. Кредит и рембурс? Нет? О, а это как сюда попало? Черт его знает... Но, пожалуй, это будет в самый раз. Пожалуйста, девочка.

Книга называлась «Physiologus» и была очень старой и очень потрепанной. Цири осторожно перевернула обложку и несколько страниц. Фолиант заинтересовал ее сразу же, потому что повествовал о таинственных чудовищах и бестиях и был полон гравюр. Несколько следующих минут она старалась делить интерес между книгой и беседой чародейки с банкиром.

— Есть какие-нибудь письма, Мольнар?

— Нет. — Банкир налил вина Йеннифэр и себе. — Ни одного нового. Последнее поступило месяц назад. Я переслал тебе условленным образом.

— Я получила. Благодарю. А случайно... кто-нибудь этими письмами не интересовался?

— Здесь — нет, — улыбнулся Мольнар Джианкарди. — Но ты точно выбрала мишень, дорогая моя. Банк Вивальди доверительно информировал меня, что письма пытались выследить. Кроме того, их филиал в Венгерберге выявил попытку проследить операции на твоем личном счете. Один из работников оказался нелояльным...

Банкир осекся, глянул на чародейку из-под кустистых бровей. Цири прислушалась. Йеннифэр молчала, поигрывая обсидиановой звездой.

— Вивальди, — понизил голос Джианкарди, — не мог либо не хотел вести следствие. Нелояльный и скорый на подкуп служащий по пьянке свалился в канаву и захлеб-

нулся. Несчастный случай. Жаль. Слишком быстро, слишком неосмотрительно...

— Потеря невелика, а сожаление кратко, — надула губы чародейка. — Я знаю, кого интересуют мои письма и счета, следствие у Вивальди не дало бы ничего нового.

— Коли ты так считаешь... — Джианкарди почесал бороду. — Едешь на Танедд? На Большой Сбор чародеев?

— Именно.

— Решать судьбы мира?

— Зачем преувеличивать?

— Всякие слухи ходят, — сухо проговорил банкир. — И всякое творится.

— Например, если не секрет?

— С прошлого года, — сказал Джианкарди, поглаживая бороду, — наблюдаются удивительные сдвиги в налоговой политике... Знаю, тебя это не интересует...

— Говори.

— Двойной размер подушного налога и налога на зимний постой, а также налога, который берут непосредственно армейские власти. Все купцы и предприниматели должны дополнительно платить в королевскую казну «десятый грош», совершенно новый налог, один грош от каждого нобеля оборота. Краснолюды, гномы, эльфы и низушки, кроме того, платят повышенную подушную и подымную пошлины, а ежели ведут торговую либо производственную деятельность, то сверх того еще облагаются обязательной нелюдской «дарственной» податью, составляющей десять со ста. Таким образом, я отчисляю в казну больше шестидесяти процентов дохода. Мой банк, включая филиалы, дает Четырем Королевствам шестьсот гривен в год. К твоему сведению, это почти в три раза больше, чем богатый герцог или граф платит кварты в королевскую казну.

— А люди дарственной на армию не облагаются?

— Нет. Платят только подушные и постойные.

— Получается, — покачала головой чародейка, — что краснолюды и другие нелюди финансируют проводящуюся в лесах кампанию против скоя'таэлей. Я ожидала чего-ни-

будь подобного. Но, прости, что общего у налогов со Сбором на Танедде?

— После ваших сборов всегда что-то происходит, — буркнул банкир. — Впрочем, надеюсь, на этот раз ничего страшного не случится, а наоборот — вдруг да прекратятся эти странные скачки цен. Был бы очень рад.

— Поясни.

Джианкарди раскинулся в кресле и сплел руки на прикрытом бородой животе.

— Я занимаюсь своим ремеслом немало лет. Достаточно долго, чтобы научиться увязывать некоторые движения цен с определенными фактами. Последнее время сильно подскочили цены на драгоценные камни. На них повысился спрос.

— Обменивают наличные на драгоценности, чтобы избежать потерь на колебаниях курса и паритета монет?

— И это тоже. Кроме того, у камней еще одно огромное преимущество: лежащий в кармане кошелек с несколькими унциями бриллиантов равняется по стоимости примерно пятидесяти гривнам, а такая сумма в монетах весит двадцать пять фунтов и требует солидного мешка. С кошельком в кармане можно бежать гораздо быстрее, чем с мешком на плечах. Да и обе руки свободны, что тоже немаловажно. Одной рукой можно держать жену, а второй, если потребуется, — кое-кому и тумака отвесить.

Цири негромко фыркнула, но Йеннифэр тут же успокоила ее грозным взглядом.

— Значит, — подняла она голову, — есть такие, кто уже заранее готовится к бегству. Интересно куда?

— Больше всего ценится дальний Север. Хенгфорс, Ковир, Повисс. Во-первых, потому что это действительно далеко, во-вторых, эти государства нейтральны и у них хорошие отношения с Нильфгаардом.

— Понимаю. — Ехидная ухмылка не сходила с уст чародейки. — Итак, бриллианты в карман, жену за руку — и на Север... Не рановато ли? Впрочем, Бог с ними. Что еще дорожает, Мольнар?

— Лодки.

— Что-что?

— Лодки, — осклабившись, повторил банкир. — Все корабелы с побережья строят лодки, заказанные квартирмейстерством короля Фольтеста. Квартирмейстеры платят хорошо и постоянно делают заказы. Если у тебя есть свободный капитал, Йеннифэр, вложи в лодки. Золотое дело. Изготовляешь челн из камыша и коры, выставляешь счет на баркас из первосортной сосны, выручкой делишься с квартирмейстером...

— Не дури, Джианкарди! Говори, в чем дело.

— Лодки, — неохотно сказал банкир, глядя в бревенчатый потолок, — транспортируют на юг, к Яруге, в Содден и Бругге. Но, насколько мне известно, их используют не для ловли рыбы, а прячут в лесах вдоль правого берега. Солдаты вроде бы часами тренируются садиться в них и вылезать. Пока — на суше.

— Ага. — Йеннифэр закусила губу. — Но почему некоторые так спешат на север? Яруга-то на юге.

— Существует обоснованное опасение, — буркнул банкир, поглядывая на Цири, — что император Эмгыр вар Эмрейс не будет в восторге, узнав, что упомянутые лодки спущены на воду. Некоторые полагают, что такое действие может Эмгыра разозлить, и тогда лучше быть как можно дальше от нильфгаардских границ... Черт, хотя бы до жатвы. Ежели жатва будет позади, вздохну с облегчением. Если чему быть, это случится до жатвы.

— Урожай будет в амбарах, — медленно проговорила Йеннифэр.

— Верно. Коней трудно пасти на стерне, а крепости с полными амбарами придется осаждать долго... Погода благоприятствует землепашцам, и урожай обещает быть недурным... Да, погода исключительно хороша. Солнышко припекает, ждет не дождется дождя... А Яруга в Доль Ангре очень мелка... Ее легко перейти. В обе стороны.

— Почему Доль Ангра?

— Надеюсь, — банкир погладил бороду, сверля чародейку острым взглядом, — тебе можно доверять?

— Как всегда, Джианкарди. Ничего не изменилось.

— Доль Анграа, — медленно проговорил банкир, — это Лирия и Аэдирн, у которых военный союз с Темерией. Уж не думаешь ли ты, что Фольтест покупает лодки для себя?

— Нет, — протянула чародейка. — Не думаю. Благодарю за информацию, Мольнар. Как знать, возможно, ты и прав. Может, на Сборе нам удастся повлиять на судьбы мира и населяющих его людей?

— Не забудьте о краснолюдах, — сказал Джианкарди, — и их банках.

— Постараемся. Кстати, коли уж мы об этом заговорили...

— Внимательно слушаю.

— У меня были расходы, Мольнар. А если я сниму со счета у Вивальди, опять кто-нибудь попробует утопиться, так что...

— Йеннифэр, — прервал краснолюд, — ты у меня пользуешься неограниченным кредитом. Погром в Венгерберге случился очень давно. Возможно, ты забыла, но я не забуду никогда. Никто из семейства Джианкарди не забудет. Сколько тебе нужно?

— Тысячу пятьсот темерских оренов с переводом на филиал Чианфанелли в Элландере на адрес храма Мелитэле.

— Принято. Приятный перевод — взносы в пользу храмов не облагаются налогами. Что еще?

— Сколько сейчас платят за обучение в школе в Аретузе?

Цири прислушалась.

— Тысячу двести новиградских крон, — сказал Джианкарди. — Для учениц не жалеют ничего, живут в Аретузе как принцессы. А ими кормится половина города — портные, сапожники, кондитеры, поставщики...

— Знаю. Внеси две тысячи на счет школы. Анонимно. С указанием, что это за зачисление и задаток за обучение. Одной ученицы.

Джианкарди отложил перо, взглянул на Цири, понимающе улыбнулся. Цири, сделав вид, будто изучает книгу, внимательно слушала.

— Все, Йеннифэр?

— Еще триста новиградских крон для меня. Наличными. Для Сбора на Танедде мне потребуются по меньшей мере три платья.

— Зачем тебе наличные? Дам банковский чек. На пятьсот. Импортные ткани тоже чертовски подорожали, а ведь ты не станешь надевать шерсть или лен. И если что-либо потребуется тебе или ученице в Аретузе, мои склады и магазины в твоем распоряжении.

— Благодарю. На какой процент договоримся?

— Проценты, — поднял голову краснолюд, — ты заплатила семье Джианкарди авансом, Йеннифэр. Во время погрома в Венгерберге. Не будем об этом.

— Не люблю таких долгов, Мольнар.

— Я тоже. Но я — купец, краснолюд дела. Я знаю, что такое обязательность. Знаю ей цену. Повторяю: не будем больше об этом. Со всем, о чем ты просила, покончено. О чем не просила — тоже.

Йеннифэр подняла брови.

— Некий близкий тебе ведьмак, — хохотнул Джианкарди, — недавно посетил городок Дорьян. Мне донесли, что он там задолжал ростовщику сто крон. Ростовщик работает на меня. Я покрою этот долг, Йеннифэр.

Чародейка кинула взгляд на Цири, сильно поморщилась.

— Мольнар. Не суй пальцы в дверь, в которой испортились петли. Сомневаюсь, чтобы он все еще считал меня близкой, а если узнает о покрытии долга, возненавидит вконец. Ты ведь его знаешь, он честолюбив до идиотизма. И давно он был в Дорьяне?

— Дней десять назад. Потом его видели в Малом Логе. Оттуда, как мне сообщили, поехал в Хирунд, потому что получил задание от тамошних фермеров. Как обычно, прикончить какое-то чудовище...

— И за это, как обычно, ему заплатят деньгами, — голос Йеннифэр слегка изменился, — которых, как обычно же, ему едва хватит на лечение, если чудовище его покорежит. Как обычно. Если ты, Мольнар, действительно хочешь что-то для меня сделать, свяжись с фермерами в Хирунде, пусть увеличат вознаграждение. Так, чтобы ему было на что жить.

— Как обычно, — фыркнул Джианкарди. — А если он все-таки узнает об этом?

Йеннифэр уставилась на Цири, которая смотрела на них и слушала, даже не пытаясь изображать заинтересованность Physiologus'ом.

— От кого бы это?

Цири опустила глаза. Банкир многозначительно улыбнулся, погладил бороду.

— Перед тем как выбраться на Танедд, ты направишься в сторону Хирунда? Случайно, конечно?

— Нет, — отвела глаза чародейка. — Не направлюсь. Сменим тему, Мольнар.

Джианкарди снова погладил бороду, глянул на Цири. Цири опустила голову, закашлялась и заерзала на стуле.

— Верно, — согласился банкир, — пора сменить тему. Но твоей подопечной явно наскучила книга... и наши разговоры. А то, о чем я теперь хотел бы с тобой поговорить, наскучит ей, мне кажется, еще больше... Судьбы мира, судьбы краснолюдов этого мира, судьбы их банков — ах, какая скучная тема для юных дев, будущих выпускниц Аретузы! Приподними немного свои крылышки, Йеннифэр. Дай ей прогуляться по городу...

— Ох, да! — крикнула Цири.

Чародейка передернулась и уже собралась было возразить, но вдруг передумала. Цири не была уверена, но ей показалось, что причиной тому стало еле заметное движение глаз, сопровождавшее предложение банкира.

— Пусть девочка осмотрит достопримечательности славного града Горс Велена, — добавил Джианкарди, широко улыбаясь. — Ей положено немного свободы перед... Аретузой. А мы тут еще чуточку поболтаем кое о чем... хм... личном. Нет, я не предлагаю ребенку бродить в одиночку, хоть это и безопасный город. Я дам ей спутника и защитника — одного из моих младших коллег...

— Прости, Мольнар, — Йеннифэр не ответила на улыбку, — но мне кажется, что в нынешние времена даже в безопасном городе общество краснолюда...

— У меня и в мыслях не было, — притворно возмутился Джианкарди, — предлагать в спутники краснолюда. Клерк, о котором я говорю, сын уважаемого купца, человека, я бы

так сказал, до последней морщинки. Ты думала, у меня работают только краснолюды? Эй, Вильфли! Кликни-ка сюда Фабио, одна нога тут, другая...

— Цири. — Чародейка подошла к девочке, слегка наклонилась. — Только без глупостей, чтобы мне не пришлось краснеть. А с клерком — язык за зубами, поняла? Поклянись, что будешь следить за действиями и словами. Не кивай. Обещания дают в полный голос.

— Обещаю, госпожа Йеннифэр.

— Время от времени посматривай на солнце. В полдень вернешься. Точно. А если... Нет, не думаю, чтобы кто-то тебя узнал. Но если увидишь, что кто-то слишком уж внимательно на тебя поглядывает...

Чародейка открыла кошелек, достала небольшой, покрытый рунами хризопраз в форме песочных часов.

— Спрячь в кошелек. Не потеряй. В случае чего... Заклинание помнишь? Только аккуратно, активация дает сильное эхо, а действующий амулет испускает волны. Если вблизи окажется кто-то восприимчивый к магии, ты себя не замаскируешь, а совсем наоборот. Да, вот еще тебе... Если захочешь что-нибудь купить.

— Спасибо, госпожа Йеннифэр. — Цири положила амулет и монеты в кошелек, с любопытством взглянула на вбежавшего в контору мальчика. Мальчик был веснушчат, волнистые каштановые волосы ниспадали ему на высокий воротник серой униформы клерка.

— Фабио Сахс, — представил мальчика Джианкарди.

Тот почтительно поклонился.

— Фабио, это госпожа Йеннифэр, наша почетная гостья и уважаемая клиентка. А мазель, ее воспитанница, желает посетить город. Будешь ее провожатым и защитником.

Мальчик снова поклонился, на этот раз явно в сторону Цири.

— Цири, — холодно сказала Йеннифэр, — встань, пожалуйста.

Цири встала, немного удивленная, потому что знала: обычай этого не требует. И тут же поняла. Клерк, выглядевший ее ровесником, был на голову ниже.

— Мольнар, — сказала чародейка. — Кто кого будет защищать? Не мог дать кого-нибудь посолиднее?

Мальчик покраснел и вопросительно глянул на хозяина. Джианкарди кивнул. Клерк снова поклонился.

— Милостивая государыня, — проговорил он свободно и без тени смущения. — Возможно, я и невелик ростом, но на меня можно положиться. Я хорошо знаю город, пригороды и всю округу. В случае нужды буду защищать мазель в полную силу. А когда я, Фабио Сахс Младший, сын Фабио Сахса, делаю что-то в полную силу... то мало кто из тех, что покрупнее, сравняется со мной.

Йеннифэр несколько секунд глядела на мальчика, потом повернулась к банкиру.

— Поздравляю, Мольнар. Ты умеешь подбирать сотрудников. В будущем твой младший клерк не раз порадует тебя. Истинно благородный металл высшей пробы красиво звучит, когда по нему ударишь. Цири, с полным доверием отдаю тебя под опеку Фабио, сына Фабио, поскольку это мужчина серьезный и достойный доверия.

Мальчик покраснел до корней каштановых волос. Цири почувствовала, что тоже зарумянилась.

— Фабио. — Краснолюд открыл шкатулку, покопался в звонком содержимом. — Вот тебе полнобеля и три... и два пятака. На случай, если мазель выскажет какое-либо пожелание. Если не выскажет, вернешь. Ну, можете идти.

— В полдень, Цири, — напомнила Йеннифэр. — Ни минутой позже.

— Помню, помню.

— Меня зовут Фабио, — сказал мальчик, как только они сбежали по ступеням и вышли на шумную улицу. — А тебя — Цири, да?

— Да.

— Что бы ты хотела посмотреть в Горс Велене, Цири? Главную улицу? Переулок мастеров золотых дел? Морской порт? А может, рынок и ярмарку?

— Все.

— Хм... — задумался мальчик. — Времени у нас только до полудня... Лучше всего пойти на рынок. Сегодня базар-

ный день, там можно увидеть много интересного! Но сначала поднимемся на стену, оттуда виден весь залив и знаменитый остров Танедд. Согласна?

— Пошли.

По улице тарахтели телеги, тащились лошади и волы, бондари катили бочки, кругом — шум, гам и суета. Цири немного ошарашило движение и кажущийся беспорядок, она оступилась и вместо деревянного тротуара влезла по щиколотки в грязь и навоз. Фабио хотел взять ее за руку, но она вырвалась.

— Еще чего! Я сама ходить умею!

— Хм... Ну да. Тогда пошли. Сейчас мы на главной улице. Называется она Карод и связывает Главные и Морские ворота. В ту сторону ведет к ратуше. Видишь башню с золотым петушком? Это и есть ратуша. А там вон, где цветная вывеска, — трактир «Под расшнурованным корсетом». Но туда, хм... туда мы не пойдем. Давай срежем дорогу, пройдем по Окружной улице через рыбный рынок.

Они свернули в переулок и вышли прямо на небольшую площадь, втиснувшуюся между стенами домов. Площадь была забита прилавками, бочками и кадками, из которых бил сильный запах рыбы. Тут шла оживленная и шумная торговля, перекупщики, продавцы и покупатели старались перекричать кружащих надо всем чаек. У стены сидели кошки, делая вид, будто рыба их вообще не интересует.

— Твоя госпожа, — вдруг сказал Фабио, лавируя между прилавками, — очень строгая.

— Знаю.

— Она тебе не родная, верно?

— Да. А как ты догадался?

— Сразу видно! Она очень красивая, — сказал Фабио с жестоким, разоружающим откровением совсем еще молодого человека.

Цири повернулась словно пружина, но прежде чем успела ответить Фабио какой-нибудь колкостью относительно его веснушек и роста, мальчик уже тащил ее между тележками, бочками и прилавками, одновременно объясняя, что возвышающаяся над площадью башня называется «Во-

ровская», что камни для ее постройки брали со дна морского и что растущие около нее деревья называются пальмами.

— Ты ужасно неразговорчивая, Цири, — неожиданно заметил он.

— Я? — изобразила она удивление. — Ничего подобного! Просто внимательно тебя слушаю. Знаешь, ты рассказываешь очень интересно. Я как раз хотела тебя спросить...

— О чем?

— А далеко отсюда до... до города Аретузы?

— Совсем близко. Только Аретуза вовсе не город. Поднимемся на стену, покажу.

Стена была высокая, с крутыми ступенями. Фабио вспотел и задыхался, и неудивительно: он не закрывал рта, сообщил Цири, что стена, окружающая Горс Велен, построена недавно, она гораздо моложе самого города, возведенного еще эльфами, сказал, что в ней тридцать пять футов высоты и что это так называемая казематная кладка, сложенная из тесаного камня и необожженного кирпича, то есть материала, лучше других выдерживающего удары таранов.

Наверху их охватил морской ветер. Цири с удовольствием вдыхала его после плотной и неподвижной духоты города. Она оперлась локтями о край стены, глядя сверху на расцвеченный парусами порт.

— Что это, Фабио? Вон та гора?

— Остров Танедд.

Остров, казалось, был совсем близко. И походил не на остров, а на вколоченный в морское дно гигантский каменный столб, огромный зиккурат, спеленутый змеящимся серпантином дороги, террасами и зигзагами лестниц. На террасах зеленели рощицы и сады, а из зелени проглядывали прилепившиеся к скалам, будто ласточкины гнезда, белые островерхие башни и изящные купола, венчающие группы окруженных галереями зданий, которые, похоже, были возведены не хитроумными строителями, а вырезаны в склонах горы, вздымающейся из морской пучины.

— Все это создали эльфы, — пояснил Фабио. — Говорят, с помощью эльфьей магии. Однако уже с незапамятных времен Танедд принадлежит чародеям. Ближе к вер-

шине, там, где — видишь? — блестят на солнце купола, расположен дворец Гарштанг. В нем через несколько дней откроется Большой Сбор магиков. А вон там, смотри, уже на самой вершине, высокая одинокая башня с зубцами. Это Тор Лара, Башня Чайки.

— Туда можно попасть по суше? Это же близко.

— Можно. Есть мост, он соединяет берег залива с островом. Его отсюда не видно, деревья заслоняют. А видишь красные крыши у подножия горы? Это дворец Локсия. Туда-то и ведет мост. Только через Локсию можно пройти к дороге, ведущей на верхние террасы.

— А туда, где вон те миленькие галерейки и мостики? И сады? Как они держатся на камнях и не падают? Что это за дворец?

— Это и есть Аретуза, которая тебя интересовала. Знаменитая школа для юных чародеек.

— Ах, — Цири облизнула губы, — так это там... Слушай, Фабио...

— Слушаю.

— Ты хоть иногда встречаешь молодых чародеек, которые учатся в школе? Ну в Аретузе?

Мальчик удивленно взглянул на нее.

— Что ты! Никогда! С ними никто не встречается! Им запрещено покидать остров и выходить в город. А на территорию школы никого вообще не пропускают. Даже бургграфа и судебного исполнителя. Если у них возникает какое-то дело к чародейкам, они могут пройти только в Локсию. На самый нижний уровень.

— Так я и думала, — покачала головой Цири, не отрывая глаз от горящих золотом крыш Аретузы. — Прям не школа, а тюрьма какая-то! На острове, на скале, да еще и над пропастью. Тюрьма — и вся недолга.

— Вообще-то да, — согласился Фабио, немного подумав. — Оттуда довольно трудно выйти... Только там не как в тюрьме. Просто ученицы — молодые девушки. Их надо охранять...

— От чего?

— Ну... — замялся мальчик. — Ты же знаешь...

— Не знаю.

— Хм... Я думаю... Ох, Цири, никто же их не запирает в школе. Они сами хотят...

— Ну конечно. — Цири шельмовски улыбнулась. — Хотят — вот и сидят в своей тюрьме. Не хотели б, так не дали бы себя запереть. Все так просто — надо только вовремя сбежать. Еще до того, как туда попадешь, потому как потом может быть труднее...

— Как это — сбежать? А куда им...

— Им, — прервала Цири, — вероятно, некуда, бедняжкам. Фабио? А где город... Хирунд?

Мальчик удивленно глянул на нее.

— Хирунд не город. Это ферма. Большая ферма. Там есть сады и огороды, поставляющие овощи и фрукты всем городам в округе. Есть пруды, в которых разводят карпов и других рыб...

— И далеко до этого Хирунда? В какую сторону? Покажи.

— Зачем тебе?

— Покажи, прошу тебя.

— Видишь дорогу, ведущую на запад? Там, где телеги? По ней как раз и едут в Хирунд. Верст пятнадцать, все время лесами.

— Пятнадцать верст, — повторила Цири. — Недалеко, если конь хороший... Спасибо, Фабио.

— За что?

— Не важно. Теперь проводи меня на рынок. Ты обещал.

— Пошли.

Такой толчеи, суеты, сутолоки и гомона, какие встретили их на рынке Горс Велена, Цири еще видеть не доводилось. Шумный рыбный базар, через который они недавно проходили, по сравнению с рынком показался бы тихим храмом. Площадь была огромной, и все-таки Цири казалось, что пройти на территорию ярмарки невозможно. Оставалось лишь взглянуть издалека. Однако Фабио смело врезался в спрессованную толпу, волоча девочку за собой. У Цири сразу же закружилась голова.

Продавцы вопили, покупатели орали еще громче, затерявшиеся в толкотне дети выли и стенали. Мычали коровы,

блеяли овцы, кудахтали куры и гоготали гуси. Ремесленники-краснолюды яростно колотили молотками по каким-то железякам, а когда прерывали свое занятие, чтобы напиться, начинали жутко ругаться. В нескольких точках площади надрывались пищалки, гусли и цимбалы, видимо, там давали концерты ваганты и музыканты. Вдобавок ко всему кто-то невидимый в этом бедламе, но наверняка не музыкант, без устали дул в латунную трубу.

Цири отскочила от трусившей прямо на нее, пронзительно визжащей свиньи и налетела на клетку с курами. Ее толкнули, она наступила на что-то мягкое и мяукающее. Шарахнулась, чуть не угодив под копыта огромной вонючей, отвратной и ужасающе странной скотины, расталкивающей людей косматыми боками.

— Что это было? — ойкнула она, пытаясь удержаться на ногах. — А, Фабио?

— Верблюд. Не бойся!

— А я и не боюсь! Тоже мне! Подумаешь, вербульд!!!

Она с любопытством оглядывалась. Понаблюдала за работой низушков, на глазах у всех изготовлявших изящные бурдюки из козьей шкуры, повосхищалась прелестными куклами, которых предлагали на своем прилавке две полуэльфки. Долго рассматривала изделия из малахита и яшмы, выставленные на продажу угрюмым и все время бурчащим гномом. С интересом и знанием дела осмотрела мечи в мастерской оружейника. Остановилась около девушек, плетущих корзинки из ивы, и пришла к выводу, что нет ничего хуже такой работы.

«Трубодуй» перестал надрываться. Вероятнее всего, его прикончили.

— Чем так вкусно пахнет?

— Пончиками. — Фабио пощупал кошелек. — Хочешь попробовать один?

— Хочу попробовать два.

Продавец подал три пончика, принял пятак и сдал четыре медяка, один из которых переломил пополам. Цири, уже немного освоившаяся, с интересом наблюдала за операцией продавца, жадно поглощая первый пончик.

— Не отсюда ли, — спросила она, принимаясь за второй, — пошла поговорка «ломаного гроша не стоит»?

— Отсюда. — Фабио прикончил свой пончик. — Ведь монет меньше гроша не существует. А там, откуда ты родом, полугроши не в ходу?

— Нет. — Цири облизнула пальцы. — Там, откуда я родом, в ходу золотые дукаты. Кроме того, все это ломанье было бессмысленным и ненужным.

— Почему?

— Потому что я хочу съесть третий пончик.

Заполненные сливовым повидлом пончики подействовали как самый волшебный эликсир. У Цири поднялось настроение, и бурлящая народом площадь перестала ее пугать, изумлять и даже начала нравиться. Она больше не позволяла Фабио тащить себя, а сама потянула его в самую гущу, к тому месту, с которого кто-то произносил речь, забравшись на импровизированную трибуну из бочек. Оратором оказался престарелый толстяк. По бритой голове и коричневому балахону Цири признала в нем бродячего жреца. Ей уже встречались такие, время от времени они навещали храм Мелитэле в Элландере. Мать Нэннеке никогда не называла их иначе как «эти дурные фанатики».

— Един суть на свете закон! — рычал толстый жрец. — Божий закон! Вся природа подчинена этому закону, вся земля и все, что на сей земле произрастает! А чары и магия — противны сему закону. Проклятие чародеям, близок уже день гнева, когда огонь небес поразит их богомерзкий остров! Рухнут стены Локсии, Аретузы и Гарштанга, за коими собираются ныне эти безбожники, плетущие козни! Рухнут эти стены...

— И придется, мать их перемать, все заново возводить, — буркнул стоящий рядом с Цири подмастерье в одежде, умаруханной известью.

— Увещеваю вас, люди добрые и благочестивые, — не унимался жрец, — не верьте чародеям, не обращайтесь к ним за советами и с просьбами. Не позволяйте им соблазнять себя ни видом роскошным, ни речью гладкой, ибо истину говорю вам, чародеи оные есть аки гробы повапленн-

ные, снаружи прекрасные, изнутри же гнили и истлевших костей полные!

— Гляньте на него, — проговорила молодая женщина с корзинкой, полной моркови, — вот треплется! На магиков, вишь ты, лает, потому как завидует, вот и все.

— Точно, — поддакнул каменщик, — у самого, ишь, башка словно яйцо лысая, а брюхо аж до колен. А чародеи — вона какие красивые, не плешивеют, не брюхатят... А чародейки, ого, сама красотища...

— Ибо твои раскрасавицы души дьяволу запродали! — крикнул невысокий типчик с сапожным молотком за поясом.

— Глуп ты, подошва гнилая. Если б не добрые тетки с Аретузы, ты б давно с сумой по миру пошел! Им скажи спасибо, что есть чего жрать.

Фабио потянул Цири за рукав, и они снова нырнули в толпу, которая понесла их к центру площади. Послышался грохот бубна и громкие крики, призывающие к тишине. Толпа и не думала замолкать, но глашатаю с деревянного помоста это вовсе не мешало. У него был зычный, хорошо поставленный голос, и он умел им пользоваться.

— Возвещаю, — заорал он, развернув рулон пергамента, — что Гуго Ансбах, низушек по рождению, объявлен вне закона, ибо злоумышленникам-эльфам, кои белками именуются, в доме своем ночлег и приют доставил. То же самое Юстин Ингвар, кузнец, краснолюд по рождению, коий негодникам оным наконечники для стрел ковал. Сим на обоих поименованных бургграф поиск оглашает и ловить их наказывает. Кто их схватит, тому награда — пятьдесят крон наличными. А ежели кто даст им пропитание альбо укрытие, их сообщником почитаться будет и одинаковая кара ему, какая и им назначена. А ежели в ополье либо в селении схвачены будут, все ополье либо все селение расплачиваться будут...

— Энто кто ж, — раздался выкрик в толпе, — низушку схронение дал! По ихним фермам пущай шукают, а найдут, то всех их, нелюдев, в яму!

— Не в яму, на шибеницу!

Глашатай принялся читать дальнейшие объявления бургграфа и городского совета, но Цири потеряла к ним интерес. Она как раз намеревалась выбраться из толчеи, когда вдруг почувствовала на ягодице руку. Вовсе не случайную, нахальную и невероятно искусную.

Теснота, казалось бы, не позволяла обернуться, но Цири научилась в Каэр Морхене двигаться в местах, в которых двигаться невозможно. Она развернулась, вызвав некоторое замешательство окружающих. Стоявший у нее за спиной юный жрец с бритой головой усмехнулся нагловатой, отработанной ухмылкой. Ну и что, говорила эта ухмылка, что теперь? Чудненько покраснеешь и этим румянцем все окончится?

Видимо, жрец никогда не имел дела с ученицами Йеннифэр.

— Лапы прочь, ты, дубина лысая! — заорала Цири, бледнея от бешенства. — За свою задницу хватайся, ты... гроб повапленный!!!

Воспользовавшись тем, что зажатый в толпе жрец не мог пошевелиться, Цири собралась его пнуть, но помешал Фабио, спешно оттащивший ее подальше от священнослужителя и места происшествия. Видя, что она вся трясется от злости, он подсунул ей горсть посыпанных сахарной пудрой хрустиков, при виде которых Цири мгновенно забыла об инциденте. Они стояли около ларька, там, откуда был виден подиум с позорным столбом посредине. Однако преступника там не было, а сам подиум был увешан гирляндами цветов и служил ареной группе разряженных как попугаи бродячих музыкантов, изо всех сил рвущих струны гуслей и попискивающих на дудках и свистульках. Молодая черноволосая девушка в украшенном цехинами сердаке пела и плясала, потрясая тамбурином и весело притопывая маленькими туфельками:

Вот однажды чародейку тяпнула гадюка.
Чародейка хоть бы охнуть, а гадюка — трупом!

Толпящиеся вокруг подиума зрители хохотали до упаду и хлопали в ритм песенки. Продавец сладких хрустиков бро-

сил в шипящее масло очередную порцию. Фабио облизнул пальцы и потянул Цири за рукав.

Ларьков было бесчисленное множество, и всюду предлагали что-нибудь вкусненькое. Они отведали еще по пирожному с кремом, потом — заодно — вяленого угорька, заели чем-то очень странным, жареным и наколотым на палочку. Позже задержались у бочек с квашеной капустой и сделали вид, будто пробуют, намереваясь якобы купить побольше. А поскольку, наевшись, так и не купили, торговка обозвала их засранцами.

Пошли дальше. На оставшиеся деньги Фабио приобрел корзиночку груш-бергамоток. Цири глянула на небо, но решила, что еще не полдень.

— Фабио! А что за палатки и будки вон там, у стены?

— Разные увеселения. Хочешь взглянуть?

— Хочу.

Перед первой палаткой стояли одни мужчины, возбужденно переступающие с ноги на ногу. Изнутри доносились звуки флейты.

— «Чернокожая Лейла... — Цири с трудом прочитала корявую надпись на полотне, — выдает в танце все секреты своего тела...» Глупость какая-то! Какие секреты?..

— Пошли дальше, пошли, — торопил Фабио, слегка покраснев. — Взгляни, это интересно. Здесь принимает ворожейка, будущее предсказывает. У меня еще есть два гроша, хватит...

— Жаль денег, — фукнула Цири. — Тоже мне — предсказание за два гроша! Чтобы предсказывать, надо быть вещуньей. Вещание — великий талант. Даже среди чародеек не больше чем одна из ста способна на такое.

— Моей старшей сестре, — заметил мальчик, — ворожейка предсказала, что она выйдет замуж, и это оправдалось. Не гримасничай, Цири. Пошли поворожим тебе...

— Я не хочу выходить замуж. Не хочу ворожбы. Тут жарко, а из этой палатки несет ладаном, я туда не пойду. Хочешь, иди один, я подожду. Только не знаю, на кой тебе эти предсказания. Что ты хочешь узнать?

— Ну... — замялся Фабио. — Больше всего... Буду ли я путешествовать. Смогу ли повидать весь мир...

«Будет, — вдруг подумала Цири, чувствуя головокружение. — Он будет плавать на больших белых парусниках... Доберется до стран, которых до него никто не видел... Фабио Сахс, первооткрыватель новых земель... Его именем назовут полуостров, край континента, который сегодня еще не имеет названия. Пятидесяти четырех лет, имея жену, сына и трех дочерей, он умрет вдали от дома и близких... От болезни, которая сегодня еще не имеет названия...»

— Цири! Что с тобой?

Она потерла лицо рукой. Ей казалось, что она выныривает из воды, выбирается к поверхности со дна глубокого, ледяно-холодного озера.

— Ничего, ничего... — пробормотала она, оглядываясь и приходя в себя. — Голова закружилась... Все из-за жары. И ладана из палатки...

— Скорее всего из-за капусты, — серьезно сказал Фабио. — Напрасно мы столько съели. У меня тоже в животе бурчит.

— Ничего со мной не случилось! — Цири молодцевато задрала голову, действительно почувствовав себя лучше. Мысли, которые вихрем пронеслись в голове, развеялись и тут же забылись. — Пошли, Фабио. Идем дальше.

— Хочешь грушу?

— Конечно.

У стены группа подростков играла в волчок на деньги. Волчок, обмотанный шнурком, надо было ловким, напоминающим щелчок бича рывком заставить вращаться так, чтобы он накручивал круги по начерченным мелом полям. Цири обыгрывала в волчок большинство мальчиков в Скеллиге, обыграла и всех послушниц в храме Мелитэле. Она уже собиралась было вступить в игру и освободить сорванцов не только от медяков, но и от залатанных штанов, когда ее внимание вдруг привлекли громкие крики.

На самом конце шеренги палаток и будок стояла притиснутая к стене и каменной лестнице странная полукруглая выгородка, образованная полотнищами, растянутыми

на саженной высоты шестах. Между двумя шестами был вход, который загораживал высокий рябой мужчина в стеганке и полосатых штанах, заправленных в матросские сапоги. Перед ним теснилась кучка людей. Сунув в горсть рябого несколько монет, люди по одному скрывались за полотнищем. Рябой кидал деньги в большое сито, позвякивал ими и хрипло выкрикивал:

— Ко мне, добрые люди! Ко мне! Собственными глазами увидите самое страшнейшее страшилище, какое только боги создали! Ужасть и страх! Живой василиск, ядовитое страховидло зерриканских пустынь, воплощение дьявола, ненасытный людоед! Такого чудовища вы еще не видели, люди! Только что пойманное, из-за моря на корабле привезенное! Взгляните, взгляните на живого, злострашного василиска собственными глазами! Последняя возможность! Здесь, у меня, всего за три пятака! Бабы с детьми — по два!

— Ха, — сказала Цири, отгоняя от груши ос. — Василиск? Живой? Надо обязательно взглянуть. До сих пор я видела только гравюры. Пошли, Фабио.

— У меня кончились деньги.

— У меня есть. Я заплачу. Пошли смело.

— Полагается шесть. — Рябой взглянул на брошенные в горсть медяки. — Три пятака с особы. Дешевше только бабы с детьми.

— Он, — Цири ткнула в Фабио грушей, — ребенок. А я — баба.

— Дешевше только бабы с детьми на руках, — заворчал рябой. — Ну, давай, добавляй еще два пятака, хитроумная девка, или валяй отседова и пропусти других. Поспешите, люди! Осталось всего три свободных места.

Пришлось добавить.

За выгородкой из полотнищ толпились горожане, плотным кольцом окружая сколоченное из досок возвышение, на котором стояла покрытая ковром клетка. Запустив недостающих до комплекта зрителей, рябой запрыгнул на помост, взял длинную палку и сдернул ковер. Понесло падалью и отвратительной вонью. Зрители зашептались и малость отступили.

— Осторожнее, добрые люди, — упредил рябой. — Не слишком близко, это опасно!

В клетке, явно ему тесной, свернувшись клубком, лежал ящер, покрытый темной чешуей со странным рисунком. Когда рябой стукнул по клетке палкой, гад зашевелился, зашуршал чешуйками по прутьям, вытянул длинную шею и пронзительно зашипел, демонстрируя острые белые конические зубы, резко контрастирующие с почти черной чешуей, обрамляющей пасть. Зрители охнули. Залился лаем кудлатый песик, которого держала на руках женщина с внешностью торговки.

— Смотрите внимательней, — крикнул рябой, — и радуйтесь, что в наших сторонах подобные чудища не обретаются! Вот чудовищный василиск из далекой Заррикании! Не приближайтесь, не приближайтесь, потому как хоть он и заперт в клетке, но одним токмо своим дыханием может отравить!

Цири и Фабио наконец протолкались сквозь кольцо зрителей.

— Василиск, — продолжал с возвышения рябой, опираясь на палку, как страж на алебарду, — это самая что ни на есть ядовитая гадина на свете! Ибо василиск — царь всех змей! Если б василисков было больше, наш мир пропал бы бесследно! К огромному счастью, это чудовище редкое, ибо рождается из петушиного яйца. А сами знаете, люди, что яйца сносит не каждый петух, а только такой паршивец, который на манер квочки другому петуху гузку подставляет.

Зрители дружным смехом прореагировали на шутку. Не смеялась лишь Цири, все время внимательно рассматривавшая существо, которое, раздраженное шумом, извивалось, билось о прутья клетки и кусало их, тщетно пытаясь расправить в тесноте исковерканные крылья.

— Яйца, таким петухом снесенные, — тянул рябой, — должны сто и одна змея высиживать! А когда из яйца проклюнется василиск...

— Это не василиск, — заметила Цири, откусывая грушу. Рябой косо глянул на нее.

— ...А когда выклюнется василиск, говорю, — продолжал он, — тогда он всех змей в гнезде пожрет, их яд поглотит. Но вреда ему от того никакого не будет. Сам же ядом так надуется, что не токмо зубом забить сумеет и не прикосновением даже, но дыхом одним! А ежели конный рыцарь возьмет и пикой василиска проткнет, то яд по древку вверх ударит и одновременно седока с конем на месте повалит.

— Это неправдивая неправда, — громко сказала Цири, выплевывая семечко.

— Самая наиправдивейшая правда! — возразил рябой. — Убьет. И коня и седока убьет!

— Как же, жди!

— Тихо, мазелечка! — крикнула торговка с собачкой. — Не мешай! Хотца нам полюбопытствовать и послушать!

— Перестань, Цири, — шепнул Фабио, ткнув ее в бок.

Цири фыркнула на него и полезла в корзинку за очередной грушей.

— От василиска, — рябой повысил голос, перебивая нарастающий меж зрителей шум, — каждый зверь в тот же миг сбегает, как только его шипение услышит. Каждый зверь, даже дракон, да что там, коркодрил даже, а коркодрилы невозможно страшные, кто их видел, тот знает. Одно только единое животное не боится василиска — это куна. Куница значит. Куна, как только чудовище в пустыне узрит, тут же в лес как можно шибчей мчится, там только одной ей ведомое зелье выищет и съест. Тогда василисков яд уже куне не страшен и она может его насмерть загрызть.

Цири хохотнула и издала губами протяжный, совершенно непристойный звук.

— Эй, мудрила! — не выдержал рябой. — Ежели тебе что не нравится, убирайся отседова. Нечего силком слушать и на василиска пялиться.

— Никакой это не василиск.

— Да? А что же оно такое, мазедь мудрила?

— Выворотка, — заметила Цири, отбрасывая хвостик груши и облизывая пальцы. — Обычная выворотка. Молодая, маленькая, изголодавшаяся и грязная. Но выворотка, и все тут. На Старшей Речи — выверна.

— О, гляньте-ка! — воскликнул рябой. — Ишь, какая умная да ученая к нам заявилась! Заткнись, не то я тебе...

— Эй-эй, — проговорил светловолосый юноша в бархатном берете и вамсе без герба, какие носят оруженосцы, держащий под руку тоненькую и бледненькую девушку в платьице абрикосового цвета. — Не так шибко, господин зверолов! Не угрожайте благородной девушке, не то я вас запросто своим мечом успокою. Кроме того, что-то тут шельмовством попахивает.

— Какое шульмовство, милсдарь юный рыцарь? — возмутился рябой. — Лгет эта соп... Я хотел сказать, эта благородная мазель ошибается! Это василиск.

— Это выворотка! — повторила Цири. — Тоже мне — василиск, ха!

— Какая еще «воротка»! Только гляньте, какой грозный, как шипит, как клетку кусает! Какие у него зубища-то! Зубища, говорю, как у...

— ...как у выворотки, — поморщилась Цири.

— Ежели ты вовсе разуму лишилась, — рябой одарил ее взглядом, которого не устыдился бы настоящий василиск, — то подойди! Подойди, чтобы он на тебя дыхнул! Враз все узрят, как ты копыта откинешь, посинеешь от яда! Ну, подойди!

— Пожалуйста. — Цири вырвала руку у Фабио и сделала шаг вперед.

— Я этого не допущу! — крикнул светловолосый оруженосец, отпуская руку абрикосовой подружки и заграждая Цири дорогу. — Этого делать нельзя. Ты слишком рискуешь, милая дама.

Цири, которую еще никто не величал милой дамой, слегка зарумянилась, взглянула на юношу и затрепыхала ресницами тем самым способом, который не раз испробовала на писаре Ярре.

— Нет никакого риска, благородный рыцарь, — кокетливо улыбнулась она, наперекор запретам Йеннифэр, которая достаточно часто напоминала ей присказку о дураке и сыре. — Ничего со мной не случится. Ее ядовитое дыхание — выдумка!

— И все же я хотел бы, — юноша положил руку на оголовье меча, — быть рядом с тобой. Для защиты и охраны... Позволишь?

— Позволю. — Цири не понимала, почему бешенство на лице абрикосовой девушки доставляет ей такое удовольствие.

— Она под моей охраной и защитой! — поднял голову Фабио, вызывающе взглянув на оруженосца. — Я тоже иду с ней!

— Милостивые государи. — Цири вскинула голову. — Больше выдержки. И не толкайтесь. Всем места хватит.

Кольцо зрителей заволновалось и загудело, когда она смело подошла к клетке, чуть ли не чувствуя дыхание обоих мальчиков на затылке. Выворотка яростно защипела и заметалась, в ноздри зрителей ударил змеиный смрад. Фабио громко засопел, но Цири не отступила. Подошла еще ближе и протянула руку, почти коснувшись клетки. Чудовище бросилось на прутья, хватая их зубами. Толпа снова закачалась, кто-то ойкнул.

— Ну и что, — гордо подбоченилась Цири. — Умерла? Отравило меня это ядовитое чудовище? Это такой же василиск, как я...

Она осеклась, заметив неожиданную бледность, покрывшую лица оруженосца и Фабио. Мгновенно обернулась и увидела, что два прута клетки расходятся под напором разъяренного ящера, вырывая из рамы ржавые гвозди.

— Бегите! — крикнула она во весь голос. — Клетка ломается!

Зрители с ревом ринулись к выходу. Некоторые пытались пробиться через полотно, но запутались в нем сами и запутали других, повалили шесты, попадали друг на друга, образуя верещащий клубок. Оруженосец схватил Цири за руку в тот момент, когда она пыталась отскочить, в результате оба завертелись, споткнулись и упали, переворачивая Фабио. Кудлатый песик торговки принялся лаять, рябой — поносить всех святых, а совершенно запутавшаяся абрикосовая девушка — пронзительно визжать.

Прутья клетки с треском вылетели, выворотка выбралась наружу. Рябой соскочил с подиума и попытался удержать ее палкой, но чудовище одним ударом лапы выбило палку у него из рук, свернулось и хватило его шиповатым хвостом, превратив покрытую оспинами щеку в кровавое месиво. Шипя и расправляя покалеченные крылья, выворотка слетела с помоста и тут же кинулась на Цири, Фабио и оруженосца, пытавшихся подняться с земли. Абрикосовая девушка потеряла сознание и повалилась на спину. Цири напружинилась для прыжка, но поняла, что не успеет.

Ее спас кудлатый песик, который вырвался из рук торговки, запутавшейся в своих шести юбках. Тонко взлаивая, псина кинулась на чудовище. Выворотка зашипела, приподнялась, прижала собачонку когтями, взвилась невероятно быстрым змеиным движением и впилась ей зубами в шею. Песик дико взвыл.

Оруженосец поднялся на колени и потянулся за мечом, но не нашел рукояти, потому что Цири оказалась проворнее. Она молниеносно выхватила меч у него из ножен, подпрыгнула в полуобороте. Выворотка поднялась, оторванная голова собачки свисала у нее из зубастой пасти.

Все движения, которым Цири научилась в Каэр Морхене, проделались как бы сами собой, почти помимо ее воли и участия. Она рубанула не ожидавшую нападения выворотку по животу и тут же закружилась в вольте, а кинувшийся на нее ящер свалился на песок, исходя кровью. Цири перепрыгнула через него, ловко увернувшись от свистящего хвоста, уверенно, точно и сильно ударила чудовище в бок, отскочила, машинально проделала ненужный уже вольт и тут же ударила еще раз, перерубив позвонки. Выворотка свернулась и замерла, только змеиный хвост еще извивался и бил по земле, разбрасывая песок.

Цири осторожно сунула окровавленный меч в руку оруженосцу.

— Конец! — крикнула она собирающейся толпе и все еще выпутывающимся из полотен зрителям. — Чудовище убито! Этот мужественный рыцарь прикончил его...

Неожиданно она почувствовала спазм в горле и бурление в желудке, в глазах потемнело. Что-то со страшной силой ударило ее по ягодицам так, что аж клацнули зубы. Она осмотрелась дурным взглядом. Оказывается, никто ее не ударил, просто она упала.

— Цири, — шепнул опустившийся перед ней на колени Фабио. — Что с тобой? О боги, ты бледная как смерть...

— Жаль, — пробормотала девочка, — ты себя не видишь.

Вокруг толпились люди. Некоторые тыкали в тело выверны палками и головнями, другие приводили в себя рябого, остальные восхваляли героического оруженосца, бесстрашного изничтожителя драконов, единственного, кто сохранил спокойствие и предотвратил смертоубийство. Оруженосец успокаивал абрикосовую девушку, не переставая с некоторым одурением глядеть на клинок меча, покрытый размазанными полосами высыхающей крови.

— Мой герой... — Абрикосовая мазелька пришла наконец в себя и закинула оруженосцу руки на шею. — Мой спаситель! Мой любимый!

— Фабио, — слабым голосом сказала Цири, видя пробивающихся сквозь толпу городских стражников. — Помоги встать и забери меня отсюда поскорее.

— Бедные дети... — Полная горожанка в чепчике взглянула на них, когда они бочком пробирались сквозь толпу. — Ну досталось вам. Если б не храбрый рыцаренок, выплакали бы глазоньки ваши матери!

— Узнайте, у кого этот юноша в оруженосцах! — крикнул ремесленник в кожаном фартуке. — Он заслужил пояса и шпор!

— А зверолова — к позорному столбу! Палок ему, палок! Такое чудовище — да в город, да к людям...

— Воды, воды. Мазелька снова в обморок упала!

— Моя бедная Мушка! — вдруг взвыла торговка, склонившись над тем, что осталось от лохматого песика. — Моя несчастная собаченька! Люди, хватайте ту девку, ту шельму, которая дракона разозлила! Где она? Хватайте ее! Не зверолов, а она всему виной!

Городские стражники, поддерживаемые многочисленными добровольцами, принялись, крутя головами, проталкиваться сквозь толпу.

— Фабио, — шепнула Цири. — Разделимся. Встретимся на улочке, по которой пришли. Иди. Если тебя кто-нибудь задержит и спросит обо мне — ты меня не знаешь и понятия не имеешь, кто я такая.

— Но... Цири!

— Иди!

Она зажала в кулаке амулет Йеннифэр и пробормотала активирующее заклинание. Чары подействовали мгновенно и в самое время. Стражники, которые уже пробирались к ней, обескураженно остановились.

— Какого черта? — удивился один из них, глядя, казалось бы, прямо на Цири. — Где она? Ведь только что видел!

— Там, там! — крикнул второй, указывая в противоположную сторону.

Цири повернулась и ушла, все еще опьяненная азартом боя, ослабленная активизацией амулета. Амулет действовал так, как и должен был действовать, — ее не заметил никто, и никто не обращал на нее внимания. Абсолютно никто. В результате, пока она не выбралась из толпы, ее безбожно толкали, наступали на ноги и пинали. Она чудом избежала удара брошенной с воза крынки. Ей чуть не выбили глаз вилами. Заклятие, как оказалось, имело хорошие и дурные стороны — причем хороших не меньше, чем дурных.

Амулет действовал недолго. Цири недоставало сил овладеть им и продлить время действия заклинания. К счастью, чары прекратились в подходящий момент — когда она выбралась из толпы и увидела Фабио, ожидавшего на улочке.

— Ой-ей, — сказал мальчик. — Ой-ей, Цири. Пришла! Я беспокоился.

— Напрасно. Пошли скорее. Полдень уже миновал. Мне надо возвращаться.

— Недурно ты управилась с тем чудовищем, — уважительно взглянул на нее мальчик. — И крутилась быстро! Где научилась?

— Чему? Выверну убил оруженосец.

— Неправда. Я видел...

— Ничего ты не видел. Пожалуйста, прошу тебя, Фабио, ни слова никому. Никому. А особенно госпоже Йеннифэр. Ой-ей, задаст она мне, если узнает... — Цири замолчала — Они, — она указала за спину, туда, где остался рынок, — были правы. Я раздразнила выверну... Все случилось из-за меня...

— Не из-за тебя, — убежденно возразил Фабио. — Клетка прогнила и была сколочена кое-как. Могла развалиться в любой момент, через час, завтра, послезавтра... Хорошо, что это случилось сейчас, потому что ты спасла...

— Оруженосец спас! — рявкнула Цири. — Оруженосец! Заруби себе на носу! Если только ты меня выдашь, я превращу тебя... во что-нибудь ужасное! Я знаю чары! Я заколдую тебя...

— Эй! — раздалось у них за спиной. — Хорошего понемногу!

У одной из следовавших за ними женщин были темные, гладко зачесанные назад волосы, блестящие глаза и тонкие губы. На плечах — короткий плащик из фиолетовой камки, отороченный мехом сони.

— Почему ты не в школе, воспитанница? — спросила она ледяным, звучным голосом, окидывая Цири проницательным взглядом.

— Подожди, Тиссая, — сказала вторая женщина помоложе, светловолосая и высокая, в зеленом платье с очень смелым декольте. — Я ее не знаю. Вряд ли она...

— Воспитанница, — прервала темноволосая. — Уверена, одна из твоих девочек. Ты же всех в лицо не знаешь. Она из тех, что сбежали из Локсии во время неразберихи при смене жилья. И сейчас она признается сама. Ну, воспитанница, слушаю.

— А? — поморщилась Цири.

Женщина сжала тонкие губы, поправила отвороты перчаток.

— У кого ты украла камуфлирующий амулет? Или тебе кто-то его дал?

— А?

— Не испытывай моего терпения, воспитанница. Как тебя зовут? Кто твоя наставница? Ну быстро!

— А?

— Прикидываешься дурочкой, воспитанница? Имя! Как тебя зовут?

Цири стиснула губы, в ее глазах заплясали зеленые огоньки.

— Анна Ингеборга Клопшток, — нагло процедила она.

Женщина подняла руку, и Цири тут же поняла всю величину своей промашки. Йеннифэр всего один раз, устав от ее затянувшихся капризов, продемонстрировала ей действие парализующих чар. Ощущение было исключительно мерзкое. Теперь это повторилось.

Фабио глухо вскрикнул и кинулся к Цири, но другая женщина, светловолосая, схватила его за воротник и осадила на месте. Мальчик рванулся, но рука женщины была как железо. Цири не могла даже дрогнуть. Ей казалось, что она понемногу врастает в землю. Темноволосая наклонилась и уставилась на нее блестящими глазами.

— Я не сторонница телесных наказаний, — сказала она холодно, снова поправляя отвороты перчаток, — но постараюсь, чтобы тебя вздули, воспитанница. Не за непослушание, не за кражу амулета и не за прогулы. Не за то, что ты носишь недозволенный наряд, ходишь с мальчиками и болтаешь с ними о делах, о которых тебе говорить не дозволено. Тебя выпорют за то, что ты не сумела распознать гроссмейстера.

— Нет! — крикнул Фабио. — Не наказывай ее, благородная госпожа! Я работаю клерком в банке господина Мольнара Джианкарди, а эта девушка...

— Заткнись! — взвизгнула Цири. — Зат...

Заклинание, лишившее ее способности говорить, было брошено резко и грубо. Она почувствовала на губах кровь.

— Ну, — подтолкнула Фабио светловолосая, отпуская и ласковым движением разглаживая помятый воротник мальчика, — говори. Кто эта мазелька?

Маргарита Ло-Антиль вынырнула из бассейна, с плеском разбрызгивая воду. Цири не могла удержаться и не по-

смотреть на нее. Она не раз видела Йеннифэр обнаженной и никак не думала, что у кого-то может быть более совершенная фигура. Она ошибалась. При виде обнаженной Маргариты Ло-Антиль от зависти покраснели бы даже мраморные статуи богинь и нимф.

Чародейка схватила ушат с холодной водой и опрокинула себе на бюст, при этом непристойно ругаясь и отряхиваясь.

— Эй, дева! — крикнула она Цири. — Подай-ка, пожалуйста, полотенце. Да перестань наконец на меня пялиться.

Все еще обиженная, Цири тихо фыркнула. Когда Фабио проговорился, кто она такая, чародейки, выставив Цири на посмешище, силой протащили ее через половину города. В банке Джианкарди все, разумеется, тут же выяснилось. Чародейки извинились перед Йеннифэр, объяснив свое поведение. Дело в том, что воспитанниц из Аретузы временно перевели в Локсию, так как помещения школы понадобились под жилища участникам и гостям Сбора чародеев. Воспользовавшись неразберихой при переезде, несколько воспитанниц сбежали с Танедда и отправились в город. Маргарита Ло-Антиль и Тиссая де Врие, встревоженные активизацией амулета Цири, приняли ее за одну из прогульщиц.

Обе чародейки извинились перед Йеннифэр, но ни та, ни другая и не подумали извиниться перед Цири. Йеннифэр, выслушивая извинения, глядела на нее, и Цири чувствовала, как горят у нее уши. А больше всего досталось Фабио — Мольнар Джианкарди отчитал его так, что у мальчика слезы стояли в глазах. Цири было его жалко, но она и гордилась им — Фабио сдержал слово и даже не заикнулся о выверне.

Выяснилось, что Йеннифэр прекрасно знает Тиссаю и Маргариту. Чародейки пригласили ее в «Серебряную цаплю», самую лучшую и самую дорогую гостиницу в Горс Велене, где Тиссая де Врие остановилась по приезде, по одной только ей известной причине оттягивая появление на острове. Маргарита Ло-Антиль, которая, оказывается, была ректором Аретузы, приняла приглашение старшей чародейки и временно делила с нею жилье. Гостиница действительно оказалась роскошная, в подвальных помещениях размести-

лась баня, которую Маргарита и Тиссая, выложив баснословные деньги, сняли в свое исключительное пользование. Йеннифэр и Цири, конечно, были приглашены и вот уже несколько часов то плавали в бассейне, то потели в парной, непрестанно сплетничая.

Цири подала чародейкам полотенце. Маргарита легонько ущипнула ее за щеку. Цири фыркнула и с плеском прыгнула в пахнущую розмарином воду бассейна.

— Плавает как маленький тюлень, — засмеялась Маргарита, растягиваясь рядом с Йеннифэр на деревянном лежаке. — А стройна как наяда. Дашь ее мне, Йенна?

— Для того и привезла.

— На который курс принять? Основы знает?

— Знает. Но пусть начнет, как все, с младшей группы. Не помешает.

— Разумно, — сказала Тиссая де Врие, занятая очередной перестановкой кубков на мраморном столике, покрытом капельками сконденсированного пара. — Умно, Йеннифэр. Девочке будет легче, если она начнет вместе с другими новичками.

Цири выбралась из бассейна, присела на край парапета, выжимая волосы и болтая ногами в воде. Йеннифэр и Маргарита лениво перебрасывались словами, то и дело протирая лица смоченными в холодной воде салфетками. Тиссая, целомудренно обмотавшаяся простыней, не вступала в разговор и, казалось, была полностью поглощена установлением надлежащего порядка на столике.

— Покорно просим прощения, благородные дамы! — раздался сверху голос невидимого хозяина гостиницы. — Соблаговолите простить за то, что посмел помешать, но... Какой-то офицер желает срочно видеть госпожу де Врие! Говорит, это не терпит отлагательства!

Маргарита Ло-Антиль хохотнула и подмигнула Йеннифэр. Обе одновременно скинули с бедер полотенца и расположились в нарочито изысканных и соблазнительных позах.

— Пусть офицер войдет! — крикнула Маргарита, сдерживая смех. — Приглашаем. Мы готовы!

— Ну дети и дети, — вздохнула Тиссая де Врие, покачав головой. — Накройся, Цири!

Офицер вошел, но оказалось, что чародейки старались напрасно. Офицер, увидев их, не смутился, не покраснел, не раскрыл рта, не вытаращил глаза. Ибо офицер был женщиной. Высокой, стройной женщиной с мечом на боку и толстой черной косой.

— Госпожа, — сухо проговорила женщина, слегка поклонившись Тиссае де Врие и звякнув звеньями кольчуги. — Докладываю о выполнении твоих приказаний. Прошу разрешения вернуться в гарнизон.

— Разрешаю, — кратко ответила Тиссая. — Благодарю за сопровождение и помощь. Счастливого пути.

Йеннифэр присела на лежанке, не отводя глаз от черно-красно-золотого банта на плече воительницы.

— Мы не знакомы?

Воительница сдержанно поклонилась, протерла вспотевшее лицо. В бане было жарко, а она стояла в кольчуге и кожаном камзоле.

— Я часто бывала в Венгерберге, — сказала она, — госпожа Йеннифэр. Меня зовут Райла.

— Судя по банту, ты служишь в спецподразделениях короля Демавенда?

— Да, госпожа.

— В чине?

— Капитана.

— Прекрасно, — рассмеялась Маргарита Ло-Антиль. — В армии Демавенда, отмечаю это с удовлетворением, наконец-то начали выдавать офицерские патенты солдатам независимо от того, есть у них, прости, Цири, яйца или нет.

— Разрешите идти?

— Я почувствовала неприязнь в твоем голосе, Йенна, — сказала Маргарита, подождав, пока Райла выйдет. — В чем дело?

Йеннифэр встала, взяла со столика два кубка.

— Ты видела столбы на развилках дорог? — спросила она. — Должна была видеть, должна была вдыхать вонь разлагающихся трупов. Эти столбы — их придумка и их дело.

Капитана и ее подчиненных из спецподразделений. Банда садистов!

— Идет война, Йеннифэр. Райле не раз доводилось видеть товарищей по оружию, живыми попавших в лапы белок. Повешенных за руки на деревьях в качестве мишеней для стрел. Ослепленных, кастрированных, с ногами, обгоравшими на кострах. Жестокостей, которые совершают скоя'таэли, не устыдилась бы сама Фалька.

— Методы спецподразделений тоже слишком живо напоминают методы Фальки. Но не о том речь, Рита. Я не лью слез над судьбой эльфов, я знаю, что такое война, и знаю, как выигрывают войны. Их выигрывают солдаты, которые убежденно и самоотверженно защищают свою страну, свой дом. Не такие наемники, как Райла, дерущиеся ради денег, не умеющие и не желающие жертвовать собой. Им вообще неведомо, что такое самопожертвование. А если и ведомо, то они презирают его.

— Хрен с ними, с их самопожертвованиями и их презрением. Нам-то какое дело? Цири, накинь что-нибудь и сбегай наверх за новым кувшином. Хочу сегодня надраться.

Тиссая де Врие вздохнула, покачав головой. Это не ушло от внимания Маргариты.

— К счастью, — хохотнула она, — мы уже не в школе, милая мэтресса. И можем позволить себе все, что захочется.

— Даже в присутствии будущей воспитанницы? — ехидно спросила Тиссая. — Когда ректором Аретузы была я...

— Помним, помним, — улыбнувшись, прервала Йеннифэр. — При всем желании не забудем. Отправляйся за кувшином, Цири.

Наверху в ожидании кувшина Цири стала свидетельницей отъезда воительницы и четырех ее солдат. С любопытством и удивлением она наблюдала за их поведением, выражением лиц, изучала одежду и оружие. Капитан Райла с мечом и черной косой препиралась с хозяином гостиницы:

— Не стану ждать до утра! И накласть мне на то, что ворота заперты! Хочу немедленно за стены! У гостиничных конюшен есть собственные потайные потерны. Приказываю открыть ход!

— Инструкции...

— Насрать мне на ваши инструкции! Я выполняю приказы гроссмейстера де Врие!

— Ну хорошо, хорошо, капитан, не кричите, сейчас открою...

Потерна оказалась узким, крепко запертым на засовы проходом, ведущим непосредственно за стены города. Прежде чем прислужник передал Цири кувшин, она увидела, как этот проход отворили и Райла с группой выехала наружу. В ночь.

Цири задумалась.

— Ну наконец-то, — обрадовалась Маргарита то ли Цири, то ли кувшину. Цири поставила кувшин на столик, видимо, неточно, потому что Тиссая де Врие тут же его подвинула. Наполняя кубки, Йеннифэр нарушила тщательно продуманное расположение сосудов, и Тиссае снова пришлось наводить порядок. Цири с ужасом представила себе Тиссаю в роли учительницы.

Йеннифэр и Маргарита вернулись к прерванному разговору, не забыв о кувшине. Цири задумалась, одновременно прислушиваясь к беседе чародеек.

— Нет, Йенна, — покачала головой Маргарита. — Похоже, это у тебя не временно. Я, например, порвала с Ларсом. С ним покончено. Elaine deireadh, как говорят эльфы.

— И поэтому хочешь надраться?

— В частности, — подтвердила Маргарита Ло-Антиль. — Грустно мне, не скрываю. Ведь мы были вместе четыре года. Но пришлось порвать. Я убедилась, что с ним в общем-то каши не сваришь.

— Тем более, — фыркнула Тиссая де Врие, разглядывая золотое вино в хрустальном кубке, — что Ларс женат.

— Как раз это-то, — пожала плечами чародейка, — не имеет никакого значения. Все приличные мужчины интересующего меня возраста женаты, тут уж ничего не попишешь. Ларс любил меня, да и мне какое-то время казалось... Ах, что говорить. Он слишком многого хотел. Угрожал моей свободе, а меня тошнит при одной мысли о моноga-

мии. Впрочем, я взяла пример с тебя, Йенна. Помнишь наш разговор в Венгерберге? Когда ты решила порвать со своим ведьмаком? Тогда я советовала тебе подумать, говорила, что любовь на улице не валяется. И все же ты была права. Любовь любовью, а жизнь жизнью. Любовь проходит...

— Не слушай ее, Йеннифэр, — холодно сказала Тиссая. — Она огорчена и обижена. Знаешь, почему она не идет на банкет в Аретузу? Потому что ей неловко явиться одной, без мужчины, с которым ее связывали четыре года. Из-за которого ей завидовали. Которого она потеряла, потому что не сумела оценить его любви.

— А может, стоит поговорить о чем-нибудь другом? — предложила Йеннифэр вроде бы беспечным, но заметно изменившимся голосом. — Налей нам, Цири. Язви его, маловат кувшинчик-то. Будь другом, принеси еще один.

— Два, — засмеялась Маргарита. — В награду получишь глоточек и сядешь с нами, не надо будет прислушиваться издалека. Твое воспитание начнется здесь и сейчас, в бане, еще прежде, чем ты попадешь ко мне в Аретузу.

— Воспитание! — Тиссая возвела очи горе. — О боги!

— Тише, любезная мэтресса. — Маргарита шлепнула себя по мокрому бедру, изображая гнев. — Сейчас я — ректор школы! Тебе не удастся срезать меня на последнем экзамене!

— Очень жаль.

— Мне тоже, представь себе. Будь у меня сейчас частная практика, как у Йеннифэр, мне не приходилось бы мытариться с воспитанницами, вытирать носы плаксам и ругаться с гордячками. Послушай меня, Цири, учись. Чародейки всегда действуют. Хорошо ли, плохо ли — станет ясно позже. Но необходимо действовать, смело хватать жизнь за гриву. Поверь, малышка, я жалею исключительно о бездеятельности, нерешительности, колебаниях. О действиях и поступках, даже если они порой приносят печаль и тоску, по-настоящему не жалею никогда. Взгляни на даму, которая сидит вон там, делает строгие гримасы и педантично поправляет все что можно. Это Тиссая де Врие, гроссмейстер, воспитавшая десятки чародеек, вдалбливая им, что действовать следует всегда, что нерешительность...

— Перестань, Рита.

— Тиссая права, — сказала Йеннифэр, все еще глядя в угол бани. — Перестань. Знаю, ты грустишь из-за Ларса, но не делай из своей грусти науку жить. У девочки еще будет время научиться этому, к тому же не в школе. Иди, Цири, за кувшином.

Цири встала. Она уже была полностью одета.

И полна решимости.

— Что? — крикнула Йеннифэр. — Что такое? Как это — уехала?

— Приказала, — забормотал хозяин, бледнея и прижимаясь спиной к стене. — Приказала оседлать коня...

— И ты послушался? Вместо того чтобы кинуться к нам?

— Государыни! Откуда ж знать-то? Я был уверен, что она отправляется по вашему приказу... У меня и в мыслях не было...

— Дурак набитый...

— Спокойнее, Йеннифэр. — Тиссая приложила руку ко лбу. — Не поддавайся эмоциям. Сейчас ночь. Ее не выпустят за ворота.

— Она велела, — шепнул хозяин, — отворить потерну...

— И ей отворили?

— Из-за вашего Сбора, — опустил глаза хозяин, — в городе полно чародеев... Люди в страхе, боятся им перечить... Как я мог отказать? Она говорила точно как вы, госпожа, ну совсем таким же тоном... И глядела точно как вы. Никто не смел ей даже в глаза глянуть, не то что спрашивать... Она была ну точно такая же, как вы... Тютелька в тютельку... Велела подать перо и чернила... и написала записку.

— Давай сюда! — крикнула Йеннифэр.

Тиссая де Врие опередила ее и громко прочитала:

Госпожа Йеннифэр. Прости меня. Еду в Хирунд, потому что хочу видеть Геральта. Встретиться с ним, прежде чем пойду в школу. Прости мое непослушание, но я должна. Знаю, ты меня накажешь, но не хочу в будущем сожалеть о безде-

ятельности и колебаниях. Если и придется о чем-то жалеть, то пусть это будут действия и поступки. Я — чародейка. Хватаю жизнь за гриву. Вернусь, как только смогу.

Цири.

— Все?

— Есть еще приписка: «Скажи госпоже Рите, что в школе ей не придется вытирать мне нос».

Маргарита Ло-Антиль недоверчиво покачала головой, а Йеннифэр разразилась бранью. Хозяин гостиницы покраснел и раскрыл рот. Доводилось ему слышать проклятия, но такие он слышал впервые.

Ветер дул с суши. Волны туч затягивали висящую над лесом луну. Дорога в Хирунд тонула во мраке. Ехать галопом стало опасно. Цири сдержала лошадь, пошла рысью. О том, чтобы идти шагом, даже не подумала. Она торопилась.

Вдалеке было слышно ворчание надвигающейся бури, горизонт то и дело освещали вспышки молний, вырывающих из мрака зазубренную пилу вершин деревьев.

Она остановила коня на развилке — дорога расходилась на два рукава, оба выглядели одинаково.

«Почему Фабио ничего не сказал о развилке? Да что там, ведь я никогда не плутаю, я всегда знаю, в какую сторону идти или ехать. Почему же сейчас не могу решить, на какую дорогу свернуть?»

Огромная тень беззвучно пронеслась над головой. Цири почувствовала, как сердце подскакивает к горлу. Конь заржал, дернулся и помчался галопом, выбрав правую дорогу. Немного погодя она сдержала его.

— Это всего-навсего обыкновенная сова, — проговорила она, стараясь успокоить себя и коня. — Обычная птица... Бояться нечего...

Ветер усиливался, темные тучи целиком затянули луну. Но впереди, там, где в плотной стене леса угадывался разрыв, было светлее. Она поехала быстрее, песок полетел из-под копыт коня.

Вскоре пришлось остановиться. Перед ней был обрыв и дальше море, из которого вздымался знакомый черный конус острова. С того места, где она стояла, огней Гарштанга, Локсии и Аретузы видно не было. Маячила лишь одинокая, венчающая Танедд башня.

Тор Лара.

Загрохотало, и почти тут же ослепительная молния сшила затянутое тучами небо с вершиной башни. Тор Лара глянула на нее красными зрачками окон. Казалось, внутри башни на секунду загорелся огонь.

«Тор Лара... Башня Чайки... Почему это название вызывает во мне такой ужас?»

Вихрь рванул деревья, зашумели ветви. Цири зажмурилась, пыль и листья ударили ее по щеке. Она развернула фыркающего и оседающего на задние ноги коня. Сориентировалась. Остров Танедд указывал на север, а ей надо ехать на запад. Песчаная дорога лежала во мраке четкой белой полосой. Она пустила коня галопом.

Загрохотало снова, и при свете молнии Цири неожиданно увидела конных. Темные, размытые, подвижные силуэты по обеим сторонам дороги. Услышала окрик:

— Gar'ean!

Не раздумывая, она остановилась, натянула поводья, развернулась и послала коня в галоп. За ней — крик, свист, ржание, топот копыт.

— Gar'ean! Dh'oine!

Галоп, удары копыт, ветер. Тьма, в которой мелькают белые стволы придорожных берез. Грохот. Молния, в ее свете двое конных пытаются перегородить ей дорогу. Один протягивает руку, хочет схватить поводья. К шапке пристегнут беличий хвост. Цири ударяет коня плеткой, прижимается к конской шее, проносится рядом. За ней — крик, свист, грохот грома. Молния.

— Spar'le! Yaevinn!

«В карьер, в карьер! Быстрее, конь! Гром. Молния. Развилок. Влево! Я никогда не ошибаюсь! Снова развилок. Направо. В карьер, конек! Быстрее, быстрее!»

Дорога идет в гору, под копытами песок, конь, хоть она и подгоняет его, замедляет бег...

На вершине холма она оглянулась. Очередная молния осветила дорогу. Пусто. Она прислушалась, но слышала только шум ветра в листьях. Загрохотало.

«Здесь никого нет. Белки — всего лишь воспоминания, вынесенные из Каэдвена. Роза из Шаэрраведда... Мне привиделось. Тут нет ни единой живой души, никто за мной не гонится...»

В нее ударил ветер.

«Ветер дует с суши, — подумала она, — я чувствую его правой щекой... Я заблудилась».

Молния. В ее свете заискрилась поверхность моря, выплыл из мрака черный конус острова Танедд. И Тор Лара. Башня Чайки. Башня, которая притягивает как магнит... «Но я не хочу в эту башню... Я еду в Хирунд. Потому что должна увидеть Геральта».

Снова вспышка.

Между нею и обрывом возник черный конь. На нем — рыцарь в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы. Крылья вдруг захлопали, птица ринулась в полет...

Цинтра!

Парализующий страх. Руки до боли стискивают ременные поводья. Молния. Черный рыцарь останавливает коня. Вместо лица у него жуткая маска. Крылья хлопают.

Конь без понукания рванулся в галоп. Тьма, освещенная молниями. Лес кончается. Под копытами плеск, чавканье грязи. Позади шум крыльев хищной птицы. Все ближе... Ближе...

Сумасшедший галоп, глаза слезятся от ветра. Молнии режут небо, в их свете Цири видит ольхи и вербы по обеим сторонам дороги. Но это не деревья. Это слуги Короля Ольх. Слуги Черного рыцаря, который мчится за ней, и крылья хищной птицы шумят на его шлеме. Диковинные чудовища по обеим сторонам дороги протягивают к ней узловатые руки, дико хохочут, разевая черные пасти дупел. Цири прижимается к шее коня. Ветки свистят, достают ее, цепляют-

ся за одежду. Покореженные стволы скрипят, дупла шамкают беззубыми ртами, заливаются ехидным смехом...

Львенок из Цинтры! Дитя Старшей Крови!

Черный рыцарь уже совсем близко. Цири чувствует его руку, пытающуюся схватить ее за волосы на затылке. Подгоняемый криком конь рвется вперед, резким прыжком берет невидимую преграду, с треском ломает камыш, спотыкается...

Она натянула поводья, откинувшись в седле, завернула хрипящего коня. Крикнула, дико, яростно. Выхватила меч из ножен, завертела над головой.

«Это уже не Цинтра! Я уже не ребенок! Я не беззащитна. Не позволю...»

— Не позволю! Ты не прикоснешься ко мне! Никогда не прикоснешься ко мне!

Конь с плеском и хлюпаньем прыгнул в воду, доходящую ему до живота. Цири наклонилась, крикнула, ударила коня пятками, вырвалась на дамбу. «Пруды, — подумала она. — Фабио говорил о прудах, в которых разводят рыбу. Это Хирунд. Я на месте. Я никогда не блуждаю...»

Молния. Позади дамба, дальше черная стена леса, пилой режущая небо. И никого. Только стон ветра нарушает тишину. Где-то на болотах крякает испуганная утка.

«Никого. На дамбе никого. Никто за мной не гонится. Это был мираж, кошмар. Воспоминание о Цинтре. Мне все привиделось. Вдали огонек. Фонарик. Либо костер. Это ферма. Хирунд. Уже близко. Еще одно усилие...»

Молния. Одна, вторая, третья. Грома не слышно. Ветер неожиданно замирает. Конь ржет, мотает головой и встает на дыбы.

На черном небе появляется молочно-белая, быстро светлеющая полоса, извивающаяся змеей. Ветер снова ударяет в вербы, сбивает с дамбы облака листьев и сухой травы.

Далекий огонек исчезает. Тонет и растворяется в лавине голубых огоньков, которыми вдруг вспыхивает болото. Конь фыркает, ржет, мечется по дамбе. Цири с трудом удерживается в седле.

В движущейся по небу ленте возникают нечеткие силуэты всадников. Они все ближе, их видно все четче. Раскачиваются буйволиные рога и растрепанные султаны на шлемах, под шлемами белеют оскалившиеся черепа. Наездники сидят на лошадиных скелетах, покрытых лохмотьями попон. Бешеный ветер воет в вербах, острия молний одно за другим режут черное небо. Ветер воет все громче. Нет, это не ветер, это жуткое пение.

Кошмарная кавалькада заворачивает, мчится прямо на нее. Копыта призрачных лошадей вспарывают мерцание болотных огоньков. В голове кавалькады несется Король Гона. Проржавевший шишак колышется над черепом, зияющим провалами глазниц, горящих синеватым огнем. Развевается рваный плащ. О покрытый ржавчиной нагрудник грохочет ворот, пустой, как старый гороховый стручок. Некогда в нем сидели драгоценные камни. Но они вывалились во время дикой гонки по небу. И стали звездами...

«Неправда! Этого нет! Это кошмар, бред, призраки, миражи! Мне это только кажется!»

Король Гона сдерживает лошадь-скелет, разражается диким, жутким смехом.

Дитя Старшей Крови! Ты — наша! Ты — наша! Присоединяйся к кортежу, присоединяйся к нашему Гону! Мы будем мчаться, мчаться до конца, до скончания вечности, до пределов существования! Ты — наша, звездоокая дщерь Хаоса! Присоединяйся, познай радость Гона! Ты — наша, ты — одна из нас! Твое место с нами, среди нас!

— Нет! — кричит Цири. — Прочь! Вы — трупы!

Король Гона смеется, клацают гнилые зубы над заржавевшим воротом доспехов. Синим горят глазницы черепа.

Да, мы — трупы! Но смерть — ты!

Цири прижимается к шее коня. Подгонять его нет нужды. Чувствуя позади настигающие их призраки, конь сломя голову мчится вперед по дамбе.

Бернье Хофмайер, низушек, фермер из Хирунда, поднял кучерявую голову, прислушался к далеким раскатам грома.

— Опасная штука — этакая буря и без дождя. Ударит где-нибудь молния, и пожар...

— Малость дождя не помешала бы, — вздохнул Лютик, подкручивая колки лютни, — потому как воздух такой, что хоть ножом режь... Сорочка липнет к спине, комары жрут... Но, пожалуй, все кончится ничем. Кружила буря, кружила, но теперь уже сверкает где-то на севере. Скорее всего над морем.

— Бьет в Танедд, — сказал низушек. — Самая высокая точка в округе, Тор Лара, прям-таки притягивает молнии. При крепкой буре все выглядит так, будто она полыхает огнем. Аж диво берет, что не разваливается...

— Магия, — убежденно отметил трубадур. — На Танедде все — магическое, даже сама скала. А чародеи молний не боятся. Да что это я! Известно ли тебе, Бернье, что они умеют молнии ловить?

— Да ну тебя! Врешь все, Лютик!

— Чтоб меня гром... — Поэт осекся, тревожно глянул на небо. — Чтоб меня гусь клюнул, ежели лгу. Говорю тебе, Хофмайер, магики ловят молнии. Собственными глазами видел. Старый Горазд, тот, которого позже на Содденском Холме убили, однажды схватил молнию на моих глазах. Взял длиннющий кусок проволоки, один конец прикрепил к вершине своей башни, а другой...

— А другой надо было в бутылку сунуть, — пискнул вдруг бегающий по двору сын Хофмайера, маленький низушек с густой и курчавой словно руно шевелюрой. — В стеклянную бутыль, в какой папка вино гонит. Молния по проволоке в бутыль и шмыгнет...

— А ну домой, Франклин! — рявкнул фермер. — В постель, спать, быстро! Скоро полночь, а завтра с утра за работу! Ох, гляди, поймаю я тебя, ежели будешь во время бури с бутылями и проволокой мудрить. Пущу ремень в дело! Две недели на заднице не усидишь! Петунья, забери его отседова. А нам еще пивка принеси!

— Хватит, — гневно бросила Петунья Хофмайер, забирая сына со двора. — И без того вон сколько вылакали.

— Не ворчи. Того и гляди, ведьмак вернется. Гостя попотчевать надобно.

— Когда вернется, тогда и принесу. Для него.

— Ну, скупа баба, — буркнул Хофмайер, но так, чтобы жена не услышала. — Прям как свояченица Бибервельтиха из Почечуева Лога. Все до одного там скряга на скряге и скрягой погоняют... А ведьмака что-то долго не видать. Как пошел на пруды, так и пропал. Странный человек. Видел, как вчера вечером на девочек глядел, на Цинию и Тангеринку, когда они во дворе играли? Странные у него были глаза. А теперь... Не могу отделаться от ощущения, что он пошел, чтобы побыть одному. Да и у меня гостит только потому, что моя ферма в стороне, вдали от других. Ты его лучше знаешь, Лютик, скажи...

— Знаю? Его-то? — Поэт прихлопнул комара на шее, потренькал на лютне, всматриваясь в черные силуэты верб над прудом. — Нет, Бернье. Не знаю. Думаю, никто его не знает. Но с ним явно что-то творится. Зачем он сюда приехал, в Хирунд? Чтоб поближе к Танедду? А когда вчера я предложил ему вместе проехаться в Горс Велен, откуда Танедд видно, он тут же отказался. Что его здесь держит? Может, вы сделали какое-нибудь выгодное предложение?

— Где там, — буркнул низушек. — Честно говоря, я вообще не верю, чтобы тут какое-никакое чудовище объявилось. Того паренька, что в пруду утоп, могли спазмы схватить. А все сразу в крик: мол, это дело рук топляка или кикиморы, и, дескать, надобно ведьмака призвать... А уж деньги-то ему такие никчемные пообещали, стыдобища да и только. А он что? Три ночи по дамбам да прудам лазает, днем или спит, или сидит молча, копна копной, на детишек смотрит, на дом... Странно, я бы сказал — необыкновенно.

— И правильно бы сказал.

Сверкнула молния, осветив двор и постройки фермы. На мгновение глянули белым развалины эльфьего особнячка в конце дамбы. Через несколько секунд над садами прокатилась волна грома. Сорвался нежданный ветер, деревья и камыши над прудом зашумели и пригнулись, зеркало воды подернулось рябью и стало матовым, ощетинились вставшие торчком листья кувшинок.

— Все ж таки буря к нам идет, — глянул на небо фермер. — Может, магики чарами отогнали от острова? Их на Танедд съехалось больше двух сотен... Как думаешь, Лютик, о чем они там будут совещаться, на своем Сборе? Выйдет из того что-нибудь путное?

— Для нас? Сомневаюсь. — Трубадур провел большим пальцем по струнам лютни. — Их сборы — обычно показ мод, сплетни, повод для поклепов и внутренних разборок. Споры — распространять магию или, наоборот, предоставить элите. Склоки между теми, кто королям служит, и теми, кто предпочитает на королей давить, но при этом как бы оставаться в тени.

— Ох, — вздохнул Бернье Хофмайер, — что-то мне думается, во время ихнего Сбора будет на Танедде постоянно сверкать и греметь не хуже, чем во время бури.

— Возможно. А нам-то какое дело?

— Тебе — никакого, — грустно проговорил низушек. — Потому как ты только и знаешь, что на лютне бренчать да песенки распевать. Глядишь на окружающий тебя мир, а видишь одни стихи да ноты. А у нас тут за последнюю неделю конники дважды капусту и репу копытами пропахали. Армия гоняется за белками, белки крутятся и удирают, а и тем, и другим дорога не иначе как через нашу капусту выпадает...

— Не время жалеть капусту, когда лес горит, — проговорил поэт.

— Ты, Лютик, — Бернье Хофмайер искоса глянул на него, — как чего скажешь, так неизвестно, плакать ли, смеяться ли или дать тебе под зад. Я серьезно говорю! И скажу тебе, паршивые времена пришли. На большаках колья, шибеницы, на полянах и по просекам — трупы, мать их. Эти края, пожалуй, так выглядели во времена Фальки. Ну и как тут жить? Днем заявляются люди короля и шумят, что за помощь белкам возьмут нас на дыбы. А ночью врываются эльфы, и попробуй откажи им в помощи! Они сразу же весьма поэтично обещают показать нам, как ночь обретает красное обличье. Такие, понимаешь, поэтичные, сукины дети, что выблевать невозможно. Так нас и взяли, как говорится, меж двух жерновов...

— Рассчитываешь на то, что чародейский Сбор что-то изменит?

— Ну да, рассчитываю. Ты сам сказал, что среди магиков два лагеря борются. Прежде уже бывало, что чародеи королей сдерживали, клали конец войнам и волнениям. Ведь именно магики мир заключили с Нильфгаардом три года тому. Так, может, и теперь...

Бернье Хофмайер замолчал, прислушался. Лютик ладонью приглушил звучащие струны.

Из мрака на дамбе показался медленно бредущий ведьмак. Снова сверкнула молния. Когда загрохотало, ведьмак был уже рядом, во дворе.

— Ну и как, Геральт? — спросил Лютик, чтобы прервать неловкое молчание. — Выследил уродину?

— Нет. Сегодня ночь неподходящая. Неспокойная ночь. Неспокойная... Устал я, Лютик.

— Сядь, передохни.

— Я не о том.

— Верно, — буркнул низушек, глядя в небо и прислушиваясь. — Неспокойная ночь, что-то недоброе в воздухе висит... Животные маются в хлеве... А в ветре слышны крики...

— Дикий Гон, — тихо сказал ведьмак. — Замкните как следует ставни, господин Хофмайер.

— Дикий Гон? — изумился Бернье. — Призраки?

— Не бойтесь. Они пройдут высоко. Летом Гон всегда проходит высоко. Гон опасен во время зимней бури, особенно — путникам на перекрестке дорог. Но дети могут проснуться. Гон несет с собой ночные кошмары. Лучше закрыть ставни.

— Дикий Гон, — проговорил Лютик, беспокойно зыркая наверх, — к войне.

— Глупости и преувеличение.

— Нет! Незадолго до нильфгаардского нападения на Цинтру...

— Тише! — Ведьмак жестом прервал его, резко выпрямился, уставившись в темень.

— Что слу...

— Конники.

— Дьявольщина, — прошипел Хофмайер, соскакивая со скамьи. — Ночью могут быть только скоя'таэли. Опять капусту...

— Один конь, — прервал его ведьмак, поднимая со скамьи меч. — Один живой конь. Остальные — призраки из Гона... Черт возьми... Невероятно... Летом?

Лютик тоже вскочил, но убегать постыдился, потому что ни Геральт, ни Бернье бежать не собирались. Ведьмак выхватил меч из ножен и бросился в сторону дамбы, низушек, не раздумывая, поспешил за ним, вооружившись вилами. Опять сверкнуло, на дамбе появился мчащийся галопом конь. А за конем следовало нечто неопределенное, нечто сотканное из мрака и отсвета, какой-то клуб, вихрь, мираж. Что-то, вызывающее панический страх, отвращение, ужас, проникающий до мозга костей.

Ведьмак крикнул, поднимая меч. Наездник заметил его, пришпорил коня, оглянулся. Ведьмак крикнул еще раз. Громыхнул гром.

Сверкнуло, но теперь это была не молния. Лютик повалился на колени рядом со скамьей и подлез бы под нее, не будь скамья слишком низкой. Бернье уронил вилы. Петунья Хофмайер, выбежавшая из дома, крикнула.

Ослепительный блеск материализовался в прозрачную сферу, внутри которой замаячила фигура, мгновенно обретая контуры и форму. Лютик распознал ее тут же. Он знал эти черные, рассыпавшиеся локоны и обсидиановую звезду на бархотке. Тем, чего он не знал и никогда раньше не видел, было лицо. Лицо Фурии, лицо богини Мести, Гибели и Смерти.

Йеннифэр подняла руки и выкрикнула заклинание, из ее пальцев с шипением вырвались разбрасывающие искры спирали, разрывая ночное небо и тысячами звезд отражаясь в поверхности пруда. Спирали копьями врезались в преследующий одинокого всадника клуб. Клуб вскипел. Лютику показалось, что он слышит жуткие крики, видит кошмарные силуэты призрачных коней. Это продолжалось доли секунды, потому что клуб вдруг сжался, собрался в шар и взмыл в небо, удлиняясь на ходу и подобно комете волоча за со-

бой хвост. Опустилась тьма, освещаемая только колеблющимся светом фонаря, который держала Петунья Хофмайер.

Наездник осадил коня перед домом, слетел с седла, покачнулся. Лютик сразу же сообразил, кто это. Никогда раньше он не видел этой худенькой пепельноволосой девочки, но узнал ее мгновенно.

— Геральт... — прошептала девочка. — Госпожа Йеннифэр... Простите... Мне надо было. Ты же знаешь...

— Цири, — сказал ведьмак.

Йеннифэр сделала шаг к девочке, но тут же остановилась. Молчала.

«К кому она подойдет? — подумал Лютик. Однако никто из них, ни ведьмак, ни чародейка, не сделал ни шага, ни жеста. — К кому она подойдет прежде? К нему? Или к ней?»

Цири не подошла ни к нему, ни к ней. Не в состоянии выбрать, она просто-напросто упала в обморок.

Дом был пуст, все семейство низушков чуть свет отправилось на работу. Цири притворялась, будто спит, но слышала, как Геральт и Йеннифэр вышли. Она соскользнула с постели, быстро оделась, тихонько выбралась из комнаты и следом за ними пошла в сад.

Геральт и Йеннифэр свернули на дамбу, разделяющую покрытые белыми водяными лилиями и желтыми кувшинками пруды. Спрятавшись за разрушенной стеной, Цири сквозь щель наблюдала за чародейкой и ведьмаком. Девочка думала, что Лютик, известный поэт, стихи которого она читала не раз, еще спит. Она ошибалась. Поэт не спал. И застал ее на месте преступления.

— Эй, — хихикнул он, неожиданно подходя. — Разве хорошо подслушивать и подглядывать? Побольше деликатности, малышка. Позволь им немного побыть одним.

Цири покраснела, но тут же сжала губы и гордо проговорила:

— Во-первых, я не малышка. А во-вторых, мне кажется, я им не мешаю, а?

Лютик немного посерьезнел.

— Пожалуй, верно. Мне даже кажется, помогаешь.

— Я? Чем?

— Не прикидывайся. Вчера все было разыграно очень хитро. Но меня не проведешь. Ты изобразила обморок. Да?

— Да, — отвела глаза Цири. — Госпожа Йеннифэр сразу разгадала, а Геральт — нет...

— Они вдвоем отнесли тебя в дом. Их руки соприкасались. Они сидели у твоей постели почти до утра, не произнеся ни слова. Только теперь решились поговорить. Здесь, на дамбе, у прудов. А ты решила подслушать, о чем они говорят... И подглядеть за ними через пролом в стене. Тебе до зарезу надо знать, что они там делают?

— Они там ничего не делают. — Цири слегка зарумянилась. — Беседуют, вот и все.

— А ты... — Лютик присел на траву под яблоней и оперся спиной о ствол, предварительно убедившись, что там нет ни муравьев, ни гусениц. — Тебе до смерти хочется знать, о чем беседуют, да?

— Да... Нет! А впрочем... Впрочем, я все равно ничего не слышу. Слишком далеко.

— Если хочешь, — засмеялся бард, — я тебе скажу.

— А ты-то откуда можешь знать?

— Ха-ха! Я, милая Цири, поэт. Поэты о таких вещах знают все. Поверь, поэты о таком знают больше, чем сами собеседники. Если их можно так назвать.

— Как же!

— Слово даю! Слово поэта.

— Да? Ну тогда... Тогда скажи, о чем они разговаривают? Объясни, что все это значит!

— Взгляни еще раз в пролом и посмотри, что они делают.

— Хм-м-м... — Цири закусила верхнюю губу, потом наклонилась к отверстию. — Госпожа Йеннифэр стоит у вербы... Обрывает листики и даже не смотрит на Геральта... А Геральт, опустив голову, стоит рядом. И что-то говорит. Нет, молчит. Ой, ну и рожица у него... Ну и странная же...

— Все по-детски просто. — Лютик отыскал в траве яблоко, вытер о брюки и критически осмотрел. — Сейчас он просит простить ему всякие глупые слова и поступки. Просит простить за нетерпение, за недостаток веры и надежды, за упрямство, за ожесточение. За капризы и позы, недо-

стойные мужчины. Просит простить за то, что когда-то не понимал, за то, что не хотел понять...

— Все это неправдивая неправда! — Цири выпрямилась и резким движением откинула челку со лба. — Все ты выдумал!

— Просит простить за то, что понял лишь теперь, — продолжал Лютик, уставившись в небо, а в его голосе послышались ритмы, свойственные балладам. — Что хочет понять, но боится: а вдруг да не успеет... И может даже быть, что не поймет уже. Извиняется и просит прощения... Прощения... Хм... Значения... Сомнения... Предназначения. Все банально, холера...

— Неправда! — топнула ногой Цири. — Геральт вовсе так не говорит. Он... он вообще молчит. Я же видела. Он стоит там с ней и молчит...

— В том-то и состоит роль поэзии, Цири. Говорить о том, о чем другие молчат.

— Дурацкая она, твоя роль. Все ты выдумываешь!

— И в этом тоже состоит роль поэзии. Ой, я слышу у пруда возбужденные голоса. А ну выгляни быстренько, взгляни, что там деется.

— Геральт, — Цири снова заглянула в щель, — стоит опустив голову. А Йеннифэр страшно кричит на него. Кричит и размахивает руками. Ой-ей... Что бы это значило?

— Детский вопрос. — Лютик снова глянул на плывущие по небу облака. — Теперь она просит у него прощения.

Сим беру тебя, дабы владеть тобой и оберегать тебя, беру на долю хорошую и долю плохую, долю самую лучшую и долю самую худшую, днем и ночью, в болезни и здоровьи, ибо люблю тебя всем сердцем своим и клянусь любить вечно, пока смерть не разлучит нас.

Старинная венчальная формула

О любви мы знаем немного. Любовь — что груша. Она сладкая и имеет определенную форму. Но попробуйте дать определение формы груши!

Лютик. Полвека поэзии

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

У Геральта были основания подозревать — и он действительно подозревал, — что банкеты чародеев отличаются от пиров и торжественных обедов простых смертных. Однако что различие окажется столь велико и принципиально — он не ожидал.

Предложение Йеннифэр сопровождать ее на предваряющем чародейский Сбор банкете оказалось для него неожиданным, но не ошарашило. Это было не первое предложение такого рода. Уже раньше, когда они жили вместе и их отношения складывались прекрасно, Йеннифэр хотелось присутствовать на сборах и дружеских пирушках в его обществе. Однако он решительно отказывался, полагая, что в компании чародеев в лучшем случае окажется диковинкой и сенсацией, а в худшем — нежелательным пришельцем и парией. Йеннифэр смеялась над его опасениями, но не настаивала. А поскольку в иных ситуациях она умела настаивать так, что весь дом сотрясался и сыпалось стекло, постольку Геральт утвердился в мнении, что его решения были правильными.

На этот раз он согласился. Не раздумывая. Предложение последовало после долгого, откровенного и эмоционального разговора. Разговора, который сблизил их вновь, отодвинул в тень и забытье давние конфликты, растопил лед обиды, гордыни и ожесточения. После разговора на дамбе в Хирунде Геральт согласился бы на любое, абсолютно

любое предложение Йеннифэр. Не отказался бы даже от совместного посещения ада ради того, чтобы хлебнуть чашечку кипящей смолы в компании огненных демонов.

И еще была Цири, без которой ни этого разговора, ни этой встречи не было бы, Цири, которой, если верить Кодрингеру, интересовался какой-то чародей. Геральт рассчитывал на то, что его присутствие на Сборе спровоцирует чародея и заставит того действовать. Но Йеннифэр он не сказал об этом ни слова.

Из Хирунда он, она, Цири и Лютик поехали прямо на Танедд. Для начала остановились в огромном комплексе дворца Локсия, разместившемся у юго-восточного подножия горы. Дворец уже кишмя кишел гостями Сбора и сопровождающими их лицами, но для Йеннифэр сразу же нашлись покои. В Локсии они провели целый день. Весь этот день Геральт разговаривал с Цири, Лютик бегал, собирал и распространял слухи и сплетни, чародейка выбирала и примеривала наряды. А когда наступил вечер, ведьмак с Йеннифэр присоединились к многоцветной процессии, направлявшейся в Аретузу — дворец, в котором предстояло иметь место банкету. И теперь, в Аретузе, Геральт удивлялся и изумлялся, хоть и дал себе слово ничему не удивляться и не изумляться.

Огромная центральная зала дворца имела форму буквы «Т». Длинное плечо освещали окна, узкие и невероятно высокие, доходящие чуть ли не до поддерживаемого колоннами свода. Свод тоже был высокий. Такой высокий, что трудно было разглядеть детали украшающих его фресок, на которых основным мотивом было многократно повторенное изображение пяти обнаженных фигур. Оконные проемы были забраны чертовски дорогими витражами, и все же в зале явно ощущались сквозняки. Геральта удивляло, что свечи при этом не гаснут, но, присмотревшись внимательнее, он удивляться перестал. Канделябры были магические, а возможно, даже иллюзорные. Во всяком случае, света они давали много, несравненно больше, чем обычные свечи.

Когда они вошли, в зале уже находилось не меньше сотни людей. Зала, по оценке ведьмака, могла вместить, как

минимум, в три раза больше, даже если посредине, как того требовала традиция, поставить столы подковой. Но традиционной подковы не оказалось. Похоже было на то, что пировать собрались стоя, прохаживаясь вдоль стен, украшенных гобеленами, гирляндами и колеблющимися на сквозняке знаменами. Под гобеленами и гирляндами стояли ряды длинных столов. На столах теснились замысловатые блюда среди замысловатых цветных композиций из замысловатых ледяных фигур. Вглядевшись внимательнее, Геральт констатировал, что замысловатости было значительно, то есть значительно больше, чем еды.

— Есть нечего, — грустно отметил он, разглаживая на себе короткий черный, расшитый серебром и перехваченный в талии камзол, в который вырядила его Йеннифэр. Такой камзол — последний писк моды — почему-то называли дублетом. Откуда взялось такое название, ведьмак понятия не имел. И иметь не хотел. Йеннифэр на его замечание не отреагировала. Впрочем, Геральт и не ожидал реакции, хорошо зная, что чародейка не привыкла реагировать на подобные замечания. Но не отчаялся. Продолжал брюзжать. Просто ему хотелось побрюзжать.

— Музыки нет. Дует черт-те как. Присесть негде. Что, есть и пить будем стоя?

Чародейка одарила его волооким фиалковым взглядом и сказала неожиданно спокойно:

— Именно. Будем есть стоя. Кстати, тебе следует знать, что долго задерживаться у стола с блюдами бестактно.

— Постараюсь быть тактичным, — буркнул он. — Тем более что и задерживаться-то, похоже, негде.

— Пить большими глотками — очень бестактно, — продолжала поучать Йеннифэр, не обращая внимания на его ворчание. — Избегать беседы непростительно бестактно...

— А то, — прервал он, — что вон тот тощага в кретинских штанах указывает на меня пальцем двум своим подружкам, тоже бестактно?

— Да. Но не очень.

— Что будем делать, Йен?

— Фланировать по залу, здороваться, раздавать комплименты, беседовать... Перестань разглаживать дублет и поправлять волосы...

— Ты не разрешила мне надеть повязку...

— Твоя повязка слишком претенциозна. Ну, возьми меня под руку и пошли. Торчать вблизи входа — бестактно.

Они кружили по залу, постепенно наполняющейся гостями. Геральту зверски хотелось есть, но вскоре он понял, что Йеннифэр не шутила. Было видно, что обязывающий чародеев этикет и впрямь предполагает, что есть и пить надо мало и как бы с неохотой. Вдобавок ко всему каждая остановка у столика с яствами влекла за собой исполнение неких общественных обязанностей. Кто-то кого-то замечал, проявлял радость по сему случаю, подходил и приветствовал столь же многословно, сколь и фальшиво. После обязательной имитации взаимоцелования в щечку или до неприятности деликатного рукопожатия, неискренних улыбок и еще менее искренних, хоть и недурно замаскированных комплиментов следовала краткая и тоскливо банальная беседа ни о чем.

Ведьмак внимательно осматривался, пытаясь отыскать знакомые лица в надежде, что он тут все же не единственный, кто допущен к общению с чародейской братией. Йеннифэр заверяла его, что он, конечно же, не единственный, но что-то он не видел никого, кто не входил бы в Братство, а может, просто не мог никого узнать.

Пажи разносили на подносах вино, лавируя среди гостей. Йеннифэр не пила вообще. Ведьмак хотел, но не мог.

Ловко работая плечом, чародейка оттеснила его от стола и вывела в самый центр залы, в самый фокус всеобщего интереса. Сопротивление не помогло. Он понимал, в чем дело. Это была самая банальнейшая демонстрация.

Геральт знал, чего может ожидать, поэтому со стоическим спокойствием сносил полные нездорового любопытства взгляды чародеек и загадочные ухмылки чародеев. Хоть Йеннифэр и уверяла его, что правила хорошего тона и такта запрещают пользоваться на таких мероприятиях магией, он не верил, чтобы магики сумели удержаться, тем более

что Йеннифэр провокационно выставляла его на всеобщее обозрение. И был прав. Несколько раз он почувствовал дрожание медальона и уколы чародейских импульсов. Некоторые мужчины, не говоря уже о дамах, пытались бесцеремонно читать его мысли. Он был к этому готов, знал, в чем дело, и знал, как реагировать. Глядел на идущую с ним под руку Йеннифэр, на бело-черно-бриллиантовую Йеннифэр с волосами цвета воронова крыла и фиалковыми глазами, а зондирующие его чародеи конфузились, смущались и, к его величайшему удовлетворению, явно теряли самоуверенность. Да, мысленно отвечал он им, да, вы не ошибаетесь. Существует только она. Она, рядом со мной, здесь и сейчас, и только это имеет значение. Здесь и сейчас. А кем она была раньше, где была раньше и с кем была раньше — ничего, абсолютно ничего не значит. Сейчас она со мной, здесь, среди вас. Со мной и ни с кем другим. Именно так я думаю, думаю постоянно о ней, неустанно думаю о ней, чувствую аромат ее духов, тепло ее тела. А вы хоть удавитесь от зависти.

Чародейка крепко сжала ему руку, прильнула к нему.

— Благодарю, — мурлыкнула она, снова направляясь к столам. — Но, пожалуйста, без чрезмерной демонстративности.

— А что, вы, чародеи, всегда принимаете искренность за демонстративность? Не потому ли, что не верите в искренность даже тогда, когда вычитаете ее в чужих мыслях?

— Да. Поэтому.

— И все-таки ты меня благодаришь?

— Потому что тебе верю. — Она еще сильнее сжала ему руку, потянулась к блюду. — Положи мне немного лосося, ведьмак. И крабов.

— Это крабы из Повисса. Их выловили месяц назад, не иначе. А стоит жара. Не боишься...

— Эти крабы, — прервала она, — еще сегодня ползали по морскому дну. Телепортация — чудесное изобретение.

— Верно, — согласился он. — Неплохо бы его распространить, не думаешь?

— Мы над этим работаем. Накладывай, накладывай, есть хочу.

— Я люблю тебя, Йен.

— Я же просила, без демонстративности... — Она осеклась, вскинула голову, отбросила со щеки черные локоны, широко раскрыла фиалковые глаза. — Геральт! Ты впервые признался мне в этом!

— Невероятно. Издеваешься!

— Ничего подобного. Раньше ты только думал, сегодня сказал.

— Неужто такая уж разница?

— Огромная.

— Йен...

— Не разговаривай с набитым ртом. Я тоже тебя люблю. Разве не говорила? О боги, ты же задохнешься! Подними руки, я постучу тебя по спине. Дыши глубже.

— Йен...

— Дыши, дыши, сейчас пройдет.

— Йен!

— Да. Откровенность за откровенность.

— Ты не заболела?

— Я ждала. — Она выжала на лосося лимон. — Не могла же я реагировать на признания, которые делают мысленно! Дождалась слов, смогла ответить, вот и отвечаю. Я чувствую себя изумительно.

— Что случилось?

— Расскажу позже. Ешь. Лосось прекрасный, клянусь Силой, он действительно прекрасный.

— Можно тебя поцеловать? Сейчас, здесь, при всех?

— Нет.

— Йеннифэр! — Проходящая мимо темноволосая чародейка высвободила руку из-под локтя сопровождающего ее мужчины, подошла. — Все-таки приехала? Это чудесно! Я не видела тебя тысячу лет!

— Сабрина! — Йеннифэр обрадовалась так искренне, что любой, кроме Геральта, позволил бы себя обмануть. — Дорогая! Какая радость!

Чародейки осторожно обнялись и взаимно расцеловали друг другу воздух около ушей и бриллиантово-ониксовых сережек. Сережки обеих чародеек, напоминающие мини-

атюрные кисти винограда, были одинаковые — в воздухе незамедлительно запахло дикой враждой.

— Геральт, позволь представить — моя школьная подружка, Сабрина Глевиссиг из Ард Каррайга.

Ведьмак поклонился, чмокнул высоко поданную руку. Он уже успел сообразить, что все чародейки при встрече ожидали целования руки. Это как бы уравнивало их по меньшей мере с княжнами. Сабрина Глевиссиг подняла голову, ее серьги дрогнули и зазвенели. Тихонько, но демонстративно и нахально.

— Я так хотела с тобой познакомиться, Геральт, — улыбнулась она. Как все чародейки, она не признавала «господ», «милостивых государей», даже в сокращенной до «милсдаря» форме, или иных, обязательных у знати форм. — Рада, страшно рада. Наконец-то ты, Йен, перестала скрывать его от нас. Откровенно говоря, странно, что так долго тянула. Абсолютно нечего стыдиться.

— Я тоже так думаю, — не замедлила ответить Йеннифэр, слегка прищурив глаза и демонстративно отбрасывая волосы с собственных серег. — Прелестная блузка, Сабрина. Просто дух захватывает. Правда, Геральт?

Ведьмак кивнул, сглотнул. Блузка Сабрины Глевиссиг, сшитая из черного шифона, являла миру абсолютно все, что можно было являть, а являть было что. Карминовая юбка, стянутая серебряным пояском с огромной пряжкой в форме розы, была на боку разрезана в соответствии с последней модой. Однако мода требовала носить юбки с разрезом до половины ляжки, а Сабрина сделала разрез до половины бедра. Очень привлекательного бедра.

— Что нового в Каэдвене? — спросила Йеннифэр, прикидываясь, будто не видит, куда смотрит Геральт. — Твой король Хенсельт по-прежнему растрачивает силы и средства на ловлю белок по лесам? И все еще мечтает о карательной экспедиции против эльфов в Доль Блатанна?

— Оставим в покое политику, — улыбнулась Сабрина. Немного длинноватый нос и хищные глаза делали ее похожей на классическое изображение ведьм. — Завтра на Совете наедимся этой политики по горлышко. И наслушаемся

разных... моралей. О необходимости мирного сосуществования... О дружбе... О надобности согласованной позиции в отношении планов и намерений наших королей... Чего еще наслушаемся, Йеннифэр? Что еще готовят нам на утро Капитул и Вильгефорц?

— Оставим в покое политику.

Сабрина Глевиссиг серебристо рассмеялась под аккомпанемент тихого позвякивания сережек.

— Верно. Подождем до завтра. Завтра... Завтра все выяснится. Ах, эта политика, эти бесконечные совещания... Как же скверно они отражаются на коже! К счастью, у меня есть прекрасный крем, поверь, дорогая, морщинки исчезают как сон златой... Дать тебе рецепт?

— Спасибо, милая, но мне не нужно. Поверь.

— Знаю, знаю. В школе я всегда завидовала твоей коже. Господи, сколько лет-то прошло?

Йеннифэр сделала вид, будто кланяется кому-то из проходящих. Сабрина же улыбнулась ведьмаку и максимально выпятила то, чего не скрывал черный шифон. Геральт снова сглотнул, стараясь не глядеть чересчур нахально на ее розовые соски, слишком явно просматривающиеся под прозрачной тканью. Робко взглянул на Йеннифэр. Чародейка улыбнулась, но он знал ее достаточно хорошо. Она была в ярости.

— Ах, — сказала она вдруг. — Я вижу там Филиппу, мне обязательно надо с ней поговорить. Позволь, Геральт. Прости, Сабрина.

— Ну, ну... — Сабрина Глевиссиг заглянула ведьмаку в глаза. — А вкус у тебя... вполне... вполне.

— Благодарю. — Голос Йеннифэр был подозрительно холоден. — Спасибо, дорогая.

Филиппа Эйльхарт пребывала в обществе Дийкстры. Геральт, у которого когда-то случилась мимолетная встреча с реданским шпионом, в принципе должен был бы обрадоваться: наконец он напал на мало-мальски знакомого человека, который, как и он, не входил в Братство. Но он не обрадовался.

— Рада тебя видеть, Йенна. — Филиппа поцеловала воздух рядом с сережкой Йеннифэр. — Привет, Геральт. Оба вы знаете графа Дийкстру, не правда ли?

— Кто его не знает. — Йеннифэр наклонила голову и подала Дийкстре руку для поцелуя. — Рада вновь видеть вас, граф.

— Безмерно рад, — заверил шеф тайных служб короля Визимира, — вновь видеть тебя, Йеннифэр. Тем более в столь милом обществе. Господин Геральт, примите уверения в моем безмерном к вам почтении...

Геральт воздержался от заверений в том, что его почтение еще безмернее, пожал поданную руку, вернее, попытался это сделать, потому что размеры длани Дийкстры существенно превышали норму и делали рукопожатие практически невозможным. Гигантских габаритов шпион одет был в светло-бежевый дублет, весьма неформально расстегнутый. Было видно, что граф чувствует себя в нем свободно.

— Мне показалось, — бросила Филиппа, — вы беседовали с Сабриной?

— Беседовали, — фыркнула Йеннифэр. — Ты видела, что на ней? Надо не иметь ни вкуса, ни совести, чтобы... Она, язви ее, старше меня на... А, бог с ней. Хоть было бы что показывать! Отвратная обезьяна!

— Она пыталась вас выпотрошить? Всем известно, что она шпионит в пользу Хенсельта из Каэдвена.

— Серьезно? — Йеннифэр изобразила изумление, что справедливо было воспринято как превосходная шутка.

— А вы, милсдарь граф, хорошо себя чувствуете на нашем празднике? — спросила Йеннифэр, когда Филиппа и Дийкстра уже отсмеялись.

— Превосходно. — Шпион короля Визимира галантно поклонился.

— Если учесть, — улыбнулась Филиппа, — что граф здесь по службе, то такое заверение весьма лестно для нас. И как всякая лесть, малоискренне. Всего минуту назад он признался мне, что предпочел бы милый семейный полумрак, аромат чуть чадящего факела и слегка подгоревшего на вертеле мяса. Недостает ему также традиционного, залитого соусом и пивом стола, по которому он мог бы стучать кулаком в такт хамским пьяным песням и под который мог бы под утро изящно свалиться, чтобы уснуть среди обглады-

вающих кости гончих. А к моим аргументам, иллюстрирующим преимущества нашего способа увеселения, он остался, представь себе, глух.

— Серьезно? — Ведьмак взглянул на шпиона дружелюбнее. — И какие же это были аргументы, позвольте узнать?

На сей раз в качестве изысканной шутки был воспринят его вопрос, и обе чародейки рассмеялись одновременно.

— Ах, мужчины, мужчины, — сказала Филиппа. — Ничего-то вы не понимаете. Разве в полумраке и дыме, сидя за столом, можно щегольнуть платьем и фигурой?

Геральт, не найдя ответа, только поклонился. Йеннифэр незаметно пожала ему руку.

— Ах, я вижу там Трисс Меригольд. Мне обязательно надо с ней поговорить... Простите, я вас покину. Встретимся позже, Филиппа. Мы наверняка еще найдем сегодня случай поболтать. Не правда ли, граф?

— Несомненно. — Дийкстра улыбнулся и низко поклонился. — Всегда к твоим услугам, Йеннифэр. По первому зову.

Они подошли к Трисс, переливающейся бесчисленными оттенками голубого и салатового. Увидев их, Трисс прервала беседу с двумя чародеями, радостно засмеялась, обняла Йеннифэр, ритуал целования воздуха около ушей повторился. Геральт взял поданную ему руку, но решил поступить вопреки церемониалу — обнял рыжеволосую чародейку и поцеловал в мягкую, как персик покрытую пушком щеку. Трисс слегка зарумянилась.

Чародеи представились. Первый назвался Дрителмом из Понт Ваниса, второй — его братом Детмольдом. Оба служили королю Эстераду из Ковира. Оба оказались неразговорчивыми, оба отошли при первой же возможности.

— Вы беседовали с Филиппой и Дийкстрой из Третогора, — заметила Трисс, поигрывая висящим на шее, оправленным в серебро и бриллиантики сердечком из ляпис-лазури. — Конечно, знаете, кто такой Дийкстра.

— Знаем, — сказала Йеннифэр. — Он с тобой говорил? Пытался выспрашивать?

— Пытался. — Чародейка многозначительно улыбнулась и засмеялась. — Довольно осторожно. Но Филиппа мешала ему, как могла. А я-то думала, у них отношения получше.

— У них прекрасные отношения, — серьезно предупредила Йеннифэр. — Будь внимательна, Трисс. Не пикни ему ни словечка о... Знаешь, о ком.

— Знаю. Кстати... — Трисс понизила голос. — Что у нее слышно? Увидеть можно будет?

— Если ты наконец решишься сесть за парту в Аретузе, — усмехнулась Йеннифэр, — сможете встречаться очень часто.

— Ах, так. — Трисс широко раскрыла глаза. — Понимаю. А что, Цири...

— Тише, Трисс. Поговорим позже. Завтра. После совещания.

— Завтра? — странно улыбнулась Трисс.

Йеннифэр насупилась, но прежде чем успела что-то спросить, в зале возникло легкое движение.

— Пришли. Наконец-то. — Трисс закашлялась.

— Да, — подтвердила Йеннифэр, отрывая глаза от лица подруги. — Пришли. Геральт, теперь ты сможешь познакомиться с членами Капитула и Высшего Совета. Если удастся, представлю тебя, но не помешает знать заранее, кто есть кто.

Собравшиеся чародеи расступились, почтительно кланяясь входящим в залу персонам. Первым следовал немолодой, но крепкий мужчина в очень скромной шерстяной одежде. Рядом с ним шествовала высокая женщина с резкими чертами лица и темными, гладко зачесанными волосами.

— Герхард из Аэлле, известный под именем Хен Гедымгейт, самый старший из здравствующих ныне чародеев, — вполголоса сказала Йеннифэр. — Женщина рядом с ним — Тиссая де Врие. Она лишь немного моложе Хена, но активно применяет эликсиры.

За первой парой шла видная женщина с очень длинными темно-золотыми волосами, шелестя украшенным кружевами платьем цвета резеды.

— Франческа Финдабаир, именуемая Энид ан Глеанной, Маргариткой из Долин. Не таращись, ведьмак. Ее считают самой прелестной женщиной мира.

— Она член Капитула? — шепнул ведьмак. — Кажется очень юной. Тоже магические эликсиры?

— Не в ее случае. Франческа — эльфка чистых кровей. Обрати внимание на сопровождающего ее мужчину. Это Вильгефорц из Роггевеена. Вот он действительно молод. Но невероятно талантлив.

Определение «молод», как знал Геральт, охватывало у чародеев возраст до ста лет включительно. Вильгефорц выглядел на тридцать пять, был высок и прекрасно сложен, носил короткий камзол по рыцарской моде, но, разумеется, без герба. И смотрелся весьма пристойно. Это бросалось в глаза, несмотря на то, что рядом с ним плыла вся такая воздушная Франческа Финдабаир с огромными глазами лани и прямо-таки сказочно красивая.

— Вон тот невысокий мужчина рядом с Вильгефорцем — Артауд Терранова, — пояснила Трисс Меригольд. — Впятером они образуют Капитул...

— А девушка со странным лицом, которая идет за Вильгефорцем?

— Его ассистентка, Лидия ван Бредевоорт, — холодно сказала Йеннифэр. — Ничего не значащая особа, но всматриваться в ее лицо — грубейшая бестактность. Лучше обрати внимание на тех трех, что идут позади, это члены Совета. Феркарт из Цидариса, Радклифф из Оксенфурта и Кардуин из Лан Экстера.

— И это весь Совет? Полный состав? Я думал, их больше.

— В Капитуле пять членов, в Совете еще пять. Филиппа Эйльхарт тоже числится в Совете.

— По-прежнему не сходится, — покрутил он головой, а Трисс захохотала.

— Ты ему не сказала? Ты действительно ничего не знаешь, Геральт?

— О чем?

— Ведь Йеннифэр тоже член Совета. Со времен би гвы под Содденом. Ты еще не похвасталась, дорогая?

— Нет, дорогая. — Чародейка взглянула подруге прямо в глаза. — Во-первых, я не люблю хвастаться. Во-вторых, на это не было времени. Я не видела Геральта очень давно, у нас масса хвостов. Набрался длинный список. Мы отщелкиваем их в соответствии с этим списком.

— Конечно... — неуверенно проговорила Трисс. — Хм-м-м... После такого долгого перерыва... Понимаю. Есть о чем поговорить...

— Разговоры, — двусмысленно улыбнулась Йеннифэр, одаряя ведьмака очередным томным взглядом, — числятся в конце списка. В самом конце, Трисс.

Золотоволосая чародейка явно смутилась, слегка покраснела.

— Конечно, — повторила она, играя сердечком из лапис-лазури. — Понимаю.

— Приятно слышать. Геральт, принеси нам вина. Нет-нет, не от этого пажа. От того, который подальше.

Геральт так и поступил, четко уловив приказ в ее голосе. Беря фужеры с подноса, который нес паж, он незаметно наблюдал за обеими чародейками. Йеннифэр говорила быстро и тихо, Трисс Меригольд слушала, опустив голову. Когда он вернулся, Трисс уже не было. Йеннифэр не проявила никакого интереса к принесенному вину, поэтому он отставил два ненужных уже фужера на стол и холодно спросил:

— Надеюсь, ты не пересолила?

Глаза Йеннифэр полыхнули фиолетом.

— Не пытайся сделать из меня идиотку. Думал, я не знаю о ней и тебе?

— Если в этом дело...

— Именно в этом, — обрезала она. — Не делай глупых мин и удержись от комментариев. А прежде всего не пытайся лгать. Я знаю Трисс дольше, чем тебя, мы любим друг друга, прекрасно понимаем и будем понимать независимо от разных мелких... инцидентов. А сейчас мне показалось, что у нее возникли на этот счет некоторые сомнения. Я развеяла их, вот и все. Не будем возвращаться к этому.

Он и не собирался. Йеннифэр сдула локон со щеки.

— А теперь я ненадолго оставлю тебя: надо поговорить с Тиссаей и Францеской. Перекуси что-нибудь, у тебя в животе урчит. И будь внимателен. Несколько человек наверняка тебя зацепят. Не дай себя съесть с потрохами и не попорти мне репутации.

— Будь спокойна.

— Геральт?

— Да?

— Недавно ты выразил желание поцеловать меня здесь, при всех. Желание все еще в силе?

— И более того...

— Постарайся не размазать помаду.

Он краешком глаза зыркнул на собравшихся. Все наблюдали за поцелуем, но ненахально. Филиппа Эйльхарт, стоявшая неподалеку с группой молодых чародеев, подмигнула ему и сделала вид, что аплодирует.

Йеннифэр оторвала губы, вздохнула глубоко.

— Пустячок, а приятно, — проворчала она. — Ну иди. Я скоро вернусь. А потом, после банкета... Хм...

— Ну?

— Не ешь ничего с чесноком. Пожалуйста.

Когда она отошла, ведьмак, махнув рукой на церемонии, расстегнул дублет, выпил оба фужера и попытался всерьез заняться едой. Ничего из этого не получилось.

— Геральт?

— Господин граф?

— Давай без титулов, — поморщился Дийкстра. — Никакой я не граф. Визимир велел меня так титуловать, чтобы не раздражать дворян и магиков моей хамской родословной. Ну как у тебя идет демонстрация платья и фигуры? И показуха, будто ты от души веселишься?

— Мне незачем прикидываться. Я здесь, как говорится, не при исполнении.

— Интересно, — усмехнулся шпион. — Это еще раз подтверждает всеобщее мнение о тебе как о неповторимом и единственном в своем роде. Потому что все остальные здесь, как ты выразился, при исполнении.

— Этого-то я и опасался. — Геральт тоже счел нужным улыбнуться. — Чувствовал, что буду здесь неповторимым и единственным в своем роде. То есть не на месте.

Шпион исследовал ближайшие тарелки, с одной поднял и сунул в рот большой зеленый стручок неведомого Геральту растения.

— Пользуясь случаем, — сказал он, — благодарю за братьев Мишеле. Многие в Редании облегченно вздохнули после того, как ты зарубил всех четверых в оксенфуртском порту. Я смеялся до колик, когда вызванный на экспертизу университетский медик, осмотрев раны, авторитетно заявил, что кто-то использовал косу, насаженную торчком.

Геральт смолчал. Дийкстра взял второй стручок.

— Жаль, — продолжал он, с хрустом прожевывая стручок, — что, укокошив их, ты не обратился к ипату. Была назначена награда за живых или мертвых. Немалая.

— Слишком много хлопот с налоговой декларацией. — Ведьмак тоже решился попробовать зеленый стручок, который на вкус оказался вроде намыленного сельдерея. — Кроме того, мне надо было срочно выехать, потому как... Но тебе со мной, вероятно, скучно, Дийкстра, ты и так все знаешь.

— Где уж там, — усмехнулся шпик. — Всего не знаю. Да и откуда бы?

— Из сообщения Филиппы Эйльхарт, например.

— Сообщения, рассказики, сплетни... Приходится их выслушивать, такова моя профессия. Но моя профессия заставляет меня просеивать их через очень густое сито. Представь себе, недавно дошли до меня слухи, будто кто-то замочил знаменитого Профессора и двух его дружков. Случилось это у постоялого двора в Анхоре. Тот, кто это сделал, не очень-то спешил за наградой.

Геральт пожал плечами.

— Сплетни. Просей их через густое сито, посмотрим, что останется.

— Зачем? Я знаю, что останется. Обычно это бывает попытка сознательной дезинформации. Да, коли уж мы заговорили о дезинформации, как там чувствует себя малышка Цирилла? Нежная, болезненная девчушка, столь восприимчивая к дифтериту? Здорова ли?

— Остановись, Дийкстра, — холодно ответил ведьмак, глядя прямо в глаза шпиону. — Знаю, ты здесь по долгу службы, но не усердствуй чрезмерно.

Шпик захохотал. Две проходящие мимо чародейки удивленно и с любопытством взглянули на них.

— Король Визимир, — сказал Дийкстра, перестав хохотать, — платит мне повышенные премиальные за каждую раскрытую тайну. Чрезмерное усердие обеспечивает моей семье приличную жизнь. Ты усмеешься, но у меня есть жена и дети.

— Не вижу в этом ничего смешного. Продолжай зарабатывать на жизнь жене и детям, но, пожалуйста, не за мой счет. В этой зале, сдается, нет недостатка в секретах и загадках.

— Вот именно. Вся Аретуза — одна сплошная загадка. Думаю, ты заметил? Что-то тут висит в воздухе, Геральт. Чтобы было ясно: речь не о канделябрах.

— Не понимаю.

— Верю. Потому как и я не понимаю. А очень бы хотел понять. А ты б не хотел? Ах, прости. Ты тут и так, вероятнее всего, все знаешь? Через Йеннифэр из Венгерберга. Например. Подумать только, были времена, когда и мне доводилось узнавать то да се от прелестной Йеннифэр. Ах, где они, прошлогодние снега?

— Я и верно не понимаю, о чем ты, Дийкстра. Ты не мог бы выражаться пояснее? Попытайся. При условии, что это не будет в порядке служебного долга. Прости, но я не собираюсь работать на твои повышенные премиальные.

— Думаешь, я пытаюсь незаметно выспросить тебя? — скривился шпион. — Хитростью вытянуть информацию? Обижаешь, Геральт. Мне попросту интересно, замечаешь ли ты в этой зале те же закономерности, которые бросаются в глаза мне.

— И что же такое тебе бросается?

— Тебя не удивляет полное отсутствие коронованных особ?

— Нисколько. — Геральту наконец удалось заостренной палочкой подцепить маринованную оливку. — Вероятно, коронованные особы предпочитают традиционные пиры за столом, под который под утро можно изящно свалиться. Кроме того...

— Что кроме того? — Дийкстра положил в рот сразу четыре оливки, которые, не смущаясь, извлек из соусницы пальцами.

— Кроме того, — ведьмак взглянул на прохаживающиеся по зале группки, — королям не хотелось утруждать себя. Взамен они прислали армию шпионов. Из чародейской братии и вне ее. Наверное, для того, чтобы те вынюхивали, что тут висит в воздухе.

Дийкстра выплюнул на стол косточки оливок, снял с серебряной подставочки длинную вилку и начал копаться ею в глубокой хрустальной салатнице.

— А Вильгефорц, — сказал он, не прекращая своего занятия, — побеспокоился о том, чтобы не было недостатка в шпионах. Получил всех королевских нюхачей в одном котле. Зачем Вильгефорцу все королевские шпики в одном котле, ведьмак?

— Понятия не имею. И меня это мало интересует. Я же сказал: я здесь в частном порядке. Я тут — как бы это сказать? — не в котле.

Шпион короля Визимира выловил из салатницы маленькую осьминожку и с отвращением осмотрел ее.

— И они это едят, — сокрушенно покачал он головой с притворным сочувствием, потом повернулся к Геральту: — Слушай внимательно, ведьмак. Твоя уверенность в том, что ты присутствуешь здесь как частное лицо, убеждение в том, что все тут происходящее тебя не касается и касаться не может, возбуждают меня и вызывают желание рискнуть. Как у тебя с этим делом? С азартом то есть?

— Если можно, пояснее, пожалуйста.

— Предлагаю пари. — Дийкстра поднял вилку с насаженным на нее головоногим. — Я утверждаю, что не пройдет и часа, как Вильгефорц заведет с тобой долгий разговор. Утверждаю, что во время этого разговора он докажет тебе, что ты вовсе не частное лицо, а сидишь в его котле. Если я ошибусь, то у тебя на глазах съем это дерьмо вместе со щупальцами и всем содержимым. Принимаешь пари?

— А что должен буду съесть я, если проиграю?

— А ничего. — Дийкстра быстро осмотрелся. — Если проиграешь, изложишь мне содержание вашей беседы.

Ведьмак некоторое время молчал, спокойно глядя на шпиона, наконец сказал:

— До встречи, граф. Приятно было побеседовать. Поучительно.

Дийкстру передернуло.

— Даже так...

— Даже так, — перебил Геральт. — До встречи.

Шпион пожал плечами, бросил осьминога в салатницу вместе с вилкой, повернулся и отошел. Геральт, не глядя ему вслед, медленно направился к другому столу, где на серебряной патере вздымалась горка огромных бело-розовых креветок в обрамлении листиков салата и четвертушек лимона. Аппетит на креветки был велик, но, чувствуя на себе любопытные взгляды, он хотел полакомиться ракообразными элегантно, блюдя ритуал. Он нарочито медленно, сдержанно и с достоинством отведывал закуски с других блюд.

У соседнего стола стояла Сабрина Глевиссиг, погруженная в беседу с неизвестной ему огненно-рыжей чародейкой. На рыжей была белая юбка и блузка из белого жоржета, столь же прозрачная, как и у Сабрины, но отличавшаяся стратегически размещенными аппликациями и вышивкой. Геральт заметил, что у аппликаций было любопытное свойство: они и прикрывали, и в то же время подчеркивали соответствующие места.

Чародейки беседовали, попутно поедая кусочки лангуста в майонезе. Говорили они тихо и на Старшей Речи. И хотя не смотрели в его сторону, но разговаривали явно о нем. Он напряг свой чуткий ведьмачий слух, прикинувшись, будто занят исключительно креветками.

— ...с Йеннифэр? — уточнила рыжеволосая, поигрывая жемчужным ожерельем, накрученным на шею так, что оно выглядело ошейником. — Ты серьезно, Сабрина?

— Совершенно, — ответила Сабрина Глевиссиг. — Не поверишь, но это тянется уже несколько лет. И как ему удается выдержать эту ядовитую змею, уму непостижимо.

— А что тут удивительного? Заговорила его, да так и держит. Ты сама, что ли, так не делала?

— Но это же ведьмак. Они не поддаются заговорам. Во всяком случае, не на такой срок.

— Значит, любовь, — вздохнула рыжеволосая. — А любовь слепа.

— Он слеп, — поморщилась Сабрина. — Поверишь, Марти, она осмелилась представить ему меня как свою школьную подружку. Bloede pest, она старше меня на... Ну не в этом дело. Говорю тебе, она ревнует своего ведьмака — слов не хватает. Малышка Меригольд только улыбнулась ему, а эта яга тут же отругала ее, не выбирая выражений, и прогнала. А сейчас... Ты только глянь. Стоит себе, разговаривает с Францеской, а сама с ведьмака глаз не сводит.

— Боится, — хихикнула рыжая, — что мы уведем его хотя бы на сегодняшнюю ночь. Что ты на это скажешь, Сабрина? Попробуем? Парень привлекательный, не то что наши дохляки с их комплексами и претензиями...

— Говори тише, Марти, — прошипела Сабрина. — Не гляди на него и не лыбься. Йеннифэр за нами наблюдает. И держи стиль. Хочешь его соблазнить? Это дурно попахивает.

— Хм, ты права, — подумав, согласилась Марти. — А если, например, он подойдет и предложит сам?

— Ну тогда, — Сабрина Глевиссиг глянула на ведьмака хищным черным глазом, — я б дала ему не раздумывая, хоть на голом камне.

— А я, — хохотнула Марти, — даже на еже.

Ведьмак, вперившись в скатерть, прикрылся креветкой и листиком салата, невероятно радуясь тому, что мутация кровеносных сосудов не позволяет ему покраснеть.

— Ведьмак Геральт?

Он проглотил креветку, повернулся. Чародей со знакомыми чертами лица улыбнулся, коснувшись вышитых лацканов фиолетового дублета.

— Доррегарай из Воле. Мы ведь знакомы. Встречались...

— Помню. Простите, не узнал сразу. Рад...

Чародей улыбнулся чуть значительнее, приняв два фужера с подставленного пажом подноса.

— Наблюдаю за тобой довольно долго, — сказал он, вручая один из фужеров Геральту. — Всем, кому Йеннифэр тебя представляет, ты сообщаешь, что рад. Лицемерие или некритичность?

— Вежливость.

— С ними-то? — Доррегарай широким жестом обвел пиршествующих. — Поверь мне, не стоит стараться. Эта спесивая, завистливая и лживая банда твоей вежливости не оценит, совсем наоборот — примет за издевку. С ними, ведьмак, надо обходиться по их собственным меркам — грубо, нагло, невежливо, вот тогда ты им, может быть, и понравишься. Выпьешь со мной вина?

— Разбавленного, которое здесь предлагают? — мило улыбнулся Геральт. — С величайшим... отвращением. Но ежели тебе нравится... Заставлю себя.

Сабрина и Марти, наставив ушки из-за своего стола, громко фыркнули. Доррегарай окинул обеих полным презрения взглядом, щелкнул пальцем по фужеру ведьмака, улыбнувшись, но на этот раз искренне.

— Один—ноль в твою пользу. Ты быстро осваиваешься. Черт возьми, где ты научился так шевелить мозгами? На большаках, по которым все еще выслеживаешь вымирающих существ? Твое здоровье. Ты не поверишь, но ты — один из немногих в этой зале, кому я хотел бы предложить такой тост.

— Правда? — Геральт отхлебнул вина, облизнулся, одобряя вкус. — Несмотря на то, что я тружусь на ниве истребления вымирающих существ?

— Не лови меня на слове. — Чародей дружески хлопнул его по плечу. — Банкет только начался. Вероятно, тебя еще зацепят несколько персон, так что экономнее разбрасывайся ядовитыми замечаниями. Что же до твоей профессии... В тебе, Геральт, по крайней мере достаточно достоинства, чтобы не обвешиваться трофеями. А глянь вокруг. Ну смелее, брось условности, они любят, когда на них глазеют.

Ведьмак послушно уставился на бюст Сабрины Глевиссиг.

— Взгляни. — Доррегарай, схватив его за рукав, указал пальцем на проходящую мимо, окутанную развевающимся гипюром чародейку. — Туфельки из кожи рогатой агамы. Заметил?

Ведьмак кивнул. Неискренне, потому что видел исключительно то, что, по идее, должна была скрывать прозрачная гипюровая блузочка.

— Или вот, изволь, каменная кобра. — Чародей безошибочно распознал очередные прохаживающиеся по зале туфельки. Мода, которая укоротила платья на пятерню выше щиколоток, облегчала ему задачу. — А там... Белый легван. Саламандра. Выверна. Очковый кайман. Василиск. Все это гады, которым угрожает вымирание. Холера, неужели нельзя носить обувь из телячьей либо свиной кожи?

— Ты, как всегда, о кожах, Доррегарай? — вопросила Филиппа Эйльхарт, останавливаясь рядом. — О скорняжничестве и сапожничестве? До чего ж тривиальная и невкусная тема.

— На вкус и цвет... — презрительно скривился чародей. — У тебя чудесные аппликации на платье, Филиппа. Если не ошибаюсь, бриллиантовый горностай? Вкус — на высоте. Ты, я думаю, знаешь, что этот вид, учитывая его изумительный мех, полностью истребили двадцать лет назад?

— Тридцать, — поправила Филиппа, кладя в рот последнюю креветку из тех, которые Геральт так и не успел съесть. — Знаю, знаю, этот вид незамедлительно воскрес бы, прикажи я модистке оторочить платье очесами льняной пакли. Я подумывала об этом. Но пакля не подходила по цвету.

— Перейдем к столу на той стороне, — предложил ведьмак. — Я видел там большую тарелку черной икры. А поскольку лопатоносные осетры уже тоже почти истреблены, надо поспешить.

— Икра в твоем обществе? Всю жизнь мечтала. — Филиппа взмахнула ресницами, сунула ему руку под локоть, возбуждающе пахнула корицей и нардом. — Пошли немедленно. Поддержишь нашу компанию, Доррегарай? Нет? Ну тогда привет, веселись на здоровье.

Чародей фыркнул и отвернулся. Сабрина Глевиссиг и ее рыжая подруга проводили уходящих взглядами более ядовитыми, чем у вымирающих каменных кобр.

— Доррегарай, — буркнула Филиппа, бесцеремонно прижимаясь к Геральту, — шпионит в пользу короля Этайна из Цидариса. Будь внимателен. Все его змеи и кожи — не более чем вступление, которым он предваряет расспросы. А Сабрина Глевиссиг усиленно прислушивается...

— ...потому что шпионит для Хенсельта из Каэдвена, — докончил Геральт. — Знаю. Ты говорила. А та рыжая, ее подружка...

— Не рыжая, а крашеная. У тебя что, глаз нет? Это Марти Содергрен.

— А она для кого шпионит?

— Марти? — Филиппа рассмеялась, сверкнув зубами из-за ярких карминовых губ. — Ни для кого, Марти политикой не интересуется.

— Волнительно, как вы любите говаривать. Я думал, тут все шпионят.

— Во-первых, не волнительно, а волнующе, а во-вторых, многие, но не все, — прищурилась чародейка. — Во всяком случае, не Марти Содергрен. Марти — целительница. И нимфоманка. Ах, гром меня порази, глянь. Выжрали всю икру! До последней икринки! Вылизали патеру! И что же теперь делать?

— Теперь, — невинно улыбнулся Геральт, — ты станешь мне рассказывать, что тут висит в воздухе. Скажешь, что я должен забыть о нейтралитете и сделать выбор. Предложишь пари. О том, что в этом пари может стать моей наградой, я даже мечтать не смею. Но зато знаю, что должен буду сделать, ежели проиграю.

Филиппа долго молчала, не опуская глаз, потом тихо сказала:

— Можно было догадаться. Дийкстра не удержался. Сделал тебе предложение. А ведь я его предупредила, что ты презираешь шпионов.

— Я презираю не шпионов. Презираю шпионство. И презираю презрение. Не предлагай мне никаких пари, Филиппа. Да, я тоже чувствую, что здесь что-то висит в воздухе. Ну и пусть себе висит на здоровье. Меня это не касается, и мне это безразлично.

— Когда-то ты мне это уже сказал. В Оксенфурте.

— Рад, что не забыла. Обстоятельства, надеюсь, тоже помнишь?

— В мельчайших подробностях. Я тогда не сказала тебе, кому служит Риенс, или как там его. Позволила ему бежать. Эх и зол же ты был на меня...

— Мягко говоря.

— Пришло время реабилитироваться. Завтра я отдам тебе Риенса. Не перебивай, не корчи рожи. Это вовсе не пари в стиле Дийкстры. Это обещание, а обещания я выполняю. Нет, пожалуйста, никаких вопросов. Подожди до завтра. А сейчас сосредоточимся на икре и банальных сплетнях.

— Нет икры.

— Минуточку.

Она быстро оглянулась, пошевелила рукой и пробормотала заклинание. Серебряный сосуд в форме изогнувшейся в прыжке рыбы тут же наполнился икрой уже совсем было вымершего лопатоносного осетра. Ведьмак усмехнулся.

— Иллюзией можно наесться?

— Нет. Но вкусовые железы сноба пощекотать можно. Попробуй.

— Хм. Действительно... Она даже кажется вкуснее натуральной...

— И от нее не полнеешь, — гордо проговорила чародейка, орошая лимонным соком очередную ложку икры. — Можно попросить рюмочку белого вина?

— Изволь. Филиппа?

— Слушаю.

— Кажется, правила приличия запрещают здесь произносить заклинания. Так, может, безопасней было бы вместо иллюзии икры наколдовать только ее вкус? Ведь ты смогла бы...

— Конечно. — Филиппа Эйльхарт взглянула на него сквозь хрусталь фужера. — Конструкция такого заклинания проще устройства цепа. Но, получив только ощущение вкуса, мы потеряли бы удовольствие, которое доставляет действие. Процесс, сопровождающие его ритуальные движения, жесты... Сопутствующая этому процессу беседа, контакт глаз... Я потешу тебя шутливым сравнением, хочешь?

— Слушаю и тешусь авансом.

— Ощущение оргазма я тоже могла бы наколдовать.

Не успел ведьмак прийти в себя, как к ним подошла невысокая, худощавая чародейка с длинными, прямыми, соломенного цвета волосами. Он узнал ее сразу — это была та самая дамочка в туфельках из кожи рогатой агамы и блузке из зеленого гипюра, не скрывающего даже столь мелкую деталь, как крохотное родимое пятнышко над левой грудью.

— Простите, — сказала она, — но я вынуждена прервать ваш флиртик. Филиппа, Радклифф и Детмольд приглашают тебя на краткую беседу. Срочно.

— Что делать, коли так, иду. Будь, Геральт. Пофлиртуем позже!

— Ах! — Блондинка окинула его взглядом. — Геральт. Ведьмак, из-за которого вконец спятила Йеннифэр? Я наблюдала за тобой и никак не могла сообразить, кто бы это мог быть. И ужасно мучилась!

— Мне знакомы такого рода муки, — ответил он, вежливо улыбаясь. — Как раз сейчас я чувствую подобное.

— Прости за бестактность. Я — Кейра Мец. О, икра!

— Осторожнее! Это иллюзия.

— Дьявольщина, ты прав! — Чародейка бросила ложку так, словно это был хвост черного скорпиона. — Какая наглость! Чья работа? Твоя? Ты умеешь создавать иллюзию черной икры? Ты?

— Я, — солгал он, не переставая улыбаться. — Я — мэтр магии, а ведьмаком прикидываюсь, чтобы сохранить инкогнито. Неужто ты думаешь, что Йеннифэр заинтересовалась бы банальным ведьмаком?

Кейра Мец посмотрела ему прямо в глаза, скривила губы. На шее у нее висел серебряный медальон в форме креста «анкх», усыпанного цирконами.

— Вина? — предложил Геральт, чтобы прервать неловкое молчание и опасаясь, что его предыдущая шутка была не совсем верно понята.

— Нет, благодарю... коллега мэтр, — ледяным голосом сказала Кейра. — Не пью. Не могу. Сегодня ночью собираюсь забеременеть.

— От кого? — спросила, подходя, рыжая крашеная подруга Сабрины Глевиссиг, одетая в прозрачную блузку из белого жоржета, украшенную продуманно размещенными аппликациями. — От кого? — повторила она, невинно взмахнув длинными ресницами.

Кейра повернулась и осмотрела ее всю от туфелек из белой игуаны до жемчужной диадемки.

— А тебе какое дело?

— Никакого. Профессиональное любопытство. Ты не представишь меня своему спутнику, известному Геральту из Ривии?

— Без особого желания. Но ведь от тебя не отделаешься. Геральт, это Марти Содергрен. Целительница. Ее специальность — афродизии.

— Обязательно говорить о делах? О, вы оставили мне немного икры? Как мило!

— Осторожней! — в два голоса сказали Кейра и ведьмак. — Иллюзия.

— И верно! — Марти Содергрен наклонилась, сморщила носик, потом взяла фужер, глянула на мазок карминовой помады. — Ясно. Филиппа Эйльхарт. Кто еще отважится на такую наглость? У, змейство! Знаешь, что она шпионка Визимира из Редании?

— И еще — нимфоманка? — рискнул ведьмак.

Марти и Кейра прыснули одновременно.

— Неужто ты на это рассчитывал, когда любезничал с ней и пытался флиртовать? — спросила целительница. — Если да, то учти: кто-то тебя здорово купил. Филиппа с некоторых пор перестала интересоваться мужчинами.

— Слушай, а может, ты — женщина? — Кейра Мец надула блестящие губки. — Может, только прикидываешься мужчиной, коллега мэтр магии? Чтобы соблюсти инкогнито? Знаешь, Марти, он минуту назад признался мне, что любит притворяться.

— Любит и умеет, — съязвила Марти. — Верно, Геральт? Я только что видела, как ты прикидывался, будто у тебя скверный слух и ты не знаешь Старшей Речи.

— У него уйма недостатков, — холодно бросила Йеннифэр, подходя и властно беря ведьмака за руку. — Практически он вообще состоит из одних недостатков. Вы напрасно теряете время, девочки.

— Похоже на то, — согласилась Марти Содергрен, не переставая ехидно ухмыляться. — Ну что ж, желаем приятных утех. Пошли, Кейра, выпьем чуточку... безалкогольного. Может, и я решусь на что-нибудь сегодня ночью?

— Ф-фу, — выдохнул Геральт, когда они отошли. — Ты подоспела в самое время, Йен. Благодарю.

— Благодаришь? Ох, притвора! Я тут насчитала одиннадцать баб, щеголяющих сиськами под прозрачными блузками. Стоило оставить тебя на полчаса, и ты тут же занялся трепом с двумя из них... — Йеннифэр осеклась, глянула на блюдо в форме рыбы и добавила: — ...И поглощением иллюзий. Ох, Геральт, Геральт! Пошли. Выпал случай свести тебя с несколькими достойными знакомства особами.

— Одна из них — Вильгефорц?

— Интересно, — прищурилась чародейка, — что ты спрашиваешь именно о нем. Да, Вильгефорц хочет познакомиться с тобой и побеседовать. Предупреждаю, беседа может показаться банальной и поверхностной, но не обманись. Вильгефорц — опытный, невероятно ловкий и тонкий игрок. Не знаю, чего ему от тебя нужно, но будь внимателен.

— Буду внимателен, — вздохнул Геральт, — но не думаю, чтобы твой опытный игрок сумел застать меня врасплох. Во всяком случае, после того, что я тут испытал. На меня накинулись шпионы, посыпались вымирающие гады и горностаи. Меня кормили несуществующей икрой. Не любящие мужчин нимфоманки подвергали сомнению мою мужескость, грозили изнасилованием на еже, пугали беременностью, Господи, даже оргазмом, к тому же таким, который не требует ритуальных телодвижений. Бррр...

— Ты пил?

— Немного белого из Цидариса. Но скорее всего в нем были афродизии... Йен? После разговора с твоим Вильгефорцем мы вернемся в Локсию?

— Мы не вернемся в Локсию.

— Не понял.

— Я хочу провести эту ночь в Аретузе. С тобой. Так, говоришь, афродизии? В вине? Любопытно...

— О-хо-хо, — вздохнула Йеннифэр, потягиваясь и закидывая ногу ведьмаку на бедро. — О-хо-хонюшки-хо-хо! Как же давно я не занималась любовью... Ужасно давно.

Геральт выпростал пальцы из ее локонов и ничего не ответил. Во-первых, замечание Йен могло быть провокацией, он опасался скрытого в приманке крючка. Во-вторых, не хотел словами смазать вкус блаженства, которое все еще чувствовал на губах.

— Ужасно давно не занималась любовью с мужчиной, который признался мне в любви и которому в любви призналась я, — замурлыкала она минуту спустя, когда уже стало ясно, что ведьмак на приманку не позарится. — Даже забыла, как это бывает. О-хо-хо-хо-хо!

Она ухватилась руками за уголки подушки, напряглась, и ее залитые лунным светом груди приобрели такую форму, которая отозвалась у ведьмака мурашками пониже спины. Он обнял Йеннифэр, они лежали неподвижно, угасали, остывали.

За окном стрекотали цикады, слышались отдаленные тихие голоса и смех — банкет все еще продолжался, хотя было уже довольно поздно.

— Геральт?

— Да, Йен?

— Расскажи.

— О разговоре с Вильгефорцем? Сейчас? Давай лучше утром.

— Нет, сейчас. Прошу тебя.

Он посмотрел на секретерчик в углу комнатки. Там лежали книги, альбомы и другие предметы, которые временно переведенная в Локсию воспитанница не прихватила с собой. Сидела там, опершись о книги, полненькая тряпичная куколка в оборчатом платьице, помятом от частого прижимания. «Девочка не забрала куколку, — подумал он, — чтобы в Локсии, в общей спальне, не подвергаться насмеш-

кам товарок. Она не забрала свою куколку и теперь, наверно, не может без нее уснуть».

Кукла смотрела на него глазками-пуговками. Он отвернулся.

Когда Йеннифэр представляла Геральта Капитулу, он внимательно наблюдал за чародейской элитой. Хен Гедымгейт удостоил его лишь кратким, утомленным взглядом — было видно, что банкет надоел старику. Артауд Терранова поклонился, двусмысленно улыбнувшись и переводя взгляд с него на Йеннифэр, но тут же посерьезнел под взглядами коллег. Голубые эльфьи глаза Францески Финдабаир были непроницаемы и жестки как стекло. Когда Геральта ей представляли, Маргаритка из Долин улыбнулась. Улыбка, хоть и сногсшибательно красивая, заставила ведьмака внутренне содрогнуться. Тиссая де Врие, которая, казалось, была целиком поглощена тем, что непрерывно поправляла манжеты и бижутерию, улыбнулась ему не столь сногсшибательно красиво, зато гораздо искреннее! И именно Тиссая тут же завела с ним разговор, напомнив одно из его благородных ведьмачьих деяний, которое он, надо сказать, запамятовал и подозревал, что таковое высосано из пальца.

И тогда в беседу включился Вильгефорц. Вильгефорц из Роггевеена, чародей с импозантной внешностью, благородными, правильными чертами лица, искренним и уважительным голосом. Геральт знал, что от таких типов можно ждать чего угодно.

Они беседовали долго, чувствуя на себе настороженные взгляды. На ведьмака смотрела Йеннифэр. На Вильгефорца — молодая чародейка с приятными глазами, все время прячущая нижнюю часть лица за веером. Они обменялись несколькими необязательными фразами, затем Вильгефорц предложил продолжить беседу в более узком кругу. Геральту показалось, что Тиссая де Врие была единственной, кого это предложение удивило.

— Ты уснул, Геральт? — Ворчание Йеннифэр вырвало его из задумчивости. — Ты же собирался рассказать о вашем разговоре.

Куколка с секретера глядела на него пуговками глаз. Он не выдержал ее взгляда.

— Как только мы вышли на галерею, — начал он, немного помолчав, — девица со странным лицом...

— Лидия ван Бредевоорт. Ассистентка Вильгефорца.

— Да, верно, ты говорила. Ничего не значащая особа. Так вот, когда мы вышли на галерею, эта ничего не значащая особа остановилась, взглянула на него и о чем-то спросила. Телепатически.

— Это была не бестактность. Лидия не может пользоваться голосом.

— Я догадался. Потому что Вильгефорц ответил ей не телепатически.

— Да, Лидия, прекрасная мысль, — ответил Вильгефорц. — Мы прогуляемся по Галерее Славы. Ты сможешь кинуть взгляд на историю магии, Геральт из Ривии. Ты, конечно, знаком с историей магии, но сейчас тебе предоставится возможность ознакомиться с ее иллюстрированным вариантом. Если ты тонкий знаток искусства, не пугайся. Большинство картин — работы студенток-энтузиасток из Аретузы. Лидия, будь добра, дай чуточку света. Здесь темновато.

Лидия ван Бредевоорт повела в воздухе рукой, и в коридоре тут же стало чуть светлее.

На первой картине был изображен древний парусник, который буруны метали меж торчащих из кипени рифов. На носу корабля стоял мужчина в белом одеянии. Его голову окружал светящийся ореол.

— Первая высадка, — догадался ведьмак.

— Конечно, — подтвердил Вильгефорц. — Корабль Изгнанников. Йан Беккер овладевает Силой. Успокаивает волны, доказывая тем самым, что магия вовсе не обязательно должна быть злой и разрушительной, но может спасать жизнь.

— Это событие действительно имело место?

— Сомневаюсь, — усмехнулся чародей. — Гораздо вероятнее, что во время первого путешествия Беккера, вместе со спутниками перевесившегося через борт, выворачивало

наизнанку. Силой удалось овладеть лишь после высадки, которая по странной случайности оказалась удачной. Пройдем дальше. Здесь ты опять видишь Йана Беккера, он заставляет воду брызнуть из камня в том месте, где было заложено первое поселение. А тут, взгляни, окруженный коленопреклоненными поселенцами Беккер разгоняет тучи и сдерживает ливень, чтобы спасти урожай.

— А какое событие изображает эта картина?

— Распознавание Избранных. Беккер и Джамбаттиста подвергают магическому испытанию прибывающих поселенцев, чтобы выявить Истоки. Этих детей отнимут у родителей и отправят в Мирту — первое пристанище магов. Ты видишь воистину исторический момент. Гляди — все дети напуганы, только вон та решительная брюнеточка протягивает руки к Джамбаттисте. Это прославившаяся впоследствии Агнесс из Гланвилля, первая женщина-чародейка. За ее спиной стоит мать. Грустная какая-то.

— А это что за массовая сцена?

— Новиградская Уния. Беккер, Джамбаттиста и Монк заключают соглашение с владыками, жрецами и друидами. Что-то вроде пакта о ненападении и отделении магии от государства. Страшный кич. Пройдем дальше. Здесь мы видим Джеоффрея Монка, отправляющегося в горы Понтара, тогда еще носившего название Aevon y Pont ar Gwennelen. Река Алебастровых Мостов. Монк плыл в Лок Муинну, чтобы склонить тамошних эльфов принять группу детей-Истоков, которых должны были обучать эльфьи маги. Возможно, тебе будет интересно узнать, что среди детей был мальчик, которого позже назвали Герхартом из Аэлле. Ты с ним только что познакомился. Теперь он — Хен Гедымгейт.

— Сейчас, — ведьмак взглянул на чародея, — самое время вспомнить, что спустя несколько лет после столь мирного и успешного похода Монка войска маршала Раупеннэка из Третогора учинили резню в Лок Муинне и Эст Хэмлете, перебив всех эльфов, невзирая на возраст и пол. И разразилась война, окончившаяся бойней у Шаэрраведда.

— При столь глубоком знакомстве с историей, — снова улыбнулся Вильгефорц, — ты не можешь не знать, что в

этих войнах не участвовал ни один из ныне здравствующих чародеев. Потому-то ни одна воспитанница и не вдохновилась темой. Пошли дальше.

— Пошли. А что за событие отражено на этом полотне? А, знаю! Это Раффар Белый примиряет враждующих королей и кладет конец Шестилетней войне. А здесь мы видим Раффара, отказывающегося принять корону. Прекрасный, благородный жест.

— Ты так считаешь? — наклонил голову Вильгефорц. — Ну что ж, во всяком случае, это был жест со значением. Однако Раффар принял пост первого советника и фактически правил страной, ибо король был дебилом.

— Галерея Славы... — буркнул ведьмак, подходя к следующей картине. — А что у нас тут?

— Исторический момент создания первого Капитула и утверждения Ордена. Слева направо сидят Герберт Стаммельфорд, Аврора Хенсон, Иво Рише, Агнесс из Гланвилля, Джеоффрей Монк и Радмир из Тор Карнедда. Здесь, если быть честным, тоже так и просится дополнительная батальная картинка, потому что вскоре в жестокой войне прикончили тех, кто не хотел признавать Капитул и подчиниться Ордену. В частности, Раффара Белого. Но об этом факте исторические трактаты умалчивают, чтобы не замутить прекрасную легенду, сложенную о нем.

— А здесь... Хм... Да, это, пожалуй, писала очень юная воспитанница.

— Верно. Кстати, это аллегория. Я бы назвал ее «Аллегория триумфа женственности». Воздух. Вода. Земля. Огонь. И четыре известные чародейки, магистры, овладевшие силами этих стихий. Агнесс из Гланвилля, Аврора Хенсон, Нина Фиораванти и Клара Ларисса де Винтер. Взгляни на следующее очень удачное полотно. На нем тоже изображена Клара Ларисса, открывающая академию для девушек. В здании, в котором мы сейчас находимся. А портреты — прославленные выпускницы Аретузы. Вот длинная история триумфа женственности и постепенной феминизации профессии: Йянна из Мурривеля, Нора Вагнер, ее сестра Августа, Жейд Глевиссиг, Летисия Шарбоннэ, Илона Ло-Ан-

тиль, Карла Деметия Крест, Виолента Суарец, Эйприль Венхавер... И единственная из ныне живущих — Тиссая де Врие...

Пошли дальше. Шелковое платье Лидии ван Бредевоорт шелковисто шептало, и в этом шепоте слышалась опасная тайна.

— А это? — Геральт остановился. — Что за чудовищная сцена?

— Мученичество мага Радмира, с которого живьем содрали кожу во время восстания Фальки. На дальнем плане полыхает город Мирта, который Фалька приказала предать огню.

— За что вскоре спалили самое Фальку. На костре.

— Широко известный факт. Темерские и реданские дети до сих пор играют в сожжение Фальки в сочевник Саовинны. Давай вернемся. Осмотрим другую сторону Галереи... Хочешь о чем-то спросить? Слушаю...

— Меня удивляет хронология. Конечно, я знаю, как действуют эликсиры молодости, но одновременное изображение на полотнах ныне живущих и давно скончавшихся...

— Иначе говоря, ты удивлен, что встретил на банкете Хена Гедымгейта и Тиссаю де Врие, но не обнаружил ни Беккера, ни Агнесс из Гланвилля, ни Стаммельфорда, ни Нины Фиораванти?

— Нет. Я знаю, что вы не бессмертны...

— Что есть смерть? — прервал Вильгефорц. — Как ты думаешь?

— Конец.

— Конец чему?

— Существованию. Похоже, мы начинаем философствовать.

— Природа не знает такого понятия — философия, Геральт из Ривии. Философией принято называть предпринимаемые людьми жалкие и смешные потуги понять Природу. За философию сходят и результаты таких потуг. Это все равно как если б корень моркови пытался отыскать причины и следствия своего существования, называя результат обдумываний извечным и таинственным конфликтом Кор-

ня и Ботвы, а дождь считал бы Неразгаданной Созидающей Силой. Мы, чародеи, не теряем времени на отгадывание — что есть Природа. Мы знаем, что она есть, ибо сами являемся Природой. Ты меня понимаешь?

— Пытаюсь, но говори помедленнее, пожалуйста. Не забывай, ты разговариваешь с морковкой.

— Ты когда-нибудь задумывался над тем, что произошло, когда Беккер заставил воду брызнуть из камня? Говорится очень просто: Беккер овладел Силой. Принудил стихию к послушанию. Подчинил себе Природу... Как ты относишься к женщинам, Геральт?

— Не понял?

Лидия ван Бредевоорт отвернулась, шелестя шелком, и замерла в ожидании. Геральт увидел, что под мышкой она держит завернутую картину. Он понятия не имел, откуда эта картина взялась, ведь еще минуту назад у Лидии не было ничего. Амулет у него на шее легонько вздрогнул.

Вильгефорц усмехнулся.

— Я спросил о твоем мнении касательно отношений между мужчиной и женщиной, — напомнил он.

— Касательно какой стороны этих отношений?

— Ну можно ли, по-твоему, принудить женщину к послушанию? Разумеется, я имею в виду истинных женщин, а не самочек. Можно ли подчинить себе настоящую женщину? Овладеть ею? Заставить покориться твоей воле? И если да, то каким образом? Ответь.

Тряпичная куколка не спускала с них своих пуговичек. Йеннифэр отвела глаза.

— Ты ответил?

— Ответил.

Чародейка стиснула левой рукой его локоть, а правой — лежащие на ее груди пальцы.

— Как?

— Ты же знаешь.

— Ты понял, — немного помолчав, сказал Вильгефорц. — И, вероятно, понимал всегда. А значит, поймешь и то, что

только когда умрут и исчезнут понятия воли и подчинения, приказа и послушания, хозяина и подчиненного, будет достигнуто единение. Общность, слияние в единое целое. Взаимопроникновение. А когда такое наступит, смерть перестанет что-либо значить. Там, в банкетной зале, присутствует Йан Беккер, который был водой, брызнувшей из камня. Говорить, что Беккер умер, все равно что утверждать, будто умерла вода. Взгляни на это полотно.

— Изумительно, — сказал ведьмак после недолгого молчания. И тут же почувствовал легкое дрожание своего медальона.

— Лидия, — улыбнулся Вильгефорц, — благодарит тебя за одобрение. А я вижу — у тебя есть вкус. Поздравляю. Картина изображает встречу Грегеннана из Леда с Ларой Доррен аэп Шиадаль, легендарных любовников, разобщенных и уничтоженных часами презрения. Он был чародеем, она — эльфкой. Одной из элиты Aen Saevherne, то есть Ведающих. То, что могло стать началом объединения, обернулось трагедией.

— Я знаю эту легенду и всегда считал ее сказкой. А как было в действительности?

— Этого, — серьезно ответил чародей, — не знает никто. То есть почти никто. Лидия, повесь свою картину тут, рядом. Полюбуйся, Геральт, очередным произведением кисти Лидии. Это портрет Лары Доррен аэп Шиадаль, выполненный на основе древней миниатюры.

— Поздравляю. — Ведьмак поклонился Лидии ван Бредевоорт, и голос у него даже не дрогнул. — Истинный шедевр.

Голос у него не дрогнул, хотя Лара Доррен аэп Шиадаль смотрела на него с портрета глазами Цири.

— Что потом?

— Потом? Лидия осталась в Галерее. Мы с Вильгефорцем вышли на террасу. И он поездил на мне в свое удовольствие...

— Сюда, Геральт. Пожалуйста, наступай только на темные плитки.

Внизу шумело море, остров Танедд вздымался из белой пены прибоя. Волны разбивались о стены Локсии, лежавшей прямо под ними. Локсия, как и Аретуза, искрилась огнями. Вздымающийся над ними каменный горб Гарштанга был черен и мертв.

— Завтра, — чародей проследил за взглядом ведьмака, — члены Капитула и Совета облачатся в традиционные одежды, знакомые тебе по древним гравюрам: серые, ниспадающие до земли плащи и островерхие шапки, а также вооружатся длинными палочками и посохами, уподобляясь таким образом колдунам и ведьмам, которыми пугают детей. Традиция, ничего не поделаешь. В сопровождении нескольких делегатов мы отправимся наверх, в Гарштанг. Там, в специально подготовленной зале, будем совещаться. Остальные будут ждать нашего возвращения и решения в Аретузе.

— Совещание в Гарштанге в узком кругу — тоже традиция?

— Совершенно верно. Давняя и продиктованная практическими соображениями. Случалось, что совещания чародеев бывали бурными и оканчивались чрезмерно активным обменом мнениями. Во время одного из таких обменов шаровая молния повредила прическу и платье Нины Фиораванти. Нина, посвятив этому год работы, обложила стены Гарштанга чрезвычайно мощной аурой и антимагической блокадой. С тех пор в Гарштанге не действует ни одно заклинание, а дискуссии протекают спокойно. Особенно если предварительно отобрать у дискутантов ножи.

— Понимаю. А башня, что повыше Гарштанга, на самой макушке, это что? Какое-то важное здание?

— Tor Lara. Башня Чайки. Руины. Важное? Пожалуй, да.

— Пожалуй?

Чародей оперся о перила.

— Предания эльфов говорят, что Tor Lara якобы связана телепортом с таинственной, до сих пор не обнаруженной Tor Ziriael, Башней Ласточки.

— Якобы? Вам не удалось обнаружить этот телепортал? Не верю.

— И правильно делаешь. Мы обнаружили портал, но его пришлось заблокировать. Многие протестовали, все жаждали экспериментов, каждый хотел прославиться в качестве разведчика Башни Ласточки, мифического пристанища эльфьих магов и мудрецов. Однако портал был испорчен вконец и действовал хаотично. Были жертвы, поэтому его и заблокировали. Пошли, Геральт, холодает. Осторожнее. Ступай только по темным плиткам.

— Почему только по темным?

— Эти строения разрушены. Влага, эрозия, сильные ветры, соленый воздух — все роковым образом сказывается на стенах. Ремонт обошелся бы слишком дорого, поэтому мы пользуемся иллюзией. Престиж. Понимаешь?

— Не совсем.

Чародей пошевелил рукой, и терраса исчезла. Под ними была пропасть, бездна, утыканная внизу торчащими из пены морской каменными зубьями. Они стояли на узенькой ленточке из темных плит, цирковым мостиком протянувшимся от дворика Аретузы к поддерживающей иллюзорную террасу колонне.

Геральт с трудом сохранил равновесие. Будь он нормальным человеком, не ведьмаком, ему б не удержаться. Но даже он был захвачен врасплох. Чародей, конечно, заметил его резкое движение, да и выражение лица, несомненно, както изменилось. Ветер покачнул его на узкой дорожке, пропасть взвыла зловещим шумом волн.

— А ведь ты боишься смерти, — ухмыльнулся Вильгефорц. — Все-таки ты ее боишься.

Тряпичная куколка глядела на них глазками-пуговками.

— Он тебя обманул, — проворчала Йеннифэр, прижимаясь к ведьмаку. — Никакой опасности не было, он наверняка страховал тебя и себя левитационным полем. Рисковать он не стал бы. Что дальше?

— Мы перешли в другое крыло Аретузы. Он провел меня в большую комнату, скорее всего — кабинет одной из учительниц, а то и ректорши. Мы присели за стол, на котором

стояли песочные часы. Я уловил аромат духов Лидии и понял, что она побывала в комнате до нас...

— А Вильгефорц?

— Вильгефорц спросил...

— Почему ты не стал чародеем, Геральт? Тебя никогда не прельщало Искусство? Только откровенно.

— Откровенно? Прельщало.

— Так почему же ты не внял гласу влечения?

— Решил, что разумнее внимать гласу рассудка.

— То есть?

— Годы ведьмачества научили меня соизмерять силы с намерениями. Знаешь, Вильгефорц, когда-то я знавал краснолюда, который в детстве мечтал стать эльфом. Как думаешь, стал бы, если б последовал гласу влечения?

— Это что же, сравнение? Параллель? Если да, то совершенно неудачная. Краснолюд не мог стать эльфом. Ибо у него не было матери-эльфки.

Геральт долго молчал. Наконец сказал:

— Ну конечно. Можно было догадаться. Ты немного покопался в моей биографии. Можешь сказать зачем?

— Может, мне привиделась такая картина в Галерее Славы: мы двое за столом, а на латунной табличке надпись: «Вильгефорц из Роггевеена заключает пакт с Геральтом из Ривии».

— Это была бы аллегория, — сказал ведьмак, — под названием «Знание торжествует над невежеством». Я предпочел бы картину более реалистическую: «Вильгефорц объясняет Геральту, в чем дело».

Вильгефорц сложил пальцы рук на уровне рта.

— Разве не ясно?

— Нет.

— Ты забыл? Картина-то, которая мне привиделась, висит в Галерее Славы, на нее глядят люди будущих поколений, которые прекрасно знают, в чем дело, какие события отражены на полотне. Изображенные там Вильгефорц и Геральт договариваются и заключают пакт о взаимопонимании, в результате чего Геральт, внемля гласу не какой-то

там тяги или влечения, а истинного призвания, вступил наконец в ряды магов, положив конец тому не очень осмысленному и лишенному будущего существованию, которое вел до сих пор.

— Подумать только, — сказал ведьмак после очень долгого молчания, — еще совсем недавно я считал, будто уже ничто не в состоянии меня удивить. Поверь, Вильгефорц, долго я буду вспоминать этот банкет и здешнюю феерию событий. Воистину, это достойно картины под названием «Геральт покидает остров Танедд, лопаясь от смеха».

— Не понял. — Чародей слегка наклонился. — Я запутался в вычурностях твоей речи, густо пересыпанной изысканнейшими оборотами.

— Причины непонимания мне ясны. Мы слишком различны, чтобы понять. Ты — могущественнейший маг из Капитула, достигший единения с Природой. Я — бродяга, ведьмак, мутант, болтающийся по миру и за деньги уничтожающий чудовищ...

— Вычурность, — прервал чародей, — сменилась баналом...

— Мы слишком различны. — Геральт не позволил себя прервать. — А тот пустячок, что моя мать была, совершенно случайно, чародейкой, этого различия стереть не может. Кстати, из чистого любопытства: кем была твоя мать?

— Понятия не имею, — спокойно сказал Вильгефорц.

Ведьмак тут же умолк.

— Друиды из Ковирского Круга, — продолжил чародей, — нашли меня в канаве в Лан Экстере. Приютили, воспитали и выучили. На друида, разумеется. Знаешь, кто такие друиды? Это такие мутанты, бродяги, которые болтаются по миру и поклоняются священным дубам.

Ведьмак молчал.

— А потом, — продолжал Вильгефорц, — в ходе некоторых друидских ритуалов вылезли наружу мои способности. Способности, которые определенно и неоспоримо позволяли установить мою родословную. Породили меня, конечно, случайно, два человека, из коих по меньшей мере один был чародеем.

Геральт молчал.

— Тот, кто мои скромные способности обнаружил, был, само собой, случайно встретившимся чародеем, — спокойно продолжал Вильгефорц. — И он же решил оказать мне колоссальную услугу: предложил обучаться и совершенствоваться, а в перспективе — вступить в Братство магов.

— И ты, — глухо проговорил Геральт, — принял предложение.

— Нет. — Голос Вильгефорца становился все холоднее и неприятнее. — Отказался в крайне невежливой, даже просто в хамской форме. Вывалил на дедуню всю злобу. Хотел, чтобы он почувствовал себя виноватым, он и вся его магическая кодла. Виноватым, конечно, из-за канавы в Лан Экстере, виноватым в том, что один или два прощелыги магика, лишенные сердца и человеческих чувств поганцы, кинули меня в канаву после рождения, а не до него. Чародей, конечно, и не понял меня, и не возмутился тем, что я ему тогда сказал. Пожал плечами и пошел прочь, заклеймив тем самым себя и своих соратников печатью бесчувственных, невежественных, заслуживающих величайшего презрения подлецов.

Геральт молчал.

— Друидами я пресытился, — продолжал Вильгефорц. — Поэтому покинул священные дубравы и ринулся в мир. Хватался за все, многого стыжусь до сих пор. В конце концов стал наемником. Моя дальнейшая жизнь потекла, как ты, вероятно, догадываешься, по известному руслу: солдат героический, солдат побежденный, мародер, грабитель, насильник, убийца, наконец — беглец, удирающий на край света от веревки. Ну драпанул я на край света. И там, на краю света, познал женщину. Чародейку.

— Осторожнее, — шепнул ведьмак, прищурившись. — Осторожнее, Вильгефорц, смотри, чтобы притягиваемые за хвост подобия не завели тебя слишком далеко.

— Подобия уже кончились. — Чародей не опустил глаз. — Потому что я не справился с чувствами, которые испытывал к той женщине. Ее чувств я не понял, а она и не пыталась мне помочь. Я ее бросил. Потому как она была, выра-

жаясь научно, промискуитична, а проще говоря, хотела всегда, с кем угодно, где угодно и как угодно, а ко всему прочему была воплощением невежественности, злобности, бесчувственности и холодности. Подчинить ее себе было невозможно, а подчиняться ей — унизительно. Я бросил ее, так как понял, что она интересовалась мною только потому, что мой интеллект, личность и завораживающая таинственность как бы отводили на второй план тот факт, что я не был чародеем, она же только чародеям позволяла любить себя больше чем одну ночь. Что, впрочем, не противоречит тому факту, что она хотела всегда... ну и так далее. Я бросил ее, потому что... Потому что она была вроде как бы моей матерью. Я вдруг понял, что мое чувство к ней вовсе не любовь, а нечто гораздо более сложное, сильное, но трудноопределяемое. Этакая смесь страха, обиды, бешенства, угрызений совести, потребности в искуплении, чувства вины, урона и ущербности, извращенной потребности страдать и каяться. То, что я чувствовал к этой женщине, было... ненавистью.

Геральт молчал.

Вильгефорц смотрел в сторону.

— Я бросил ее, — начал он снова. — И не смог жить с той пустотой в сердце, которая во мне возникла. И неожиданно понял, что причина этой пустоты — не отсутствие женщины, а отсутствие того, что я тогда ощущал. Парадокс, правда? Я думаю, доканчивать нет нужды, ты догадываешься о продолжении. Я стал чародеем. Из ненависти. И лишь тогда понял, сколь был глуп. Я путал небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда.

— Как ты справедливо заметил, параллели между нами не вполне параллельны, — буркнул Геральт. — Вопреки видимости между нами мало общего, Вильгефорц. Что ты хотел доказать, рассказывая свою историю? Что путь к вершинам чародейства крут и труден, но доступен всем? Даже, прости за параллели, незаконнорожденным и подкидышам, бродягам и ведьмакам...

— Нет, — прервал чародей. — Я не собирался доказывать, что такой путь доступен каждому. Это очевидно и давно дока-

зано. Не было нужды доказывать и то, что для определенного рода людей другого пути попросту не существует.

— Итак, — усмехнулся ведьмак, — выбора у меня нет? Придется заключить с тобой пакт, которому предстоит быть темой картины, и стать чародеем? Только из-за генетики? Ну-ну! Мне немного знакома теория наследственности. Мой отец, до чего я дошел с немалым трудом, был бродягой, невеждой, грубияном, авантюристом и рубакой. У меня может оказаться избыток генов от папочки, а не от мамули. То, что я тоже неплохо умею рубить и колоть, вроде бы подтверждает сказанное.

— И верно, — ухмыльнулся чародей. — Слушай, песок почти весь просыпался, а я, Вильгефорц из Роггевеена, магистр магии, член Капитула, все еще не без приятственности треплюсь с невеждой, рубакой и бродягой, сыном невежды, рубаки и бродяги. Мы обсуждаем вопросы и проблемы, которые, как известно, обычно обсуждают, сидя у костров, невежды, рубаки и бродяги. Например, генетику. Откуда ты вообще знаешь это слово, друг мой рубака? Из храмовой школы в Элландере, в которой учат читать по слогам и писать двадцать четыре руны? Что заставило тебя читать книги, в которых можно найти эти и подобные слова? Где ты оттачивал риторику и красноречие? И зачем? Чтобы общаться с вампирами? Ах, друг мой, генетический бродяга, которому улыбается Тиссая де Врие. Друг ты мой, ведьмак, рубака, привлекающий Филиппу Эйльхарт так, что у нее аж руки трясутся. Невежда, при одной мысли о котором Трисс Меригольд становится краснее мака. О Йеннифэр и не говорю.

— Может, и хорошо, что не говоришь. В часах действительно осталось совсем мало песку, можно песчинки пересчитать. Не пиши больше картин, Вильгефорц. Говори, в чем дело. Скажи просто и доходчиво. Представь себе, будто мы сидим у костра, два бродяги, запекаем на вертеле поросенка, которого только что сперли, и тщетно пытаемся упиться березовым соком. Я задаю простой вопрос. А ты отвечаешь. Как бродяга бродяге.

— И как же он звучит, твой простой вопрос?

— Что за договор ты мне предлагаешь? Какой пакт мы должны заключить? Зачем я понадобился тебе в твоем котле, Вильгефорц? В котле, в котором, сдается, уже начинает бурлить. Что здесь, кроме канделябров, висит в воздухе?

— Хм. — Чародей задумался или сделал вид, будто задумался. — Вопрос не прост, но попытаюсь ответить. Только не как бродяга бродяге. Отвечу... как один наемный рубака другому. Себе подобному.

— Ну что ж.

— Так слушай, друг-рубака. Намечается солидная драчка. Битва не на жизнь, а на смерть, поблажек не будет. Одни победят, других расклюют вороны. Говорю тебе, друг, присоединяйся к тем, у кого больше шансов. К нам. Других можешь бросить и наплевать на них. Им ничего не светит, так зачем же погибать вместе с ними? Нет, нет, друг, не кривись, я знаю, что ты хочешь сказать. Мол, ты — нейтрален. Мол, тебе до свечки и те, и другие, ты просто переждешь заварушку в горах, в Каэр Морхене. Скверная идейка, дружок. У нас будет все, что тебе любо. Если же не присоединишься, потеряешь все. И поглотит тебя пустота, тщета и ненависть. Уничтожит наступающий час презрения. Будь же благоразумен и примкни к соответствующей стороне, когда придется выбирать. А выбирать придется. Можешь поверить.

— Поразительно, — паскудно ухмыльнулся ведьмак. — Как будоражит всех мой нейтралитет. Всем не терпится заключать со мной пакты и союзы, предлагать сотрудничество, втолковывать, что необходимо делать выбор и присоединяться к соответствующей стороне. Вильгефорц, ты напрасно теряешь время. В этой игре я тебе партнер не равный. Не вижу возможности оказаться вместе на одном полотне в Галерее Славы. Тем более — на батальном.

Чародей молчал.

— Расставляй, — продолжал Геральт, — на своей доске королей, ферзей, слонов и пешек, не обращая на меня внимания, потому что я на этой шахматной доске значу не больше, чем покрывающая ее пыль. Это не моя игра. Ты утверждаешь, что мне придется выбирать. Ошибаешься. Я не стану

выбирать. Я подлажусь к событиям. Подлажусь к тому, что выберут другие. Я всегда так поступал.

— Ты фаталист.

— Да. Хоть это и еще одно слово, которого я знать не должен. Повторяю: это не моя игра.

— Неужто? — Вильгефорц перегнулся через стол. — В этой партии, ведьмак, на шахматной доске уже стоит черная ладья, намертво связанная с тобой узами Предназначения. Ты знаешь, о ком я, верно? Думаю, ты не хочешь ее потерять?

Глаза ведьмака превратились в щелочки.

— Что вам нужно от ребенка?

— Есть только один способ узнать.

— Предупреждаю: я не допущу, чтобы ее обидели...

— Есть только один способ сделать это. Я предложил тебе его, Геральт из Ривии. Обдумай мое предложение. У тебя впереди целая ночь. Думай, глядя на небо. На звезды. И не перепутай их с теми, которые отражаются в поверхности пруда. Песок в часах пересыпался.

— Я боюсь за Цири, Йен.

— Напрасно.

— Но...

— Поверь мне. — Она обняла его. — Поверь, прошу тебя. Не обращай внимания на Вильгефорца. Он — игрок. Он хотел тебя обмануть, спровоцировать. И частично ему это удалось. Но это не имеет значения. Цири — под моей опекой, а в Аретузе она будет в безопасности, сможет развить свои способности, и никто ей не помешает. Никто. Однако о том, чтобы она стала ведьмачкой, забудь. У нее иной дар. И иным свершениям она предназначена. Можешь мне поверить.

— Я верю тебе.

— Какой прогресс! А о Вильгефорце не думай. Грядущий день прояснит многое и разрешит массу проблем.

«Грядущий день, — подумал он. — Она что-то от меня скрывает. А я боюсь спросить. Кодрингер был прав. Я попал в дикую кабалу. Но теперь у меня нет выхода. Прихо-

дится ждать, что принесет грядущий день, который якобы прояснит многое. Приходится ей верить. Я знаю: что-то должно случиться. Подожду. И подлажусь к ситуации».

Он взглянул на секретер.

— Йен?

— Я здесь.

— Когда ты училась в Аретузе... Когда спала в такой же комнате, как эта... У тебя была куколка, без которой ты не могла уснуть? Которую днем усаживала на секретер?

— Нет. — Йеннифэр резко пошевелилась. — У меня вообще не было кукол. Не спрашивай об этом. Пожалуйста, не спрашивай.

— Аретуза, — шепнул он, осматриваясь. — Аретуза на острове Танедд. Ее дом. На многие годы... Когда она отсюда выйдет, будет зрелой женщиной...

— Прекрати. Не думай и не говори об этом... Лучше...

— Что, Йен?

— Люби меня.

Он обнял ее. Прикоснулся. Нашел. Йеннифэр, невероятно мягкая и жесткая одновременно, громко вздохнула. Слова, которые они произносили, обрывались, тонули во вздохах и ускоренном дыхании, переставали что-либо значить, рассеивались. Они умолкали, сосредоточивались на поисках самих себя, на поисках истины. Они искали долго, нежно и тщательно, боясь неуместной поспешности, легкомысленности и развязности. Они искали сильно и самозабвенно, боясь святотатственного сомнения и нерешительности. Они искали осторожно, боясь кощунственной грубости.

Они отыскали друг друга, преодолели страх, а минуту спустя нашли истину, которая вспыхнула у них под веками поражающей, ослепительной очевидностью, стоном разорвала сжатые в отчаянии губы. И тогда время спазматически дрогнуло и замерло, все исчезло, а единственным живым чувством было прикосновение. Минула вечность, вернулась реальность, а время опять дрогнуло и снова сдвинулось с места, медленно, тяжело, словно огромный перегруженный воз. Геральт взглянул в окно. Луна по-прежнему висела на

небе, хотя то, что случилось мгновение назад, в принципе должно было бы сбросить ее на землю.

— Ой-ей-ей, ой-ей, — после долгого молчания проговорила Йеннифэр, медленным движением стирая со щеки слезинку.

Они лежали неподвижно на разбросанной постели, под шум дождя, среди исходящего паром тепла и угасающего счастья, в молчании, а вокруг них клубилась бесформенная тьма, перенасыщенная ароматами ночи и голосами цикад. Геральт знал, что в такие моменты телепатические способности чародейки обостряются и усиливаются. Поэтому старался думать только о прекрасном. О том, что могло принести ей радость. О взрывной яркости восходящего солнца. О тумане, стелющимся на рассвете над горным озером. О хрустальных водопадах, в которых резвятся лососи, такие блестящие, словно они отлиты из серебра. О теплых каплях дождя, барабанящих по тяжелым от росы листьям лопухов.

Он думал для нее. Йеннифэр улыбалась, слушая его мысли. Улыбка дрожала на ее щеке лунными тенями ресниц.

— Дом? — вдруг спросила Йеннифэр. — Какой дом? У тебя есть дом? Ты хочешь построить дом? Ах... Прости. Я не должна...

Он молчал. Он был зол на себя. Думая для нее, он против своего желания позволил ей прочесть мысль о ней.

— Прекрасная мечта. — Йеннифэр нежно погладила его по руке. — Дом. Собственноручно построенный дом, в этом доме ты и я. Ты бы разводил лошадей и овец, я занималась бы огородом, варила еду и чесала шерсть, которую мы возили бы на торг. На денежки, вырученные за шерсть и дары земли, мы покупали бы все необходимое, ну, скажем, медные казанки и железные грабли. Время от времени нас навещала бы Цири с мужем и тройкой детей, иногда на несколько деньков заглядывала бы Трисс Меригольд. Мы бы красиво и благолепно старели. А если б я начинала скучать, ты вечерами насвистывал бы мне на собственноручно изготовленной свирели. Всем известно: игра на свирели — лучшее лекарство от хандры.

Ведьмак молчал.

Чародейка тихонько кашлянула и сказала:

— Прости.

Он приподнялся на локте, наклонился, поцеловал ее. Она резко пошевелилась, обняла его.

— Скажи что-нибудь.

— Я не хочу тебя потерять, Йен.

— Но я же твоя.

— Эта ночь кончится.

— Всему на свете приходит конец...

«Нет, — подумал он. — Не хочу так. Я устал. Я слишком устал, чтобы спокойно принять перспективу концов, становящихся началами, с которых надо все начинать заново. Я хотел бы...»

— Помолчи. — Она быстро положила пальцы ему на губы. — Не говори, чего бы ты хотел и о чем мечтаешь. Ведь может оказаться, что я не сумею исполнить твоих желаний. А это причинит мне боль.

— А чего хочешь ты, Йен? О чем мечтаешь?

— Только о досягаемом.

— А как же я?

— Ты уже мой.

Он долго молчал. И дождался той минуты, когда она прервала молчание.

— Геральт?

— Ммм?..

— Люби меня. Ну пожалуйста...

Когда Геральт пришел в себя, луна по-прежнему была на своем месте. Яростно бренчали цикады, словно и они безумием и исступленностью стремились перебороть беспокойство и страх. Из ближайшего окна в левом крыле Аретузы кто-то, кто не мог уснуть, кричал и бранился, требуя тишины. Из окна с другой стороны какой-то обладатель артистической души бурно аплодировал и поздравлял с успехом...

— Ох, Йен... — укоризненно шепнул ведьмак.

— Была причина... — Она поцеловала его, потом прижалась щекой к подушке. — У меня был повод кричать. Вот я и кричала. Этого нельзя глушить в себе, это нездорово и противоестественно. Обними меня, если можешь.

Телепорт Лара, или Портал Бенавента, названный так по имени обнаружившего его чародея, расположен на верхнем этаже Башни Чайки на острове Танедд. Стационарный, спорадически активный. Принципы функционирования — неизвестны. Назначение — неизвестно, вероятнее всего, искажено в результате самораспада; при активации не исключены многочисленные разветвления либо разбросы.

ВНИМАНИЕ: телепорт действует хаотично и смертельно опасен. Эксперименты категорически запрещены. В Башне Чайки и вблизи нее не разрешается применять магию. В особенности телепортационную. В виде исключения Капитул рассматривает запросы на вход в Тор Лара и осмотр телепортала. Заявления надлежит обосновать началом исследовательских работ и специализацией в соответствующей области.

Библиография: Джеоффрей Монк. Магия Старшего Народа; Иммануэль Бенавент. Портал в Тор Лара; Нина Фиораванти. Теория и практика телепортации; Рансант Альваро. Врата тайны. Перечень запрещенных артефактов.

Ars Magica, изд. LVIII

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Вначале был только пульсирующий, мерцающий хаос и каскад образов, вихрь, полная звуков и голосов бездна. Цири видела уходящую в небо башню, на крыше которой плясали молнии. Слышала крик хищной птицы и сама была этой птицей, мчащейся с огромной скоростью, а под нею бушевало море. Она видела маленькую тряпичную куколку и неожиданно сама становилась этой куколкой, а вокруг клубилась тьма, гудящая, звенящая стрекотом цикад. Цири видела гигантского черно-белого кота и тут же становилась этим котом, а вокруг нее был мрачный дом, потемневшие панели, аромат свечей и старых книг. Она слышала, как несколько раз произнесли ее имя, видела серебряных лососей, перепрыгивающих через водопады, слышала шум дождя, барабанящего по листьям. А потом услышала странный, протяжный крик Йеннифэр. Этот-то крик и разбудил ее, вырвал из бездны безвременья и хаоса.

Теперь, тщетно пытаясь вспомнить сон, она уже слышала только тихие звуки лютни и флейты, гул тамбурина, пение и смех. Лютик и несколько случайно встретившихся вагантов все еще веселились в комнате в конце коридора.

В окно проник лунный лучик, развеяв мрак, и комнатка в Локсии сразу стала походить на место из сна. Цири откинула простыню. Она вспотела, волосы прилипли ко лбу. Вечером она долго не могла уснуть — не хватало воздуха, хоть окно было отворено настежь. Она знала почему. Выхо-

да с Геральтом, Йеннифэр укрыла комнату магической защитой. Якобы для того, чтобы никто не мог войти, но Цири подозревала, что скорее всего Йеннифэр не хотела, чтобы выходила она. Ее попросту арестовали. Йеннифэр, хоть и явно радовалась встрече с Геральтом, еще не забыла и не простила ей самовольную и дурацкую эскападу в Хирунд, благодаря которой, вообще-то говоря, их встреча и состоялась.

Самое ее встреча с Геральтом разочаровала и наполнила грустью. Ведьмак был немногословен, сдержан, неспокоен и явно неоткровенен. Их беседы обрывались, увязали в неоконченных, прерванных на полуслове фразах и вопросах. Глаза и мысли ведьмака убегали от нее и уходили далеко-далеко. Цири знала, куда именно.

Из комнатки в конце коридора долетало одинокое тихое пение Лютика, музыка лютни, шуршащая как ручеек по камням. Она узнала мелодию, которую бард слагал несколько дней. Баллада — Лютик хвастался этим не раз — носила название «Неуловимая» и должна была принести автору победу на ежегодном турнире бардов, проходившем поздней осенью в замке Вартбург. Цири вслушалась в слова:

Ты плывешь над мокрыми крышами —
С мятным дождиком заодно.
Меж кувшинками светло-рыжими
Ты ныряешь, ныряешь... Но
(Не шути над мечтой моею)
Я пойму тебя все равно,
О, конечно, если успею...*

Цокали копыта, наездники распарывали галопом ночь, на горизонте небо полыхало заревами пожаров. Хищная птица заскрипела и раскинула крылья, устремляясь в полет. Цири снова погрузилась в сон, слыша, как кто-то произносит ее имя. То это был Геральт, то Йеннифэр, то Трисс Меригольд, наконец — причем несколько раз, — незнако-

* Перевод Эльвиры Частиковой.

мая худощавая светловолосая грустная девушка, смотрящая с оправленной в рог и латунь миниатюры.

Потом она увидела черно-белого кота, а мгновение спустя уже опять была этим котом, смотрела его глазами. Кругом — чужой, мрачный дом. Она видела большие шкафы, забитые книгами, освещенный несколькими свечами пюпитр, около него двух склонившихся над свитками мужчин. Один кашлял и вытирал губы платком. Другой, карлик с огромной головой, сидел в кресле на колесах. У него не было обеих ног.

— Невероятно... — вздохнул Фэнн, пробегая глазами истлевший пергамент. — Где ты взял эти документы?

— Не поверишь, если скажу, — раскашлялся Кодрингер. — Теперь ты понял, кто такая в действительности Цирилла, княжна Цинтры? Дитя Старшей Крови... Последний отпрыск этого проклятого древа ненависти! Последняя ветвь, а на ней последнее отравленное яблочко...

— Старшая Кровь... Так далеко вспять... Паветта, Калантэ, Адалия, Элен, Фиона...

— И Фалька.

— О Господи! Невозможно! Во-первых, у Фальки не было детей! Во-вторых, Фалька была законной дочерью...

— Во-первых, о юности Фальки нам не известно ничего. Во-вторых, не смеши меня, Фэнн. Ты же знаешь, что при слове «законный» у меня начинаются колики. Я верю в этот документ, потому что он кажется мне подлинным и говорит правду. Фиона, прапрабабка Паветты, была дочерью Фальки, чудовища в человеческом обличье. Черт возьми, я не верю в идиотские вещания, пророчества и прочую чепуху, но как только вспомню пророчества Итлины...

— Порченая кровь?

— Порченая, отравленная, проклятая — понимать можно по-разному. Но по легенде, если помнишь, именно Фалька была проклята, потому что Лара Доррен аэп Шиадаль навела порчу на ее мать...

— Сказки, Кодрингер.

— Верно, сказки. Но знаешь, когда сказки перестают быть сказками? Как только в них начинают верить. А в сказку о Старшей Крови кое-кто верит. Особенно в ту ее часть, где говорится, что кровь Фальки породит Мстителя, который до основания разрушит старый мир, а затем на его руинах построит новый.

— И этот Мститель — Цирилла?

— Нет. Не Цирилла. Ее сын.

— А Цириллу разыскивает...

— Эмгыр вар Эмрейс, император Нильфгаарда, — холодно докончил Кодрингер. — Теперь понимаешь? Цирилла независимо от ее воли должна стать матерью наследника трона. Великого князя, которому предстоит быть Князем Тьмы, потомком дьяволицы Фальки. Мстителем. Гибель, а потом обновление мира должны, мне сдается, протекать управляемо, контролируемо.

Калека долго молчал.

— А тебе не кажется, — спросил он наконец, — что следовало бы известить Геральта?

— Геральта? — Кодрингер скривил рот. — Это еще кто такой? Уж не тот ли наивный тип, который недавно втолковывал мне, будто действует совершенно бескорыстно? Конечно, верю, он действует не ради собственной выгоды. Он действует ради чужой. Впрочем, неосознанно. Он преследует бегающего на поводке Риенса, но при этом не чувствует ошейника на собственной вые. И я должен его информировать? Помогать тем, кто хочет сам завладеть курочкой, несущей золотые яйца, чтобы шантажировать Эмгыра или влезть к нему в доверие? Нет, Фэнн, я глуп, но не настолько же.

— Ведьмак тоже бегает на поводке? На чьем?

— Подумай.

— Дьявольщина!

— Точно сказано. Единственная, кто имеет на него влияние. Которой он доверяет. Но я ей не доверяю. И никогда не доверял. Я лично включусь в эту игру.

— Опасная игра, Кодрингер.

— Безопасных игр не бывает. Есть только игры стоящие и не стоящие свеч. Фэнн, брат, ты не понимаешь, что попа-

лось нам в руки. Золотая курочка, которая не кому-то, а нам снесет огромное яйцо, все из желтенького золотца...

Кодрингер раскашлялся. Когда отнял платок ото рта, на нем были пятна крови.

— Золотом этого не излечишь, — сказал Фэнн, глядя на платок в руке компаньона. — А мне не вернешь ног...

— Как знать?

В дверь постучали. Фэнн беспокойно завертелся в кресле на колесах.

— Ты кого-то ждешь, Кодрингер?

— Да. Людей, которых посылаю на Танедд. За золотой курочкой.

— Не отворяй! — крикнула Цири. — Не отворяй дверей! За ними смерть! Не отворяй этих дверей!

— Открываю, открываю! — крикнул Кодрингер, отодвигая засов, потом повернулся к мяукающему коту: — Да сиди ты тихо, чудо в перьях...

И осекся. В дверях стояли не те, кого он ожидал. В дверях стояли трое, которых он не знал.

— Миледарь Кодрингер?

— Хозяин выехал по делам. — «Юрист» изобразил глупейшую мину и поменял голос на слегка писклявый. — Я — камердинер хозяина, меня зовут Гломб. Микаэль Гломб. Чем могу служить?

— Ничем, — сказал один из троих, высокий полуэльф. — Коли хозяина нет, мы только оставим письмо и сообщение. Вот письмо.

— Передам незамедлительно. — Кодрингер, вживаясь в роль нерасторопного лакея, униженно поклонился, протянул руку за перевязанным красным шнурком свитком пергамента. — А сообщение?

Оплетающий рулон шнурок развернулся, как нападающая змея, рванулся вперед и туго охватил ему запястье. Высокий сильно дернул. Кодрингер потерял равновесие, качнулся вперед, чтобы не упасть на полуэльфа, инстинктивно уперся левой рукой ему в грудь. В таком положении он не

мог уклониться от кинжала, которым его ткнули в живот. Он глухо застонал и хотел откачнуться назад, но закрученный на запястье магический шнур не пустил. Полуэльф снова притянул его к себе и ударил опять. Кодрингер повис на клинке.

— Вот сообщение и поздравление от Риенса, — просипел высокий полуэльф, сильно рванув кинжал кверху и потроша «юриста», как рыбу. — Отправляйся в пекло, Кодрингер, прямиком в пекло.

Кодрингер захрипел, чувствуя, как острие клинка скрипит на ребрах и грудной кости. Осел на пол, свернувшись в клубок. Хотел крикнуть, предостеречь Фэнна, но успел лишь захрипеть, и хрип тут же задушила волна крови.

Высокий полуэльф перешагнул через безвольное тело, вслед за ним в комнату вошли двое других. Люди.

Фэнн не дал застать себя врасплох.

Щелкнула тетива — один из бандитов рухнул навзничь, получив стальным шариком посередине лба. Фэнн отъехал к пюпитру, дрожащими руками попытался перезарядить арбалет.

Высокий подскочил к нему, сильным ударом перевернул кресло. Карлик покатился между раскиданными по полу бумагами. Бессильно перебирая маленькими ручками и культями ног, он напоминал покалеченного паука.

Полуэльф пнул арбалет, выбил его из поля досягаемости Фэнна. Не обращая внимания на пытающегося ползти калеку, быстро просмотрел лежащие на пюпитре документы. Его внимание привлекла небольшая оправленная в рог и латунь миниатюра, изображающая светловолосую девочку. Он поднял миниатюру вместе с прикрепленным к ней листком.

Другой бандит бросил убитого дружка, приблизился. Полуэльф вопросительно поднял брови. Бандит отрицательно покрутил головой.

Полуэльф спрятал за пазуху миниатюру и несколько прихваченных с пюпитра документов. Потом вынул из бокала пучок перьев и зажег их от свечи. Медленно вращая, чтобы получившаяся кисть как следует разгорелась, бросил на пюпитр, в свитки, которые тут же занялись огнем.

Фэнн вскрикнул.

Высокий полуэльф снял с уже горящего стола бутыль с жидкостью для вытравливания чернил, встал над мечущимся карликом и вылил на него все содержимое. Фэнн протяжно завыл. Второй бандит стащил со стеллажа полную охапку свитков и привалил ими калеку.

Огонь с пюпитра взвился к потолку. Вторая бутыль, поменьше, с жидкостью для проявления текста, с грохотом взорвалась, пламя лизнуло стеллаж. Свитки, рулоны и папки начали темнеть, сворачиваться и как бы оживать. Фэнн выл. Высокий отступил от горящего пюпитра, свернул из бумаг трубку и зажег ее. Другой бандит накинул на калеку еще одну охапку свитков.

Фэнн выл.

Полуэльф стоял над ним, держа в руке пылающий факел.

Черно-белый кот Кодрингера уселся на ближайшем заборчике. В его желтых глазах плясало отражение пожара, превращающего дружественную ночь в жуткую пародию дня. Вокруг кричали: «Горит! Горит! Воры!» К дому сбегались люди. Кот замер, глядя на них с удивлением и презрением. Эти глупцы явно стремились туда, к огненному аду, из которого ему едва удалось выбраться.

Равнодушно отвернувшись, кот Кодрингера принялся вылизывать лапку, вымазанную кровью.

Цири проснулась вся в поту, до боли стискивая руками простыню. Кругом стояла тишина и мягкий сумрак, словно кинжалом пронзенный лучом лунного света.

Пожар. Огонь. Кровь. Кошмар... Не помню, ничего не помню...

Она глубоко вдохнула свежий ночной воздух. Ощущение духоты исчезло. Она знала почему.

Защитные заклинания больше не действовали.

Что-то случилось, подумала Цири, вскочила с кровати и быстро оделась. Прицепила кордик. Меча у нее не было, Йеннифэр отняла его и передала на хранение Лютику. Поэт уже наверняка спал, а в Локсии стояла тишина. Цири поду-

мала было, не пойти ли и не разбудить, но тут почувствовала в ушах сильную пульсацию и шум крови.

Вливающаяся через окно струя лунного света превратилась в дорогу. На конце дороги, очень далеко, были двери. Двери раскрылись, в них стояла Йеннифэр.

Иди.

За спиной чародейки раскрывались новые двери. Одна за другой. Бесконечное множество. Во мраке туманно проступали черные столбы колонн. А может, статуй. Я сплю, подумала Цири, сама не веря в это. Я сплю. Никакая это не дорога, это свет, полоса света. По ней невозможно идти.

Иди.

Цири пошла.

Если б не дурацкие принципы ведьмака, не его нежизненная щепетильность, многие дальнейшие события протекали бы совершенно иначе. Многое вообще не случилось бы. И тогда история мира покатилась бы по-другому.

Но история мира покатилась так, как покатилась — и исключительной тому причиной был тот факт, что у ведьмака были принципы. Проснувшись утром и почувствовав потребность сделать то, что на его месте сделал бы каждый, то есть выйти на балкончик и помочиться в цветочницу с настурциями, Геральт поступил иначе. Он был щепетилен и принципиален. Он тихонько оделся, не будя крепко спящую Йеннифэр, которая лежала неподвижно и, казалось, не дышала. Да, он оделся и вышел из комнатки в сад.

Банкет еще продолжался, но, судя по звукам, подходил к концу. Алхимики бы сказали — это были следы банкета. В окнах бальной залы все еще горели огни, свет заливал атриум и клумбы с пионами. Поэтому ведьмак прошел немного дальше, к самым густым кустам, и там загляделся на светлеющее небо, уже разгорающееся на горизонте пурпурной полосой утренней зари.

Когда он неспешно возвращался, размышляя о важных проблемах, его медальон сильно дернулся. Ведьмак придержал его ладонью, чувствуя пронизывающую тело вибрацию. Было ясно — в Аретузе кто-то выкрикивал заклинания. Ге-

ральт навострил уши и услышал приглушенные крики, грохот и гул, доносящиеся с галереи в левом крыле дворца.

Любой другой на его месте немедленно бы развернулся и отправился в противоположную сторону, сделав вид, будто ничего не слышал. И тогда история мира, возможно, покатилась бы иначе. Но ведьмак был щепетилен и привык поступать в соответствии с дурацкими, нежизненными принципами.

Когда он вбежал на галерею, а затем в коридор, там уже шел бой. Несколько бандитов в серых куртках пытались заковать поваленного на пол невысокого ростом чародея. Операцией командовал Дийкстра, шеф разведки Визимира, короля Реданни. Прежде чем Геральт успел что-либо предпринять, двое бандитов приперли его к стене, а третий приставил к груди трехзубый наконечник корсеки.

На всех бандитах были медальоны с реданским орлом.

— Это называется «попал в дерьмо и не чирикай», — тихо пояснил Дийкстра, приближаясь. — А у тебя, ведьмак, похоже, врожденный талант попадать куда не надо. Стой спокойно и постарайся не привлекать к себе внимания.

Реданцы наконец осилили невысокого чародея и подняли его с пола, держа за руки. Это был Артауд Терранова, член Капитула.

Позволявший видеть подробности свет источался из шара, висящего над головой Кейры Мец, чародейки, с которой Геральт вечером болтал на банкете. Он едва узнал ее — она сменила воздушный гипюр на строгий мужской наряд, а на боку у нее висел кинжал.

— Заковать его! — кратко приказала она. В ее руке звякнули наручники, изготовленные из голубоватого металла.

— Не смей! — крикнул Терранова. — Не смей, Мец! Я — член Капитула.

— Был. Теперь ты обыкновенный предатель. И поступят с тобой как с предателем. Обыкновенным.

— А ты — паршивая, продажная девка, которая...

Кейра отступила на шаг, развернулась в бедрах и изо всей силы ударила его кулаком по лицу. Голова чародея отлетела назад, и на какое-то мгновение Геральту показа-

лось, что она вот-вот оторвется от туловища. Терранова обмяк в руках державших его людей, из носа и рта потекла кровь. Второй раз чародейка не ударила, хотя уже занесла руку. Ведьмак заметил латунный высверк кастета на ее пальцах. И не удивился. Кейра была щупловата, такой удар не мог быть нанесен голой рукой.

Он не пошевелился. Бандиты держали его крепко, а острия корсеки продолжали упираться в грудь. Неизвестно, кстати, стал ли бы он шевелиться, если б был свободен, да и знал ли бы, как поступить.

Реданцы защелкнули наручники на вывернутых за спину руках чародея. Терранова закричал, задергался, согнулся, захрипел в позыве рвоты. Геральт уже понял, из чего сделаны наручники. Это был сплав железа и двимерита, редкого минерала, обладающего свойством глушить магические способности. Такое глушение сопровождалось довольно неприятными для магиков побочными явлениями.

Кейра Мец подняла голову, откинула волосы со лба. И тут увидела Геральта.

— А он что тут делает, черт побери? Как он-то сюда попал?

— Да вот — попал, — равнодушно ответил Дийкстра. — Хобби у него такое — попадать куда не следует. Что с ним делать?

Кейра помрачнела, несколько раз топнула каблуком сапожка.

— Стереги. У меня сейчас нет времени.

Она быстро ушла, за ней последовали реданцы, волоча Терранову. Светящийся шар поплыл следом за чародейкой, но уже наступало утро, быстро светлело. По знаку Дийкстры наемные убийцы отпустили Геральта. Шпион подошел и заглянул ведьмаку в глаза.

— Сохраняй полное спокойствие.

— Что тут происходит? Что это...

— И полное молчание.

Кейра Мец вернулась очень скоро и не одна. Сопровождал ее чародей с льняными волосами, которого вчера

представили Геральту как Детмольда из Бан Арда. Увидев ведьмака, он выругался, стукнул кулаком по ладони:

— Дьявольщина! Это тот самый, который так нравится Йеннифэр?

— Он, — подтвердила Кейра. — Геральт из Ривии. Проблема в том, что я не знаю, как обстоят дела у Йеннифэр...

— Я тоже не знаю, — пожал плечами Детмольд. — Во всяком случае, он уже впутался. Слишком много видел. Отведите его к Филиппе, она решит. Наденьте на него наручники.

— В этом нет необходимости, — медленно проговорил Дийкстра. — Я за него ручаюсь. Отведу куда следует.

— Все складывается прекрасно, — кивнул Детмольд. — У нас со временем туго. Пошли, Кейра, наверху все осложняется...

— Ну и горячатся, — буркнул реданский шпион, глядя вслед уходящим. — Нет опыта, вот в чем дело. А путчи и перевороты — это как окрошка. Ее положено есть холодной. Пошли, Геральт. И помни: спокойно, с достоинством, без фокусов. Не заставляй меня сожалеть о том, что я не дал тебя заковать или связать.

— Что тут творится, Дийкстра?

— Ты еще не догадался? — Шпион шел рядом, трое реданцев держались позади. — Ну скажи честно, ведьмак, как получилось, что ты сюда заявился?

— Боялся, настурции завянут.

— Геральт, — криво взглянул на него Дийкстра. — Ты вляпался в дерьмо по самую макушку. Сейчас вынырнул и держишь рот над поверхностью, но ногами все еще не достал дна выгребной ямы. Тебе подают руку помощи, рискуя свалиться туда же и испоганиться. Перестань строить из себя идиота. Прийти сюда тебе велела Йеннифэр, верно?

— Нет. Йеннифэр спит в тепленькой постельке. Успокоился?

Тучный шпик резко отвернулся, схватил ведьмака за плечи и припер к стене коридора.

— Нет, не успокоился, ты, идиотский кретин, — зашипел он. — Неужели все еще не понял, дурень, что порядочные, верные королям чародеи сегодня ночью не спят? Что

они вообще не ложились в постельки? В теплых постельках спят подкупленные Нильфгаардом предательницы. Предательницы, которые сами готовили путч, но не на сегодня. Они не знали, что их планы и намерения раскрыты. И именно сейчас их вытаскивают из теплых постелек, бьют кастетами по зубам, надевают наручники из двимерита. С предателями покончено, понимаешь? Если не хочешь отправляться на дно вместе с ними, перестань прикидываться идиотом! Вчера вечером Вильгефорц привлек тебя на свою сторону? Или, может, еще раньше это сделала Йеннифэр? Говори! Быстро, потому что дерьмо уже начинает заливать тебе рот!

— Окрошка, Дийкстра, — напомнил Геральт. — Проводи меня к Филиппе. Спокойно, с достоинством и без фокусов.

Шпион отпустил его, отступил на шаг.

— Идем, — сказал он холодно. — По этой лестнице наверх. Но нашу беседу мы еще закончим. Это я тебе обещаю.

Там, где сходились четыре коридора, у поддерживающей свод колонны было светло от фонарей и магических шаров. Здесь толпились реданцы и чародеи. В числе последних — члены Совета: Радклифф и Сабрина Глевиссиг. Сабрина, как и Кейра Мец, была в черном мужском костюме. Геральт понял, что в происходящем у него на глазах путче стороны можно различать по одежде.

На полу, склонившись над телом, лежащим в луже крови, стояла на коленях Трисс Меригольд. Геральт узнал Лидию ван Бредевоорт. По волосам и шелковому платью. По лицу бы не узнал, потому что лица у нее уже не было, а был чудовищно жуткий череп с приоткрытыми до половины щек зубами и деформированной, запавшей, скверно сросшейся челюстью.

— Прикройте ее, — сухо сказала Сабрина Глевиссиг. — Когда она скончалась, фантом развеялся. Черт побери, да закройте же ее чем-нибудь!

— Как это случилось, Радклифф? — спросила Трисс, отдергивая руку от позолоченной рукояти стилета, торчавшего пониже грудины Лидии. — Как это могло случиться? Ведь трупов не должно было быть!

— Она напала на нас, — буркнул чародей, опуская голову. — Когда выводили Вильгефорца, она кинулась на нас. В неразберихе... Я и сам не знаю, как получилось... Это ее собственный стилет.

— Закройте ей лицо! — Сабрина быстро отвернулась. Увидела Геральта, ее хищные, антрацитово-черные глаза полыхнули пламенем. — А этот откуда взялся?

Трисс мгновенно вскочила, прильнула к ведьмаку. Геральт увидел перед глазами ее ладонь, потом вспышку и медленно погрузился в темноту. Почувствовал руку на воротнике и резкий рывок.

— Держите его, а то упадет. — Голос Трисс был неестественным, в нем звучал притворный гнев. Она снова дернула его так, чтобы он на мгновение оказался рядом с ней.

— Прости, — услышал он быстрый шепот. — Так надо.

Люди Дийкстры поддержали его.

Он пошевелил головой и переключился со зрения на другие органы чувств. В коридорах царило оживление, воздух колебался, приносил ароматы. И голоса. Сабрина Глевиссиг ругалась. Трисс уговаривала ее. Воняющие казармой реданцы тащили по полу бессильное тело, шепчущее шелком платья. Кровь. Запах крови. И запах озона. Запах магии. Возбужденные голоса. Шаги, нервный стук каблуков.

— Поспешите! Дело затягивается! Мы уже должны быть в Гарштанге! — Филиппа Эйльхарт. Нервничает. — Сабрина, быстро отыщи Марти Содергрен. Если понадобится, вытащи ее из постели. Гедымгейту плохо. Скорее всего сердце. Пусть Марти займется. Но ничего не говори ни ей, ни тому, с кем она спит. Трисс, найди и доставь в Гарштанг Доррегарая, Дрительма и Кардуина.

— Зачем?

— Они представляют здесь королей. Пусть проинформируют Этайна и Эстерада о нашей акции и ее результатах. Отведешь их... Трисс, у тебя на руке кровь! Кто?

— Лидия.

— Дьявольщина! Когда? Как?

— Разве важно как? — Холодный, спокойный голос. Тиссая де Врие. Шелест платья. Тиссая была в бальном платье.

Не в реданской униформе. Геральт прислушался, но не услышал звона оков из двимерита.

— Прикидываешься взволнованной? — повторила Тиссая. — Отчаявшейся? Когда организуют мятежи, когда ночью приводят вооруженных убийц, следует считаться с возможными жертвами. Лидия мертва. Хен Гедымгейт при смерти. Я только что видела Терранову с изуродованным лицом. Сколько еще будет жертв, я тебя спрашиваю, Филиппа Эйльхарт?

— Не знаю, — жестко ответила Филиппа. — Но я не отступлю.

— Конечно. Ты не отступаешь никогда и ни перед чем.

Дрогнул воздух, каблуки застучали по полу в знакомом ритме. Филиппа шла к нему. Он запомнил нервный постук ее каблуков, когда вчера они вместе проходили через залу Аретузы, чтобы полакомиться икрой. Запомнил аромат корицы и нарда. Сейчас этот аромат смешивался с запахом соды. Геральт категорически исключал возможность своего участия в каком-либо перевороте или путче, но подумал: а стал бы он сначала чистить зубы, а уж потом поднимать мятеж?

— Он тебя не видит, Филь, — спокойно сказал Дийкстра. — Он ничего не видит и ничего не видел. Вон та красотка с прекрасными волосами ослепила его.

Геральт слышал дыхание Филиппы и фиксировал каждое ее движение, но растерянно пошевелил головой, изображая беспомощность. Чародейка не дала себя обмануть.

— Не прикидывайся, Геральт. Трисс затмила тебе взор, но ведь не лишила разума. Каким чудом ты тут оказался?

— Меня прихватили случайно. Где Йеннифэр?

— Блажен неведающий. — В голосе Филиппы не было насмешки. — Ибо проживет дольше. Благодари Трисс. Это было мягкое заклинание, слепота скоро пройдет. Зато ты не видел того, чего тебе видеть нельзя. Присмотри за ним, Дийкстра. Я сейчас вернусь.

Снова движение. Голоса. Звучное сопрано Кейры Мец, немного гундосый бас Радклиффа. Стук реданских сапожищ. И возбужденный голос Тиссаи де Врие:

— Отпустите ее! Как вы смели? Как вы смели так с ней поступить?

— Это предательница! — Радклифф. С прононсом.

— Ни за что не поверю!

— Кровь — не водица. — Холодно. Филиппа Эйльхарт. — А император Эмгыр обещал эльфам свободу. И собственное независимое государство. Здесь, на этих землях. Разумеется, после того, как будут вырезаны люди. И этого хватило, чтобы она тут же нас предала.

— Ответь! — Тиссая де Врие. Возбужденно. — Ответь ей, Энид!

— Ответь, Франческа!

Звон кандалов из двимерита. И певучий эльфский акцент Франчески Финдабаир, Маргаритки из Долин, самой красивой женщины мира:

— Va vort a me, Dh'oine. N'aen te a dice'n.

— Тебе этого достаточно, Тиссая? — Голос Филиппы словно лай. — Теперь поверишь? Ты, я, все мы есть и всегда были для нее Dh'oine, людьми, которым ей, Aen Seidhe, нечего сказать. А ты, Феркарт? Что тебе пообещали Вильгефорц и Эмгыр, коли ты решился на предательство?

— Иди ты к дьяволу, спятившая проститутка!

Геральт затаил дыхание, но не услышал удара кастетом по челюсти. Филиппа была гораздо сдержаннее Кейры. Или же у нее не было кастета.

— Радклифф, забирай предателей в Гарштанг! Детмольд, подай руку гроссмейстеру де Врие. Идите. Я сейчас присоединюсь.

Шаги. Аромат корицы и нарда.

— Дийкстра?

— Слушаю, Филь.

— Твои подчиненные больше не нужны. Пусть возвращаются в Локсию.

— Я верно понял?

— В Локсию, Дийкстра!

— Слушаюсь, милостивая государыня. — В голосе шпиона прозвучала насмешка. — Лакеи сделали свое дело, лакеи могут уходить. Теперь это уже забота исключительно

одних чародеев. А посему я незамедлительно исчезаю с прекрасных глаз вашего высочества. Благодарности за помощь и соучастие в путче не ожидаю, но уверен, что ваше высочество сохранит меня в своей благодарной памяти.

— Прости, Сигизмунд. Благодарю за помощь.

— Не за что. Было чрезвычайно приятно. Эй, Воймир, собирай людей! Пятеро останутся со мной. Остальных отведи вниз и посади на «Шпагу». Только тихонько, на цыпочках, без шума, без фортелей. Боковыми коридорами. В Локсии и в порту — ни-ни! Выполняй!

— Ты ничего не видел, Геральт, — шепотом сказала Филиппа Эйльхарт, пахнув на ведьмака корицей, нардом и содой. — Ничего не слышал. С Вильгефорцем никогда не беседовал. Сейчас Дийкстра заберет тебя в Локсию. Я постараюсь отыскать тебя там, когда... Когда все кончится. Я кое-что обещала тебе вчера и свое слово сдержу.

— Что с Йеннифэр?

— У него, кажется, заскок. — Дийкстра вернулся, шаркая ногами. — Йеннифэр, Йеннифэр... Йеннифэр — и ничего больше! Оскомину набило. Не обращай на него внимания, Филь. Есть дела поважнее. У Вильгефорца нашли что-нибудь?

— Да. Пожалуйста, это тебе.

— Ого! — Шелест разворачиваемой бумаги. — Ого! Ого! Ого! Прекрасно! Герцог Нитерт. Отлично! Барон...

— Пожалуйста, без имен! И очень тебя прошу: вернувшись в Третогор, не начинай сразу с экзекуций. Не вызывай скандалов прежде времени.

— Не бойся. Парни из этого списка, столь падкие на нильфгаардское золото, в безопасности. Пока. Это будут мои любимейшие марионеточки. Для начала подвяжу им ниточки к ручкам и ножкам. А позже накину шнурочки на шейки... А что, были и другие письма? Предатели из Каэдвена, из Темерии, из Аэдирна? Рад был бы взглянуть на них. Хотя бы одним глазком...

— Знаю, что был бы рад. Но это не моя работа. Те письма добыли Радклифф и Сабрина Глевиссиг, уж эти-то знают, как с ними поступить. А теперь — прощай. Я спешу.

— Филь...

— Слушаю?

— Верни ведьмаку зрение. Чтобы не спотыкался на лестнице.

В бальной зале Аретузы банкет все еще продолжался, но сменил характер на более традиционный и непринужденный. Столы передвинули, чародейки и чародеи натаскали в залу где-то раздобытые стулья, кресла и табуретки, расселись и предались разнообразным увеселениям, большинство которых не отличалось особой тактичностью. Многочисленная группа, окружив большущий бочонок первача, болтала и время от времени разражалась безудержным смехом. Те, кто еще совсем недавно деликатно покалывал изысканные закуски серебряными вилками, теперь бесцеремонно обгладывали бараньи ребрышки, ухватив их обеими руками. Несколько магиков резались в карты, наплевав на окружающих, многие спали. В углу какая-то парочка бурно целовалась, и азарт, с которым это делалось, указывал на то, что поцелуями дело не ограничится.

— Ты только взгляни на них, ведьмак, — перегнулся Дийкстра через поручень галереи, рассматривая чародеев сверху. — Как они самозабвенно веселятся. А тем временем их Совет скрутил чуть ли не весь Капитул и судит за измену и кумовство с Нильфгаардом. Глянь на эту парочку. Сейчас они кинутся искать укромный уголок и еще не успеют натрахаться вдосыть, как Вильгефорц будет висеть. Нет, удивителен все-таки этот мир...

— Заткнись, Дийкстра.

Дорога, ведущая в Локсию, вгрызалась зигзагом ступеней в склон горы. Ступени соединяли террасы, украшенные запущенными теперь живыми изгородями, клумбами и увядшими агавами в горшках. На одной из террас Дийкстра остановился, подошел к стене, к ряду каменных химерьих голов, из пастей которых сочилась вода. Наклонился и долго пил.

Ведьмак подошел к балюстраде. Море искрилось золотом, небо выглядело еще более кичовым, чем на картинах в

Галерее Славы. Внизу виднелся отряд отосланных из Аретузы реданцев, строем направляющихся в порт. Сейчас они как раз переходили мостик, стягивающий берега каменного ущелья.

Неожиданно внимание Геральта привлекла одинокая яркая фигура, бросавшаяся в глаза потому, что она быстро двигалась в сторону, противоположную реданцам. В Аретузу.

— Ну, — кашлянув, поторопил его Дийкстра. — Пора в путь-дорогу...

— Если тебе невтерпеж, можешь идти один.

— Как же, — поморщился шпион. — А ты вернешься наверх спасать свою ненаглядную Йеннифэр. И набезобразничаешь не хуже перепившего гнома. Пошли в Локсию, ведьмак. Или у тебя галлюцинации, или еще что-то в том же роде? Ты думаешь, я вытащил тебя из Аретузы из чувства долго скрываемой любви? Как бы не так. Я вытащил тебя потому, что ты мне нужен.

— Зачем?

— Прикидываешься? В Аретузе учатся двенадцать девиц из самых знатных семей Редании. Я не могу конфликтовать с глубокоуважаемой ректоршей Маргаритой Ло-Антиль. Ректорша не выдаст мне Цириллу, княжну Цинтры, которую Йеннифэр привезла на Танедд. А тебе выдаст. Если попросишь.

— Откуда такое смехотворное предположение, что я попрошу?

— Из смехотворного предположения, что ты захочешь обеспечить Цирилле безопасность. Под моим присмотром, под опекой короля Визимира она будет в безопасности. В Третогоре. На Танедде этого нет и не будет. Воздержись от ехидных замечаний. Да, я знаю, вначале планы королей относительно девочки не отличались особым вкусом. Но все изменилось. Сейчас стало ясно, что живая, здоровая и находящаяся в безопасности Цирилла может сыграть в надвигающейся бойне роль гораздо более существенную, нежели десять полков тяжелой конницы. Мертвая же она и гроша ломаного не стоит.

— Филиппа Эйльхарт знает о твоих планах?

— Нет. Она не знает даже, что мне известно о том, что девочка находится в Локсии. Моя некогда столь обожаемая Филь высоко задирает нос, но пока еще в Реданию правит король Визимир. Я выполняю приказы Визимира, интриги чародеев меня мало волнуют. Цири сядет на «Шпагу» и отправится в Новиград, а оттуда — в Третогор. И будет в безопасности. Ты мне веришь?

Ведьмак наклонился к одной из химер, отпил воды, льющейся из чудовищной пасти.

— Веришь? — повторил Дийкстра, стоя над ним.

Геральт выпрямился, вытер губы и изо всей силы двинул его по щеке. Шпион покачнулся, но не упал. Ближайший из реданцев подскочил и хотел схватить ведьмака, но схватил воздух и тут же сел, выплевывая кровь и зуб. На Геральта сразу накинулись остальные, возникла толкучка, беспорядок, хаос и сутолока. А как раз это-то ведьмаку и было надо.

Один реданец с грохотом врезался в каменную морду химеры. Струящаяся из пасти вода мгновенно стала красной. Другой получил костяшками кулака по кадыку, согнулся, словно у него вырвали гениталии. Третий, отхватив локтем в глаз, со стоном отскочил. Дийкстра облапал ведьмака медвежьей хваткой, Геральт сильно ударил его каблуком по ступне, шпион взвыл и смешно заплясал на одной ноге.

Очередной бандюга хотел рубануть ведьмака кордом, но только рассек воздух. Геральт схватил его одной рукой за локоть, другой — за запястье, завертел, повалив на землю двух других, пытавшихся встать. Бандюга был силен и не подумал выпустить из рук корд. Геральт нажал сильнее и с хрустом сломал ему руку.

Дийкстра, продолжая прыгать на одной ноге, поднял с земли корсеку и собирался пригвоздить ведьмака к стене трехзубым острием. Геральт уклонился, схватил древко обеими руками и использовал хорошо знакомый ученым принцип рычага. Шпион, видя растущие на глазах кирпичи и щели стены, отпустил корсеку, но было поздно: избежать удара промежностью по истекающей водой морде химеры ему не удалось.

Геральт воспользовался корсекой, чтобы свалить с ног очередного убийцу, потом уперся древком в пол и ударом сапога переломил его, сократив до размеров меча. Для начала испытал палку, хлобыстнув по шее Дийкстру, все еще сидящего верхом на химерьей голове, и тут же утихомирил дылду со сломанной рукой. Швы дублета давно разошлись под обеими подмышками, и ведьмак чувствовал себя гораздо свободнее.

Последний, еще державшийся на ногах парень тоже налетел на ведьмака с корсекой, думая, что ее длина дает ему преимущество. Геральт ударил его по переносице. Парень с разгона уселся на горшок с агавой. Другой реданец, слишком уж упрямый, вцепился зубами в ляжку ведьмаку и больно укусил. Ведьмак разозлился не на шутку и сильным пинком лишил грызуна возможности грызть вообще что-либо и когда-либо.

На ступени вбежал запыхавшийся Лютик, увидел, что творится, и побледнел как бумага.

— Геральт! — завопил он спустя секунду. — Цири исчезла! Нету ее.

— Так я и думал. — Ведьмак наградил палкой очередного реданца, не желавшего лежать спокойно. — Заставляешь себя ждать, Лютик. Я тебе еще вчера сказал: если что-то случится — мчись со всех ног в Аретузу. Меч принес?

— Оба!

— Второй — Цирин, идиот. — Геральт походя треснул детину, пытавшегося выбраться из горшка с агавой.

— Я в мечах не разбираюсь, — просипел поэт. — Слушай, да перестань ты их лупцевать! Не видишь реданских орлов, что ли? Они — люди короля Визимира! Твои действия означают бунт и измену, за это можно угодить в узилище...

— На эшафот, — с трудом ворочая языком, проговорил Дийкстра, выхватывая кинжал и приближаясь нетвердыми шагами. — Оба пойдете на эшафот...

Больше он ничего сказать не успел, потому что упал на четвереньки, получив в висок обломком древка корсеки.

— Колесование, — угрюмо оценил Лютик. — А предварительно — раскаленные клещи...

Ведьмак пнул шпиона по ребрам. Дийкстра перевернулся на бок, как прибитый лось.

— Четвертование, — вынес приговор поэт.

— Прекрати, Лютик. Давай сюда оба меча. И уматывай, да побыстрее. Беги с острова. Беги как можно дальше!

— А ты?

— Возвращаюсь наверх. Надо спасать Цири... и Йеннифэр. Дийкстра, лежи смирненько и оставь в покое кинжал!

— Это тебе даром не пройдет, — выдохнул шпион. — Я приведу своих. Я пойду за тобой...

— Не пойдешь.

— Пойду. У меня на борту «Шпаги» пятьдесят человек...

— А цирюльника среди них нет?

— Чево-о-о?!

Геральт зашел шпику за спину, наклонился, схватил его за ногу, дернул, резко и очень сильно крутанул. Хрустнуло. Дийкстра взвыл и потерял сознание. Лютик вскрикнул так, словно это был его собственный сустав.

— То, что с моими останками сделают после четвертования, — буркнул ведьмак, — меня уже мало волнует.

В Аретузе стояла тишина. В Бальной Зале остались одни слабаки, которым уже недоставало сил шуметь. Геральт не стал туда заходить, не хотел, чтобы его видели.

Не без труда отыскал комнату, в которой провел ночь с Йеннифэр. Коридоры дворца составляли самый настоящий лабиринт и все выглядели одинаково.

Тряпичная куколка глядела на него глазками-пуговками.

Он присел на кровать, крепко обхватил голову руками. На полу крови не было. Но на спинке стула висело черное платье. Йеннифэр переоделась. В мужскую одежду, униформу заговорщиков?

Либо ее вытащили в исподнем. В кандалах из двимерита?

В оконной нише сидела Марти Содергрен, целительница. Услышав шаги, подняла голову. Щеки у нее были мокрыми от слез.

— Хён Гедымгейт скончался, — сказала она ломким голосом. — Сердце. Я ничего не могла сделать... Почему меня вызвали так поздно? Сабрина ударила меня. По лицу. Почему? Что случилось?

— Ты Йеннифэр видела?

— Нет. Оставь меня. Я хочу побыть одна.

— Покажи мне кратчайший путь в Гарштанг. Пожалуйста.

Выше Аретузы были три зарешеченные террасы, дальше склон горы становился обрывистым и недоступным. Над обрывом возносился Гарштанг. У основания дворец был темным, гладким, прилепившимся к скалам каменным блоком. Лишь самый высокий уровень поблескивал мрамором и витражами окон, да золотилась на солнце облицовка куполов.

Мощенная булыжником дорога, ведущая в Гарштанг и дальше на вершину, змеей обвивала гору. Однако была еще одна дорога, более короткая, — лестницы, соединяющие террасы, под самым Гарштангом уходящие в черную пасть туннеля. Именно на них указала ведьмаку Марти Содергрен.

Туннель оканчивался мостом, связывающим края пропасти. За мостом лестница шла круто вверх и сворачивала, скрываясь за каменным изломом. Ведьмак пошел быстрее.

Перила лестницы украшали фигурки фавнов и нимф. Фигурки словно шевелились и казались живыми. Медальон ведьмака начал сильно дрожать.

Геральт протер глаза. Кажущееся движение фигурок объяснялось тем, что камень, из которого они были вытесаны, со временем местами выветрился, был изъеден морской солью и стал пористым. К тому же, когда он проходил мимо, его глазам являлись другие участки камня.

Маскирующая Танедд иллюзия колебалась, исчезала. Мостик тоже частично был иллюзорным. Сквозь дырявый как решето камуфляж проглядывала пропасть и грохочущий на дне водопад.

Здесь не было темных плит, указывающих безопасный путь. Геральт перешел мостик медленно, проверяя каждый шаг, проклиная в душе потерю времени. Оказавшись по дру-

гую сторону пропасти, он услышал шаги человека и узнал его сразу.

Сверху по лестнице сбегал Доррегарай, чародей, состоящий на службе у короля Этайна из Цидариса. Геральт помнил слова Филиппы Эйльхарт. Чародеев — представителей нейтральных королей пригласили в Гарштанг в качестве наблюдателей. Но Доррегарай мчался по лестнице с такой скоростью, что было ясно: приглашение внезапно отменили.

— Доррегарай!

— Геральт? — засопел чародей. — Ты что тут делаешь? Не стой, беги! Быстрее вниз, в Аретузу!

— Что случилось?

— Предательство.

— Что?!

Доррегарай неожиданно вздрогнул, как-то странно кашлянул, сразу же наклонился и упал прямо на ведьмака. Прежде чем Геральт успел подхватить его, он заметил стержень серо-перистой стрелы, торчащей у чародея из спины. Схватив чародея, он покачнулся, и это спасло ему жизнь, потому что вторая такая же стрела, вместо того чтобы пробить ему горло, ударила в слащаво ухмыляющуюся физиономию каменного фавна, отколов тому нос и часть щеки. Ведьмак отпустил Доррегарая и спрятался за балюстрадой лестницы. Чародей повалился на него.

Стрелков было двое. Их шапки украшали беличьи хвосты. Один остался наверху лестницы, натянув тетиву лука, второй выхватил из ножен меч и помчался вниз, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. Геральт скинул с себя Доррегарая, вскочил, вытащил меч. Запела стрела, ведьмак прервал ее пение, отразив наконечник быстрым ударом клинка. Второй эльф был уже близко, но, увидев отбитую стрелу, на мгновение остановился. Только на мгновение — и тут же кинулся на ведьмака, замахнувшись мечом. Геральт парировал удар быстро, коротко, укосом, так, чтобы клинок эльфа скользнул по клинку его меча. Эльф потерял равновесие, ведьмак медленно развернулся и рубанул его по шее, под ухо. Только один раз. Этого было достаточно.

Стрелок на верхней ступени лестницы снова натянул лук, но тетиву отпустить не успел. Что-то сверкнуло, эльф крикнул, раскинул руки, плашмя повалился на лестницу, а огненная молния с шипением пролетела над ним, обратив в пыль фигурку фавна.

— Прекрати! — крикнул Геральт. — Это я, ведьмак!

— Черт побери, — выдохнул подбежавший чародей. Геральт не видел его на банкете. — Я принял тебя за одного из эльфьих бандюг... Что с Доррегараем? Жив?

— Кажется, да...

— Быстрее. На ту сторону моста.

Они перетащили Доррегарая, к счастью, удачно, потому что в спешке не обращали внимания на раскачивающуюся и исчезающую иллюзию. Никто за ними не гнался, несмотря на это, чародей вытянул руку, проговорил заклинание, и очередная молния развалила мост. По стенам пропасти загрохотали камни.

— Это должно их задержать, — проговорил он.

Ведьмак отер струйку крови, текущую изо рта Доррегарая.

— У него пробито легкое. Помочь сможешь?

— Я могу, — сказала Марти Содергрен, с трудом взбираясь по лестнице со стороны Аретузы, от туннеля. — Что тут происходит, Кардуин? Кто его подстрелил?

— Скоя'таэль. — Чародей отер лоб рукавом. — В Гарштанге продолжается бой. Треклятая банда, одни лучше других! Филиппа ночью заковывает в кандалы Вильгефорца, Вильгефорц и Франческа Финдабаир вызывают на остров белок! А Тиссая де Врие... Дьяволыцина, эта натворила дел!

— Говори понятнее, Кардуин!

— Не до болтовни сейчас! Я бегу в Локсию, оттуда немедленно телепортируюсь в Ковир. А эти тут, в Гарштанге, пусть перебьют друг дружку! Все это уже потеряло всякий смысл! Война! Здешнюю драчку затеяла Филиппа, чтобы дать королям повод начать войну с Нильфгаардом! Мэва из Лирин и Демавенд из Аэдирна спровоцировали Нильфгаард! Вы это понимаете?

— Нет, — сказал Геральт. — И не хотим понимать. Где Йеннифэр?

— Прекратите! — крикнула Марти Содергрен, наклонившись над Доррегараем. — Помогите мне! Поддержите его. Я не могу вытащить стрелу.

Они помогли. Доррегарай стонал и дергался, ступени лестницы тоже дрожали. Геральт вначале думал, что это результат магических заклинаний целительницы, но это был Гарштанг. Неожиданно разлетелись витражи, в окнах дворца замерцал огонь, заклубился дым.

— Продолжают драться, — скрежетнул зубами Кардуин. — Там все кипит, заклинание на заклинании...

— Заклинания? В Гарштанге? Там же антимагическая аура!

— Тиссаина работа! Она наконец выбрала, на чью сторону встать. Сняла блокаду, рассеяла ауру и нейтрализовала двимерит. Тогда все кинулись друг на друга. Вильгефорц и Терранова с одной стороны, Филиппа и Сабрина — с другой... Треснули колонны и обвалился потолок... А Франческа отворила входы в подземелья, оттуда вдруг выскочили эти чертовы эльфы... Мы кричали им, что мы нейтральны, но Вильгефорц только рассмеялся. Не успели мы организовать заслон, как Дрителем получил стрелу в глаз, Рейеана превратили в утыканного стрелами ежа... Дальше я ждать не стал. Марти, долго еще? Надо сматываться.

— Доррегарай не сможет идти. — Целительница отерла окровавленные руки о белое бальное платье. — Телепортируй нас, Кардуин.

— Отсюда? Да ты, никак, спятила. Слишком близко Тор Лара. Портал Лара эмитирует и искривит любую телепортировку. Отсюда нельзя телепортироваться!

— Он не может идти! Я должна остаться с ним...

— Так оставайся, — встал Кардуин. — И ликуй! Мне моя жизнь дороже! Я возвращаюсь в Ковир. Ковир — нейтрален!

— Блеск! — Ведьмак плюнул вслед исчезающему в туннеле чародею. — Дружба и солидарность! Но и я не могу с тобой остаться, Марти. Я должен идти в Гарштанг. Твой нейтральный собрат развалил мост. Другая дорога есть?

Марти Содергрен шмыгнула носом. Потом подняла голову и утвердительно кивнула.

* * *

Он был уже у стены Гарштанга, когда на голову ему свалилась Кейра Мец.

Указанная целительницей дорога вела через висячие сады, соединенные серпантинами лестниц. Лестницы густо заросли плющом и душистой жимолостью. Растения усложняли подъем, зато давали укрытие. Геральту удалось незамеченным пробраться к самой стене дворца. Кейра свалилась на него в тот момент, когда он искал вход. Оба упали в кусты терновника.

— Я выбила себе зуб, — угрюмо заметила чародейка, слегка шепелявя. Она была взъерошена, растрепана, грязна, измазана штукатуркой и сажей, на щеке сиял кровоподтек. — И, кажется, сломала ногу, — добавила она, отплевываясь кровью. — Это ты, ведьмак, что ли? Я свалилась на тебя? Каким чудом?

— Вот и я тоже спрашиваю.

— Меня выкинул в окно Терранова.

— Встать можешь?

— Нет.

— Я хочу пробраться внутрь. Незаметно. Как?

— Слушай, — Кейра снова сплюнула, застонала, пытаясь приподняться на локте, — а что, все ведьмаки такие психи? В Гарштанге идет бой! Там творится такое, что аж штукатурка сыплется со стен. Тебе обязательно надо набить себе шишки? Без них ты не можешь?

— Нет. Я ищу Йеннифэр.

— Ха! — Кейра отказалась от попыток привстать. Легла. — Хотелось бы, чтобы и меня хоть кто-нибудь так любил. Возьми меня на руки.

— Может, в другой раз. Я маленько тороплюсь.

— Возьми меня на руки, говорю! Покажу дорогу в Гарштанг. Мне необходимо добраться до этой суки Терранновы. Ну чего ждешь? Сам ты входа не найдешь, а если и найдешь, тебя тут же пришьют подлецы эльфы... Я не могу идти, но еще в состоянии бросить парочку заклинаний. Тот, кто встанет у нас на пути, пожалеет.

Она охнула, когда он ее поднимал.

— Прости.

— Пустое. — Она обхватила руками его шею. — Нога, понимаешь. А от тебя все еще несет духами. Нет, не сюда. Вернись и иди наверх. Есть другой вход, со стороны Тор Лара. Может, там нет эльфов... О-о-о! Осторожнее, черт...

— Прости. Откуда тут взялись скоя'таэли?

— Ждали в подземельях. Танедд пуст как выеденное яйцо, там есть огромная каверна, туда можно заплыть на корабле, если знать откуда. Кто-то им выдал... О-ой! Осторожнее. Не тряси так!

— Прости. Значит, белки приплыли морем? Когда?

— Черт их знает когда. Может, вчера, может, неделю назад. Мы охотились на Вильгефорца, а Вильгефорц — на нас. Вильгефорц. Франческа. Терранова и Феркарт... Здорово они нас уделали... Филиппа-то думала, что они собирались постепенно перехватить власть в Капитуле, чтобы влиять на королей... А они, оказывается, надумали прикончить нас во время Большого Сбора... Геральт, мне не выдержать... Нога... Положи меня на минутку... Ау-у-у-у...

— Кейра, у тебя открытый перелом. Кровь течет через голенище.

— Заткнись и слушай. Речь о твоей Йеннифэр. Мы вошли в Гарштанг, в зал совещаний. Там — антимагическая блокада, но она на двимерит не действует, мы чувствовали себя в безопасности. Началась склока, ругань. Тиссая и нейтралы кричали на нас, мы орали на них. А Вильгефорц молчал и усмехался...

— Повторяю: Вильгефорц — предатель! Он стакнулся с Эмгыром из Нильфгаарда, втянул в заговор других. Предал Орден. Изменил нам и королям...

— Помаленьку, Филиппа. Я знаю, благосклонность Визимира тебе важнее солидарности Братства. То же относится и к тебе, Сабрина, ибо такую же роль ты играешь при дворе в Каэдвене. Кейра Мец и Трисс Меригольд представляют интересы Фольтеста из Темерии, Радклифф — орудие Демавенда Аэдирнского...

— Какое это имеет отношение, Тиссая, к...

— Интересы королей не обязательно должны совпадать с нашими. Я точно знаю, в чем дело. Короли начали истреблять эльфов и других нелюдей. Может быть, ты, Филиппа, считаешь это справедливым. Может быть, ты, Радклифф, считаешь правильным помогать армии Демавенда устраивать облавы на скоя'таэлей? Но я-то против! И не удивлюсь, если Энид Финдабаир против. Однако это еще не предательство. Не прерывай! Я прекрасно знаю, что удумали ваши короли, знаю, что они хотят развязать войну. Действия, которые направлены на то, чтобы помешать этой войне, возможно, и являются изменой в глазах твоего Визимира, но в моих — нет. Ежели ты хочешь судить Вильгефорца и Франческу, суди и меня тоже!

— О какой войне тут шумят? Мой король, Эстерад из Ковира, не поддержит агрессивных действий против империи Нильфгаард! Ковир есть и будет нейтральным!

— Ты — член Совета, Кардуин, а не посол своего короля!

— И кто это говорит? Сабрина!

— Довольно! — хлопнула ладонью по столу Филиппа. — Я удовлетворю твое любопытство, Кардуин. Тебя интересует, кто готовит войну? Ее готовит Нильфгаард, который намерен напасть на нас и уничтожить. Но Эмгыр вар Эмрейс не забыл Содденский Холм и на этот раз решил оградить себя, выключив чародеев из игры. Для этого он установил контакт с Вильгефорцем из Роггевеена. Купил его, пообещав власть и почести. Да, Тиссая, Вильгефорцу, герою Соддена, светило стать наместником и хозяином всех завоеванных стран Севера. Именно Вильгефорц при поддержке Терранова и Феркарта должен был бы управлять провинциями, которые будут созданы на месте захваченных королевств, именно ему досталась бы честь хлестать бичом спины заселяющих эти страны невольников, вкалывающих, прости за грубое слово, на Империю. А Франческа Финдабаир, Энид ан Глеанна, надеялась стать королевой государства Свободных Эльфов. Конечно, под нильфгаардским протекторатом, но эльфов это устроило бы, если только император Эмгыр позволит им уничтожать людей. А эльфам не надо ничего больше, как только истреблять Dh'oine.

— Тяжкое обвинение. Поэтому и доказательства должны быть столь же весомыми. Но прежде чем ты, Филиппа, положишь на чашу весов свои доказательства, тебе следует знать мою позицию. Доказательства можно сфабриковать, действия и их мотивы можно интерпретировать. Но существующих фактов не изменит ничто. Ты разрушила единство и солидарность Братства, Филиппа Эйльхарт. Ты заковала членов Капитула в кандалы, словно бандитов. Поэтому не смей предлагать мне место в новом Капитуле, который намеревается сколотить продавшаяся королям шайка путчистов. Между нами — смерть и кровь. Смерть Хена Гедымгейта. И кровь Лидии ван Бредевоорт. Эту кровь ты пролила с презрением. Ты была моей лучшей ученицей, Филиппа Эйльхарт. Я всегда гордилась тобой. Но теперь я тебя презираю.

Кейра Мец была бледной как пергамент.

— С некоторого времени, — шепнула она, — в Гарштанге вроде бы стало потише. Кончается... Гоняют по дворцу. Там пять этажей. Семьдесят шесть комнат и залов. Есть где побегать...

— Я спросил об Йеннифэр. Поспеши. Боюсь, ты потеряешь сознание.

— Йеннифэр? Ах да... Все шло по нашей задумке, когда неожиданно появилась Йеннифэр. И привела в зал медиума...

— Кого?

— Девочку. Лет, пожалуй, четырнадцати. Пепельные волосы, огромные зеленые глаза... Не успели мы ее толком рассмотреть, как она начала вещать. Рассказала о событиях в Доль Ангре. Никто не сомневался, что она говорит правду. Она была в трансе, а в трансе не лгут.

— Вчера ночью, — проговорила девочка, — войска со знаками Лиры и штандартами Аэдирна напали на империю Нильфгаард. Штурмовали Глевициген, пограничный форт в Доль Ангре. Герольды от имени короля Демавенда огласили по окрестным деревням, что с сего дня Аэдирн при-

нимает на себя власть над всей страной. Население призвали к вооруженному восстанию против Нильфгаарда...

— Невероятно! Чудовищная провокация!

— Гладко у тебя это получается, Филиппа Эйльхарт, — спокойно сказала Тиссая де Врие. — Не обольщайся, твои всхлипывания не прервут транса. Продолжай, дитя мое...

— Император Эмгыр вар Эмрейс отдал приказ ответить ударом на удар. Нильфгаардские войска сегодня на рассвете вошли в Лирию и Аэдирн.

— Вот так, — усмехнулась Тиссая, — ваши короли доказали, какие они разумные, просвещенные, прогрессивные и миролюбивые владыки. А некоторые из чародеев показали, чьему делу в действительности служат. Тех, кто мог бы противодействовать агрессивной войне, предусмотрительно заковали в двимерит и против них выдвинули нелепые обвинения...

— Все это отъявленная ложь!

— Да идите вы все в жопу! — неожиданно взорвалась Сабрина Глевиссиг. — Филиппа! Что все это значит? Что означает драчка в Доль Ангре? Разве мы не договорились не начинать раньше времени? Почему трахнутый Демавенд не сдержался? Почему потаскуха Мэва...

— Замолкни, Сабрина!

— Нет, нет, пусть говорит, — подняла голову Тиссая де Врие. — Пусть расскажет о концентрации на границе армии Хенсельта из Каэдвена. Пусть расскажет о войсках Фольтеста из Темерии, которые скорее всего уже спускают на воду лодки, укрытые до той поры в зарослях над Яругой. Пусть скажет об экспедиционном корпусе под командованием Визимира из Редании, стоящем на берегах Понтара. Или ты думала, Филиппа, мы слепы и глухи?

— Все это чудовищная провокация! Король Визимир...

— Король Визимир, — прервала бесстрастным голосом пепельноволосая девочка, — убит вчера ночью. Убит кинжалом. В Редании больше нет короля.

— В Редании уже давно не было короля. — Тиссая де Врие встала. — В Редании правила всемилостивейшая государыня Филиппа Эйльхарт, достойная воспреемница Раф-

фара Белого. Готовая ради власти пожертвовать тысячами жизней.

— Не слушайте ее! — взвизгнула Филиппа. — Не слушайте эту девчонку! Она — орудие, бездумное орудие... Кому ты служишь, Йеннифэр? Кто приказал тебе привести сюда это чудовище?

— Я, — сказала Тиссая де Врие.

— Что дальше? Что сталось с девочкой? С Йеннифэр?

— Не знаю. — Кейра закрыла глаза. — Тиссая вдруг сняла блокаду. Одним заклинанием. В жизни не видела ничего подобного... Одурманила нас и заблокировала, потом освободила Вильгефорца и других. А Франческа отворила входы в подземелья, и в Гарштанге сразу стало полным-полно скоя'таэлей. Ими командовал тип в латах и крылатом нильфгаардском шлеме. В этом ему помогал субъект с меткой на лице. Этот умел выкрикивать заклинания. И прикрываться магией...

— Риенс.

— Возможно, не знаю. Было горячо... Рухнул потолок. Заклинания и стрелы... Бойня... У них убит Феркарт, у нас — Дрительм, Радклифф, Марквар, Рейеан и Бианка д'Эст... Контужена Трисс Меригольд, ранена Сабрина... Увидев трупы, Тиссая спохватилась, пыталась нас защищать, уговаривала Вильгефорца и Терранову... Вильгефорц отругал ее и поднял на смех. Тогда она убежала. Ох, Тиссая... Столько трупов...

— Что с девочкой и Йеннифэр?

— Не знаю. — Чародейка зашлась кашлем, сплюнула кровью. Дыхание было поверхностным и явно затрудненным. — После какого-то очередного взрыва я на мгновение потеряла сознание. Тот тип с меткой и его эльфы парализовали меня. Терранова сначала ударил меня ногой, а потом выкинул в окно.

— У тебя не только нога, Кейра. Сломаны ребра.

— Не бросай меня.

— Вынужден. Я за тобой вернусь.

— Как же...

* * *

Вначале был только мерцающий хаос, мигание теней, мешанина тьмы и света, хор неразборчивых, доносящихся из пучины голосов. Неожиданно голоса набрали силы, поднялся крик и гул. Свет превратился в огонь, пожирающий гобелены и ковры, обернулся снопами искр, брызнувшими, казалось, со стен, с балюстрад и с колонн, поддерживающих свод.

Цири задохнулась дымом и поняла, что это уже не сон. Попыталась встать, опираясь на руки. Наткнулась ладонью на влагу, взглянула вниз. Она стояла на коленях в луже крови. Тут же лежало неподвижное тело эльфа.

— Встань.

Рядом стояла Йеннифэр, держа в руке кинжал.

— Госпожа Йеннифэр... где мы? Я ничего не помню...

Чародейка быстро схватила ее за руку.

— Я с тобой, Цири.

— Где мы? Почему все горит? Кто этот... ну мертвец?

— Когда-то, столетия назад, я сказала тебе, что Хаос протягивает к тебе руки. Помнишь? Нет, вероятно, не помнишь. Этот эльф протянул к тебе руку. Пришлось убить его, потому что его хозяева только того и ждали, чтобы одна из нас выдала себя, воспользовавшись магией. И они дождутся, но не сейчас... Ты уже пришла в себя?

— Эти чародеи... — шепнула Цири. — В большой зале... Что я им говорила? И почему говорила? Я вовсе не хотела... Но вынуждена была говорить! Почему? Зачем, госпожа Йеннифэр?

— Тише, утенок. Я совершила ошибку. Идеальных людей не бывает.

Снизу донесся гул и ужасающий крик.

— Пошли. Быстрее. У нас нет времени.

Они побежали по коридору. Дым густел, душил, давил, слепил. Стены дрожали от взрывов.

— Цири. — Йеннифэр остановилась на перекрестье коридоров, сильнее сжала руку девочки. — Теперь послушай меня внимательно. Я должна здесь остаться. Видишь лестницу? Спустишься по ней...

— Нет! Не оставляй меня одну!

— Вынуждена. Повторяю: спустишься по этой лестнице. На самый низ. Там будут двери, за ними длинный коридор. В конце коридора конюшня, в ней стоит оседланный конь. Один. Только один. Выведешь его и сядешь. Это обученный конь, он служит гонцам, ездящим в Локсию. Знает дорогу, достаточно его подстегнуть. Когда будешь в Локсии, отыщешь Маргариту и отдашься под ее защиту. Не отходи от нее ни на шаг.

— Госпожа Йеннифэр! Нет! Я не хочу оставаться одна!

— Цири, — тихо сказала чародейка. — Когда-то я уже сказала тебе, что все, что я делаю, делается ради твоего блага. Поверь мне. Пожалуйста, поверь. Беги.

Цири уже была на лестнице, когда снова услышала голос Йеннифэр. Чародейка стояла около колонны, упершись в нее лбом.

— Я люблю тебя, доченька, — еле слышно шепнула она. — Беги.

Ее окружили на середине лестницы. Снизу два эльфа с беличьими хвостами на шапках, сверху человек в черной одежде. Цири не раздумывая перескочила через поручни и бросилась в боковой коридор. Они последовали за ней. Она была быстрее и запросто убежала бы, если б коридор не оканчивался оконным проемом.

Она выглянула. Вдоль стены шел каменный выступ шириной не больше двух ладоней. Цири перебросила ноги через подоконник и вышла. Отодвинулась от окна, прижалась спиной к стене. Вдалеке блестело море.

Из окна высунулся эльф. У него были светлые волосы и зеленые глаза, на шее — шелковый платок. Цири быстро отодвинулась, перемещаясь к другому окну. Но в него выглянул человек в черной одежде. У этого глаза были темные и отвратные, на щеке красовалось пятно.

— Ну вот и конец, девка!

Она глянула вниз. Под собой, очень далеко, увидела двор. А над двором, в каких-нибудь десяти футах ниже выступа, на котором она стояла, был мостик, соединяющий две галерейки. Только дело в том, что это не был мостик. Это

были жалкие остатки мостика. Узкая каменная кладка с остатками разбитых поручней.

— Ну чего ждете? — крикнул человек с пятном. — Вылезайте и хватайте ее!

Светловолосый эльф осторожно поставил ноги на выступ, прижался спиной к стене. Протянул руку. Он был совсем близко.

Цири сглотнула. Каменная кладка, остатки мостика, была не уже балансира в Каэр Морхене, а она десятки раз прыгала на балансир, умела амортизировать прыжок и удерживать равновесие. Но ведьмачий балансир отделяли от земли четыре фута, а под каменным мостиком зияла пропасть настолько глубокая, что плиты двора казались меньше ладони.

Она прыгнула, опустилась, покачнулась, удержала равновесие, ухватилась за остатки поручней. Уверенным шагом достигла галереи. Не могла удержаться, обернулась и показала преследователям согнутую в локте руку, жест, которому ее научил краснолюд Ярпен Зигрин. Человек с отметиной громко выругался.

— Прыгай! — крикнул он светловолосому эльфу, стоящему на выступе. — Прыгай за ней!

— Да ты, никак, рехнулся, Риенс, — холодно сказал эльф. — Прыгай сам, если хочется.

Удача, как водится, недолго сопутствовала ей. Когда она сбежала с галереи и выбралась за стену, в кусты терновника, ее схватили. Схватил ее и сжал чертовски сильно невысокий, полноватый мужчина с припухшим носом и разбитой губой.

— Ну и готово, — прошипел он. — Готово, пташечка!

Цири дернулась и взвыла, потому что руки, сжимавшие ей плечи, причинили дикую, лишающую силы боль. Мужчина захохотал.

— Не трепыхайся, серая пташка, не то подпалю тебе перышки. Ну-ка дай взглянуть на птенчика, столь милого сердцу Эмгыра вар Эмрейса, императора Нильфгаарда. И Вильгефорца тоже.

Цири перестала вырываться. Невысокий мужчина облизнул разбитую губу.

— Интересно, — снова зашипел он, наклоняясь к ней. — Вроде бы такая ценность, а я, понимаешь, не дал бы за тебя и ломаного гроша. Глянь ты, до чего ж обманчива бывает внешность. Ха! Ну-с, сокровище мое! А если б, к примеру, подарочек Эмгыру преподнесет не Вильгефорц, не Риене, не тот модник в шлеме с перьями, а старый Терранова? Как отблагодарит Эмгыр старого Терранову? Что скажешь, пташечка? Ты же мастерица пророчествовать!

Его дыхание смердило невыносимо. Цири отвернулась, скривилась. Он понял ее неверно.

— Не щелкай на меня клювиком, пташечка. Я не боюсь птичек. Или надо бояться? Что скажешь, фальшивая ворожейка? Подставная прорицательница? Должен я бояться пташек?

— Должен, — шепнула Цири, чувствуя головокружение и неожиданно охвативший ее холод.

Терранова засмеялся, откинув голову назад. Смех перешел в вопль боли. Сверху опустилась большая серая сова и впилась ему когтями в глаза. Чародей выпустил Цири, резким движением сбросил с себя сову и тут же рухнул на колени, схватившись за лицо. Меж пальцев хлынула кровь. Цири вскрикнула, попятилась. Терранова отнял от лица окровавленные руки, диким, рвущимся голосом принялся было выкрикивать заклинания, но не успел. За его спиной возникла размытая фигура, ведьмачий клинок просвистел в воздухе и перерубил ему шею под самым затылком.

— Геральт!

— Цири!

— Отложите нежности на потом! — крикнула с каменной стены сова, оборачиваясь темноволосой женщиной. — Уходите! Сюда бегут белки!

Цири высвободилась из рук Геральта, глянула недоуменно. На сидящую на стене женщину-сову было страшно смотреть. Обожженная, обшарпанная, измазанная пеплом и кровью, она выглядела ужасно.

— Ты, маленькое чудовище, — сказала женщина-сова, глядя на нее сверху. — За твое несвоевременное прорицание тебя надо было бы... Но я кое-что обещала твоему ведьмаку, а я всегда держу слово. Я не смогла дать тебе Риенса, Геральт. Взамен даю ее. Живую. Бегите.

Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах был взбешен. Девчонку, которую ему приказали схватить, он видел всего минуту, но не успел ничего предпринять, потому что эти чертовы чародеи распалили в Гарштанге такое пекло, что невозможно было что-либо сделать. Кагыр заплутал в дыме и пожаре, вслепую кружил по коридорам, метаясь по лестницам и галереям, проклиная Вильгефорца, Риенса, себя и весь мир.

От встреченного эльфа он узнал, что девчонку видели за стенами дворца, бегущей по дороге на Аретузу. И тут счастье улыбнулось Кагыру. Скоя'таэли обнаружили в конюшне оседланного коня.

— Беги быстрее, Цири. Они близко. Я задержу, а ты беги. Беги что есть мочи. Как на Мучильне!

— Ты тоже оставляешь меня одну?

— Я — следом. Только не оглядывайся!

— Дай мой меч, Геральт.

Он взглянул на нее. Цири невольно попятилась. Таких глаз у него она не видела никогда.

— Получив меч, ты вынуждена будешь убивать. Сможешь?

— Не знаю. Дай меч.

— Беги. И не оглядывайся.

На дороге зацокали копыта. Цири обернулась. И замерла, парализованная страхом.

Ее догонял черный рыцарь в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы. Крылья шумели, развевался черный плащ, конские подковы выбивали искры из булыжников дороги.

Цири не могла пошевелиться.

Черный конь прорвался сквозь придорожные кусты, рыцарь громко крикнул. В крике этом была Цинтра. Ночь,

смерть, кровь и пожар. Цири переборола обессиливающий страх и бросилась бежать. С разбега перепрыгнула живую изгородь и упала на каменные плиты маленького дворика с бассейном и фонтаном. Отсюда не было выхода, дворик окружали высокие и гладкие стены. Конь захрипел у нее за спиной. Она попятилась, споткнулась и вздрогнула, уткнувшись спиной в твердую и податливую стену. Ловушка.

Хищная птица захлопала крыльями, срываясь в полет. Черный рыцарь рванул коня, перескочил через живую изгородь, отделяющую его от двора. Копыта зазвенели по плитам, конь поскользнулся, проехал, осев на зад. Рыцарь покачнулся в седле, наклонился. Конь вскочил, сбросив рыцаря. Латы загудели о камни. Однако рыцарь тут же поднялся, загородив Цири, втиснувшуюся в угол.

— Ты не прикоснешься ко мне! Никогда не прикоснешься ко мне! — крикнула она голосом, глухим от угрозы, припертая спиной к каменной стене.

— Должен. Я выполняю приказ.

Когда он протянул к ней руку, страх вдруг исчез, его место заняла дикая ярость. Напряженные, застывшие в предплечье мышцы заработали как пружины, все выученные в Каэр Морхене движения исполнились сами собою, гладко и плавно. Цири прыгнула, рыцарь кинулся на нее, но он не был готов к пируэту, с помощью которого она запросто вывернулась за пределы его рук. Меч взвыл и укусил, безошибочно попав между пластинами лат. Рыцарь покачнулся, упал на одно колено, из-под наплечника брызнула светло-красная струйка крови. Яростно вереща, Цири снова обошла его пируэтом, снова ударила, на этот раз прямо в купол шлема, повалив рыцаря на другое колено. Бешенство и злоба совершенно ослепили ее, она не видела ничего, кроме ненавистных крыльев. Посыпались черные перья, одно крыло отлетело, второе упало на окровавленный наплечник. Рыцарь, все еще тщетно пытаясь подняться, попробовал остановить клинок, схватив его железной перчаткой, но ведьмачье острие разрубило кольчугу и поранило руку. После очередного удара упал шлем. Цири отскочила, чтобы набрать инерции для последнего, смертельного удара.

И не ударила.

Не было черного шлема, не было крыльев хищной птицы, шум которых преследовал ее в ночных кошмарах. Больше не было черного рыцаря из Цинтры. Перед ней в луже крови стоял на коленях бледный темноволосый юноша с ничего не понимающими голубыми глазами и губами, искривленными гримасой ужаса. Черный рыцарь из Цинтры пал под ударами ее меча, перестал существовать, от жутких крыльев остались обрубленные перья. Изумленный, сжавшийся, истекающий кровью парнишка был никем. Она никогда раньше не видела его и не знала. Он был ей безразличен. В ней не было ни страха, ни ненависти. И она не хотела убивать.

Она бросила меч на плиты двора.

Повернулась, слыша крики скоя'таэлей, приближающихся со стороны Гарштанга. Поняла, что еще мгновение — и они окружат ее во дворе. Поняла, что нагонят на дороге. Необходимо было опередить их. Она подбежала к вороному коню, перебирающему подковами на плитах двора, криком послала его в галоп, на бегу заскакивая в седло.

— Оставьте меня... — простонал Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах, отталкивая здоровой рукой поднимающих его эльфов. — Ничего не случилось! Пустяковая рана... Ловите ее! Ловите девчонку...

Один из эльфов крикнул, на лицо Кагыра брызнула кровь. Другой скоя'таэль покачнулся, закружился и упал на колени, обеими руками хватаясь за рассеченный живот. Остальные отскочили, рассыпались по дворику, сверкая мечами.

На них напало белоголовое чудовище. Прыгнуло со стены. С высоты, с которой невозможно было спрыгнуть, не сломав ног. Невозможно было опуститься мягко, завертеться в неуловимом глазами пируэте и за долю секунды убить. Но белоголовое чудовище совершило это. И начало убивать.

Скоя'таэли дрались ожесточенно. На их стороне было количественное преимущество. Но шансов не было никаких. На глазах Кагыра, широко раскрытых от ужаса, свершалась бойня. Сероволосая девочка, только что ранившая

его, была быстрой, была невероятно ловкой, была словно кошка, защищающая котят. Но белоголовое чудовище, влетевшее между скоя'таэлями, было зерриканским тигром. Сероволосая девочка из Цинтры, которая по неведомой причине не убила его, казалась сумасшедшей. Белоголовое чудовище не было сумасшедшим. Оно было спокойным и холодным. Оно убивало спокойно и холодно.

У скоя'таэлей не было никаких шансов выжить. Один за другим они замертво валились на плиты двора. Но не отступали. Не убегали, даже оставшись вдвоем, и вновь и вновь нападали на белоголовое чудовище. На глазах Кагыра чудовище одному отрубило руку повыше локтя, другого как бы лишь мимолетно коснулось, однако этот почти незаметный удар отбросил эльфа назад, перекинул через парапет фонтана и повалил в воду. Вода выплеснулась через край бассейна карминной волной.

Эльф с отрубленной рукой стоял на коленях у фонтана, дурными глазами глядя на истекающую кровью культю. Белоголовое чудовище схватило его за волосы и быстрым движением меча перерезало горло. Когда Кагыр открыл глаза, чудовище уже было рядом.

— Не убивай... — прошептал рыцарь, отказавшись от попыток подняться со скользких от крови плит. Рассеченная сероволосой девочкой рука перестала болеть, занемела.

— Я знаю, кто ты, нильфгаардец. — Белоголовое чудовище пнуло шлем с обрубленными перьями. — Ты преследовал ее упорно и долго. Но больше ты не сможешь причинить ей зла.

— Не убивай...

— Почему? Ну, давай, хотя бы один факт в свою пользу! Хотя бы один! И поспеши.

— Это я... — прошептал Кагыр. — Это я вывез ее тогда из Цинтры. Из пожара... Я спас ее. Спас ей жизнь...

Когда Кагыр открыл глаза, чудовища уже не было, а он лежал во дворе один, окруженный трупами эльфов. Вода в фонтане играла, переливаясь через край, размывала кровь на плитах. Кагыр потерял сознание.

* * *

У основания башни пристроилось здание, образующее одну большую залу, вернее, нечто вроде атриума. Сплошь издырявленная крыша над перистилем, вероятно, иллюзорная, опиралась на колонны и пилястры, выполненные в виде скупо одетых кариатид с восхитительными бюстами. Точно такие же кариатиды поддерживали свод портала, в котором скрылась Цири. За порталом Геральт обнаружил лестницу, ведущую наверх, в башню.

Он выругался про себя, не понимая, зачем девочка побежала туда. Следуя за ней по стенам, он видел, как пал ее конь. Видел, как она ловко вскочила на ноги, но вместо того чтобы бежать по обвивающему вершину серпантину, вдруг помчалась наверх, в сторону одинокой башни. Лишь позже он обнаружил на дороге эльфов. Занятые обстрелом бегущих в гору людей, эльфы не видели ни Цири, ни его. Из Аретузы приближалась помощь.

Он собирался последовать за Цири по лестнице, когда услышал шум. Сверху. Он быстро обернулся. Это была не птица.

Вильгефорц, полоща широкими рукавами, влетел сквозь дыру в потолке и медленно опустился на пол.

Геральт встал у входа в башню, вытянул меч и вздохнул. Он искренне надеялся, что драматическая финальная битва разыграется между Вильгефорцем и Филиппой Эйльхарт. Участвовать в таком представлении у него не было ни малейшего желания.

Вильгефорц отряхнул камзол, поправил манжеты, взглянул на ведьмака, прочел его мысли и вздохнул:

— Идиотский трагифарс.

Геральт не отозвался.

— Она вошла в башню?

Ведьмак не ответил. Чародей покачал головой.

— Вот тебе и эпилог. Конец венчает дело. А может, Предназначение? Знаешь, куда ведет эта лестница? В Тор Лара. В Башню Чайки. Оттуда нет выхода. Все кончено.

Геральт отступил так, чтобы его фланги были защищены поддерживающими портал кариатидами.

— Разумеется, — процедил он сквозь зубы, наблюдая за руками чародея. — Все кончено. Половина твоих сообщников перебита. Трупы стянутых на Танедд эльфов валяются до самого Гарштанга. Остальные сбежали. Из Аретузы приближаются чародеи и люди Дийкстры. Нильфгаардец, который должен был схватить Цири, вероятно, уже истек кровью. А Цири там, в башне. Говоришь, оттуда нет выхода? Рад слышать. Значит, туда есть только один вход. Тот, который загораживаю я.

Вильгефорц засопел.

— Ты неисправим. По-прежнему не умеешь правильно оценить обстановку. Капитул и Совет больше не существуют; армии императора Эмгыра идут на север; лишившиеся советов и помощи чародеев короли беспомощны как дети. Под напором Нильфгаарда их королевства рухнут как песочные замки. Я предлагал тебе вчера и повторяю сегодня: присоединись к победителям. Наплюй на проигравших.

— Проиграл — ты. Для Эмгыра ты был всего лишь орудием. Ему нужна была Цири. Вот он и прислал этого юнца с крыльями на шлеме. Интересно б знать, как Эмгыр поступит с тобой, когда ему сообщат о провале твоей миссии.

— Стреляешь вслепую, ведьмак. И, естественно, мажешь. А если я тебе скажу, что не я Эмгырово орудие, а Эмгыр — мое?

— Не поверю.

— Будь рассудителен. Неужто ты действительно собираешься устроить театр, банальную сцену борьбы Добра и Зла? Повторяю вчерашнее предложение. Еще не поздно. Ты еще можешь выбирать, встать на соответствующую сторону...

— На ту, которую я сегодня немного... проредил?

— Не смейся, твои демонические ухмылки на меня не действуют. Несколько обезглавленных эльфов? Артауд Терранова? Мелочь, ничего не значащие фактики. Можно о них забыть.

— Конечно. Твой взгляд на мир мне известен. Смерть не имеет значения, верно? Тем более — чужая?

— Не будь банальным. Мне жаль Артауда, но что поделаешь? Назовем это... взаиморасчетами. В конце концов, я

дважды пытался тебя прикончить. Эмгыр торопил, поэтому пришлось напустить на тебя убийц. Всякий раз я делал это с искренним нежеланием. Я, понимаешь ли, не теряю надежды, что когда-нибудь нас изобразят на одном полотне.

— Отбрось надежду, Вильгефорц.

— Убери меч. Войдем вместе в Тор Лара. Успокоим Дитя Старшей Крови, которая где-то там, наверно, умирает от страха. И уйдем отсюда. Вместе. Ты будешь рядом с ней. Увидишь, как исполняется ее Предназначение. А император? Ну что ж, император получит то, что хотел. Ведь я забыл тебе сказать, что хотя Кодрингер и Фэнн мертвы, но их дела и идеи по-прежнему живы и чувствуют себя неплохо.

— Врешь. Уходи. Пока я не наплевал тебе в рожу.

— Поверь, у меня действительно нет желания убивать тебя. Я вообще убиваю неохотно.

— Правда? А Лидия ван Бредевоорт?

— Не произноси этого имени, ведьмак, — поморщился чародей.

Геральт крепче сжал рукоять меча, насмешливо улыбнулся.

— Почему Лидия должна была умереть, Вильгефорц? Почему ты приказал ей умереть? Чтобы отвести внимание от себя, верно? Выгадать время, чтобы иммунизироваться на двимерит и послать телепатический сигнал Риенсу? Бедная художница Лидия с изуродованным лицом. Все знали, что она — ничего не значащая особа. Все. Кроме нее.

— Молчи.

— Ты убил Лидию, чародей. Воспользовался ею. А теперь хочешь воспользоваться Цириллой? С моей помощью? Нет. Ты не войдешь в Тор Лара.

Чародей отступил на шаг. Геральт напружинился, ожидая прыжка и удара. Но Вильгефорц не сделал ни того, ни другого. Он просто отвел руку немного в сторону, и Геральт тут же увидел, как в руке буквально из ничего материализовалась толстая шестифутовая палка.

— Знаю, — сказал магик, — что мешает тебе разумно оценить положение. Знаю, что усложняет и затрудняет тебе правильное видение будущего. Твое невежество, Геральт. Я

отучу тебя от невежества. Отучу при помощи этой вот волшебной палочки.

Ведьмак прищурился, немного приподнял клинок.

— Дрожу от нетерпения.

Спустя несколько недель, уже исцеленный стараниями дриад и водой Брокилона, Геральт пытался сообразить, какую ошибку совершил во время боя. И пришел к выводу, что во время боя он не совершил никакой. Единственную ошибку он совершил перед боем. Следовало бежать еще до того, как бой начался.

Чародей был скор, палка так и вертелась в его руках. Тем большим было изумление Геральта, когда во время защиты меч и палка, столкнувшись, звякнули металлом. Но на долгое удивление времени не было. Вильгефорц напал, ведьмаку приходилось извиваться в вольтах и пируэтах. Он боялся парировать мечом. Чертова палка была железной, к тому же магической.

Четырежды он оказывался в позиции, пригодной для контрнападения и удара. Четырежды ударял. В висок, в шею, под мышку, в пах. Каждый удар мог быть смертельным. И каждый был парирован.

Ни один человек не сумел бы парировать такие выпады. Геральт понемногу начал понимать. Но было уже поздно.

Удара, которым чародей его достал, он не видел. Удар бросил его на стену. Он оттолкнулся спиной, но отскочить не успел, не успел сделать ложный выпад: удар лишил его дыхания. Он получил второй раз, в плечо, снова отлетел назад, сильно стукнулся затылком о выступающие груди кариатиды. Вильгефорц ловко подскочил, размахнулся и саданул его палкой в живот, под ребра. Колени мгновенно стали ватными, он упал. И это был конец боя. В принципе.

Стоя на коленях, он неловко пытался заслониться мечом. Клинок, застрявший между стеной и пилястром, переломился под ударом со стеклянным вибрирующим стоном. Он заслонил голову левой рукой, палка с размаха сломала ему кость предплечья. Боль ослепила.

— Я мог бы выдавить тебе мозг через уши, — очень издалека проговорил Вильгефорц. — Но ведь это был всего

лишь урок. Ты ошибся, ведьмак, перепутал небо со звездами, отраженными ночью в поверхности пруда. Ага, тебя рвет? Прекрасно. Сотрясение мозга. Кровь из носа? Отлично. Ну, стало быть, до свидания. Когда-нибудь увидимся. Возможно.

Он уже не видел ничего и ничего не слышал. Тонул, погружался во что-то теплое. Думал, что Вильгефорц ушел, и поэтому удивился, когда по его ноге с размаха ударил железный стержень, круша основание бедренной кости.

Следующих ударов, даже если они и были, он уже не помнил.

— Держись, Геральт, не поддавайся, — беспрерывно повторяла Трисс Меригольд. — Держись. Не умирай... Прошу тебя, не умирай...

— Цири...

— Молчи. Сейчас я тебя отсюда вытащу. Держись... О боги, у меня нет сил...

— Йеннифэр... Я должен...

— Ничего ты не должен! Ничего ты не можешь! Держись, не поддавайся... Не теряй сознания... Не умирай, пожалуйста...

Она волокла его по полу, устланному трупами. Он видел свою грудь и живот, все в крови. Кровь текла из носа. Видел ногу. Она была вывернута под странным углом и казалась гораздо короче здоровой. Боли он не чувствовал. Ощущал лишь холод, все тело было холодным, одеревенелым и чужим. Его тошнило.

— Держись, Геральт. Из Аретузы идет помощь. Уже скоро...

— Дийкстра... Если Дийкстра на меня нападет... мне конец.

Трисс дико выругалась.

Она тащила его по лестнице. Сломанные нога и рука подскакивали на ступенях. Боль ожила, вгрызлась во внутренности, в виски, дошла до глаз, ушей, макушки. Он не кричал. Знал, что крик облегчит боль, но не кричал. Только раскрывал рот, это тоже приносило облегчение.

Услышал гул.

На верху лестницы стояла Тиссая де Врие. Волосы взлохмачены, лицо в пыли. Она подняла обе руки, ее ладони запылали. Она выкрикнула заклинание, а пляшущий на кончиках пальцев огонь ринулся вниз в виде ослепительного гудящего шара. Ведьмак услышал грохот рушащихся стен и дикие крики обожженных.

— Тиссая, нет! — отчаянно крикнула Трисс. — Не делай этого!

— Им сюда не войти, — проговорила Великий Магистр, не поворачивая головы. — Здесь — Гарштанг на острове Танедд. Никто не приглашал сюда королевских прихвостней, выполняющих приказы своих близоруких владык!

— Ты их убиваешь!

— Молчи, Трисс Меригольд! Покушение на единство Братства провалилось, островом по-прежнему владеет Капитул! Короли — руки прочь от Капитула! Это наш конфликт, и мы сами его разрешим! Решим свои проблемы, а потом положим конец вашей идиотской войне! Ибо на нас, чародеях, лежит ответственность за судьбы мира!

Из ее руки вырвалась новая шаровая молния, множественное эхо взрыва прокатилось меж колонн и каменных стен.

— Прочь! — крикнула она снова. — Вам нет хода сюда! Вон!

Крики внизу прекратились. Геральт понял, что нападающие отступили от лестницы, ретировались. Силуэт Тиссаи расплылся у него в глазах. Это была не магия. Он терял сознание.

— Беги отсюда, Трисс Меригольд, — услышал он слова чародейки, доносящиеся издалека, как из-за стены. — Филиппа Эйльхарт уже сбежала, убралась на своих птичьих крыльях. Ты была ее сообщницей в этом гнусном заговоре, я должна тебя покарать. Но уже достаточно крови, смерти, несчастий! Вон отсюда! Отправляйся в Аретузу, к своим сообщникам! Телепортируйся. Портал Башни Чайки больше не существует. Он рухнул вместе с башней. Можешь телепортироваться не страшась. Куда захочешь. Хоть к своему королю Фольтесту, ради которого ты предала Братство!

— Я не брошу Геральта... — прошептала Трисс. — Он не должен попасть в руки реданцев... Он тяжело ранен... У него внутреннее кровоизлияние... Но у меня больше нет сил! Нет сил, чтобы раскрыть телепорт! Тиссая! Помоги мне, прошу тебя!

Тьма. Пронизывающий холод. Издалека, из-за каменной стены голос Тиссаи де Врие:

— Я помогу тебе.

ЭВЕРТСЕН Петер, род. в 1234, приспешник императора Эмгыра Двитвена и один из фактических творцов могущества Империи. Главный коморний армии во времена СЕВЕРНЫХ ВОЙН (см.); с 1290 Верховный Имперский Казначей (коронный подскарбий). В последний период правления Эмгыра возведен в сан Коадьютора Империи. При императоре Морвране Воорысе, будучи несправедливо обвинен в злоупотреблениях, осужден, заключен в крепость, умер в 1301 в замке Виннебург. Реабилитирован посмертно императором Йоанном Кальвейтом в 1328.

Эффенберг и Тальбот.
Encyclopaedia Maxsima Mundi, т. V

Трепещите, ибо близок Тот, Кто Уничтожит Народы. Земли ваши истопчет он и веревкою их отмерит. И разрушены будут города ваши и пустынны. Нетопырь, ворон и филин поселятся в домах ваших. И змей угнездится в них.

Aen Ithlinnespeath

ГЛАВА ПЯТАЯ

Командир отряда остановил лошадь, снял шлем, прошелся пальцами по редким, слипшимся от пота волосам.

— Приехали, — повторил он в ответ на вопросительный взгляд трубадура.

— Что? Как? — удивился Лютик. — Почему?

— Дале не поедем. Видите? Речка, что внизу блестит, энто Ленточка. Мы токмо до ей брались вас провожать. Стал-быть, время возвороти́ться.

Солдаты, беспокойно осматриваясь, остановились позади. Ни один не слез с коня. Лютик заслонил глаза рукой, поднялся на стременах.

— Это где ж ты реку увидел?

— Внизу, говорю. Спускайтесь по яру, сразу попадете.

— Проводите хотя бы до берега, — возразил Лютик. — Покажите брод...

— Ну да! Было б чего указывать. С мая ни капли. Жаришша вонна, вот она, вода, стал-быть, и опала. Замелела Ленточка-то. В кажном месте конь перейдет...

— Я показывал вашему начальнику письмо от короля, — насупившись, сказал трубадур. — Он ознакомился, и я собственными ушами слышал, как он велел вам проводить меня до самого Брокилона. А вы хотите бросить меня здесь, в этой чащобе? А если я заблужусь?

— Не заблудите, — угрюмо буркнул подъехавший к ним солдат, который до сих пор молчал. — Не успеете заблудить-то. Сперва вас-то духобабья стрела отышшет.

— Ну и трусоваты же вы, — съязвил Лютик. — Ну и нагнали же на вас страху дриады. Ведь Брокилон только на том берегу Ленточки начинается. Ленточка — граница. Мы ее еще не пересекли!

— Ихая граница, — пояснил, оглядываясь, командир, — доходит дотудова, откудова ихие стрелы летят. Стрела, пушшенная с того берега, ежели крепко пустить, долетит аж до опушки, да ишшо и такую силу имет, штоб кольчугу продырявить. Вы-то уперлися, штобы туда иттить. Ваша шкура. А мне жизень мила. Я дале не пойду. Надыть мне башку в шершнево гнездо сувать-то?

— Я же вам объяснил, — Лютик сдвинул шапочку на затылок и выпрямился в седле, — что еду в Брокилон с миссией. Я, можно сказать, посол. Дриад не боюсь. Но прошу вас проводить меня до берега Ленточки. А вдруг да на меня в этих зарослях разбойники нападут?

Второй солдат, угрюмый, вымученно улыбнулся.

— Разбойники? Тута? Ясным днем? Ну, господин, днем тута духа живого не встренешь. Остатние времена духобабы пушшают стрелы в кажного, кто на берегу Ленточки кажется, а то, бывает, и далеко на нашу сторону запушшают. Не-а, разбойников-то вы не бойтеся.

— Правда твоя, — подтвердил командир. — Шибко глупым должон быть разбойничек-то, штобы днем до Ленточки иттить. Да и мы-то не дурни. Сам-друг едете, без латов и оружия и на вояка, прошшенья просим, не смотритеся, за версту видать. Ну так вам, может, и пошшасливицца. А вот ежели духобабы узрят нас, конных, да с оружием, не видать нам солнца за стрелами-то летучими.

— М-да, трудное дело... — Лютик похлопал коня по шее, глянул вниз, в пойму. — Стало быть, еду один. Ну, бывайте, солдатики. Благодарю за сопровождение.

— Не тыркайтесь больно-то. — Угрюмый солдат глянул в небо. — Вечер рядом. Как туман с воды подымется, тут и ежжайте. Потому как, знаете...

— Что?

— В тумане-то выстрел понеуверенней. Ежели к вам судьба будет ласковой, промажет духобаба-то. Токмо что они, господин, редко мажут.

— Я ж говорю вам...

— Ну, ну, говорили, не забыл. Дескать, с мисьей к им едете. Но я вам кой-чего другого скажу: с мисьей ли, с процесьей, им все едино. Пустят в вас стрелу, и конец.

— Нанялись, что ль, пугать меня? — снова надул щеки поэт. — За кого вы меня принимаете, за городского писаку, или как? Я, господа хорошие, видел больше битв, чем вы все, вместе взятые. И о дриадах тоже знаю побольше вас. Хотя бы то, что они никогда не стреляют без предупреждения.

— Было так-то, правда ваша, — тихо сказал командир. — Упреждали. Пустят стрелу в ствол либо на стежку, стал-быть, где энта стрела — тама и рубеж, дале — ни шагу. Ежели человек быстро заворотит, мог уйти целехоньким. Токмо ныне все иначей. Ныне они сразу шьют так, чтобы забить.

— С чего бы такое ожесточение?

— Вишь ли, — буркнул солдат, — оно вона как. Когда короли мир с Нильфгаардом заключили, то взялися сильно за эльфовы банды. Видать, здорово их прижали, потому как не проходит ночи, чтобы недобитки не сбегали через Бругге, в Брокилоне шукая схоронения. А когда наши эльфов гонют, то часом, бывает, и с духобабами разделываются, которые из-за Ленточки на помочь идут. А бывало, и наше войско с разбегу в лес заглянет... Понятно?

— Понял. — Лютик внимательно глянул на солдата, покивал головой. — Преследуя скоя'таэлей, вы переходили Ленточку. Убивали дриад. И теперь дриады отвечают вам той же монетой. Война.

— Точно, господин. Война всамделишная. Всегда это была драка не на живот, а на смерть, но теперича-то уж и вовсе паршиво. Меж ними и нами — ненависть. Ишшо раз говорю: ежели нет нужды, не ездите туды.

Лютик сглотнул.

— В том-то и дело, — он выпрямился в седле, с большим трудом изобразив на лице воинственную мину, — что есть нужда. И я еду. Сейчас. Вечер не вечер, туман не туман, надо двигаться, коли долг призывает.

Годы тренировок взяли свое. Голос трубадура звучал красиво и грозно, сурово и холодно, звенел железом и

мужеством. Солдаты взглянули на него с неприкрытым изумлением.

— Прежде чем двинетесь, — командир отстегнул от седла плоскую деревянную фляжку, — глотните первачу, милсдарь певун. Глотните...

— Легчей помирать будет, — угрюмо добавил другой, неразговорчивый.

Поэт отхлебнул из фляжки.

— Трус, — гордо возвестил он, как только перестал кашлять и отдышался, — умирает сто раз. Мужественный человек — лишь однажды. Но госпожа Фортуна благоприятствует смелым, трусов презирает. Так сказать, смелого стрелы боятся, смелого меч не берет.

Солдаты взглянули с еще большим восхищением. Они не знали и не могли знать, что Лютик цитирует слова известной в его стороне боевой песни, к тому же написанной не им.

— А вот этим, — поэт вытащил из-за пазухи звякнувший содержимым кожаный мешочек, — позвольте отблагодарить за эскорт. Прежде чем до форта доберетесь, прежде чем вас снова суровая служба-матка приласкает, загляните в кабак, выпейте за мое здоровье.

— Благодарим, господин. — Командир слегка покраснел. — Щедрый вы человек, а ведь мы... Прошшевайте и простите, что одного вас оставляем, но...

— Пустое. Ну, бывайте.

Бард лихо сдвинул шапочку на левое ухо, тронул коня пяткой и направился вниз по откосу, насвистывая известную исключительной непристойностью кавалерийскую песенку из «Свадьбы в Беллерлине».

— А корнет-то в замке болтал, — услышал он еще слова угрюмого, — мол, энто дармоед, трус и балда. А энто боевитый и храбрый господин, хоть и виршеплет.

— Истинная правда, — ответил командир. — Трусом-то его не назовешь, ничего не скажешь. Даже глазом не моргнул, это точно. Да ишшо и свишшет, слышь? Хо, хо... Слыхал, что говорит? Мол, послом идет. Не боись, кого-нито послом не назначут. Надыть голову иметь на плечах-то, штобы послом стать.

Лютик прибавил ходу, чтобы как можно скорее скрыться у них из глаз. Он не хотел подпортить только что заработанной репутации. А знал — долго ему не просвистеть, потому как не хватит уже влаги на пересохших от страха губах.

Яр был мрачный и влажный, мокрая глина и покрывающий ее ковер погнивших листьев приглушали звон копыт темно-гнедого мерина, которого поэт окрестил Пегасом. Пегас шел медленно, свесив голову. Это был один из тех немногих коней, которым все всегда без разницы.

Лес кончился, но от русла реки, обозначенного полосой ольх, Лютика еще отделяла широкая, заросшая камышами низинка. Поэт остановил коня. Внимательно осмотрелся, но ничего подозрительного не заметил. Напряг слух, но услышал только кваканье лягушек.

— Ну, коняга, двум смертям не бывать, — кашлянул он. — Вперед.

Пегас немного приподнял голову и вопросительно поставил торчком обычно отвисающие уши.

— Ты верно слышал. Вперед.

Мерин медленно двинулся, под копытами зачавкало болото. Лягушки длинными прыжками удирали из-под ног коня. В нескольких шагах перед ними с шумом и кряком поднялась утка, и сердце трубадура на мгновение остановилось, а потом взялось стучать очень быстро, как бы наверстывая упущенное. Пегас вообще не обратил на утку никакого внимания.

— Ехал герой... — пробормотал Лютик, вытирая залитую потом шею платочком, вытянутым из-за пазухи. — Ехал неустрашимо чрез урочище, не обращая внимания на скачущих земноводных и летающих драконов. Ехал себе и ехал. И доехал до бескрайних просторов...

Пегас фыркнул и остановился. Они были у реки. Камыши и очерет доходили выше стремени. Лютик отер пот со лба, повязал платок на шею. Долго, до слез, вглядывался в ольховник на противоположном берегу. Не заметил ничего и никого. Поверхность воды морщинили вытянувшиеся по течению водоросли, над ними шмыгали бирюзово-оранже-

вые зимородки. Воздух мерцал от туч насекомых. Рыбы заглатывали поденок, оставляя на воде большие круги.

Всюду, насколько хватало глаз, виднелись бобриные зарубки, кучки надкусанных веток, поваленные и обглоданные стволы, омываемые медленным течением. «Ну и бобров же тут, — подумал поэт, — невероятное богатство. И неудивительно. Никто не беспокоит чертовых древоточцев. Сюда не заходят ни бандиты, ни ловчие, ни бортники, даже вездесущие трапперы не устанавливают здесь силков. А те, которые пытались, получали стрелу в горло, и раки обгладывали их в прибрежном иле. А я, идиот, лезу сюда по доброй воле, сюда, на Ленточку, в реку, затянутую трупной вонью, которую не перебивает даже запах аира и мяты...»

Он тяжко вздохнул.

Пегас медленно ступил в воду передними ногами, опустил морду, пил долго, потом повернул голову и глянул на Лютика. Вода стекала у него с губ и ноздрей. Поэт покачал головой, снова вздохнул, громко потянул носом.

— И взглянул герой на бурлящую пучину, — продекламировал он тихонько, стараясь не стучать зубами. — Взглянул и двинулся вперед, ибо сердце его не ведало тревоги.

Пегас повесил голову и опустил уши.

— Тревоги не ведало, говорю.

Пегас тряхнул головой, звякнул кольцами поводьев и мундштука. Лютик ткнул его пяткой в бок. Мерин обреченно ступил в воду.

Ленточка была речкой мелкой, но сильно заросшей. Пока они добрались до середины русла, за ногами Пегаса уже заплетались длинные косы водорослей. Конь ступал медленно и с трудом, при каждом шаге пытаясь стряхнуть удерживающие его растения.

Прибрежные заросли и ольховник правого берега были уже недалеко, так недалеко, что Лютик почувствовал, как желудок опускается у него вниз, аж до самого седла. Он прекрасно понимал, что посередине реки, увязнувший в водорослях, он представляет собой прекрасную, не позволяющую промахнуться мишень. Глазами воображения

он уже видел изгибающиеся дуги луков, напружиниваю-щиеся тетивы и острые наконечники нацеленных в него стрел.

Он стиснул икрами бока коня, но Пегас начихал на это. Вместо того чтобы пойти быстрее, конь остановился и за-драл голову. Яблоки будущих удобрений шлепнулись в воду. Лютик протяжно застонал.

— Смельчак, — пробормотал он, прикрывая глаза, — не смог форсировать бурлящих порогов. Погиб геройской смер-тью, пронзенный бесчисленными стрелами. Навечно по-глотила его темно-синяя тонь, взяли в свои объятия водо-росли, зеленые, как нефриты. Пропал по нему след всякий, осталось только конское говно, уносимое стремниной к да-лекому синему морю...

Пегас, которому, видимо, полегчало, без принуждения пошел резвее, а на прибрежной, свободной от водорослей быстрине даже позволил себе взбрыкнуть, в результате чего целиком вымочил Лютику ботинки и штаны. Поэт этого даже не заметил — картина нацеленных ему в живот стрел не покидала его ни на мгновение, а ужас ползал по спине и затылку словно огромная, холодная и скользкая пиявка. По-тому что за ольховником, меньше чем в ста шагах, за сочной зеленой полосой трав вздымалась из вереска отвесная, черная, грозная стена леса.

Брокилон.

На берегу, в нескольких шагах ниже по течению, белел конский скелет. Крапива и очереты проросли сквозь клет-ку ребер. Валялось там еще немного других костей, поменьше, не похожих на конские. Лютик вздрогнул и отвернулся.

Подгоняемый пятками мерин с плеском и хлюпаньем выбрался на прибрежное болото, тина противно засмерде-ла. Лягушки ненадолго прекратили музицировать. Стало очень тихо. Лютик прикрыл глаза. Больше он уже не декла-мировал, не импровизировал. Остался только холодный, от-вратительный страх, ощущение сильное, но совершенно ли-шенное творческих посылов.

Пегас застриг ушами и бесстрастно пошлепал в сторону Леса Дриад, который многие именовали Лесом Смерти.

«Я пересек границу, — подумал поэт. — Сейчас все решится. Пока я был у реки и в реке, они еще могли проявлять великодушие. Но теперь... Теперь я — пришелец, чужак, незваный-непрошеный. Как и тот, чьи косточки... От меня тоже может остаться лишь скелет... Предостережение очередным... Если дриады здесь... Если они за мной наблюдают...»

Он вспомнил турниры лучников, ярмарочные конкурсы и стрелецкие смотры, соломенные щиты и манекены, утыканные и разорванные наконечниками стрел. Что чувствует человек, в которого попала стрела? Удар? Боль? А может... ничего?

Дриад либо не было поблизости, либо они еще не решили, как поступить с одиноким всадником, который, сказать по правде, хоть и подъехал к лесу физически живой, целый и невредимый, но зато полумертвый от страха. Путь к деревьям преграждала поросшая кустарником, ощетинившаяся корнями и ветками путаница бурелома, но у Лютика и без того не было ни малейшего желания подъезжать к самой опушке и уж тем более углубляться в лес. Он мог принудить себя к риску, но не к самоубийству.

Очень медленно слез с седла, привязал поводья к торчащему вверх корню. Обычно он так не делал — Пегас, как правило, не удалялся от хозяина. Однако Лютик не мог сказать, как конь поведет себя, услышав свист и жужжание стрел. До сих пор ни у него, ни у Пегаса не было оказии привыкнуть к таким звукам.

Он снял с луки седла лютню, уникальный, высокого класса инструмент с изящным грифом. «Презент от эльфки, — подумал он, поглаживая инкрустированное дерево. — Может случиться, что он вернется к Старшему Народу... Разве что дриады положат его рядом с моим трупом...»

Невдалеке лежало древнее, поваленное ветром дерево. Поэт присел на ствол, опер лютню о колено, облизнул губы, вытер вспотевшие ладони о штаны.

Солнце клонилось к закату. Над Ленточкой вздымался туман, серо-белым покрывалом затягивая луга. Становилось прохладнее. Прокурлыкали и улетели журавли, осталось лишь кваканье лягушек.

Лютик ударил по струнам. Раз, другой, третий. Покрутил колки, настроил инструмент и начал играть. А потом запел.

Yviss, m'evelienn vente caelm en tell
Elaine Ettariel Aep cor me lode deith ess'viell
Yn blath que me darienn Aen minne vain tegen a me
Yn toin av muireann que eveigh e aep llea...

Солнце скрылось за лесом. В тени гигантских деревьев Брокилона сразу же стало сумрачно.

L'eassan Lamm feainne renn, ess'ell
Elaine Ettariel,
Aep cor...

Нет, он не услышал. Он почувствовал присутствие.

— N'te mire daetre. Sh'aente vort.

— Не стреляй, — прошептал он, не оглядываясь. — N'aen aespar a me... Я пришел с миром...

— N'ess a tearth. Sh'aente.

Он послушался, хотя пальцы озябли и занемели на струнах, а песня с трудом пробивалась из горла. Но в голосе дриады не слышалось враждебности, а он, черт побери, был профессионалом.

L'eassan Lamm feainne renn, ess'ell,
Elaine Ettariel,
Aep cor aen tedd teviel e gwen
Yn blath que me darienn
Ess yn e evellien a me
Que sh'aent te caelm a'veann minne me stiscea...

На этот раз он позволил себе глянуть через плечо. То, что притаилось около ствола, очень близко, напоминало обмотанный плющом куст. Но это был не куст. У кустов не бывает таких огромных горящих глаз.

Пегас тихо фыркнул, и Лютик понял, что у него за спиной, в темноте кто-то поглаживает коня по ноздрям.

— Sh'aente vort, — снова попросила приткнувшаяся за его спиной дриада. Голос напоминал шум листвы, по которой скатываются капельки дождя.

— Я... — начал он, — я... Я друг ведьмака Геральта... Я знаю, что Геральт... Что Gnynbleidd находится у вас в Брокилоне. Я приехал...

— N'te dice'en. Sh'aente, va.

— Sh'aent, — мягко попросила из-за его спины другая дриада, чуть ли не одновременно с третьей. И, кажется, четвертой. Он не был уверен.

— Yea, sh'aente, taedh, — проговорило серебристым звучным голосом то, что еще минуту назад казалось поэту березкой, растущей в нескольких шагах от него. — Ess'laine... Taedh... Ты петь... Еще об Эттариэль... Да?

Он так и сделал.

Любить тебя — вот жизни цель,
Бесспорная, как смерть,
Прекрасная Эттариэль!
Позволь же мне посметь

В груди встревоженной нести
Воспоминаний клад.
От злого времени спасти
Твой голос, жест и взгляд.

И колдовской цветок, заклад
Любви и наших встреч,
Струящий сладкий аромат,
Не запрещай сберечь!

На нем крупинки серебра —
Поблескиванье рос.
Мне тайна чудится, игра
И откровенность слез.*

* Перевод Эльвиры Частиковой.

На этот раз он услышал шаги.

— Лютик!

— Геральт!

— Да. Можешь больше не шуметь.

— Как ты меня отыскал? Как узнал, что я в Брокилоне?

— От Трисс Меригольд... Черт... — Лютик снова споткнулся и наверняка упал бы, если б идущая рядом дриада не поддержала его ловким приемом, удивительно сильным при ее небольшом росте.

— Gar'ean, taedh, — серебристо предостерегла она. — Va caelm.

— Спасибо. Тут ужасно темно... Геральт? Где ты?

— Здесь. Не отставай.

Лютик пошел быстрее, снова споткнулся и чуть не налетел на ведьмака, остановившегося перед ним. Дриады бесшумно миновали их.

— Ну и мрак... Далеко еще?

— Нет. Сейчас будем в лагере. Кто, кроме Трисс, знает, что я прячусь здесь? Ты кому-нибудь проболтался?

— Пришлось сказать королю Вензлаву. Необходим был пропуск через Бругге. Такие времена, что и не говори... Кроме того, нужно было согласие на вход в Брокилон. Но ведь Вензлав тебя любит и знает. Представь себе, он назначил меня послом. Я уверен, что он сохранит тайну, я его просил. Не злись, Геральт...

Ведьмак подошел ближе. Лютик не видел выражения его лица, видел только белые волосы и заметную даже в темноте многодневную белую щетину.

— Я не злюсь. — Геральт положил руку барду на плечо, и тому показалось, что холодный до того голос ведьмака немного изменился. — Я рад, что ты приехал. Курицын сын.

— Холодно тут, — вздрогнул Лютик, потрескивая ветками, на которых они сидели. — Может, костер разжечь?

— И не думай, — буркнул ведьмак. — Забыл, где находишься?

— Они до такой степени... — Трубадур пугливо осмотрелся. — Никакого огня, да?

— Деревья ненавидят огонь. Они тоже.

— Черт подери, так и сидеть в холоде? И в темноте? Руку вытянешь — собственных пальцев не видно...

— А ты не вытягивай.

Лютик вздохнул, ссутулился, потер локти. Было слышно, как сидящий рядом ведьмак переламывает пальцами тоненькие прутики.

В темноте неожиданно мигнул зеленый огонек. Вначале слабый и нечеткий, он быстро сделался ярче. Затем загорелись новые, сразу во многих местах, они двигались и танцевали, будто светлячки или болотные огни. Лес вдруг ожил мерцанием теней. Лютик стал различать силуэты окружающих их дриад. Одна приблизилась, поставила рядом с ними что-то похожее на подожженный клубок растений. Поэт осторожно протянул руку, поднес ладонь. Зеленый жар был совершенно холодным.

— Что это, Геральт?

— Гнилушка и разновидность мха, который растет только здесь, в Брокилоне. Они одни знают, как надо все это сплести, чтобы светило. Спасибо, Фаувэ.

Дриада не ответила, но и не ушла. Присела рядом. Ее лоб перехватывал венок, длинные волосы спадали на плечи. В слабом свете волосы казались зелеными, а может, и верно были такими. Лютик знал, что волосы у дриад порой бывают удивительного цвета.

— Taedh, — сказала она мелодично, подняв на трубадура глаза, горевшие на миниатюрном личике, пересеченном двумя параллельными, косо расположенными полосками маскировочной раскраски. — Ess've vort sh'aente aep Ettariel? Sh'aente a'vean vort?

— Нет... Может, потом, — мягко ответил он, старательно подбирая слова Старшей Речи. Дриада вздохнула, наклонилась, нежно погладила гриф лежащей рядом лютни, пружинисто встала. Лютик смотрел, как она уходит в лес, к другим, тени которых тихо покачивались в неярком свете зеленых фонариков.

— Как думаешь, я ее не обидел, а? — спросил он тихо. — Они разговаривают на своем диалекте, я не знаю вежливых форм...

— Проверь, не торчит ли у тебя нож в животе. — В голосе ведьмака не было ни издевки, ни улыбки. — Дриады реагируют на обиду тем, что всаживают нож в живот. Не бойся, Лютик. Похоже, они готовы простить тебе много больше, чем языковые ошибки. Концерт, который ты дал на опушке, явно пришелся им по вкусу. Теперь ты для них ard taedh, великий бард. Они ожидают продолжения «Цветка Эттариэли». Ты знаешь продолжение? Ведь баллада-то не твоя.

— Перевод мой. Я немного обогатил эльфью мелодию, не заметил?

— Нет.

— Так я и думал. К счастью, дриады лучше разбираются в искусстве. Где-то я вычитал, что они невероятно музыкальны. Вот я и разработал свой хитрый план, за который, кстати, ты меня все еще не похвалил.

— Хвалю, — сказал ведьмак, немного помолчав. — Действительно, ловко было задумано. Да и счастье тебе тоже подвалило. Как всегда. Их луки бьют точно в цель за двести шагов. Обычно дриады не ждут, пока кто-нибудь перейдет на их берег и начнет петь. Они очень восприимчивы к неприятным запахам. А после того как течение Ленточки унесет труп, у них в лесу не воняет.

— Ну-ну, — сглотнув, откашлялся поэт. — Главное — у меня получилось, и я нашел тебя. Геральт, как ты тут...

— Бритва есть?

— Бритва? Ну конечно.

— Утром одолжишь? Эта борода у меня уже в печенках сидит.

— А у дриад не было... Хм... Ну конечно, верно, им бритвы ни к чему. Конечно, одолжу. Слушай, Геральт?

— А?

— У меня с собой нет ничего съестного. Как ты думаешь, ard taedh, великий бард, может в гостях у дриад рассчитывать на ужин?

— Они не ужинают. Никогда. А стражницы на границе Брокилона и не завтракают. Придется тебе поститься до обеда. Я уже привык.

— Но когда мы доберемся до их столицы, до их знаменитой, укрытой в чащобе Дуен Канелли...

— Мы туда не доберемся, Лютик.

— То есть? Я думал... Но ты же... Ведь они предоставили тебе убежище. Ведь они... тебя... уважают.

— Точно сказано.

Молчали долго.

— Война, — сказал наконец поэт. — Война, ненависть и презрение. Всюду. Во всех сердцах.

— Поэтизируешь.

— Да так оно и есть.

— Точно. Ну говори, с чем прибыл. Рассказывай, что творилось в мире, пока меня здесь штопали.

— Сначала, — наконец сказал поэт, — расскажи-ка, что в действительности произошло в Гарштанге.

— А Трисс не рассказывала?

— Рассказывала. Но мне хотелось бы услышать твою версию.

— Если ты знаешь версию Трисс, значит, знаешь более подробную и наверняка более точную. Расскажи, что случилось потом, когда я уже был в Брокилоне.

— Геральт, — шепнул Лютик, — честное слово, я не знаю, что сталось с Йеннифэр и Цири... Никто не знает. Трисс тоже...

Ведьмак резко пошевелился, хрустнули ветки.

— Разве я о Цири или Йеннифэр спрашиваю? — бросил он изменившимся голосом. — Расскажи о войне.

— Ты ничего не знаешь? До тебя никакие вести не дошли?

— Дошли. Но я хочу услышать все от тебя. Ну же, говори.

— Нильфгаардцы, — начал бард, немного помолчав, — напали на Лирию и Аэдирн. Без объявления войны. Поводом якобы стало нападение войск Демавенда на какой-то пограничный форт в Доль Ангре во время сборища чародеев на Танедде. Некоторые утверждают, что это была прово-

кация и все устроили нильфгаардцы, переодетые в солдат Демавенда. Как там было в натуре, нам никогда не узнать. Во всяком случае, реакция Нильфгаарда была молниеносной и массированной: границу перешла могучая армия, которую накапливали в Доль Ангре никак не меньше нескольких недель, а то и месяцев. Спалля и Скалля, две лирийские пограничные крепости, были взяты с ходу, всего за три дня, Ривия подготовилась к многомесячной осаде, а капитулировала через два дня под давлением цеховиков и купечества, которым пообещали, что если они откроют ворота и дадут откупного, то их не станут грабить.

— Обещание сдержали?

— Да.

— Интересно. — Голос ведьмака снова немного изменился. — Сдерживать обещания в нынешние времена? Уж не говоря о том, что раньше и не думали давать таких обещаний, да никто их и не ожидал. Ремесленники и купцы не отворяли крепостных ворот, защищали их, каждый свою башню или навесную бойницу.

— У денег нет родины, Геральт. Купцам без разницы, под чьим правлением деньгу зашибать. А нильфгаардскому палатину без разницы, из кого он будет выколачивать налоги и подати. Мертвые купцы денег не куют и налогов не платят.

— Дальше.

— После капитуляции Ривии армии Нильфгаарда быстро пошли на север, почти не встречая сопротивления. Войска Демавенда и Мэвы отступили, не сумев организоваться для решительной битвы. Нильфгаардцы дошли до Альдерсберга. Чтобы не допустить блокады крепости, Демавенд и Мэва решили принять бой. Позиция их армий оставляла желать лучшего... Черт, если б было больше света, я б тебе начертил...

— Не черти. И сокращайся. Кто победил?

— Слышали, господа? — Один из регистрантов, задыхающийся и потный, пробился сквозь группу, окружающую стол. — Прибыл гонец с поля боя! Победа наша! Бой выиг-

ран! Победа! Наш, наш сегодня день! Побили мы врага, разбили наголову!

— Тише, — поморщился Эвертсен. — Голова раскалывается от ваших воплей. Да слышали мы, слышали. Побили мы врага. Наш сегодня день. Наше поле и победа наша. Тоже мне — сенсация!

Коморники и регистранты удивленно уставились на начальника.

— Вы не радуетесь, милсдарь коморный?

— Радуюсь, но умею делать это тихо и без надрыва.

Регистранты молча переглянулись. «Щенки, — подумал Эвертсен. — Возбужденные сопляки. Впрочем, им я не удивляюсь, но, извольте, там, наверху, даже Мэнно Коегоорн и Элан Трахх, да что там, даже седобородый генерал Брайбан верещат, прыгают от радости и дубасят друг друга по спинам. Виктория! Победа! Наш день! А чей он должен быть? Королевства Аэдирн и Лирия вместе сумели мобилизовать три тысячи конных и десять тысяч пехоты, из которых одна пятая в первые же дни наступления была отрезана и блокирована в фортах и крепостях. Часть оставшейся армии им пришлось вывести из боя для защиты флангов, которым угрожали глубокие рейды нашей легкой кавалерии и диверсионные уколы отрядов скоя'таэлей. Оставшиеся пять или шесть тысяч — из них не больше тысячи двухсот рыцарей — приняли бой на полях под Альдерсбергом. Коегоорн бросил на них тринадцатитысячную армию, в том числе десять тысяч хоругвей латников, цвет нильфгаардского рыцарства. А теперь радуется, вопит, колотит маршальским жезлом по ляжке и требует пива... Виктория! Победа! Тоже мне — сенсация!»

Решительным движением он смел в кучу и собрал покрывающие стол карты и записи, поднял голову, осмотрелся, потом резко сказал:

— Слушайте мои распоряжения.

Подчиненные замерли в ожидании.

— Каждый из вас слушал вчерашнее выступление фельдмаршала Коегоорна перед хорунжими и офицерами. Посему обращаю ваше внимание, милостивые государи, на то,

что все, что маршал говорил военным, нас не касается. У вас будут другие задания и другие распоряжения. Мои.

Эвертсен задумался, потер лоб.

— «Мир хижинам, война крепостям, — сказал вчера командирам Коегоорн. — Вам известен такой принцип. Этому вас учили в военной академии. Принцип этот действовал до сегодняшнего дня. С завтрашнего вы должны его забыть. С завтрашнего дня вы обязаны руководствоваться другим принципом, который отныне станет девизом нашей войны. Девиз этот и мой приказ таковы: война всему живому. Война всему, что горит. Вы должны оставлять за собой выжженную землю. С завтрашнего дня мы переносим войну за пределы той линии, за которую отойдем после подписания мирного договора. Мы отойдем, но там, за линией, должна остаться выжженная земля. Королевства Аэдирн и Лирия должны быть превращены в пепел! Вспомните Содден! Сегодня пришел час возмездия!» Так сказал фельдмаршал.

Эвертсен громко откашлялся.

— А теперь мой приказ: прежде чем войска оставят за собой выжженную землю, мы должны вытянуть из этой земли и этой страны все, что удастся, все, что может приумножить богатства нашей родины. Ты, Авдегаст, займешься погрузкой и вывозом уже собранных и складированных плодов земли. То, что еще на полях и чего не уничтожат героические рыцари Коегоорна, следует собрать.

— У меня мало людей, милсдарь коморный...

— А пленные зачем? Гоните их на работу. Мардер и ты... забыл, как тебя кличут...

— Гельвет. Эван Гельвет, миледарь коморный.

— Займетесь живым инвентарем. Собрать в стада, согнать в предназначенные пункты на карантин. Остерегаться ящура и других болезней. Больную либо подозрительную скотину забить, трупы сжечь. Остальное гнать на юг назначенными путями. Ясно?

— Так точно.

«Теперь специальные задания, — подумал Эвертсен, приглядываясь к подчиненным. — Кому их поручить? Все младенцы, молоко на губах не обсохло, почти ничего в жизни

не видели, не испытали... Эх, мне б сейчас тех старых, бывалых коморников и регистрантов... Войны, войны, постоянные войны... Солдаты гибнут во множестве и часто, но и коморники, с учетом соотношения, тоже ненамного реже. Но среди воинов незаметен урон, потому что армия постоянно пополняется, ибо каждый хочет быть воином. А кто хочет быть коморником либо регистрантом? Кто, вернувшись, на вопрос сына, что он делал на войне, захочет ответить, как корцем измерял зерно, пересчитывал вонючие кожи и взвешивал воск, как вел по разъезженным, покрытым воловьими лепешками дорогам колонну заполненных трофеями телег, погонял мычащие и блеющие стада, глотая пыль, вонь и мух...

Специальное задание. Плавильня в Гулете с огромными печами, плавильня гальмея и большая кузня в Эйсенлаане, три тысячи пудов готовой продукции. Литейные мастерские и шерстяные мануфактуры в Альдерсберге. Солодовни, винокурни, ткацкие и красильные мастерские в Венгерберге...

Демонтировать и вывезти. Так приказал император Эмгыр, Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов. Двумя словами: демонтировать и вывезти, Эвертсен.

Приказ есть приказ. Прииски и их добычу. Монеты. Драгоценности. Произведения искусства. Но этим займусь я сам. Лично».

Рядом со стоящими на горизонте черными столбами дыма выросли новые. И опять. И снова. Армия осуществляла приказы Коегоорна. Королевство Аэдирн превращалось в страну пожаров и пожарищ.

По дороге, фурча и вздымая тучи пыли, тащилась длинная колонна штурмовых машин. На все еще обороняющийся Альдерсберг. И на Венгерберг, столицу короля Демавенда.

Пэтер Эвертсен смотрел и считал. Рассчитывал. Пересчитывал. Пэтер Эвертсен был Верховным Имперским Казначеем, во время войны — первым коморником армии. Он исполнял обязанности двадцать пять лет. Расчеты и подсчеты были его жизнью.

Стенобойная машина стоит пятьсот флоренов, осадная башня — двести, камнемет — минимум сто пятьдесят, самая простая баллиста — восемьдесят. Обученная прислуга получает десять с половиной флоренов месячного жалованья. Колонна, которая тащится на Венгерберг, обходится, считая лошадей, волов и мелкое оборудование, самое меньшее в триста гривен. Из гривны, иначе — марки чистого золотого песка, весящей полфунта, чеканят шестьдесят флоренов. Годовая добыча крупных приисков — пять-шесть тысяч гривен...

Осадную колонну обошла легкая кавалерия. По значкам на штандартах Эвертсен распознал тактическую хоругвь князя Виннебурга, одну из переброшенных из Цинтры. Да, подумал он, этим будет чем поживиться. Битва выиграна, аэдирнская армия рассеяна. Резервные отряды в тяжелые бои с регулярными войсками не бросят. Будут преследовать отступающих, уничтожать разрозненные, потерявшие командиров группы, убивать, грабить и жечь. Радуются, потому что наклевывается приятная, веселая войнишка. Войнишка, на которой не перетрудишься. И на которой не убьют.

Эвертсен подсчитывал.

Тактическая хоругвь состоит из девяти обычных хоругвей и насчитывает две тысячи конных. Хоть солдаты Виннебурга скорее всего уже не будут участвовать в крупных боях, все же в стычках поляжет не меньше одной шестой состава. Потом будут лагеря и биваки, отравленная пища, грязь, вши, комары, протухшая вода. Неизбежно начнутся тиф, дизентерия, малярия, которые унесут еще не меньше четверти. К этому надо прибавить общим счетом непредвиденные несчастные случаи, обычно около пятой части состава. Домой вернутся восемьсот. Не больше. А скорее всего — и того меньше.

Веселая войнишка.

По большаку прошли очередные хоругви, за кавалерией появились пехотные корпуса. Маршировали лучники в желтых куртках и круглых шлемах, арбалетчики в плоских касках, щитники и пикинеры. За ними тяжело шагали латники, закованные в броню как раки, ветераны из Виковаро и

Этолии, дальше — разномастная толпа: кнехты из Метинны, наемники из Турна, Мехта, Гесо и Эббинга.

Несмотря на жару, подразделения двигались в меру бодро, вздымаемая солдатскими ботинками пыль клубилась над дорогой. Грохотали барабаны, развевались штандарты, покачивались и блестели наконечники пик, копий, алебард и гизарм. Солдаты шли в меру резво и весело. Маршировала армия победителей. Непобежденная армия. Дальше, парни, вперед, в бой! На Венгерберг! Прикончить врага, отомстить за Содден! Повоевать на славу, набить мешки добычей и домой, домой!

Эвертсен глядел. И подсчитывал.

— Венгерберг пал через неделю, — докончил Лютик. — Ты удивишься, но тамошние цеховики доблестно и до конца защищали башни и назначенные им отрезки стен. Поэтому нильфгаардцы вырезали все отряды и всех жителей города, что-то около шести тысяч человек. Когда об этом узнали, началось великое бегство. Разгромленные полки и гражданское население в массовом порядке двинулись в Темерию и Реданию. Толпы беженцев тянулись по Долине Понтара и перевалам Махакама. Но не всем удалось уйти. Конные разъезды нильфгаардцев следовали за ними, отрезали дорогу к бегству... Знаешь, что им было нужно?

— Нет. Я в этом не разбираюсь... Я не знаток войн, Лютик.

— Пленники. Рабы. Нильфгаардцы хотели захватить в неволю как можно больше людей. Для Нильфгаарда это самая дешевая рабочая сила. Поэтому они так активно преследовали беглецов. Это была хорошо организованная гигантская охота. Ведь армия бежала, а уходящих людей никто не защищал.

— Никто?

— Почти никто.

— Не успеем, — закашлялся Виллис, оглядываясь. — Не успеем уйти... Дьявольщина, граница уже так близко... Так близко...

Райла привстала в стременах, глянула на большак, извивающийся меж покрытых лесом взгорий. Дорога, сколько хватало глаз, была усеяна брошенным имуществом, трупами лошадей, сдвинутыми на обочины телегами и колясками. Сзади, из-за лесов, вздымались в небо черные столбы дымов. Был слышен приближающийся гул, нарастающие звуки боя.

— Приканчивают арьергард... — Виллис отер с лица сажу и пот. — Слышишь, Райла? Они нагнали арьергард и вырезают всех до одного! Нам не успеть!

— Теперь — мы арьергард, — сухо сказала наемница. — Теперь наша очередь.

Виллис побледнел, кто-то из прислушивавшихся солдат громко вздохнул. Райла дернула поводья, развернула тяжело хрипящего, с трудом поднимающего голову коня.

— В любом случае убежать не успеем, — сказала она спокойно. — Кони вот-вот падут. Прежде чем мы доберемся до перевала, они догонят нас и зарубят.

— Бросим все и скроемся в лесу, — сказал Виллис, не глядя на нее. — По одному, каждый за себя. Может, удастся... выжить.

Райла не ответила, глазами и движением головы указала на перевал, на дорогу, на последние группки длинной колонны беженцев, тянущихся к границе. Виллис понял. Грязно выругался, соскочил с седла, покачнулся, оперся на меч.

— Спешиться! — хрипло крикнул он солдатам. — Перекрыть большак чем только можно. Ну чего уставились? Двум смертям не бывать... Мы — армия! Мы — арьергард! Мы должны остановить преследователей, задержать хоть ненадолго...

Он умолк.

— Если мы ненадолго задержим преследователей, люди успеют перейти в Темерию, на ту сторону гор, — докончила Райла, тоже слезая с коня. — Там — женщины и дети. Ну что таращитесь? Это наше ремесло. За это нам платят, забыли?

Солдаты переглянулись. Несколько мгновений Райла думала, что они все-таки сбегут, поднимут мокрых измученных коней на последний невероятный рывок, погонят их

вслед за колонной беженцев, к спасительному перевалу. Она ошиблась. Она плохо их знала.

Солдаты перевернули на дорогу воз. Быстро возвели баррикаду. Кустарную, невысокую. Совершенно недостаточную.

Долго ждать не пришлось. В ущелье, спотыкаясь, храпя, разбрасывая хлопья пены, влетели два коня. Наездник был только на одном.

— Блайс!

— Готовьтесь... — Наемник сполз с седла на руки солдат. — Готовьтесь, мать вашу... Они совсем близко...

Конь захрапел, сделал несколько танцевальных движений, упал на зад, тяжело рухнул на бок, дернулся, вытянул шею, протяжно заржал.

— Райла... — прохрипел Блайс, отводя глаза. — Дайте... Дайте мне что-нибудь. Я потерял меч...

Воительница, глядя на упирающиеся в небо дымы пожаров, указала головой на топор, лежащий у перевернутого воза. Блайс схватил оружие, покачнулся. Левая штанина пропиталась кровью.

— Что с остальными, Блайс?

— Вырезали, — простонал наемник. — Всех. Весь отряд... Райла, это не нильфы... Это белки... Нас догоняли эльфы. Скоя'таэли идут первыми, перед нильфгаардцами.

Один из солдат душераздирающе крикнул, второй тяжело опустился на землю, закрыв лицо руками. Виллис выругался, подтянул ремни полулат.

— По местам! — крикнула Райла. — За баррикаду! Им нас живыми не взять. Обещаю!

Виллис сплюнул, быстро сорвал с наплечника трехцветную черно-красно-золотую кокарду специальных войск короля Демавенда, кинул ее в заросли. Райла, разглаживая и очищая от грязи и пыли свою кокарду, криво усмехнулась:

— Не знаю, поможет ли это тебе, Виллис. Не знаю.

— Ты обещала, Райла.

— Обещала. И обещание выполню. По местам, парни! Арбалеты и луки к бою!

Да, долго ждать не пришлось.

После того как они отразили первую волну, их осталось лишь шестеро. Бой был кратким, но яростным. Мобилизованные из Венгерберга солдаты дрались как дьяволы, остервенением не уступая наемникам. Ни один не хотел попасть живым в руки скоя'таэлей. Предпочитали умереть в бою. И умирали, пронзенные стрелами, умирали от ударов копий и мечей. Блайс умер лежа, зарезанный кинжалами двух эльфов, которые свалились на него, спрыгнув с баррикады. Ни один не поднялся. У Блайса тоже был кинжал.

Скоя'таэли не дали им передохнуть. Навалилась другая группа. Виллис, получив третий раз копьем, успел только крикнуть:

— Райла! Капитан! Ты обещала!

Наемница, уложив очередного эльфа, быстро обернулась.

— Прощай, Виллис. — Она уперла лежащему острие меча чуть пониже грудной кости и резко нажала. — Встретимся в аду!

Через минуту она осталась одна. Скоя'таэли охватили ее со всех сторон. Воительница, вымазанная кровью с головы до ног, подняла меч, закружилась, взмахнула черной косой. Она стояла среди трупов, страшная, скривившаяся как демон. Эльфы попятились.

— Идите! — крикнула она дико. — Ну чего ждете! Вам не взять меня живой. Я — Черная Райла!

— Glaeddyv vort, beanna, — спокойно сказал светловолосый красивый эльф с лицом херувима и огромными васильковыми глазами ребенка. Он выдвинулся из-за окружающих ее, но все еще мнущихся скоя'таэлей. Его снежно-белый конь хрипел, мотал головой вверх-вниз, энергично роя копытами напоенный кровью песок большака.

— Glaeddyv vort, beanna, — повторил наездник. — Брось меч, женщина.

Наемница жутко расхохоталась, отерла лицо отворотом перчатки, размазывая пот, смешанный с пылью и кровью.

— Мой меч слишком дорого мне обошелся, чтобы бросаться им, эльф! — крикнула она. — Чтобы его взять, тебе придется ломать мне пальцы! Я — Черная Райла! Ну иди же!

Долго ждать не пришлось.

* * *

— И никто не пришел Аэдирну на помощь? — спросил ведьмак после долгого молчания. — Ведь, кажется, существовали какие-то союзы. Договоры о взаимопомощи... Пакты...

— В Редании, — откашлялся Лютик, — хаос после смерти Визимира. Ты знаешь, что король Визимир убит?

— Знаю.

— Правление взяла на себя королева Гедвига, но в стране возникла неразбериха. И террор. Охота на скоя'таэлей и нильфгаардских шпиков. Дийкстра мотается по всей стране, эшафоты не просыхают от крови. Дийкстра все еще не может ходить. Его носят в паланкине.

— Догадываюсь. Он преследовал тебя?

— Нет. Мог, но не преследовал. А, не важно. Во всяком случае, погруженная в хаос Редания не в состоянии была выставить армию, которая могла бы поддержать Аэдирн.

— А Темерия? Почему король Фольтест Темерский не поддержал Демавенда?

— Как только началась агрессия в Доль Ангре, — тихо сказал Лютик, — Эмгыр вар Эмрейс направил посольство в Вызиму...

— К черту, — прошипел Бронибор, глядя на закрытую дверь. — О чем они так долго болтают? Почему Фольтест вообще снизошел до переговоров? Принял этого нильфгаардского пса? Его надо было обезглавить и голову отослать Эмгыру! В мешке!

— О Боже, комес, — поперхнулся жрец Виллимер. — Это же посол! Персона посла священна и неприкосновенна! Не годится...

— Ах, не годится? Я скажу вам, что годится, а что не годится! Не годится бездействовать и посматривать, как агрессор опустошает страны, с которыми мы в союзе! Лирия пала. Аэдирн вот-вот падет! Демавенд в одиночку Нильфгаарда не сдержит! Необходимо немедленно выслать в Аэдирн экспедиционный корпус, надо облегчить положение Демавенда ударом на левый берег Яруги! Там мало войск, большую часть они перебросили в Доль Ангру! А мы тут сове-

щаниями балуемся! Вместо того чтобы бить, болтаем. Да еще нильфгаардского посла принимаем!

— Замолчите, комес. — Князь Эревард из Элландера окинул старого вояку холодным взглядом. — Это политика. Надо учиться видеть немного дальше конских ноздрей и своего копья. Посла надобно выслушать. Император Эмгыр выслал его к нам не без причины.

— Ясно, не без причины, — проворчал Бронибор. — Эмгыр сейчас громит Аэдирн и знает, что если вступим мы, а с нами и Редания и Каэдвен, то мы разобьем его, выкинем за Доль Ангру, в Эббинг. Знает, что если мы ударим на Цинтру, то угодим ему в незащищенный живот, заставим драться на два фронта! Он этого боится! Поэтому пытается напугать нас, чтобы мы не вступали в войну! Именно с таким заданием сюда приехал нильфгаардский посол.

— Стало быть, надлежит выслушать посла, — повторил князь. — И принять решение, соответствующее интересам нашего королевства. Демавенд безрассудно спровоцировал Нильфгаард и теперь пожинает плоды. А я вовсе не тороплюсь помирать за Венгерберг. То, что творится в Аэдирне, — не наши проблемы.

— Не наши? Да что вы, сто тысяч чертей, плетете? То, что нильфгаардцы уже в Лирии и Аэдирне, на правом берегу Яруги, что нас отделяет от них только лишь Махакам, вы называете не нашими проблемами? Надо не иметь ни крупицы разума, чтобы...

— Прекратите, — остановил Виллимер. — Ни слова больше. Король идет.

Двери залы отворились. Члены королевского Совета встали, отодвигая стулья. Многие стулья пустовали. Командующий наемными войсками и большинство командиров были при подразделениях в Долине Понтара, в Махакаме и у Яруги. Пустовали также стулья, обычно занятые чародеями. Чародеи... «Да, — подумал жрец Виллимер, — местам, которые занимают здесь, при королевском дворе в Вызиме, чародеи, долго оставаться незанятыми. Как знать, не навсегда ли?»

Король Фольтест быстро пересек залу, остановился у трона, но не сел, только наклонился, оперся руками о сиденье. Он был очень бледен.

— Венгерберг осажден, — тихо произнес король Темерии, — и падет с минуты на минуту. Нильфгаард безостановочно идет на север. Окруженные полки еще бьются, но это уже ничего не изменит. Аэдирн потерян. Король Демавенд бежал в Реданию. Судьба королевы Мэвы неизвестна.

Совет молчал.

— На нашу восточную границу, то есть на устье Долины Понтара, нильфгаардцы выйдут через несколько дней, — продолжал Фольтест так же тихо. — Хагга, последняя крепость Аэдирна, долго не продержится. А Хагга — это уже наша восточная граница. И на нашей южной границе произошло нечто очень скверное. Король Эрвилл из Вердэна присягнул на верность императору Эмгыру. Открыл ворота и сдал крепости в устье Яруги. В Настроге, Розроге и Бодроге, которые должны были защищать наш фланг, теперь размещены нильфгаардские гарнизоны.

Совет молчал.

— Благодаря этому, — продолжал Фольтест, — Эрвилл сохранил королевский титул, но его сюзереном стал Эмгыр. Так что формально Вердэн все еще королевство, но практически он — нильфгаардская провинция. Вы понимаете, что это означает? Ситуация изменилась на обратную. Вердэнские крепости в устье Яруги — в руках Нильфгаарда. Я не могу приступить к форсированию реки. И не могу ослабить стоящую там армию, формируя корпуса, которым следовало бы вступить в Аэдирн и поддержать армии Демавенда. Я не могу этого сделать. На мне лежит ответственность за страну и подданных.

Совет молчал.

— Император Эмгыр вар Эмрейс, — продолжал король, — предложил мне... заключить пакт. Я принял предложение. Сейчас я изложу вам, в чем суть этого пакта. А вы, выслушав меня, поймете... Признаете, что... Скажете...

Совет молчал.

— Скажете... — закончил Фольтест, — скажете, что я принес вам мир.

— Итак, Фольтест поджал хвост, — буркнул ведьмак, переламывая пальцами очередной прутик. — Стакнулся с Нильфгаардом. Бросил Аэдирн на произвол судьбы...

— Да, — подтвердил поэт. — Однако ввел войска в Долину Понтара, обложил и занял крепость Хаггу. А нильфгаардцы не вошли на перевалы Махакама и не пересекли Яругу в Соддене, не напали на Бругге, который после капитуляции и действий Эрвилла взяли в клещи. Несомненно, такова была цена нейтралитета Темерии.

— Цири была права, — прошептал ведьмак. — Нейтралитет... Нейтралитет, как правило, бывает подлым.

— Что?

— Ничего. А Каэдвен, Лютик? Почему Хенсельт из Каэдвена не поддержал Демавенда и Мэву? Ведь у них был союз, их объединял пакт. А если даже Хенсельт по примеру Фольтеста наплевал на подписи и печати на документах и пустил по ветру королевское слово, то, надо думать, не по дурости? Разве он не понимает, что после падения Аэдирна и пакта Нильфгаарда с Темерией придет его черед, что он — следующий в нильфгаардском списке? Ведь ясно же, что Каэдвен должен поддержать Демавенда. В мире уже нет ни веры, ни правды, но ум-то, надо думать, еще остался? А, Лютик? Есть еще в мире ум? Или остались лишь подлость и презрение?

Лютик отвернулся. Зеленые фонарики были близко, окружали их плотным кольцом. Он не заметил этого раньше, но теперь понял: дриады прислушивались к его рассказу.

— Молчишь, — сказал Геральт. — Значит, Цири была права. Значит, Кодрингер был прав. Значит, все были правы. Только один я, наивный, анахроничный и глупый ведьмак, был не прав.

Сотник Дигот по прозвищу Полгарнец откинул полотно палатки, вошел, тяжело сопя и зло ворча. Десятники повскакивали с мест, приняв армейскую стойку и нагнав на лица

подобающие случаю выражения. Зывик ловко накинул кожушок на стоящий между седлами бочонок водки, прежде чем глаза сотника успели привыкнуть к полумраку. Не то чтобы Дигот был таким уж ярым противником выпивок в лагере, просто надо было спасать бочонок. Прозвище сотника родилось не на пустом месте — все знали, что при соответствующих условиях он был способен лихо и чуть ли не мгновенно выхлебать полгарнца самогона. Казенный солдатский кубок емкостью в кварту сотник опустошал как полквартовку одним махом и редко когда проливал хоть каплю на усы.

— Ну и как, господин сотник? — спросил Бодэ, десятник лучников. — До чего там договорились благородные командиры? Какие приказы? Переходим границу? Говорите же!

— Щас, — буркнул Полгарнец. — Ну и жарища, забодай ее комар... Щас все выложу. Только для начала дайте чего напиться, не то глотка высохнет вконец. И не трепитесь, мол, нету, потому как самогоном несет от палатки за версту. И знаю, откедова несет. О, из-под того вон кожушка.

Зывик, бормоча под нос ругательства, добыл бочонок. Десятники сбились в плотную кучку, забренчали чарки и оловянные кружки.

— Аааа! — Сотник отер усы и глаза. — Уууух, крепка, забодай ее... Лей еще, Зывик.

— Ну же, говорите, — поторапливал Бодэ. — Приказы-то какие? Идем на нильфов аль дале будем торчать на границе, словно грачи на заборе?

— Горит вам в драчку, что ль? — Полгарнец надолго раскашлялся, сплюнул, тяжко присел на седло. — Так уж и тянет за рубеж, в Аэдирн? Подпирает, э? Ярые волчишки, ничего не скажешь, клыками так и клацаете.

— А как же, — холодно сказал малыш Сталер, переступая с ноги на ногу. Обе, как у всякого старого кавалериста, были кривыми, как дуги. — А как же, господин сотник. Пяту ночь в обувке спим, в готовности, стало быть. Вот и хочим знать, чего будет-то. То ль битва, то ль обратно в форт.

— За рубеж идем, — кратко сообщил Полгарнец. — Завтра на заре. Пять хоругвей. Бурая — передом. А теперь слу-

шайте, скажу, что нам, сотникам и хорунжим, велели комес и благородный господин маркграф Мансфельд из Ард Каррайга, напрямки от короля прибывши, передать. Наставьте ухи, потому как дважды говорить не стану. А приказы те непростые.

В палатке стало тихо.

— Нильфы перешли через Доль Ангру, — сказал сотник. — Прихлопнули Лирию, за четыре дня дошли до Альдерсберга, там после генерального боя разбили армию Демавенда. С марша после неполных шести дней осады предательством взяли Венгерберг. Теперича резко прут на север, теснят войска из Аэдирна к долине Понтара и к Доль Блатанна. Идут к нам, в Каэдвен. Потому приказ для Бурой Хоругви таков: перейти рубеж и быстро двигаться на юг, прямо к Долине Цветов. За три дни надо нам стать у речки Дыфни. Повторяю, за три дни, стало быть, на рысях идти будем. За речку Дыфню — ни шагу. Ни шагу, повторяю. Вот-вот на том берегу покажутся нильфы. С ними, слушайте как следует, в бой не вступать. Никоим разом, понято? Даже ежели они где-нито захочут речку перейти, то только показать им, знаки, стало быть, дать, чтобы знали — это мы, каэдвенское войско.

В палатке стало еще тише, хотя казалось, тише уже быть не может.

— Это как же ж так? — бухнул наконец Бодэ. — Нильфгаардцев-то не бить? На войну идем или как? Как же ж так, господин сотник?

— Приказ такой, стало быть. Идем не воевать, только... — Полгарнец почесал шею. — А с братекой помочью. Переходим границу, чтобы дать защиту людям из Верхнего Аэдирна... Не, чего я... Не из Аэдирна, а из Нижней Мархии. Так сказал благородный господин маркграф Мансфельд. Так, мол, и так, говорит, Демавенд понес поражку, откинул копыта и лежит, потому как дрянно правил и политикой, стало быть, подтирался. Значит, с ним уже конец и со всем Аэдирном тоже. Наш король Демавенду много грошей одолжил, пришел час возвернуть с процентом. Не можем мы также позволить, чтобы наши земки и братья из Нижней

Мархии попали к нильфгаардцам в полон. Должны мы их, того, высвободить. Потому как это наши извечные земли, Нижняя, стало быть, Мархия. Когда-то под скипетром Каэдвена земли те были и ноне под тот скипетр возворачиваются. Аж по самую речку Дыфню. Такой вот пакт заключил наш милостивый король Хенсельт с Эмгыром из Нильфгаарда. Но пакт пактом, а Бурая Хоругвь должна у реки встать. Понятно?

Никто не ответил. Полгарнец скривился, махнул рукой.

— А, забодай тя комар, ни хрена вы не поняли, вижу. Да и ладно. Потому как и я сам тоже. Для понимания существуют король, графья, комесы и благородные господа. А мы — войско! Наше дело — приказы слухать: дойти до речки Дыфни за три дни, там стать и стоять стеной. И все тута. Плесни, Зывик.

— Гоеподин сотник... — робко начал Зывик. — А чего будет, ежели, к примеру, аэдирнская армия сопротивляться почнет? Дорогу загородит? Ведь с оружием через ихнюю страну идем! Как тогда?

— Ну да, а ежели наши земки и братья, — язвительно подхватил Сталер, — те, которых мы высвободить вроде бы должны... Ежели они примутся из луков бить, каменьями кидать? Э?

— Должны мы за три дни стать у Дыфни, — с нажимом сказал Полгарнец. — Не позжей. Кто нас захочет задержать, тот, стало быть, неприятель. А неприятеля на мечи поднять надыть. Но внимание и смирно! Слушай приказ! Ни сел, ни халуп не палить, у людей имучество не отбирать, не грабить, баб не трогать! Вбейте себе и солдатам в мозг: кто тот приказ нарушит, пойдет на шибеницу. Комес десяток раз это повторил: идем, забодай тя комар, не с нашествием, а как бы с братской помочью! Ну чего зубы скалишь, Сталер? Приказ! А теперь бегом в десятки, поднять всех на ноги, кони и снаряжение должны гореть, как в полнолуние! Перед ужином все хоругви выстроить, сам комес будет проверять с хорунжими. Ежели за какую-нито десятку стыду наберуся, попомнит меня десятник, ой, попомнит! Выполнять!

Зывик вышел из палатки последним. Щуря ослепшие от солнца глаза, поглядел на царящий в лагере балаган. Десятники спешили к своим подразделениям, сотники бегали и лаялись, корнеты, знать и пажи путались под ногами. Латники из Бан Арда носились по полю, вздымая тучи пыли. Жарища была страшенная.

Зывик пошел быстрее. Миновал четырех прибывших вчера скальдов из Ард Каррайга, сидевших в тени богато разукрашенного шатра маркграфа. Скальды занимались тем, что загодя слагали балладу о победоносной войсковой операции, о гениальности короля, расторопности командиров и мужестве простого солдата. Как обычно, делали это авансом перед операцией, чтобы не терять попусту времени.

— Ох, встречали нас братушки да хле-ебом-солью... — начал на пробу один из скальдов. — Избавителей встречали да хле-ебом-солью... Эй, Графнир, подкинь-ка какую-нибудь рифму к «соли». Новую. Неизбитую.

Другой скальд подкинул рифму. Зывик не расслышал какую. То ли «фасоль», то ли «антресоль».

Расположившиеся среди верб у пруда десять солдат вскочили, увидев своего командира.

— Собирайсь! — рявкнул Зывик, останавливаясь достаточно далеко, чтобы источаемый им перегар не повлиял на морально-боевой уровень подчиненных. — Прежде чем солнце на четыре пальца подымется, все на смотр! Все должно блестеть, как энто самое солнце, оружие, амуниция, конь тожить! Будет маршировка, ежели из-за кого перед сотником стыду наберуся, ноги тому сукин-сыну повыдергиваю! Живо!

— В бой идем! — догадался конник Краска, быстренько запихивая рубашку в брюки. — В бой идем, господин десятник?

— А ты че думал? На пляски по случаю начала жатвы? Или как? Рубеж переходим. Завтра на заре двинется вся Бурая Хоругвь. Сотник не сказал, в каком строю, но токмо наша десятка передом пойдет, как завсегда. Ну живее, подымайте жопы-то! Кру-у-гом! Скажу сразу, потому как опосля времени верняком недостанет. Никакая это не будет об-

наковенная бойня, парни. Какую-то дурь надумали благородные, мать их так. Какое-то вызволение, или как там ее. Не идем ворога колотить, а на эти, ну на наши изувечные, не — извечные земли, с этой, ну как ее, братской помочью. А теперя смирно! Чего скажу-то: людишек из Аэдирна не трогать, не грабить...

— Это как же так? — раскрыл рот Краска. — Как же так-то — не грабить? А чем коней кормить, господин десятник?

— Фураж для коней грабить, боле ничего. Но людишек не сечь, халуп не палить, посевов не травить... Закрой пасть, Краска! Это тебе не вече, это войско, мать вашу так! Приказы слушать, иначе на шибеницу! Сказал: не убивать, не палить, баб... — Зывик осекся, задумался и докончил после минутного раздумья: — Баб трахать без шуму и штоб никто не видел.

— На мосту через реку Дыфню, — докончил Лютик, — они обменялись рукопожатиями. Маркграф Мансфельд из Ард Каррайга и Мэнно Коегоорн, главнокомандующий нильфгаардскими войсками из Доль Ангры. Пожали друг другу руки над кровоточащим, догорающим королевством Аэдирн, закрепляя тем самым бандитский раздел добычи. Самый отвратный из жестов, какие только знала история.

Геральт молчал.

— Раз уж мы остановились на отвратности, — немного погодя сказал он неожиданно спокойно, — то что с чародеями, Лютик? Я имею в виду тех, что из Капитула и Совета?

— С Демавендом не остался ни один, — начал поэт. — А Фольтест всех, кто ему служил, вытурил из Темерии. Филиппа — в Третогоре, помогает королеве Гедвиге наводить порядок в том бардаке, который все еще царит в Редании. С ней Трисс и еще трое, имен не помню. Несколько в Каэдвене. Многие сбежали в Ковир и Хенгфорс. Предпочли нейтралитет, потому что Эстерад Тиссен и Недамир, как ты знаешь, нейтралитет сохраняли и сохраняют.

— Знаю. А как Вильгефорц? И те, кто при нем?

— Вильгефорц исчез. Предполагалось, что он вынырнет в захваченном Аэдирне в качестве наместника Эмгыра... Но

от него ни слуху ни духу. От него и всех его подельников. Кроме...

— Говори, Лютик.

— Кроме одной чародейки, которая стала королевой.

Филавандрель аэп Фидаиль молча ожидал ответа. Королева, заглядевшись в окно, тоже молчала. Окно выходило в сады, еще недавно бывшие гордостью и красой властелина Доль Блатанна, наместника тирана из Венгерберга. Убегая от Вольных Эльфов, идущих в авангарде войск императора Эмгыра, наместник-человек успел вывезти из древнего дворца эльфов большую часть ценных вещей, даже часть мебели. Но садов забрать не мог. Он их уничтожил.

— Нет, Филавандрель, — сказала наконец королева. — Еще рано, еще очень рано. Не надо мечтать о расширении наших границ, пока мы не знаем даже, где они точно проходят. Хенсельт из Каэдвена и не думает соблюдать договор и убираться с Дыфни. Шпионы доносят, что он отнюдь не отказался от мысли о нападении. Он может ударить в любой момент.

— Значит, мы не добились ничего.

Королева медленно протянула руку. Бабочка аполлон, влетевшая в окно, уселась на ее кружевной манжет, сложила и раскрыла заканчивающиеся остриями крылышки.

— Мы добились больше, — сказала королева тихо, чтобы не спугнуть бабочку, — чем могли ожидать. Спустя сто лет мы наконец получили обратно нашу Долину Цветов...

— Я бы не называл ее так, — грустно улыбнулся Филавандрель. — После того как здесь прошли войска, она скорее Долина Пепла.

— Мы снова получили свою собственную страну, — закончила королева, глядя на бабочку. — Мы снова — Народ, не изгнанники. А пепел удобряет. Весной Долина Цветов расцветет вновь.

— Этого слишком мало, Маргаритка. Все еще слишком мало. Мы сбавили тон. Еще недавно мы похвалялись, что столкнем людей в море, с которого они прибыли. А теперь сузили наши границы и амбиции до Доль Блатанна...

— Эмгыр Деитвен подарил нам Доль Блатанна. Чего ты от меня хочешь, Филавандрель? Требовать большего? Не забывай, что, даже принимая дары, следует соблюдать умеренность. Особенно это относится к дарам Эмгыра, ибо Эмгыр ничего не дает даром. Земли, которые он нам даровал, мы должны удержать. А наших сил едва хватит, чтобы удержать Доль Блатанна.

— Вернем бригады из Темерии, Редании и Каэдвена, — предложил белоголовый эльф. — Вернем всех скоя'таэлей, борющихся с людьми. Теперь ты королева, Энид, они выполнят твой приказ. Сейчас, когда у нас наконец-то есть собственный клочок земли, их борьба потеряла смысл. Теперь их обязанность — вернуться и защищать Долину Цветов. Пусть сражаются как вольный народ, обороняя свои границы. А они гибнут как разбойники по лесам!

Эльфка опустила голову.

— Эмгыр на это не согласен, — шепнула она. — Бригады должны продолжать борьбу.

— Зачем? Во имя чего? — Филавандрель аэп Фидаиль резко выпрямился.

— Я скажу больше. Мы не имеем права поддерживать их и помогать. Таково условие Фольтеста и Хенсельта. Темерия и Каэдвен признают нашу власть над Доль Блатанна только в том случае, если мы официально осудим борьбу белок и отречемся от них.

— Дети умирают, Маргаритка. Умирают ежедневно, гибнут в неравной борьбе. После тайных договоров с Эмгыром люди накинутся на бригады и уничтожат их. Это наши дети, наше будущее! Наша кровь! А ты заявляешь, что мы должны от них отречься! Que'ss aen me dicette, Enid? Vorsaeke'llan? Aen vaine?

Бабочка взлетела, затрепыхала крылышками, устремилась к окну, закружилась, подхваченная потоками горячего воздуха. Франческа Финдабаир, именуемая Энид ан Глеанна, некогда чародейка, а отныне королева Aen Seidhe, Вольных Эльфов, подняла голову. В ее прекрасных голубых глазах стояли слезы.

— Бригады, — повторила она глухо, — должны продолжать борьбу. Нарушать порядок в человечьих королевствах, затруднять военные приготовления. Таков приказ Эмгыра, а я не могу противиться Эмгыру. Прости меня, Филавандрель.

Филавандрель аэп Фидаиль взглянул на нее и низко поклонился.

— Я-то прощаю, Энид. Но вот простят ли они?

— И ни один чародей не продумал все случившееся заново? Даже после того как Нильфгаард убивал и жег все и вся в Аэдирне, ни один из них не бросил Вильгефорца, не присоединился к Филиппе?

— Ни один.

Геральт молчал долго. Наконец очень тихо сказал:

— Не верю. Не верю, чтобы никто не отрекся от Вильгефорца, когда истинные причины и последствия его предательства вылезли наружу. Я, как всем известно, наивный, неразумный и анахроничный ведьмак. Но я по-прежнему не верю, чтобы ни у одного чародея не проснулась совесть.

Тиссая де Врие поставила тщательно отработанную, замысловатую подпись под последней фразой письма. Подумав, добавила рядом идеограмму, означающую ее истинное имя. Имя, которого никто не знал. Имя, которым она не пользовалась очень-очень давно. С тех пор как стала чародейкой.

«Жаворонок».

Отложила перо. Старательно, ровненько, точно поперек исписанного листа пергамента. Долго сидела неподвижно, уставившись в красный шар заходящего солнца. Потом встала. Подошла к окну. Какое-то время глядела на крыши домов. Домов, в которых в это время укладывались спать обычные люди, утомленные своей обычной человеческой жизнью и трудами, полные обычного человеческого беспокойства о судьбах, о завтрашнем дне. Чародейка взглянула на лежащее на столе письмо. Письмо было адресовано обычным людям. То, что большинство обычных людей не умело читать, значения не имело.

Остановилась перед зеркалом. Взбила волосы. Стряхнула с буфов рукава несуществующую пылинку. Поправила на декольте ожерелье из шпинели.

Подсвечники у зеркала стояли неровно. Видимо, служанка трогала их и переставляла во время уборки. Служанка. Обычная женщина. Обычный человек с глазами, полными страха перед наступающим. Обычный человек, затерявшийся в полотнищах времён презрения. Обычный человек, пытающийся обрести надежду и уверенность в завтрашнем дне в ее, чародейки, словах...

Обычный человек, доверие которого она не оправдала.

С улицы донеслись звуки шагов, стук тяжелых солдатских сапог. Тиссая де Врие даже не вздрогнула, не повернула головы. Ей было безразлично, чьи это шаги. Королевского солдата? Прево с приказом арестовать предательницу? Наемного убийцы? Палача, подосланного Вильгефорцем? Ее это не интересовало.

Шаги утихли в отдалении.

Подсвечники у зеркала стояли неровно. Чародейка подровняла их, поправила салфетку так, чтобы угол оказался точно посредине, симметрично четырехугольным подставкам подсвечников. Сняла с рук золотые браслеты и ровненько положила их на разглаженную салфетку. Глянула критично, но не нашла ни малейшего изъяна. Все лежало ровно, аккуратно. Как и должно было лежать.

Она отворила ящик комода, вынула из него короткий стилет с костяной ручкой.

Лицо у нее было гордое и неподвижное. Мертвое.

В доме стояла тишина. Такая тишина, что можно было услышать, как на столешницу падают лепестки увядающего тюльпана.

Красное как кровь солнце медленно опустилось на крыши домов. Тиссая де Врие села на стоящее у стола кресло, задула свечи, еще раз поправила лежащее поперек письма перо и перерезала себе вены на обеих руках.

Утомление от полного дня езды и впечатлений дало о себе знать. Лютик проснулся и понял, что заснул, скорее

всего захрапел на полуслове во время рассказа. Пошевелился и чуть не скатился с кучки веток — Геральта уже не было рядом, и он не уравновешивал подстилки.

— Так на чем... — Лютик откашлялся, сел. — На чем же я вчера остановился? Ага, на чародеях... Геральт? Где ты?

— Здесь, — отозвался ведьмак, едва различимый в темноте. — Продолжай. Ты собирался сказать об Йеннифэр.

— Послушай. — Поэт точно знал, что о названной персоне не имел ни малейшего намерения упоминать даже мимоходом. — Я, верно, ничего...

— Не ври. Я тебя знаю.

— Если ты меня так хорошо знаешь, — занервничал трубадур, — то на кой ляд добиваешься, чтобы я говорил? Зная меня как фальшивый шелонг, ты должен знать также, почему я промолчал, почему не повторяю дошедших до меня сплетен! Ты должен был бы додуматься, что это за сплетни и почему я хочу тебя от них избавить!

— Que suecc's? — Одна из спящих рядом дриад вскочила, разбуженная его возбужденным голосом.

— Прости, — тихо сказал ведьмак. — Ты тоже.

Зеленые фонарики Брокилона уже погасли, лишь немногие еще слабо тлели.

— Геральт, — прервал молчание Лютик. — Ты всегда утверждал, будто стоишь в стороне, будто тебе все едино... Она могла поверить. И верила, когда вместе с Вильгефорцем начала эту игру...

— Довольно, — прервал Геральт. — Ни слова больше. Когда я слышу слово «игра», мне хочется кого-нибудь убить. Давай свою бритву. Надо же наконец побриться.

— Сейчас? Еще темно...

— Для меня никогда не бывает темно. Я — монстр.

Когда ведьмак вырвал у него из руки кошелек с туалетными принадлежностями и направился к реке, Лютик почувствовал, что сонливость как рукой сняло. Небо уже начинало светлеть. Поэтому он отошел в лес, осторожно проходя мимо спящих, прижавшихся друг к другу дриад.

— Ты к этому причастен?

Он вздрогнул и обернулся. У опирающейся о ствол дриады волосы серебрились, это было видно даже в утреннем полумраке.

— Отвратительная картинка, — сказала она, скрещивая руки на груди. — Человек, который все потерял. Знаешь, певун, это любопытно. В свое время мне казалось, что всего потерять нельзя, что всегда что-то, да остается. Всегда. Даже во времена презрения, когда наивность может отыграться самым чудовищным образом, нельзя потерять все. А он... Он потерял несколько кварт крови, возможность нормально ходить, частично власть над левой рукой, ведьмачий меч, любимую женщину, чудом найденную дочь, веру... Но, подумала я, но ведь что-то должно было у него остаться? Я ошибалась. У него уже нет ничего... Даже бритвы.

Лютик молчал. Дриада не шелохнулась.

— Я спросила, ты причастен к этому? — продолжила она после недолгого молчания. — Но, видимо, спросила напрасно. Конечно, причастен. Ты же его друг. А если у тебя есть друзья и все-таки ты все теряешь, значит, виноваты друзья. В том, что сделали, и в том, чего не сделали. В том, что не знали, что следует сделать.

— А что я мог? — шепнул он. — Что я мог сделать?

— Не знаю.

— Я сказал ему не все...

— Это так.

— Я ни в чем не виноват.

— Виноват.

— Нет! Нет! Я не...

Он вскочил, раскидывая ветки лежанки. Геральт сидел рядом, растирая лицо. От него шел аромат мыла.

— Не виноват? — холодно спросил он. — Интересно, что тебе приснилось? Что ты — лягушка? Успокойся. Ты не лягушка. Что ты — олух? Ну в таком случае это мог быть провидческий сон.

Лютик оглянулся. Они были на поляне совершенно одни.

— Где она... Где они все?

— На опушке. Собирайся. Тебе пора.

— Геральт, я только что разговаривал с дриадой. Она говорила на всеобщем без всякого акцента и сказала мне...

— Ни одна из этой группы не говорит на всеобщем без акцента. Тебе приснилось, Лютик. Это Брокилон. Тут многое может присниться.

На опушке их ожидала одинокая дриада. Лютик узнал ее сразу — это была та, с зеленоватыми волосами, которая ночью приносила им свет и уговаривала его спеть еще. Дриада подняла правую руку, приказывая остановиться. Левой она держала лук со стрелой на тетиве. Ведьмак крепко сжал трубадуру руку.

— Что-то случилось? — шепнул Лютик.

— Да. Стой тихо, не шевелись.

Плотный туман, заполняющий пойму Ленточки, заглушал голоса и звуки, но не настолько, чтобы Лютик не услышал плеск воды и похрапывание лошадей. Реку переходили конные.

— Эльфы, — догадался он. — Скоя'таэли? Бегут в Брокилон, верно? Целая бригада...

— Нет, — проворчал Геральт, всматриваясь в туман. Поэт знал, что зрение и слух ведьмака невероятно чувствительны, но не мог угадать, оценивает ли он сейчас слухом или же зрением. — Не бригада. То, что осталось от бригады. Пятеро или шестеро конных, три лошади без седоков. Стой здесь, Лютик. Я иду туда.

— Gar'ean, — предостерегла зеленоволосая дриада, поднимая лук. — N'te va, Gwynbleidd! Ki'rin!

— Thaess aep, Fauve, — неожиданно резко ответил ведьмак. — M'aespar que va'en ell'ea? Пожалуйста, стреляй. А если нет, то замолчи и не думай меня запугать, потому что меня запугать нельзя. Я должен поговорить с Мильвой Барринг и поговорю, независимо от того, нравится тебе это или нет. Останься, Лютик.

Дриада опустила голову. Лук тоже.

Из тумана проступили девять лошадей, и Лютик увидел, что действительно только на шести из них сидели наездники. Заметил он и фигурки дриад, появившихся из зарослей

и направлявшихся навстречу, заметил, что трем наездникам пришлось помогать слезть с лошадей и поддержать, чтобы они могли дойти до спасительных деревьев Брокилона. Другие дриады, словно привидения, промчались по бурелому и береговому откосу и исчезли во мгле, затягивающей Ленточку. С противоположного берега раздался крик, ржание, плеск воды. Поэту почудилось, что он слышит свист стрел. Впрочем, уверен он не был.

— За ними гнались... — проворчал он.

Фаувэ повернулась, держа руку на луке седла.

— Ты петь такая песня, taedh, — проворчала она. — N'te ch'aent a'minne, не о Эттариэль. Любить — нет. Время — нет любить. Теперь время — убивать, да. Такая песня — да!

— Я, — пробормотал он, — не виноват в том, что творится...

Дриада минуту помолчала, глядя в сторону, потом быстро проговорила:

— Я — нет тоже. — И быстро скрылась в чаще.

Ведьмак вернулся примерно через час. Привел двух оседланных лошадей — Пегаса и гнедую кобылу. На чепраке кобылы видны были следы крови.

— Это лошадь эльфов, верно? Тех, что перешли реку?

— Да, — ответил Геральт. Лицо и голос у него были чужие и незнакомые. — Это кобыла эльфов. Однако временно она послужит мне. А представится случай — обменяю на коня, который умеет нести раненого, а если раненый упадет, останется рядом с ним. Кобылу этому явно не научили.

— Уезжаем?

— Уезжаешь ты. — Ведьмак кинул поэту поводья Пегаса. — Ну бывай, Лютик. Дриады проводят тебя версты три вверх по течению, чтобы ты не налетел на солдат из Бругге, которые, вероятно, все еще крутятся на том берегу.

— А ты? Остаешься?

— Нет. Не остаюсь.

— Узнал что-то от белок? О Цири, да?

— Бывай, Лютик.

— Геральт... Послушай...

— Что мне слушать? — крикнул ведьмак и вдруг осекся. — Ведь я ее... Я же не могу оставить ее на произвол судьбы. Она совсем одна. Ей нельзя быть одной, Лютик. Ты этого не поймешь. Никто этого не поймет, но я-то знаю. Если она будет одинока, с ней случится то же, что когда-то... Что когда-то случилось со мной... Ты этого не поймешь...

— Я понимаю. И поэтому еду с тобой.

— Да ты спятил! Знаешь, куда я еду?

— Знаю. Геральт, я... Я не сказал тебе всего... Я чувствую свою вину. Я не сделал ничего. Не знал, как следует поступить... Но теперь знаю. Я хочу поехать с тобой. Сопровождать тебя. Я не сказал тебе... о Цири, о слухах, которые кружат. Я встретил знакомых из Ковира, а те, в свою очередь, слышали сообщения послов, которые вернулись из Нильфгаарда... Догадываюсь, что эти слухи могли дойти даже до белок и ты уже все узнал от тех эльфов, которые перешли через Ленточку. Но позволь... мне... мне самому рассказать тебе...

Ведьмак долго молчал, безвольно опустив руки, наконец сказал изменившимся голосом:

— Прыгай в седло. Расскажешь по дороге.

В то утро во дворце Лок Грим, летней резиденции императора, царило необычное оживление. Тем более необычное, что всякие оживления, возбуждения и волнения были абсолютно не в обычаях нильфгаардской знати, а проявление беспокойства либо любопытства считалось признаком незрелости. Такое поведение нильфгаардскими вельможами почиталось столь предосудительным и недостойным, что выказывать оживление или возбуждение стыдилась даже недозрелая молодежь, от которой, кстати, мало кто ожидал приличного поведения.

Однако в то утро в Лок Гриме молодежи не было. Молодежи нечего было искать в Лок Гриме. Гигантскую тронную залу дворца заполняли серьезные и строгие аристократы, рыцари и дворяне, все как на подбор затянутые в черную придворную одежду, оживляемую лишь белизной брыжей и манжет. Мужчин сопровождали немногочисленные, но

столь же серьезные и строгие дамы, которым традиция разрешала освежить чернь одежд минимумом скромной бижутерии. Все прикидывались благопристойными, благовоспитанными, серьезными и строгими. А меж тем были невероятно возбуждены.

— Говорят, она некрасива. Худа и некрасива.

— Но вроде бы королевских кровей.

— От незаконного брака?

— Отнюдь. Легального.

— Стало быть, взойдет на трон?

— Если император пожелает...

— Разрази меня гром, вы только гляньте на Ардаля аэп Даги и князя де Ветта... Ну и физии... Словно уксуса наглотались...

— Тише, граф... Тебя удивляют их мины? Если слухи подтвердятся, Эмгыр даст пощечину древним родам. Унизит их...

— Слухи не подтвердятся. Император не женится на этой найде! Он не может так поступить...

— Эмгыр может все. Следите за словами, барон. Следите за тем, что говорите. Бывали уже такие, кто утверждал, будто Эмгыр не может того, сего. Кончали на эшафоте.

— Говорят, он уже подписал декрет о пожаловании ей земель. Триста гривен ренты, представляете себе?

— И титул принцессы. Кто-нибудь из вас ее уже видел?

— Как только она прибыла, ее тут же отдали в руки графини Лиддерталь, а вокруг дома поставили гвардейцев.

— Ее поручили графине, чтобы та научила девчонку хотя бы началам хороших манер. Говорят, ваша принцесса ведет себя как девка из коровника...

— И что странного? Она с севера, из варварской Цинтры.

— Тем невероятнее слухи о браке Эмгыра. Нет, нет, это абсолютно невозможно. Император, как и планировалось, возьмет в жены младшую дочь де Ветта. Он не женится на узурпаторке!

— А пора бы уж наконец жениться. Ради продолжения династии. Самое время завести маленького великого князя...

— Так пусть женится, только не на этой бродяге!

— Тише, без экзальтации! Ручаюсь, милостивые государи, этому союзу не бывать. Какая цель может быть у такого марьяжа?

— Политика, граф. Мы ведем войну. Такой союз имел бы политическое и стратегическое значение... Династия, из которой происходит принцесса, имеет законные титулы и подтвержденные ленные права на земли в Долине Ярры. Если она станет супругой императора... О, это был бы удачный шаг. Только взгляните на послов короля Эстерада, как они шепчутся...

— Похоже, князь, вы одобряете столь странное поведение? А может, даже и присоветовали его Эмгыру, а?

— Мое личное дело, маркграф, что я советую и одобряю, а что нет. А решения императора я не рекомендовал бы вам подвергать сомнению.

— Стало быть, он уже принял решение?

— Не думаю.

— Значит, ошибаетесь, если не думаете.

— Что вы этим хотите сказать, милостивая государыня?

— То, что Эмгыр удалил от дворца баронессу Тарнханн. Приказал ей вернуться к мужу.

— Порвал с Дервлей Трыффин Бруаннэ? Не может быть! Дервля была его фавориткой три года...

— Повторяю: удалил со двора.

— Это правда. Говорят, Золотоволосая Дервля страшно скандалила. Четверо гвардейцев силой заталкивали ее в карету...

— Вот муж обрадуется...

— Сомневаюсь.

— Великое Солнце! Эмгыр порвал с Дервлей? Порвал с ней ради этой найды? Дикарки с севера?

— Тише... Тише, черт побери...

— Кто за этим стоит? Какая партия поддерживает?

— Я же просила тише. На нас смотрят...

— Эта девка... Я хотел сказать, принцесса... Кажется, некрасива... Когда император ее увидит...

— Думаете, он ее еще не видел?

— Некогда было. Он только час назад прибыл из Дарн Руаха.

— Эмгыру никогда не нравились тощие. Айна Дермотт Клара аэп Гвиндолин Гор... А Дервля Трыффин Бруаннэ — это же писаная красавица...

— Может, и найда со временем похорошеет...

— Если ее отмыть. Княжны с севера, кажется, моются редко...

— Следите за словами. Возможно, мы говорим о будущей супруге императора...

— Она же еще ребенок. Ей не больше четырнадцати.

— Повторяю, это будет политический союз... Чисто формальный...

— Если б так, Золотоволосая Дервля осталась бы при дворе.

— Найда из Цинтры политически и формально уселась бы на трон рядом с Эмгыром... А по вечерам Эмгыр давал бы ей забавляться тиарой и играть коронными драгоценностями, а сам шел бы в опочивальню Дервли... По крайней мере до того времени, пока соплячка не достигнет того возраста, когда уже можно безопасно рожать.

— Хм... Да... В этом что-то есть. Как ее зовут... эту «прынцессу»?

— Ксерелла или как-то так.

— Да нет же. Зирилла. Да, кажется, Зирилла.

— Варварское имечко.

— Тише, дьявольщина...

— И серьезнее. Вы ведете себя как дети!

— Следите за словами! Следите за тем, чтобы я не почел их за оскорбление!

— Желаете сатисфакции? Вы знаете, где меня искать, маркграф!

— Тише! Спокойнее! Достойнее! Император...

Герольду достаточно было одного удара жезлом о паркет, чтобы украшенные черными беретами головы аристократов и рыцарей склонились словно колосья под порывом ветра. В тронной зале повисла тишина, такая, что герольду не потребовалось чрезмерно напрягать голосовые связки.

— Эмгыр вар Эмрейс, Деитвен Аддан ын Карн аэп Морвудд!

Белое Пламя, Пляшущее на Курганах Врагов, ступил в залу. Прошел вдоль рядов знати своим обычным быстрым шагом, энергично размахивая правой рукой. Его черная одежда ничем не отличалась от одежд дворян, разве что отсутствием брыжей. Темные волосы императора, как всегда, не уложенные в прическу, удерживало в относительном порядке узкое золотое кольцо, на шее поблескивала императорская цепь.

Эмгыр довольно небрежно присел на трон, стоящий на возвышении, уперся рукой в подлокотник, а подбородок положил на ладонь. На другой подлокотник трона ногу не забросил, а это означало, что соблюдение церемониала попрежнему обязательно. Ни одна из склоненных голов не приподнялась ни на вершок.

Император громко, не меняя позы, кашлянул. Придворные перевели дыхание и выпрямились. Герольд снова ударил жезлом по паркету.

— Цирилла Фиона Элен Рианнон, королева Цинтры, княжна Бругге и Соддена, наследница Инис Ард Скеллиг и Инис Ан Скеллиг, сюзеренка Аттре и Абб Ярра!

Глаза присутствующих обратились к дверям, в которых стояла высокая и преисполненная достоинства Стелла Конгрев, графиня Лиддерталь. Рядом с графиней шла носительница всех только что перечисленных весьма внушительных титулов. Худенькая, светловолосая, невероятно бледная, сутуловатая, в длинном белом платьице. В платьице, в котором она чувствовала себя явно неуютно и скверно.

Эмгыр Деитвен выпрямился на троне, а дворяне незамедлительно согнулись в поклонах. Стелла Конгрев незаметно подтолкнула светловолосую девочку. Обе они шествовали вдоль шеренги аристократов, представителей первых семей Нильфгаарда. Девочка семенила неуверенно и как бы окоченев. «Сейчас споткнется», — подумала графиня.

Цирилла Фиона Элен Рианнон споткнулась.

«Неловкая и тощая, — подумала графиня, приближаясь к трону. — Неловкая и в придачу недоразвитая. Но я сде-

лаю из нее красотку. Сделаю из нее королеву, как приказал ты, Эмгыр».

Белое Пламя Нильфгаарда рассматривал их с высот своего трона. Как всегда, глаза его были слегка прищурены, на губах блуждала едва заметная насмешливая улыбка.

Королева Цинтры споткнулась снова. Император уперся локтем в подлокотник трона, коснулся рукой щеки. Улыбнулся. Стелла Конгрев была уже достаточно близко, чтобы разгадать его улыбку. И обмерла от ужаса. «Что-то не так, — испуганно подумала она. — Что-то не так. Полетят головы. Ох, Великое Солнце, полетят...»

Она быстро взяла себя в руки, поклонилась, заставив сделать книксен и девочку.

Эмгыр вар Эмрейс не поднялся с трона. Но слегка наклонил голову. Придворные затаили дыхание.

— Королева, — проговорил Эмгыр. Девочка съежилась. Император не глядел на нее. Он глядел на собравшихся в зале. — Королева, — повторил он. — Я рад возможности приветствовать тебя в моем дворце и в моем государстве. Ручаюсь словом императора, что близок тот день, когда все принадлежащие тебе по праву титулы вернутся к тебе вместе с землями, которыми ты законно, легально и неоспоримо владеешь. Узурпаторы, хозяйничающие в твоих владениях, развязали против меня войну. Они напали на меня, заявив при этом, будто защищают твои права и власть. Так пусть же весь мир знает, что ко мне, а не к ним ты обращаешься за помощью. Так пусть же весь мир знает, что здесь, в моем государстве, ты обретешь вновь надлежащие сюзерену почести и королевское имя, в то время как для моих врагов ты была лишь изгнанницей. Так пусть же весь мир знает, что в моем государстве ты в безопасности, в то время как мои враги не только отказывали тебе в короне, но и пытались подвергнуть опасности твою жизнь.

Взгляд императора Нильфгаарда остановился на послах Эстерада Тиссена, владыки Ковира, и на посланниках Недамира, короля Лиги из Хенгфорса.

— Пусть правду узнает весь мир, в том числе и короли, которые делали вид, будто не ведают, на чьей стороне исти-

на и справедливость. И пусть весь мир узнает, что помощь тебе будет оказана. Твои и мои враги будут повергнуты. В Цинтре, в Соддене и Бругге, в Аттре, на Островах Скеллиге и в устье Ярры вновь воцарится мир, а ты, к радости и ликованию твоих земляков и всех почитающих справедливость людей, обретешь трон.

Девочка в белом платьице опустила голову еще ниже.

— А пока этого не случилось, — продолжал Эмгыр, — в моем государстве будут относиться к тебе с подобающим почтением я и все мои подданные. А поскольку в твоем королевстве все еще полыхает пожар войны, в доказательство почтения, уважения и дружбы Нильфгаарда дарую тебе титул принцессы Рована и Имлака, госпожи замка Дарн Рован, куда ты сейчас отбудешь, дабы ожидать там наступления спокойных и счастливых времен.

Стелла Конгрев сдержалась и не позволила появиться на лице хотя бы признаку удивления. «Он не оставит ее при себе, — подумала она, — отошлет в Дарн Рован, на край света, туда, где сам не бывает никогда. Он явно не намерен свататься к этой девочке и не думает о скором браке. Он явственно не желает ее даже видеть. Тогда почему же освободился от Дервли? В чем тут дело?»

Она встрепенулась, быстро схватила принцессу за руку. Аудиенция была окончена. Когда они выходили из залы, император на них не смотрел. Придворные кланялись.

Дождавшись, пока они выйдут, Эмгыр вар Эмрейс закинул ногу на подлокотник трона.

— Кеаллах, — сказал он. — Ко мне!

Сенешаль остановился на положенном по церемониалу расстоянии, согнулся в поклоне.

— Ближе, — сказал Эмгыр. — Подойди ближе, Кеаллах. Я буду говорить тихо. И то, что скажу, предназначено исключительно для твоих ушей.

— Ваше величество...

— Что еще предусмотрено на сегодня?

— Прием верительных грамот и вручение экзекватуры послу короля Эстерада из Ковира, — быстро доложил сенешаль. — Назначение наместников, префектов и палатинов

в новые провинции и палатинаты. Утверждение графского титула и земельного надела...

— Послу вручим экзекватуру и примем его на приватной аудиенции. Остальное — на завтра.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Скажи Скеллену и виконту Эиддону, чтобы сразу после аудиенции явились в библиотеку. Тайно. Ты тоже. И приведи вашего главного мага, ворожея... как там его?

— Ксартисиус, ваше величество. Он живет в башне за городом...

— Его жилищные условия меня не интересуют. Пошлешь за ним, пусть доставят в мои покои. Тихо, без шума, секретно.

— Ваше величество... Разумно ли, чтобы астролог...

— Я приказал, Кеаллах.

— Слушаюсь.

Не прошло и трех часов, как все названные встретились в императорской библиотеке. Ваттье де Ридо, виконта Эиддона, вызов не удивил. Ваттье руководил военной разведкой. Эмгыр вызывал его очень часто — шла война. Не удивил вызов и Стефана Скеллена по прозвищу Филин, исполняющего при императоре обязанности коронера, специалиста по особым заданиям и спецслужбам. Филина никогда ничто не удивляло.

А вот третий из вызванных был невероятно удивлен. Тем более что именно к нему-то император обратился прежде всего:

— Мэтр Ксартисиус.

— Ваше императорское величество?

— Мне необходимо знать местонахождение некоей особы. Особы, пропавшей без вести либо кем-то укрываемой. Возможно, она находится в узилище. Чародеи, которым я уже однажды это поручал, не оправдали надежд. Возьмешься?

— На каком расстоянии находится... может находиться эта особа?

— Если б я знал, мне не потребовались бы ворожба и твои услуги.

— Прошу простить, ваше императорское величество, — икнув, пробормотал астролог. — Дело в том, что большое

расстояние затрудняет астромантию. Практически... исключает... Хм, хм... А ежели на эту особу распространяется магическая протекция... Я могу попробовать, но...

— Короче, мэтр.

— Мне необходимо время... И компоненты для заклинаний... Если конъюнкция звезд будет удачной, то... Хм... хм... Ваше императорское величество, то, о чем вы просите, дело очень сложное... Мне необходимо время...

«Еще минута — и Эмгыр велит посадить его на кол, — подумал Филин. — Если чародей не перестанет бормотать...»

— Мэтр Ксартисиус, — неожиданно любезно, даже мягко прервал император, — ты получишь все необходимое. В том числе и время. В границах разумного.

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверил астролог. — Но смогу установить лишь приблизительное расположение... То есть район или радиус...

— Что?

— Астромантия... — пробормотал Ксартисиус. — При больших расстояниях астромантия позволяет только приблизительно локализовать. Очень приблизительно, с большим допуском. Так сказать, разбросом. Поверьте, ваше императорское величество, я действительно не знаю, смогу ли...

— Сможешь, мэтр, сможешь, — процедил император, а его темные глаза зловеще сверкнули. — Я абсолютно уверен в твоих способностях. А что касается допуска и разброса, то чем больше будут твои... допуски, тем меньше моя... терпимость.

— Мне необходимо знать точную дату рождения названной особы, — поежившись, пробормотал астролог. — По возможности до часа... Весьма полезно было бы получить какой-нибудь предмет, принадлежавший оной особе.

— Волосы, — тихо сказал Эмгыр. — Волосы подойдут?

— О-о-о! — повеселел астролог. — Волосы! Это значительно облегчит... Ах, если б еще получить кал либо мочу...

Глаза Эмгыра опасно прищурились, а маг скуксился и переломился пополам в низком поклоне.

— Покорнейше прошу простить, ваше императорское величество... — заикаясь, пробормотал он. — Прошу про-

стить... Я понимаю... Да, волос будет вполне достаточно... Совершенно достаточно... Абсолютно достаточно... Когда можно будет их получить?

— Их доставят тебе сегодня же одновременно с датой рождения. Я тебя не задерживаю, мэтр. Отправляйся в свою башню и начинай следить за созвездиями.

— Да будет с вашим императорским величеством Великое Солнце...

— Хорошо, хорошо. Можешь идти.

«Теперь наша очередь, — подумал Филин. — Интересно, что ждет нас?»

— Каждого, — медленно проговорил император, — кто хоть слово пикнет о том, что сейчас будет сказано, ждет четвертование. Ваттье!

— Слушаю, ваше величество.

— Каким образом к нам попала эта... принцесса? Кто этим занимался?

— От крепости Настрог, — собрал лоб в складки начальник разведки, — ее высочество конвоировали гвардейцы под командованием...

— Не об этом я спрашиваю, черт подери! Как девочка оказалась в Настроге, в Вердэне? Кто доставил ее в крепость? Кто там сейчас начальником? Тот, кто прислал сообщение? Годыврон какой-то?

— Годыврон Пыткаирн, — быстро сказал Ваттье де Ридо, — конечно, был проинформирован о миссии Риенса и графа Кагыра аэп Кеаллаха. Спустя трое суток после событий на острове Танедд в Настрог явились два человека. Точнее — один человек и один эльф-полукровка. Именно они, ссылаясь на указания Риенса и графа Кагыра, передали Годыврону принцессу.

— Так, — усмехнулся император, и Филин почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки. — Вильгефорц ручался, что схватит Цириллу на Танедде. Риенс гарантировал мне то же самое. Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах получил относительно этого четкие указания. И вот в Настрог у реки Ярре, через три дня после аферы на острове, Цириллу привозит не Вильгефорц, Риенс или Ка-

гыр, а человек и полуэльф. Годыврон, конечно, и не подумал арестовать обоих?

— Не подумал. Наказать его за это, ваше величество?

— Нет.

Филин сглотнул. Эмгыр молчал, потирая лоб, огромный бриллиант в его перстне искрился звездой. Через минуту император поднял голову.

— Ваттье.

— Ваше величество?

— Поставишь на ноги всех своих подчиненных. Приказываю схватить Риенса и графа Кагыра. Догадываюсь, что они находятся на территориях, еще не занятых нашими войсками. Для этого используешь скоя'таэлей либо эльфов королевы Энид. Обоих арестованных доставишь в Дарн Руах и подвергнешь пыткам.

— О чем спрашивать, ваше величество? — прищурился Ваттье де Ридо, прикидываясь, будто не видит бледности, покрывшей лицо сенешаля Кеаллаха.

— Ни о чем. Позже, когда они уже немного размякнут, я повыспрашиваю их лично. Скеллен!

— Слушаю, ваше величество.

— Как только этот старый хрыч Ксартисиус... Если этот бормочущий говноман ухитрится определить то, что я приказал ему определить... Тогда организуешь в указанном им районе поиски некоей особы. Описание получишь. Не исключено, что астролог укажет территорию, которая находится под нашей властью, тогда поставишь на ноги всех, отвечающих за эту территорию. Весь гражданский и военный аппарат. Этот вопрос — наипервостепеннейший. Ты понял?

— Так точно. Могу ли я...

— Не можешь. Садись и слушай, Филин. Скорее всего Ксартисиус не определит ничего. Особа, которую я приказал ему искать, вероятно, находится не на нашей, а на чужой территории и под магической опекой. Голову дам на отсечение, что она пребывает там же, что и наш таинственно потерявшийся друг, чародей Вильгефорц из Роггевеена. Поэтому, Скеллен, сформируешь и подготовишь специаль-

ный отряд, которым будешь командовать лично. Людей подберешь из самых лучших. Они должны быть готовы ко всему... Не верить в приметы и так далее... То есть не бояться магии.

Филин поднял брови.

— Твой отряд, — докончил Эмгыр, — получит задание отыскать и захватить пока что неизвестное мне, но наверняка неплохо замаскированное и хорошо охраняемое укрытие Вильгефорца. Нашего бывшего друга и соратника.

— Понял, — бесстрастно сказал Филин. — У разыскиваемой особы, которую я там скорее всего обнаружу, не может, как я понимаю, волос с головы упасть?

— Правильно понимаешь.

— А у Вильгефорца?

— У Вильгефорца — может. — Император жестко усмехнулся. — У него даже должен упасть раз и навсегда. Вместе с головой. К другим чародеям, обнаруженным в его укрытии, это также относится. Без исключений.

— Понял. Кто займется розыском укрытия Вильгефорца?

— Я же сказал: ты, Филин.

Стефан Скеллен и Ваттье де Ридо переглянулись. Эмгыр откинулся на спинку кресла.

— Все ясно? Итак... В чем дело, Кеаллах?

— Ваше величество, — с трудом проговорил сенешаль, на которого до сих пор никто, казалось, не обращал внимания. — Покорнейше прошу помиловать...

— Никаких помилований предателям. Никакого милосердия к тем, кто противится моей воле.

— Кагыр... Мой сын...

— Твой сын... — Эмгыр прищурился. — Я еще не знаю, в чем провинился твой сын. Хотелось бы верить, что его вина лишь в глупости и нерасторопности, а не в предательстве. Если так, он будет обезглавлен, а не колесован.

— Ваше величество, Кагыр не предатель... Кагыр не мог...

— Достаточно, Кеаллах, ни слова больше! Виновные будут наказаны. Они пытались меня обмануть, а этого я не прощаю. Ваттье, Скеллен, через час явитесь за подписанными инструкциями, приказами и полномочиями, затем не-

замедлительно приступайте к выполнению заданий. И еще одно: не надо, думаю, добавлять, что девица, которую вы недавно видели в тронной зале, для всех должна оставаться Цириллой, королевой Цинтры и принцессой Рован. Для всех. Приказываю считать это государственной тайной и вопросом величайшего государственного значения.

Собравшиеся с удивлением взглянули на императора. Деитвен Аддан ын Карн аэп Морвудд слегка улыбнулся.

— Или вы еще не поняли? Вместо настоящей Цириллы из Цинтры мне подсунули какую-то недотепу. Предатели, вероятно, тешили себя надеждой, что я ее не разоблачу. Но я распознаю истинную Цири. Распознаю ее на краю света и во мраке ада.

Великозагадочно то, что единорожец, хотя ж небывало пуглив и любознателен есть, ежели такову девицу повстречает, коя еще со супругом телесно не общалась, незамедля пристанет к оной, преклонит колена и безо всякого страху главу свою ей на подол покладет. Говорят, в минувшие и древние времена такие девицы бывали, кои из способности таковой себе ремесло учиняли. В безбрачии и воздержании томились лета многие, дабы ловчим аки манки на единорожцев служить могли. Однако же вскорости выявилось, что единорожец токмо к младым девицам пристает, старшими же пренебрегает. Разумным животным будучи, единорожец безошибочно понимает, что сверх меры в девичестве пребывать — вещь противная натуре и зело подозрительная.

Physiologus

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Разбудила и привела ее в чувство жара, обжигающая кожу, как раскаленное железо палача.

Она не могла пошевелить головой, что-то ее держало. Она дернулась и вскрикнула от боли, чувствуя, как разрывается кожа на виске. Раскрыла глаза. Камень, на который опиралась голова, был бурым от запекшейся крови. Она ощупала висок, почувствовала под пальцами твердый, потрескавшийся струп. Струп прилип к камню и оторвался, когда она пошевелила головой. Ранка снова начала кровоточить. Цири откашлялась, харкнула, выплюнула песок вместе с густой тягучей слюной. Приподнялась на локтях, села, осмотрелась.

Со всех сторон ее окружала каменистая, красно-серая, иссеченная рытвинами и террасами равнина, кое-где вздыбившаяся кучками камней, огромными валунами либо торчащими из песка скалами странной формы. Высоко над равниной в желтом небе висело огромное раскаленное солнце, искажающее все видимое слепящим огнем и дрожанием воздуха.

«Где я?»

Она осторожно коснулась разбитого, распухшего виска. Больно. Очень больно. «Видимо, — подумала она, — я не раз перевернулась, здорово проехалась по земле». Тут она увидела разорванную, изодранную в клочья одежду и обнаружила новые участки боли — на крестце, на спине, на руке

и бедрах. При падении пыль, острые песчинки и гравий забрались всюду — в волосы, в уши, в рот и даже в глаза, которые горели и слезились. Горели ладони и локти, стертые до мяса.

Медленно и осторожно она распрямила ноги и снова застонала, потому что левое колено отозвалось на движение пронизывающей тупой болью. Она ощупала его через неповрежденную кожу брюк, но колено было в норме. При вдохах сильно и зловеще кололо в боку, а попытка наклониться привела к тому, что она чуть не крикнула от резкой спазмы в нижней части спины. «Ну и побилась же я, — подумала она. — Но вроде ничего не поломала. Если б сломала кости, болело бы сильнее. Я цела. Просто ушиблась. Я смогу встать. И встану».

Медленно, экономными движениями она приняла нужную позу, неловко встала на колени, пытаясь предохранять ушибленное колено. Потом, постанывая, охая и шипя, встала на четвереньки. Прошла вечность, прежде чем ей удалось подняться во весь рост. Однако головокружение тут же подкосило ей ноги, и она сразу тяжело повалилась на камни. Чувствуя подступающую тошноту, повернулась на бок. Раскаленные камни жгли как уголья.

— Не встать, — всхлипнула она. — Не могу... Испекусь на солнце.

В голове билась боль, вредная, непрекращающаяся боль. Каждое движение усиливало ее. Цири замерла. Заслонила голову руками, но жара вскоре стала невыносимой. Хочешь не хочешь, а от нее надо как-то скрыться. Преодолевая обессиливающее сопротивление больного тела, жмурясь от разрывающей виски боли, она на четвереньках поползла к большому камню, который песчаные вихри сделали похожим на странный гриб. Бесформенная головка каменного гриба давала у основания немного тени. Цири свернулась калачиком, кашляя и шмыгая носом.

Лежала она до тех пор, пока передвигающееся по небу солнце вновь не достало ее потоками изливающегося сверху огня. Она переползла на другую сторону камня, но это не помогло. Солнце стояло в зените, каменный гриб практи-

чески не давал тени. Она прижала руки к вискам, надеясь унять боль.

Разбудила ее дрожь, сотрясающая все тело. Огненный шар солнца растратил слепящую золотистость. Теперь, повиснув над далекими рваными, зубчатыми скалами, он был оранжевым. Жара чуточку спала.

Цири с трудом села, осмотрелась. Головная боль немного утихла. Она ощупала голову: жара спалила и высушила струп на виске, превратив его в твердую, скользкую корочку. Однако тело все еще болело, казалось, на нем нет ни одного здорового местечка. Она отхаркнулась, скрипнув песком на зубах, попробовала сплюнуть. Ничего не получилось. Оперлась спиной о камень, все еще источающий тепло. «Наконец-то перестало припекать, — подумала она. — Теперь, когда солнце садится, можно выдержать, а скоро...

Скоро наступит ночь».

Она вздрогнула. «Где я, черт дряхлый, нахожусь? Как отсюда выбраться? И куда? Куда идти? А может, вообще не двигаться с места, ждать, пока найдут? Ведь меня же будут искать. Геральт, Йеннифэр. Не оставят же они меня одну...»

Она снова попыталась сплюнуть, и опять ничего не получилось. И тогда она поняла.

Жажда.

Она помнила. Уже тогда, во время бегства, ее мучила жажда. К луке седла вороного, на которого она забралась, убегая в Башню Чайки, была приторочена деревянная фляжка. Она это помнила точно. Но тогда не смогла ее ни отстегнуть, ни унести. А теперь фляжки не было. Теперь вообще не было ничего. Ничего, кроме острых раскаленных камней, струпа, стягивающего кожу на виске, боли во всем теле и пересохшего горла, которое невозможно смочить, даже проглотив слюну.

«Я не могу здесь оставаться. Я должна идти и отыскать воду. Не найду воды — умру».

Она попробовала подняться, раня пальцы о каменный гриб. Встала. Сделала шаг. И со стоном упала на четвереньки, выгнулась в сухом позыве тошноты. Ее схватили судо-

роги, началось головокружение, настолько сильное, что снова пришлось лечь.

«Я бессильна. И одинока. Опять. Все меня предали, бросили, оставили одну. Как когда-то...»

Цири почувствовала, как горло стискивают невидимые клещи, до боли сводит челюсти, начинают дрожать полопавшиеся губы. «Нет более отвратного зрелища, чем плачущая чародейка», — вспомнила она слова Йеннифэр. «Но ведь... Ведь меня здесь никто не увидит... Никто...»

Свернувшись в клубок под каменным грибом, Цири всхлипнула, разразилась сухим, страшным плачем. Без слез.

Подняв наконец распухшие, непослушные веки, она увидела, что жара еще больше смягчилась, а небо, совсем недавно бывшее желтым, окрасилось в свойственный ему темно-синий цвет, по которому — о диво! — протянулись тонкие белые нитки облаков. Солнечный диск покраснел, опустился ниже, но все еще лил на пустыню зыбкий, пульсирующий жар. А может, жар источал нагретый камень?

Цири села, отметив, что боль в голове и побитом теле перестала докучать, была сейчас ничем по сравнению с сосущей болью, нарастающей в желудке, и чудовищными, вызывающими постоянный кашель резями в пересохшем горле.

«Не поддаваться, — подумала она. — Мне поддаваться нельзя. Как и в Каэр Морхене, я должна встать, преодолеть, победить, заглушить в себе боль и слабость. Я должна встать и идти. Теперь по крайней мере я знаю направление. Там, где сейчас солнце, — запад. Я должна идти, должна найти воду и что-нибудь съедобное. Я должна. Иначе — погибну. Это — пустыня. Я залетела в пустыню. В Башне Чайки был магический портал, чародейское приспособление, при помощи которого можно переноситься на большие расстояния...»

Портал в Тор Лара был странным порталом. На последнем этаже, на который она вбежала, не было ничего, даже окон, только голые, покрытые плесенью стены. И на одной из стен вдруг разгорелся правильный, опалесцирующий белым светом овал. Она заколебалась, но портал притягивал, призывал ее, прямо-таки умолял войти. Другого выхода не

было, только этот светящийся овал. Она зажмурилась и ступила в него.

А потом была слепящая яркость и сумасшедшая круговерть, вихрь, запирающий дыхание и ломающий ребра. Она помнила полет в тишине, холоде и пустоте, потом снова вспышку и... шквал воздуха. Наверху все было голубым, внизу — туманным и серым...

Портал выбросил ее на лету, как орлик выпускает слишком тяжелую для него рыбу. Повалившись на камни, она сразу же потеряла сознание. На сколько времени — она не знала.

«В Храме я читала о порталах, — вспомнила она, вытряхивая песок из волос. — В книгах были упоминания о телепорталах, действующих искаженно либо хаотично, выносящих неведомо куда. Вероятно, портал в Башне Чайки был именно таким. Выкинул меня куда-то на край света. Куда — не знает никто. Никто меня здесь не найдет. Если останусь — умру».

Она встала. Собрав все силы, придерживаясь за камень, сделала первый шаг. Второй, третий.

С первых же шагов поняла, что пряжки правого сапога сорваны, а сползающее голенище затрудняет ходьбу. Она села, на этот раз уже умышленно, не вынужденно, осмотрела одежду и оснащение. Сосредоточившись на этих действиях, забыла об усталости и боли.

Первое, что она обнаружила, был кордик. Она забыла о нем, пояс с ножнами сполз вниз. Рядом с кордиком, как всегда, на поясе висел маленький кошелек. Подарок Йеннифэр. Кошелек содержал то, что «у дамы всегда должно быть при себе». Цири развязала кошелек. Увы, стандартная экипировка дамы не предусматривала ситуации, в которой она оказалась. В кошельке лежали: черепаховый гребень, универсальный ножичек-пилка для ногтей, обмотанный тряпицей, предварительно прокипяченный тампон из льняной ткани и жадеитовая баночка мази для рук.

Цири немедленно смазала мазью горящее лицо и губы и сразу же слизала мазь с губ. Не раздумывая вылизала всю баночку, наслаждаясь жирностью и капелькой успокоитель-

ной влаги. У использованных для ароматизации мази ромашки, амбры и камфоры был отвратительный вкус, но подействовали они стимулирующе.

Она обвязала сползающее с ноги голенище вытянутым из рукава ремешком, встала, несколько раз топнула для пробы. Развязала тампон, сделала из него широкий бинт, защищающий разбитый висок и обожженный солнцем лоб.

Встала, поправила пояс, передвинула кордик ближе к левому бедру, механически вытащила его из ножен, проверила большим пальцем клинок. Острый. Она знала.

«Ну что ж, — подумала она, — оружие у меня есть. Я — ведьмачка. Нет, я тут не погибну. Что нам голод, выдержу. В храме Мелитэле порой приходилось поститься даже и по два дня кряду. А вода... Вот воду необходимо искать. Буду идти до тех пор, пока не найду. Должна же эта проклятая пустыня где-то кончаться. О большой пустыне я бы что-нибудь да знала, заметила бы на картах, которые рассматривала вместе с Ярре. Ярре... Интересно, что он сейчас делает...

Ну — вперед. На запад. Туда, где заходит солнце. Единственное четкое направление. Ведь я никогда не плутаю, всегда знаю, в какую сторону идти. Если потребуется, буду идти всю ночь. Я — ведьмачка. Как только ко мне вернутся силы, я побегу, как на Мучильне. Тогда быстро доберусь до края пустоши. Выдержу. Должна выдержать... Хо-хо, Геральт, наверно, не раз бывал в таких пустынях, а то и еще попаршивее...

Все. Иду».

Прошел час. Местность не изменилась. Вокруг по-прежнему были только камни, красно-серые, острые, выскальзывающие из-под ног, требующие осторожности. Редкие кустики, сухие и колючие, протягивали к ней из расщелин искореженные ветки. У первого попавшегося куста Цири задержалась, надеясь найти листья или молодые побеги, которые можно будет высосать и сжевать. Но у куста были только колючки. Он не годился даже на то, чтобы сделать из него палку. Второй и третий кусты были точно такими же, на следующие она уже не обращала внимания, не задерживаясь, проходила мимо.

Смеркалось быстро. Солнце опустилось к зубчатому, рваному горизонту, стало красным, потом пурпурным. Вместе с сумерками надвигался холод. Вначале это было приятно, прохлада успокаивала обожженную кожу. Однако вскоре стало гораздо холоднее, и Цири начала щелкать зубами. Она ускорила шаг, рассчитывая на то, что согреется, но усилие снова пробудило боль в боку и колене. Она начала прихрамывать. Вдобавок солнце полностью скрылось за горизонтом и моментально опустилась тьма. Было новолуние, а звезды, от которых искрилось все небо, почти не давали света. Вскоре Цири перестала что-либо видеть. Несколько раз падала, болезненно сдирая кожу с запястий. Дважды попадала ступней в щели между камнями, не сломала и не вывихнула ногу только потому, что ее выручали от падения выученные ведьмачьи движения. Ясно — идти в темноте было невозможно.

Она в отчаянии присела на плоскую базальтовую плиту, не имея понятия, выдержала ли направление. Ту точку, в которой солнце скрылось за горизонтом, она давно уже потеряла. Ее окружала бархатистая, непроглядная темень. И пронизывающий холод. Холод, который парализовал, кусал суставы, заставлял сутулиться и втягивать голову в плечи. Цири затосковала по солнцу, хоть и знала, что, как только оно выглянет, на камни и скалы хлынет ливень невыносимого жара. Жара, лишающего возможности двигаться. Цири снова почувствовала, как горло стискивает спазма, заливает волна отчаяния и безнадежности. Но на этот раз отчаяние и безнадежность сменились бешенством.

— А вот и не буду плакать! — крикнула она во мрак. — Я — ведьмачка! Я... чародейка!

Цири подняла руки, прижала ладони к вискам. Сила есть всюду! В воде, в воздухе, в земле...

Цири быстро встала, протянула руки, медленно, неуверенно сделала несколько шагов, лихорадочно отыскивая истоки. Ей повезло. Почти тотчас она почувствовала в ушах знакомый шум и пульсацию, ощутила энергию, бьющую из водной жилы, скрытой в глубинах земли. Она зачерпнула Силу одновременно с осторожным, сдержанным вдохом, по-

нимая, что она ослаблена, а в таком состоянии резкое наполнение мозга кислородом может мгновенно лишить ее сознания, свести на нет все усилия и привести к роковым последствиям. Энергия понемногу наполняла ее, приносила знакомую, минутную эйфорию. Легкие начали работать быстрее и сильнее.

Получилось!

«Вначале утомление, — подумала она, — сначала парализующая боль в руках и бедрах. Потом — холод. Необходимо повысить температуру тела».

Постепенно она вспоминала жесты и заклинания. Некоторые проделывала и произносила слишком поспешно — судороги, резкая спазма и головокружение подрезали колени. Она опустилась на базальтовую плиту, успокоила руки, сдержала рваное, неравномерное дыхание.

Повторила формулу, принуждая себя к спокойствию и сосредоточенности. На этот раз результат сказался незамедлительно. Она растерла на бедрах и затылке охватившее ее тепло. Встала, чувствуя, как утомление исчезает, а наболевшие мускулы расслабляются.

— Я — чародейка! — торжествующе воскликнула она, высоко поднимая руки. — Явись, бессмертный Свет! Я призываю тебя! Aen'drean ve, eveigh Aine!

Небольшой теплый шар света бабочкой выплыл из ее ладони, отбросив на камни подвижные мозаики теней. Медленно двигая руками, она успокоила шар, поместила его так, чтобы он висел перед ней. Решение было не самое удачное — свет ослеплял. Она передвинула шар за спину. Не то — ее собственная тень ложилась на дорогу, ухудшая видимость. Цири потихоньку переместила светящуюся сферу вбок, повесила чуть выше правого плеча. Хоть шар явно не мог конкурировать с настоящей магической Aine, все же девочка была невероятно горда своими действиями.

— Ха! — сказала она, напустив на себя важный вид. — Жаль, Йеннифэр не видит!

Бодро и энергично она двинулась дальше, шагая быстро и уверенно выбирая дорогу в мерцающем и зыбком свете, создаваемом шаром. Одновременно пыталась вспомнить дру-

гие заклинания, но ни одно не годилось для этой ситуации, к тому же некоторые требовали очень больших усилий, она немного боялась их и не хотела применять без крайней надобности. К сожалению, она не помнила ни одного заклинания, способного создать воду либо пищу. Знала, конечно, что такие заклинания существуют, но не умела воспроизвести ни одного.

В свете мерцающей сферы мертвая до того пустыня неожиданно ожила. Из-под ног Цири неуклюже убегали поблескивающие жуки и косматые пауки. Небольшой желторыжий скорпион резво перебежал дорогу, волоча за собой сегментный хвост, и забился в щель между камнями. Зеленая длиннохвостая ящерка шмыгнула во мрак, шурша по гравию. Разбегались похожие на больших мышей грызуны, юркие и высоко подпрыгивающие на задних лапках. Несколько раз она примечала во тьме блеск глаз, а однажды услышала замораживающее кровь в жилах шипение, исходящее из груды камней. Если вначале она надеялась поймать что-нибудь пригодное для еды, то это шипение окончательно заставило ее отказаться от поисков в камнях. Она внимательнее стала смотреть под ноги, а перед глазами вставали гравюры из книг, которые она разглядывала в Каэр Морхене. Гигантский скорпион, скарлетия, химера, вихт, ламия, крапаук. Чудовища, обитающие в пустынях. Она шла, опасливо оглядываясь и чутко прислушиваясь, сжимая потной ладошкой рукоять кордика.

Спустя несколько часов светящийся шар помутнел, создаваемый им круг света уменьшился, ослаб. Цири, с трудом сосредоточившись, вновь произнесла заклинание. Шар на несколько секунд заиграл ярким светом, но тут же покраснел и угас вновь. Предпринятое усилие заставило ее покачнуться, перед глазами заплясали черные и красные пятна. Она тяжело села, скрипнув гравием.

Шар погас совершенно. Цири уже не пыталась заклинать его, истощение, опустошенность и слабость, которые она ощущала в себе, заранее обрекали все ее попытки на провал.

Впереди, далеко на горизонте, вставал туманный отсвет. «Я потеряла дорогу, — с ужасом поняла она. — Все пере-

путала... Сначала шла на запад, а теперь солнце взойдет прямо передо мной. Значит...»

Она почувствовала страшную слабость и сонливость, которую не снимал даже сотрясающий ее холод. «Не усну, — решила она. — Мне нельзя засыпать... Мне нельзя...»

Проснулась она от пронизывающего холода. В себя ее привела скручивающая внутренности боль в животе, сухое мучительное жжение в горле. Она попыталась встать. И не смогла. Онемевшие суставы не желали слушаться. Ощупывая почву вокруг себя, она почувствовала под пальцами влагу.

— Вода... Вода!

Дрожа всем телом, она приподнялась на четвереньки, припала губами к базальтовой плите, лихорадочно слизывая осевшие на камне капельки, высасывая влагу из углублений на неровной поверхности. В одном собрала без малого полгорсти росы — выхлебнула ее вместе с песком, не решившись выплюнуть. Осмотрелась.

Осторожно, чтобы не потерять, собрала языком блестящие капельки, висящие на иголках карликового кустика, который загадочным образом ухитрился вырасти между камнями. На земле лежал кордик. Она не помнила, когда вынула его из ножен. Клинок был мутным от пленочки росы. Цири тщательно вылизала холодный металл.

Преодолевая сковывающую тело боль, поползла на четвереньках, выискивая влагу на попадающихся камнях. Но золотой диск солнца выскочил из-за каменистого горизонта, залил пустыню ослепительным желтым светом и мгновенно высушил камни. Цири радостно встретила нарастающее тепло, однако понимала, что уже вскоре, безбожно поджариваемая, снова затоскует по ночному холоду.

Она повернулась спиной к яркому шару. Там, где был он, горел восток. А ей надо идти на запад.

Жара нарастала, быстро набирала силу, вскоре стала невыносимой. К полудню измучила так, что она волей-неволей вынуждена была изменить направление, чтобы поискать тени. Наконец нашла укрытие: большой, похожий на гриб камень. И заползла под него.

И тут увидела лежащий между камнями предмет. Это была начисто вылизанная жадеитовая баночка из-под мази для рук.

Ей уже не хватило сил заплакать.

Голод и жажда перебороли утомление и отчаяние. Покачиваясь, она встала и снова пошла. Солнце палило.

Далеко на горизонте, за зыбкой завесой жара, она различила что-то, что могло быть только горной цепью. Очень далекой горной цепью.

Когда наступила ночь, она с огромным трудом зачерпнула Силы, но выколдовать магический шар удалось лишь после нескольких попыток, и это измучило так, что идти дальше она уже не могла. Она растратила всю энергию, согревающее и приносящее облегчение заклинание не получилось. Выколдованный свет добавлял смелости и поднимал дух, но холод изнурял. Пронизывающий, мучительный холод не давал уснуть до самого утра. Она дрожала, с нетерпением ожидая восхода солнца. Вынула из ножен кордик, предусмотрительно положила его на камень, чтобы металл покрылся росой. Она жутко устала, но голод и жажда отгоняли сон. Дотерпела почти до рассвета. Было еще темно, когда она принялась жадно вылизывать росу с клинка. Как только рассвело, она сразу же опустилась на четвереньки, чтобы поискать влагу в углублениях и расщелинах.

Услышала шипение.

Большая яркая ящерица, сидевшая на ближайшей каменной глыбе, разевала на нее беззубую пасть, распускала роскошный гребень, раздувалась и хлестала по камню хвостом. Перед ящерицей поблескивала маленькая, наполненная водой ямочка.

Сначала Цири испуганно попятилась, но тут же ее охватила дикая ярость. Шлепая вокруг растопыренными пальцами, она ухватилась за острый осколок камня.

— Это моя вода! — взвыла она. — Моя!

Она бросила камень в ящерицу и промахнулась. Ящерица подпрыгнула на лапках с длинными коготками, ловко юркнула в каменный лабиринт. Цири припала к камню,

высосала остатки воды из ямки. И тут увидела: за камнем в круглой нишке лежали семь яичек, чуточку выглядывающих из красноватого песка. Девочка, не раздумывая ни минуты, подползла к гнезду, схватила одно из яичек и впилась в него зубами. Кожистая шкурка лопнула и осела у нее в руке, клейкое содержимое стекло в рукав. Цири высосала яйцо, облизала руку. Глотала она с трудом, совершенно не чувствуя вкуса.

Она высосала все яйца, да так и осталась стоять на четвереньках, липкая, грязная, вся в песке, со свисающим с губ клейким содержимым, лихорадочно копаясь в песке и издавая нечеловеческие звуки.

И вдруг замерла.

...Сиди прямо, княжна. Убери локти со стола. Следи за тем, как тянешься к тарелке, испачкаешь кружева на рукавах! Вытри губы салфеткой и перестань чавкать. О боги, неужели никто не научил этого ребенка, как следует вести себя за столом? Цирилла!

Цири расплакалась, опустив голову на колени.

Она выдержала до полудня, потом жара скрутила ее и заставила передохнуть. Она дремала долго, спрятавшись в тени под каменистым уступом. Тень не приносила прохлады, но была все же лучше, чем палящее солнце. Жажда и голод отпугивали сон.

Далекая горная цепь, казалось, горела и сверкала в лучах солнца. «На вершинах гор, — подумала Цири, — может лежать снег, там может быть лед, там могут быть ручьи. Я должна туда добраться, должна добраться туда как можно скорее».

Она шла почти всю ночь, руководствуясь звездами. Все небо было в звездах. Цири пожалела, что была невнимательна на занятиях и не хотела изучать атласы неба, хранившиеся в храмовой библиотеке. Она, конечно, знала самые главные созвездия — Семь Коз, Кувшин, Серп, Дракон и Зимнюю Деву, но те, что видела сейчас, висели высоко

над головой, и по ним трудно было ориентироваться. Наконец удалось выбрать из мерцающего звездного муравейника одну достаточно яркую звезду, указывающую, как она считала, нужное направление. Она не знала, что это за звезда, и сама дала ей название — Око.

Она шла. Горная цепь не приблизилась ничуть — по-прежнему была такой же далекой, как и вчера. Но зато указывала направление.

Двигаясь, Цири внимательно осматривалась. Нашла еще одно ящериное гнездо, в нем было четыре яйца. Углядела зеленое растеньице, не больше мизинца, которое каким-то чудом сумело вырасти меж камней. Поймала большого коричневого жука. И тонконогого паука.

Съела все.

В полдень ее вырвало всем, что она съела, и она потеряла сознание. Очнувшись, поискала глазами хоть немного тени, не нашла и продолжала лежать, свернувшись в клубок, сжимая руками живот.

После захода солнца пошла снова. Словно автомат. Несколько раз падала, вставала, шла дальше.

Шла, ибо должна была идти.

Вечер. Отдых. Ночь. Око указывает дорогу. Марш до полного изнеможения, которое наступило задолго до восхода солнца. Отдых. Скверный сон. Голод. Холод. Отсутствие магической энергии. Неудача при попытке выколдовать свет и тепло.

Роса, которую она утром слизала с клинка кордика и камней, только еще больше усилила жажду.

Когда солнце взошло, она уснула в наплывающем тепле. Разбудила ее жара. Она встала, чтобы идти дальше.

Обморок случился через неполный час. Когда она пришла в себя, солнце стояло в зените, палило. У нее не было сил искать тени. Не было сил встать. Но она встала.

Шла. Не поддавалась. Почти весь день. И часть ночи.

* * *

Самую сильную жару снова проспала, приткнувшись под наклонным, зарывшимся в песок камнем. Сон был плохой и мучительный — ей снилась вода, вода, которую можно было пить. Огромные, белые, все в водяном тумане и радуге водопады. Поющие потоки. Маленькие лесные ключи, окруженные купающимися в воде папоротниками. Пахнущие влажным мрамором дворцовые фонтаны. Омшелые колодцы и полные ведра воды... Капли, стекающие с тающих сосулек льда... Вода. Холодная живительная вода, от которой ломит зубы. Ах, какой же у нее чудесный, неповторимый вкус...

Она проснулась, вскочила и пошла туда, откуда пришла. Она возвращалась, качаясь и падая. Ей необходимо было вернуться! Ведь она же прошла мимо воды! Прошла, не остановилась. Мимо шумящего меж камней потока! Как она могла быть такой безрассудной!

Она взяла себя в руки. Встряхнулась.

Жара ослабла, приближался вечер. Солнце указывало на запад. Горы. Солнце не может, не должно, не имеет права быть у нее за спиной. Цири отогнала мираж, сдержала слезы. Повернулась и пошла к горам.

Шла всю ночь, но очень медленно. Ушла совсем недалеко, засыпая на ходу. Ей снилась вода. Восходящее солнце застало ее сидящей на каменной глыбе, уставившейся на клинок кордика и обнаженное предплечье.

Ведь кровь — жидкость. Ее можно пить.

Она отогнала миражи и кошмары. Облизала покрытый росой кордик и пошла дальше.

Обморок. Очнулась она от жара, пышущего от солнца и раскаленных камней.

Впереди, за дрожащим от жары занавесом, проступала рваная, зубчатая цепь гор.

Горы были ближе. Гораздо ближе.

Но у Цири уже не было сил. Она села.

Кордик, зажатый в руке, отражал солнце, горел огнем. Он был острым. Она знала об этом.

«Зачем ты мучаешься, а? — спросил кордик серьезным, спокойным голосом педантичной чародейки по имени Тиссая де Врие. — Зачем обрекаешь себя на страдания? Покончи с этим наконец!»

«Нет. Не поддамся».

«Ты же не выдержишь. Знаешь, как умирают от жажды? Ты вот-вот сойдешь с ума, и тогда уже будет поздно. Тогда ты уже не сможешь с этим покончить».

«Нет. Не поддамся. Выдержу».

Она спрятала кордик в ножны. Встала, покачнулась, упала. Встала, покачнулась, пошла вперед.

Над собой, высоко в желтом небе, увидела коршуна.

Очнувшись, она не могла вспомнить, когда упала. Не помнила, как долго лежала. Подняла глаза. К кружащему над ней коршуну присоединились еще два. У нее не было сил встать.

Было ясно: конец. Она восприняла это спокойно. Даже с облегчением.

Что-то к ней прикоснулось.

Что-то легонько и осторожно ткнулось ей в руку. После долгого одиночества, когда ее окружали лишь мертвые и неподвижные камни, это прикосновение, несмотря на усталость, заставило ее резко вскочить, во всяком случае, она попыталась вскочить. То, что к ней прикоснулось, фыркнуло и с громким топотом отбежало.

Цири с трудом села, протирая фалангами пальцев загноившиеся уголки глаз.

«Ну вот я и спятила», — подумала она.

В нескольких шагах от нее стояла лошадь. Цири заморгала. Нет, это не был мираж. Это действительно была лошадь. Лошадка. Молодая лошадка. Почти жеребенок.

Она пришла в себя. Облизала запекшиеся губы и кашлянула. Лошадка подпрыгнула и отбежала, шурша копытами по гравию. Она двигалась очень странно, и масть у нее

тоже была непривычной: то ли буланая, то ли серая. Но, возможно, так только казалось, потому что солнце освещало ее сзади.

Лошадка фыркнула и подошла на несколько шагов. Теперь Цири видела ее лучше. Настолько лучше, что, кроме действительно непривычной масти, сразу же заметила и странные неправильности строения — маленькую головку, необычно стройную шею, тоненькие бабки, длинный и густой хвост. Лошадка остановилась и взглянула на Цири, повернув голову боком. Цири беззвучно вздохнула.

Из выпуклого лба лошадки торчал рог длиной не меньше двух пядей.

«Невозможная невозможность, — подумала Цири, приходя в себя и собираясь с мыслями. — Ведь единорогов уже нет на свете, ведь они же вымерли. Даже в ведьмачьей книге в Каэр Морхене не было единорога! Я читала о них только в «Книге мифов» в храме... Да и в Physiologus'e, который я просматривала в банке господина Джианкарди; была картинка, изображающая единорога... Но тот единорог больше походил на козла, чем на лошадь, у него были косматые бабки и козлиная борода, а рог был, пожалуй, длиной в два локтя...»

Цири удивилась, что так хорошо все помнит, помнит события, происходившие сотни лет назад. Голова закружилась, внутренности скрутила боль. Она застонала и свернулась в клубок. Единорог фыркнул и сделал к ней шаг, остановился, высоко поднял голову. Цири вдруг вспомнила, что говорили о единорогах книги.

— Можешь подойти... — прохрипела она, пытаясь сесть. — Можешь, потому что я...

Единорог фыркнул и умчался, размахивая хвостом. Но недалеко. Через минуту остановился, мотнул головой, копнул копытом и громко заржал.

— Неправда! — в отчаянии застонала она. — Ярре только один раз поцеловал меня, а это не в счет. Вернись!

От усилий у нее потемнело в глазах, она бессильно упала на камни. Когда наконец сумела поднять голову, единорог уже снова был близко. Внимательно глядя на нее, он наклонил голову и тихо фыркнул.

— Не бойся меня... — шепнула она. — Не надо, ведь... ведь я же умираю...

Единорог заржал, тряхнул головой. Цири потеряла сознание.

Когда она очнулась, никого рядом не было. Застывшая, измученная жаждой, голодная и одинокая... Единорог был миражем, призраком, сном. И исчез, как исчезают сны. Она понимала это, признавала и все-таки чувствовала обиду и отчаяние, словно это видение и правда существовало, было рядом — и вот бросило ее. Как бросили все остальные.

Она хотела встать, но не могла. Прижалась лицом к камням. Медленно протянула руку к бедру, нащупала рукоять кордика.

«Кровь — жидкость. Я должна напиться».

Послышался стук копыт. Фырканье.

— Ты вернулся... — прошептала она, поднимая голову. — Ты в самом деле вернулся?

Единорог громко фыркнул. Она увидела его копыта, близко, у самых глаз. Копыта были мокрые. С них прямотаки стекала вода.

Надежда придала ей силы, переполнила радостью. Единорог вел. Цири шла следом, все еще не веря, что это не сон. Когда наконец усталость победила, она опустилась на четвереньки. Потом поползла.

Единорог привел ее к неглубокой впадине между скалами, дно которой выстилал песок. Цири ползла из последних сил. Но ползла. Потому что песок был влажный.

Единорог остановился над небольшим углублением в песке, заржал, ударил копытом раз, другой, третий. Она поняла. Подползла ближе, стала помогать. Рыла, обламывая ногти, копала, отбрасывала. Возможно, всхлипывала при этом, но не отдавала себе в том отчета. Стоило в углублении появиться грязно-коричневой жиже, как Цири тут же приникла к ней губами, глотала мутную воду вместе с песком так жадно, что жидкость мгновенно исчезла. Цири с величайшим трудом взяла себя в руки, углубила ямку, помогая

кордиком, потом села и стала ждать. Скрипя песком на зубах и дрожа от нетерпения, она ждала, чтобы лунка снова наполнилась водой. А потом пила. Долго.

В третий раз она дала воде немного отстояться, выпила глотка четыре без песка, только с мутью. И тут вспомнила о единороге.

— Ты, наверно, тоже хочешь пить, Конек? — сказала она. — Но ведь грязь ты пить не станешь. Коньки грязи не пьют.

Единорог заржал.

Цири углубила ямку, укрепив ее края камнями.

— Погоди, Конек. Пусть немного отстоится.

Конек фыркнул, топнул, отвернулся.

— Не косись. Пей.

Единорог осторожно поднес ноздри к воде.

— Пей, Конек, это не сон. Это всамделишная вода.

Вначале Цири тянула, не хотела отходить от ключа. Придумала, как лучше пить. Просто надо было выжимать в рот намоченный в ямке платочек, что позволяло отцедить песок и тину. Но единорог налегал — ржал, топал, отбегал, возвращался снова. Он призывал идти и указывал дорогу. Хорошо подумав, Цири послушалась — Конек прав, надо идти, идти в сторону гор, выбраться из пустыни. Она двинулась следом за единорогом, оглядываясь и тщательно фиксируя в памяти положение источника. Она не хотела блуждать, если б пришлось возвращаться.

Вместе они шли весь день. Единорог, которого она назвала Коньком, вел. Это был удивительный Конек. Он обрывал и жевал стебли, которых не тронула бы не только лошадь, но и изголодавшаяся коза. А обнаружив в камнях колонну больших муравьев, тут же принялся поедать их. Сначала Цири изумленно смотрела на него, потом присоединилась к пиршеству. Она была чертовски голодна.

Муравьи оказались ужасно кислыми, но, возможно, благодаря этому у нее не возникали позывы. Кроме того, муравьев было много, и можно было поработать занемевшими челюстями. Единорог съедал насекомых целиком, она же

удовольствовалась брюшками, выплевывая твердые части хитиновых оболочек.

Пошли дальше. Единорог высмотрел несколько кустиков пожелтевших ковылин и с удовольствием сжевал их. На этот раз Цири не присоединилась. А когда Конек отыскал в песке ящериные яйца, ела она, он же только посматривал.

Пошли дальше. Цири заметила небольшие заросли ковыля и указала на них Коньку. Спустя какое-то время Конек обратил ее внимание на огромного черного скорпиона с хвостом пяди в полторы. Цири затоптала эту мерзость. Видя, что она не собирается есть скорпиона, единорог съел его сам, а вскоре указал ей на очередное гнездо ящерицы.

Сотрудничество оказалось вполне сносным.

Пошли дальше.

Горная цепь была все ближе.

Когда опустилась глубокая ночь, единорог остановился. Он спал стоя. Цири, знакомая с лошадьми, вначале пыталась уговорить его лечь. Она могла бы прислониться к нему и попользоваться его теплом. Но из этого ничего не получилось. Конек косился и отходил, все время выдерживая дистанцию. Он вообще не желал вести себя классическим образом, описанным в ученых книгах, — явно не имел ни малейшего желания класть голову ей на подол. Цири одолевали сомнения. Она не исключала, что относительно взаимоотношений единорогов и девиц книги лгали. Но имелась и другая возможность. Во-первых, у Цири не было подола, а значит, и некуда было класть голову, а во-вторых, единорог был явно единорогом-жеребенком и как всякое юное создание абсолютно, ну абсолютно не разбирался в девицах. Вероятность того, что Конек мог воспринимать и серьезно толковать те несколько странных снов, которые ей некогда привиделись, она категорически отбросила. Ну кто же всерьез толкует сны?

Он ее немного разочаровал. Они вместе путешествовали уже два дня и две ночи, а он так и не нашел воды, хоть и искал. Несколько раз останавливался, крутил головой, во-

дил рогом, потом уходил рысью, разведывал каменные распадки, греб копытами в песке. Нашел муравьев, нашел муравьиные яйца и личинки. Нашел ящериное гнездо. Нашел цветастую змейку, которую ловко забил. Но воды не нашел.

Цири заметила, что единорог все время крутит, не придерживается прямой линии, и не без оснований заподозрила, что животное вовсе не было обитателем пустыни — просто заблудилось тут.

Как и она.

Муравьи, которые стали попадаться все чаще, содержали в себе кислую влагу, но Цири все серьезнее начала подумывать о возвращении к источнику. Если б они пошли еще дальше и не нашли воды, на возвращение могло бы и не хватить сил. Жара все усиливалась, движение изнуряло.

Она уже намеревалась попробовать втолковать это Коньку, когда тот вдруг протяжно заржал, махнул хвостом и галопом бросился вниз, между иззубренными камнями. Цири последовала за ним, на бегу пережевывая муравьиные брюшки.

Большое пространство между камнями заполняла широкая песчаная площадка, в центре которой расположилось углубление.

— О! — обрадовалась Цири. — Умная ты коняшка, Конек! Опять нашел источник. В этой яме должна быть вода!

Единорог протяжно фыркал, обходя углубление легкой рысью. Цири подошла. Углубление было большим, никак не меньше двадцати футов в диаметре. Круглое, оно напоминало воронку и было таким правильным, словно кто-то оттиснул в песке гигантское яйцо. Внезапно Цири поняла, что такая правильная форма не могла возникнуть сама по себе. Но было уже поздно.

На дне воронки что-то зашевелилось, в лицо Цири ударил сильный фонтан песка и гравия. Она отскочила, упала и почувствовала, что сползает вниз. Рвущиеся вверх фонтаны гравия били не только по ней, они били в обрез воронки, и ее край осыпался волнами и волочил девочку ко дну. Цири крикнула, словно пловец молотя руками, напрасно пытаясь нащупать опору для ног. Тут же сообразила, что

резкие движения только ухудшают положение, ускоряют осыпание песка. Она перевернулась на спину, уперлась каблуками и широко раскинула руки. Песок на дне ямы зашевелился и заволновался, она увидела вылезающие из-под него коричневые, оканчивающиеся крючками клешни длиной в добрую половину сажени. Она снова крикнула, на этот раз гораздо громче.

Град гравия сразу перестал сыпаться на нее и ударил в противоположный край воронки. Единорог встал на дыбы, неистово заржал, край воронки обломился под ним. Он попытался вырваться из зыбкого песка, но тщетно — он погружался все глубже и все быстрее сползал ко дну. Страшные клешни громко защелкали. Единорог отчаянно заржал, дернулся, бессильно колотя передними копытами по осыпающемуся песку. Задние ноги у него целиком увязли. Как только он сполз на дно воронки, его тут же схватили чудовищные клешни укрытого в песке существа.

Услышав дикий визг боли, Цири яростно крикнула и кинулась вниз, выхватывая из ножен кордик. Оказавшись на дне, она мгновенно поняла свою ошибку. Чудовище скрывалось глубоко, удары кордика не доставали его через слой песка. Вдобавок ко всему удерживаемый чудовищными клешнями и затягиваемый в песчаную ловушку единорог обезумел от боли, визжал, вслепую колотил передними копытами, угрожая переломать ей кости.

Ведьмачьи пляски и фокусы здесь пригодиться не могли. Но существовало одно достаточно простое заклинание. Цири призвала Силу и ударила телекинезом.

Туча песка взвилась вверх, обнажая скрытое чудовище, вцепившееся в бедро визжащего единорога. Цири тоже взвизгнула от ужаса. Ничего более отвратительного она не видела никогда — ни на картинках, ни в ведьмачьих книгах. Ничего столь мерзостного она даже не могла вообразить.

Чудовище было серо-коричневым, овальным и раздувшимся, словно упившийся кровью клоп, узкие сегменты бочкообразного тела покрывала редкая щетина. Ног у него, казалось, нет вообще, зато клешни были почти такой же длины, как и само тело.

Лишившись песчаной защиты, существо немедленно отпустило единорога и начало закапываться быстрой, резкой вибрацией раздувшегося тела, а выбирающийся из воронки единорог еще и помогал ему, сталкивая вниз волны песка. Цири охватило бешенство и жажда мести. Она кинулась на едва уже выступающую из песка мерзость и всадила кордик в выпуклую спину. Налетела сзади, предусмотрительно держась подальше от щелкающих клешней, которыми чудовище, как оказалось, могло дотянуться далеко назад. Ударила снова, а хищник закапывался с невероятной скоростью. Но закапывался не для того, чтобы сбежать, а чтобы напасть. Ему хватило двух движений, чтобы скрыться полностью, затем он резко двинул волну, засыпав Цири до половины бедер. Она вырвалась и бросилась назад, но бежать было некуда — кругом песок, любое движение тянуло на дно. А песок на дне вспучивался двигающейся к ней волной, из волны высунулись щелкающие, оканчивающиеся острыми крючками клешни.

Спас ее Конек. Опустившись на дно воронки, он мощно ударил копытами в выступающий песок, выдающий неглубоко скрывающееся чудовище. Под сильными ударами приоткрылась серая спина. Единорог наклонил голову и всадил рог точно в то место, где вооруженная клешнями голова соединялась с пузатым туловищем. Видя, что пригвожденный к земле монстр бессильно загребает песок, Цири подскочила и с размаху вонзила кордик в дергающееся тело. Выхватила, ударила снова. И еще раз. Единорог вырвал рог и со всей силы опустил на бочкообразный корпус передние копыта.

Истоптанный монстр уже не пробовал закапываться. И вообще не шевелился. Песок вокруг него увлажнился от зеленоватой жижи. Не без труда они выбрались из воронки. Отбежав на несколько шагов, Цири без сил свалилась наземь, тяжело дыша и дрожа под действием поступающего в гортань и виски адреналина. Единорог обошел ее вокруг. Он ступал неловко, из раны на бедре сочилась кровь, стекая по ноге на бабки, метя шаги красным. Цири поднялась на четвереньки, и ее вырвало. Спустя немного она встала,

подошла к единорогу, но Конек не позволил к себе прикоснуться. Отбежал, повалился на бок. Потом вычистив рог, несколько раз сунув его в песок.

Цири тоже очистила и вытерла клинок кордика, то и дело беспокойно поглядывая в сторону недалекой воронки. Единорог встал, заржал, шагом подошел к ней.

— Я хочу осмотреть твою рану, Конек.

Конек заржал и тряхнул рогатой головой.

— Ну на нет и суда нет. Если можешь идти, пойдем. Здесь лучше не оставаться.

Вскоре им встретилась обширная песчаная лавина, вся, до основания обрамляющих ее скал, пестрящая выкопанными в песке воронками. Цири изумленно рассматривала их — некоторые были чуть не в два раза больше той, в которой они недавно боролись за жизнь.

Они не решились пересечь песчаный поток, лавируя между воронками. Цири была уверена, что воронки подстерегали неосторожные жертвы, а сидящие в них монстры с длинными клешнями опасны только тем, кто попадал в воронки. Соблюдая осторожность и держась подальше от ям, можно было пересечь песчаный район напрямик, не опасаясь, что одно из чудовищ вылезет из воронки и погонится за ними. Она считала, что риска нет — но предпочитала не испытывать этого на собственной шкуре. Единорог был явно согласен — фыркал и отбегал, оттаскивая ее от лавины песка. Они обошли опасный район, держась ближе к скалам и твердому каменистому грунту, в который ни одна тварь не сумела бы закопаться.

Цири не спускала с воронок глаз. Несколько раз видела, как из убийственных ловушек вырывались фонтаны песка — чудовища углубляли и обновляли свои жилища. Некоторые воронки были так близко одна от другой, что выбрасываемый монстром песок попадал в соседние ямы, тревожа укрытых на дне существ, и тогда начиналась ужаснейшая канонада, в течение нескольких минут песок свистел и градом сыпался кругом.

Цири заинтересовало, на кого же песчаные чудовища охотятся в безводной и, казалось бы, мертвой пустыне. Отве-

та долго ждать не пришлось — из ближайшей ямы по широкой дуге вылетел темный предмет и шлепнулся неподалеку от них. После недолгого колебания она сбежала с камней на песок. Оказывается, из воронки вылетел трупик грызуна, напоминающего кролика. Во всяком случае — шерсткой. Трупик был съежившийся, твердый и сухой, легкий и пустой, как пузырь. В нем не было ни капли крови. Цири вздрогнула — теперь она уже знала, на кого охотятся и как питаются уродины.

Единорог предостерегающе заржал. Цири подняла голову. Поблизости не было ни одной воронки, только ровный и гладкий песок. И у нее на глазах этот ровный и гладкий песок вдруг вздулся, а вздутие начало быстро передвигаться в ее сторону. Она кинула высосанную труху и умчалась на камни.

Решение обойти песчаную лавину стороной оказалось верным.

Они пошли дальше, обходя даже мельчайшие участки песка и ступая исключительно по твердому грунту.

Единорог шел медленно, прихрамывая. Из его раненого бедра сочилась кровь. Но он по-прежнему не позволял Цири подойти и осмотреть рану.

Песчаная лавина заметно сузилась и начала извиваться. Мелкий сыпучий песок уступил место крупному гравию, потом окатышам. Воронки больше не попадались, поэтому они решили идти по проделанному лавиной руслу. Цири, хоть ее снова мучили жажда и голод, пошла быстрее. Появилась надежда. Песчаная лавина была никакой не лавиной, а дном реки, текущей с гор. В реке не было воды, но высохшее русло вело к истокам — слишком слабым и маловодным, чтобы наполнить русло, однако скорее всего достаточным, чтобы из них можно было напиться.

Она могла бы идти еще быстрее, но приходилось сдерживаться, потому что единорог шел медленно, с явным трудом, хромал, тянул ногу, копыто ставил боком. Когда опустился вечер, он лег. И не встал, когда она подошла. Позволил ей осмотреть рану.

Раны было две, по обеим сторонам сильно вспухшего, горячего бедра. Обе все время кровоточили, и вместе с кровью из них струился липкий, дурно пахнущий гной.

Чудовище было ядовитым.

На следующий день стало еще хуже. Единорог едва шел. Вечером лег на камни и не захотел подниматься. Когда она опустилась рядом на колени, он дотянулся до раненого бедра ноздрями и рогом, заржал. В этом ржании была боль.

Гной выделялся все сильнее, запах был отвратительный. Цири достала кордик. Единорог тонко завизжал, попытался встать и упал задом на камни.

— Я не знаю, что делать... — всхлипнула девочка, глядя на клинок. — Я действительно не знаю... Наверно, рану надо разрезать, выдавить гной и яд... Но я не умею! Я могу навредить тебе еще больше!

Единорог попытался поднять голову, заржал. Цири села на камни, обхватила голову руками.

— Меня не научили лечить, — с горечью сказала она. — Меня научили убивать, втолковывая, что таким путем я могу спасать. Это была страшная ложь, Конек. Меня обманули.

Надвигалась ночь, быстро темнело. Единорог лежал. Цири лихорадочно размышляла. Она набрала колосья и стебли, обильно растущие на берегу высохшей реки, но Конек не захотел их есть. Бессильно положил голову на камни и уже не пытался подняться. Только моргал. На морде проступила пена.

— Я не могу тебе помочь, Конек, — глухо сказала она. — У меня нет ничего...

Кроме магии.

Я — чародейка.

Она встала. Вытянула руки. Ничего. Магической энергии требовалось много, а ее не было вообще. Этого она не ожидала. Как же так? Ведь водные жилы есть повсюду. Она сделала несколько шагов в одну, потом в другую сторону. Пошла по кругу. Отступила.

Ничего.

— Проклятая пустыня! — крикнула она, потрясая кулаками. — В тебе нет ничего! Ни воды, ни магии! А говорили, что магия должна быть всюду! И это тоже было ложью! Все меня обманывали, все!

Единорог заржал.

Магия есть всюду. Она есть в воде, в земле, в воздухе и...

И в огне.

Цири зло стукнула себя кулаком по лбу. Раньше это не приходило ей в голову, возможно, потому, что там, меж голых камней, вообще не было ничего способного гореть. А тем ерь под рукой были сухие ковыли и стебли, а чтобы создать малюсенькую искорку, ей должно хватить тех крох энергии, которые она еще чувствовала в себе.

Она набрала побольше сухих стеблей, сложила в кучку, обложила сухим ковылем. Осторожно сунула туда руку.

— Aenye!

Костерок посветлел, замерцал язычок пламени, разгорелся, охватил стебли, сожрал их, взвился вверх. Цири подбросила стеблей.

«И что дальше, — подумала она, глядя на оживающее пламя. — Вбирать? Как? Йеннифэр запрещала касаться энергии огня... Но у меня нет ни выбора, ни времени! Я обязана действовать! Стебельки и ковылины сгорят мгновенно... Огонь погаснет... Огонь... Какой он прекрасный, какой теплый...»

Она не заметила, как и когда это случилось. Засмотрелась в пламя и вдруг почувствовала ломоту в висках. Схватилась за грудь, ей почудилось, что лопаются ребра. Внизу живота, в промежности и в сосках забилась боль, которую мгновенно сменило блаженство. Она встала. Нет, не встала. Взлетела.

Сила заполняла ее расплавленным свинцом. Звезды на небосклоне заплясали, как отраженные в поверхности пруда. Горящее на западе Око ослепительно вспыхнуло. Цири поглотила этот свет, а вместе с ним и Силу.

— Hael, Aenye!

Единорог дико заржал и попытался вскочить, опираясь на передние ноги. Рука Цири поднялась сама, пальцы сложились в знак, губы сами выкрикнули заклинание. Из паль-

цев выплыла светящаяся, колеблющаяся ясность. Огонь загудел языками пламени.

Рвущиеся из ее руки волны света коснулись раненого бедра единорога, сосредоточились, проникли в него.

— Хочу, чтобы ты выздоровел! Я хочу этого! Yass'hael, Aenye!

Сила вспыхнула в ней, переполнила безграничной радостью. Огонь взвился к небу, вокруг посветлело. Единорог поднял голову, заржал, потом вдруг быстро вскочил с земли, сделал несколько неверных шагов. Выгнул шею, дотянулся мордой до бедра, пошевелил ноздрями, зафыркал — как бы с недоверием. Заржал громко и протяжно, подпрыгнул, махнул хвостом и галопом обежал костер.

— Я вылечила тебя! — гордо воскликнула Цири. — Вылечила! Я — чародейка! Мне удалось извлечь Силу из огня! И она во мне, эта Сила! Я все могу! Я могу все!

Она обернулась. Разгоревшийся костер гудел, рассыпая искры.

— Нам больше не надо искать источники! Мы больше не будем пить воду пополам с грязью! Теперь у меня есть Сила! Я чувствую Силу, которая таится в этом огне! Я сделаю так, чтобы на проклятую пустыню хлынул дождь! Чтобы вода брызнула из камней! Чтобы здесь выросли цветы! Трава! Кольраби! Теперь я могу все! Все!!!

Она резко подняла обе руки, выкрикивая заклинания и скандируя апострофы. Она не понимала их, не помнила, когда научилась им и вообще обучалась ли когда-нибудь. Это не имело значения. Она чувствовала Силу, горела огнем. Она сама была огнем. Она дрожала от переполняющего ее могущества.

Неожиданно ночное небо пропахала стрела молнии, меж скал и ковылей завыл ветер. Единорог пронзительно заржал и поднялся на дыбы. Огонь, бушуя, устремился вверх. Веточки и стебли уже давно обуглились, теперь горели сами камни. Но Цири этого не видела. Она чувствовала Силу. Видела только огонь. Слышала только огонь.

Ты можешь все, — шептало пламя, — *ты овладела нашей Силой, ты велика! Ты могуча!*

В пламени возникает фигура. Высокая молодая женщина с длинными, прямыми, цвета воронова крыла волосами. Женщина дико хохочет, вокруг нее бесится огонь.

Ты могуча! Те, кто тебя обидел, не знали, с кем имеют дело! Отомсти! Отплати им! Отплати им всем! Пусть они трепещут от страха у твоих ног, пусть лязгают зубами, не смея взглянуть вверх, на твое лицо! Пусть канючат и стенают, добиваясь твоей милости. Но ты будь выше этого! Отплати им! Отплати всем и за все! Мсти!

За спиной черноволосой женщины — огонь и дым, в дыму — виселицы, колья, эшафоты и помосты, горы трупов. Это трупы нильфгаардцев, тех, кто захватил и разрушил Цинтру, убил короля Эйста и ее бабушку Калантэ, тех, кто убивал людей на улицах города. На виселице болтается рыцарь в черных латах, веревка скрипит, вокруг вьются вороны, пытающиеся выклевать ему глаза сквозь щели в крылатом шлеме. Другие виселицы уходят за горизонт, на них висят скоя'таэли, убившие Паулье Дальберга в Каэдвене и преследовавшие ее на острове Танедд. На высоком коле дергается чародей Вильгефорц, его красивое, обманчиво благородное лицо сморщено и сине-черно от муки, острый окровавленный конец кола торчит из ключицы... Другие чародеи из Танедда ползают на коленях по земле, руки у них связаны за спинами, а острые колья уже ждут их...

Столбы, обложенные связками хвороста, тянутся до полыхающего, помеченного столбами дыма горизонта. У ближайшего столба, притянутая цепями, стоит Трисс Меригольд... Дальше — Маргарита Ло-Антиль... мать Нэннеке... Ярре... Фабио Сахс...

— Нет! Нет! Нет!

Да! — кричит черноволосая. — *Смерть всем, отплати им всем! Презрение им всем! Они это заслужили! Все они обидели либо собираются обидеть тебя! Могут когда-нибудь снова обидеть! Презирай их, ибо пришел наконец Час Презрения! Презрение, месть и смерть! Смерть всему миру! Смерть, погибель и кровь!*

Вся в крови твоя одежда.
Так гори, прими же муки...

Они предали тебя! Обманули! Обидели!!! Теперь у тебя Сила, мсти!

Йеннифэр. Ее губы разбиты, кровоточат, на руках и ногах оковы, тяжкие цепи прикреплены к мокрым и грязным стенам узилища. Вопят толпящиеся вокруг эшафота люди, поэт Лютик кладет голову на плаху, над ним сверкает острие палаческого топора. Собравшиеся под эшафотом оборванцы разворачивают тряпки, чтобы собрать кровь... Гул толпы заглушает удар, от которого сотрясается помост...

Тебя предали! Обманули. Все! Ты была для них марионеткой, куклой на веревочках! Тебя использовали! Обрекли на голод, на палящее солнце, на жажду, на скитания, на одиночество! Пришел Час Презрения и мести! Ты владеешь Силой. Ты могуча! Пусть же весь мир трепещет перед тобой! Пусть весь мир трепещет перед Старшей Кровью!

На эшафот заводят ведьмаков — Весемира, Эскеля, Койона, Ламберта. И Геральта... Геральт еле держится на ногах, он весь в крови...

Нет!!!

Вокруг нее огонь, за стеной пламени дикое ржание, единороги вздымаются на дыбы, трясут головами, бьют копытами. Их гривы — как рваные боевые штандарты, их рога длинные и острые как мечи. Единороги огромны, огромны, как кони рыцарей, гораздо крупнее ее Конька. Откуда они взялись? Откуда их столько? Пламя с ревом взмывает в небо. Черноволосая женщина вздымает руки, на ее руках кровь, ее волосы развевает жар.

Гори... Ты в крови...

— Прочь! Отойди! Я не хочу тебя! Мне не нужна твоя Сила!

Так гори, прими же муки...
...Брось надежду...

— Не хочу!

Хочешь! Жаждешь! Жажда и месть. Жажда и жадность кипят в тебе как пламя, наслаждение охватывает тебя! Это могущество, это Сила, это власть! Это блаженнейшее из блаженств мира!

Молния. Гром. Ветер. Топот копыт и ржание безумствующих вокруг огня единорогов.

— Я не хочу этой Силы! Не хочу! Я отрекаюсь от нее!

Она не знала, то ли погас огонь, то ли у нее потемнело в глазах. Она упала, чувствуя на лице первые капли дождя.

Существо следует лишить существования. Нельзя допустить, чтобы оно существовало. Существо опасно. Подтверждение.

Отрицание. Существо призвало Силу не для себя. Оно поступило так, чтобы спасти Иуарраквакса. Существо сопереживает. Благодаря Существу Иуарраквакс опять с нами.

Но у Существа — Сила. Если оно захочет ею воспользоваться...

Оно не сумеет ею воспользоваться. Никогда. Оно отказалось от нее. Отреклось от Силы. Совсем. Сила — ушла. Это очень странно...

Нам никогда не понять Существ.

И не надо понимать! Отберем у Существа существование. Пока не поздно. Подтверждение.

Отрицание. Уйдем отсюда. Оставим Существо. Отдадим Существо его Предназначению.

Цири не знала, сколько времени она лежала в камнях, сотрясаемая дрожью, уставившись в изменяющее свой цвет небо. Оно было то темным, то светлым, то холодным, то жарким, а она лежала, бессильная, иссушенная и пустая, как шкурка, как трупик грызуна, которого чудовище высосало и выкинуло из воронки.

Она не думала ни о чем. Она была одинока, опустошена. У нее уже не было ничего, и она не ощущала в себе ничего. Не было жажды, голода, утомления, страха. Исчезло все, даже воля к жизни. Была только гигантская, холод-

ная, мрачная, ужасающая пустота. Она воспринимала эту пустоту всем своим естеством, каждой клеткой своего тела.

Чувствовала кровь на внутренней стороне ляжки. Это было ей безразлично. Она была пуста. Она потеряла все.

Небо меняло расцветки. Она не шевелилась. Разве движение в пустоте имеет какой-то смысл?

Она не пошевелилась, когда вокруг нее зацокали копыта, звякнули подковы. Не прореагировала на громкие окрики, на возбужденные голоса, на фырканье лошадей. Она не пошевелилась, когда ее схватили жесткие, сильные руки. Когда ее подняли, она бессильно повисла. Не отреагировала на резкие, грубые вопросы, на то, что ее трясли и дергали. Она не понимала этих вопросов и не хотела понимать.

Она была пуста и безучастна. Равнодушно приняла воду, брызгающую ей на лицо. Когда ко рту приставили фляжку, она не поперхнулась. Пила. Безучастно. Равнодушно.

Позже она тоже была безразлична ко всему. Ее затащили на седло. В промежности болело. Она дрожала, ее обернули попоной. Она была бессильной и мягкой, вываливалась из рук, поэтому ее привязали ремнем к сидевшему сзади седоку. Седок вонял потом и мочой. Это было ей безразлично.

Кругом были лошади. Много лошадей. Цири глядела на них равнодушно. Она была пуста, она потеряла все. Уже ничто не имело никакого значения.

Ничто.

Даже то, что командовавший конниками рыцарь был в шлеме, украшенном крыльями хищной птицы.

Когда к костру преступницы поднесли огонь и ее охватило пламя, принялась она осыпать оскорблениями собравшихся на плацу рыцарей, баронов, чародеев и господ советников словами столь мерзостными, что всех объял ужас. И хоть костер тот мокрыми поленьями обложили, дабы дьяволица не сгорела быстро и крепче огнем терзания познала, теперь же чем быстрее велено было сухого древна подбросить и казнь докончить. Но воистину демон сидел в оной ведьме проклятущей, ибо хоть она уже и шипела зело, однакож крику боли не издала, а еще более ужаснейшие ругательства выкрикивать почала. «Возродится Мститель из крови моей! — возвестила она во весь глас. — Возродится из осквернённой Старшей Крови Истребитель народов и миров. Отмстит он за муки мои! Смерть, смерть и мщение всем вам и всем коленам вашим!» Одно токмо это успела она выкрикнуть, прежде чем спалилась. Так сгинула Фалька, такову кару понесла за пролитую кровь невинную.

Родерик да Новембр.
История мира, том II

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Гляньте на нее. Солнцем опалена, покалечена, вся в пылишше. Пьет и пьет, ровно губка, а оголодала, аж страх. Говорю ж вам, она с востока пришла. Прошла через Корат. Через Сковородку.

— Э-э-э! На Сковородке-та никто не выживет. С заката шла, от гор, по руслу Сухака. Корат едва краем задела, а и того хватило. Кады мы ее отыскали-та, пала уж, без духу лежала.

— На закате пустоши верстами тягнутси. Дык откедова шла-та?

— Не шла — ехала. Кто знат, откедова, издалека ль? Следы копыт подле нее были. Видать, конь-та ейный в Сухаке пал, потому как побита, в синьцах вся.

— Пошто ж она така для Нильфгаарда важна, хотца знать. Кады нас префект на поиски слал, я думал, кака важна дворянка сгинула. А эта? Обнаковенная девка, помело драное, к тому ж немовля какая-та. Не-а, не знаю, Скомлик, тоё ли, что надыть, искали-та...

— Она. И не как всяка. Как всяку-то мы б ее помершей нашли.

— Ишшо б малость. Никак дожж ее спас. Он, зараза. Самые што ни на есть стары деды дожжу на Сковородке-та не припомнют. Тучи завсегда обходют Корат-та... Дажить кады в долинах дожжит, тама ни единой капли не падет!

— Гляньте-ка на ее, как жрет. Быдто б неделю ничо на зуб не имела... Эй, девка! Вкусна ль солонина-то? Хлеб-та сухой? Э?

— Пытай по-эльфьему. Аль по-нильфскому. Она по-людски не разумет. Эльфий помет, какой-то...

— Придурок, недоделок. Как я ее утром на коня-та сажал, то быдто куклу тряпичну сажал-та.

— Глазов нету, — сверкнул зубами тот, кого назвали Скомликом, крупный и лысоватый. — Каки с вас ловчие, ежели ишшо ее не признали! И не придурок она и не без разума. Прикидывается. Дивна и хитра пташка.

— И чего ж така Нильфгаарду важна? Награду обешшали, во все стороны патрули-та разогнали... Чего б это?

— Того не ведаю. А вот кабы ее как след запытать... Плетью по хребту... Ха! Видали, как она на меня зыркнула? Все понимат, внимательно слухат. Эй, девка! Скомлик я, искатель, ловчий. А энто, глянь-кось, нагайка, кнутом именуемая. Мила тебе на спине шкура?

— Довольно! Молчать!!!

Громкий, резкий, не терпящий возражений приказ прозвучал от другого костра, у которого сидел рыцарь.

— А ну за работу! Лошадей привести в порядок. Мои доспехи и оружие вычистить. В лес по дрова! А девушку не трогать! Ясно, хамы?

— Воистину, благородный господин Сверс, — буркнул Скомлик. Его дружки опустили головы.

— За работу! Выполняй!

Ловчие зашептались.

— Судьба нас покарала энтим засранцем, — пробормотал один. — И надыть же было префекту-та аккурат его над нами поставить, лыцаря затрахатого...

— Ишь, важный какой, — тихо промямлил другой, оглядываясь украдкой. — А ведь девку-та мы, ловчие, отыскали... Наш нюх тому виной, што мы в русло Сухака-та завернули.

— Угу. Заслуга, вишь, наша, а энтот благородный награду-та хапанет, нам едва чево достанется... Флорен под копыты кинет, хватай, ловчий, поблагодарствуй за господску-та ласку...

— Заткнись, — прошипел Скомлик. — Ишшо услышит, неровен час...

Цири осталась у огня одна. Рыцарь и оруженосец внимательно глядели на нее, но молчали.

Рыцарь был уже в летах, но еще крепкий мужчина с суровым, меченным шрамом лицом. Во время езды он не снимал шлема с птичьими крыльями, но это были не те крылья, которые являлись Цири в ночных кошмарах и на острове Танедд. Это был не Черный Рыцарь из Цинтры. Но он был рыцарь нильфгаардский. Приказы отдавал и говорил на всеобщем, но с заметным акцентом, напоминающим акцент эльфов. Со своим оруженосцем, пареньком немногим старше Цири, разговаривал языком, близким Старшей Речи, но не таким напевным, более твердым. Это, вероятно, был нильфгаардский диалект. Цири, хорошо владеющая Старшей Речью, понимала большинство слов, но не выдавала себя. На первой стоянке, на краю пустыни, которую называли Сковородкой или Коратом, нильфгаардский рыцарь и его оруженосец засыпали ее вопросами. Тогда она не отвечала, потому что была в полной прострации, ошарашена случившимся. Через несколько дней пути, когда выбрались из каменных ущелий и спустились вниз, в зеленые долины, Цири пришла в себя, начала наконец замечать окружающий мир и хоть замедленно, но реагировать. Однако по-прежнему не отвечала на вопросы, поэтому рыцарь вообще перестал к ней обращаться. Казалось, она его больше не интересует. Ею занимались только мужчины, велевшие называть себя ловчими. Эти тоже пытались ее выспрашивать. И были грубы.

Однако нильфгаардец в крылатом шлеме быстро призвал их к порядку. Было ясно, кто здесь хозяин, а кто слуга.

Цири прикидывалась глуповатой немой, но внимательно прислушивалась к разговорам и понемногу начала осознавать свое положение. Она попала в лапы к нильфгаардцам. Нильфгаард ее разыскивал и нашел, несомненно, выследив трассу, по которой ее послал из Тор Лара хаотично работающий телепорт. То, что не удалось Йеннифэр и Геральту, удалось крылатому рыцарю и ловчим.

Что произошло на Танедде с Йеннифэр и Геральтом? Куда попала она? У нее были самые скверные предчувствия.

Ловчие и их главарь Скомлик говорили на простонародном, исковерканном жаргоне всеобщего языка, но без нильфгаардского акцента. Ловчие, несомненно, были обычными людьми. Но служили нильфгаардскому рыцарю. Их подогревала мысль о награде, которую за Цири выплатит префект. Флоренами.

Но единственные страны, где в ходу флорен, а люди служат нильфгаардцам, — это управляемые префектами имперские провинции на дальнем юге.

На следующий день, когда они остановились на берегу ручья, Цири начала подумывать о возможности побега. Магия могла бы помочь. Она осторожно попробовала применить самое простое заклинание, самый простой телекинез. Опасения подтвердились. В ней не осталось ни крохи чародейской энергии. После неразумной игры с огнем магические способности полностью покинули ее.

Цири словно овладела апатия ко всему. Она надолго замкнулась в себе.

Это продолжалось до того дня, когда на дороге через вересковые заросли им встретился Голубой Рыцарь.

— Ай-яй! — буркнул Скомлик, глядя на загородивших им путь всадников. — Быть беде. Энто Варнхагены из Сарды...

Наездники приближались. Впереди на могучей сивой лошади ехал гигант в вороненых с голубым отливом латах. Сразу за ним держался другой латник, сзади следовали два наездника в простых грязно-коричневых одеждах, несомненно — слуги.

Нильфгаардец в крылатом шлеме выехал им навстречу, сдерживая пляшущего гнедого. Его оруженосец нащупал рукоять меча, повернулся в седле.

— Стоять сзади и следить за девушкой, — бросил он Скомлику и его ловчим. — Не вмешиваться!

— Дурни, што ль, — тихо проговорил Скомлик, как только оруженосец отъехал. — Не дураки в разборки промеж господ из Нильфгаарда мешаться.

— Будет драчка, Скомлик, да?

— Как пить дать. Промеж Сверсами и Варнхагенами родовая вражда, кровная месть. Слезайте с конев. Девку стерегите, в ей наш спор и выгода. Ежели счастье привалит, вся награда наша.

— Варнхагены небось тоже девку ишшут. Ежели победят, отымут... Нас токмо четверо...

— Пятеро... — сверкнул зубами Скомлик. — Один малый из Сарды, сдается, мой свояк. Увидите, в энтой драчке наш будет верьх, а не господ лыцарев...

Рыцарь в голубых доспехах натянул поводья сивки. Крылатый встал напротив. Спутник Голубого остановился позади. Его странный шишак был украшен двумя лентами кожи, свисающими с забрала и напоминающими огромные усы или моржовые клыки. Поперек седла Два Клыка держал грозно выглядевшее оружие, немного напоминавшее шпонтон гвардейцев из Цинтры, но с более коротким древком и длинным железным острием.

Голубой и Крылатый обменялись несколькими словами. Цири не расслышала какими, но тон рыцарей не оставлял сомнений. Это не были дружественные слова. Голубой вдруг выпрямился в седле, резко указал на Цири, проговорил что-то громко и зло. Крылатый в ответ крикнул так же зло, махнул рукой в железной перчатке, явно приказывая Голубому идти прочь. И тут началось.

Голубой пришпорил сивку и рванулся вперед, выхватывая из держателя при седле топор. Крылатый осадил гнедого, одновременно вытащив из ножен меч. Однако прежде чем латники начали бой, напал Два Клыка, древком шпонтона послав коня в галоп. Оруженосец Крылатого прыгнул на него, выхватывая меч, но Два Клыка приподнялся в седле и ткнул его шпонтоном в грудь. Длинный наконечник с хрустом пробил нагрудник и кольчугу, оруженосец раздирающе крикнул и рухнул с коня, обеими руками ухватившись за шпонтон, вбитый по самую крестовину.

Голубой и Крылатый сошлись с гулом и грохотом. Топор был опаснее, но меч — быстрее. Голубой получил в плечо, кусок вороненого наручника отлетел в сторону, вращаясь и таща за собой ремешок, наездник покачнулся в

седле, на голубом панцире блеснули карминовые струйки. Проскочившие в галопе кони разделили дерущихся. Крылатый нильфгаардец развернул гнедого, но тут на него налетел Два Клыка, обеими руками подняв для удара меч. Крылатый рванул поводья. Два Клыка, управлявший конем лишь ногами, пронесся мимо. Однако Крылатый успел рубануть его на ходу. Цири увидела, как наплечник вмялся, из-под металла хлынула кровь.

Голубой уже возвращался, крича и размахивая топором. Оба рыцаря на ходу обменялись гулкими ударами и разъехались. На Крылатого снова налетел Два Клыка, кони столкнулись, зазвенели мечи. Два Клыка ударил Крылатого, разрубив нарукавник и щиток. Крылатый выпрямился и мощно ударил справа по боковине нагрудника. Два Клыка покачнулся в седле. Крылатый поднялся в стременах и с размаху врезал ему еще раз между разрубленным, уже вогнутым наплечником и шишаком. Острие широкого меча с грохотом вонзилось в металл, увязло там. Два Клыка напрягся и задрожал. Кони столкнулись, топоча и грызя зубами удила. Крылатый оперся о луку, вырвал меч. Два Клыка свесился с седла и рухнул под копыта. Подковы коня зазвенели по раздавленному панцирю.

Голубой развернул сивку, напал, подняв топор. Он с трудом управлял конем раненой рукой. Крылатый заметил это, ловко зашел ему справа, поднялся в стременах для страшного удара. Голубой отразил удар топором и выбил меч из руки Крылатого. Кони снова сошлись. Голубой был настоящим силачом, тяжелая секира в его руке поднялась и упала как камышинка. На латы Крылатого с грохотом обрушился удар, от которого гнедой даже присел. Крылатый покачнулся, но удержался в седле. Прежде чем топор успел грохнуть его второй раз, он отпустил поводья, закрутил левой рукой, схватив висящую на ременном темляке тяжелую граненую булаву, и с размаху саданул ею Голубого по шлему. Шлем загудел словно колокол, теперь Голубой покачнулся в седле. Кони визжали, пытались кусаться и не хотели расходиться.

Однако Голубой, явно одурманенный ударом булавы, все же сумел ударить топором, с гулом хватив противника по нагруднику. То, что оба все еще держались в седлах, было заслугой высоких лук. По бокам обеих лошадей текла кровь, особенно хорошо заметная на светлой шерсти сивки. Цири с ужасом смотрела на бой. В Каэр Морхене ее научили драться, но она не представляла себе, каким образом могла бы сопротивляться таким силачам. И парировать хотя бы один из их мощных ударов.

Голубой обеими руками ухватился за рукоять топора, глубоко врезавшегося в нагрудник Крылатого, сгорбился и уперся в стремена, пытаясь выбить противника из седла. Крылатый с размаху ударил его булавой раз, другой, третий. Кровь брызнула из-под козырька шлема на голубые латы и шею сивки. Крылатый ударил гнедого шпорами, прыжок коня вырвал острие секиры из его нагрудника, качающийся в седле Голубой выпустил из рук рукоять топора. Крылатый перехватил булаву правой рукой, налетел, страшенным ударом пригнул голову Голубого к конской шее. Схватив поводья сивки свободной рукой, нильфгаардец дубасил булавой, голубые латы звенели, как железный горшок, кровь текла из-под промятого шлема. Еще удар — и Голубой рухнул головой вперед под копыта сивки. Сивка отскочил, но гнедой Крылатого, явно натренированный, с грохотом лягнул упавшего. Голубой еще был жив, о чем свидетельствовал отчаянный рев боли. Гнедой продолжал топтать его с таким упорством, что раненый Крылатый не удержался в седле и свалился рядом.

— Позабивали дружка дружку, сукины дети, — охнул ловчий, державший Цири.

— Господа лыцари, чума на них и зараза, — сплюнул другой.

Слуги Голубого поглядывали издали. Один завернул коня.

— Стой, Ремиз! — крикнул Скомлик. — Куда ты? В Сарду? На виселицу торописси?

Слуги остановились, один глянул, заслонив глаза рукой.

— Скомлик, ты, што ль?

— Я. Подъезжай, Ремиз, не боись! Лыцаревы разборки не наша забота!

Цири вдруг решила, что пора кончать с апатией. Она ловко вырвалась у державшего ее ловчего, подскочила к сивке Голубого, одним прыжком взлетела в седло с высокой лукой.

Возможно, ей и удалось бы сбежать, если б слуги из Сарды были не в седлах и не на отдохнувших конях. Они запросто догнали ее, вырвали поводья. Она соскочила и помчалась к лесу, но конные догнали ее снова. Один на скаку схватил ее за волосы, рванул, поволок. Цири крикнула, повисла на его руке. Конник кинул ее прямо под ноги Скомлику. Свистнула нагайка. Цири взвыла и свернулась клубком, заслоняя голову руками. Нагайка свистнула снова и хлестнула ее по рукам. Она отпрыгнула, но Скомлик подскочил, пнул ее, потом прижал ботинком крестец.

— Сбежать удумала, змейство?

Свистнула нагайка. Цири снова вскрикнула. Скомлик опять пнул ее и проехался нагайкой.

— Не бей меня! — крикнула она.

— Ага, заговорила, зараза! Расшнуровала хайло-то. Вот я те щас!

— Опомнись, Скомлик! — крикнул кто-то из ловчих. — Жизню хошь и из ей выколотить аль как? Она стоит сильно, штоб ее доконать-та!

— Ясны громы, — сказал Ремиз, слезая с коня. — Неужто та, котору Нильфгаард ишшет уже неделю как?

— Она.

— Ха! Все гарнизоны ее ишшут. Кака-то важна для Нильфгаарда персона! Вроде какой-то сильный маг наворожил, што она должна быть гдей-то тут. В тутошних местах! Болтали в Сарде. Где отыскали-та?

— На Сковородке.

— Не могет того быть!

— Могет, могет, — зло сказал Скомлик, скривившись. — Взяли мы ее, награда наша! Че стоите навроде кольев? А ну спутать пташку и на седло! Топаем отседова, парни. Живо!

— Благородный Сверс-та, — начал один из ловчих, — вроде бы ишшо дыши...

— Долго не подышит. Пес с им. Едем прямо в Амарильо, парни. К префекту. Предоставим ему девку-та и отхватим награду.

— В Амарильо? — Ремиз почесал затылок, глянул на поле недавней брани. — Там-то уж нам палач точно! Чево скажешь префекту-та? Лыцари побиты, а вы, стал быть, целы? Как все дело на явь выйдет, префект велит вас повесить, а нас этапным ходом отошлет в Сарду... А тады Варнхагены шкуру с нас живьем сдерут. Вам-та, может, и в Амарильо дорога, а по мне так лучшей в леса податься...

— Ты ж — мой свояк, Ремиз, — сказал Скомлик. — И хоша ты есть песий хвост, потому как сестру мою поколачивал, все ж как-никак родня. Потому шкуру твою сберегу. Едем в Амарильо, говорю. Префект знат, что промеж Свирсами и Варнхагенами вражда. Встренулись, побили один другого, обнаковенная меж ими штука. Чево мы-та могли? А девку, гляньте на мои слова, мы нашли позжее. Мы ловчие. Отноне ты тож ловчий, Ремиз. Префект того не знат, всколькиром мы со Сверсом поехали. Не сочтет...

— Ты ничего не запамятовал, Скомлик? — протяжно спросил Ремиз, глядя на второго слугу из Сарды.

Скомлик медленно обернулся, потом мгновенно выхватил нож и с размахом вбил его слуге в горло. Слуга взвизгнул и повалился на землю.

— Я ничего не забываю, — холодно сказал ловчий. — Ну таперича мы уж тута токмо одни свои. Свидетелев нету, да и голов для дележки награды не больно много. По коням, парни, в Амарильо! Впереду еще добрый шмат пути, тянуть нечего!

Выехав из темной и влажной буковины, они обнаружили у подножия горы деревушку — несколько крыш внутри кольца из низкого частокола, огораживающего излучину небольшой речки.

Ветер принес запах дыма. Цири пошевелила занемевшими пальцами рук, притянутых ремнями к луке седла. Вся она вконец одеревенела, ягодицы болели немилосердно, докучал полный пузырь. Она не слезала с седла с

восхода солнца. Ночью не передохнула, потому что ее руки привязали к рукам лежавших по обе стороны ловчих. На каждое ее движение ловчие отвечали руганью и обещаниями поколотить.

— Деревня, — сказал один.

— Ага, — ответил Скомлик.

Они спустились с горы, копыта лошадей захрустели по высоким, спаленным солнцем травам. Вскоре вышли на покрытую выбоинами дорогу, ведущую прямо к деревне, к деревянному мостику и воротам в частоколе.

Скомлик остановил коня, приподнялся на стременах.

— Што за деревня? Никогда тута не бывал. Ремиз, знашь это место?

— Ране, — сказал Ремиз, — деревню звали Бела Речка. Но как начались беспорядки, несколько тутошних пристали к бунтовщикам, то Варнхагены из Сарды пустили тута красного петуха, людишек перебили альбо погнали в неволю. Таперича одни нильфгаардские поселенцы здеся обретаются, новопоселенцы, стал быть. А деревушку в Глысвен перекрестили. Поселенцы тутошние недобрые, упрямые люди. Говорю — не надыть тута останавливаться. Едем дале.

— Коням передых нужон, — запротестовал один из ловчих. — И еда. Да и у меня кишка кишке кукиш кажет. Што нам новопоселенцы, говно, замухрышки. Махнем им перед носом приказом префекта, префект-та тожить нильфгаардец, как и они. Увидите, в пояс нам поклонятся.

— Ну уж, — буркнул Скомлик, — видал кто нильфгаардца-та, который в пояс кланяется? Ремиз, а корчма какая-никакая есть в энтом Глысвене?

— Есть. Корчму Варнхагены не спалили.

Скомлик обернулся в седле, глянул на Цири.

— Развязать ее надыть. Нельзя, штобы кто узнал... Дайте ей попону. И чего-нито на башку... Эй... Ты куда, девка?

— В кусты надо.

— Я те дам кусты, потаскуха! Садись у дороги! И помни: в деревне ни слова. Думашь, хитра больно? Пикнешь токо, так горло перережу. Ежели я за тебя флоренов не получу, никто не получит.

Подъехали шагом, конские копыта застучали по мостику. Из-за частокола тут же выглянули поселенцы, вооруженные копьями.

— Сторожат у ворот-та, — буркнул Ремиз. — Антересно, чего ради?

— Ага, — буркнул Скомлик, приподнимаясь на стременах. — Ворота стерегут, а от мельницы частокол развален, возом можно проехать...

Подъехали ближе, остановили лошадей.

— Мир вам, хозяева! — крикнул весело, хоть и не совсем натурально Скомлик. — В добрый час!

— Кто такие? — кратко спросил самый высокий из поселенцев.

— Мы, кум, армия, — соврал Скомлик, откинувшись в седле. — На службе его восходительства господина префекта в Амарильо.

Посланец провел рукой по древку копья, глянул на Скомлика исподлобья. Он явно не мог припомнить, на каких крестинах ловчий стал его кумом.

— Нас сюды прислал господин префект, — продолжал врать Скомлик, — штоб узнать, как идут делишки у его земков, добрых людей из Глысвена. Его восходительство шлет, стал быть, пожелания и спрашивает, не надыть людям из Глысвена какой помочи?

— Справляемся понемногу, — сказал поселенец. Цири отметила, что он говорит на всеобщем с таким же акцентом, как и Крылатый, хоть стилем речи старается подражать жаргону Скомлика. — Привычные мы сами себе управляться.

— Рад будет господин префект, услышамши энто. Корчма открыта? В горлах у нас пересохло...

— Открыта, — угрюмо бросил поселенец. — Пока еще открыта.

— Пока еще?

— Пока еще. Вскорости мы эту корчму разберем, стропилы и доски на амбар сгодятся. А с корчмы никакого дохода. Мы трудимся в поте лица и в корчму не заглядываем.

Корчма только приезжих тянет, больше таких, которым мы не рады. Теперь там тоже такие остановились.

— Кто? — Ремиз слегка побледнел. — Не из форта ли Сарда, случаем? Не благородные ли господа Варнхагены?

Поселенец скривился, помял губами, словно собирался плюнуть.

— К сожалению, нет. Милиция господ баронов. Нисары.

— Нисары? — наморщил лоб Скомлик. — А откедова они? Под чьей командой-та?

— Старшим над ними высокий, черный, усатый, как сом.

— Ха! — Скомлик повернулся к спутникам. — Повезло нам. Токмо одного такого знаем, нет? То никак будет наш старый друг Верката. «Верь мне», помните? А чего ж тут у вас, кум, нисары поделывают?

— Господа нисары, — понуро пояснил поселенец, — в Тыффию направляются. Почтили нас своим присутствием. Везут пленника. Одного из банды Крыс взяли в полон.

— Глянь-ка! — фыркнул Ремиз. — А нильфгаардова императора не взяли? В полон-та?

Поселенец нахмурился, стиснул руку на древке копья. Его товарищи глухо зароптали.

— Езжайте в корчму, господа солдаты. — На скулах поселенца заходили желваки. — И поболтайте с господами нисарами, вашенскими дружками. Вы вроде бы на службе у префекта. Так спросите господ нисар, почему они бандита в Тыффию везут, вместо того чтобы тут, на месте, сразу на кол волами тянуть, как префект велел. И напомните господам нисарам, дружкам вашим, что здесь власть — префект, а не барон из Тыффии. У нас уж готовы и волы в ярме, и кол заостренный. Если господа нисары не пожелают, то мы сообразим, что надо. Шепните им это.

— Шепну, а как же. — Скомлик многозначительно глянул на спутников. — Бывайте, люди.

Они шагом двинулись меж халуп. Деревня казалась вымершей, не было видно ни души. Под одним из заборов рылась свинья, в грязи барахтались грязные утки. Дорогу наездникам пересек большой черный котище.

— Тьфу, тьфу, котья морда. — Ремиз наклонился в седле, сплюнул, сложил пальцы знаком, оберегающим от злой порчи. — Дорогу перешел, котий сын!

— Штоб у него мыша в горле застряла!

— Чего? — повернулся Скомлик.

— Кот. Што твоя смола черный. Дорогу перебег, тьфу, тьфу.

— Хрен с ним. — Скомлик осмотрелся. — Гляньте-ка, пустынь какая. Однако ж видел я сквозь пузыри оконные, людишки сидят по хатам, глядят. Тама вон из-за ворот, заметил, пика блеснула.

— Баб стерегут, — засмеялся тот, который пожелал коту подавиться мышью. — Нисары в селе. Слыхали, что кмет плел. Видать, не любят нисаров-та.

— И не диво. «Верь мне» и его кодла ни одной кметки не пропустят. Эх, доиграются они ишшо, энти господа нисары. Бароны их «Стражами порядка» величают, за то им плотют, чтоб порядок стерегли, за дорогами приглядывали. А как крикнешь кмету в ухо «нисар!», так он немедля себе пятки со страху обделает. Но это до поры до времени. Ну ишшо одного теленка зарежут, ну ишшо одну девку оттрахают, и, глянь, кметы их на вилы подымут. Ей-бо. Видали тех, у ворот, какие мордовороты у их злые? Это нильфгаардское поселение. С имя шутков не шуткуй... Хо, а вота и корчма...

Они поторопили коней.

У корчмы была малость просевшая, сильно омшелая крыша. Стояла корчма в некотором отдалении от халуп и хозяйственных построек, отмечая, однако, середину, центральную точку всего огороженного развалленным частоколом пространства, место пересечения двух проходящих через селение дорог. В тени единственного поблизости большого дерева был загон, заграда для скота и отдельная — для лошадей. В последней стояло пять или шесть нерасседланных верховых коней. Перед дверью, на ступенях, сидели два типа в кожаных куртках и остроконечных меховых шапках. Оба любовно прижимали к груди глиняные кувшины, а между ними стояла миска, полная обглоданных костей.

— Хто такие? — крикнул один при виде Скомлика и его спутников, слезающих с коней. — Чего тута ишшите? Топайте отседова! Занята корчма именем закона!

— Не ори, нисар, не ори! — сказал Скомлик, стаскивая Цири с седла. — А дверь раззявь пошире, потому как мы хочим внутрь. Твой командир, Верката, — наш земок.

— Не знаю вас!

— Потому как зелен ишшо. «Верь мне» и я разом служили ишшо в стародавние времена, прежде чем Нильфгаард тута осел.

— Ну коли так... — заколебался любитель пива, отпуская рукоять меча, — заходите. Мне все едино...

Скомлик толкнул Цири, другой ловчий схватил ее за воротник.

Вошли.

В помещении было мрачно и душно, несло дымом и жареным. Корчма была почти пуста — занят только один стол, который стоял в полосе света, падающего сквозь окно, затянутое рыбьими пузырями. За ним сидели несколько мужчин. В глубине, перед топкой, возился корчмарь, грохоча горшками.

— Челом бью господам нисарам! — загудел Скомлик.

— Бей, бей, да не с нами пей, — буркнул один из сидевших у оконца, сплюнув на пол.

Другой остановил его жестом.

— Давай потише. Свои парни, не узнал, што ль? Скомлик и его ловчие. Челом, челом!

Скомлик расплылся в улыбке и двинулся к столу, но остановился, видя своих дружков, уставившихся на столб, который поддерживал балку потолка. У столба сидел на табуретке щуплый светловолосый паренек лет пятнадцати, странно напряженный и вытянутый. Цири заметила, что его неестественная поза — результат того, что руки его вывернуты назад и связаны, а шея притянута к столбу ремнем.

— Обсыпь меня короста, — громко вздохнул один из ловчих, тот, что держал Цири за воротник. — Глянь-ка, Скомлик! То ж Кайлей!

— Кайлей? — наклонил голову Скомлик. — Крыс Кайлей? Не могет того быть!

Один из сидевших за столом нисар, толстяк с волосами, зачесанными в колоритный чуб, гортанно рассмеялся.

— Могет, могет, — сказал он, облизывая ложку. — Кайлей своей собственной вонючей персоной. Оправдался ранний подъем. Получим за него верняк — полгорсти флоренов доброй инператорской монетой.

— Хватанули Кайлея, ну, ну, — поморщился Скомлик. — Значится, правду говорил нильфгаардский кметок...

— Тридцать флоренов, сучий хвост, — вздохнул Ремиз. — Недурственно... Платит барон Люц из Тыффии?

— Верно, — подтвердил другой нисар, черноволосый и черноусый. — Благородный барон Люц из Тыффии, наш господин и благодетель. Крысы ограбили его советника на большаке, ну вота он обозлился и назначил награду. И мы энту награду примем, Скомлик, верь мне. Хе, гляньте-ка, парни, ишь как напыжился! Не ндравится ему, что энто мы, а не он Крыса изловил, хоша и ему префект банду ловить приказал.

— Ловчий Скомлик, — толстяк с чубом ткнул в Цири ложкой, — тожить чего-то словил. Вишь, Верктa? Девка кака-то.

— Вижу, — сверкнул зубами черноволосый. — Чего ж это, неужто тебя беда так скрутила, что ты дитёв уводишь за-ради выкупа? Что за грязнуха така?

— Не твое дело!

— Ишь, какой грозный, — засмеялся чубатый. — Удостовериться хочим, не дочка ль твоя.

— Евонная дочка? — засмеялся Верктa, черноусый. — Да неужто? Чтоб дочь сплодить, надыть яйцы носить.

Нисары грохнули.

— Ну, ну, ржите, лбы бараньи, — рявкнул Скомлик и напыжился. — А тебе, Верктa, так скажу: не минет неделя, увидишь, о ком громчее-та будут — о вас и вашем Крысе аль о том, чего я сварганил. И тады посмотрим, кто шшедрее — ваш барон или инпepатов префект из Амарильо!

— Могешь меня в зад ущаловать, — презрительно известил Верктa и вернулся к похлебке, — вместях с твоим пре-

фектом, твоим инператом и всем Нильфгаардом разом. Верь мне. И не надувайся. Знаю, что Нильфгаард уж неделю как за какой-то девой гонится, аж пыль на дорогах стоит. Знаю, что награда за нее назначена. Но мне это до говна, значит, верь мне. Я уж префекту и нильфам прислуживать не мыслю и наплевать мне на них. Я теперича у барона Люца служу, и стал быть, ему одному подчиняюся, никому боле.

— Твой барон, — отхаркнулся Скомлик, — заместо тебя нильфгаардскую ручку поглаживает, нильфгаардские сапоги лижет. Тебе того не надо делать, вот ты и трепешься.

— Не хорохорься, — примиряюще сказал нисар. — Не супротив тебя говорил, верь мне. То, што девку, кою Нильфгаард ишшет, ты нашел, рад видеть. Хорошо, что и награду ты возьмешь, а не засратые нильфгаардцы. А то, што ты префекту служишь, дык никто себе господ не выбирает, это они выбирают нас. Нет, што ль? А ну, садись с нами, выпьем, коли встреча вышла.

— Ну, чего ж нет-та, — согласился Скомлик. — Токмо для початку дайте-ка кусок вожжей. Привяжу девку к столбу, рядом с вашим Крысом, лады?

Нисары грохнули.

— Глянь-ка, пугало пограничное! — захохотал толстяк с чубом. — Вооруженная силы Нильфгаарда. Повяжи ее, Скомлик, повяжи, чего уж. Токмо возьми железну цепь, потому как вожжи-та твой важный пленник запросто разорвет и морду тебе набьет, прежде чем сбежать. Выглядит грозно, аж мурашки по пузу.

Даже спутники Скомлика глухо рассмеялись. Ловчий покраснел, затянул пояс, подошел к столу.

— Я для верности, штоб не сбегла.

— Ну, ну, — прервал Верктa, разламывая хлеб. — Хошь поболтать, так садися, поставь всем, как положено. А свою девку, ежели хошь, подвесь за ноги к потолку Мне энто без разницы, верь мне. Токмо жуть как смешно, Скомлик. Для тебя и для твоего префекта это, может, и важный пленник, а по мне так — заморенное и запуганное дите. Собираешься ее связывать? Она, верь мне, едва на ногах держится, где ей там сбегать-та. Чего боисси?

— Щас скажу чего. — Скомлик закусил губу. — Это нильфгаардское поселение. Нас тута хлеб-солью поселенцы не встречали, а для вашего Крыса, сказали, уже готов кол заостренный. И правы, потому как префект указ дал, чтоб пойманных разбойников на месте кончать. Ежели им пленника не выдадите, они и для вас колышки обстругают.

— Эва как, — бросил чубатый. — Чаек им пугать, дурням. Лучше пусть не лезут, не то кровушки им пустим.

— Крыса им не выдадим, — добавил Верктa. — Наш он и в Тыффию поедет. А барон Люц уж все с префектом уладит. Э, что трепаться попусту. Садитесь.

Ловчие, повернув пояса с мечами, охотно присели к столу, покрикивая на корчмаря и согласно указывая на Скомлика, как на плательщика.

Скомлик пинком придвинул табурет к столбу, схватил Цири за руку, дернул так, что она упала, ударившись плечом о колено связанного паренька.

— Сиди тута, — буркнул он. — И не шевелись, иначе изобью, суку.

— У, гнида, — проворчал паренек, глядя на него прищуренными глазами. — Ты, пес...

Большинство слов, которые слетели со злых, искривленных губ паренька, Цири не знала. Но по изменениям на лице Скомлика поняла, что это должны были быть слова невероятно мерзкие и обидные.

Ловчий побледнел от бешенства, замахнулся, ударил связанного по лицу, ухватил за длинные светлые волосы, рванул, стукнув парня затылком по столбу.

— Эй! — крикнул Верктa, поднимаясь из-за стола. — Чего ты?

— Клыки ему повыбиваю, Крысу паршивому! — рявкнул Скомлик. — Ноги из жопы вырву! Обе!

— Иди сюды и перестань хайло рвать. — Верктa сел, одним духом опрокинул кубок пива, отер усы. — Твоим пленным могешь вырывать чего ндравится, а от наших — стороной. А ты, Кайлей, не изображай больно-то уж смелого. Сиди тихо и починай мыслить о шафоте, который барон Люц уже велел поставить в городке. Спис тех штук, которы

тебе на том шафоте сотворит палач, уже составлен, и, верь мне, долгий спис, на три локтя будет. Полгородка уж заклады поставило, до которого пункта ты выдержишь. Так што экономь силенки-то, Крыс. Я и сам поставлю малость и рассчитываю — ты меня не разочаруешь и выдержишь хоша бы кастрирования.

Кайлей сплюнул, отвернув голову, насколько позволял стянутый на шее ремень. Скомлик затянул пояс потуже, зловещим взглядом окинул скорчившуюся на табурете Цири и присоединился к компании за столом, нещадно ругаясь, потому что в принесенном корчмарем кувшине остались лишь слабые следы пены.

— Как взяли Кайлея-та? — спросил он, дав знак корчмарю, что хочет расширить заказ. — К тому ж живым? Потому как не уверю, что остальных Крысов перебили.

— По правде-та, — ответил Верктa, критически рассматривая то, что только что извлек из носа, — повезло, и вся недолга. Сам-друг был. От шайки отлучился и в Нову Кузню к девке приперся на ночку. Солтысина знал, што мы недалече стоим, ну и кликнул. Поспели мы до свету, схватили его на сеновале, он и не пикнул.

— А с девкой евонной поиграли сообча, — захохотал толстяк с чубом. — Ежели ее Кайлей ночкой не удобрухал, так мы-то не обидели. Мы ее поутру так удобрухали, что потом-та она ни рукой, ни ногой двинуть не могла!

— Ну, говорю, лопухи вы и дурни, — громко и насмешливо известил Скомлик. — Протрахали добру деньгу, глупцы. Вместо того чтоб девку трахать, надоть было железо раскалить и Крыса выпытать, где банда ночует. Могли всех взять. Гиселера и Реефа... За Гиселера Варнхагены из Сарды двадцать флоренов давали уж в зашлом годе. А за ихнюю подружку, как там ее... Мистель навроде... За ее префект ишшо боле б дал опосля того, что она с евонным братаном учинила под Друи, когда Крысы обоз раскурочили.

— Ты, Скомлик, — поморщился Верктa, — то ль от рождения чокнутый, то ль тебе жизня тяжкая разум из башки в уши выдула. Нас шестеро. Што, вшестером надо было на целу шайку вдарить, иль как? А награда нас и без того не

обойдет. Барон Люц в тюряге Кайлею пятки пригреет, времени не пожалеет, верь мне. Кайлей запоет, выдаст их скрытники и жилье, тогда силой и кучей пойдем, окружим банду, выташшим, как раков из сачка.

— Как же! Станут они ждать. Узнают, что Кайлея схватили, и затаятся в других скрытниках и камышовнике. Нет, Веркта, надыть тебе глянуть правде в глаза: испоганили вы дело. Обменяли награду на бабью манду. Такие уж вы, знаем мы вас... токмо манды у вас на уме-то.

— Сам ты манда! — Веркта выскочил из-за стола. — Ежели у тебя чешется, так топай сам за Крысами-та вместе с твоими героями! Токмо смотри, потому как на Крысов идтить, нильфгаардский подлиза, энто тебе не недоросшую девку лапать!

Нисары и ловчие принялись орать и взаимно обзывать друг друга. Корчмарь быстренько подал пива, вырвав пустой кувшин из рук толстяка с чубом, уже замахнувшегося на Скомлика. Пиво быстро смягчило спор, охладило глотки и успокоило темпераменты.

— Есть давай! — крикнул толстяк корчмарю. — Яешню с колбасой, фасоли, хлеба и сыра!

— И пива!

— Ну чего вытаращился, Скомлик? Мы нонче при деньге! Ослобонили Кайлея от коня, кошелька, безделушек, меча, седла и кожушка, все продали краснолюдам!

— Красные сапожки евонной девки тожить продали. И кораллы!

— Ну стал быть, и верно есть на что выпить! Рад!

— И чегой-то ты такой-та уж радый? У нас есть, не у тебя... Ты за свою важну добычу токмо сопли из-под носа вытирать смогешь или вшей у нее выискивать! Каков поход, таков и доход, ха, ха!

— Ну собачье племя!

— Ха-ха! Садись, шутковал я.

— Выпьем за дружбу! Мы ставим!

— Эй, где яешня, корчмарь, чтоб тебя чума сожрала! Быстрей!

— И пиво давай!

Скорчившаяся на табуретке Цири подняла голову, наткнувшись на злые зеленые глаза Кайлея, сверкнувшие из-под взлохмаченной челки светлых волос. Ее прошила дрожь. Лицо Кайлея, хоть и симпатичное, было злым. Очень злым. Цири тут же поняла, что этот ненамного старше ее паренек способен на все.

— Никак тебя мне боги послали, — шепнул Кайлей, сверля ее зеленым взглядом. — Подумать только, я не верю в богов, а они прислали. Не оглядывайся, идиотка маленькая. Ты должна мне помочь... Слушай, зараза...

Цири съежилась еще больше, опустила голову.

— Слушай, — прошипел Кайлей, совсем по-крысиному сверкнув зубами. — Когда мимо нас будет проходить корчмарь, крикнешь... Да слушай же ты меня, черт возьми...

— Нет, — шепнула она. — Они меня изобьют...

Губы Кайлея скривились, а Цири сразу же поняла, что избиение вовсе не самое худшее, что может с ней случиться. Хотя Скомлик был большой, а Кайлей худой и вдобавок связанный, она инстинктивно чувствовала, кого надо бояться больше.

— Если поможешь мне, — шепнул Кайлей, — я помогу тебе. Я не один. Мои друзья в беде не оставляют... Поняла? Но когда мои друзья нагрянут, когда начнется, я не могу торчать у столба, потому что эти сволочи меня прикончат... Слушай, собачий хвост, что надо сделать...

Цири опустила голову еще ниже. Губы у нее дрожали.

Ловчие и нисары жрали яичницу, чавкая как свиньи. Корчмарь помешал в котле и принес на стол очередной кувшин пива и буханку пеклеванного хлеба.

— Я голодная! — послушно запищала Цири, немного побледнев. Корчмарь остановился, дружелюбно взглянул на нее, потом повернулся к пирующим.

— Можно ей дать, господа?

— Прочь! — невнятно рявкнул Скомлик, краснея и брызгая яичницей. — Прочь от нее, вертельщик засратый, не то я тебе ноги повыкручиваю! Нельзя! А ты сиди тихо, шалава, тихо...

— Эй-эй, Скомлик, чегой-то ты, одурел вконец или как? — бросил Верката, с трудом проглатывая покрытый луком хлеб. — Гляньте, парни, жадюга, сам жрет за чужие деньги, а девке жалеет. Дай ей миску, хозяин. Я плачу, и я решаю, кому дать, кому нет. А ежели кому-то это не ндравится, могет сразу получить по щетине.

Скомлик покраснел еще сильнее, но смолчал.

— Чтой-то мне ишшо вспомнилося, — добавил Верката. — Надыть Крыса накормить, чтоб копыта в пути не откинул, не то барон с нас шкуру спустит, верь мне. Девка его покормит. Эй, хозяин! Навали жратвы какой для них! А ты, Скомлик; чево там бурчишь? Чево тебе не ндравится?

— Следить за ней надыть, — ловчий головой указал на Цири, — потому как энто кака-то странная пташка. Ежели б то была обнаковенная девка, Нильфгаард бы за ней не гонялси, префект награды бы не посулил.

— Обнаковенная — не обнаковенная, — хохотнул толстяк с чубом, — сразу видать будет, как ей промеж ног глянуть! Как вы на это, парни? Заберем на сеновал на минутку?

— И не вздумай трогать, — буркнул Скомлик. — Не позволю!

— Эва! Будем тебя спрашивать!

— Моя добыча и мое дело, чтоб ее целой довезти! Префект из Амарильо...

— Наклали мы на твово префекта. За наши деньги пил, а нам потрахаться пожалел? Эй, Скомлик, не будь сквалыгой! И голова у тебя не упадет, и выгода тебя не обойдет! Целой довезешь. Девка — не рыбий пузырь, от тисканья не пукнет!

Нисары заржали. Спутник Скомлика поддержал их. Цири затряслась, побледнела, подняла голову. Кайлей усмехался.

— Поняла уже? — прошипел он, еле шевеля губами. — Как напьются, возьмутся за тебя. Изувечат. Мы едем в одной телеге. Говори, что я велю. Получится у меня — получится и у тебя.

— Еда готова! — крикнул корчмарь. У него не было нильфгаардского акцента. — Подойди, мазелька!

— Нож, — шепнула Цири, принимая у него миску. — Нож. Быстро.

— Ежели мало, получай еще! — неестественно воскликнул корчмарь, косясь в сторону пирующих и добавляя в миску каши. — Отойди, прошу тебя.

— Нож.

— Жаль мне тебя, дочка, но не могу. Пойми ты. Отойди...

— Из корчмы, — повторила она дрожащим голосом слова Кайлея, — никто не выйдет живым. Нож. Быстро. А когда начнется, беги...

— Держи миску, неряха! — крикнул корчмарь, поворачиваясь так, чтобы заслонить собой Цири. Он был бледен и дробно лязгал зубами. — Ближе к сковороде!

Она почувствовала холодное прикосновение кухонного ножа, который он сунул ей за пояс, заслонив ручку курточкой.

— Прекрасно, — прошипел Кайлей. — Сядь так, чтобы меня заслонить. Поставь миску мне на колени. В левую руку возьми ложку, в правую — нож. И пили вожжу. Не тут, дура. Под локтем, на столбе. Осторожнее, глядят.

Цири почувствовала, как пересохло горло. Наклонила голову чуть не к самой миске.

— Корми меня и ешь сама. — Зеленые глаза всматривались в нее из-под прищуренных век, гипнотизировали. — И пили, пили. Смелее, малек. Получится у меня — получится и у тебя...

«Верно, — подумала Цири, трудясь над веревкой. Нож вонял железом и луком, острие было неровным, видимо, много раз точили. — Он прав. Разве я знаю, куда меня везут эти подлецы? Разве я знаю, что надо от меня их нильфгаардскому префекту? Может, и меня ждет колесо, растяжки и клещи, раскаленное железо... Я не дам отвести себя как овцу на бойню. Уж лучше рискнуть...»

С грохотом вылетело окно, вместе с рамой и кинутым снаружи пнем для рубки поленьев, все свалилось на стол, чиня опустошение среди мисок и кувшинов. Вслед за пнем на стол прыгнула светловолосая коротко подстриженная девушка в красной курточке и высоких блестящих сапогах

выше колен. Упав на колени, она тут же взмахнула мечом. Один из нисаров, самый медлительный, не успевший отскочить, рухнул на спину вместе с лавкой, исходя кровью из рассеченного горла. Девушка ловко спрыгнула со стола, уступив место влетевшему в окно пареньку в коротком вышитом полукожушке.

— Кры-ы-ысы! — рявкнул Верктa, возясь с мечом, запутавшимся в поясе.

Чубатый толстяк выхватил оружие, прыгнул к ползающей по полу девушке, замахнулся, но та, поднявшись на колени, ловко парировала удар, отползла, а парень в кожушке, прыгнувший вслед за ней, с размаху ткнул нисара в висок. Толстяк повалился на пол, мгновенно обмякнув, как вывернутый тюфяк.

Двери корчмы распахнулись под ударом ноги, в помещение ворвались двое Крыс. На первом, высоком и чернявом, был усеянный шишками кафтан, на лбу — пурпурная повязка. Этот двумя быстрыми ударами меча откинул двух ловчих в противоположные углы, схватился с Верктой.

Второй, коренастый и светловолосый, широким ударом располосовал Ремиза, шурина Скомлика. Оставшиеся кинулись в бегство, направляясь к кухонным дверям. Но Крысы уже врывались и туда — из задней комнаты вдруг выскочила темноволосая девушка в сказочно красивой одежде. Быстрым тычком пропорола насквозь одного из ловчих, мельницей отогнала другого и тут же зарубила корчмаря, прежде чем тот успел крикнуть, кто он такой.

Помещение заполнил рев и звон мечей. Цири спряталась за столбом.

— Мистле! — Кайлей, разорвав надпиленную веревку, силился освободиться от ремня, все еще державшего ему шею у столба. — Гиселер! Рееф! Ко мне!

Однако Крысы были заняты дракой, крик Кайлея услышал только Скомлик. Ловчий развернулся и уже собрался пригвоздить Крысу к столбу, но Цири прореагировала мгновенно и автоматически — как во время драки с выверной в Горс Вилене и на Танедде — все выученные в Каэр Морхене движения проделались вдруг сами по себе, почти без ее

участия. Она выскочила из-за столба, завертелась в пируэте, налетела на Скомлика и сильно ударила его бедром. Она была слишком мала и легка, чтобы откинуть огромного ловчего, но ей удалось нарушить ритм его движений и обратить на себя его внимание.

— Ах ты, дрянь поганая!

Скомлик замахнулся, меч взвыл в воздухе. Тело Цири снова само по себе проделало спасительный вольт, а ловчий чуть не перевернулся, полетев следом за набравшим инерцию клинком. Грязно ругаясь, он рубанул еще раз, вложив в удар всю свою силу. Цири ловко отскочила, уверенно опустившись на левую ногу, закружилась в обратном пируэте. Скомлик рубанул снова, но и на этот раз не смог ее достать.

Между ними вдруг свалился Веркта, поливая обоих кровью. Ловчий отступил, оглянулся. Его окружали одни трупы. И Крысы, надвигающиеся со всех сторон с направленными на него мечами.

— Стойте, — холодно сказал чернявый в пурпурной повязке, наконец освобождая Кайлея. — Похоже, он очень хочет зарубить девочку. Не знаю почему. Не знаю также, каким чудом ему это не удалось до сих пор. Но дадим ему шанс, коли он так сильно хочет.

— Дадим и ей, Гиселер, — сказал кряжистый. — Пусть это будет честный бой. Дай ей какое-нибудь железо, Искра.

Цири почувствовала в руке рукоять меча. Немного тяжеловатого.

Скомлик яростно засопел, кинулся на нее, размахивая оружием в мерцающей мельнице. Он был слишком медлителен — Цири уходила от ударов быстрыми финтами и полуоборотами, даже не пытаясь парировать сыпавшиеся на нее удары. Меч служил ей только противовесом, облегчавшим вольты.

— Черт-те что! — коротко рассмеялась стриженая. — Невероятно! Акробатка!

— Быстрая, — сказала разноцветная, которая дала ей меч. — Быстрая, как эльфка. Эй ты, толстый! Может, хочешь кого-нибудь из нас? С ней у тебя не получается.

Скомлик попятился, осмотрелся, вдруг неожиданно прыгнул, целясь в Цири уколом, вытянувшись словно цапля с выставленным клювом. Цири ушла от удара коротким финтом, закружилась. Несколько мгновений видела набухшую, пульсирующую жилу на шее Скомлика. Она знала: в той позиции, в которой он оказался, он не сумеет ни избежать удара, ни парировать. Знала, куда и как следует ударить.

Но не ударила.

— Достаточно. — Она почувствовала на плече руку. Девушка в яркой одежде оттолкнула ее, одновременно двое других Крыс — в полукожушке и коротко остриженная — зажали Скомлика в углу, держа его под мечами.

— Достаточно баловаться, — повторила цветастая, поворачивая Цири к себе. — Это немного затянулось. И по твоей вине, девочка. Можешь убить и не убиваешь. Что-то мне сдается, долго ты не проживешь.

Цири вздрогнула, глядя в огромные темные миндалевидные глаза, видя приоткрытые в улыбке зубы, такие мелкие, что улыбка выглядела противоестественной. Это были не человеческие глаза и не человеческие зубы. Яркая девушка была эльфкой.

— Пора уходить, — резко сказал Гиселер, тот, с пурпурной перевязкой на лбу, явно командир. — Это действительно слишком уж затянулось. Мистле, прикончи поганца.

Коротко стриженная приблизилась, подняла меч.

— Смилуйтесь! — взвизгнул Скомлик, падая на колени. — Даруйте жизнь! У меня дети малые... Малышки...

Девушка ударила резко, развернувшись в бедрах. Кровь брызнула на побеленную стену широким неправильным веером карминовых точечек.

— Терпеть не могу малышек, — сказала стриженая, быстрым движением пальцев сгоняя кровь с лезвия.

— Не стой, Мистле, — поторопил ее парень с пурпурной повязкой. — По коням. Надо смываться! Поселение нильфгаардское, у нас здесь нет друзей!

Крысы мгновенно выбежали из корчмы. Цири не знала, что делать, но раздумывать было некогда. Мистле, коротко стриженная, подтолкнула ее к двери.

Перед корчмой, среди осколков кувшинов и обглоданных костей, лежали трупы нисаров, охранявших вход. Со стороны поселка бежали вооруженные копьями поселенцы, но при виде высыпавших на двор Крыс тут же скрылись между домишками.

— На коне сидишь? — крикнула Мистле Цири.

— Да...

— Ну так давай хватай любого — и вперед! За наши головы назначена награда, а это — нильфгаардское село. Тут уже хватаются за луки и рогатины! Галопом за Гиселером! Посередине улочки! Держись подальше от халуп!

Цири легко перепрыгнула через невысокую загородку, схватила поводья одного из коней ловчих, запрыгнула в седло, хватила коня по крупу плоской стороной меча, которого так и не выпустила из рук. Рванула в галоп, опережая Кайлея и многоцветную эльфку, которую назвали Искрой. Помчалась за Крысами в сторону мельницы. Увидела, что из-за угла одной из хат выскакивает человек с арбалетом и целится в спину Гиселера.

— Руби его! — услышала сзади. — Руби его, дева!

Цири откинулась в седле, рывком поводьев и нажимом пятки заставив коня сменить направление, замахнулась мечом. Человек с арбалетом отвернулся, в последний момент она увидела его искаженное ужасом лицо. Поднятая для удара рука на мгновение задержалась, этого было достаточно, чтобы конь пронес ее мимо. Она услышала щелчок освобождаемой тетивы, конь взвизгнул, дернул крупом и встал на дыбы. Цири прыгнула, вырывая ноги из стремян, ловко опустилась на полусогнутые. Подоспевшая Искра перевесилась с седла, резким взмахом рубанула арбалетчика по затылку. Арбалетчик упал на колени, перегнулся вперед и рухнул лицом в лужу, разбрызгивая грязь. Раненый конь ржал и топтался рядом, наконец помчался между халупами, сильно взбрыкивая.

— Идиотка! — крикнула эльфка, минуя Цири. — Чертова идиотка!

— Запрыгивай, — рявкнул Кайлей, подъезжая.

Цири подбежала, схватила протянутую руку. Хрустнул плечевой сустав, но она успела вскочить на коня, прижалась к спине светловолосого паренька. Запустили рысью, обгоняя Искру. Эльфка вернулась, чтобы перехватить еще одного арбалетчика, который бросил оружие и бежал к воротам овина. Искра без труда настигла его. Цири отвернулась. Услышала, как арбалетчик взвыл. Коротко, дико, словно зверь.

Их догнала Мистле, тянувшая за собой оседланного коня. Крикнула что-то. Цири не поняла слов, но сообразила сразу. Отпустила плечи Кайлея, на полном ходу спрыгнула на землю, подскочила к лошади, опасно приблизившись к постройкам. Мистле кинула ей поводья, обернулась и предостерегающе крикнула. Цири повернулась в самую пору, чтобы ловким полуоборотом уйти от предательского удара копьем, которым орудовал крепенький поселенец, выглянувший из хлева.

То, что случилось после, долгое время преследовало ее в снах. Она помнила все, каждое движение. Полуоборот, спасший от удара острием копья, дал ей идеальную позицию. Копейщик же, сильно наклонившийся вперед, не мог ни отскочить, ни заслониться древком, которое держал обеими руками. Цири ударила плашмя, вывернувшись в обратный пируэт. Какое-то мгновение видела раскрытый в крике рот на заросшем щетиной лице. Видела увеличенный лысиной лоб, светлый повыше линии, над которой шапка или капюшон защищали его от загара. А потом все, что она видела, заслонил фонтан крови.

Она все еще держала коня за поводья, конь испугался жуткого воя, дернулся, повалил ее на колени. Цири не выпустила поводьев. Раненый выл и хрипел, конвульсивно метался по соломе и навозу, а кровь выплескивалась из него, как из вепря. Цири чувствовала, как желудок подпирает горло.

Рядом осадила коня Искра. Схватив поводья кружащего на месте коня Цири, она дернула, поднимая на ноги все еще вцепившуюся в ремень девочку.

— В седло! И рысью!

Цири сдержала тошноту, вскочила в седло. На мече, который она не выпускала из рук, была кровь. Она с трудом сдержалась, чтобы не бросить оружие как можно дальше.

Из прохода между халупами вылетела Мистле, волоча за собой двух человек. Один ухитрился вырваться и сбежать, перепрыгнув через заборчик, второй, получив мечом, упал на колени, обеими руками схватившись за голову...

Цири с эльфкой погнали галопом, но тут же осадили коней, упершись в стремена, потому что со стороны мельницы возвращался Гиселер с другими Крысами. За ними, подбадривая себя криками, мчалась толпа вооруженных поселенцев.

— За нами! — крикнул на скаку Гиселер. — За нами, Мистле! К речке!

Мистле, склонившись набок, перескакивая через низкие заборчики, натянула поводья и галопом пустилась за ними. Цири прижалась головой к гриве и припустила следом. Совсем рядом галопом пронеслась Искра. Ветер развевал ее прекрасные темные волосы, приоткрывая маленькое остренькое ушко, украшенное филигранной сережкой.

Человек, которого ранила Мистле, все еще ползал на коленях посреди дороги, раскачиваясь и обеими руками держась за окровавленную голову. Искра завернула коня, подлетела к нему, ударила мечом сверху изо всей силы. Раненый взвыл. Цири увидела, как отрубленные пальцы прыснули в сторону словно щепки от разрубленного полена и упали на землю толстыми белыми червями.

Она с величайшим трудом сдержала позывы тошноты.

Около дыры в частоколе их ожидали Мистле и Кайлей, остальные Крысы были уже далеко. Вся четверка пошла стремительным вытянутым галопом, перенеслась через речку, разбрызгивая воду, взметнувшуюся выше конских голов. Наклонившись и прижавшись щеками к гривам, они взобрались на песчаный откос, погнали через фиолетовый от люпинов луг. Искра, у которой был самый лучший конь, вырвалась вперед.

Влетели в лес, во влажную темь, между стволами буков. Догнали Гиселера и остальных, но задержались только на

мгновение. Лес кончился, они вырвались на вересковое поле и снова пустили лошадей в галоп. Вскоре Цири и Кайлей начали отставать — лошади ловчих не могли выдержать темпа прекрасных, породистых коней Крыс. У Цири были дополнительные сложности — на крупном коне она едва касалась ногами стремян, а на ходу не могла подогнать стременных ремней. Без стремян она умела ездить не хуже, чем с ними, но знала, что при такой скорости долго галопа не выдержит.

К счастью, через несколько минут Гиселер сдержал передних, позволив ей и Кайлею присоединиться. Цири перешла на рысь. Укоротить стременные ремни она еще не могла, в ремешках не было дырочек. Тогда она, не снижая скорости, перекинула правую ногу над лукой и уселась по-дамски.

Мистле, увидев позу девочки, рассмеялась.

— Видишь, Гиселер? Она не только акробатка, но еще и вольтижерка! Эх, Кайлей, где ты выкопал эту чертовку?

Искра, придерживая свою прелестную каштанку, по-прежнему сухую и так и рвущуюся в галоп, подъехала ближе, напирая на коня Цири. Тот захрапел и попятился, задрав голову. Цири откинулась в седле, натянула поводья.

— Знаешь, почему ты еще жива, кретинка? — буркнула эльфка, отбрасывая волосы со лба. — Парень, которого ты по глупости своей пожалела, раньше времени нажал спусковой крючок и попал в коня, а не в тебя. Иначе б сейчас у тебя стрела сидела в спине аж по перья. Зачем тебе меч?

— Оставь ее, Искра, — сказала Мистле, ощупывая мокрую от пота шею своей лошади. — Гиселер, надо идти помедленней, иначе мы загоним лошадей! Ведь никто за нами не гонится.

— Мы должны как можно скорей перейти Вельду, — ответил Гиселер. — За рекой передохнем. Кайлей, как твоя лошадь?

— Выдержит. Это не скакун, в гонках не пройдет, но зверюга крепкая.

— Ну так вперед.

— Минутку, — сказала Искра. — А девчонка?

Гиселер оглянулся, поправил пурпурную повязку на лбу, задержал взгляд на Цири. Его лицо сейчас немного напоминало Кайлея — такой же злой изгиб губ, такие же прищуренные глаза, острые, выпирающие скулы. Однако он был старше светловолосого. Синеватая тень на щеках свидетельствовала о том, что он уже регулярно бреется.

— И верно, — бросил он грубовато. — Что делать с тобой, девка?

Цири опустила голову.

— Она помогла мне, — проговорил Кайлей. — Если б не она, паршивый ловчий пришпандорил бы меня к столбу...

— В деревне, — добавила Мистле, — все видели, как она убежала с нами. Одного хлопнула, вряд ли он выжил. Это поселенцы из Нильфгаарда. Если девочка попадет к ним в лапы, они ее забьют. Мы не можем ее бросить.

Искра гневно фыркнула, но Гиселер махнул рукой.

— До Вельды, — решил он, — поедет с нами. А там видно будет. Сядь как следует, дева. Если отстанешь, мы оглядываться не станем. Поняла?

Цири поспешно кивнула.

— Давай, давай. Кто такая? Откуда? Как зовут? Почему ехала под охраной?

Цири наклонила голову. Пока они скакали, у нее было достаточно времени, чтобы придумать какую-нибудь историю, и она придумала несколько. Но атаман Крыс не походил на человека, который поверил бы хоть одной из них.

— Ну, — поторопил Гиселер. — Ты ехала с нами несколько часов. Останавливалась с нами, а я еще не слышал твоего голоса. Ты — немая, что ли?

Пламя костра рванулось вверх, рассыпая искры и заливая то, что осталось от пастушьего шалаша, волной золотого света. Будто послушный приказам Гиселера, огонь высветил лицо девочки словно бы для того, чтобы можно было легче прочесть на нем ложь и фальшь. «Ведь я не могу открыть им правды, — с отчаянием подумала Цири. — Это разбойники, убийцы. Если они узнают правду о нильфгаардцах, о том, что ловчие поймали меня ради награды, то и

сами могут эту награду захотеть. Кроме того, правда слишком... неправдоподобна, чтобы в нее поверить».

— Мы вывезли тебя из поселка, — медленно продолжал главарь. — Взяли сюда, в одно из наших убежищ. Дали поесть. Ты сидишь за нашим костром. Так говори же, кто ты такая?

— Отстань от нее, — вдруг бросила Мистле. — Гляжу я на тебя и сразу вижу нисара, ловчего или одного из нильфгаардских сволочей. И чувствую себя как на допросе, привязанной к пыточной скамье палача в подвале!

— Мистле права, — проговорил светловолосый парень, носивший полукожушок. Цири вздрогнула, услышав его акцент. — Девочка явно не хочет говорить, кто она, и имеет на это право. Я, когда к вам присоединился, тоже был неразговорчив. Не хотел, чтобы вы узнали во мне одного из нильфгаардских... сволочей...

— Прекрати, Рееф! — махнул рукой Гиселер. — Ты — другое дело. А ты, Мистле, перебрала! Это никакой не допрос. Просто я хочу услышать, кто она такая и откуда. Как только узнаю, укажу ей дорогу домой, вот и все. А как это сделать, если я не знаю...

— Ты вообще ничего не знаешь, — отвела глаза Мистле. — Даже есть ли у нее дом. А я вот думаю — нету. Ловчие схватили ее на большаке, когда она была одна. Типичные повадки трусов. Если велишь отправить ее куда глаза глядят, она в одиночку в горах не выживет. Разорвут ее волки или помрет с голоду.

— Что же с ней делать? — сказал юношеским басом коренастый, тыча палкой в горящие поленья. — Доставить поближе к какой-нибудь деревушке?

— Прекрасная мысль, Ассе, — усмехнулась Мистле. — Кметов не знаете? Им вечно недостает рабочих рук. Загонят девку скот пасти, предварительно сломав ей ногу, чтобы не сбежала. Ночами она будет ничьей, а стало быть, общей собственностью. Будет расплачиваться за жратву и крышу над головой, знаешь, какой монетой. А весной станет метаться в родильной горячке, рожая чьего-нибудь ребенка в грязном хлеве.

— Если у нее будет конь и меч, — медленно процедил Гиселер, все еще глядя на Цири, — то не хотелось бы мне оказаться на месте того, кто захочет переломить ей ногу или сотворить ублюдка. Видели, какую пляску она затеяла в корчме с ловчим, которого потом прикончила Мистле? Он по воздуху колотил, а она отплясывала как ни в чем не бывало... Да, по правде-то меня мало интересует ее имя, а вот где она выучилась таким штучкам, хотелось бы знать...

— Штучки ее не спасут, — неожиданно проговорила Искра, точившая меч. — Она умеет только плясать. Чтобы выжить, надо уметь убивать, а этого она не сможет.

— Пожалуй, сможет, — вступился Кайлей. — Когда в деревне рубанула по шее того парня, кровь свистнула на полсажени...

— А сама чуть в обморок не грохнулась, — фыркнула эльфка.

— Она же еще ребенок, — вставила Мистле. — Я догадываюсь, кто она такая и где научилась своим фортелям. Мне доводилось встречать таких. Это танцорка или акробатка из какой-нибудь бродячей труппы.

— С каких пор, — поморщилась Искра, — нас стали интересовать танцорки и акробатки? Черт побери, скоро полночь, спать хочу. Давайте кончать пустую болтовню. Надо выспаться и отдохнуть, чтобы завтра к вечеру быть в Кузне. Надеюсь, вы еще не забыли, что тамошний солтыс выдал Кайлея нисарам и теперь вся их зачуханная деревушка должна узнать, что такое красная ночь! А девочка? У нее есть конь и есть меч. Она их честно заработала. Дадим ей немного едова и денег. За то, что спасла Кайлея. И пусть едет, куда хочет, сама о себе позаботится...

— Хорошо, — сквозь зубы процедила Цири, вставая.

Наступила тишина, прерываемая только потрескиванием костра. Крысы с любопытством смотрели на нее.

— Хорошо, — повторила она, удивляясь, как по-чужому прозвучал ее голос. — Вы мне не нужны, я не просила... И вовсе не хочу оставаться с вами! Уеду сей же час...

— А ты, я гляжу, не немая, — угрюмо заметил Гиселер. — Умеешь говорить, да еще и нагло.

— Гляньте на ее глаза, — фыркнула Искра. — Гляньте, как она голову держит. Хищная пташка! Юная соколица!

— Собираешься уехать? — сказал Кайлей. — А куда, позволь спросить?

— Вам-то какое дело? — крикнула Цири, и глаза ее загорелись зеленым огнем. — Я вас спрашивала, куда вы едете? Меня это не интересует! И вы меня тоже не интересуете! Вы мне не нужны. Я сумею... Я справлюсь сама! Одна!

— Одна? — повторила Мистле, странно улыбаясь.

Цири умолкла, опустив голову. Крысы тоже молчали.

— Сейчас ночь, — наконец сказал Гиселер. — Ночью в одиночку не ездят, дева. Тот, кто ездит в одиночку, должен погибнуть. Там, около лошадей, валяются попона и шкуры. Выбери что-нибудь. Ночью в горах холодно. Что уставилась? Погаси свои зеленые фонарики! Приготовь лежанку и спи. Тебе надо отдохнуть.

Немного подумав, Цири послушалась, а когда вернулась, волоча за собой попону и одну из шкур, Крысы уже не сидели, а стояли полукругом у костра, и красные огоньки пламени играли в их глазах.

— Мы — Крысы Пограничья, — гордо проговорил Гиселер. — За версту чуем добычу. Нам не страшны ловушки. И нет на свете ничего, чего бы мы не разгрызли. Мы — Крысы. Подойди сюда, девочка.

Цири подошла.

— У тебя нет ничего, — сказал Гиселер, вручая ей украшенный серебром пояс. — Возьми хотя бы это.

— У тебя нет ничего и никого, — улыбнувшись, проговорила Мистле, накинула ей на плечи зеленый атласный кафтанчик и сунула в руки вышитую мережкой блузку.

— У тебя нет ничего, — буркнул Кайлей, и подарком от него был кинжальчик в ножнах, искрящихся дорогими камнями. — У тебя нет никого. Ты одинока.

— У тебя нет никого, — повторил за ним Ассе. Цири приняла дорогую перевязь.

— У тебя нет близких, — проговорил с нильфгаардским акцентом Рееф, вручая ей пару перчаток из мягчайшей кожи. — У тебя нет близких и...

— ...Ты всюду будешь чужой, — докончила с кажущимся безразличием Искра, быстро и довольно бесцеремонно надевая на голову Цири беретик с перьями фазана. — Всюду чужой и всегда другой. Как нам называть тебя, маленькая соколица?

Цири взглянула ей в глаза.

— Gvalch'ca.

Эльфка рассмеялась.

— Стоит тебе начать говорить, и ты говоришь на многих языках. Маленькая соколица! Хорошо, будешь носить имя Старшего Народа, имя, которое ты выбрала себе сама. Ты — Фалька.

Фалька.

Она не могла уснуть. Кони топали и храпели в темноте, ветер шумел в лапах елей. Небо искрилось звездами. Ярко светило Око, долго бывшее ее верным проводником по каменной пустыне. Оно указывает на запад. Но Цири не была уверена, что это правильное направление. Теперь она уже ни в чем не была уверена.

Она не могла уснуть, хотя впервые после долгих дней чувствовала себя в безопасности. Она не была одинока. Лежанку из ветвей она устроила себе в сторонке, подальше от Крыс, которые спали на согретом огнем глинобитном полу разрушенного шалаша. Она была далеко от них, но чувствовала их близость и присутствие. Она не была одинока.

Послышались тихие шаги.

— Не бойся...

Кайлей.

— Я не скажу им, — шепнул светловолосый юноша, опускаясь на колени и наклоняясь к ней, — что тебя ищет Нильфгаард. Не скажу о награде, которую за тебя пообещал префект из Амарильо. Там, в корчме, ты спасла мне жизнь. Я отблагодарю тебя. Приятным. Сейчас.

Он прилег рядом с ней. Медленно и осторожно. Цири пыталась вскочить, но Кайлей прижал ее к подстилке движением не грубым, но сильным и решительным. Мягко положил ей пальцы на губы. Это было ни к чему: Цири пара-

лизовал страх, а из перехваченного, болезненно сухого горла она не смогла бы извлечь ни звука, даже если б хотела. Но она не хотела. Тишина и мрак были лучше. Безопаснее. Привычнее. Они скрывали страх и стыд.

Она тихо охнула.

— Тише, маленькая, — шепнул Кайлей, осторожно расшнуровывая ей рубашку. Медленно, мягкими движениями спустил ей ткань с плеч, а низ рубашки подтянул выше бедер. — И не бойся. Увидишь, как это приятно.

Цири задрожала от прикосновения сухой, жесткой и шероховатой руки. Она лежала неподвижно, напряженная и оцепеневшая, переполненная обессиливающим страхом и отвращением, заливающими виски и щеки волнами жара. Кайлей завел ей левую руку под голову, прижал ее ближе к себе, стараясь отвести руку, которой она ухватилась за подол рубашки, тщетно пытаясь снова стянуть ее вниз. Ее начала бить дрожь.

В окружающей тьме она вдруг уловила движение, почувствовала толчок, услышала звук пинка.

— Ты спятила, Мистле? — буркнул Кайлей.

— Оставь ее, ты, свинья.

— Отвали. Иди спать.

— Оставь ее в покое, я сказала.

— А я беспокою, что ли? Она кричит или вырывается? Я только хочу приласкать ее перед сном. Не мешай.

— Выматывайся отсюда, или я тебя ткну.

Цири услышала скрип кинжала в металлических ножнах.

— Я не шучу, — проговорила Мистле, слабо вырисовывающаяся во мраке над ними. — Отправляйся к парням, да побыстрее!

Кайлей сел, выругался под нос, потом молча встал и быстро ушел.

Цири почувствовала, как по щекам покатились слезы. Быстро, все быстрее. Они, словно юркие червячки, вползали под волосы около ушей. Мистле легла рядом, заботливо укрыла шкурой. Но не поправила задранной рубашки. Оставила так, как было. Цири снова задрожала.

— Тише, Фалька. Все хорошо.

Мистле была теплой, от нее пахло смолой и дымом. Но прикосновение ее маленькой руки снова заставило Цири напрячься. У нее перехватило дыхание. Мистле прижалась к ней, прильнула, ее маленькая рука не останавливаясь поползла по телу, как теплая улиточка. Цири глухо застонала...

— Тише, соколица, — шепнула Мистле, осторожно подсовывая ей руку под голову. — Ты больше не будешь одна. Больше не будешь.

Назавтра Цири поднялась на заре. Осторожно выскользнула из-под шкуры, чтобы не разбудить Мистле, спящую с приоткрытым ртом, прикрыв предплечьем глаза. Руку покрывала гусиная кожа. Цири заботливо укутала девушку. После недолгого колебания наклонилась, нежно поцеловала ее в стриженые, торчащие щеткой волосы. Мистле замурлыкала сквозь сон. Цири отерла слезы со щеки.

Она уже не была одинока.

Остальные спали, кто-то звучно храпел, кто-то так же звучно пустил ветры. Искра лежала, откинув руку на грудь Гиселера, ее буйные волосы рассыпались в беспорядке. Кони фыркали и топтались, дятел короткими очередями ударов долбил ствол сосны.

Цири сбежала к речке. Мылась долго, подрагивая от холода. Резкими движениями трясущихся рук старалась смыть с себя то, что уже смыть было невозможно. По щекам текли слезы.

Фалька.

Вода пенилась и шумела на камнях, уплывала вдаль, в туман.

Все уплывало вдаль. В туман.

Все.

Они были отбросами общества, отребьем. Удивительным сборищем, порожденным войной, несчастьем и презрением. Война, несчастье и презрение объединили их и выкинули на берег, как вздыбившаяся в половодье река выбрасывает на плесы черные, отполированные водой и камнями куски дерева.

...Кайлей очнулся среди дыма, огня и крови в разрушенном замке, между трупами родственников и родителей. Бредя по усеянному убитыми двору, наткнулся на Реефа, солдата из корпуса карателей, которых император Эмгыр вар Эмрейс послал усмирять бунты в Эббинге. Рееф был одним из тех, кто захватил и разрушил замок после двух дней осады. Захватив замок, спутники бросили Реефа, хотя Рееф был еще жив. Но заботиться о раненых — не в обычаях бандюг из нильфгаардских подразделений.

Вначале Кайлей думал добить Реефа, но ему не хотелось бродить в одиночестве. А Реефу, как и Кайлею, было шестнадцать лет.

Они вместе зализывали раны. Вместе прикончили и ограбили сборщика податей, вместе упились пивом в корчме, а потом, проезжая на трофейных конях через деревню, разбрасывали вокруг остатки награбленных денег, хохоча при этом до колик.

Вместе бежали от гоняющихся за ними нисаров и нильфгаардских патрулей.

Гиселер дезертировал из армии. Вероятнее всего, это была армия князя из Гесо, вступившего в союз с повстанцами из Эббинга. При этом Гиселер, надо думать, не очень-то понимал, куда затащили его вербовщики. Был он тогда пьян в стельку. Протрезвев и получив во время муштры выволочку от сержанта, он сбежал. Вначале блуждал в одиночку, но когда нильфгаардцы разгромили повстанческую конфедерацию, в лесах стало тесно от дезертиров и беглецов. Беглецы быстро объединились в банды. Гиселер пристал к одной из них.

Банда обирала и палила деревни, нападала на обозы и транспорты, растворялась и таяла, сбегая от эскадронов нильфгаардской кавалерии. Однажды банда Гиселера наткнулась в дебрях на Лесных Эльфов и погибла от летящих со всех сторон стрел, шипящих серыми перьями. Стрела насквозь пробила плечо Гиселера, пригвоздив его к дереву. Ту эльфку, которая под утро вытянула стрелу и перевязала ему рану, звали Аэниеведдиен.

Гиселер так и не узнал, почему эльфы осудили Аэниеведдиен на изгнание, за какие провинности послали на смерть — ведь для свободной эльфки одиночество в узкой полосе ничьей земли, отделяющей Свободный Старший Народ от людей, было смертным приговором. Одинокой эльфке предстояло погибнуть. Если она не найдет спутника.

Аэниеведдиен нашла спутника. Ее имя, в вольном переводе означающее «Дитя огня», для Гиселера было слишком трудным и чересчур поэтичным. Он назвал ее Искрой.

Мистле была родом из богатой дворянской семьи из города Турн в Северном Мехте. Отец, вассал Рудигера, присоединился к повстанческой армии, проиграл бой и пропал без вести. Когда население Турна, узнав о приближающейся карательной экспедиции широкоизвестных «миротворцев из Геммеры», бежало из города, семья Мистле последовала за всеми, а сама Мистле затерялась в охваченной паникой толпе. Прекрасно одетая, изящная дворяночка, которую с юных лет носили в лектике, не поспевала за беженцами. После трех суток блуждания в одиночестве она попала в руки следовавших за нильфгаардцами ловчих. Девушки моложе семнадцати были в цене. Нетронутые. Ловчие не тронули Мистле, предварительно проверив, не тронута ли она. После проверки Мистле прорыдала всю ночь.

В долине реки Вельды обоз ловчих был разгромлен и вырезан под корень бандой нильфгаардских мародеров. Прикончили всех ловчих и невольников мужского пола. Пощадили только девушек. Девушки не знали, почему их пощадили. Неведение длилось недолго.

Мистле была единственной, кто выжил. Из рва, в котором она оказалась, ее, голую, покрытую синяками, нечистотами, грязью и засохшей кровью, вытащил Ассе, сын сельского кузнеца, гоняющийся за нильфгаардцами трое суток, озверевший от жажды отомстить за то, что мародеры сделали с его отцом, матерью и сестрами и что ему довелось видеть, укрывшись в конопле.

Однажды все они встретились на празднике Ламмас, Празднике Жатвы, в одной из деревенек в Гесо. Война и нужда в то время еще почти не коснулась земель над Верх-

ней Вельдой — кметы веселыми играми и плясками традиционно отмечали начало Месяца Серпа.

Мистле, Гиселеру, Искре, Реефу, Ассе и Кайлею не пришлось долго искать друг друга. Слишком многое их выделяло в толпе. Слишком много общего было у них за плечами. Объединяла их любовь к крикливой, цветастой, причудливой одежде, краденым безделушкам, роскошным лошадям, мечам, которых они не снимали даже на время пляски. Их выделяли дерзость и кичливость, самоуверенность, задиристость и грубость.

Презрение и пренебрежение.

Они были детьми Часа Презрения. И только презрение чувствовали к остальным. Признавали только силу. Ловкость во владении оружием, которую они быстро приобрели на дорогах. Решимость. Признавали быстрого коня и острый меч.

И друзей. Товарищей. Дружков. Потому что одинокий должен погибнуть — от голода, от меча, от стрелы, от кметской дубины, от веревки и пожара. Одинокий гибнет — зарезанный, забитый, осквернённый, изнасилованный, словно игрушка перебрасываемый из рук в руки.

Они встретились на Празднике Жатвы. Угрюмый, почерневший, тощий Гиселер. Худой, длинноволосый Кайлей со злыми глазами и губами, сложенными в мерзкую ухмылочку. Рееф, все еще говоривший с нильфгаардским акцентом. Высокая, длинноногая Мистле с остриженными, торчащими щеткой соломенными волосами. Глазастая и яркая Искра, гибкая и воздушная в танце, быстрая и убийственная в схватке, с тонкими губами и мелкими эльфьими зубками. Плечистый Ассе со светлым, курчавящимся пушком на подбородке.

Атаманом стал Гиселер. А назвали они себя Крысами. Кто-то когда-то так их нарек. Им это понравилось.

Они грабили и убивали, а их жестокость стала притчей во языцех.

Вначале нильфгаардские префекты недооценивали их. Были уверены, что по примеру других банд они вскоре станут жертвами концентрированных действий разъяренного крестьянства, вырежут и перебьют себя сами, когда страсть

к награбленному возьмет верх над бандитской солидарностью. Что касается других банд — префекты были правы, но их ждала осечка, когда речь заходила о Крысах. Потому что Крысы, дети Часа Презрения, презирали добычу. Они нападали, грабили и убивали ради развлечения, а отбитых у войсковых транспортов лошадей, скот, зерно, фураж, соль, деготь и сукно раздавали по деревням. Горстями золота и серебра расплачивались с портными и ремесленниками за то, что любили сверх меры: оружие, броскую одежду и украшения. Одариваемые ими кормили их, поили, принимали и укрывали и, даже истязаемые до крови нильфгаардцами и нисарами, не выдавали Крысиных нор и троп.

Префекты назначали высокие награды — и вначале сыскались было такие, кто польстился на нильфгаардское золото. Но по ночам халупы доносчиков охватывало пламя, а убегающие от пожара умирали от клинков призрачных наездников, кружащих среди дыма. Крысы нападали по-крысиному. Тихо, предательски, жестоко. Крысы обожали убивать.

Префекты ухватились за испытанные в борьбе с другими бандами способы — пытались заслать к Крысам предателей. Не получилось. Крысы не принимали никого. Плотная, сдружившаяся шестерка, порожденная Часом Презрения, не желала чужаков, презирала их.

Так было до того дня, пока не явилась ловкая, как акробатка, пепельноволосая неразговорчивая девочка, о которой Крысы не знали ничего, кроме одного: она была такой же, какими некогда были они, каким был каждый из них. Одинокая и переполненная обидой за все, что отнял у нее Час Презрения.

А в Час Презрения одинокий должен погибнуть.

Гиселер, Кайлей, Рееф, Искра, Мистле, Ассе и Фалька.

Префект из Амарильо невероятно удивился, когда ему донесли, что Крысы разбойничают всемером.

— Семеро? — удивился префект из Амарильо, недоверчиво глядя на солдата. — Говоришь, их было семеро, не шестеро? Ты уверен?

— Чтоб я так жил! — невнятно ответил единственный уцелевший после резни солдат.

Пожелание было вполне уместным — голова и половина лица солдата были перебинтованы грязными, набухшими кровью тряпками. Префект, которому довелось побывать не в одном бою, знал, что солдат получил мечом сверху, самым концом клинка, ударом слева, метким, точным, требующим опыта и скорости, направленным в правое ухо и щеку — в места, не защищенные ни шишаком, ни железным воротником.

— Рассказывай.

— Шли мы берегом Вельды в сторону Турна, — начал солдат. — Конвоировали один из транспортов господина Эвертсена, идущий на юг. На нас налетели у разведенного моста, когда мы через реку переправлялися. Одна телега завязла, тады мы выпрягли коней с другой, чтобы ее вытащить. Часть конвою поехала дале, я приостался с пятерьми и с коморником. И тута нас обскочили. Коморник, прежде чем его забили, успел крикнуть, мол, это Крысы, а потом уж они сели нашим на шею... И вырезали всех до одного. Кады я это увидел...

— Когда ты это увидел, — поморщился префект, — ты всадил коню шпоры в бок, но поздно...

— Она налетела на меня, — опустил голову солдат, — как раз та седьмая, которую я сызначала не приметил. Девчонка. Почти ребенок. Я думал, ее Крысы оставили сзаду, потому как молодая и неопытная.

Из тени высунулся гость префекта.

— Девочка? — спросил он. — Как выглядела?

— Как все они. Разукрашенная словно эльфка, пестрая как попугай, выряженная в безделушки, бархат и парчу, в шапочке с перьями...

— Светловолосая?

— Кажись, так, господин. Кады я ее увидал, налетел конем, думал, хочь ее одну усеку за товарищев, кровью за кровь отплачу... Зашел справа, чтобы ловчей ударить... Как она это сделала, не знаю. Но я промахнулся. Словно по призраку бил... Не знаю, как эта дьяволица сделала... Хочь

я прикрылся, она меня оттедова достала. Прямо по морде... Господин, я под Содденом был, под Альдерсбергом был. А теперича от девки выпендренной памятка мне на морде на всю жизнь.

— Радуйся, что жив остался, — буркнул префект, глядя на своего гостя. — И радуйся, что тебя посеченного на переправе нашли. Теперь будешь в героях ходить. Если б без борьбы сбежал, если б без памятки на морде докладывал мне о потере груза и лошадей, то сейчас бы уже пяткой о пятку на виселице колотил! Ну марш отсюда! В лазарет.

Солдат вышел. Префект повернулся к гостю:

— Сами видите, благородный господин коронер, нелегкая тут служба, нет покоя, полны руки работы. Вы там, в столице, думаете, что в провинциях баклуши бьют, пиво дрызгают, девок портят и взятки берут. О том, чтобы людей или денег прислать побольше, никто не заботится, только приказы шлют: дай, сделай, найди, всех на ноги поставь, от зари до зари летай... А тут башка раскалывается от собственных забот... Таких банд, как Крысы, у нас шастает пять или шесть. Правда, Крысы самые страшные, не проходит и дня...

— Достаточно, достаточно, — надул губы Скеллен. — Знаю, чего вы ноете, господин префект. Только напрасно. От данных приказов никто вас не освободит, не рассчитывайте. Крысы не Крысы, банды не банды, а продолжать поиски должны. Всеми доступными средствами, до отмены приказа. Так приказал император.

— Три недели ищем, — поморщился префект. — Кстати, не очень-то ведая, кого или чего ищем — призрака, духа или иглу в стоге сена. А результат? Только у меня одного несколько человек пропали без вести, не иначе как бунтовщиками или бригадами скоя'таэлей убиты. Говорю вам еще раз, господин коронер, если мы до сей поры не нашли этой вашей девчонки, то и не найдем. Если даже такая тут была, в чем я сомневаюсь. Разве что...

Префект осекся, задумался, глядя на коронера исподлобья.

— Эта девка... Седьмая, которая с Крысами ездит...

Филин пренебрежительно махнул рукой, стараясь, чтобы его жест и выражение лица выглядели убедительно.

— Нет, господин префект. Не ищите слишком легких решений. Расфранченная полуэльфка или другая бандитка в парче наверняка не та девушка, которая нам нужна. Наверняка. Продолжайте поиски. Это приказ.

Префект насупился, глянул в окно.

— А с той бандой, — добавил внешне безразлично коронер императора Эмгыра Стефан Скеллен по прозвищу Филин, — с этими Крысами, или как там их... Наведите порядок, господин префект. В провинции должен установиться порядок. Беритесь за работу. Выловить и повесить без церемоний. Всех.

— Легко сказать, — буркнул префект. — Но сделаю, что в моих силах, заверьте императора. И все же, я думаю, ту, седьмую девчонку у Крыс следовало бы для верности взять живой...

— Нет, — перебил Филин, следя за тем, чтобы голос не дрогнул. — Никаких исключений, повесить всех. Всю семерку. Мы не желаем больше о них слышать. Не желаем слышать о них больше ни слова.

Содержание

КРОВЬ ЭЛЬФОВ 5

ЧАС ПРЕЗРЕНИЯ 311

По вопросам оптовой покупки книг
"Издательской группы АСТ" обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги "Издательской группы АСТ" можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – "Книги по почте"**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Сапковский Анджей

Кровь эльфов
Час Презрения

Редакторы Е.А. Барзова, Г.Г. Мурадян
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Анджей Сапковский — один из тех редких авторов, чьи произведения не просто обрели в нашей стране культовый статус, но стали частью РОССИЙСКОЙ фантастики Более того, Сапковский — писатель, обладающий талантом творить АБСОЛЮТНО ОРИГИНАЛЬНЫЕ фэнтези, полностью свободные от влияния извне, однако связанные с классической мифологической традицией.

Книги Сапковского не просто блистательны по литературности формы и глубине содержания. Они являют собою картину мира — мира «меча и магии» мира искрометного юмора, не только захватывающего внимание читателя, но и трогающего его душу

Читайте сагу о Цири и Геральте!

ISBN 5-17-000031-6
9 785170 000319

Анджей Сапковский

Кровь эльфов

Час Презрения